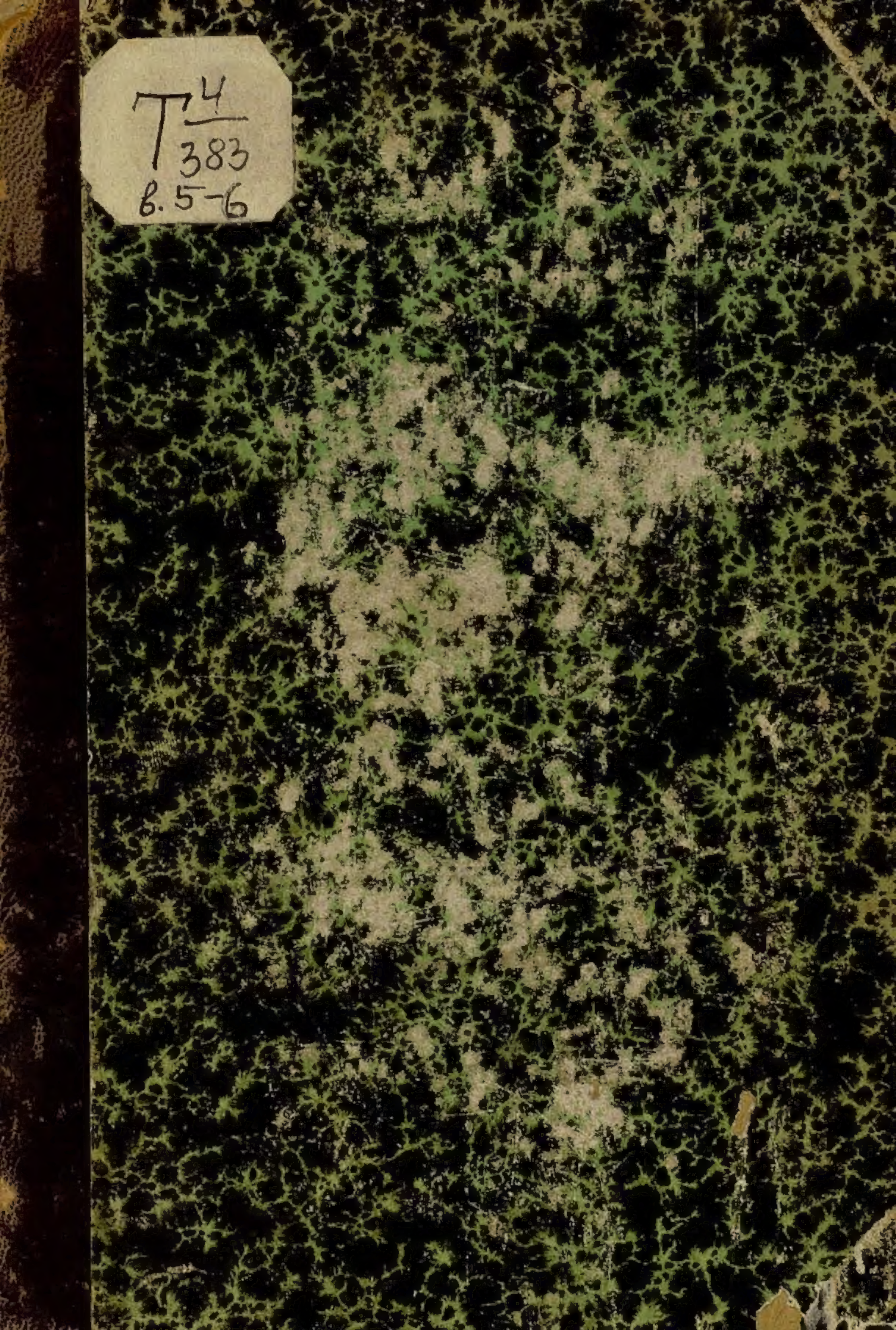
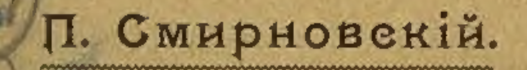

T 4/383
в. 5-6

П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ V.

VI. И. А. Крыловъ. — VII. Графъ Ѳ. В. Растопчинъ. — VIII. „Русскій Вѣстникъ" и его издатель, С. Н. Глинка. — IX. Мысли и чувства, выраженныя въ другихъ журналахъ Александровской эпохи.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина": Петербургская Сторона, Большой пр., д. 6.
1902.

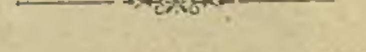
П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ V.

VI. И. А. Крыловъ. — VII. Графъ Ѳ. В. Растопчинъ. — VIII. „Русскій Вѣстникъ“ и его издатель, С. Н. Глинка. — IX. Мысли и чувства, выраженныя въ другихъ журналахъ Александровской эпохи.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“: Петербургская Сторона, Большой пр., д. 6.
1902.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Читай:
Стр. 80 строка 19 св. «Двѣ бритвы»,	«Двѣ бритвы».
„ 83 „ 6 св. лучшая змѣя	лучшая змѣя,
„ 87 „ 11 сн. партія	партіи,
136 12 св. а Peron.	à Peron.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

VI. И. А. Крыловъ.

Басни Крылова.

VII. Графъ Ѳ. В. Растопчинъ.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

VI. И. А. Крыловъ (1768—1844).

Высшая степень развитія русской басни.—Постепенное признаніе первенства за Крыловымъ.

Въ то время, какъ русскій самобытный романъ, можно сказать, только еще зарождался, русская басня достигла уже высшей степени своего развитія подъ перомъ Крылова. Первыя наши басни — Кантемира, Тредьяковскаго и Сумарокова — отличаются еще грубой формой; большимъ успѣхомъ затѣмъ обязанъ этотъ родъ произведеній Хемницеру и Дмитріеву, но высоко-художественной и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-русской явилась басня только у Крылова. Это признается теперь всѣми, но такой взглядъ на басни нашего лучшаго баснописца установился не съ разу: въ литературномъ мірѣ тоже бываютъ свои привычки, своего рода косность. Мы уже видѣли, что кн. Вяземскій даже въ 1823 году не ставилъ Крылова выше Дмитріева [1]). Жуковскій въ своей статьѣ: „О баснѣ и басняхъ Крылова“ (1809 г.) хвалитъ новаго баснописца, но изъ осторожныхъ его словъ нельзя вывести заключенія, чтобы онъ поставилъ Крылова выше Дмитріева; наоборотъ, скорѣе можно придти къ мысли, что симпатіи критика склоняются болѣе на сторону стараго, давно уже прославленнаго русскаго Лафонтена. Батюшковъ, упоминая о Крыловѣ, два раза ставитъ его рядомъ съ Хемницеромъ, а Дмитріева выдѣляетъ и говоритъ о немъ съ какой-то особенной любовью: первый разъ—въ стихотвореніи: „Мои пенаты“ (1811 г.):

Съ Эротами играя,
Философъ и піитъ,
Близъ Федра и Пильпая [2])
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями,
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы —
Хемницеръ и Крыловъ...

второй разъ — въ маленькой замѣткѣ (1817 г.) о томъ, „какимъ образомъ можно составить книгу пріятную и полезную". Тутъ, перечисляя въ своей программѣ разныхъ писателей, Батюшковъ въ пунктѣ 19-мъ пишетъ: „*Дмитріевъ*. Характеръ его дарованія, красивость и точность. Онъ то же дѣлаетъ у насъ, что Буало или Попе у себя". А въ пунктѣ 23-мъ обозначаетъ лишь одни имена: „*Хемницеръ. Крыловъ*".

Такимъ образомъ въ Александровскую эпоху Крыловъ для многихъ былъ баснописцемъ хотя и хорошимъ, но не первостепеннымъ: признать его таковымъ много мѣшало привычное уваженіе къ Дмитріеву. Державинъ же, какъ кажется, пальму первенства отдавалъ Хемницеру. По крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуетъ С. Аксаковъ въ своей „Семейной Хроникѣ" [3]), и свидѣтельство его, пожалуй, подтверждается слѣдующимъ четырехстишіемъ Державина, озаглавленнымъ: „Судъ о басельникахъ":

Эзопъ Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: ты тонокъ и уменъ;
Второму: ты хорошъ для модныхъ, нѣжныхъ женъ;
Съ усмѣшкой первому сжалъ руку — и ни слова [4]).

Но Булгаринъ уже заявляетъ, что Крыловъ, по его мнѣнію, есть первый оригинальный русскій баснописецъ; что онъ писатель народный, тогда какъ басни Дмитріева не народныя русскія [5]). Изъ словъ Булгарина видно, что онъ рѣшительно стоитъ на сторонѣ Крылова. Далѣе, съ 1834 года, о Крыловѣ начинаетъ говорить Бѣлинскій — и вотъ его рѣчи о немъ:

„Истиннымъ своимъ торжествомъ въ Россіи басня обязана Крылову. Онъ одинъ у насъ истинный и великій баснописецъ: всѣ другіе, даже самые талантливые, относятся къ нему, какъ беллетристы къ художнику" [6]). „Крыловъ далеко оставилъ за собою и Хемницера и Дмитріева" [7]). „Было время, когда не умѣли рѣшить, кто выше: Хемницеръ или Крыловъ, и было время, когда Дмитріева, какъ баснописца, считали выше Крылова. Время это давно уже прошло, и теперь, умѣя цѣнить по достоинству Хемницера и Дмитріева, всѣ знаютъ, что Крыловъ неизмѣримо выше ихъ обоихъ. Его басни—русскія басни, а не переводы, не подра-

жанія. Это не значитъ, чтобъ онъ никогда не переводилъ, напримѣръ изъ Лафонтена, и не подражалъ ему: это значитъ только, что онъ и въ переводахъ и въ подражаніяхъ не могъ и не умѣлъ не быть оригинальнымъ и русскимъ въ высшей степени" [8]), и т. п.

Но если признаніе Крылова первенствующимъ баснописцемъ въ началѣ его дѣятельности на поприщѣ басни далеко не было всеобщимъ, то зато въ концѣ этой дѣятельности популярность его возрастала чрезвычайно быстро: въ 1840-мъ году была издана сороковая тысяча его басенъ, а къ 1843 году число изданныхъ экземпляровъ равнялось уже 77000-мъ. Такимъ успѣхомъ въ то время не пользовался на Руси ни одинъ писатель. Посмотримъ же, какимъ образомъ Крыловъ достигъ этого успѣха, и почему онъ продолжалъ и продолжаетъ оставаться у насъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ писателей.

Вопросъ о біографіи Крылова.—Свѣдѣнія о первой половинѣ его жизни.—Степень его образованности.—Его первые шаги на литературномъ поприщѣ.—Сатира на Княжнина.

Біографія Крылова и до сихъ поръ еще остается со многими пробѣлами, и причина тому объяснена покойнымъ академикомъ нашимъ Л. Н. Майковымъ. „Немногимъ изъ русскихъ писателей"— говоритъ онъ — „было суждено пріобрѣсти такую всенародную славу, какая выпала на долю Крылова,... и, не смотря на то, о немъ сохранилось больше анекдотовъ, чѣмъ достовѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній. Громкая слава началась для него лишь на четвертомъ десяткѣ жизни: когда, въ 1806 году, появились въ печати его первыя басни, ему было уже 37 лѣтъ отъ роду — возрастъ, въ которомъ скончался Пушкинъ. А когда, черезъ два-три десятка лѣтъ, слава Крылова достигла своего апогея, когда для его читателей сдѣлалась интересною самая личность баснописца,—оказалось, что онъ пережилъ всѣхъ своихъ литературныхъ сверстниковъ, тѣхъ писателей, вмѣстѣ съ которыми выступилъ на поприще словесности. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ уже не отъ кого было собирать свѣдѣнія о раннемъ періодѣ его литературной жизни, и приходилось довольствоваться его собственными разсказами: источникъ драгоцѣнный, — но Крыловъ мало и какъ-то неохотно говорилъ о своихъ молодыхъ годахъ, такъ что современникамъ его бодрой старости удалось записать отъ него очень немногое и нерѣдко довольствоваться одними намеками. Мало говорилъ онъ о себѣ и въ своихъ произведеніяхъ; дневника,

конечно, не велъ, писемъ писать не любилъ, и ихъ уцѣлѣло отъ него немного болѣе десяти. Словомъ, его литературное наслѣдство тоже не богато матеріалами для его біографіи“ [9]). Однако одной изъ знакомыхъ Крылова — Елизаветѣ Алексѣевнѣ Карлгофъ— удалось все-таки выспросить у него нѣкоторыя подробности о его дѣтствѣ и молодости, и она еще при жизни баснописца помѣстила въ дѣтскомъ журналѣ: „Звѣздочка“ 1844 г. (№ 1) статью о немъ, которая, какъ говоритъ Майковъ, „и должна служить главною канвою“ для жизнеописанія Крылова. Этимъ-то первоисточникомъ впослѣдствіи пользовался и Плетневъ, дополнивъ замѣтки г-жи Карлгофъ своими собственными воспоминаніями. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ художественно написанной статьѣ Плетнева, пополнялись и отчасти исправлялись на основаніи того документальнаго матеріала, который помѣщенъ въ концѣ VI-го тома „Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, читанныхъ по поводу столѣтняго юбилея знаменитаго баснописца въ 1868 г.— и все-таки новѣйшій біографъ Крылова, Лященко, говоритъ (въ 1894 г.), что онъ „можетъ возстановить его біографію лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, особенно первую половину его жизни“ [10]). А мѣсяцемъ позднѣе профессоръ Кирпичниковъ помѣстилъ въ „Одесскихъ Новостяхъ“ небольшую статейку, озаглавленную: „Знаемъ ли мы Крылова?“, въ которой высказываетъ свое недовѣріе къ нѣкоторымъ ходячимъ разсказамъ, относящимся къ дѣтству и юности Крылова [11]), а затѣмъ въ сборникѣ: „Починъ“ (на 1895 г.) напечаталъ статью: „Критическія и библіографическія замѣтки о Крыловѣ“, гдѣ между прочимъ заявилъ, что и въ документальномъ матеріалѣ, помѣщенномъ въ упомянутомъ VI-мъ томѣ академическаго „Сборника“, не всѣ хронологическія даты заслуживаютъ довѣрія. Вообще, по словамъ этого критика, „точность свѣдѣній о Крыловѣ только кажущаяся“ [12]). — Вотъ положеніе, въ которомъ находится и теперь еще вопросъ о біографіи этого популярнѣйшаго изъ русскихъ писателей.

Указанное положеніе вопроса о біографіи Крылова заставляетъ, разумѣется, быть осторожнымъ, и потому, говоря о первыхъ годахъ жизни баснописца, мы остановимся лишь на слѣдующемъ.

Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, небогатый армейскій офицеръ, дослужившійся до чина капитана, замѣчателенъ, какъ одинъ изъ главныхъ защитниковъ Яицкой крѣпости отъ скопищъ Пугачова. О немъ съ большою похвалой говоритъ Пушкинъ въ своей

„Исторіи Пугачовскаго бунта", и личность его изображена графомъ Саліасомъ въ его романѣ: „Пугачовцы". Самъ Андрей Прохоровичъ въ прошеніи объ отставкѣ такъ описываетъ свою дѣятельность въ Яицкой крѣпости и положеніе ея гарнизона: „во время чинимыхъ отъ злодѣевъ на ретранжементъ неоднократно приступовъ и покушеній, имѣя въ вѣдѣніи моемъ отдѣльный фасъ, оный во всякое время ревностно обороняль, да и къ подкрѣпленію другихъ опасныхъ мѣстъ былъ же употребляемъ; а наконецъ, когда въ пропитаніи людямъ наступилъ крайній недостатокъ, и опасность настояла, чтобы солдаты, не стерпя голоду, не оставили свою должность, имѣя въ вѣдѣніи моемъ шестую легкую полевую команду, всѣ силы употреблялъ черезъ увѣщанія и обнадеженія прибытіемъ скорѣйшаго сикурса, о чемъ ни малѣйшаго извѣстія ниоткуда не было, подкомандующихъ въ должномъ послушаніи удержать, которые удобнѣе наконецъ согласились, по неимѣнію всякой пищи, землю ѣсть. Слѣдовательно и доказали изъ того, что лучше помереть хотѣли, нежели присяжную свою должность презрѣть; въ таковыхъ обстоятельствахъ я и самъ съ ними какъ въ пищѣ, такъ и во всемъ равному недостатку и всѣмъ трудностямъ былъ подверженъ" [13]).

Въ указѣ объ отставкѣ капитана Крылова, данномъ 14 мая 1775 г., есть указаніе, что Андрей Прохоровичъ умѣлъ только читать и писать, но наукамъ не учился; тѣмъ не менѣе, основываясь на разсказѣ о томъ, что у него былъ цѣлый сундукъ съ книгами, который и достался потомъ въ наслѣдство его сыну, можно заключить, что отецъ Крылова интересовался литературою и читалъ, что подтверждаетъ и самый слогъ его, образчикъ котораго мы только что привели: слогъ этотъ ничѣмъ не хуже слога многихъ тогдашнихъ переводныхъ романовъ и повѣстей, напримѣръ африканской повѣсти: „Селимъ и Дамасина", переведенной съ французскаго въ 1761 году [14]).—Время смерти Андрея Прохоровича одни относятъ къ 1778 году, другіе къ 1780 и даже 1781—му.

О матери Крылова, Марьѣ Алексѣевнѣ, извѣстно меньше, но все же біографы баснописца говорятъ о ней, какъ о женщинѣ, которая хотя сама и не получила образованія, однако понимала выгоды его и всячески поощряла занятія сына.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ родился въ Москвѣ 2-го февраля 1768 г. Во время Пугачовскаго бунта онъ жилъ съ матерью въ Оренбургѣ, а затѣмъ, когда отецъ его въ 1775 г. вышелъ въ отставку, все семейство Крыловыхъ поселилось въ Твери, гдѣ Андрей Прохоровичъ получилъ мѣсто предсѣдателя губернскаго

магистрата. По смерти его, семья, по мнѣнію однихъ, жившая лишь жалованьемъ своего главы, осталась безъ всякихъ средствъ; по мнѣнію другихъ (Кирпичникова), у вдовы были кое-какія сбереженія. Крыловъ, еще мальчикъ, опредѣляется на службу—сперва въ калязинскій уѣздный судъ подканцеляристомъ (помощникомъ писца), но скоро затѣмъ, по просьбѣ матери, его переводятъ канцеляристомъ въ тверской магистратъ. Временемъ поступленія Крылова на службу одни принимаютъ 1781 годъ, согласно указанію документа [15]), другіе (напр. Майковъ) — 1777-й. Но какъ бы то ни было, Крыловъ во всякомъ случаѣ поступилъ на службу еще въ ребяческомъ возрастѣ, и такому раннему соприкосновенію его съ жизнью біографы его придаютъ большое значеніе. „Служба въ томъ возрастѣ“,—говоритъ Майковъ,—„когда ему слѣдовало бы сидѣть на школьной скамьѣ, очень рано доставила ему нѣкоторую житейскую опытность или, по крайней мѣрѣ, развила въ немъ способность понимать людскія свойства и сложную сѣть общественныхъ отношеній. Объ этомъ можно заключать по той наблюдательности и трезвости мысли, которыя обнаруживаются въ его первомъ литературномъ опытѣ, написанномъ, когда ему было всего шестнадцать лѣтъ: въ комической оперѣ: «Кофейница»“ [16]).

Раннее поступленіе на службу уже само собой говоритъ, что Крыловъ не получилъ школьнаго образованія: его научили только читать и писать; учительницей была сама Марья Алексѣевна. Это обстоятельство, въ особенности въ связи съ дѣлаемымъ толкованіемъ его басни: „Водолазы“, дало многимъ поводъ присоединиться къ мнѣнію Сперанскаго, называвшаго Крылова „порядочнымъ невѣждой“. Что касается „Водолазовъ“, то объ нихъ рѣчь будетъ послѣ, а теперь мы соберемъ тѣ факты, которые даютъ въ извѣстной мѣрѣ возможность судить о степени образованности Крылова, не принимая пока во вниманіе названную басню. Прежде всего остановимся на письмѣ его 1789 г. къ директору театровъ П. А. Соймонову [17]). Тутъ Крыловъ, защищая между прочимъ свою оперу: „Американцы“, пускается въ разсужденія, обнаруживающія степень его литературнаго образованія. Онъ пишетъ:

„Ваше превосходительство издали приговоръ, что мою оперу не можно представить, доколѣ не будетъ въ ней выкинуто, что двухъ европейцевъ хотятъ принесть на жертву, и что это револютируетъ, какъ вы изволили сказать, слушателей. Во-первыхъ, что, сочиняя сію оперу, я имѣлъ намѣреніе забавлять, трогая сердца,

и въ семъ-то состоитъ должность автора, ибо вывесть на театръ шута не есть еще сдѣлать драму.

Смѣшить безразсудно—даръ подлыя души.

И я думалъ, что вашему превосходительству для театра угодна опера, гдѣ можно и смѣяться и чувствовать; я же писалъ не комическую, но героическую оперу: образъ писанія, который и въ драмахъ и въ музыкальныхъ твореніяхъ отъ публики принимается, чему свидѣтельствуетъ опера: „Французскій дезертеръ“ и многія другія драмы Мольера, Мерсьера и Бомарше. Но что до сего основаннаго на правилахъ театра дѣйствія, когда хотятъ американцы сжечь пойманнаго мужика, то оно не совершенно трагическое, но сдѣланное для умноженія страха комическому лицу, которое выдумываетъ разныя смѣшныя средства, чтобъ себя избавить, и котораго съ его бариномъ, по просьбѣ своей любовницы, сами американцы отпускаютъ“.

„Если это—трагическое дѣйствіе, то и то—не менѣе трагическое, когда въ „Скапиновыхъ обманахъ“ баринъ хочетъ заколоть слугу въ своемъ гнѣвѣ: ибо, разбирая подробно, зарѣзать человѣка не есть слишкомъ смѣшное дѣло; а потомъ и то уже будетъ жалко въ комедіи: „Лѣкарь по неволѣ“, когда бѣднаго Знагареля зачнутъ бить палками, ибо, ваше превосходительство, я думаю, согласитесь, что бить палками человѣка также не смѣшно; и по этому положенію Мольеръ былъ весьма худой комикъ; однакожъ желалъ бы я знать, отчего и нынѣ съ удовольствіемъ смотрятъ его комедіи?.. Итакъ, я полагаю, что на театрѣ обстоятельства трагическія или комическія бываютъ потому такими почитаемы, какимъ образомъ они описываются авторомъ и какой характеръ въ нихъ дѣйствуетъ, а не по своему содержанію, чему есть и доказательство: въ „Сидѣ“ у г. Корнелія графъ Гормасъ даетъ Донъ-Діегу пощечину, и никто этому не смѣется, но всѣ сожалѣютъ, что гордость одного старика стала причиною разрыва двухъ нѣжныхъ любовниковъ и другихъ плачевныхъ слѣдствій; въ „Игрокѣ“ Реньярда слугѣ даютъ также пощечину, однако же никто о томъ не плачетъ, но всѣ смѣются; въ „Дезертерѣ“ Монтосьеля бьютъ палками, и всѣ тому сострадаютъ, а въ „Скапиновыхъ обманахъ“ старика въ мѣшкѣ также бьютъ палками, и всѣ тому смѣются. И множество другихъ примѣровъ могли бы сыскаться, если бы не опасался я утрудить повтореніями оныхъ ваше превосходительство, ибо я твердо вѣрю, что вы, какъ директоръ, сами подробно знаете исторію и правила театра“.

Изъ приведенныхъ строкъ видно, что Крыловъ не только былъ хорошо знакомъ съ содержаніемъ французскихъ драматическихъ произведеній, но и усвоилъ себѣ извѣстный взглядъ на драму и на театръ. Все это далось ему, конечно, не путемъ систематическаго школьнаго ученія, а исключительно самостоятельнымъ чтеніемъ. Но развѣ мало русскихъ людей того времени пополняло свое скудное образованіе тѣмъ же способомъ? Вспомнимъ, напримѣръ, Ив. Ив. Дмитріева.

Далѣе. Крыловъ уже въ молодости зналъ французскій языкъ, которому впервые сталъ учиться еще въ Твери, въ домѣ совѣтника намѣстническаго правленія—Николая Петровича Львова, гдѣ ему было позволено посѣщать уроки гувернера-француза. Французскимъ языкомъ онъ овладѣлъ настолько, что въ 1786 г. тотъ же Соймоновъ поручилъ ему перевести оперу: „L'Infante de Zamora", что и было выполнено Крыловымъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, онъ изучилъ и греческій языкъ и, по свидѣтельству Плетнева, блистательно сдалъ (въ 1820 г.) экзаменъ по этому предмету въ домѣ Оленина. Экзаменаторомъ былъ Гнѣдичъ. Разсказавъ объ этомъ, Плетневъ заявляетъ, что Крыловъ, научившись греческому языку, „купилъ всѣхъ греческихъ классиковъ и прочелъ ихъ отъ доски до доски". Есть указанія, что Крыловъ „читалъ свободно и по-итальянски" [18]).

Плетневъ въ своей біографіи Крылова между прочимъ говоритъ, что голова будущаго баснописца еще въ ребячествѣ была наполнена героями древней Греціи и Рима. И не вѣрить этому нѣтъ основанія: сочиненія Крылова во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о знакомствѣ ихъ автора съ классическимъ міромъ. Укажемъ хоть на вступленіе къ „Почтѣ духовъ" и на первыя же письма въ ней. Наконецъ Вигель, жившій нѣкоторое время вмѣстѣ съ Крыловымъ въ домѣ кн. Голицына и вовсе не относившійся къ нему симпатично, хвалитъ однако его, какъ педагога, и говоритъ, что Крыловъ, занимаясь преподаваніемъ русскаго языка сыновьямъ князя, „не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій *разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ*" [19]).—Гдѣ же Крыловъ могъ ознакомиться съ этими „науками?" Конечно, въ домѣ Н. П. Львова, гдѣ онъ могъ, кромѣ французскаго языка, научиться и еще кое-чему, а затѣмъ пополнялъ свои свѣдѣнія чтеніемъ. И статьи Крылова въ „Почтѣ духовъ", въ „Зрителѣ", въ „Меркуріи" дѣйствительно свидѣтельствуютъ о значительной начитанности ихъ автора.

Что же касается того впечатлѣнія, какое Крыловъ могъ производить въ позднѣйшій свой возрастъ, то на этотъ счетъ имѣется отзывъ человѣка, близко знавшаго тогда нашего баснописца, и притомъ человѣка весьма образованнаго. Мы разумѣемъ отзывъ того же Плетнева. „По своимъ понятіямъ, сужденіямъ, по любви къ талантамъ и личнымъ успѣхамъ въ нѣкоторыхъ художествахъ (напр. въ рисованіи, музыкѣ), онъ (Крыловъ),—говоритъ его біографъ,—былъ равенъ всѣмъ самымъ образованнымъ людямъ высокаго разряда“ [20]). Признайте тутъ, если желаете, нѣкоторую долю увлеченія—и въ остаткѣ все-таки получится величина, которая едва ли позволитъ согласиться съ тѣмъ аттестатомъ, который выдалъ Крылову Сперанскій.

Но возвратимся къ первымъ годамъ жизни Крылова. Басни Крылова замѣчательны своимъ чисто-русскимъ языкомъ. Откуда этотъ языкъ ихъ?—Оказывается, что „Крыловъ уже въ первой молодости любилъ толкаться посреди чернаго народа, на торговыхъ площадяхъ, около качелей и кулачныхъ боевъ, жадно прислушиваясь къ говору простолюдиновъ. Нерѣдко, живя въ Твери, сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и потомъ передавалъ своимъ сослуживцамъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ въ рѣчахъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города“ [21]).

Среди зимы 1782—1783 г. семья Крыловыхъ переѣхала въ Петербургъ, гдѣ Иванъ Андреевичъ поступилъ на службу въ Казенную палату, а послѣ служилъ, по однимъ свѣдѣніямъ—въ Кабинетѣ Его, а по другимъ—Ея Величества. Въ 1793 г. онъ оставилъ Петербургъ, велъ жизнь нѣкоторымъ образомъ скитальческую, и лишь съ 1806 г. сдѣлался постояннымъ петербургскимъ жителемъ. Мать его умерла въ 1788 г. Скитальческій періодъ жизни Крылова—періодъ самый темный; извѣстія о немъ неясны и сбивчивы. Достовѣрно однако то, что Крыловъ въ это время познакомился съ кн. С. Ѳ. Голицынымъ, жилъ довольно долго (съ осени 1797 г. до весны 1801 г.) въ его кіевскомъ имѣніи—с. Казацкомъ, и давалъ уроки его сыновьямъ. Съ назначеніемъ въ этомъ послѣднемъ году кн. Голицына рижскимъ генералъ-губернаторомъ, Крыловъ поѣхалъ съ нимъ въ Ригу правителемъ его канцеляріи, и пробылъ въ этой должности почти два года (до 26 сент. 1803 г.). Далѣе слѣдуетъ нѣсколько темныхъ лѣтъ, относительно которыхъ мы почти ничего не знаемъ. Извѣстно только, что въ 1805 г. Крыловъ появляется въ Москвѣ, переводитъ три басни, показываетъ ихъ Дмитріеву, въ слѣдующемъ году онѣ печатаются

въ „Московскомъ Зрителѣ“, и затѣмъ будущій баснописецъ переселяется въ Петербургъ, гдѣ и проводитъ всю вторую половину своей жизни. Даже самое переселеніе его въ Петербургъ не всѣ относятъ къ 1806 году: Лященко (вѣроятно, предполагая временную отлучку Крылова изъ столицы) указываетъ 1808-й годъ [22]).

Литературная дѣятельность Крылова началась рано, и началась она созданіемъ драматическихъ произведеній. На послѣднее обстоятельство смотрятъ не какъ на случайное. Крыловъ пріѣхалъ въ Петербургъ именно въ то время, когда шли приготовленія къ устройству въ немъ общенароднаго театра, т.-е. театра, доступнаго не однимъ только придворнымъ и высшимъ чиновнымъ особамъ, а всей публикѣ. Такой театръ и былъ открытъ въ 1783 г. Крыловъ съ разу же увлекся театральными представленіями и сдѣлался ревностнымъ ихъ посѣтителемъ. Въ репертуарѣ тогдашняго театра въ особенной модѣ была комическая опера, развившаяся въ Италіи и Франціи. Но наши писатели скоро стали прилаживать ее къ русскимъ сюжетамъ, и въ такомъ видѣ она имѣла у насъ успѣхъ. Особенно прославился Аблесимовъ своей комической оперой: „Мельникъ—колдунъ, обманщикъ и сватъ“, взятой изъ простонароднаго быта. Подъ вліяніемъ театральныхъ представленій, Крыловъ тоже захотѣлъ испробовать свои силы въ созданіи драматическаго произведенія—и принялся за перо. На первый разъ его больше всего увлекла именно комическая опера, въ особенности пьеса Аблесимова. По крайней мѣрѣ такъ можно думать на томъ основаніи, что онъ прежде всего затѣялъ сочинить подобную же вещь, которую и окончилъ въ 1784 году: это была комическая опера: „Кофейница“. Сюжетъ ея слѣдующій. Плутъ-приказчикъ помѣщицы Новодомовой, желающій жениться на ея крѣпостной дѣвушкѣ, которая однако имѣетъ уже жениха и любитъ его, обвиняетъ послѣдняго въ мнимой кражѣ у барыни серебряныхъ ложекъ, имъ же самимъ похищенныхъ; обвиненіе его поддерживаетъ не менѣе плутоватая кофейница, гадающая на кофейной гущѣ. Петру, жениху Анютину, грозитъ уже сдача въ рекруты, но плуты неожиданно уличены, несутъ заслуженное наказаніе, а Петръ становится приказчикомъ и получаетъ разрѣшеніе жениться на Анютѣ.—Вотъ начало этой любопытной въ своемъ родѣ пьесы, состоящей изъ трехъ дѣйствій.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ лѣсъ въ самой близи деревни, а вдали также лѣса, поля и деревни.

Явленіе I.

Приказчикъ

(Выходитъ. Съ сердцемъ).

Чертъ возьми всѣхъ дѣвокъ въ свѣтѣ,
Отъ которыхъ столько бѣдъ;
Отъ которыхъ въ зиму, въ лѣтѣ
Никогда покою нѣтъ;
Отъ которыихъ крестьянамъ,
Управителямъ, боярамъ,
Словомъ, людямъ въ свѣтѣ всѣмъ
Безпокойствъ живутъ тьмы темъ.

Да и мнѣ досталось отъ нихъ терпѣть за грѣхи мои... Что дѣлать.. Таки вотъ ума не приложу... Петрушка ужъ женится, и пособить нечѣмъ... Э, постой! взошло мнѣ на умъ одно дѣло, чѣмъ не токмо свадьбу его съ Анютой разорву, да можетъ быть, этотъ мошенникъ у меня и въ рекруты угодитъ... Однако... Да что же? попытка—не шутка, спросъ—не бѣда... Да вотъ и онъ идетъ. Надо передъ нимъ притвориться, чтобъ онъ не догадался а то и дѣло можно испортить.

Явленіе II.

Приказчикъ и Петръ.

Приказчикъ.

А! здравствуй, Петрушка.

Петръ.

Здравствуй, Фролъ Сидоровичъ.

Приказчикъ.

Куда бредешь такъ раненько?

Петръ.

Шелъ было звать тебя къ себѣ на свадьбу, да сказали, что ты вышелъ въ село Гуртиново: такъ я и пошелъ туда, чтобъ тебя оттоль взять къ себѣ, а ты мнѣ здѣсь въ глаза попался...

Приказчикъ.

Такъ свадьба-то твоя приходитъ-таки къ концу?

Петръ.

Дѣло все безъ остановки
Своимъ идетъ чередомъ,
И безъ всякой ужъ размолвки
Зачали вертѣть пиркомъ.

Приказчикъ.

(Съ притворною радостію).

Такъ имѣю честь поздравить
Съ молодой тебя женой.
Дай Богъ счастливо отправить
Вамъ остатокъ пиру свой.

Петръ.

Я прошу тебя покорно
Быть на свадебкѣ у насъ.

Приказчикъ.

О, конечно, я безспорно
Ту честь сдѣлаю для васъ.

Петръ.

Да не позабудь, пожалуй.

Приказчикъ.

Буду: въ томъ увѣренъ будь.

Петръ.

И, какъ прежде, насъ такъ жалуй.

Приказчикъ.

Только самъ насъ не забудь.

Приказчикъ и Петръ.

Мы всѣ будемъ веселиться.
У { насъ / васъ } пѣсни будутъ пѣть,
Скакать, плясать и рѣзвиться
Есть { чего тутъ посмотрѣть / и мнѣ чего смотрѣть.

Петръ.

Такъ инъ пойдемъ же.

Приказчикъ.

Нѣтъ, теперь мнѣ нельзя, а надо сходить за однимъ дѣломъ къ госпожѣ. А какъ отъ нея отдѣлаюсь, такъ ужъ прямо приду къ вамъ, и домой не заходя [23]).

Пьеса имѣетъ, конечно, художественные недостатки, но во всякомъ случаѣ въ ней уже видны признаки таланта. Авторомъ вѣрно схвачены нѣкоторыя черты современной ему русской жизни. Во-первыхъ, обрисованъ помѣщичій приказчикъ—въ тогдашнія времена важное лицо въ деревнѣ. Характеристика его указана его же словами:

Я въ деревнѣ здѣсь живу, какъ властелинъ,
И въ почтеньи больше, нежель господинъ.
Всякій здѣсь меня боится,
Всякъ послушенъ и страшится:
Я всегда всѣхъ воленъ бить,
Какъ лишь можетъ въ умъ придтить...
Я съ крестьянъ оброкъ сбираю,
Баръ своихъ пренебрегаю,
Все беру, ловлю, хватаю
И карманы набиваю,
Отъ чего сталъ такъ богатъ,
Что всякъ тестемъ мнѣ быть радъ.

Во-вторыхъ, очень нерѣдко встрѣчавшимся тогда типомъ является и помѣщица Новодомова. Когда обнаружилась пропажа ея ложекъ, она говоритъ: „однако у меня найдутся: ни на одной бестіи живого мѣста не оставлю.

Ваньку, Ташку,
Петьку, Дашку,
Съ ними вмѣстѣ и Парашку
Я смертельно отдеру
И ихъ всѣхъ переберу“.

На замѣчаніе приказчика: „Барыня! да вѣдь кто-нибудь одинъ виноватъ, а вы всѣхъ бить хотите“,—она молвитъ въ отвѣтъ:

„Для того, чтобы другъ за другомъ крѣпче смотрѣли, а то нѣтъ, уже и избаловались, давно не пороты: имъ каждому надо на всякій день бани по три давать, такъ и будутъ какъ шелковые; а то это бездѣлица въ недѣлю вытерпѣть драниньі двѣ... Господи, Боже мой! посмотришь въ людяхъ: то такъ любо-дорого глядѣть, какъ смирны, какъ тихи, какъ вѣжливы, какъ чисты на руку, а отчего? оттого, что часто бьютъ; а то съ ними хоть чуточку ласково обойдись, такъ и носъ поднимутъ;

Лишь спусти съ нихъ чуть-чуть глазки,
Съ ними обойдись добромъ,
И не дай въ день двѣ-три таски,
Такъ и будетъ домъ вверхъ дномъ“.

Осмѣяніе галломаніи есть уже въ этомъ первомъ сочиненіи Крылова. Кофейница, какъ женщина русская, хочетъ называть Новодомову по имени и отчеству; Новодомова ей говоритъ: „О мадамъ! пожалуйте, не дѣлайте этого дурачества, для того что оно пахнетъ русскимъ обычаемъ и ужасть какъ нехорошо: я никогда во Франціи не слыхала, чтобъ тамъ другъ дружку звали по имени и по отчеству, а всегда зовутъ мамзель или мадамъ;

а это только наши русскіе дураки это дѣлаютъ, и это безмѣрно какъ дурно".

Галломанка Новодомова вмѣстѣ съ тѣмъ и великая охотница пожить на широкую ногу. Воспользовавшись случаемъ пропажи ложекъ, она хочетъ сдать Петра въ рекруты — и мечтаетъ:

Кабы мнѣ да за Петрушку
Дали рубликовъ пятьсотъ,
Да потомъ бы и Ванюшку
Я отправила въ походъ,
То бъ хорошую ливрею,
Экипажевъ, мебелей,
Словомъ, все уже затѣю,
Лишь бы съ рукъ ихъ сбыть скорѣй.

Вслѣдъ за этою рѣчью Новодомовой слѣдуетъ сценка, въ которой авторъ хочетъ пояснить, откуда помѣщица-модница беретъ средства для своихъ прихотей.

Приказчикъ.

Да ежели, барыня, вамъ за нихъ дадутъ и цѣлую тысячу, такъ вѣдь и того будетъ мало на ваши замыслы.

Новодомова.

Коли этого не станетъ;
Я съ крестьянъ оброкъ сберу.

Приказчикъ.

И того вѣдь не достанетъ.

Новодомова.

Въ долгъ на вексель заберу.
Да съ крестьянъ-то какъ не станетъ?
Развѣ не изъ чего имъ мнѣ дать оброку за пять лѣтъ впередъ?

Приказчикъ.

Да вы и такъ въ прошломъ мѣсяцѣ съ нихъ взяли за четыре года впередъ.

Новодомова.

Этакая диковинка! ну, такъ что жъ? можно и еще взять за четыре.

Приказчикъ.

Правда, и еще бы можно:
Да ужъ нечего имъ дать.
Знайте вы, что то не ложно:
Вы изволили все взять.

Новодомова.

Какъ возьму въ ежовы руки,
Такъ дадутъ хоть изъ-подъ муки.

Приказчикъ.

Да они ужъ такъ голы,
Какъ вотъ точно соколы.

„Мельникъ“ Аблесимова живѣе „Кофейницы“, въ немъ много комизма, много юмора; но пьеса Крылова, въ виду важности затронутыхъ ею сторонъ жизни, имѣетъ гораздо большее общественное значеніе.

Но построена она все-таки подъ большимъ вліяніемъ „Мельника“, и иныя мѣста въ ней прямо-таки кажутся подражаніемъ. Такъ, напримѣръ, сцена торга кофейницы съ приказчикомъ очень напоминаетъ торгъ мельника съ Филимономъ.

„Кофейница“ не была напечатана при жизни Крылова: въ печати она появилась впервые лишь въ 1869 г. въ VI-мъ томѣ Сборника II-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Исторія же рукописи, проданной авторомъ книгопродавцу Брейткопфу, всѣмъ, конечно, извѣстна.

Взявъ за „Кофейницу“, вмѣсто предложенныхъ Брейткопфомъ 60 рублей, сочиненія Мольера, Расина и Буало, Крыловъ занялся изученіемъ этихъ авторовъ. Казалось бы, что молодой писатель, талантъ котораго былъ во всякомъ случаѣ сатирическій, остановитъ свое преимущественное вниманіе на Мольерѣ,—между тѣмъ вышло совершенно обратное: онъ увлекся Расиномъ и сталъ сочинять трагедію, руководясь, разумѣется, правилами Буало. Сюжетомъ была взята исторія Клеопатры—и въ 1785 г. пьеса была готова. Желая поставить ее на сценѣ, Крыловъ отправился со своей трагедіей къ актеру Дмитревскому, но тотъ, по разсказу Плетнева, „со всею ясностію показалъ ему, какъ ошибоченъ планъ, отъ чего дѣйствіе незанимательно, а явленія скучны, да и самый языкъ разговоровъ не соотвѣтствуетъ предметамъ“.

Авторъ „Клеопатры“ понялъ, что она плоха, и уничтожилъ ее, но отъ дальнѣйшей попытки въ этомъ родѣ все-таки не отказался: въ 1786 г. онъ принялся за новую трагедію—„Филомелу“, содержаніемъ для которой послужилъ древне-греческій миѳъ о Филомелѣ. Плетневъ, въ своей біографіи Крылова, характеризуетъ эту трагедію коротко, но очень опредѣленно: „Всѣ условія, по тогдашнимъ понятіямъ, необходимыя для трагедіи, соблюдены въ „Филомелѣ“ строго. Въ ней пять дѣйствій, александрійскіе риѳмованные стихи, возвышенный языкъ, т.-е. смѣсь русскаго съ церковно-славянскимъ; при герояхъ наперсники, превышающіе ихъ догадливостью въ крайнихъ случаяхъ; страсти благородныя,

свойственныя лицамъ идеальнымъ, злодѣянія, выступающія за предѣлы человѣческихъ силъ, словомъ — все, что, казалось, непремѣнно должно быть, кромѣ художнической истины и жизни съ ея красками страны и эпохи". На сцену и эта трагедія не попала, но потомъ (въ 1793 г.) была напечатана въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ"— сборникѣ, изданномъ въ 43 частяхъ Академіей, — куда она безъ всякаго выбора помѣстила почти всѣ матеріалы русской драматической поэзіи того времени.

———

Потерпѣвъ неудачу, какъ авторъ трагедій, Крыловъ опять взялся за комическую оперу—и въ томъ же 1786 г. написалъ свою „Бѣшеную семью". Опера эта однако вышла несравненно ниже „Кофейницы". За этой слабой пьесой слѣдовали такія же: „Сочинитель въ прихожей"—комедія въ трехъ дѣйствіяхъ (1786 г.), и „Проказники" — комедія въ пяти дѣйствіяхъ (1787 или 1788 г.). Всѣ эти пьесы посвящены преимущественно осмѣянію распущенности нравовъ: волокитство, развратъ, супружеская невѣрность— вотъ главные предметы, изображаемые авторомъ. Благодаря французскому вліянію, подобная „жажда любви" далеко не была чужда и русскому обществу, въ верхнихъ его слояхъ, и Крыловъ могъ ее осмѣивать; но вмѣсто того, чтобы брать для своихъ комедій чисто русскіе типы, какъ это сдѣлано имъ въ „Кофейницѣ", онъ просто писалъ лишь подражанія тѣмъ французскимъ пьесамъ, гдѣ изображались указанные пороки. Отсюда пьеса теряла русскій колоритъ, а бойкіе, находчивые слуги, которые умнѣе своихъ господъ, даютъ имъ совѣты, и не лишены нѣкотораго внѣшняго лоска,—такъ они цѣликомъ перенесены изъ французскихъ комедій. Къ тому же авторъ доводилъ свои изображенія до карикатурныхъ преувеличеній. Такъ, напримѣръ, въ „Бѣшеной семьѣ" вся семья Сумбура влюбляется въ молодого человѣка—Постана: влюбляется не только дочь его — Катя, и сестра — Пріята, но и мать Сумбура—Ужима, и даже бабка его—Горбура, которая ужъ такъ дряхла, что не можетъ ходить безъ костыля. При этомъ надо замѣтить, что подражанія эти лишены художественности; тонкой остроты, игривости французскихъ пьесъ въ нихъ нѣтъ: ихъ замѣняетъ грубая, плоская шутка. Вообще въ той части этихъ произведеній Крылова, гдѣ онъ изображаетъ распущенность нравовъ, нѣтъ даже и сатирической соли. Лучше въ нихъ тѣ мѣста, гдѣ авторъ смѣется надъ погоней за французскими модами, надъ страстью къ стихотворству и надъ стремленіемъ подносить свои стихи знатнымъ особамъ. Эти мѣста самостоятельнѣе, и хотя и

тутъ много грубаго, не художественнаго, но все же читатель иногда улыбнется удачной остротѣ, какъ, напримѣръ, отвѣту риѳмача Тянислова доктору Ланцетину, жалующемуся въ комедіи: „Проказники“, что онъ остается безъ награды за свои труды. Тянисловъ ему говоритъ: „Неужели не имѣешь ты благодѣтелей—знатныхъ людей? Поднеси имъ по одѣ: это лучшій способъ“. Иногда, пожалуй, остановитъ на себѣ вниманіе какая-нибудь удачная пародія на высокопарное риѳмачество, какъ, напримѣръ, стихи того же Тянислова:

Въ полунощь нощи мракъ возсталъ,
Вихрь въ твердь вдругъ дхнулъ—
И твердь тряхнулась.
Марсъ бодръ вмигъ одръ свой оставлялъ,
Утроба гнѣвомъ въ немъ раздулась.

Но изъ трехъ этихъ слабыхъ комическихъ пьесъ „Проказники“ все-таки лучшая: въ ней встрѣчается сатирическая соль въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ въ лицѣ Риѳмокрада осмѣиваетъ несамостоятельное творчество извѣстнаго въ то время драматическаго писателя нашего—Якова Борисовича Княжнина, а въ лицѣ Тараторы—нѣкоторыя черты задорной супруги его, Екатерины Александровны, дочери знаменитаго Сумарокова, необыкновенно высоко цѣнившей талантъ своего мужа. Біографы Крылова утверждаютъ, на основаніи свидѣтельства разныхъ лицъ, что комедія: „Проказники“ была, между прочимъ, местью молодого писателя за то, что супруга Княжнина задѣла однажды его самолюбіе [24]). Выведя ее въ непривлекательныхъ чертахъ въ образѣ Тараторы, Крыловъ затронулъ и Княжнина, котораго и Пушкинъ справедливо называлъ „переимчивымъ“. Мѣстъ въ комедіи, гдѣ Риѳмокрадъ изображается драматургомъ, пользующимся чужими произведеніями, довольно много. Такъ напр. Тянисловъ заявляетъ: „Невѣжи ему удивляются; но я могу доказать, что у него ничего собственнаго нѣтъ, а все краденое... Я вамъ докажу, что онъ обокралъ Вольтера, Расина, Кребильона, Метастазиса, Мольера, Реньяра“... Въ другомъ мѣстѣ видимъ такую сцену. Риѳмокрадъ говоритъ женѣ своей: „Но поди, жизнь моя, къ гостямъ, и пришли мнѣ сюда французскія трагедіи, которыя лежатъ въ моей комнатѣ. Мнѣ надобно докончить одинъ монологъ“. — „Да не прислать ли также и русскихъ трагедій?“—замѣчаетъ жена.—„А на что? и во французскихъ то же есть, что въ русскихъ,“ — отвѣчаетъ Риѳмокрадъ и вслѣдъ за тѣмъ произноситъ слѣдующій монологъ:

„Сочинять стихи, а особливо трагедіи, вещь довольно трудная. Для нея оставилъ я попеченіе о домѣ, о женѣ, о дѣтяхъ, и, кажется, съ помощію Расина и прочихъ, пишу не хуже другихъ. Но, къ несчастію, живу въ такой вѣкъ, когда французскій языкъ сдѣлался у насъ употребителенъ, и всякій стихъ... *(Слуга вноситъ книги).* Но вотъ и трагедіи! Подай сюда! Поди вонъ. (*Слуга выходитъ*). Вотъ отселѣ одинъ стихъ... дай замѣчу... *(Развернувъ другую)*. Отселѣ можно шесть... Эти два стиха очень хороши. Ахъ! этотъ стихъ изъ Аделаиды; онъ сдѣлаетъ украшеніе не только монологу, но и всей трагедіи; я имъ заключу... ну, кажется, онъ будетъ изряденъ. Хотя я наружно скроменъ, но внутренно надобно отдать себѣ справедливость, что я великій авторъ. Вѣдь вотъ и одинъ монологъ трудно набрать, каково же цѣлую-то трагедію! ей-ей, очень мудрено!"

Какъ ни слабы три указанныя пьесы Крылова, онѣ были представлены на театрѣ (въ 1793 г., а „Проказники" въ 1794).

Въ письмѣ своемъ къ Соймонову 1789 г. Крыловъ упоминаетъ еще о сочиненной имъ оперѣ: „Американцы", но текстъ ея не извѣстенъ. Правда, въ 1800 г. вышла опера съ такимъ названіемъ, но это была пьеса ужъ не Крылова, а Клушина, который, передѣлавъ совершенно текстъ Крылова, оставилъ въ оперѣ только его стихи, т.-е. нѣсколько арій, дуэтовъ и т. д. [25]).

Таковы были первые шаги знаменитаго баснописца на литературномъ его поприщѣ. Изъ всего написаннаго имъ до 1789 г. выдѣляется только одна „Кофейница". Остальное,—если имѣть въ виду не отдѣльныя небольшія болѣе или менѣе удавшіяся мѣста, а каждую пьесу, какъ цѣлое,—представляетъ собою лишь очень слабыя попытки юноши, который, еще не сознавъ своего литературнаго призванія, хотѣлъ непремѣнно быть драматическимъ писателемъ.

Крыловъ становится журналистомъ.—Его связь съ И. Г. Рахманиновымъ.—Общій характеръ формы и содержанія журнала: „Почта духовъ".—Вопросъ о степени участія Крылова въ этомъ журналѣ.—Сатирическія статьи его въ „Почтѣ духовъ".

Съ 1789 г. Крыловъ становится журналистомъ. Вмѣстѣ съ Рахманиновымъ онъ выпустилъ въ этомъ году 8 номеровъ журнала: „Почта духовъ". Затѣмъ въ 1792 г. Крыловъ является уже членомъ небольшого общества, владѣющаго типографіей, и даже стоитъ во главѣ этого общества. Такъ надо думать потому, что на книгахъ, отпечатанныхъ въ этой типографіи въ періодъ вре-

мени отъ 1792 г. по 1796, упоминается имя Крылова: на нихъ есть надпись, указывающая типографію „Крылова съ товарищи“. Будучи въ извѣстной степени владѣльцемъ типографіи, Крыловъ въ 1792 г. опять принялся за журнальную дѣятельность, и сталъ издавать журналъ: „Зритель“. Изданіе его продолжалось 11 мѣсяцевъ, а въ слѣдующемъ 1793 г. онъ преобразился въ „С.-Петербургскій Меркурій“, который и издавался въ теченіе всего означеннаго года, хотя во второй половинѣ этого года Крыловъ участія въ журналѣ уже не принималъ: онъ оставилъ Петербургъ и началъ свою скитальческую жизнь.

Переходъ Крылова отъ драмы къ журнальной дѣятельности объясняютъ вліяніемъ Ивана Герасимовича Рахманинова, богатаго тамбовскаго помѣщика, служившаго въ конной гвардіи и потомъ занявшагося литературой. Рахманиновъ былъ страстный поклонникъ Вольтера. Считая его идеи послѣднимъ словомъ человѣческой мудрости, онъ поставилъ себѣ цѣлью распространять ихъ въ русскомъ обществѣ, и для того въ 1780-хъ годахъ переводилъ и печаталъ сочиненія Вольтера, выбирая именно то, что особенно ярко характеризовало міровоззрѣніе этого писателя. Въ 1788 г. (по мартъ слѣдующаго года) Рахманиновъ издавалъ журналъ: „Утренніе часы“, гдѣ между прочимъ помѣщались и сатирическіе очерки. Крыловъ къ этому времени былъ уже знакомъ съ Рахманиновымъ; съ нимъ, какъ предполагаютъ, познакомилъ его Брейткопфъ, въ типографіи котораго Рахманиновъ, не имѣя еще собственной, заведенной имъ лишь въ 1789 г., печаталъ свои изданія. Думаютъ, что между сатирическими очерками въ „Утреннихъ часахъ“ уже есть нѣсколько написанныхъ Крыловымъ. Такъ думаютъ на томъ основаніи, что эти нѣсколько очерковъ, по темѣ и манерѣ изложенія, напоминаютъ Крыловскія статьи въ „Почтѣ духовъ“. Отсюда приходятъ къ мысли, что старый вольтеріанецъ, подмѣтивъ въ Крыловѣ сатирическую жилку, могъ указать ему на его дарованіе и посовѣтовать заняться журнальной сатирой,—и приходятъ къ ней тѣмъ охотнѣе, что самъ Крыловъ впослѣдствіи разсказывалъ, что Рахманиновъ „давалъ матеріалы“ ему при составленіи сатирическихъ статей для „Почты духовъ“ [26]).

Какъ бы однако ни было, но не закончилось еще изданіе „Утреннихъ часовъ“, какъ Крыловъ и Рахманиновъ приступили къ новому журналу, и въ концѣ января 1789 г. вышла первая книжка „Почты духовъ“.

Весь журналъ этотъ есть рядъ сатирическихъ статей въ

формѣ переписки разныхъ духовъ—Зора, Буристона, Вѣстодава, Свѣтовида, Дальновида, Выспрепара и др.—съ волшебникомъ Маликульмулькомъ. Подобная форма переписки духовъ вовсе не была нова: еще въ 1769 г. Ѳедоръ Эминъ издавалъ сатирическій журналъ: „Адскую почту“, гдѣ велась переписка двухъ бѣсовъ: хромоногаго и кривого. Въ 1788 г. „Адская почта“ вышла вторымъ изданіемъ, обратила на себя вниманіе Крылова, который былъ назначенъ главнымъ редакторомъ затѣваемаго журнала, и онъ захотѣлъ подражать Эмину, въ свою очередь подражавшему Лесажеву Diable Boiteux. Да и по содержанію своему, „Почта духовъ“ представляетъ собою продолженіе предшествовавшей ей сатирической литературы Екатерининскаго времени, и особенно напоминаетъ ту же „Адскую почту“. Лященко, занимавшійся сравненіемъ обоихъ журналовъ, говоритъ, что въ нихъ „можно отыскать не только совпадающія мысли, но и цѣлыя картины“ [27]).

Всѣхъ писемъ въ „Почтѣ духовъ“ — 48; но всѣ ли они написаны Крыловымъ — мнѣнія объ этомъ различны. Пыпинъ впервые высказалъ догадку, что въ журналѣ этомъ принималъ участіе Радищевъ [28]). Ему возражалъ Гротъ [29]), но Л. Н. Майковъ склоняется въ пользу догадки Пыпина, а Лященко признаетъ ее вполнѣ основательной и говоритъ: „Между корреспондентами философа Маликульмулька выдается смѣлостью—Дальновидъ. Въ послѣднемъ именно съ полнымъ основаніемъ видятъ А. Н. Радищева. Самыя темы, имъ затронутыя, несомнѣнно близки къ темамъ «Путешествія»: правители, придворные, истинно честный человѣкъ, обязательность цѣломудрія для всѣхъ, истинные дворяне. Нѣкоторыя задушевныя мысли Радищева несомнѣнно можно прочесть и въ журналѣ Крылова“. И тутъ же, въ выноскѣ, критикъ указываетъ нѣсколько совпаденій писемъ Дальновида съ „Путешествіемъ“ [30]). Но съ другой стороны, несомнѣнно и то, что тѣ 18 писемъ, которыя Плетневъ внесъ въ изданіе сочиненій Крылова, вышедшее въ 1847 г., написаны Иваномъ Андреевичемъ. Это—письма отъ гномовъ Зора, Буристона и Вѣстодава. Въ виду такого положенія вопроса о степени участія Крылова въ „Почтѣ духовъ“, вопроса, во всякомъ случаѣ еще не вполнѣ выясненнаго, мы, говоря о сатирѣ Крылова въ этомъ журналѣ, будемъ имѣть въ виду только указанныя 18 писемъ.

Сатирическія статьи Крылова въ „Почтѣ духовъ“ замѣчательны не новизною темъ, а литературной ихъ обработкой. Темы ихъ почти все тѣ же, какія встрѣчаются вообще въ сатирической

литературѣ Екатерининскаго времени: французское воспитаніе, увлеченіе французскими модами, мотовство щеголей и щеголихъ, распущенность нравовъ, взяточничество, казнокрадство, продажное правосудіе,—но обо всемъ этомъ передается у Крылова въ разсказѣ, доведенномъ до той степени художества, до какой наша журнальная сатира раньше не доходила. Еще Гротъ замѣтилъ: „Козицкій, Новиковъ, Эминъ и др. были только умными наблюдателями; Крыловъ является уже возникающимъ художникомъ. Въ немъ уже виденъ эпическій разсказчикъ, часто облекающій мысль въ выпуклый или яркій образъ“ [31]). Вотъ, напримѣръ, образъ вельможи, описанный гномомъ Буристономъ.

Богатыя палаты. Въ передней толпится множество бѣдныхъ просителей, а въ сосѣдней пріемной комнатѣ ждутъ просители изъ высшихъ слоевъ. „Тамъ“—пишетъ гномъ — „богатый откупщикъ стоялъ нерадиво у окошка и выслушивалъ повѣсть у чиновнаго; надутый гордостью судья зѣвалъ въ креслахъ, между тѣмъ какъ передъ нимъ молодой офицеръ разсказывалъ о своихъ двадцати побѣдахъ: какъ онъ переколотилъ своею рукою съ 700 человѣкъ непріятелей и выломалъ городскія ворота, не получа ни одной раны, за что, будучи одобренъ свидѣтельствомъ своего дядюшки, и подъ покровительствомъ своей бабушки, пріѣхалъ просить богатаго награжденія. Въ другомъ мѣстѣ стихотворецъ, надувъ щеки, читалъ съ важностію ничего незначащія свои бредни, которыя украсилъ онъ именемъ его превосходительства, прописывая, что онъ, не имѣя въ виду никакой корысти, подноситъ ему свои труды, какъ покровителю наукъ, который никогда не оставляетъ дарованія безъ награжденія; или, лучше сказать, онъ начиналъ свое письмо хвалою своему безкорыстію, а оканчивалъ тѣмъ, что просилъ за свою книгу хорошей платы“...

„Вдругъ“—пишетъ далѣе гномъ—„отворилась дверь, и всѣ разступились на двѣ стороны, чтобъ дать дорогу. Вельможа, убранный великолѣпно, вышелъ изъ своего кабинета съ веселымъ видомъ; онъ очень учтиво кланялся на всѣ стороны, со многими улыбался, а инымъ шепталъ на ухо,—и они почитали себя счастливыми. Послѣ того принималъ онъ письма съ увѣреніемъ, что чрезъ два дня всѣ ихъ разсмотритъ... Я примѣтилъ, что многія просительныя письма были довольно толсто свернуты, и такія принимались съ бо́льшею благосклонностью; наполненныя же однимъ краснорѣчіемъ отдавались секретарямъ. Между тѣмъ добрался мой сочинитель, и съ нижайшими поклонами поднесъ ему свою книгу. «Будьте увѣрены,—сказалъ ему вельможа,—что да-

рованія ваши не останутся забыты: я не премину наградить васъ при первомъ случаѣ; я уже знаю, что книга ваша прекрасна. Возьмите,—сказалъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, — и отнесите ее ко мнѣ въ кабинетъ; я надѣюсь заняться ею нѣсколько дней». Приближенный взялъ книгу у него изъ рукъ и отдалъ ее секретарю, который, какъ я примѣтилъ, вошедъ въ кабинетъ, бросилъ ее подъ столъ, наполненный старыми бумагами. Между тѣмъ вельможа продолжалъ степенно шествовать къ прихожей, кланяясь на обѣ стороны всѣмъ и ни на кого не смотря; онъ дѣлалъ внимательное лицо ко многимъ словеснымъ просьбамъ, изъ которыхъ однакожъ ни одного слова не выслушивалъ, а былъ занятъ, какъ я примѣтилъ, совсѣмъ другими разсужденіями. При приближеніи жъ къ дверямъ, пустился онъ какъ молнія чрезъ прихожую... и едва успѣлъ сказать всѣмъ, чтобы побывали они *завтра,* какъ, сѣвши въ карету, пропалъ изъ виду и оставилъ въ отчаяніи бѣдныхъ просителей".

„«Что до меня,—сказалъ толстый судья,—то я всего вѣрнѣе надѣюсь получить обѣщанное мѣсто: краснорѣчіе золота никогда не обманетъ. Пусть бѣдные стонутъ, что ихъ не выслушиваютъ; но мы, у которыхъ кошельки плотны, мы, право, не имѣемъ причины жаловаться на вельможъ. Правда, что мы дорого имъ платимъ; но наши челобитчики послѣ заплатятъ намъ то съ выгодою, что мы отдаемъ вельможѣ за то, чтобы высасывать изъ кошельковъ у просителей». — «И я, — сказалъ молодой повѣса, который хвалился, что побилъ 700 человѣкъ,—не меньше вашего надѣюсь получить награжденіе: бабушка моя—родня комнатной дѣвушкѣ его любовницы; а предстательство такой нимфы дороже всякихъ свидѣтельствъ»".

„Вотъ, любезный Маликульмулькъ, какого я нашелъ вельможу!" [32]).

Справедливо также замѣчено Гротомъ, что сатира Крылова въ „Почтѣ духовъ" „представляетъ намъ пеструю картину свѣта, въ которой сцена безпрестанно мѣняется". И дѣйствительно, начавъ описаніемъ адскаго царства Плутона, авторъ переходитъ потомъ на землю и заводитъ читателя то въ пріемную вельможи, то въ великосвѣтскую гостиную, то въ столовую богатаго купца; заставляетъ его посмотрѣть то на смѣшныя, то на возмутительныя сцены въ модной лавкѣ, переноситъ его въ прихожую судьи, въ покои безпутной щеголихи, въ театръ, на улицу, и если не рисуетъ, то во всякомъ случаѣ живо очерчиваетъ разнообразные типы. Войдемъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ гномомъ Зоромъ въ сто-

ловую богатаго купца Плуторѣза, который празднуетъ свои именины.

„Именинникъ", — сообщаетъ Зоръ Маликульмульку, — „какъ видно, былъ великій хлѣбосолъ: онъ имѣлъ у себя за столомъ не мало гостей, между которыми занимали первое мѣсто одинъ вельможа, человѣка три позолоченныхъ придворныхъ и нѣсколько начальниковъ этого города, да изъ числа извѣстныхъ мнѣ по своимъ именамъ были г. Припрыжкинъ, Рубакинъ—драгунскій капитанъ, Тихокрадовъ—судья, и художникъ Трудолюбовъ. Я сидѣлъ подлѣ хозяйскаго сына, мальчика лѣтъ четырнадцати...".

„Столъ былъ великолѣпенъ, и Плуторѣзъ кормилъ всѣхъ очень обильно; веселіе въ обществѣ нашемъ умножалось съ пріумноженіемъ вина; разговоры были о разныхъ предметахъ, и попеременно говорили о политикѣ, о коммерціи, о разныхъ родахъ плутовства и о прочемъ. Вельможа, одѣтый съ ногъ до головы во французскій глазетъ и убранный по послѣдней парижской модѣ, защищалъ пользы отечества и выхвалялъ любовь къ къ нему; судья ставилъ честь выше всего на свѣтѣ; купецъ хвалилъ безкорыстіе; но всѣ вообще согласны были въ томъ, что законы очень строго наказываютъ плутовъ, и что надобно уменьшить ихъ жестокость...".

„Но какъ въ столь большомъ собраніи разговоры не могли быть одного содержанія, то наконецъ рѣчь зашла о хозяйскомъ сынѣ. «У тебя прелюбезное дитя», — сказалъ Рубакинъ Плуторѣзу:—«но записанъ ли онъ гдѣ, и который ему годъ?»—Тринадцатый, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ хозяинъ.—«Неправда»,—сказалъ Рубакинъ:—«ему точно четырнадцатый, и я очень помню, что онъ родился тогда, когда ты былъ еще у насъ маркитантомъ, въ чемъ и сама покойница твоя жена была бы согласна... Вѣдь ты помнишь, какъ полковникъ нашъ жаловалъ покойницу твою Борисовну, и какъ ты, по милости ея, былъ имъ покровительствованъ, такъ что ты, безъ всякаго опасенія, мѣсяца по два сряду довольствовалъ весь полкъ протухлою и негодною пищею,—а все съ рукъ сходило; и можно сказать, что тогда тебѣ было не житье, а масляница. Ты самъ, думаю, признаешься, что тогда ты густо набилъ свой карманъ».—То правда, ваше высокоблагородіе; однакожъ вы уже весьма много возвеличили мою покойницу, приписывая ей такую власть; иной изъ этого и не вѣдь что подумаетъ... «Мудрено ли, братецъ, — сказалъ толстый судья, — что твоя жена была въ такой силѣ; я самъ человѣкъ женатый, и могу не менѣе похвалиться своею женою, которая, не смотря на то,

что я былъ еще копiистомъ, но и тогда имѣла уже много челобитчиковъ и давала часто рѣшенія на важныя дѣла, которыя едва ввѣряли мнѣ набѣло переписывать; а вся сила состояла въ томъ, что она хорошо стряпала кушанья для нашего судьи, и по наслышкѣ знала нѣсколько законовъ, почему казалась весьма знающею; и въ ней столько нашъ судья былъ увѣренъ, что по ея словамъ, какъ по Уложенью, вершилъ челобитчиковы дѣла, въ чемъ, право, не всякой и знатной женщины послушаютъ»".

— „«Morbleu!»—сказала сидѣвшая подлѣ меня кукла въ золотомъ кафтанѣ: — «и эта мелочь хочетъ равнять своихъ женъ съ знатными госпожами: J'enrage!—Клянусь, что если бы захотѣлъ я въ отмщеніе употребить силу моей тетушки, то завтра же улетѣлъ бы къ черту этотъ маркитантъ, судья съ своею женою и со всею своею челядью! Можно ль столько имѣть терпѣнія слушать такія *импертинансы!* И какъ смѣть сравнивать силу подлыхъ своихъ женъ съ силами почтенныхъ дамъ, которыхъ могущество доказаться можетъ тысячью счастливцевъ, которые, по ихъ милости, дѣлаютъ фигуру въ большомъ свѣтѣ... Я, сударь, я самъ»,—сказалъ онъ, оборотясь ко мнѣ, — «есть неоспоримое доказательство силы моей тетушки. Представьте, нѣтъ еще года, какъ я сюда пріѣхалъ изъ деревни; бывъ благороднымъ и молодымъ человѣкомъ, вы можете угадать, что я за нужное почелъ, чтобъ пользоваться порядочнымъ экипажемъ, достать себѣ чинъ, не вступая въ службу, которая сопряжена со многими трудностями, предоставленными для бѣдныхъ только дворянъ. Но какъ вамъ покажется? Не прошло еще и десяти мѣсяцевъ по моемъ пріѣздѣ, а я началъ уже повелѣвать четверкою лошадей, не имѣя никакого понятія о службѣ, кромѣ того, что она не можетъ быть для меня пріятна»"...

— „«Но скажи мнѣ», — спросилъ одинъ изъ придворныхъ хозяина: — «для чего оставляешь ты сына твоего въ праздности? Онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить въ службу, или, по крайней мѣрѣ, считаться въ ней». — «Милостивый государь!» — отвѣчалъ Плуторѣзъ:—«это правда... но я еще не избралъ родъ службы, въ которую бы его опредѣлить».—«Другъ мой,— сказалъ придворный: — оставь это на мое попеченіе; ты можешь быть увѣренъ о моей къ тебѣ благосклонности, имѣвъ явное доказательство, что, изъ дружбы къ тебѣ, я не совѣщусь занимать у тебя деньги и быть должнымъ, а потому не можешь сомнѣваться въ моемъ участіи, какое принимаю я въ счастіи твоего сына. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ ты далъ двадцать

тысячъ въ мои руки, которыя употреблю я въ его пользу: я помѣщу имя его въ списокъ отборнаго военнаго корпуса, сдѣлаю его дворяниномъ и потомъ пристрою его ко двору; словомъ, я поставлю его на такой ногѣ, чтобы онъ со временемъ могъ поравняться съ лучшими, дѣлающими фигуру въ большомъ свѣтѣ. Сколько же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, брилліантщики, галантерейщики и многіе другіе художники истощаютъ все знаніе и искусство, чтобы тѣмъ показать цѣну нашихъ достоинствъ... Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа волосъ, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю; возвышеніе и пониженіе голоса въ произношеніи говоримыхъ словъ; выступка, ужимки, тѣлодвиженія и обороты отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ и составляютъ нашу службу. Грамоты предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь, протекающая въ нашихъ жилахъ, издавна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ своего отечества; а наши ливреи и экипажи неложно доказываютъ о важности нашихъ чиновъ въ государствѣ. Какое же состояніе можетъ быть завиднѣе и спокойнѣе нашего?.. Итакъ, другъ любезный, что стоитъ тебѣ двадцать тысячъ? не сущая ли это бездѣлица въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить; а знакомые мои—танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ—черезъ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ»".

— „«Какъ, сударь», — вскричалъ Рубакинъ: — «вы называете блистательнымъ то состояніе въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ люди за свои достоинства обязаны нѣкоторымъ искусникамъ! Но изъ вашего мнѣнія можно дѣйствительно доказать, что тѣ самые искусники несравненно должны быть знатнѣе тѣхъ своихъ куколъ, которыхъ они украшая, даютъ цѣну ихъ достоинствамъ и... но что объ этомъ много говорить! Нѣтъ, любезный Плуторѣзъ, если ты хочешь, чтобъ сынъ твой былъ полезнѣе своему отечеству, то я совѣтую тебѣ записать его въ военную службу. Вообрази себѣ, какое это прекрасное состояніе, которое, можно по справедливости сказать, есть первѣйшее въ свѣтѣ, потому что не подвержено никакимъ строгостямъ, ниже какимъ опасностямъ, сопряженнымъ съ придворною жизнію. Военному человѣку нѣтъ ничего непозволеннаго: онъ пьетъ для того, чтобъ быть храбрымъ;

перемѣняетъ любовницъ, чтобы не быть ничьимъ плѣнникомъ; играетъ для того, чтобы привыкнуть къ непостоянству счастія, такъ сродному на войнѣ; обманываетъ, чтобы пріучить свой духъ къ военнымъ хитростямъ... Итакъ, ты ничего умнѣе не сдѣлаешь, какъ если запишешь своего сына въ нашъ полкъ. Ты же человѣкъ богатый, поэтому можешь сдѣлать ему хорошее счастіе. Деньги только нужны, а прочее я беру на себя»“...

— „«Государь мой»,—сказалъ улыбаясь Тихокрадовъ:—«вы съ такимъ жаромъ говорите о своемъ званіи, что слушатели могутъ подумать, будто статское состояніе и въ подметки вашему не годится, хотя, не распложая пустыхъ словъ, я могу коротко сказать, что, служа въ моемъ состояніи, обязанъ я ему знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ десяти тысячъ; вступая же въ него, не имѣлъ я ни полушки; итакъ одно это довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе шпаги. Но я не люблю жаркихъ споровъ, а держусь лучше основательныхъ доказательствъ. Я не отрицаю выгоды военнаго человѣка; но знаете ли, что статское состояніе есть сборище лучшихъ выгодъ изъ всѣхъ другихъ состояній?»—«Какъ!»—вскричалъ Рубакинъ:—«вы подьячихъ сравниваете съ воинами? Но можете ли вы въ томъ успѣть? Одно это, когда мы возьмемъ какую крѣпость, сколько приноситъ намъ славы, и сколько потомъ чувствуемъ удовольствія, обогащая себя всѣмъ, что только на глаза наши тогда ни попадется. Кто другой можетъ имѣть такую волю, чтобъ, безъ малѣйшаго нарушенія права, присвоивать себѣ вещи, никогда ему не принадлежавшія?»—«Постойте, постойте», — прервалъ съ скоростью Тихокрадовъ: — «дайте мнѣ докончить, вы тогда сами увидите, правду ли я сказалъ. Статскій человѣкъ столько же казаться можетъ блистательнымъ, сколько и придворный; онъ также можетъ пріобрѣтать себѣ дарованія пособіями тѣхъ самыхъ искусниковъ, которые своимъ искусствомъ составляютъ достоинства большей части придворныхъ, чему многіе изъ нашихъ судей могутъ быть явнымъ доказательствомъ; а иные столько же въ томъ себя отличили, что лучше знаютъ, какъ одѣться по послѣдней модѣ и сообразно годовому времени, нежели отправлять по надлежащему свою должность и вершить судебныя дѣла... Что жъ надлежитъ до обогащенія его, то онъ имѣетъ еще то преимущество, что, не отлучаясь за нѣсколько сотъ или тысячъ верстъ, и не подвергая себя видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ

служить ими и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, если отъ нихъ такія вещи принимаешь. Сверхъ того, статскій человѣкъ можетъ производить торгъ своими рѣшеніями, точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою только разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ, и продаетъ его, сообразуясь съ теченіемъ обстоятельствъ и случая, смотря при томъ на количество приращенія своего богатства. Если вы противъ этого скажете, что все это не позволено законами, то по крайней мѣрѣ должны въ томъ признаться, что въ свѣтѣ введенныя обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы. Сказанныя же мною выгоды статскаго человѣка издавна между людьми вошли въ обычай, и теперь онѣ столько же употребительны, сколько и извинительны, сколько простительно придворному не платить своихъ долговъ, а купцу имѣть окороченный аршинъ и невѣрные вѣсы, или сколько сему послѣднему позволительно, обогативъ себя чужими деньгами и надававъ въ пріятельскія руки пустыхъ на себя векселей, избавиться тѣмъ отъ платежа своихъ долговъ. Итакъ, видишь ли, другъ мой»,—продолжалъ онъ, оборотясь къ хозяину,—«что я не солгалъ, и ты весьма несправедливо сдѣлаешь, если предпочтешь какое-нибудь состояніе статскому... Не отлагай же долѣе, отдай его въ мой приказъ и будь увѣренъ, что я выведу его въ люди. Не думай, чтобъ я это обѣщалъ изъ одной только учтивости, нѣтъ: мнѣ ничего не стоитъ достать ему чинъ, чему явнымъ доказательствомъ мой дворецкій, котораго, за усердную его ко мнѣ службу, сдѣлалъ я секретаремъ. Итакъ, когда я дворецкому доставилъ такое счастіе, то будь увѣренъ, что тебѣ, какъ моему другу, могу болѣе услужить; нужно только потерять тебѣ нѣсколько тысячъ при его производствѣ,—такъ и дѣло съ концомъ. Но повѣрь мнѣ, что сынъ твой со временемъ, когда будетъ на судейскомъ стулѣ, всѣ издержки возвратитъ тебѣ всотеро»".

Тутъ кстати замѣтить, что продажное правосудіе—одна изъ тѣхъ темъ, которыя особенно часто занимаютъ Крылова въ „Почтѣ духовъ" и вызываютъ его злыя насмѣшки. Когда Радамантъ, Миносъ и Эакъ, по болѣзни, не могли отправлять своей судейской должности, Плутонъ поручилъ Буристону отыскать имъ на землѣ трехъ честныхъ и умныхъ замѣстителей. Долго гномъ искалъ таковыхъ, и наконецъ долженъ былъ покорнѣйше увѣдомить его адское величество, что „всѣ его поиски напрасны, и что онъ скорѣе возьмется сыскать трехъ Фениксовъ, шесть Василисковъ

и девять Единороговъ, нежели одного такого судью, каковы были Миносъ съ его товарищами“.

Увлеченіе французскими модами и вообще поклоненіе всему французскому, а иногда и англійскому—также одна изъ любимыхъ темъ Крылова. Его сатира на эту тему отличается то злой насмѣшкой, то веселымъ юморомъ. Образчикомъ послѣдняго можетъ служить, напримѣръ, первое письмо отъ Зора. Вотъ отрывокъ изъ него.

„Вчерась минулъ срокъ полугодовому отсутствію Прозерпинину; Плутонъ съ нетерпѣливостью ожидалъ ея возвращенія. Вдругъ предстала предъ него одна тѣнь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина изволила прибыть. Минуту спустя, богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ французскомъ платьѣ, и въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдный Плутонъ оледенѣлъ, увидя ее въ этомъ нарядѣ; мы сами нѣсколько оторопѣли“.

„«Здравствуй, мой ангелъ!»—сказала, подошедъ къ своему мужу, Прозерпина, и присѣла передъ нимъ два раза.—«Признайся»,—продолжала она,—«что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣта! Каково тебѣ кажется это платье, эта ческа, эта шляпка, эти высоконькіе башмачки? Знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ французскихъ лавокъ?»—Другъ мой!—говорилъ, почти всхлипывая, бѣдный Плутонъ:—что тебѣ сдѣлалось?... здорова ли ты?.. Ахъ! я вѣдь говорилъ, что частая перемѣна можетъ повредить мозговую перепонку. Любезная Прозерпина! опомнись, что ты! Ахъ, зачѣмъ ты ѣздила на тотъ проклятый свѣтъ! Я предчувствовалъ...—«Какъ зачѣмъ?»—перехватила рѣчь его Прозерпина:—«знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцовать? Посмотри, какъ чисто дѣлаю я *англійскія па* въ контрдансѣ».—Въ минуту подхватила она близъ нея стоящаго Сократа и принудила его пропрыгать съ собою *англійскія прогулки*. Діогенъ хохоталъ во все горло и говорилъ, что это прекрасная пара; а Плутонъ бѣсился и не зналъ, что дѣлать; онъ шепнулъ тихонько Цицерону, не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. Цицеронъ подошелъ къ ней со всею важностію, достойною римскаго оратора и сенатора“.

„«А, здравствуй, дѣдушка!»—сказала она ему:—«послушай,

мнѣ есть до тебя маленькая просьба, и мнѣ очень хочется, чтобъ ты ее исполнилъ: напиши, пожалуй, похвальную рѣчь французскимъ торговкамъ; ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить. Твои филлипическія рѣчи стоили тебѣ головы; а за эту рѣчь, о красотѣ которой я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды *фракомъ* и *англійскимъ гарнитуромъ пряжекъ*»".

Осмѣяніе увлеченія французскими модами и вообще заграничными бездѣлками, однако очень дорогими, встрѣчается у Крылова почти безпрестанно. Но любопытно то мѣсто въ „Почтѣ духовъ", гдѣ Крыловъ это увлеченіе приводитъ въ связь съ положеніемъ крѣпостныхъ крестьянъ и съ послѣдствіями ихъ положенія. Графъ Припрыжкинъ накупаетъ себѣ въ модной лавкѣ разныхъ дорогихъ заграничныхъ бездѣлушекъ. Бывшій съ нимъ гномъ Зоръ спрашиваетъ у купца, который былъ человѣкъ русскій, не приноситъ ли вредъ государству такая безумная трата денегъ, какъ, напримѣръ, покупка англійской стальной цѣпочки за 230 рублей. Или, можетъ быть, есть отъ того и польза?— „Польза очень не мала", отвѣчаетъ купецъ: „во-первыхъ, насъ почитаютъ богатыми, потому что мы за бездѣлицы платимъ дорого; вкусъ нашъ въ великой славѣ, потому что такія прекрасныя вещи нигдѣ такъ не расходятся, какъ здѣсь; наши знатные господа, бывши одѣты съ ногъ до головы въ такія драгоцѣнности, подаютъ великое мнѣніе иностраннымъ о своей знаменитости... Вотъ, сударь, пользы отъ дорогихъ товаровъ! Правда, есть также и вредъ, но онъ почти не примѣтенъ, и объ немъ не для чего думать. Эта бездѣлица, сударь, вся состоитъ только въ томъ, что наши мужики иногда умираютъ съ голоду, и въ городахъ всему необходимому великая дороговизна".—„Ты шутишь" — говоритъ Зоръ: — „неужели такія бездѣлицы, каковы англійскія цѣпочки, пряжки, пуговицы, петли, или такія мелочи, какъ французскія соломенныя шляпки и прочіе подобные симъ вздоры могутъ принести такой вредъ государству? Пожалуй, растолкуй мнѣ это".—„А вотъ, сударь,—продолжаетъ купецъ:—я вамъ въ короткихъ словахъ объ этомъ разскажу. Напримѣръ: его сіятельство г. Припрыжкинъ вздумалъ жениться; ему неотмѣнно надобно къ свадьбѣ множество такихъ мелочей; деньги на нихъ онъ долженъ брать съ своихъ 4,000 душъ крестьянъ. Въ одну минуту посылаетъ онъ приказъ: собрать съ нихъ къ будущему году 80,000 рублей. Мужики, получа такое строгое повелѣніе и не надѣясь однимъ хлѣбопашествомъ доставить своему господину такую сумму, оставляютъ свои селенія и бре-

дутъ въ города, гдѣ обыкновенно болѣе можно выработать денегъ; вмѣсто сохи и бороны берутъ они лопаты, становятся каменщиками, плотниками или разносчиками; днемъ работаютъ, а по ночамъ, чтобъ лучше собрать оброкъ, взыскиваютъ его съ прохожихъ. Городъ, вмѣсто того, чтобъ получать отъ нихъ хлѣбъ, долженъ бываетъ самъ ихъ кормить и, сверхъ того, еще платитъ имъ деньги. Отъ такихъ-то гостей становится все дорого. Мужики стараются вымещать это на ремесленникахъ, ремесленники на купцахъ, купцы на господахъ, а господа опять принимаются за своихъ крестьянъ. Къ концу года крестьяне возвращаются въ свои жилища съ деньгами, отдаютъ 80,000 р. господину, а на остальные 10,000 р. посылаютъ въ городъ купить себѣ хлѣба, котораго имъ становится мало до будущаго года. Итакъ, господа терпятъ недостатокъ, деревни — голодъ, граждане—дороговизну, а его сіятельство остается при новомодныхъ галантерейныхъ вещахъ, и празднуетъ нѣсколько дней великолѣпную свадьбу съ своею почтенною невѣстою, которая, съ своей стороны, щегольствомъ такую же приноситъ пользу государству".

Съ поклоненіемъ всему французскому и съ французолюбіемъ Крыловъ, подобно Шишкову, связывалъ и порчу нашихъ нравовъ. „Съ тѣхъ поръ",—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ X-го письма,— „какъ французы взяли подъ свое покровительство наше юношество, оно чувствуетъ не малое облегченіе въ скучной неволѣ, и всякая наша дѣвушка, подъ присмотромъ искусной француженки, въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣе своей матушки, съ тою притомъ разницею, что, насмѣхаясь всѣмъ скучнымъ предразсужденіямъ своихъ бабушекъ, не запинается она совѣстію на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній". Какъ на главныхъ распространителей порчи нравовъ, Крыловъ указываетъ на французовъ-учителей и на француженокъ, содержательницъ модныхъ лавокъ. „Наши лавки,"—говоритъ такая француженка въ письмѣ XVI-мъ, отъ Зора,—„могутъ назваться храмами вкуса и любви, ибо въ нихъ покупаютъ у насъ модные товары и дѣлаются тайныя свиданія волокитъ и молодыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ иныя очень строго содержатся дома, и для того, подъ видомъ закупки уборовъ, пріѣзжаютъ онѣ къ намъ, и мы часто вводимъ ихъ къ себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ своихъ любовниковъ, которые имъ болѣе всѣхъ уборовъ нравятся; съ обѣихъ сторонъ платятъ намъ щедро." Что же касается до французовъ-учителей, то

объ извѣстномъ типѣ ихъ Крыловъ даетъ понятіе, заставляя говорить самихъ же представителей пришлаго элемента изъ Франціи. Разговариваютъ другъ съ другомъ содержательница модной лавки и ея братъ. Только что прибывшій изъ-за границы французъ говоритъ своей сестрѣ: „Тебѣ извѣстно, любезная сестрица, что я, за разные обманы и плутовства, получилъ уже орденъ на плечо и былъ очень худо отпотчеванъ полиціею; однакожъ, чувствуя въ себѣ отважный духъ, рѣшился я продолжать свое карманное ремесло, и наконецъ, какъ тебѣ извѣстно, попался въ *Бастилію* въ то самое время, какъ тебя отвели въ *смирительный домъ*. Правительство приговорило, чтобы я украсилъ собою парижскія висѣлицы; но я, притворясь больнымъ, умѣлъ уговорить своего надзирателя, чтобы онъ дозволилъ мнѣ съ собою прогуляться на верхнихъ площадкахъ, гдѣ, проломя ему голову ключами, спустился внизъ по тоненькой веревочкѣ, и хотя, оборвавшись, лежалъ съ полчаса мертвымъ, однако уплелся поскорѣе отъ столь опаснаго для меня мѣста. Послѣ этого мнѣ уже не было болѣе никакого способа остаться въ Парижѣ, ибо я столь коротко познакомился съ полиціею, что многіе знали меня въ лицо. Я прибѣгнулъ въ такомъ случаѣ къ моимъ товарищамъ, и они посовѣтовали мнѣ бѣжать сюда, гдѣ многіе честные люди нашего ремесла снискиваютъ себѣ хлѣбъ и бываютъ въ великомъ уваженіи. Слѣдуя такому совѣту, я уплелся кое-какъ, не имѣя ни полушки денегъ, и для того, чтобы поддержать мое путешествіе, на дорогѣ бывалъ я въ иныхъ трактирахъ маркеромъ, кое-гдѣ убиралъ волосы, а въ иныхъ мѣстахъ дѣлался искуснымъ въ физикѣ и представлялъ опыты моего въ ней познанія. Женщины мнѣ покровительствовали; но поляки чуть меня не изрубили за это искусство саблями, а германцы едва не застрѣлили изъ пистолета; однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, наконецъ доплелся я сюда, и, увидя первую французскую лавку, вошелъ, ожидая себѣ, какъ отъ землячки, нѣкоторой помощи,—и Небо дало мнѣ тутъ увидѣть тебя, любезную сестру! тебя, которую давно уже почиталъ я сосланною правительствомъ въ Америку, для размноженія человѣческаго рода. Я съ радостію вижу, что ты здѣсь находишься въ такомъ состояніи, которому бы и въ новомъ свѣтѣ теперь позавидовали. Ахъ, если бъ и я не умеръ здѣсь съ голоду!... Но что мнѣ дѣлать? Я не знаю никакого ремесла, чѣмъ бы могъ себя пропитать...“—„Не печалься объ этомъ, любезный братъ“,— сказала ему добродушная сестра:—„я приищу тебѣ выгодное мѣсто: вступи въ учители; это такое званіе, которымъ многіе изъ твоей братьи нажили себѣ вѣчный хлѣбъ“.—„Какъ“,—

сказалъ французъ:—„мнѣ въ учители!... Сестра, ты знаешь, что я не только морали и науки преподавать, но даже и французскія книги читать неспособенъ".—„Бездѣлица, любезный другъ",—вскричала француженка: — „бездѣлица! довольно, что ты французъ, чтобы заставить здѣсь тебя почитать знающимъ. Помни только мои наставленія: будь важенъ, показывай отвращеніе ко всему, что увидишь въ домѣ сдѣланное не по французскому вкусу, и чаще наказывай дѣтей за то, если они не почувствуютъ склонность къ щегольству и къ нашимъ уборамъ, что долженъ ты называть опрятствомъ. Главное твое правило будетъ состоять въ томъ, чтобы учить ихъ лепетать и кланяться по-французски. Какъ скоро достигнешь ты до этого совершенства, то родители почтутъ себя счастливыми; тебя назовутъ мудрецомъ, а дѣтей своихъ станутъ возить на показъ по городу" (П. XV-е, отъ Зора). Изъ дальнѣйшаго (п. XVI-е) видно, что француженка и въ самомъ дѣлѣ пристроила брата въ богатомъ домѣ, гдѣ ему „поручены были на воспитаніе двое молодыхъ людей", и тотъ фактъ, что въ воспитатели могъ тогда у насъ попасть человѣкъ съ „орденомъ на плечѣ", Крыловымъ не преувеличенъ: въ романѣ Измайлова менторъ Евгенія Негодяева, monsieur le Pendard, также имѣлъ у себя на плечѣ литеру V, обозначавшую: voleur. При этомъ вспомнимъ современника императрицы Екатерины II, Мессельера, удивлявшагося, „нашедъ у многихъ знатныхъ господъ распутныхъ людей, которымъ поручено было воспитаніе дѣтей самыхъ знатнѣйшихъ" [33]).

Но приведемъ еще два мѣста изъ бесѣды француженки съ своимъ братомъ. Это злая сатира не только на французовъ, но и на тогдашнее русское общество.

„Надобно тебя предувѣдомить о здѣшнихъ жителяхъ,—говоритъ француженка своему брату:—и сказать тебѣ, до какой степени можемъ мы ихъ обманывать и пользоваться ихъ легковѣріемъ. Американцы, въ первыя времена прибытія къ нимъ европейцевъ, не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ французовъ: тѣ побѣдили американцевъ оружіемъ, а мы побѣждаемъ здѣшнихъ жителей хитростію; тѣ выманивали у нихъ множество золота за колокольчики, погремушки и бисеръ, а мы не менѣе здѣсь достаемъ золота за такія вещи, которыя ни мало не важнѣе и не дороже погремушекъ и мѣдныхъ колокольчиковъ, съ тою еще выгодою, что колокольчики можно употреблять нѣсколько десятковъ лѣтъ, а наша и самая прочная бездѣлка не станетъ на три мѣсяца. Однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, здѣшніе жители почитаютъ должностью разоряться, чтобъ только имѣть честь отдавать

намъ свои деньги. Правда, что отъ того здѣсь часъ отъ часу становятся дороже деньги, и всѣ необходимыя для содержанія вещи: одна наша лавка можетъ разорить въ годъ до ста тысячъ крестьянъ; но эти сто тысячъ хлѣбопашцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ французъ, торгующій шляпами, помадою и стальными пуговицами, почему наши одноземцы, узнавъ такое счастливое къ нимъ уваженіе не замедлили толпами пріѣзжать сюда" (П. XVI-е, отъ Зора.).

Далѣе рѣчь идетъ о воспитаніи, и Крыловъ, словами француженки, высказываетъ слѣдующее:

„Еще не прошло одного вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобъ были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія; къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе, хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Теперь же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя всегда въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство. Итакъ, братецъ, когда вступишь ты въ учители,... поставь дѣтей на такой ногѣ, чтобы они могли быть изъ числа усерднѣйшихъ французскихъ данниковъ; а когда они вырастутъ, старайся потакать порокамъ... Не забывай имъ твердить, что одни только французы могутъ назваться совершенными людьми, и что они до тѣхъ поръ будутъ невѣжами, пока не сдѣлаются совершенными ихъ подражателями" (То же XVI-е п.).

..

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно думать, что въ увлеченіи французскими модами Крыловъ винилъ главнымъ образомъ женскую половину общества. Въ адскомъ царствѣ по крайней

мѣрѣ все перевернуто вверхъ дномъ не кѣмъ инымъ, какъ либералкою Прозерпиной. Вотъ одна изъ картинъ ея смутьянства. Склонный къ консерватизму Плутонъ занятъ дѣлами: за болѣзнью судей, онъ выполняетъ ихъ обязанность. Прозерпина кокетливо подходитъ къ нему и говоритъ: „Любезный супругъ! ты уже довольно потрудился и попотѣлъ; пойдемъ лучше на мою половину: я даю сегодня столъ, превеликолѣпный концертъ, балъ и послѣ — театральное зрѣлище". — „Душа моя", отвѣчаетъ ей Плутонъ, нахмуривъ брови: „дай мнѣ окончить хотя нѣсколько дѣлъ", и затѣмъ обращается къ танцмейстеру Фурбинію, продолжая судебный допросъ. „Сказывай", говоритъ онъ ему: „что ты въ свой вѣкъ дѣлалъ?"—„Я, ваше адское величество, 48 лѣтъ прыгалъ выше всѣхъ въ Европѣ".—„Но дѣлалъ ли ты какія-нибудь добрыя дѣла?" допрашиваетъ Плутонъ. „Множество", отвѣчаетъ тонконогій Фурбиній. „Я, выуча одного бѣднаго дворянина танцовать, сдѣлалъ тѣмъ его счастье, и онъ посредствомъ танцованія дошелъ наконецъ до великихъ чиновъ. Мужъ нѣкоторой молодой женщины былъ за взятки посаженъ въ тюрьму и приговоренъ къ наказанію, которое бы, конечно, надъ нимъ исполнилось, но я научилъ ее, какимъ образомъ должна она была прійти предъ вельможу: я расписалъ ей всѣ шаги и всѣ поклоны, научилъ, какъ ей надобно было плакать и какія пріятности употреблять въ движеніи рукъ,... и мужа ея оставили попрежнему на судейскомъ стулѣ, гдѣ онъ, подъ покровительствомъ женинныхъ балетныхъ ухватокъ, пользовался, какъ могъ, своимъ мѣстомъ"... Долго еще расхваливалъ себя Фурбиній, но Плутонъ наконецъ произнесъ: „Бросьте этого развратителя благопристойности и нравовъ танцовать подъ музыку Эвменидъ!" „Помилуй, жизнь моя", сказала Прозерпина Плутону, схвативъ за руки Фурбинія: „ты заставляешь меня краснѣть за себя: ты богъ, а, право, менѣе смыслишь, нежели послѣдній деревенскій мужикъ. Возможно ли такъ мало уважать рѣдкія дарованія этого любезнаго человѣка! Право, ты очень гадокъ съ твоими глупыми сантансами. Знай, сударь", продолжала она, „что теперь весь большой свѣтъ танцуетъ, и что никакое искусство не почитается столь почтеннымъ, какъ танцовальное: оно приноситъ уваженіе и доставляетъ богатство и чины. Нерѣдко о томъ, кто хорошо прыгаетъ контртанцы, заключаютъ, что онъ можетъ быть искуснымъ воиномъ, и даютъ ему полкъ; а самый искусный полководецъ, который не знаетъ танцовать, почитается невѣжею. Какой ты сыщешь дворъ, гдѣ бы не было уважено танцованье? а ты, сударь, хо-

чешь подвергнуть наказанію человѣка, рѣдкаго въ своемъ родѣ, котораго одна нога стоитъ десяти такихъ головъ, какова твоя. Итакъ, я сказываю тебѣ, что я беру его подъ свое покровительство, дѣлаю его первымъ балетмейстеромъ своего двора, и завтра же ты начнешь учиться у него танцовать“ (П. IX-е, отъ Вѣстодава).

Сатира Крылова въ „Зрителѣ“ и въ „С.-Петербургскомъ Меркуріи“.—Замѣчательное мѣсто въ сатирѣ: „Ночи“, напоминающее оду Горація: „Къ Мельпоменѣ“.—Заступничество Крылова за крѣпостныхъ крестьянъ.—Восточная повѣсть: „Каибъ“ съ намеками на цензурныя стѣсненія.—Отношеніе Крылова и его литературныхъ товарищей къ Карамзину.

„Почта духовъ“, объявленная на весь 1789 годъ, прекратилась раньше срока; причиной было, вѣроятно, малое число подписчиковъ: ихъ было всего 80. Тѣмъ не менѣе въ 1792 г. Крыловъ сталъ издавать новый журналъ—„Зритель“, въ сообществѣ съ драматическимъ писателемъ Клушинымъ, также большимъ поклонникомъ Вольтера, какимъ былъ и Рахманиновъ. Сотрудничали, кромѣ того, Туманскій, Ник. Эминъ и др. Направленіе журнала было тоже сатирическое.

Первымъ трудомъ Крылова въ „Зрителѣ“ были его „Ночи“—сатира на развращенность въ современномъ ему обществѣ. День и Ночь заспорили, кто изъ нихъ видитъ больше людскихъ мерзостей. Вслѣдствіе этого богиня ночи поручаетъ Міроброду наблюдать ночныя дѣянія людей и записывать. Міробродъ описалъ однако только двѣ ночи: въ первую ночь онъ наблюдалъ уличныя сцены, а во вторую—маскарадныя. Маскарадъ—„какое это поле для сатирика!“восклицаетъ Міробродъ: „Гораціи, Ювеналъ и ты, Буало! я желалъ бы воскресить васъ на два часа и дать вамъ билетъ въ нашъ маскарадъ. Какое это было бы прекрасное блюдо для вашего остраго пера!“ Тамъ увидѣли бы они, продолжаетъ сатирикъ, и „верченую щеголиху, привлекающую толпу волокитъ“, и шулера, подходящаго съ картами и пріятною улыбкою къ простачку, который почитаетъ этого разбойника честнымъ человѣкомъ; тамъ увидѣли бы они и мужей, ухаживающихъ потихоньку отъ своихъ женъ, и женъ, ухаживающихъ потихоньку отъ своихъ мужей,—словомъ, они увидѣли бы разнообразную картину пороковъ и пошлостей.

Кромѣ элемента сатирическаго, въ „Ночахъ“ есть нѣсколько мѣстъ, свидѣтельствующихъ, что Крыловъ могъ подниматься и до возвышеннаго паѳоса. Ночь, одинаково прикрывающая собою

и пышный дворецъ и убогую хижину, навела сатирика на слѣдующее размышленіе: „Гдѣ тѣ пышныя зданія, за нѣсколько часовъ назадъ удивлявшія прохожихъ?.. наступила ночь—и сравняла ихъ съ шалашами убогихъ. Смертный, вотъ изображеніе твоихъ дѣлъ! вотъ изображеніе того, какимъ образомъ вѣчность сравниваетъ честолюбивые твои подвиги съ ничтожествомъ! Обратимся къ прошедшимъ вѣкамъ, и мы увидимъ, что вѣчная ночь сравняла гордыя и пышныя монархіи съ убогими ихъ сосѣдствами такъ, какъ ночь сравниваетъ великолѣпныя зданія съ низкими хижинами... Что же есть достойнаго человѣка? Что можетъ онъ произвести неподверженное разрушенію вѣковъ?— *Его слово, его мысли—вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія;* вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, преобораетъ ихъ ядовитость, торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оно человѣкомъ! Сильнѣйшія монархіи пали, съ ними исчезли полки мнимыхъ героевъ, идоловъ народа. Все разрушается: владѣнія и племена исчезаютъ; на что ни обратимъ взоры, — все скорыми шагами течетъ къ своему ничтожеству; но Орфей и Гомеръ цвѣтутъ, и голосъ ихъ столь же плѣнителенъ, какъ и въ ту минуту, когда онъ ими произносился".

Если приведенная тирада и напоминаетъ извѣстную оду Горація: „Къ Мельпоменѣ", которой нѣсколько позже подражалъ Державинъ (въ 1796 г.) въ своемъ „Памятникѣ", то во всякомъ случаѣ Крыловъ былъ первымъ изъ русскихъ писателей, увлекшихся высокой и благородной мыслью римскаго поэта: „не весь умру я" (non omnis moriar), но развилъ ее совершенно оригинально и выразилъ, какъ намъ кажется, съ большимъ лиризмомъ, чѣмъ Горацій и его подражатель — Державинъ: Крыловъ къ величавой одѣ Горація присоединилъ еще элегическіе мотивы.

—

За „Ночами" Крыловъ помѣстилъ въ „Зрителѣ" слѣдующія свои сатирическія произведенія: „Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ", „Мысли философа по модѣ, или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума", и „Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ". Въ первомъ изъ нихъ Крыловъ осмѣиваетъ подобныхъ же невѣждъ, какіе были выставлены и Кантемиромъ въ лицѣ щеголя Медора. Крыловскіе Медоры гордятся тѣмъ, что они носятъ модные кафтаны, привязали къ

нимъ подъ шею жабо, причесали голову на французскій манеръ— и назвали все это высокимъ просвѣщеніемъ. Сатирики смѣются надъ этими Медорами, но повѣса старается ихъ успокоить и доказываетъ, что дерзкая сатира ошибается, когда осмѣливается утверждать, что „человѣку большого свѣта нужно имѣть разумъ не для злословія, вкусъ не для кафтана и сердце не для волокитства“. Въ повѣсѣ-ораторѣ есть и черта Фонвизиновскаго Иванушки: „я люблю всѣ націи, выключая моего отечества“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи.

Сатира: „Мысли философа по модѣ“ также написана въ видѣ ораторской рѣчи, которая начинается такъ: „Любезные собратія!“—говоритъ философъ по модѣ: „уважая вашу благородную ревность казаться разумными въ большомъ свѣтѣ и въ то же время сохранять наслѣдственное прилѣпленіе къ невѣжеству, предпринялъ я быть вамъ полезнымъ и преподать способъ, лестный для нынѣшняго воспитанія, способъ завидный — *казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума*“. И ораторъ преподаетъ слѣдующія правила. „Затверди, что ты благородный человѣкъ и, слѣдственно, родился только поѣдать хлѣбъ, который посѣютъ твои крестьяне“. — „Привыкай заранѣе шутить надъ тѣмъ, что для предковъ нашихъ было священно“. — „Должно быть забавнымъ въ обществѣ, умѣть убивать время и дѣлить его весело; а къ этому нужна только одна наука—играть въ карты: она замѣняетъ въ большомъ свѣтѣ всѣ другія науки. Бойся не играть въ карты!“ — „Будь насмѣшливъ. Молодой человѣкъ, умѣющій осмѣять и подшутить, ищется, какъ кладъ, въ лучшія общества“.—„Умѣй говорить, не думая. Думать прилично ученому, а ученье не пристало щеголю“. — „Остерегайся быть скроменъ. Молодой щеголь нынѣшняго вѣка долженъ быть то же, что морская труба: принимая въ одинъ конецъ слова, выдавать ихъ тотчасъ въ другой; и чѣмъ кто смѣшнѣе умѣетъ пересказывать, тѣмъ болѣе приписываютъ ему ума“. — Заканчивается рѣчь философа слѣдующими словами: „Я знаю, что многіе французы будутъ завидовать, для чего другіе написали то, чему они словесно учили; но я не самолюбивъ, и охотно признаюсь, что эти прекрасныя правила не моей выдумки, и что мы обязаны ими тѣмъ снисходительнымъ французамъ, которые, кончивъ на галерахъ свой курсъ философіи, пріѣхали къ намъ образовать наши нравы“.

Крыловъ, подобно Шишкову, не любилъ французовъ, и былъ, конечно, во многихъ отношеніяхъ правъ: они дѣйстви-

тельно прививали нашему обществу много дурного. Но справедливость требуетъ сказать, что если дурное, шедшее отъ французовъ, прививалось, то, значитъ, было ему, къ чему прививаться, была, значитъ, почва, на которой французское вліяніе, въ смыслѣ порчи, могло удобно развиваться. Почвой этой было невѣжество тѣхъ людей, которые изъ всей западно-европейской образованности только и могли усвоить себѣ одну чисто внѣшнюю сторону, въ видѣ модныхъ кафтановъ, прически, пряжекъ и тому подобнаго... Далѣе: крѣпостничество, барская спесь, отсутствіе образованія и дурные инстинкты — все это дѣлало очень многихъ представителей нашего тогдашняго общества легко доступными соблазнамъ французскихъ модъ и нравовъ. Такимъ образомъ очень многіе темные типы нашей сатирической литературы того времени вырабатывались хотя и подъ вліяніемъ французскихъ соблазновъ, но на основѣ стараго еще невѣжества, которое жило и развивалось у насъ и помимо французскаго вліянія. Простакова, напримѣръ, есть чисто русское произведеніе, безъ всякой французской обработки.

Хотя Крыловъ въ XVI-мъ п. „Почты духовъ" и указалъ на старинныя наши добродѣтели, однако въ общемъ онъ не идеализировалъ русскіе старинные нравы, и не могъ серьезно думать, что все зло шло исключительно только отъ французовъ. Главнымъ героемъ въ его сатирѣ: „Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ" является Звениголовъ, который уже съ ранняго дѣтства, и притомъ безъ всякихъ французовъ, воспитывается такимъ образомъ, что ему потомъ только и остается окунуться въ ту жизнь, которая создалась подъ вліяніемъ не лучшей, а именно худшей стороны чужеземщины. „Онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія; и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ... Старикъ часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что онъ окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно". Когда пришла пора ученья, Звениголова выучили „бѣгло читать по толкамъ", и затѣмъ отецъ рѣшилъ, что „этой грамоты для сына довольно". И сынъ скоро сталъ „всѣ книги почитать за моровую язву". Затѣмъ отецъ внушилъ сыну, что онъ единственный наслѣдникъ 2000 душъ, и потому ему нечего заботиться о

будущемъ. Наконецъ приходитъ время поступать на службу, не для того, разумѣется, чтобы служить, а для того только, чтобы получать чины,—и Звениголовъ отправляется въ столицу. Понятно, что, явившись въ нее, онъ былъ уже совершенно подготовленъ, чтобы вкусить именно отъ тѣхъ плодовъ европейской цивилизаціи, которые только и были ему доступны: „имя его знали наизусть во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума, нѣтъ, онъ былъ слишкомъ уменъ, и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣренностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе и оставили нашего философа полунагимъ, не смотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ не удобенъ къ цинической философіи".

„Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ" — одно изъ лучшихъ сатирическихъ произведеній Крылова, какъ по цѣльности выведеннаго типа, такъ и по обилію сатирической соли. Ею особенно отличается начало рѣчи, гдѣ ораторъ затрудняется, кого болѣе хвалить слѣдуетъ: героя ли, или его лошадь, ибо оба они вели равную жизнь, и оба были равно полезны обществу. Злую сатиру представляетъ собою и то мѣсто, гдѣ авторъ смѣется надъ дворянской спесью. Его ораторъ жалуется, что природа ничѣмъ не отличила дворянъ отъ простолюдиновъ, не прибавила имъ ни одного лишняго пальца, и потому они должны, для своего отличія, привѣшивать шпагу. Изъ такого непріятнаго положенія, созданнаго нерадѣніемъ природы, ораторъ видитъ только одинъ выходъ: „имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству". Это и отличитъ дворянина отъ черни, предки которой „не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству". И „чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ",— говоритъ ораторъ, — „тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а этимъ-то и отличается герой, которому дерзаю я сплетать достойныя похвалы, ибо болѣе трехсотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ такъ много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до теперешняго времени пробавлялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей,

не теряя ни мало своего достоинства“. — Тутъ уже готова тема для будущихъ знаменитыхъ „Гусей“ Крылова.

На тяжелое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ обращено вниманіе Крылова еще въ „Кофейницѣ“; затѣмъ онъ указывалъ на него, какъ мы видѣли, въ „Почтѣ духовъ“, и наконецъ затронулъ этотъ вопросъ и въ разсматриваемой сатирѣ. Дѣдушка, которому ораторъ сплетаетъ хвалы, „показалъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что 2000 подвластныхъ ему простолюдиновъ выработываютъ въ годъ; онъ сильные подавалъ примѣры, какъ эти 2000 человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно *), когда казалось, что въ нихъ наблюдается величайшій постъ“, когда, глядя на блѣдныхъ и умирающихъ съ голоду его крестьянъ, можно было думать, что „на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни крохи хлѣба, ни чахотной курицы“.

Въ „Зрителѣ“ Крыловъ помѣстилъ еще одно свое произведеніе — восточную повѣсть „Каибъ“, названную такъ по имени главнаго ея героя — калифа Каиба. Это отчасти тоже сатира, отчасти — нравоучительное произведеніе. Основная идея повѣсти такова: счастье какъ всѣхъ людей, такъ и калифовъ заключается въ сердечной сторонѣ ихъ жизни: оно дается взаимной любовью и сознаніемъ содѣяннаго добра. — Калифъ былъ необыкновенно богатъ и жилъ въ великой роскоши; сераль его былъ наполненъ первыми красавицами въ свѣтѣ, имя его было славно побѣдами, стихотворцы его превозносили, всѣ ему рабски поклонялись, и весь міръ считалъ его самымъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, — „и одинъ только Каибъ зналъ, что это неправда: въ сердцѣ его оставалась какая-то пустота“. Онъ скучалъ и грустилъ. Такъ длилось время, пока, при помощи великодушной феи, Каибъ не нашелъ любящаго женскаго сердца и не узналъ сладости благодѣяній. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ счастливъ.

Въ числѣ разныхъ приключеній, бывшихъ съ калифомъ во время отыскиванія имъ любящаго сердца, произошло и слѣдующее. Каибъ ночуетъ на могилѣ какого-то давно забытаго властителя. Ему является тѣнь этого властителя и говоритъ: „Калифъ! да не развратитъ нѣга твоего сердца!... Помни, что любочестіе наказывается униженіемъ; помни, что право твоей власти состоитъ

*) Въ деревню онъ переселился послѣ городской своей жизни.

только въ томъ. чтобы дѣлать людей счастливыми. Это право даетъ тебѣ Небо; право же удручать несчастіями похищаешь ты у ада".

Подобныя нравоученія позднѣе развивали въ своихъ повѣстяхъ, какъ мы видѣли, и А. Измайловъ и Бенитцкій [34]); но отъ разсмотрѣнныхъ въ своемъ мѣстѣ повѣстей упомянутыхъ авторовъ повѣсть Крылова отличается присутствіемъ въ ней сатирическаго элемента: авторъ „Каиба" воспользовался случаемъ выставить пороки придворныхъ калифа, въ особенности его визирей: Дурсана, Ослашида и Грабилея. Главнѣйшіе изъ нихъ — лесть и раболѣпство, которыя и осмѣяны Крыловымъ очень ѣдко. Впрочемъ и личность самого калифа, симпатичная послѣ его перерожденія, вначалѣ изображена въ рѣзкихъ отрицательныхъ чертахъ. Тутъ особенно сквозятъ намеки на цензурныя стѣсненія. Очень можетъ быть, что въ этихъ намекахъ нужно видѣть отголосокъ взгляда Крылова на возникшее дѣло о Радищевѣ. Если принять во вниманіе, что Крыловъ имѣлъ связи съ такимъ либераломъ, какъ Рахманиновъ, и былъ знакомъ, что очень вѣроятно, и съ самимъ Радищевымъ, — то подобная догадка не представится безосновательной.

Въ „Каибѣ" есть еще одно замѣчательное мѣсто, гдѣ авторъ изображаетъ одописца. Тутъ же есть и одинъ изъ раннихъ опытовъ Крылова на поприщѣ басни. Описывая странствованія Каиба, отправившагося искать любящее сердце, авторъ между прочимъ рисуетъ такую картину.

„Это было ночью; погода была довольно худа; дождь лилъ такъ сильно, что, казалось, грозилъ смыть до основанія всѣ домы; молнія, какъ будто на смѣхъ, блистая изрѣдка, показывала только великому калифу, что онъ былъ по колѣна въ грязи и отвсюду окруженъ лужами, какъ Англія океаномъ; громъ оглушалъ его своими порывистыми ударами. Тогда-то калифъ въ первый разъ усумнился, такой ли онъ самовластный повелитель стихій, какъ то говаривали ему визири. Желая укрыться отъ дурной погоды, онъ искалъ. при свѣтѣ молніи, какой-нибудь хижины. Скоро, проходя далѣе, онъ увидѣлъ въ сторонѣ огонь, и пошелъ прямо на него, надѣясь у хозяина выпросить позволеніе осушить платье".

„Калифъ подходитъ къ хижинѣ, отворяетъ дверь, видитъ большую комнату: въ одномъ углу стоитъ кровать, въ другомъ стулъ, который, опираясь объ стѣну щитомъ, стоялъ довольно гордо на остальныхъ двухъ ножкахъ; на полу набросано нѣсколько старыхъ книгъ и порядочный запасъ бѣлой бумаги. Не мудрено

калифу догадаться, что тутъ живетъ авторъ". И въ самомъ дѣлѣ: „на кровати лежала сухощавая особа; съ великою важностію разсматривала она старыя рукописи и, казалось, съ обгрызеннымъ вполовину перомъ въ рукѣ, опредѣляла судьбу цѣлаго свѣта".

„«Милостивый государь, — началъ Каибъ: — я лишь пришелъ въ этотъ городъ и никого въ немъ не знаю; позволите ли вы страннику воспользоваться гостепріимствомъ?»

— Очень радъ дорогому гостю! и если, не обижая васъ, можно сдѣлать заключеніе по скромному вашему платью, то позвольте спросить: не ученый ли вы?

«Да, это правда, что я читаю книги».

— Читаете?... По вашему разодранному кафтану, я подумалъ, что вы ихъ пишете. Но тѣмъ лучше. Я написалъ теперь оду Ослашиду, и хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе.

«А! вы пишете оды?»

— Да, это самое безопасное ремесло, но не всегда прибыльно. Недавно написалъ я оду одному вельможѣ; онъ восхищался ею и обѣщалъ мнѣ щедро заплатить; но, какъ знатный человѣкъ, позабывъ данное слово, умеръ на другой день. Послѣ этого я написалъ оду другому визирю; этотъ былъ не менѣе доволенъ, но его на третій день повѣсили за взятки.

«Какъ, вы писали оду недавно-повышенному визирю? Я ее читалъ...»

— Признайтесь, что она не дурна. Теперь я пишу оду Ослашиду, непріятелю повѣшеннаго визиря. Можно сказать, что мнѣ она стоитъ труда: въ этомъ добромъ человѣкѣ нѣтъ ни ума, ни добродѣтели; такіе люди ужасно трудны для содержанія лирической поэзіи. Я же не хвастаясь скажу, что я болѣе пишу для славы, нежели для денегъ, потому что мнѣ хуже платятъ за оды, нежели за битыя стекла, которыя иногда покупаютъ у меня разносчики. Со всѣмъ тѣмъ я не оставлю лирическаго стихотворства.

«Мнѣ удивительна способность ваша хвалить тѣхъ, въ комъ, по вашему жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ».

— О! это ничего! повѣрьте, что это бездѣлица. Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода какъ шелковый чулокъ, который всякій старается растягивать на свою ногу...

«Но если свѣтъ знаетъ, что ваше описаніе ложно, что герои ваши — пустые пузыри, надутые вами?»

— Что же до того нужды? Аристотель нѣгдѣ очень премудро говоритъ, что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны,—и мы подражаемъ этому благоразумному правилу въ нашихъ одахъ; иначе бы здѣсь оды превратились въ пасквили. Итакъ вы видите, сколько нужно читать правила древнихъ.

«Я всегда думалъ, что стихотворцы приступаютъ къ одамъ, воспаленные добродѣтелями и совершенствами своихъ героевъ».

— Какъ вы ошибались! Они воспаляются однимъ воображеніемъ, и выбираютъ перваго, кто попадется...

«Ахъ!—сказалъ вздохнувши калифъ:—какъ же мало люди должны гордиться такими похвалами»...

— Вольно имъ дурачиться, отвѣчалъ стихотворецъ. Если бы они приписывали похвалы не своимъ достоинствамъ, но случаю и нашей необходимости кого-нибудь ими украшать, то не были бы такъ горды. Не хотите ли, я вамъ скажу на этотъ случай короткую басню... Славный живописецъ, плѣнясь новою мыслью, вздумалъ написать Венеру, натянулъ кусокъ полотна и съ великимъ успѣхомъ исполнилъ свое намѣреніе. Картина была драгоцѣнна и со временемъ стала украшеніемъ чертоговъ славнѣйшаго императора. Множество зрителей стекалось ее смотрѣть. Полотно, на которомъ была написана Венера, вздумало, что оно причиною всѣхъ восторговъ, примѣчаемыхъ въ зрителяхъ. Паукъ, раскидывая на немъ сѣти для мухъ, вывелъ его изъ заблужденія. Ты напрасно гордишься, полотно, сказалъ онъ: если бъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то ты давно бы истлѣло, бывъ употреблено на обтирку посуды.— Стихотворцы то же дѣлаютъ съ людьми, и послѣдніе такую жъ имѣютъ причину гордиться, какъ рисованная холстина, которая думала, что живописецъ старался прославить ее, когда заботился онъ только о своемъ имени".

— —

„Зритель", какъ уже знаемъ, издавался тоже не долго: всего 11 мѣсяцевъ. Подписчиковъ у него было 170. Такое малое число не должно однако казаться удивительнымъ, если имѣть въ виду, что даже „Московскій журналъ" Карамзина въ томъ же 1792 г. имѣлъ только около 300 подписчиковъ.

Въ слѣдующемъ 1793 г. вмѣсто „Зрителя" Крыловъ, опять въ сообществѣ съ Клушинымъ, сталъ издавать „С.-Петербургскій Меркурій". Судя по программѣ этого журнала, можно думать, что редакція съ тѣмъ и прекратила прежнее изданіе, чтобы замѣнить

его новымъ, приближеннымъ къ „Московскому журналу“ Карамзина, также прекратившемуся въ томъ же 1792 г. И дѣйствительно, программа „С.-П. Меркурія“ напоминаетъ программу Карамзинскаго журнала, но тутъ же надо сказать, что исполненіе ея въ журналѣ Крылова гораздо ниже; даже сатирическія статьи самого Крылова — „Похвальная рѣчь наукѣ убивать время“ и „Похвальная рѣчь Ермалафиду“ уступаютъ его прежнимъ статьямъ того же рода. Первая все-таки лучше: въ ней по крайней мѣрѣ авторъ смѣется надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія: надъ пустотой общества, развлекающагося или сплетнями, или картами, либо собирающагося въ кофейныхъ домахъ и маскарадахъ, чтобы „глядѣть на все — и ничего не видѣть, говорить все — и ничего не думать“. Но вторая отражаетъ въ себѣ односторонній взглядъ Крылова на Карамзина, черты литературной дѣятельности котораго нельзя не узнать въ дѣятельности Ермалафида, т.-е. человѣка, несущаго ермалафію, или чепуху. Крыловъ и его литературные товарищи—Клушинъ, Эминъ, Туманскій, не благоволили къ Карамзину, и уже „Зритель“ стоялъ въ непріязненномъ отношеніи къ „Московскому журналу“. Причины этому объяснены еще Гротомъ. „Дѣятельность молодого писателя“, — говоритъ Гротъ,—„пробывшаго полтора года за границею и своими письмами какъ будто поддерживавшаго пристрастіе своихъ соотечественниковъ ко всему иноземному, была недружелюбно встрѣчена Крыловскимъ кружкомъ, который особенно заботился о возбужденіи національнаго чувства. Въ сущности Карамзинъ не расходился съ ними въ этомъ стремленіи, но имъ не могли нравиться ни его новый слогъ съ примѣсью чуждыхъ элементовъ, ни извѣстный оттѣнокъ мечтательности или сентиментализма въ его настроеніи, ни наконецъ тотъ взглядъ его, который, наперекоръ имъ, ставилъ Шекспира и нѣмецкихъ драматическихъ писателей неизмѣримо выше французскихъ классиковъ. Въ особенности же раздражала Крыловскую партію взыскательная въ то время критика Карамзина, не щадившая нѣкоторыхъ изъ этихъ литераторовъ и занимавшаяся часто утонченнымъ разборомъ языка въ ихъ сочиненіяхъ и переводахъ. Извѣстно, что журналъ Крылова хотя и могъ въ отношеніи къ языку и къ складу рѣчи похвалиться чисто русскимъ характеромъ, но зато отличался крайнимъ невниманіемъ къ грамматической исправности и къ изяществу выраженія“ [35]). А какъ въ то время смотрѣли многіе на критику и какія предъявляли къ ней требованія, это достаточно видно ужъ изъ приведеннаго нами въ своемъ мѣстѣ интереснаго мнѣнія Ту-

манскаго [36]). Крыловъ тоже былъ недоволенъ строгой критикой „Московскаго журнала", и свою рѣчь Ермалафиду началъ именно заявленіемъ объ этомъ недовольствѣ. „Ужасно видѣть, милостивые государи, съ какою завистью критика всегда вооружалась на дарованія",—говоритъ онъ и прибавляетъ далѣе: „Сколько писателей оставили въ самомъ началѣ своемъ поприще словесности, устрашенные первыми нападеніями критики!" Въ рѣчи, разумѣется, затронуты и переводы Карамзина изъ Шекспира и Лессинга, и его журналъ, и его стихотворенія въ новомъ вкусѣ, его слогъ и нѣкоторые взгляды. Для характеристики самаго тона этой сатиры, приведемъ хоть слѣдующія два мѣста: 1) о журналѣ: Ермалафидъ „во всякое *новолуніе* разгружалъ на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія"; 2) о взглядѣ на французскихъ классиковъ: „Пріятно было смотрѣть, милостивые государи, съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина, Буало, и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ на трагедіи Корнеля. «Скажи— спрашивалъ у него нѣкто:—для чего дѣлаешь такія смѣлыя заключенія?»—Сердце у меня слышитъ, отвѣчалъ онъ съ благородною простотою, что въ нихъ во всѣхъ менѣе толку, нежели въ «Бовѣ королевичѣ»".

Дальнѣйшіе опыты Крылова въ драматической поэзіи.—Бо́льшая степень ихъ самостоятельности. — Одна Гоголевская сцена.—Прототипъ Обломова.—Двѣ новыя комедіи на старыя темы. — Волшебная опера: „Илья богатырь".—Стихотворенія Крылова.

„С.-П. Меркурій" просуществовалъ весь 1793-й годъ, имѣя немного болѣе 150 подписчиковъ; но во вторую половину этого года Крыловъ, какъ уже выше замѣчено, участія въ журналѣ не принималъ: онъ уѣхалъ изъ Петербурга и началъ свою скитальческую жизнь. Во время этой жизни онъ снова обратился къ драматической поэзіи, и на этотъ разъ въ драматическихъ пьесахъ его самостоятельности оказалось гораздо больше, чѣмъ въ первыхъ попыткахъ его въ этомъ родѣ, конечно, за исключеніемъ „Кофейницы", пьесы болѣе удавшейся. Ставши теперь ближе къ чисто русской, внѣпетербургской жизни, Крыловъ, какъ и прежде въ „Кофейницѣ", могъ опять дать нѣсколько такихъ типовъ, въ которыхъ мы узнаемъ людей, гораздо болѣе живыхъ и русскихъ, чѣмъ, напримѣръ, большинство типовъ въ „Бѣшеной семьѣ" или въ „Проказникахъ". Такіе болѣе живые типы встрѣчаются въ его комедіи „Пирогъ", написанной въ 1801 или 1802 г. Сюжетъ ея очень простъ. Щеголь и мотъ Фатюевъ, чтобы поправить свои

дѣла, хочетъ жениться на Прелестѣ, дочери Вспышкина, которая любитъ Милона. Фатюевъ устраиваетъ для Вспышкиныхъ завтракъ за городомъ, „подъ лѣскомъ, у ручейка", и приказываетъ своему слугѣ отнести туда мастерски приготовленный пирогъ. Плутоватый слуга вмѣстѣ съ горничной Прелесты съѣдаютъ начинку, и Вспышкинъ, увидя пустой пирогъ, принимаетъ его за насмѣшку со стороны Фатюева, свадьба разстраивается, и Прелеста выходитъ за Милона. Кеневичъ объ этой комедіи сказалъ: „Ее нельзя причислить къ разряду такихъ художественныхъ произведеній, которыя могутъ почитаться украшеніемъ и обогащеніемъ литературы, подобно его „Почтѣ духовъ" и баснямъ; она, можетъ быть, не возбудитъ интереса въ читателѣ, ищущемъ непосредственнаго удовольствія и развлеченія,—но историкъ литературы найдетъ въ ней интересъ: она свидѣтельствуетъ о весьма замѣтномъ поворотѣ въ литературномъ направленіи Крылова" [37]). Этотъ поворотъ въ томъ и выразился, что Крыловъ въ своихъ комедіяхъ сталъ изображать не пороки только и слабости русскаго общества, воплощая ихъ въ сколки съ французскихъ комедій, а болѣе или менѣе живыхъ русскихъ людей, и притомъ иногда съ выдающимися національными или сословными чертами. Такъ, напримѣръ, въ комедіи „Пирогъ" отмѣчена привычка русскаго крестьянина при отвѣтѣ повторять и вопросъ. „Чья это деревня?" спрашиваетъ у мужика слуга Фатюева. — „Чья деревня-то? Барская", отвѣчаетъ мужикъ. — „Да какого барина?" — „Какого барина-то? Князя Вѣнецкаго" и т. д. Фатюевъ, разговаривая со своимъ слугою, обращается къ нему съ прибавленіемъ такихъ эпитетовъ, какъ „дуракъ", „скотина", и это вовсе не во гнѣвѣ, а такъ, для поддержанія своего барскаго достоинства. Живыми людьми изображены и супруги Вспышкины: она (Ужима)—сентиментальная дама, воспитавшаяся на идилліяхъ, а онъ—человѣкъ практическій, держащійся пословицы: „любовью сытъ не будешь", и оба они — люди русскіе. Нѣсколько національныхъ чертъ есть и въ выведенныхъ слугахъ: въ плутоватомъ Ванькѣ и въ лукавой Дашѣ.

Хотя въ общемъ комедія: „Пирогъ" мало художественна, однакожъ въ ней есть и драматическое движеніе и юморъ. Особенно замѣчательно одно мѣсто, напоминающее чтеніе письма Хлестакова въ „Ревизорѣ". Эту сцену по юмору и по замыслу дѣйствительно можно назвать Гоголевской. Фатюевъ, готовясь угостить гостей, вдругъ слышитъ отъ слуги, что легко можетъ встрѣтиться съ господиномъ, которому долженъ двѣ тысячи. Онъ, придумавъ предлогъ, наскоро пишетъ записку Вспышкину, велитъ

слугѣ передать ее по назначенію, а самъ на время скрывается. Являются Вспышкины, принимаются за пирогъ, удивляются его пустотѣ, и тутъ только вспоминаютъ о письмѣ. Съ этого и начинается Гоголевская сцена.

Вспышкинъ. Не растолкуемъ ли мы эту глупую шутку изъ его письма?... Подай-ка письмо. Что это? Не подписано, не запечатано! Грубіянъ! *(развертываетъ).* И карандашомъ! Хорошо, зятюшка!... *(читаетъ)* «Извините, что я не могу»... Видано ли это? Этакъ можно начинать къ своему портному или сапожнику: «Извините, что я не могу!»... Гдѣ жъ «милостивый государь», или «милостивый государь мой?» Ужъ бы хоть «государь мой!» изволилъ поставить. «Извините, что я не могу!» Какъ это глупо сказано! Какой глупый слогъ!—Читай, жена. Чего онъ не можетъ?

Ужима. «Извините, что я не могу разъѣсть съ вами—пирога»... Разъѣсть пирога!—Какія низкія выраженія! «Божусь, что мнѣ некогда. Вы, я думаю, помните, что моя родня сильно приступаетъ ко мнѣ, чтобы я женился на княжнѣ Снафидиной. Наконецъ, дядя мой въ сію минуту присылалъ за мной по этому сватовству,—и я лечу окончить это дѣло, а какимъ образомъ,—пирогъ сей вамъ скажетъ это за меня».

Вспышкинъ. О, да это отказъ, и самый дурацкій!

Ужима. Читайте, сударь, сами; у меня силъ нѣтъ читать такія глупости. Грубіянъ!

Вспышкинъ. «Да, мой пирогъ вамъ скажетъ, что сердце мое такъ же полно любовью къ Прелестѣ, какъ онъ полонъ начинкою». Дерзкій!..

Прелеста. Теперь, батюшка, вы понимаете его мысли; онъ женится на княжнѣ Снафидиной! По крайней мѣрѣ мы не стоимъ такихъ насмѣшекъ.

Вспышкинъ. Дерзкій! «Кушайте его на здоровье! Я самъ его заказывалъ и старался, чтобъ онъ былъ такъ богатъ хорошею начинкою, какъ богатъ умомъ нареченный мой тестюшка»... Негодяй!—На, читай, жена!—моей силы не стало.

Ужима. Какъ богатъ умомъ.

Вспышкинъ. Ну, уже это слышали! читай далѣе.

Ужима. «Вы увидите въ этой начинкѣ столько же хорошихъ вещей, сколько есть добрыхъ и любезныхъ качествъ въ нареченной моей тещенькѣ»... Ахъ варваръ! Даша! дочитай письмо! Его бы совсѣмъ не надо было брать въ благородныя руки.

Комедія эта при жизни автора напечатана не была, но ее ставили на театрѣ въ Петербургѣ (въ 1802 и 1805 г.) и Москвѣ

(въ 1804 г.). Судя по сходству вышеприведенной сцены съ чтеніемъ письма Хлестакова, можно думать, что Гоголю комедія эта какъ-нибудь была извѣстна, въ особенности, если обратить вниманіе на сходство такихъ подробностей, какъ повтореніе словъ: „какъ богатъ умомъ" и возраженіе: „Ну, уже это слышали! читай далѣе!" — у Крылова, и повтореніе словъ: „глупъ, какъ сивый меринъ" и возраженіе: „О чертъ возьми! Нужно еще повторять! Какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ" — у Гоголя. Но конечно, если нарисованная Гоголемъ сцена и была навѣяна Крыловымъ, то во всякомъ случаѣ она обработана авторомъ „Ревизора" совершенно по-своему.

Къ тому же приблизительно времени относится и недоконченная комедія въ стихахъ: „Лѣнтяй", замѣчательная, какъ попытка очертить тотъ же типъ, который выведенъ и въ знаменитомъ романѣ Гончарова. И дѣйствительно, герой комедіи Крылова, Лѣнтулъ, долженъ быть признанъ прототипомъ Обломова, хотя онъ и очерченъ нѣсколько карикатурно. Достаточное понятіе о немъ даетъ уже второе явленіе комедіи, гдѣ разговариваютъ Андрей, слуга Лѣнтула, и Даша, горничная Лѣнтуловой невѣсты. Лѣнтулъ посланъ отцомъ своимъ изъ помѣстья въ городъ, во-первыхъ — по тяжебному дѣлу, а во-вторыхъ — чтобы „опредѣлиться къ мѣсту" и жениться. Насколько энергично занятъ онъ всѣмъ этимъ—это-то и указывается во второмъ явленіи комедіи.

Даша.

Андрей! куда учтивъ твой баринъ въ женихахъ!
Неужли до того зарытъ ужъ онъ въ дѣлахъ,
Что некогда ему зайти на часъ къ невѣстѣ?
Ну, право, это льзя снести одной Прелестѣ.
Ужъ вотъ мы сутки здѣсь — онъ годъ не видѣлъ насъ,
А ужъ смотри-ка ты, совсѣмъ не кажетъ глазъ...

Андрей.

Какъ громко ты кричишь!

Дарья.

Меня ты не осудишь.

Андрей.

Да я не для себя...

Дарья.

Что жъ?

Андрей.

Барина разбудишь.

Даша.

Какъ! шутишь, что ли, ты? Неужли онъ не всталъ?

Андрей.

Нѣтъ, всталъ было...

Даша.

Да что жъ?

Андрей.

Опять започивалъ.

Даша.

Ну, Лѣнтулъ, видно, здѣсь спокойно поживаетъ.
Да ночью что жъ онъ?

Андрей.

Спитъ.

Даша.

А днемъ-то?

Андрей.

Почиваетъ.

Даша.

Прекрасно, старичокъ нашъ будетъ очень радъ!
Онъ въ зятюшкѣ себѣ найти сбирался кладъ.
Изживши на войнѣ и съ нуждой и съ трудами,
Ложиться и вставать привыкъ онъ съ пѣтухами;
Халата у него и туфлей вовсе нѣтъ:
Чуть разсвѣтъ, и ужъ онъ какъ будто въ строй одѣтъ—
И тотчасъ или въ садъ, иль осмотрѣть работу,
Иль вскочитъ на лошадь да брызнетъ на охоту,
И словомъ, цѣлый день въ движеньѣ такъ, какъ ртуть;
Ну, слышь, не только спать—съ нимъ нѣкогда зѣвнуть,
И если первый день покою намъ достался,
Такъ это оттого, что до свѣту умчался
Старикъ нашъ со двора...

Выслушавъ характеристику этого въ своемъ родѣ Штольца, Андрей говоритъ:

Сказать да не солгать,
Такая жизнь совсѣмъ намъ, Даша, не на стать:
Мой лѣнтюгъ радъ изжить вѣкъ цѣлый на диванѣ,
И разъ въ году едва бываетъ онъ въ кафтанѣ.
Халатъ да туфли—вотъ и весь его нарядъ...
Ну, коль на то пошло, такъ вамъ я очень радъ:
Пусть вашъ старикъ его подъ лапу поприкрючитъ,
Авось отъ лѣни онъ его и поотучитъ;
А то вѣдь срамъ сказать, да грѣхъ и утаить,
А чай, онъ, право, здѣсь совсѣмъ забылъ ходить.

Даша.

Что онъ лѣнивенекъ, и прежде то мы знали;
Да только удали такой ужъ въ немъ не ждали.

Андрей.

О, это все ль еще! послушай, старый другъ:
Теперь напомню я тебѣ, пока досугъ,
Что намъ вѣдь слѣдъ одинъ къ вѣнцу за господами;
Такъ то, что я сказалъ, пусть тутъ замретъ межъ нами:
Я барина люблю, и къ пользѣ лишь его
Хочу не потаить отъ Даши ничего,
Чтобъ, сладя заодно, намъ всѣ подвесть уловки,
Спасти его въ бѣдѣ, иль въ случаѣ размолвки—
А что не сдобровать ему, то вижу я...

Даша.

Вздоръ! наши старики издѣтства вѣдь друзья.
Да развѣ твой чудакъ, здѣсь живши, напроказилъ?

Андрей.

Куда проказить намъ? съ дивана онъ не слазилъ.
Да это все-таки отъ бѣдъ насъ не спасетъ.

Даша.

Я тутъ не вижу ихъ.

Андрей.

Послушай наперецъ:
Старикъ, пославъ сюда Лѣнтула за дѣлами,
И денегъ и вещей, всего отправилъ съ нами.
Хоть правъ и святъ его въ наслѣдствѣ братнемъ споръ,
Да знаешь, по судамъ вѣдь деньги такъ, какъ соръ;
А дѣло таково, что домъ нашъ на мель станетъ,
Коль на судѣ его соперникъ перетянетъ;
Такъ онъ, прощаяся, одно сынку твердилъ,
Чтобъ болѣ ѣздилъ онъ, да болѣ бы дарилъ,
Да чтобъ и самъ искалъ опредѣлиться къ мѣсту,
Коль хочетъ сберечи имѣнье и невѣсту.

Даша.

Ну, знаю! Вѣдь затѣмъ и стали мы у васъ,
Чтобъ послѣ тяжбы вслѣдъ и свадьбѣ быть тотчасъ.

Андрей.

Да то-то видишь: вы въ степныхъ запропастились;
А мы съ Лѣнтулушкой едва сюда ввалились,
Какъ онъ, нашедши здѣсь и волю и просторъ,
Изъ комнаты шага не дѣлывалъ съ тѣхъ поръ.

Даша.

Конечно, боленъ онъ.

Андрей.

Да, очень, къ сожалѣнью.

Даша.

О, бѣдна барышня! Да чѣмъ онъ боленъ?

Андрей.

Лѣнью!

Да, боленъ наповалъ! Что я ни говорилъ,
Ничто не помогло.—Разъ по сту въ день твердилъ:
Помилуйте, сударь, пристойно ль въ ваши лѣта
Въ халатѣ, въ колпакѣ поскимиться отъ свѣта?
Одѣньтесь, съѣздите по дѣлу вы хоть разъ;
Неужли батюшка лежать отправилъ васъ?
Ну, если, все узнавъ, лишится онъ терпѣнья,
Иль потеряете отъ лѣни вы имѣнье...
Ну, что жъ ты думаешь, какой отвѣтъ дастъ онъ?

Даша.

Сберется ѣхать?

Андрей.

Нѣтъ! зѣвнетъ, да вышлетъ вонъ.

Даша.

Ну, то-то будетъ мужъ!

Андрей.

О, любитъ лежебочить!

За то ни въ чемъ другомъ нельзя его порочить:
Не золъ, не сварливъ онъ, отдать послѣдне радъ,
И, если бы не лѣнь, въ мужьяхъ онъ былъ бы кладъ,
Привѣтливъ и учтивъ, притомъ и не невѣжа;
Радъ сдѣлать все добро, да только бы лишь лежа...

Эта характеристика Лѣнтула пополняется еще слѣдующими словами подмастерья, принесшаго ему заказанную подушку.

Да, у людей обѣдъ ужъ на дворѣ,
А здѣсь, чай, спятъ еще, какъ будто на зарѣ.
О, баринъ здѣсь, какъ ханъ, сонливъ, увальчивъ, чуденъ,
И солнцу до него ужасно доступъ труденъ.
Поспать охотникъ онъ, охотникъ полежать,
И ночки на вожжахъ умѣетъ придержать...
Онъ не живетъ — ликуетъ:
Ѣстъ сладко, мягко спитъ, о дѣлѣ въ усъ не дуетъ,
Нѣтъ будней у него — а все шабашны дни,
И въ круглый божій годъ лишь праздники одни;
Ну, прямо у себя живетъ султанъ султаномъ:
Наскучила кровать, такъ шлетъ вотъ за диваномъ.
Проказникъ!—матушкинъ онъ, видно, былъ сынокъ.

Еще двѣ подробности. Одѣвается Лѣнтулъ такъ же лѣниво, какъ и Обломовъ: Андрей считаетъ большимъ шагомъ впередъ, когда баринъ его одѣнетъ чулокъ и на другую ногу. Прочесть письмо — для Лѣнтула великій трудъ: когда отецъ его самъ явился въ городъ, онъ нашелъ на столѣ всѣ свои дѣловыя письма къ сыну нераспечатанными.

Нельзя не обратить вниманія и на самый языкъ этой комедіи: въ ней уже чаще встрѣчается та бойкая, живая, характерная русская рѣчь, которая впослѣдствіи такъ украсила басни Крылова. Очевидно, что къ лингвистическому запасу, собранному Крыловымъ въ Твери, много еще прибавилось во время его путешествія по Россіи.

Хотя обѣ разсмотрѣнныя комедіи Крылова гораздо лучше прежнихъ его подражаній французскимъ образцамъ, но все же онѣ не свидѣтельствовали о крупномъ талантѣ ихъ автора, какъ драматурга. А между тѣмъ Крыловъ какъ-то особенно налегалъ на драму, и не только послѣ удачныхъ опытовъ въ качествѣ журнальнаго сатирика, но даже и въ ту пору, когда, выйдя на новую дорогу, онъ явился съ разу же счастливымъ соперникомъ Дмитріева: онъ и тогда попробовалъ еще разъ вернуться къ драмѣ — и написалъ двѣ комедіи, и притомъ на тѣ же старыя темы, на которыя онъ такъ охотно писалъ и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, а именно на темы о французахъ, портившихъ наши нравы, и о тогдашнемъ нашемъ пристрастіи ко всему французскому. Комедіи эти:—„Модная лавка" и „Урокъ дочкамъ". Впрочемъ, такъ какъ обѣ онѣ относятся къ 1807 году, то появленіе ихъ можно объяснить и особеннымъ патріотическимъ настроеніемъ, которое тогда, въ виду борьбы съ Наполеономъ, охватило весьма значительную часть образованнаго общества. Этимъ же объясняется и большой успѣхъ обѣихъ комедій на Петербургскомъ театрѣ.

Главное лицо въ первой изъ названныхъ комедій — провинціальная помѣщица Сумбурова, страстная поклонница всего французскаго и, разумѣется, великая щеголиха и мотовка; она пріѣхала въ столицу накупить себѣ модныхъ нарядовъ. „Выбери-тка ты мнѣ побольше да получше", — говоритъ она продавщицѣ въ модной лавкѣ. — „Ужъ то-то наши щеголихи, глядя на меня, будутъ бѣситься отъ зависти, а я-то передъ ними и на балахъ, и на гуляньяхъ пава-павой, — пусть ихъ терзаются". Комическое положеніе ея усиливается еще безпрестаннымъ столкновеніемъ съ му-

жемъ, который, въ противоположность ей, настоящій французоненавистникъ. Она отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ: „у меня мужененъ такой брюзгливый и упрямый, что съ нимъ не сладишь. Ну, что съ нимъ дѣлать? ни французскихъ лавокъ, ни французскихъ товаровъ, да и французовъ-то терпѣть не можетъ; ему вотъ все дай русское; а что у насъ хорошаго-то сдѣлать умѣютъ? — Если бы не мадамы, такъ, прости Господи, хоть совсѣмъ безъ платья ходи". Другимъ важнымъ лицомъ, если позволено такъ выразиться, является модная лавка: это — притонъ, гдѣ обираютъ глупыхъ франтихъ и волокитъ и устраиваютъ любовныя свиданія. Содержательница ея, г-жа Каре, представляетъ собою тотъ же типъ, что и хозяйка модной лавки, описанная въ „Почтѣ духовъ".

Въ комедіи „Урокъ дочкамъ" выводятся двѣ дочери богатаго помѣщика Велькарова, Ѳекла и Лукерья, воспитанныя въ Москвѣ, въ домѣ своей тетки, гувернанткой француженкой Григри. Результатомъ воспитанія было благоговѣніе передъ всѣмъ французскимъ и презрѣніе ко всему русскому. Отецъ, не сочувствуя образу мыслей своихъ дочерей, увозитъ ихъ въ деревню и строго запрещаетъ имъ говорить по-французски; а чтобы онѣ тайкомъ не нарушали его приказанія, приставляетъ слѣдить за ними старуху-няньку — Василису. Въ деревнѣ онѣ скучаютъ, потому что имъ приходится жить не такъ, какъ хотѣлось бы. Идеалъ же ихъ виденъ изъ слѣдующихъ словъ Лукерьи:

„Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями — зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ. Нѣтъ, да на что жъ мы такъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ, — какая райская жизнь! Поутру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учители — танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ— ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставилъ,—и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ, подмѣтишь тысячу свиданій: на недѣлю будетъ что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать, и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой — и снова займешься

туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; для забавы давишь старушкамъ ноги и толкаешь подъ бока; а онѣ-то морщатся, онѣ-то ворчатъ... ну, умереть надо со смѣху... Танцуешь, какъ полоумная, и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ; словомъ, не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты полумертвая ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши... ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства"...

За свое пристрастіе къ французамъ обѣ барышни жестоко наказываются. Плутоватому слугѣ одного проѣзжаго барина, Семену, захотѣлось поживиться деньгами. Основываясь на увѣреніи ихъ горничной, Даши, что „онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза", онъ прикинулся эмигрантомъ, назвалъ себя маркизомъ Глаголемъ — и дѣйствительно былъ принятъ за настоящаго маркиза. Обѣ дѣвушки съ разу очаровались имъ и стали расхваливать его парижскія манеры и тонкость обращенія. Но каковъ былъ ихъ конфузъ, когда оказалось, что мнимый маркизъ даже и говорить по-французски не умѣетъ, что онъ просто лакей Семенъ! Видя ихъ конфузъ, отецъ говоритъ: „Вотъ, госпожи дочки, слѣдствіе вашего ослѣпленія ко всему, что только иностранное!"

Достоинства обѣихъ комедій указаны еще Плетневымъ: „движеніе и правдоподобіе событія, очертаніе характеровъ, указанія на мѣстность и современные нравы, самый языкъ, довольно естественный, довольно разнообразный". Въ «Урокѣ дочкамъ» есть даже сцены, какъ сказалъ Плетневъ, „исполненныя высокаго комическаго достоинства". Такова, напримѣръ, слѣдующая (VII-я), въ которой являются Ѳекла, Лукерья, Даша и няня Василиса.

Лукерья. Сестрица, я чай, мы уроды-уродами! Посмотри, что за платье, что за рукавчики!... Какъ мы маркизу покажемся?

Ѳекла. Накинемъ хоть шали. Даша! Даша!

Даша. Чего изволите?

Лукерья. Принеси мнѣ поскорѣй пунцовую шаль.

Ѳекла. А мнѣ мою полосатую.

Даша. Тотчасъ! (*Хочетъ уйти*).

Лукерья. Даша! постой! Сестрица, полно, носятъ ли уже въ Парижѣ шали?

Ѳекла. Нѣтъ, нѣтъ, останемся лучше такъ. Даша, дай румяны (*Даша исполняетъ приказаніе*). Кажется, въ Парижѣ румянятся. Порумянь меня, миленькая сестрица.

Лукерья. А ты между тѣмъ растрепли мнѣ хорошенько на головѣ (*Онѣ услуживаютъ другъ другу*).

Даша. Что съ ними сдѣлалось?

Ѳекла. Какъ бы намъ его принять? — Какъ будто мы ничего не знаемъ!... Займемся работою.

Лукерья. Даша! подай намъ какую-нибудь работу... Зашпиль мнѣ тутъ, сестрица... такъ... немножко болѣе плеча открой.

Даша. Да какую работу, сударыня? вѣдь вы никогда ничего не работаете; развѣ кликнуть людей да втащить наши пяльцы.— Ну, право, онѣ одурѣли!

Лукерья. Охъ, нѣтъ, ихъ не надо! Знаешь ли что, сестрица: сядемъ какъ будто бъ мы что-нибудь читали (*Бросаются въ кресла*).

Ѳекла. Ахъ, это прекрасно!—Даша, дай намъ двѣ книжки. Миленькая сестрица, надвинь мнѣ хорошенько волосы на лѣвый глазъ.

Лукерья. Такъ.

Ѳекла. Постой-ка, нѣтъ, нѣтъ! еще, чтобъ я имъ ничего не видала... очень хорошо. Даша, что же книги?

Даша. Книги, сударыня? Да развѣ вы забыли, что у насъ только и книгъ было, что модный журналъ, и тотъ батюшка приказалъ выбросить; а изъ его библіотеки книгъ вы не читаете, да и ключъ у него. — Няня Василиса, скажи: не помѣшались ли онѣ?

Василиса. И, мать моя! Богъ съ тобою; онѣ все въ одномъ разумѣ.

Ѳекла. Нѣтъ, этакъ не ловко; лучше встанемъ, сестрица. Посмотри, какъ я присяду (*Присѣдаетъ низко и степенно*). А! маркизъ!—Хорошо такъ?

Лукерья. Нѣтъ, нѣтъ, принужденно - учтиво; надо такъ, какъ будто мы вѣкъ были знакомы! Мы лучше чуть кивнемъ. (*Присѣдаетъ скоро и киваетъ головою*). Ахъ, маркизъ!—Вотъ такъ!

Даша. Комедію, что ль, онѣ хотятъ играть? Да что такое сдѣлалось, сударыни? что за суматоха?

Ѳекла. Къ намъ пріѣхалъ изъ Парижа знатный человѣкъ, маркизъ.

Лукерья. Онъ будетъ у насъ гостить. Даша, ты, чай, съ роду маркизовъ не видала?

Ѳекла. Ахъ, миленькая сестрица! если бъ онъ не говорилъ по-русски!

Лукерья. Фи! душа моя, какой глупый страхъ! онъ, вѣрно, въ Парижѣ весь свой вѣкъ былъ въ лучшихъ обществахъ.

Ѳекла. Когда я воображу, что онъ изъ Парижа, что онъ маркизъ, такъ сердце бьется, и я въ такой радости, въ такой радости: je ne saurais vous exprimer.

Василиса. Матушка Ѳекла Ивановна, извольте радоваться по-русски.

Лукерья. Добро, няня Василиса, не долго тебѣ насъ мучить: на зло тебѣ наговоримся мы по-французски досыта: намъ батюшка позволитъ.

Василиса. Его барская воля, мои красавицы.

Даша (*особо*). Что за гость? что за маркизъ? (*Увидя Семена*). Ахъ, это негодный Семенъ! Боже мой, что такое онъ затѣялъ?

Истинный комизмъ и сатирическая соль встрѣчается и во многихъ другихъ мѣстахъ этихъ комедій, особенно въ „Урокѣ дочка́мъ", но все же онѣ не лишены и крупныхъ недостатковъ. Тотъ же Плетневъ замѣтилъ, что и въ подробностяхъ дѣйствій и въ составѣ сценъ, въ развитіи предпріятій много еще ложнаго, изысканнаго—„и оттого цѣлое больше утомляетъ зрителя, нежели проникаетъ въ его сердце. Такъ въ «Модной лавкѣ» Сумбурова нисколько не возбуждаетъ въ насъ того чувства, которое должно оттолкнуть отъ ея гадкаго ничтожества, потому что оно перешло границы правды. Въ «Урокѣ дочкамъ» всѣ сцены, гдѣ разговариваютъ Ѳекла и Лукерья съ Велькаровымъ, отзываются этимъ же недостаткомъ" [38]).

Однако надо имѣть въ виду, что современники, по крайней мѣрѣ очень и очень многіе изъ нихъ, цѣнили эти комедіи не съ художественной стороны, а какъ протестъ противъ тогдашняго пристрастія ко всему французскому. Въ „Драматическомъ Вѣстникѣ" 1808 г. (№ 8-й) появилось даже слѣдующее стихотвореніе:

Любя отечество, люблю я тѣхъ душой,
Которы общею не страждутъ слѣпотой;
На моды не смотря, привыкли тѣмъ гордиться,
Что привела судьба ихъ русскими родиться.
Въ числѣ ихъ ты, Крыловъ—и, дочкамъ давъ урокъ,
Соотчичей драгихъ являешь намъ порокъ,
Осмѣивая то постыдно состоянье,
Въ которо привело насъ модно воспитанье.—
Съ какимъ искусствомъ ты умѣлъ то описать,

Что всякій день должны, къ несчастью, мы встрѣчать!
Но что же прибыли имѣло представленье?
Перемѣнилъ ли ты красавицъ нашихъ мнѣнье?
Успѣлъ ли *наготу прикрыть хотя платкомъ?*
Иль русскимъ говорить заставилъ языкомъ?
Ахъ, нѣтъ!—Въ театрѣ бывъ, французскимъ говорили,
И спину въ вечеръ тотъ поболѣе открыли.
Хотя ты ихъ кололъ не въ бровь, а прямо въ глазъ
Урокъ полезный твой забыли тотъ же часъ.
Въ немъ странностей своихъ никакъ не замѣчая,
Ругаетъ дочь тебя и мать полунагая;
Возстали на тебя ихъ дядя, братъ, отецъ;
Всѣ полу-русскіе пустились наконецъ
Полу-французскими бранить тебя словами.—
Но, не смотря на то, и прозой и стихами
Надъ странностями ихъ шутить ты продолжай
И смѣхомъ зрителей ихъ брани заглушай.

Въ томъ же 1807 г. появилась въ печати и на театрѣ волшебная опера Крылова: „Илья богатырь", произведеніе очень слабое, хотя мѣстами и въ немъ встрѣчается сатирическая соль, особенно въ рѣчахъ шута Таропа. Такъ, напримѣръ, когда бояринъ Сѣдырь, человѣкъ очень недалекій, затрудняется, кого бы ему выбрать въ „дураки" къ князю, Таропъ даетъ ему такой совѣтъ: „Бояринъ Сѣдырь, выбери только того, кто тебѣ покажется поумнѣе: ужъ навѣрно попадешь на отличнаго дурака".

Плетневъ объ этомъ произведеніи говоритъ: „Всего труднѣе разгадать, чѣмъ соблазнился Крыловъ при сочиненіи волшебной оперы своей. Изъ современныхъ ей и однородныхъ съ нею оперъ публику восхищала «Русалка», Краснопольскимъ переведенная съ нѣмецкаго. Крылову показалось, что пьеса, основанная на отечественномъ преданіи, еще большее произведетъ дѣйствіе. Въ самомъ дѣлѣ, Илья богатырь, Соловей-разбойникъ могли увлечь воображеніе поэта. Между тѣмъ исполненіе идеи доказало, что для поэзіи необходимы краски времени и мѣста; что недостатка ихъ нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь; что частности жизни должны быть заимствованы изъ народныхъ разсказовъ, которыхъ обработка требуетъ знанія древностей. На исторической почвѣ самый счастливый талантъ, самое плодовитое воображеніе мало помогаетъ поэту безъ вѣрныхъ, обильныхъ и уже готовыхъ матеріаловъ. Итакъ, неудивительно, что Сѣдырь, Таропъ, Зломѣка и другія лица, смѣшно выдуманныя авторомъ, никого теперь не забавляютъ" [89].

Все это, конечно, такъ; однакожъ на „Илью богатыря“ Крылова можно смотрѣть, въ извѣстномъ отношеніи, и какъ на важный историко-литературный фактъ. Уже съ конца XVIII столѣтія писатели наши начали чувствовать потребность обращенія къ старинѣ. „Илья Муромецъ“ Карамзина и его историческія повѣсти, „Славенскіе вечера“ Нарѣжнаго, позднѣе—„Людмила и Усладъ“ В. Пушкина—все это знаменательныя явленія, свидѣтельствующія, что и предшественники А. Пушкина уже порывались воспроизводить, какъ могли и какъ умѣли, родную старину. Въ рядъ подобныхъ попытокъ надо включить и „Илью“ Крылова и смотрѣть на него не только съ одной художественной стороны, но и съ историко-литературной.

При общей въ то время любви къ стихотворству, Крыловъ, разумѣется, не могъ не отдать ей дани. Стихотворенія онъ писалъ главнымъ образомъ въ первую половину своей жизни и помѣщалъ ихъ въ „Зрителѣ“ и особенно въ „С.-П. Меркуріи“; но появлялись его стихи и въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ 1808 г. и въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1825, 1828 и 1829 гг. Нѣкоторыя стихотворенія при жизни автора и вовсе не были напечатаны, оставались въ рукописи, и найдены лишь послѣ его смерти (21 стихотвореніе).

Стихотворенія Крылова въ большинствѣ случаевъ носятъ на себѣ характеръ поэзіи Ломоносова, Державина и Дмитріева. Подобно Ломоносову, Крыловъ занимался подражаніемъ псалмамъ (14, 17, 37, 51, 71, 87, 93, 96-му). Вотъ, напримѣръ, начало „Подражанія псалму 17“:

Къ Тебѣ, мой Богъ великій, вѣчный,
Желанья всѣ мои парятъ
Сквозь тьму и бездны безконечны,
Гдѣ милліоны звѣздъ горятъ,
И гдѣ, крутясь міры въ пучинахъ,
Твое величество гласятъ:
Великъ Господь, великъ и святъ
Вещей въ началахъ и кончинахъ!
Великъ величества Творецъ,
Въ бѣдахъ мнѣ щитъ, въ судѣ—отецъ.

Подражая Державину, онъ писалъ оды на заключеніе мира—то со Швеціей (1790), то съ Турціей (1793). Иногда торжественный Ломоносовско-Державинскій тонъ соединялъ съ тономъ сентиментальнымъ, какъ напр. въ стихотвореніи „Утро“ (1792), гдѣ

первый стихъ представляетъ собою измѣненіе извѣстнаго стиха Ломоносова:

Заря багряною рукою,

которымъ впослѣдствіи воспользовался и Пушкинъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ [40]). Приведемъ всю первую строфу.

Заря торжественной десницей
Снимаетъ съ неба темный кровъ
И сыплетъ бисеръ съ багряницей
Предъ освѣтителемъ міровъ.
Врата, хаосомъ вознесенны,
Рукою время потрясенны,
На вереяхъ своихъ скрипятъ;
Но разъяренны кони Феба
Чрезъ верхъ сапфирныхъ сводовъ неба,
Рыгая пламенемъ летятъ.

Нарисовавъ эту торжественную картину, съ половины второй строфы авторъ переходитъ уже въ идиллію, а въ третьей пишетъ слѣдующее:

Отъ свѣта ризъ зари багряныхъ
Пастухъ, проснувшись въ шалашѣ,
Младой пастушки съ устъ румяныхъ
Сбираетъ жизнь своей душѣ... и т. д.

Сатирическій и шутливый тонъ Державинскихъ одъ былъ, конечно, Крылову по душѣ, и онъ однажды вздумалъ посоперничать съ прославленнымъ лирикомъ Екатерининскаго вѣка: въ 1789 г. Державинъ написалъ оду: „На счастіе“; въ 1793 г. Крыловъ написалъ подобную же пьесу („Къ счастью“), — и, по нашему мнѣнію, это одно изъ лучшихъ его стихотвореній. Въ общемъ—оно есть подражаніе Державинской одѣ, но обработано по-своему. Начинается оно такъ:

Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подчасъ не кстати слишкомъ злая,
Подчасъ роскошна не впопадъ,
Скажи, Фортуна дорогая:
За что у насъ съ тобой нeладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?
И между тѣмъ, какъ я, изъ ласки,
Тебѣ умильны строю глазки,

Ты, важность гордую храня,
Едва меня примѣтить хочешь,
Иль, въ добрый часъ, чуть-чуть, слегка
Блеснувши мнѣ издалека,
Меня надеждою волочишь.

А между тѣмъ,—говоритъ далѣе авторъ,—къ другимъ ты, Фортуна, благоволишь,

Вездѣ во всемъ имъ помогаешь,
Всегда во всемъ имъ потакаешь.

И Крыловъ набрасываетъ нѣсколько сатирическихъ картинъ. Одна изъ нихъ напоминаетъ обстановку Державинскаго „Сарданапала" (Потемкина), другая рисуетъ незаслуженную военную славу, третья изображаетъ, какъ счастье нерѣдко глупца и порочнаго „по шерсткѣ гладитъ, къ честямъ ведетъ и въ славу рядитъ"; наконецъ, въ четвертой выводится счастливый игрокъ-банкометъ.

Ему, что день, то новы сроки
Съ понтеровъ собирать оброки.
Съ тѣхъ поръ, какъ ладенъ онъ съ тобой,
Своимъ умѣньемъ и проворствомъ,
А болѣе твоимъ потворствомъ,
Не сотню въ міръ пустилъ съ сумой.

Въ противоположность этимъ счастливцамъ, авторъ указываетъ на людей, которымъ, какъ говорится, не везетъ. У одного и „яблоковъ моченыхъ нѣтъ приправить скромный свой обѣдъ"; другой на бранномъ полѣ „бригады съ ногъ валитъ долой" — и остается безъ отличія; третій отличается „законовъ строгимъ наблюденьемъ, разсудкомъ, истиной, ученьемъ"—и живетъ

За правду знатью не любимъ,
За истину отъ всѣхъ гонимъ;

четвертый выведенъ въ противоположность игроку: онъ трудолюбивый и умѣлый хозяинъ — и что же дѣлаетъ съ нимъ Фортуна?

Не кстати у него засуха,
Не кстати дождикъ проливной,—

и истреблена „трудовъ его награда".

Заканчивается стихотвореніе иначе, чѣмъ у Державина: тотъ проситъ себѣ только спокойствія; мысль же Крылова возвышеннѣе.

Вотъ какъ ты, счастье, куролесишь;
Вотъ какъ неправду съ правдой вѣсишь!
Ласкаешь тѣхъ, въ комъ чести нѣтъ;
Уму и правдѣ досаждая,
Безумство, наглость награждая,
Ты портишь только здѣшній свѣтъ.
Я вижу, ты, мой другъ, ужъ скучишь
И, можетъ быть, меня проучишь
За то, что я немножко смѣлъ
И правду высказать умѣлъ.
Послушай, я не кинусь въ слезы:
Мнѣ шутка всѣ твои угрозы.
Что я стараюсь пріобрѣсть,
То не въ твоихъ рукахъ хранится;
А чѣмъ не можешь подѣлиться,
Того не можешь и унесть.

Есть указаніе, что пьеса „Къ счастью“, кромѣ простого желанія соперничать съ Державинымъ, была вызвана двоякой невзгодой: непріятностями по типографіи (Крылова подозрѣвали въ напечатаніи книги Радищева) и несчастной любовью къ какой-то Анютѣ [41]).

Подобно Дмитріеву, Крыловъ увлекался и легкой поэзіей: онъ писалъ посланія, эпиграммы, эпитафіи и изливалъ въ стихахъ свою любовь къ Анютѣ. Эти и нѣкоторыя другія стихотворенія Крылова имѣютъ отчасти біографическій интересъ, проливая свѣтъ на личность автора. Въ нихъ часто встрѣчается далеко не жизнерадостное настроеніе. Такъ, напримѣръ, въ стихотвореніи: „Къ спящему дитяти“, написанному въ подражаніе пьескѣ Дмитріева: „Къ младенцу“, Крыловъ представляетъ себѣ свѣтъ въ очень темныхъ краскахъ и, обращаясь къ малюткѣ, говоритъ:

Спи, дитя, другъ милый мой!
Спи, доколь твой вѣкъ такъ нѣженъ.
Придетъ время, что сонъ твой,
Такъ не будетъ безмятеженъ.
Золотой твой вѣкъ пройдетъ:
Вѣкъ тебя желѣзный ждетъ;
Ждутъ тебя сердца жестоки,
Ложна дружба, ложна честь;
Ждутъ развраты и пороки,
Чтобъ тебѣ погибель сплесть...

Въ другомъ стихотвореніи—„Отъѣздъ изъ деревни“—городское общество представляется такимъ,

Гдѣ языки одни рѣчисты,
Гдѣ все добро на языкѣ,
Гдѣ дружба—почеркъ на пескѣ,
Гдѣ клятва—соколъ въ высотѣ,
Гдѣ нравъ и сердце такъ же чисты
(Не въ гнѣвъ то буди городскихъ),
Какъ чистъ и легокъ воздухъ ихъ.

Видъ городской роскоши щемитъ сердце поэта, потому что въ городахъ, какъ сказано въ пьесѣ: „Уединеніе",—

роскошь, золотомъ блестя,
Зоветъ гостей въ свои палаты
И ставитъ имъ столы богаты,
Изнѣженнымъ ихъ вкусамъ льстя;
Но въ хрусталяхъ своихъ безцѣнныхъ
Она не вина раздаетъ:
Въ нихъ *пьнится кровавый потъ*
Народовъ, ею разоренныхъ.

Пьеса эта заканчивается такъ:

Удары молніи опасны,
Въ дубравахъ страшенъ мракъ ночной,
Ужасенъ звѣря хищна вой—
Но люди болѣ мнѣ ужасны.

Идеалъ автора: „не ползать въ низости" („Уединеніе"), „честь выше золота считать, съ богатствомъ совѣсть не равнять и къ деньгамъ быть ничуть не падкимъ" („Посланіе къ моему другу").

Краткія свѣдѣнія о второй половинѣ жизни Крылова.— Крыловъ — сфинксъ.— Неудачная попытка В. В. Сиповскаго разгадать этого сфинкса.

Говорить подробно о внѣшней сторонѣ второй половины жизни Крылова, о его незатѣйливой обстановкѣ, о его образѣ жизни, привычкахъ, разсказывать существующія о немъ анекдоты—это значило бы повторять хорошо всѣмъ извѣстныя мѣста изъ біографіи Крылова, написанной Плетневымъ [42]. Поэтому мы ограничимся лишь тѣмъ, что напомнимъ читателю только важнѣйшіе факты, и затѣмъ перейдемъ къ вопросу о личности нашего баснописца.

Въ 1808 г. Крыловъ опять поступилъ на службу — при Монетномъ дворѣ; въ 1810-мъ вышелъ въ отставку, а въ 1812-мъ получилъ мѣсто библіотекаря въ Русскомъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки, поселился въ ея зданіи и спокойно прожилъ въ немъ по 1841 г. Плетневъ, назвавъ эту жизнь Кры-

лова тихой и однообразной, разумѣется, былъ правъ, въ особенности, если сравнивать ее съ годами его молодости. Тѣмъ не менѣе славой своей Крыловъ обязанъ именно этой второй половинѣ своей жизни. Истиннымъ призваніемъ его была сатира. Но сатира, какъ извѣстный родъ литературныхъ произведеній, можетъ проявляться въ различныхъ формахъ, и формы эти для своей обработки требуютъ иногда совершенно различныхъ талантовъ. Крыловъ съ разною степенью успѣха пробовалъ обработывать то драматическую, то эпистолярную форму, то форму ораторской рѣчи,— но никогда бы онъ не сталъ знаменитымъ и популярнымъ писателемъ, если бы наконецъ не напалъ на ту форму, которая вполнѣ соотвѣтствовала его таланту: на форму басни. Правда, баснями интересовался онъ и раньше: есть свидѣтельство, что Крыловъ уже въ 1792 г. былъ знакомъ съ Лафонтеномъ и цѣнилъ „красоты" его басенъ. Въ указанномъ году онъ подарилъ Клушину экземпляръ Лафонтена съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

Залогомъ дружества прими Фонтена ты,
И пусть оно въ сердцахъ тогда у насъ увянетъ,
Когда богъ ясныхъ дней свѣтить нашъ міръ престанетъ,
Или Фонтеновы затмитъ кто красоты.

Въ повѣсти: „Каибъ" встрѣчаемъ и собственную попытку Крылова: его басню о полотнѣ, на которомъ была нарисована картина,—но все-таки истиннымъ годомъ рожденія его, какъ баснописца, надо считать даже не тотъ (1805-й), когда онъ принесъ на судъ Дмитріеву свои первыя три басни (сперва „Дубъ и трость" и „Разборчивая невѣста", а немного спустя и „Старикъ и трое молодыхъ",—всѣ три переведенныя изъ Лафонтена), а 1808-й годъ, когда онъ усиленно занялся созданіемъ басенъ и сталъ помѣщать ихъ почти въ каждой книжкѣ „Драматическаго Вѣстника" этого года. Извѣстными кружками басни Крылова были встрѣчены съ восторгомъ, потому что, какъ говоритъ Плетневъ, „онѣ представляли собою такія произведенія поэзіи, которыми удовлетворялись и требованія литературной критики и ожиданія національнаго чувства. Патріотическое стремленіе къ самостоятельной, независимой поэзіи видѣло въ нихъ залоги для своей эпохи". Басни-то и сблизили Крылова съ Оленинымъ, горячо интересовавшимся успѣхами отечественной словесности, и въ домѣ его баснописецъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ.

Слава Крылова особенно стала расти съ 1809 г., когда вышло первое изданіе его басенъ въ числѣ 23. Скоро послѣ этого сталъ

искать сближенія съ Крыловымъ и другой кружокъ — Державинско-Шишковская „Бесѣда", въ дѣйствительные члены которой баснописецъ и былъ принятъ въ 1811 г. Къ „Бесѣдѣ" Крыловъ охотно примкнулъ потому, конечно, что, подобно С. Аксакову [43]), видѣлъ въ Шишковѣ представителя національнаго направленія и сочувствовалъ его филиппикамъ противъ французовъ.

Въ концѣ того же 1811 г. Крыловъ былъ избранъ въ академики. Плетневъ избраніе это объясняетъ расположеніемъ къ Крылову членовъ „Бесѣды", между которыми бо́льшая часть была и членами Россійской Академіи: они-то и избрали Крылова. Но онъ оказался далеко не ревностнымъ ея посѣтителемъ. По объясненію того же Плетнева, причиною тому было слѣдующее: „Блистательный періодъ существованія Россійской Академіи уже прошелъ. Своею славою она обязана Екатеринѣ II, непосредственно участвовавшей въ ея занятіяхъ, и первому президенту своему— княгинѣ Дашковой, умѣвшей постигнуть глубокую мысль великой основательницы Академіи. Крыловъ не нашелъ въ ученыхъ засѣданіяхъ той занимательности и возбужденія, которыя бы сообщили новый полетъ его генію. Онъ рѣдко посѣщалъ Академію, и то развѣ въ торжественныя собранія. Таковы" — прибавляетъ Плетневъ для оправданія Крылова, — „вездѣ бываютъ отношенія геніальныхъ людей къ прозаическимъ офиціальнымъ совѣщаніямъ".

Благодаря своимъ баснямъ, Крыловъ, можно сказать, былъ осыпаемъ монаршими милостями: съ 1812 г. онъ уже получалъ 1500 р. ас. пенсіи; съ 1820 г. — 3000, съ 1834 г. — 6000, а съ 1841 г. — 11,700. Русское общество почтило Крылова еще при жизни (въ 1838 г.) торжественнымъ юбилеемъ, такъ подробно описаннымъ у Плетнева, и наконецъ черезъ 11 лѣтъ по смерти баснописца воздвигло ему памятникъ въ Петербургѣ (въ Лѣтнемъ саду), и притомъ такой великолѣпный, какого и до сихъ поръ не могутъ дождаться себѣ въ этомъ городѣ ни Пушкинъ ни Гоголь.

Но мы забыли упомянуть еще объ одной почести, оказанной Крылову: въ 1829 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Петербургскаго университета.

Умеръ Крыловъ 9 ноября 1844 г. Погребенъ на кладбищѣ Александроневской лавры, возлѣ Гнѣдича, недалеко отъ могилы Карамзина.

Если во внѣшней сторонѣ жизни Крылова есть еще много неяснаго, то не удивительно, что далеко не ясною представляется

и самая его личность. В. В. Сиповскій очень вѣрно замѣтилъ, что „дѣдушка-Крыловъ съ его литературной славой и букетомъ анекдотовъ, только изъ которыхъ и клеятся обыкновенно его біографіи, остается для насъ *сфинксомъ*[44]). И Сиповскій попробовалъ разгадать этого сфинкса, но едва ли достигъ цѣли. Свои выводы онъ, правда, основываетъ на біографическихъ данныхъ, но самыя данныя очень часто беретъ лишь предположительно, оговаривая ихъ словами: „вѣроятно", „должно думать", „повидимому" и т. п. Во-вторыхъ, въ число данныхъ онъ вводитъ и такія, достовѣрность которыхъ другими критиками уже заподозрѣна (напр. Кирпичниковымъ), а иными отвергается даже съ негодованіемъ (напр. Нечаевымъ, Драгановымъ[45]). Добывъ на основаніи такого отчасти шаткаго матеріала свое представленіе о личности Крылова, Сиповскій, увлекшись правиломъ французскаго ученаго Брюнетьера, требующимъ объяснять литературныя произведенія индивидуальностью писателя, захотѣлъ и басни Крылова объяснить именно такъ, какъ подсказывало добытое имъ представленіе о баснописцѣ, какъ человѣкѣ. Само собою разумѣется, что при такомъ пріемѣ онъ долженъ былъ толковать басни Крылова съ предвзятой заранѣе мыслью. Пыпинъ встрѣтилъ съ восторгомъ отрицательные выводы Сиповскаго и занесъ ихъ въ свою литературу. Но не рановременна ли эта радость? Пыпинъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1895 г. (авг.) съ радостью привѣтствовалъ и отрицательные выводы Милюкова относительно Карамзина, однако позднѣе, въ „Исторіи литературы", отзывы свои о несамостоятельности труда исторіографа значительно смягчилъ.

Мы съ своей стороны думаемъ, что, отнюдь не пренебрегая достовѣрными біографическими данными, уясненіе личности Крылова во вторую половину его жизни все-таки надо начать не съ біографіи его, болѣе или менѣе темной, а съ его басенъ. Онѣ, поставленныя исходной точкой, пожалуй, скорѣе дадутъ болѣе вѣрное представленіе о „дѣдушкѣ-Крыловѣ".

Басни Крылова.

Степень оригинальности Крылова, какъ баснописца.—Работа его надъ своими баснями.

Въ виду того, что Крыловъ не только самъ создавалъ басни, но и заимствовалъ ихъ изъ разныхъ источниковъ, является вопросъ: въ какой же мѣрѣ оригиналенъ нашъ баснописецъ?—Вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Опредѣленіемъ источниковъ, которыми пользовался Крыловъ, занимались и русскіе и французскіе изслѣдователи. На основаніи ихъ работъ, при самомъ строгомъ отношеніи къ дѣлу, басенъ неоригинальныхъ у Крылова можно насчитать лишь 63. Слѣдовательно, если не брать въ расчетъ басни: „Обѣдъ у медвѣдя“, принадлежность которой нашему баснописцу, по выраженію Грота, „остается въ подозрѣніи“, то Крыловъ является авторомъ 137 оригинальныхъ басенъ [46]). Этого количества вполнѣ достаточно, чтобы баснописецъ получилъ право на признаніе его оригинальнымъ, и право это ни въ какомъ случаѣ не можетъ умаляться вслѣдствіе того, что, сверхъ басенъ оригинальныхъ, у него есть и неоригинальныя. Но относительно Крылова такое положеніе имѣетъ еще большую силу, такъ какъ разсмотрѣніе упомянутыхъ 63 басенъ ведетъ скорѣе къ увеличенію степени оригинальности нашего баснописца, а не къ ея умаленію. И въ самомъ дѣлѣ:

Во-первыхъ, въ числѣ этихъ 63 басенъ есть нѣсколько такихъ, неоригинальность которыхъ представляется еще очень сомнительной. Таковы басни: „Обезьяны“, „Оракулъ“, „Оселъ и соловей“, „Демьянова уха“, „Прохожіе и собаки“, „Двѣ бочки“, „Котенокъ и скворецъ“, „Три мужика“, и „Два мальчика“ [47]). Ихъ источники указалъ французскій критикъ Флёри; но сходство между ними и баснями Крылова можетъ быть и случайнымъ, да притомъ же и сходство это иногда очень отдаленное. Такъ, напримѣръ, если даже и допустить, что Крыловъ, создавая свою б. „Оракулъ“, былъ знакомъ съ указанной Флёри эпиграммой Лафонтена [48]),—то что же это за источникъ для его басни!

Во-вторыхъ, заимствованія у Эзопа въ большинствѣ случаевъ таковы, что если сравнивать оригиналъ съ пересозданіемъ его, то первый покажется почти прозаическимъ разсказомъ, и только подъ перомъ Крылова основныя мысли Эзопа приняли художественное выраженіе, и явилась прелесть повѣствованія и жизненность. При этомъ Крыловъ значительно развивалъ содержаніе образца, вводя разныя подробности, и часто измѣнялъ дѣйствующія лица, а иногда измѣнялъ и содержаніе и нравоученіе. Вотъ, для сравненія, нѣсколько басенъ Эзопа въ переводѣ Мартынова.

Молодой человѣкъ и ласточка (ср. съ б. Кр. „Мотъ и ласточка“). Развратный юноша, промотавши наслѣдство и оставшись въ одномъ только платьѣ, увидѣлъ ласточку, преждевременно показавшуюся, и, думая, что уже наступила весна, не требующая никакого платья, продалъ и его. Когда же пришла зима,

и подулъ сильный вѣтеръ,—увидѣвши ласточку мертвою, сказалъ ей: „Бѣдняжка! ты меня погубила“.—Басня учитъ, что все дѣлаемое не во время, опасно.

Претерпѣвшій кораблекрушеніе и море (ср. съ б. Кр. „Пловецъ и море“). Претерпѣвшій кораблекрушеніе, выброшенный волнами моря на берегъ, спалъ отъ утомленія. Черезъ нѣсколько времени проснувшись, сталъ бранить море, обвиняя его, что оно, обольщая людей своею тихостью, когда къ себѣ заманитъ, ихъ поглощаетъ и губитъ. Море, принявъ видъ жены, сказало ему: „Не меня, другъ мой, вини, но вѣтры; я таково отъ природы, каковымъ видишь меня. Кто же нечаянно попадетъ ко мнѣ, тѣ поднимаютъ на мнѣ волны и приводятъ меня въ ярость“.—И намъ должно винить не тѣхъ, кои дѣлаютъ обиды, когда они подчинены другимъ, но ихъ начальниковъ.

Пѣшеходцы и яворъ (ср. съ б. Кр. „Свинья подъ дубомъ“). Пѣшеходцы лѣтнею порою, около полудня, томимые зноемъ, увидѣвши яворъ, пошли подъ него и, легши подъ его тѣнью, покоились. Взглянувши же на яворъ, говорили другъ другу, что это дерево безплодно и безполезно для людей. Яворъ имъ отвѣчалъ: „О неблагодарные! наслаждаясь моимъ благодѣяніемъ, называете меня безплоднымъ и безполезнымъ“.—Такъ многіе бываютъ несчастны: благотворя ближнимъ, больше лишь дѣлаютъ ихъ неблагодарными [49]).

Пастухъ и козы (ср. съ б. Кр. „Дикія козы“). Пастухъ въ ненастье привелъ козъ къ необитаемой пещерѣ, гдѣ нашелъ дикихъ козъ и козловъ больше числомъ и ростомъ, чѣмъ было у него. Почему, оставивши своихъ, началъ кормить дикихъ листьемъ. Когда наступила хорошая погода, то онъ нашелъ своихъ козъ околѣвшими съ голоду, а дикія убѣжали въ горы. Пастухъ, разсмѣявшись, пошелъ домой безо всего.—Никогда не надобно пренебрегать своимъ добромъ, въ надеждѣ прибыли отъ чужого.

Собака (ср. съ б. Кр. „Оселъ“: „Былъ у крестьянина оселъ“ и т. д.). Собака привыкла кусать исподтиха. Хозяинъ привѣсилъ ей гремушку, чтобы всѣ ея остерегались. Она, потряхивая гремушкою, на рынкѣ величалась. Старуха сказала ей: „Что ты хвастаешь? Не за добродѣтель носишь ты это, но для обличенія кроющагося въ тебѣ лукавства“.—Тщеславные нравы хвастуновъ обнаруживаютъ скрытую ихъ злость.

Медвѣдь и лисица (ср. съ б. Кр. „Медвѣдь въ сѣтяхъ“). Нѣкогда медвѣдь хвасталъ, что онъ всѣхъ животныхъ человѣколюбивѣе. Ибо говорятъ, что медвѣдь ничего мертваго не ѣстъ. Ли-

сица, услышавъ это, усмѣхнулась и сказала ему: „О, когда бы ты ѣлъ мертвыхъ, а не живыхъ!"—Басня изобличаетъ обманщиковъ и лицемѣровъ.

Сравненіе показываетъ, какъ велика та доля, которую Крыловъ могъ взять у Эзопа, и какое богатство изображенія принадлежитъ его собственному творчеству.

Въ-третьихъ, тѣ басни, которыя обыкновенно называютъ заимствованными у Лафонтена, далеко не представляютъ собою одно только заимствованіе: въ нихъ есть очень много такого, что принадлежитъ не Лафонтену, а Крылову. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сравнимъ нѣсколько басенъ того и другого писателя. Но прежде попытаемся ближе опредѣлить отношеніе нашего баснописца къ французскому.

Если принять во вниманіе, что басни: „Ворона" и „Левъ и мышь" могли быть заимствованы и у Эзопа, а басни: „Котенокъ и скворецъ" и „Два мальчика" склоняются признать скорѣе оригинальными, нежели заимствованными, — то, за вычетомъ этихъ четырехъ басенъ, безспорно заимствованныхъ у Лафонтена слѣдуетъ считать всего лишь 27.—Вотъ ихъ перечень:

1. Дубъ и трость (1806). — 2. Разборчивая невѣста (1806).— 3. Старикъ и трое молодыхъ (1806).—4. Ворона и лисица (1808).— 5. Лягушка и волъ (1808).—6. Левъ на ловлѣ (1808).—7. Пустынникъ и медвѣдь (1808).—8. Волкъ и ягненокъ (1808).—9. Стрекоза и муравей (1808). — 10. Муха и дорожные (1808). — 11. Лисица и виноградъ (1808).—12. Крестьянинъ и смерть (1808).—13. Два голубя (1809).—14. Моръ звѣрей (1809).—15. Пѣтухъ и жемчужное зерно (1809).—16. Левъ и комаръ (1809).—17. Лягушки, просящія царя (1809). — 18. Откупщикъ и сапожникъ (1811). — 19. Вороненокъ (1811).—20. Подагра и паукъ (1811).—21. Волкъ и журавль (1816). — 22. Госпожа и двѣ служанки (1816). — 23. Скупой и курица (1819).—24. Пастухъ и море (1819).—25. Муха и пчела (1825).— 26. Левъ состарѣвшійся (1825).—27. Котелъ и горшокъ (1825).

Поставленныя въ скобкахъ хронологическія указанія даютъ возможность видѣть, въ какой именно періодъ своей дѣятельности Крыловъ болѣе обращался къ Лафонтену. Оказывается, что обращенія его были особенно часты лишь до 1811 г. включительно (заимствовано 20 б.); затѣмъ до 1816 г. Крыловъ къ Лафонтену вовсе не обращается, а съ этого года обращенія его къ нему хотя и снова повторяются, но очень рѣдко, и оканчиваются они 1825 годомъ. Изъ этого мы имѣемъ право заключить, что Крыловъ заимствовалъ у Лафонтена, во-первыхъ, сравнительно очень

немного, а во-вторыхъ — заимствованія эти относятся главнымъ образомъ къ самому раннему періоду его дѣятельности, какъ баснописца.

Теперь обратимся къ сравненію. Возьмемъ хоть б. „Подагра и паукъ“. Басня эта есть и у Тредьяковскаго, и мы ниже, въ примѣчаніяхъ, приводимъ ее [50]) съ цѣлію показать, что, кромѣ основы, между нею и басней Крылова нѣтъ ничего общаго, и слѣдовательно все то, что отличаетъ басню послѣдняго отъ басни Лафонтена, принадлежитъ исключительно Крылову. Отличія же эти слѣдующія:

La goutte et l'araignée.—Подагра и паукъ.

Quand l'enfer eut produit la goutte et l'araignée,
Mes filles, leur dit-il, vous pouvez vous vanter
D'être pour l'humaine lignée
Egalement à redouter.
Or, avisons aux lieux qu'il vous faut habiter.
Voyez-vous ces cases étroites,
Et ces palais si grands, si beaux, si bien dorés?
Je me suis proposé d'en faire vos retraites.
Tenez donc voici deux bûchettes:
Accommodez-vous, ou tirez.

Этимъ 10 стихамъ Лафонтена соотвѣтствуютъ у Крылова 25. Вставивъ отъ себя замѣтку о самомъ Лафонтенѣ (ст. 2—7), Крыловъ, приступая къ передачѣ напутственной рѣчи родителя, опять отъ себя же предпосылаетъ ей слѣдующіе стихи:

Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ
(Для добраго отца большія дѣтки — бремя!)
То, отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ...

Далѣе, передавая рѣчь отца, онъ ведетъ ее очень самостоятельно, то замѣняя выраженіе Лафонтена своимъ собственнымъ, какъ напр. обращеніе *mes filles* — замѣнилъ онъ чисто русскимъ *вы, дѣтушки;* то расширяя мысль подлинника, какъ расширено у него напр. указаніе на убогія хижины и на пышные чертоги; то, наконецъ, вставляя мысль отъ себя, какъ напр. вставлена имъ мысль о большой надеждѣ отца на то, что дѣти поддержатъ его честь.

Il n'est rien, dit l'aragne, aux cases qui me plaise,
L'autre, tout au rebours, voyant les palais pleins
De ces gens nommés médecins,
Ne crut pas y pouvoir demeurer à son aise.

Elle prend l'autre lot, y plante le piquet,
S'étend à son loisir sur l'orteil d'un pauvre homme
Disant: Je ne crois pas qu'en ce poste je chôme,
Ni que d'en déloger et faire mon paquet
Jamais Hippocrate me somme.
L'aragne cependant se campe en un lambris,
Comme si de ces lieux elle eût fait bail à vie;
Travaille à demeurer: voilà sa toile ourdie,
Voilà des moucherons de pris.

Передавая эти стихи (26—38), Крыловъ измѣнилъ ихъ порядокъ и пересказалъ ихъ также свободно, какъ и предыдущіе.

Une servante vient balayer tout l'ouvrage.
Autre toile tissue, autre coup de balai.
Le pauvre bestion tous les jours déménage.

О бѣдахъ паука Крыловъ разсказываетъ съ гораздо большею подробностью и—прибавимъ—картинностью (ст. 39—47).

Enfin, après un vain essai,
Il va trouver la goutte. Elle était en campagne,
Plus malheureuse mille fois
Que la plus malheureuse aragne.
Son hôte le menait tantôt fendre du bois,
Tantôt fouir, houer: goutte bien tracassée
Est, dit-on, à demi pansée.

Въ соотвѣтствующихъ этому мѣсту стихахъ Крылова (48—58) видимъ опять ту же свободную передачу и, кромѣ того, прибавленную имъ отъ себя замѣтку о народной примѣтѣ насчетъ подагры.

Oh! je ne saurais plus, dit-elle, y résister.
Changeons, ma soeur l'aragne. Et l'autre d'écouter:
Elle le prend au mot, se glisse en la cabane:
Point de coup de balai qui l'oblige à changer.
La goutte, d'autre part, va tout droit se loger
Chez un prélat, qu'elle condamne
A jamais du lit ne bouger.
Cataplasmes, Dieu sait! Les gens n'ont point de honte
De faire aller le mal toujours de pis en pis.
L'une et l'autre trouve de la sorte son compte,
Et fit très sagement de changer de logis.

Характеръ пересказа и этихъ стиховъ у Крылова (49—67) остался тотъ же и притомъ съ замѣной прелата сѣдымъ превосходительствомъ.

Мы отмѣтили лишь болѣе или менѣе бросающіяся въ глаза частности; но нельзя не замѣтить, что въ цѣломъ обѣ басни производятъ не одинаковое впечатлѣніе: разсказъ Крылова живѣе. Чѣмъ же инымъ объяснить эту бо́льшую живость, какъ не совокупностью всего того, что наложено на оригиналъ нашимъ баснописцемъ, какъ плодъ его собственнаго творчества, и что хотя не легко поддается анализу, но зато легко чувствуется при чтеніи цѣлаго?

Перейдемъ теперь къ б. „Левъ на ловлѣ". У Лафонтена она читается такъ:

La génisse, la chèvre et la brebis, en société avec le lion.

La génisse, la chèvre et leur soeur la brebis
Avec un fier lion, seigneur du voisinage,
Firent société, dit-on, au temps jadis,
Et mirent en commun le gain et le dommage.
Dans les lacs de la chèvre un cerf se trouva pris:
Vers ses associés aussitôt elle envoie.
Eux venus, le lion par ses ongles compta
Et dit: Nous sommes quatre à partager la proie.
Puis en autant de parts le cerf il dépeça;
Prit pour lui la première en qualité de sire.
Elle doit être à moi, dit-il; et la raison,
C'est que je m'appelle lion:
A cela l'on n'a rien à dire.
La seconde, par droit, me doit échoir encor:
Ce droit, vous le savez, c'est le droit du plus fort.
Comme le plus vaillant, je prétends la troisième.
Si quelqu'une de vous touche á la quatrième,
Je l'étranglerai tout d'abord.

Басня эта есть у Тредьяковскаго, Сумарокова, Хемницера, [51]) но сравненіе можетъ удостовѣрить, что Крыловъ переводилъ Лафонтена непосредственно, и ни одинъ изъ упомянутыхъ его предшественниковъ въ обработкѣ даннаго сюжета не имѣлъ на него вліянія, а слѣдовательно и въ этомъ случаѣ все то, что отличаетъ басню Крылова отъ Лафонтеновой, принадлежитъ исключительно ему, Крылову. А отличаетъ ее слѣдующее.

Замѣнивъ телушку, козу и овцу Лафонтена собакой, волкомъ и лисой — животными, болѣе соотвѣтствующими сюжету, Крыловъ, передавая смыслъ первыхъ 4-хъ строкъ французской басни, измѣнилъ и договоръ звѣрей: у Лафонтена они договариваются объ общихъ барышахъ и убыткахъ (le gain et le dommage).

что невольно вызываетъ представленіе о чемъ-то въ родѣ акціонернаго общества. Такимъ представленіемъ и объясняется выраженіе Сумарокова: „Вступили нѣкогда въ торговлю“ и подобное же выраженіе Хемницера: „Когда-то въ пайщики вступили и льва съ собою пригласили“. Крыловъ же прямо беретъ понятіе изъ охотничьей жизни и заставляетъ своихъ звѣрей говорить о ловлѣ добычи и о равномъ дѣлежѣ ея (ст. 1—7).

Слѣдующіе затѣмъ два стиха Лафонтена (ст. 5—6) Крыловъ значительно распространилъ (ст. 8—12), а далѣе, вмѣсто сжатаго выраженія: Eux venus, le lion par ses ongles compta et dit, онъ даетъ цѣлую картину (ст. 13—16).

Заключительная же рѣчь льва, напротивъ, передана нашимъ баснописцемъ болѣе короткими словами—и вслѣдствіе этого она выигрываетъ въ силѣ: — его левъ не любитъ лишнихъ словъ (ст. 16—24).

Возьмемъ еще басню: „Ворона и лисица“. У Лафонтена эта басня такова:

Le corbeau et le renard.

Maître corbeau, sur un arbre perché,
Tenait en son bec un fromage.
Maître renard, par l'odeur alleché,
Lui tint à peu près ce langage:
Hé! bonjour, monsieur du corbeau.
Que vous êtes joli! que vous me semblez beau!
Sans mentir, si votre ramage
Se rapporte à votre plumage,
Vous êtes le phénix des hôtes de ces bois.
A ces mots le corbeau ne se sent pas de joie;
Et, pour montrer sa belle voix,
Il ouvre un large bec, laisse tomber sa proie.
Le renard s'en saisit, et dit: Mon bon Monsieur,
Apprenez que tout flatteur
Vit aux dépens de celui qui l'écoute.
Cette leçon vaut bien un fromage, sans doute.
Le corbeau, honteux et confus,
Jura, mais un peu tard, qu'on ne l'y prendrait plus.

Басня эта есть также у Тредьяковскаго и Сумарокова [52]). Сравнивъ ихъ увидимъ, что въ обработкѣ сюжета между Тредьяковскимъ и Крыловымъ нѣтъ ничего общаго, за исключеніемъ развѣ „вороновой *вѣщбы*“, напоминающей Крыловскую *вѣщунью*. Но нельзя этого сказать относительно Сумарокова: слѣды его вліянія замѣтны въ льстивой рѣчи лисицы у Крылова, и очевидно,

что источникомъ ея служилъ не Лафонтенъ, а Сумароковъ.— Итакъ рассматриваемая басня Крылова взята изъ двухъ источниковъ — и все-таки она имѣетъ свои индивидуальныя черты:

I. Отъ Лафонтеновой басни она отличается слѣдующимъ:

а) Нравоученіе Крылова ни по мѣсту ни по идеѣ не соотвѣтствуетъ нравоученію Лафонтена.

б) Стихи Лафонтена 3-й и 4-й, довольно-таки прозаическіе, у Крылова замѣнены цѣлой живой картиной (ст. 8—13).

в) Сжатая у Лафонтена рѣчь лисицы пространно выражена у Крылова и является настоящей рѣчью льстеца, не скупящагося на похвалы.

г) Послѣднимъ 9 стихамъ Лафонтена, въ числѣ которыхъ есть и нравоученіе, но, какъ уже сказано, иное, чѣмъ у Крылова, у нашего баснописца соотвѣтствуютъ 5 стиховъ, чрезвычайно художественно заканчивающихъ басню, изображая ту быстроту, съ которою произошло событіе.

II. Написанная же подъ вліяніемъ Сумарокова рѣчь лисицы представляетъ собою произведеніе оратора совсѣмъ иной школы.

Наконецъ заглянемъ въ одну изъ тѣхъ басенъ, гдѣ Крыловъ, какъ переводчикъ, выступалъ соперникомъ Дмитріева. Такова, напримѣръ, басня: „Левъ и комаръ“ [53]). Сличеніе опять показываетъ, что басня Крылова многимъ отличается и отъ б. Лафонтена и отъ б. Дмитріева—и носитъ на себѣ характеръ самостоятельной обработки заимствованнаго сюжета.

Послѣднія слова могутъ быть отнесены не только къ этой, но и почти ко всѣмъ баснямъ Крылова, заимствованнымъ у Лафонтена, такъ какъ очень немногія изъ нихъ можно назвать *переводомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ это слово, и образцомъ чего служитъ басня: „Дубъ и трость“, которую нашъ баснописецъ, соперничая съ Дмитріевымъ, усиленно стремился перевесть какъ можно ближе къ подлиннику, передѣлывалъ не менѣе семи разъ — и наконецъ достигъ своей цѣли.

В ъ - ч е т в е р т ы х ъ, если не болѣе, то ужъ во всякомъ случаѣ не менѣе самостоятельную обработку находимъ и въ тѣхъ басняхъ Крылова, которыя заимствованы имъ изъ разныхъ другихъ источниковъ, кромѣ Эзопа и Лафонтена, каковы, напримѣръ, басни: „Огородникъ и философъ“, „Обезьяна“, „Лжецъ“, „Тѣнь и человѣкъ“, „Дерево“, „Чижъ и голубь“, „Конь и всадникъ“, „Водопадъ и ручей“, „Двѣ собаки“, „Прихожанинъ“ и др. [54]).

Итакъ Крыловъ, неподражаемо-оригинальный въ томъ случаѣ, когда онъ является полнымъ творцомъ своей басни, въ высокой степени оригиналенъ и тогда, когда онъ, такъ сказать, строитъ свое зданіе на чужомъ фундаментѣ. Станетъ ли онъ пересказывать то, что сказано кѣмъ-либо только одинъ разъ; вступитъ ли онъ въ соперничество со многими разсказчиками на одну и ту же тему,—онъ всегда умѣетъ разсказать по-своему, и какъ бы ни были хороши нѣкоторые изъ соперниковъ Крылова, нельзя отказать себѣ въ удовольствіи послушать и его своеобразный и мастерской разсказъ, въ которомъ встрѣтится, конечно, много знакомаго, но много и такого, что произведетъ совсѣмъ иное впечатлѣніе.

Обыкновенно говорятъ, что Крыловъ, хорошо обставившись матеріально, облѣнился. Внимательное изученіе его рукописей удостовѣряетъ, что надъ баснями своими онъ трудился очень много. Рукописи его басенъ изучалъ, между прочимъ, Кирпичниковъ — и рѣшилъ, что слава баснописцу досталась вовсе не легко: басни Крылова, и притомъ даже написанныя въ послѣдніе годы его авторской дѣятельности, имѣютъ варіанты, и нерѣдко одна и та же басня исправлялась и измѣнялась имъ не одинъ, а нѣсколько разъ: три, четыре, пять и даже семь разъ. О работѣ Крылова надъ баснями отчасти можно судить уже по варіантамъ, собраннымъ Кеневичемъ [55]), но ту цѣль, съ которою дѣлались всѣ эти измѣненія и поправки, тѣ стремленія, которыя руководили автора,— это указалъ впервые Кирпичниковъ.

„Крыловъ"—говоритъ онъ—„стремился къ возможной краткости, въ особенности въ послѣднихъ строкахъ басни; прибавлять лишніе стихи онъ рѣшается только въ томъ случаѣ, если черезъ это онъ можетъ ввести мѣткій народный оборотъ; зато обороты книжные и искусственную конструкцію онъ гонитъ изъ всѣхъ силъ. Стремясь къ пластичности, онъ замѣняетъ неопредѣленныя выраженія точными и картинными" [56]).

Примѣромъ послѣдняго можетъ служить слѣдующая поправка въ б. „Муха и пчела". Въ первоначальной редакціи было:

И, *въ близости* пчелу увидя...

Отвлеченное выраженіе Крыловъ потомъ замѣнилъ конкретнымъ образомъ:

И, *на цвѣткѣ* пчелу увидя...

Изученіе рукописей и варіантовъ привело Кирпичникова къ сомнѣнію, дѣйствительно ли Крыловъ былъ такъ лѣнивъ, какъ его обыкновенно представляютъ.

Интересовался ли Крыловъ-баснописецъ общественной жизнью менѣе, чѣмъ Крыловъ-журналистъ?—Его басни-сатиры на современный ему чиновничій міръ и басни по поводу нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ.—Опять положеніе: „люди, а не учрежденія". Басни, отмѣтившія недостатки другихъ сословій. — Вопросъ объ отношеніи одного сословія къ другому. — Басни о воспитаніи и замѣтки на замѣчанія о нихъ Аммона.—Политическіе взгляды Крылова.—Его отношеніе къ цензурѣ при кн. Голицынѣ.—Басни, касающіяся событій отечественной войны.

Плетневъ въ своей біографіи Крылова сказалъ, между прочимъ, что жизнь баснописца съ 1812 г. „улеглась неподвижно"; что Крыловъ уже „ничего не любилъ какъ человѣкъ общественный и образованный, какъ писатель геніальный. Онъ продолжалъ отъ скуки сочинять иногда новыя басни, а больше читалъ самые глупые романы". Но тотъ же Плетневъ неохотное посѣщеніе Крыловымъ Академіи объясняетъ не лѣнью баснописца и неподвижностью, а тѣмъ, что засѣданія ея были вообще неинтересны и не сообщали новаго полета его генію. Съ другой стороны, по разсказу Плетнева же, мы знаемъ, что Крыловъ посѣщалъ домъ Оленина, бывалъ по вечерамъ у Карамзина и у Жуковскаго, гдѣ собиралось общество литераторовъ, и блисталъ тамъ остроуміемъ. Какъ примирить эти противорѣчивыя показанія біографа? А между тѣмъ данное имъ представленіе о „неподвижномъ" и „отяжелѣвшемъ" Крыловѣ такъ крѣпко усвоилось, что апатія и до сихъ поръ сплошь и рядомъ кладется въ основу характеристики баснописца (см. напр. ст. Сиповскаго). Но справедливо ли это? Конечно, Крыловъ - старикъ, Крыловъ въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ „дремалъ въ Англійскомъ клубѣ", былъ человѣкомъ, уже почти умершимъ для литературы и для всякихъ общественныхъ вопросовъ; но ранѣе, въ Александровскую эпоху и въ ближайшіе къ ней годы, онъ писалъ басни, безъ сомнѣнія, не „отъ скуки", а потому что хотѣлъ высказаться въ нихъ по поводу окружавшихъ явленій. Какъ именно высказывался Крыловъ—это иной вопросъ, но басни удостовѣряютъ, что онъ интересовался общественной жизнью и во многихъ случаяхъ былъ очень тонкимъ ея наблюдателемъ. И если имѣть въ виду не количество написанныхъ строкъ, а количество затронутыхъ вопросовъ, то Крыловъ-баснописецъ ничѣмъ не уступаетъ Крылову-журналисту.

Неправый и лицепріятный судъ, лихоимство, обхожденіе закона, радѣніе родному человѣчку и тому подобныя вредныя и нежелательныя явленія представляютъ собою одну изъ темныхъ страницъ нашей общественной исторіи. Эти недостатки давно уже стали подвергаться осмѣянію въ литературѣ, и въ ней мы можемъ найти достаточное количество относящихся сюда типовъ, начиная отъ слегка набросаннаго Кантемиромъ силуэта судьи, бранящаго того, кто проситъ съ пустыми руками, до живо и полно очерченныхъ фигуръ у Гоголя. Въ числѣ этихъ типовъ есть и Крыловскіе: сатирикъ выставлялъ ихъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, а потомъ выставилъ цѣлый рядъ ихъ въ басняхъ. Басни съ отрицательными типами изъ чиновничьяго міра признаются лучшими произведеніями Крылова: это—ѣдкая и художественная сатира на современные автору административные и судебные нравы.

Люди, дурно выполняющіе свой гражданскій долгъ, являются у Крылова въ видѣ или добродушныхъ глупцовъ, или умныхъ беззаконниковъ. Главнѣйшею представительницею послѣднихъ выступаетъ у него лиса — и въ этомъ качествѣ она выведена въ басняхъ: „*Крестьянинъ и лисица*“, „*Лисица и сурокъ*“, „*Лиса-строитель*“, „*Крестьянинъ и овца*“, „*Рыбьи пляски*“ и „*Щука*“. Въ первой изъ нихъ Крыловъ указываетъ на людей до того втянувшихся въ злоупотребленія, что честная служба, хотя бы она и вполнѣ достаточно ихъ обезпечивала, не имѣетъ для нихъ никакой приманки, и они, войдя въ сдѣлку съ своею совѣстію, оправдываютъ себя то нуждою, то разсужденіемъ, что вѣдь не одни же они живутъ воровствомъ. Но они тонки и, гдѣ нужно, умѣютъ прикинуться честными. Такихъ людей Крыловъ считалъ окончательно испорченными и называлъ ихъ попросту ворами.

А вору дай хоть милліонъ—
Онъ воровать не перестанетъ.

Умѣнье иного плута прикинуться честнымъ, а въ случаѣ подозрѣнія — даже обиженнымъ, особенно ярко указано въ баснѣ: „Лисица и сурокъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ указано также и на умѣнье прятать концы: всякому было ясно, что у такого-то рыльце въ пуху; но доказать по суду нечистое происхожденіе его домика и деревеньки не всегда было возможно.

Тонкая смѣтливость беззаконниковъ послужила предметомъ и отдѣльной басни: — „Лиса-строитель“: лиса прекрасно выполнила данное ей порученіе и прочно оградила отъ воровъ имущество льва... но для себя оставила лазейку.

Въ баснѣ: „Крестьянинъ и овца“ лиса является уже въ качествѣ судьи, рѣшающаго дѣло такъ, какъ ему выгоднѣе: имъ постановлено

...казнить овцу,
И мясо въ судъ отдать, а шкуру взять истцу.

Въ баснѣ: „Щука“ изображенъ судъ лицепріятный: хитрая лиса-прокуроръ, желая спасти снабжавшую ее рыбнымъ столомъ щуку и въ то же время показаться строгой блюстительницей правды и грозной всѣмъ плутамъ, одурачиваетъ недалекихъ судей и добивается приговора утопить щуку въ рѣкѣ.

Всѣми этими чертами однако еще не исчерпывается характеръ Крыловской лисы: въ баснѣ: „Рыбьи пляски“ мы видимъ, что она большая мастерица и на льстивыя рѣчи. Эти рѣчи — тоже одна изъ уловокъ, которыхъ у нея всегда много въ запасѣ.

Кромѣ лисицы, въ басняхъ Крылова выводятся и другіе беззаконники. Старая мышь, отвѣтившая въ б. „*Совѣтъ мышей*“ на протестъ молодого мышонка беззастѣнчивымъ окрикомъ:

...„Молчи! все это знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума“—

служитъ представительницей нарушителей общественныхъ постановленій изъ-за такъ называемаго кумовства. Медвѣди, тигры и волки, чьихъ „безбожныхъ самыхъ дѣлъ никто и шевелить не смѣлъ“, выставлены въ баснѣ: „*Моръ звѣрей*“, какъ кругомъ виновные хищники, но, въ случаѣ грозы, всегда умѣющіе найти за себя отвѣтчика между тѣми, кто посмирнѣй. Наконецъ въ баснѣ: „*Крестьяне и рѣка*“ затронуты и тѣ старшіе, которые изъ-за корысти мирволили беззаконіямъ младшихъ и тѣмъ самымъ ставили этихъ послѣднихъ внѣ отвѣтственности, потому что

На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.

Въ баснѣ: „Крестьяне и рѣка“ мы видимъ тотъ случай, когда беззаконіе чинится съ вѣдома старшаго. Такой же случай представленъ и въ баснѣ: „*Слонъ на воеводствѣ*“. Но старшій въ первой баснѣ руководится корыстью и дѣйствуетъ съ полнымъ сознаніемъ того, что онъ дѣлаетъ. Не таковъ старшій во второй баснѣ: посаженный на воеводство слонъ былъ добродушенъ, но недалекъ; безчинники волки легко обошли его — и, выслушавъ заявленіе воеводы о томъ, что онъ неправды ни въ комъ не потерпитъ, все-таки получили отъ него разрѣшеніе снять съ овецъ по шкуркѣ. Добрый воевода, повѣря волкамъ, что содрать

съ овцы шкуру значитъ лишь взять съ нея легонькій оброкъ, и волкамъ угодилъ и за овецъ заступился.

По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ.

Къ послѣдней баснѣ примыкаютъ и слѣдующія двѣ: „*Оракулъ*“ и „*Вельможа*“. Въ первой изъ нихъ осмѣиваются тѣ судьи,

Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь, —

а во второй — вельможа, который, сдавши всѣ дѣла секретарю, самъ только

...пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ.

По мнѣнію Крылова, высказанному отъ лица Эака, вельможа этотъ хорошо дѣлалъ, что, не будучи умнымъ, не принимался за дѣла самъ; а то

Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...

Обличая „нестроенія“ современной ему русской общественной жизни, Крыловъ отмѣчаетъ ошибки и тѣхъ, которые пытались принимать мѣры противъ этихъ нестроеній и хотѣли обезпечить болѣе или менѣе правильный ходъ дѣлъ путемъ разныхъ постановленій. Такъ, напримѣръ, въ баснѣ: „*Мірская сходка*“ волкъ просится у льва въ овечьи старосты. Левъ, не вполнѣ довѣряя волку,—чтобы не сдѣлать неудачнаго назначенія, предоставляетъ вопросъ голосованію. Сходка собрана, противъ волка нѣтъ ни слова—и волкъ, такъ единодушно выбранный въ овечьи старосты, засѣлъ въ овчарнѣ.

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ, ужъ вѣрно, были?
Вотъ то-то нѣтъ! Овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Мѣропріятіе льва не достигло цѣли вслѣдствіе ошибки, состоявшей въ томъ, что составъ сходки не былъ предусмотрѣнъ, и дѣло оказалось „въ рукахъ безсовѣстныхъ людей“. А въ такомъ случаѣ

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей —
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.

Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ вопросомъ, что важнѣе: люди или учрежденія. Крыловъ, подобно Карамзину (въ „Запискѣ“) и Дмитріеву (въ б. „Царь и два пастуха“) рѣшалъ вопросъ въ пользу значенія „людей“. Но мы знаемъ, что нельзя умалять и значенія учрежденій: лучшимъ лѣкарствомъ отъ грѣховъ стараго суда были все-таки реформы императора Александра II, хотя правда и то, что въ новыя судебныя учрежденія были призваны и новые люди.

Впрочемъ вѣдь и благія учрежденія и распоряженія могутъ не достигать цѣли, если въ нихъ коренится ошибка, что и случилось съ распоряженіемъ льва въ „Мірской сходкѣ“. Не достигло цѣли, какъ видно изъ б. „*Овцы и собаки*“, и другое мѣропріятіе: желая оградить общество отъ хищниковъ, удвоили число чиновниковъ; но оказалось, что обществу отъ того не стало лучше. Безполезнымъ, за невыполнимостью, осталось и предоставленное овцамъ право, по которому, какъ читаемъ въ б. „*Волки и овцы*“,

Какъ скоро волкъ у стада забуянитъ
И обижать онъ овцу станетъ,
То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,
Схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представить.

Въ ошибку также ставилъ Крыловъ такое формальное наказаніе за беззаконіе, какое въ б. „*Медвѣдь у пчелъ*“ понесъ старый плутъ, что было въ сущности не наказаніемъ, а поблажкой. Украденное, учитъ Крыловъ въ б. „*Собака*“ всегда слѣдуетъ отымать у вора; эта мѣра, по его мнѣнію, дѣйствительнѣе одной строгости.

...„хоть, кажется, ты строгъ,
Но ты лишь красть собаку пріучаешь,
Затѣмъ, что краденый кусокъ
Всегда ей оставляешь;
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней“.

Съ другой стороны, судя по б. „*Хозяинъ и мыши*“ Крыловъ не сочувствовалъ огульнымъ наказаніямъ, налагаемымъ на виноватыхъ и на правыхъ, какъ это случилось однажды съ коммиссаріатскими и провіантскими чиновниками (см. „Примѣчанія“ Кеневича):

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору:

Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ бѣжать съ двора заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

Ошибочнымъ въ равной мѣрѣ считалъ онъ и невниманіе къ честнымъ и усерднымъ исполнителямъ своего долга, которымъ подчасъ бываетъ такъ же тяжело, какъ тяжело было бѣдной труженицѣ въ баснѣ: „*Бѣлка*" (1830 г.).

Наконецъ въ баснѣ: „*Бритвы*" Крыловъ отмѣтилъ, какъ крупную ошибку, мнѣніе тѣхъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Басня эта относится къ 1829 г., и Гоголь далъ ей такое объясненіе: „Какъ у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недогадливыхъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ (Крыловъ) написалъ замѣчательную басню: «Двѣ бритвы» [57]).

Имѣя въ виду даже только указанныя выше басни, можно ли говорить, что Крыловъ не интересовался общественной жизнью? Мы видимъ, что онъ затрогивалъ реальныя черты этой жизни, и слѣдовательно упомянутыя басни его находятся въ живомъ и близкомъ отношеніи къ современной имъ эпохѣ. Но отношеніе это станетъ въ нашихъ глазахъ еще живѣе и ближе, если мы вспомнимъ, что басни Крылова, насколько это намъ теперь извѣстно хотя бы по труду Кеневича, писались на тотъ или другой реальный случай.

Но обратимся къ дальнѣйшему очерку его басенъ.

Указывая темныя стороны чиновничьяго міра, Крыловъ отмѣчалъ недостатки и другихъ сословій: откупщиковъ, купцовъ, дворянъ, помѣщиковъ, мѣщанъ, крестьянъ.

Черты разбогатѣвшаго пополамъ съ грѣхомъ откупщика изображены въ баснѣ: „*Мѣшокъ*" и могутъ быть дополнены еще чертами, мимоходомъ указанными въ басняхъ: „*Синица*" (ст. 12—14) и „*Откупщикъ и сапожникъ*" (ст. 10). Неблаговидные поступки торговаго люда, противъ которыхъ предлагалъ мѣры еще современникъ Петра Великаго—Посошковъ, осмѣяны въ баснѣ: „*Купецъ*". Басня: „*Гуси*" имѣла въ виду тѣхъ кичливыхъ дворянъ, которые думали, что уже одно происхожденіе, безъ личныхъ ихъ заслугъ, даетъ имъ право на уваженіе. Но, кромѣ кичливости,

басня направлена противъ праздности „гусей"—порока, такъ зло осмѣяннаго Крыловымъ еще въ „Похвальномъ словѣ моему дѣдушкѣ", гдѣ, по словамъ Драганова, „сословной праздности достается гораздо больше, чѣмъ въ фельетонахъ Щедрина и Сергѣя Атавы [58]).

Въ извѣстной баснѣ въ образѣ *Тришки* изображены разорившіеся изъ-за мотовства помѣщики, желавшіе жить роскошнѣе, чѣмъ позволяли средства. Неисполненіе правила: по одежкѣ протягивать ножки — встрѣчается и въ низшихъ сословіяхъ; басня: „*Лягушка и волъ*" и написана на тотъ случай,

...когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный господинъ.

Въ баснѣ: „*Два мужика*" ставятся на видъ вредныя послѣдствія распространеннаго въ народѣ порока — пьянства. Выводъ таковъ, что

Для пьянаго и со свѣчою худо,
Да врядъ не хуже ль и впотьмахъ.

Крыловскій „*Мельникъ*" можетъ быть отнесенъ не только къ господамъ,

Которымъ тысячей не жаль на вздоръ сорить,
А думаютъ хозяйству подспорить,
Коль свѣчки сберегутъ огарокъ,—

но въ немъ есть и та черта, которая такъ часто встрѣчается въ русскомъ мужикѣ, хватающемся за умъ лишь тогда, когда бѣда ужъ совсѣмъ придетъ.

Обращала на себя вниманіе Крылова также и неправильность отношенія нѣкоторыхъ сословій къ другимъ. Прежде всего онъ остановился на ненормальности отношенія дворянъ къ крестьянамъ. Вопросъ объ освобожденіи у насъ крестьянъ имѣетъ свою длинную исторію, и въ исторіи этой должны быть отмѣчены не только тѣ рѣчи, которыя прямо раздавались въ пользу или не въ пользу освобожденія, но и тѣ, которыя подготовляли общество къ этому великому дѣлу. Въ числѣ препятствій, тормазившихъ разрѣшеніе вопроса, было, несомнѣнно, и высокомѣрное отношеніе дворянъ къ крестьянамъ. Тѣ писатели, которые хотя и не стояли за освобожденіе, но тѣмъ не менѣе старались измѣнить взглядъ общества на крестьянина, по нашему мнѣнію, уже приносили дѣлу освобожденія большую пользу. Пусть Карамзина

называютъ крѣпостникомъ, но мы еще разъ повторимъ, что его обращеніе къ помѣщикамъ съ призывомъ считать своихъ крѣпостныхъ „людьми и братьями по человѣчеству и христіанству“ [59]) было для своего времени имѣющей значеніе гуманной проповѣдью. Крыловъ тоже не былъ въ числѣ людей, ратовавшихъ за освобожденіе, людей, которыхъ у насъ въ первую половину Александровской эпохи было еще чрезвычайно мало; но онъ уже въ своихъ раннихъ произведеніяхъ, какъ мы видѣли, сочувственно относился къ тяжелому положенію порабощеннаго сословія [60]), а въ 1811 году напечаталъ б. „*Листы и корни*“, въ которой вопросъ объ отношеніи къ крестьянамъ перенесъ изъ сферы нравственной въ сферу чисто государственную: онъ напомнилъ обществу о важномъ значеніи земледѣльческаго сословія и, уподобивъ государство дереву, дворянъ назвалъ пышной его кроной, а крестьянъ—корнями, и, обращаясь къ листьямъ отъ лица корней, сказалъ имъ: помните,

Что съ новою весной листъ новый народится;
А если корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ.

Крыловъ, правда, не повторилъ всѣхъ рѣчей Радищева о крѣпостныхъ, говорившаго: „смягчитеся, жестокосердые! разрушите оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи“, но мысль его, что земледѣлецъ есть „кормилецъ нашея тощеты, насытитель нашего глада“, баснописецъ напомнилъ обществу.

Гораздо позднѣе, въ 1829 г., Крыловъ напечаталъ б. „*Пушки и паруса*“. „Когда черезчуръ военные люди“, говоритъ Гоголь, „стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ, и въ ней одной спасеніе, а чиновники статскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія, Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти“.

„Какая мѣткость опредѣленія!“—прибавляетъ Гоголь.—„Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь“.

Вопросъ о воспитаніи занималъ еще Крылова-журналиста, и не былъ забытъ и Крыловымъ-баснописцемъ. Основное положеніе его то же, что и у Карамзина и у Шишкова: воспитаніе должно быть національнымъ. И Крыловъ въ б. „*Крестьянинъ и змѣя*" рѣзко выразилъ свою мысль словами:

лучшая змѣя
По мнѣ, ни къ черту не годится.

Рѣзкій тонъ Крылова объясняется временемъ, въ которое написана басня: она явилась въ 1813 г., т.-е. въ эпоху сильнаго возбужденія общества противъ французовъ. Но, извиняя рѣзкій тонъ, Крылову возражаютъ нѣкоторые критики (напр. г. Аммонъ) относительно самой мысли его: его упрекаютъ въ неправильномъ обобщеніи и указываютъ, что не всѣ же воспитатели-иностранцы были похожи на жившаго въ домѣ Гринева m. Бопре или на жестокаго и развратнаго Іосифа Розе, о которомъ говоритъ въ своихъ запискахъ Державинъ; что между ними бывали и достойные люди. Съ другой стороны говорятъ, что „не имѣя часто другихъ наставниковъ русскихъ, кромѣ Кутейкиныхъ и Цыфиркиныхъ, общество по необходимости должно было прибѣгать и къ иноземнымъ Вральманамъ и Бопре, безъ котораго молодой Гриневъ,—правда, ничему не научившійся у своего *мусье*, кромѣ фехтованія,—не имѣлъ бы другого ментора, кромѣ патріархально-преданнаго холопа Савельича" [61]). Но намъ кажется, что дѣлаемыя критикой указанія на „достойныхъ" иностранцевъ не совсѣмъ кстати, ибо Крыловъ и не думалъ говорить, что между иностранцами нѣтъ таковыхъ; онъ вовсе не думалъ класть, какъ говоритъ г. Аммонъ, „позорное клеймо на всю націю", разумѣя націю французскую: онъ сказалъ лишь, что даже и лучшій иностранецъ, хотя бы и наидостойнѣйшій, не годится въ воспитатели русскому ребенку. Вотъ мысль Крылова, въ которой надо въ данномъ случаѣ разбираться. А справедлива ли она, или нѣтъ — отвѣтъ дать можетъ уже то обстоятельство, что всѣ образованные европейскіе народы, которымъ мы такъ охотно подражаемъ, стараются воспитывать своихъ дѣтей именно въ національномъ духѣ: нѣмецкія дѣти выростаютъ нѣмцами, англійскія—англичанами, французскія—французами. Въ воспитаніе послѣднихъ вводится даже нѣчто большее. Читатели, можетъ быть, помнятъ статью В. Танаевской: „Во французской деревнѣ", помѣщенную въ апрѣльской кн. „Русскаго Богатства" за 1899 г. Тамъ между прочимъ разсказывается, что ученическія тетрадки школьниковъ украшены картинкой слѣдующаго содержанія: два мальчика, одинъ въ солдатскомъ кепи, другой въ мор-

скомъ беретѣ, потрясають трехцвѣтнымъ знаменемъ; внизу надпись: „*Безъ ненависти къ чужестранцу — любовь къ отечеству слаба*“. Избави насъ Богъ отъ такого школьнаго девиза, но съ другой стороны нельзя же и не признать правымъ нашего писателя, требующаго, чтобы русскія дѣти выростали русскими. А Крыловъ именно этого и хотѣлъ.

Что же касается указанія на необходимость прежняго нашего общества поневолѣ обращаться къ иностраннымъ воспитателямъ, то вѣдь на это можно замѣтить, что Крыловъ высказывалъ свои задушевныя желанія, свои идеалы; онъ не хотѣлъ считаться съ вредной, по его убѣжденію, дѣйствительностью, и, направляя свою басню по адресу отцовъ, могъ въ то же время имѣть въ виду и тѣхъ, отъ кого зависѣло поставить дѣло такъ, чтобы въ Россіи времени Крылова были пригодные русскіе воспитатели. Карамзинъ дѣлалъ на этотъ счетъ кое-какія предложенія еще въ 1803 г.

Дальнѣйшія подробности взгляда Крылова на воспитаніе видны изъ другихъ его басенъ, изъ которыхъ мы прежде всего остановимся на б. „*Червонецъ*“ (1812 г.). Въ ней авторъ совѣтуетъ современнымъ ему родителямъ различать истинное просвѣщеніе отъ того, что иногда ложно принимается за просвѣщеніе. Такъ, по его словамъ, за просвѣщеніе принимается нерѣдко „роскоши прельщенье“ и даже „нравовъ развращенье“. Что разумѣлъ Крыловъ подъ этими именами, о томъ можно догадываться, судя и по „Почтѣ духовъ“ и по его комедіямъ, въ особенности по тому мѣсту XVI-го письма „Почты духовъ“, гдѣ идетъ рѣчь о французскомъ воспитаніи [62]). Полную мысль свою Крыловъ въ баснѣ формулировалъ такъ:

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно, слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье
И даже нравовъ развращенье:
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять;
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,
Не разлучить ихъ съ простотой,
И, давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.

Относительно этихъ строкъ должно быть поставлено два вопроса: вѣрна ли самая мысль Крылова, его педагогическій прин-

ципъ? и стоитъ ли онъ на реальной почвѣ, или же сражается съ мельницами?

Аммонъ какъ бы сомнѣвается въ состоятельности взгляда Крылова, когда говоритъ: „Дидактизмъ этой басни вполнѣ соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія сатириковъ и моралистовъ XVIII в.: Новиковъ, Щербатовъ, Болтинъ, Фонвизинскій Стародумъ могли бы вполнѣ подписаться подъ баснею Крылова, какъ и подъ его тирадою въ «Почтѣ духовъ» (въ XVI-мъ п.); въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, внутренняя преемственная связь между Крыловымъ-журналистомъ и Крыловымъ-баснописцемъ съ полною наглядностью выступаетъ наружу". Но мы думаемъ, что подъ ней можетъ подписаться всякій здравомыслящій человѣкъ даже и нашего времени. И дѣйствительно, кто же не признаетъ, что истинное просвѣщеніе надо отличать отъ ложнаго, отъ наружнаго европеизма, соединяемаго у насъ иногда съ совершенною дикостью нравовъ? Кто же не знаетъ, что европейская культура и въ наше время иногда показывается своей изнанкой. Мы думаемъ, что избѣгать изнанки европеизма и въ наше время должно входить въ идеалъ жизни.

Но отвѣчая на другой вопросъ, можно сказать, что Крыловъ отчасти правъ, отчасти и не правъ. Реальные факты у него, безъ сомнѣнія, были передъ глазами. Вѣдь были же у насъ въ Александровскую эпоху молодые люди, которыхъ главнымъ образомъ только и выучивали легко мазурку танцовать да кланяться непринужденно; которые съ самыхъ раннихъ лѣтъ познавали „науку страсти нѣжной"; была и „золотая молодежь" эпикурейскаго склада, были и „казарменные готентоты". Крыловъ даже правъ былъ, если похожденія нашихъ эпикурейцевъ и казарменныхъ готентотовъ приписывалъ вліянію иностранному: ибо похожденія эти были уже иного сорта, чѣмъ безобразія патріархальныхъ помѣщиковъ; эти новыя похожденія облекались въ новыя формы, формы европейскія, и нерѣдко даже мотивировались европейской философіей извѣстнаго направленія и поддерживались европейской поэзіей извѣстнаго рода. Но Крыловъ былъ неправъ, если думалъ, что все зло только отъ французовъ. Главная бѣда была, конечно, въ томъ, что въ тогдашнемъ обществѣ нашемъ много еще было такихъ людей, къ которымъ гораздо легче прививались не свѣтлыя, а темныя стороны европеизма, вслѣдствіе чего исторія жизни нашего общества и можетъ различать формы старинныхъ безобразій, чисто русскихъ, и формы безобразій, усвоенныя отъ Европы.

Что же касается до того, цѣнилъ ли Крыловъ свѣтлыя сто-

роны нашего сближенія съ Европой, то въ этомъ не можетъ быть сомнѣнья. Онъ признавалъ пользу просвѣщенія, а подъ просвѣщеніемъ не могъ же онъ разумѣть нѣчто такое, что не имѣетъ отношенія ни къ европейской наукѣ ни къ европейской литературѣ. Конечнымъ желаніемъ Крылова и было, чтобы въ русскомъ обществѣ распространялось просвѣщеніе, но истинное, а не ложное. Онъ вовсе не былъ врагомъ заимствованій и подражаній, но требовалъ, чтобы они совершались „съ умомъ" (см. б. „*Обезьяны*").

Въ б. „*Бочка*" (1814 г.) Крыловъ говоритъ:

Старайтесь не забыть, отцы вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться,—
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ ни будь ты на словахъ,
А все имъ будешь отзываться.

Въ первоначальной редакціи это нравоученіе читалось такъ:

Нельзя довольно вамъ, отцы, остерегаться,
Когда ввѣряете наставнику дѣтей.
Намъ стоитъ только съ юныхъ дней
Лишь вреднымъ толкомъ напитаться...
. . . .
Имъ станешь вѣчно отзываться.

Цѣль этой басни совершенно понятна: Крыловъ хочетъ предостеречь родителей отъ возможности напасть на наставника, преверженнаго—по одной редакціи—вредному *ученію*, по другой вредному *толку*. Рѣчь идетъ тутъ, конечно, о шедшихъ изъ Франціи матеріалистическихъ ученіяхъ, приводящихъ къ невѣрію. Правъ ли былъ Крыловъ, называя эти ученія *вредными*,—на этотъ вопросъ можетъ дать отвѣтъ прекрасное сочиненіе Чичерина, къ которому мы и обратимся ниже, по поводу басни: „Водолазы".

Иное дѣло—взглядъ Крылова, высказанный имъ въ б. „*Кукушка и горлинка*" (1817 г.). Здѣсь важны двѣ строки:

Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ...

Если во второмъ изъ этихъ стиховъ можно видѣть упрекъ тѣмъ родителямъ,—а такихъ было не мало,—которые вообще не занимались сами воспитаніемъ своихъ дѣтей даже въ дошкольный ихъ возрастъ,—то Крыловъ безусловно правъ. Но если въ обоихъ этихъ стихахъ упрекаются родители, отдававшіе своихъ дѣтей въ закрытыя учебныя заведенія, то можно сказать, что у автора басни прекрасный идеалъ воспитанія — среди семьи, подъ всегдашнимъ

надзоромъ родителей... но выполнимъ ли онъ на практикѣ даже въ наше время?

Впрочемъ, при благопріятныхъ условіяхъ, имѣетъ хорошую сторону и воспитаніе среди общества товарищей.

Требуя національнаго воспитанія для русскаго человѣка вообще, Крыловъ, понятно, долженъ былъ требовать его и для царя, при чемъ онъ отмѣтилъ, что при этомъ воспитаніи

> важнѣйшая наука для царей
> Знать свойства своего народа
> И выгоды земли своей.

Эту безспорную истину Крыловъ сказалъ въ б. „*Воспитаніе льва*“, напечатанной въ 1811 г., но написанной, можетъ быть, и раньше и мѣтившей на воспитаніе императора Александра Лагарпомъ. Поводомъ къ написанію ея, какъ надо думать, послужили ходившіе слухи о мысли молодого государя о конституціи, которой Крыловъ не сочувствовалъ и, конечно, держался того же мнѣнія, какое высказано, напримѣръ, Вигелемъ въ его „Воспоминаніяхъ“. Тамъ сказано: „Его (Александра) воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины; воспитаніе его ума поручила она женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего пріѣзда, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ будущему самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка... Но, не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать“. Далѣе Вигель царя, хотѣвшаго „безъ всякаго приготовленія, однимъ махомъ издать для Россіи какую-то конституцію“, называетъ „благонамѣреннымъ, но неопытнымъ“ [63]).

Вигель принадлежалъ къ консервативной партіи и мы уже знаемъ, какъ разные члены ея обосновывали свое отрицательное отношеніе къ конституціи. Но хотя въ воспитательной системѣ Лагарпа и были погрѣшности [64]), все же на этотъ разъ нельзя не согласиться и съ Аммономъ, защищающимъ и Лагарпа и избравшую послѣдняго императрицу Екатерину. Самое главное въ этой защитѣ—указаніе на то, что Лагарпъ былъ *не единственнымъ* воспитателемъ Александра: были при немъ и русскіе наставники, на обязанности которыхъ и лежало ознакомить будущаго императора со „свойствами его народа“. Но такъ какъ національное воспитаніе вовсе не исключаетъ стремленія къ общечеловѣ-

ческимъ идеаламъ, то и дѣло Лагарпа, насколько оно было направлено къ тому, чтобы развить сердце питомца, заслуживаетъ, конечно, благодарности. При томъ же,—прибавимъ мы,—всецѣло ли одинъ Лагарпъ былъ виновникомъ желанія Александра хлопотать о составленіи проектовъ конституціи? Мы уже имѣли случай приводить слова Шильдера, говорящаго, что Лагарпъ, „будучи въ 1801 г. вторично призванъ въ Россію, началъ даже усматривать величайшее благо въ разумномъ самодержавіи, и въ этомъ новомъ духѣ преподавалъ Александру наставленія, предостерегая его при каждомъ удобномъ случаѣ отъ увлеченія и слишкомъ поспѣшныхъ мѣропріятій" [65]). Но у молодого государя были и другіе совѣтники.

Но какъ бы ни было, мы во всякомъ случаѣ должны отмѣтить, что въ б. „Воспитаніе льва" Крыловъ является не только націоналистомъ, но и консерваторомъ, какимъ онъ является и въ б. „*Конь и всадникъ*". Что бы ни имѣлъ въ ней авторъ въ виду: французскую ли революцію, какъ думаютъ одни, стремленія ли нашей тогдашней либеральной партіи, какъ кажется другимъ, - заключительные стихи басни:

> Какъ ни приманчива свобода,
>   Но для народа
> Не меньше гибельна она,
> Когда разумная ей мѣра не дана,—

обличаютъ въ немъ консерватора.

Но мало назвать писателя консерваторомъ: надо хоть сколько-нибудь уяснить себѣ степень его консерватизма. Конечно, не зная точно, на что именно мѣтилъ Крыловъ въ б. „Конь и всадникъ", нельзя опредѣленно и высказывать о ней сужденія, однако во всякомъ случаѣ ясно, что если авторъ этой басни не принадлежалъ къ либеральной партіи, то не былъ онъ похожъ и на какого-нибудь Рунича: онъ понималъ и „приманчивость" свободы и противоположное ей считалъ „гибельнымъ", но лишь требовалъ, чтобы свободѣ была дана „разумная мѣра", хотя правда, что выраженіе это не отличается опредѣленностью. Но, обращаясь по адресу либераловъ съ требованіемъ „разумности" въ дарованіи свободы, Крыловъ не молчалъ и въ томъ случаѣ, когда видѣлъ, что ужъ слишкомъ ретивые консерваторы безъ разума стѣсняли свободу. Такъ, когда при кн. Голицынѣ цензура выступила изъ разумныхъ границъ, Крыловъ возвысилъ свой голосъ и написалъ б. „*Кошка и соловей*" (1824 г.), гдѣ положеніе соловья въ когтяхъ

у кошки явилось аллегорическимъ образомъ положенія тогдашней литературы во власти Голицына.

Событія отечественной войны, какъ извѣстно, также нашли себѣ отраженіе въ басняхъ Крылова. Прежде всего имъ посвящена была б. „*Котъ и поваръ*“ (1812 г.). Она, по словамъ Кирпичникова, „напечатанная въ 8-мъ Чтеніи „Бесѣды“ наканунѣ пріѣзда Кутузова къ русской арміи, имѣетъ тѣснѣйшую связь съ политическими событіями, и выражаетъ убѣжденіе патріотовъ въ необходимости болѣе крутыхъ мѣръ—сперва по отношенію къ Наполеону, съ которымъ деликатничали до самаго его вторженія, а потомъ по отношенію къ малоспособнымъ генераламъ, ведшимъ къ гибели армію и страну“ [66]).

За этой басней слѣдовала другая — „*Раздѣлъ*“ (1812 г.), написанная по поводу нѣкоторой неурядицы при вооруженіи ополченія. С. Глинка въ своихъ запискахъ разсказываетъ: „при позднемъ вооруженіи ополченія пошли мѣстническія передряги. Московскій ратническій комитетъ подчинили Петербургскому комитету, состоявшему подъ предсѣдательствомъ Аракчеева, Балашова и Шишкова. Графъ Растопчинъ въ порывѣ досады сказалъ: «Государь далъ мнѣ эполеты съ бриліантовымъ своимъ вензелемъ, говорилъ, что я его на плечахъ ношу. А теперь отдаетъ меня въ батраки къ Аракчееву». И потому бросилъ ратническій комитетъ“ [67]).

Остальныя четыре басни извѣстны. „*Волкъ на псарнѣ*“ изображаетъ затруднительное положеніе Наполеона послѣ Бородинской битвы.

Стихи 1—14 изображаютъ положеніе Наполеона, думавшаго легко овладѣть Россіей—и между тѣмъ встрѣтившаго энергичный отпоръ.

Стихи 15—19 указываютъ на тѣ переговоры о мирѣ, въ которые Наполеонъ вступилъ съ Кутузовымъ 23 сентября 1812 г.

Стихи 20—26 заключаютъ въ себѣ рѣчи волка, довольно близкія къ тѣмъ, которыя говорилъ Наполеонъ. Богдановичъ въ своей „Истор. отеч. войны“ (т. II, стр. 322) приводитъ такія выраженія Наполеона: „Пора положить предѣлъ кровопролитію. Намъ съ вами легко поладить... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора... Я готовъ возвратиться“... Посланный Наполеономъ для переговоровъ Лористонъ говорилъ: „Государь мой искренно же-

лаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда" (тамъ же, стр. 392).

Послѣдніе стихи изображаютъ Кутузова, не повѣрившаго Наполеону и тутъ же выпустившаго на волка гончихъ стаю: 6-го октября произошло Тарутинское сраженіе.

Подъ вліяніемъ этой б. Крылова составилась пословица „Поджалъ хвостъ, что волкъ на псарнѣ", занесенная въ сборникъ Даля.

Басня: „*Обозъ*" имѣла цѣлью оправдать медлительность дѣйствій Кутузова. Оставивъ Москву въ рукахъ непріятеля, Кутузовъ уклонялся отъ рѣшительной развязки, а старался лишь ослабить непріятеля. Эта кажущаяся бездѣятельность главнокомандующаго вызвала ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя. Самъ государь въ рескриптѣ на имя Кутузова упрекалъ его въ нерѣшительности. Но Кутузовъ не измѣнилъ своего плана и, какъ извѣстно, кончилъ тѣмъ, что, какъ добрый конь, вынесъ на крестцѣ свой возъ цѣлымъ и невредимымъ.

Басня: „*Ворона и курица*" изображаетъ, съ одной стороны, положеніе французовъ въ опустѣвшей Москвѣ, а съ другой — и положеніе самого Наполеона.

По разсказамъ очевидцевъ, французы, голодая въ Москвѣ, ходили на охоту за воронами и кушали soupe aux corbeaux.

Въ ошибочномъ расчетѣ вороны, полагавшейся на то, что этихъ птицъ ни жарятъ ни варятъ, можно, конечно, видѣть и намекъ на ошибочный расчетъ Наполеона, увѣреннаго въ своей непобѣдимости.

Басня: „*Щука и котъ*" (1813 г.) написана по поводу извѣстной неудачи адмирала Чичагова, который долженъ былъ не допустить Наполеона переправиться черезъ Березину,—и не достигъ этого, уклонившись отъ направленія, по которому отступала наполеоновская армія. Наполеонъ ушелъ, а Чичаговъ при отступленіи потерялъ часть обоза и свою канцелярію. На послѣднее обстоятельство и намекаетъ стихъ: „И крысы хвостъ у ней отъѣли".

Имѣя въ виду разсмотрѣнныя басни, мы всецѣло присоединяемся къ слѣдующему отзыву Аммона: „Подъ наружнымъ покровомъ внѣшней флегматичности, олимпійскаго спокойствія, особенно отличавшаго Крылова въ позднѣйшіе годы его дѣятельности, скрывалась замѣчательная отзывчивость и наблюдательность по отношенію ко всему окружающему, къ явленіямъ и во-

просамъ современной жизни“ [68]). Но зато мы совершенно не можемъ согласиться съ выводами Сиповскаго, добытыми до очевидности съ предвзятою мыслью.

Отношеніе Крылова къ наукѣ и литературѣ и его рѣчи противъ невѣрія.— Нравственное ученіе Крылова, которое вовсе не заслоняется его уроками „житейской мудрости“.—Идеалы Крылова.

Извѣстно, что Крыловъ написалъ нѣсколько басенъ о невѣжествѣ, между которыми иныя прямо осмѣиваютъ невѣжественное отношеніе къ наукѣ. Такова, напримѣръ, б. „*Свинья подъ дубомъ*“ (1825 г.), поясненіе къ которой гласитъ:

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Другая басня — „*Голикъ*“ (1825 г.) — свидѣтельствуетъ, что баснописецъ проникнутъ былъ чрезвычайнымъ уваженіемъ къ ученымъ трудамъ, и возмущался, когда

Невѣжда не въ свои дѣла вплетется,
И поправлять труды ученаго возьмется.

Вѣроятно ли, чтобы Крылову, написавшему эти двѣ басни, Крылову, который однажды сказалъ, что *цѣна человѣка* опредѣляется его *словомъ* и *мыслью*, что „слово, мысли—вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее его отъ совершеннаго разрушенія“ [69]),—вѣроятно ли, спрашиваемъ мы, чтобы, при такомъ идеальномъ воззрѣніи, Крылову было присуще какое-то полуневѣжественное отношеніе къ наукѣ, какъ то хотятъ видѣть въ немъ многіе критики, основываясь на его баснѣ „*Водолазы*“ (1813 г.)?

Но чтобы напомнить читателю, что идеальныя воззрѣнія отличали Крылова не только въ его молодости, приводимъ прекрасную его басню: „*Богачъ и поэтъ*“, написанную въ томъ же 1825 г.

Съ великимъ богачомъ поэтъ затѣялъ судъ,
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться.
Обоимъ велѣно на судъ явиться.
Пришли: одинъ и тощъ и худъ,
Едва одѣтъ, едва обутъ;
Другой весь въ золотѣ и спесью весь раздутъ.
—„Умилосердися, Олимпа самодержецъ!
Тучегонитель, громовержецъ!“

Кричитъ поэтъ: „чѣмъ я виновенъ предъ тобой,
Что съ юности терплю фортуны злой гоненье?
Ни ложки ни угла,—и все мое имѣнье
Въ одномъ воображеньѣ;
Межъ тѣмъ когда соперникъ мой,
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ кумиромъ
Въ палатахъ окруженъ поклонниковъ толпой,
Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ".
—„А это развѣ ничего,
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры звуки!"
Юпитеръ отвѣчалъ: „а про него
Не только правнуки, не будутъ помнить внуки.
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?
Ему жъ въ пожизненность я блага міра далъ.
Но вѣрь, коль вещи бы онъ болѣ понималъ,
И если бы съ его умомъ была возможность
Почувствовать свою передъ тобой ничтожность,—
Онъ болѣе бъ тебя на жребій свой ропталъ".

Въ первоначальныхъ редакціяхъ мѣсто богача занималъ вельможа, но во всякомъ случаѣ басня доказываетъ, что Крыловъ-баснописецъ не былъ только учителемъ „житейской мудрости": вѣдь тутъ въ сущности та же идея объ оцѣнкѣ человѣка на основаніи его „слова и мысли", идея, которая далеко выходитъ за предѣлы узкой житейской морали.

Итакъ мы видимъ, что Крыловъ и въ молодости и въ старости одинаково высоко цѣнилъ дѣятельность человѣческой мысли. Могъ ли онъ неуважительно относиться къ наукѣ!—Но обратимся къ б. „Водолазы".

Эта басня разбиралась множествомъ критиковъ, и почти всѣ они высказались не въ пользу автора: одни рѣшили, что Крыловъ относился къ наукѣ съ недовѣріемъ [70]), другіе — что онъ требовалъ какого-то умѣреннаго ученья, серединнаго между невѣжествомъ и глубокимъ, пучиннымъ знаніемъ; [71]) третьи наконецъ—что Крыловъ просто не могъ цѣнить ни благъ научнаго знанія, ни науки и литературы [72]). И только Нечаевъ [73]) впервые обстоятельно разобралъ эту басню, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, безъ привлеченія „индивидуальности" Крылова, какъ это сдѣлано Сиповскимъ.

Нечаевъ прежде всего напоминаетъ, что поставленный въ баснѣ отъ лица „какого-то древняго царя" вопросъ:

Не болѣе ль вре́да, чѣмъ пользы отъ наукъ?

былъ вполнѣ современнымъ Крылову вопросомъ. Онъ поднимался нерѣдко, и Крыловъ въ первой половинѣ басни указываетъ

противоположныя точки зрѣнія на него въ самомъ тогдашнемъ обществѣ нашемъ. „Въ рѣчахъ изображенныхъ имъ противниковъ науки“,—говоритъ Нечаевъ,—„слышатся отзвуки какъ самаго грубаго невѣжества, такъ и довольно распространенныхъ (хотя и плохо понятыхъ) у насъ идей Руссо. Въ разсужденіяхъ же защитниковъ науки, вмѣстѣ съ горячей вѣрой въ силу знанія, замѣчается нѣкоторая неясность въ понятіи «ученія» и столь привычная русскому обществу теологическая точка зрѣнія. Словомъ, во всѣхъ этихъ рѣчахъ вопросъ о пользѣ наукъ получаетъ яркую окраску вполнѣ современнаго баснописцу вопроса. Читая самое начало «Водолазовъ», понимаешь, какія стороны нашей общественной жизни заставляли Крылова имъ заняться. Это были дѣйствительно существовавшіе въ то время и, въ общемъ, довольно смутные взгляды на просвѣщеніе“.

Далѣе слѣдуетъ вторая половина басни, заключающая въ себѣ рѣшеніе вопроса уже самимъ авторомъ. Разбирая эту вторую половину, Нечаевъ, сказавъ, что „три водолаза изображаютъ въ баснѣ трехъ различныхъ представителей науки“, на первыхъ двухъ останавливается не долго: первый водолазъ—это, по мнѣнію критика, типъ ученаго, лѣниваго на размышленіе, ученаго, пользующагося лишь готовымъ уже научнымъ матеріаломъ, да и то тѣмъ, на который натолкнетъ его случай; второй—типъ настоящаго ученаго, не жалѣющаго трудовъ и при этомъ сознающаго всѣ тяжести дѣла и „умѣющаго выбирать по силѣ глубину“. Затѣмъ критикъ подробнѣе останавливается на третьемъ типѣ водолаза, и говоритъ: „Это—«безумецъ», пожелавшій съ разу разбогатѣть, и очертя голову бросившійся въ черную пучину искать жемчуговъ (т.-е. научныхъ знаній). Если мы лучше вглядимся въ этотъ образъ, то увидимъ, что подобные люди возможны бываютъ и на поприщѣ науки. Эти люди прежде всего замѣчательны тѣмъ, что, обращая все свое вниманіе на плодотворные результаты научныхъ изысканій, совершенно не желаютъ понимать всей строгости научныхъ пріемовъ. Они видятъ только то, *что* дается наукой, и совсѣмъ не замѣчаютъ, *какимъ путемъ* все это добывается. Не мудрено поэтому, что дѣло построенія научныхъ знаній представляется для нихъ чрезвычайно простымъ, а драгоцѣнныя сокровища науки кажутся ихъ близорукимъ умамъ такими доступными, что ихъ

Стоитъ лишь достать
И взять.

Отсюда происходитъ ихъ презрительное отношеніе къ медленной работѣ осторожныхъ ученыхъ, идущихъ къ своей цѣли постепенно, шагъ за шагомъ, и при объясненіи неизвѣстнаго никогда не упускающихъ изъ виду того, что уже хорошо извѣстно и усвоено. Людямъ, не понимающимъ истинной силы научныхъ пріемовъ, такая работа кажется излишней кропотливостью, недостаткомъ смѣлости и широкаго взгляда на дѣло. То, что у настоящихъ ученыхъ является результатомъ долгихъ усилій, они желаютъ получить съ разу. Поэтому, не распознавъ хорошенько своихъ собственныхъ силъ, не выяснивъ, какъ слѣдуетъ, всей трудности данной задачи и совершенно пренебрегая тѣмъ, что сдѣлано раньше, они съ разу хватаются за разрѣшеніе самыхъ сложныхъ вопросовъ, за разгадку самыхъ темныхъ проблемъ. Они, подобно Крыловскому водолазу, не только начинаютъ свой трудъ съ того, что, покинувъ твердую почву извѣстныхъ и твердо усвоенныхъ истинъ, пускаются въ «открытое море» неясныхъ догадокъ и непонятныхъ явленій, но и среди этихъ послѣднихъ какъ будто нарочно выбираютъ такія, о которыхъ всего менѣе возможно разсуждать научнымъ образомъ: они какъ будто нарочно кидаются въ пучину,

выбравъ, гдѣ была чернѣе глубина.

Понятно, что подобнаго рода труды остаются безплодными, и «безумцы», пожелавшіе раздобыть сокровища науки, но въ то же время съ презрѣніемъ взглянувшіе на строгость ея пріемовъ, безполезно погибаютъ... Но могутъ ли эти очертившіе голову люди называться учеными? Правда, если хорошенько вдуматься въ сущность пріемовъ нѣкоторыхъ философовъ, историковъ, юристовъ и естествовѣдовъ, то въ нихъ дѣйствительно можно найти много сходнаго съ образомъ дѣйствій Крыловскаго водолаза; но заслуживаютъ ли подобные люди названія ученыхъ? и не является ли скорѣе ихъ увѣренность въ необыкновенной простотѣ разрѣшенія научныхъ вопросовъ чѣмъ-то такимъ, что менѣе всего похоже на науку?... Если такъ, то ихъ невѣжественнаго желанія, ихъ *дерзости* построить научное зданіе безъ предварительнаго запаса научной силы, конечно, ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ возвышеннымъ порывомъ къ знанію настоящаго ученаго... Наука всегда сдѣлаетъ хорошее дѣло, но невѣжество, даже подъ призрачной формой науки, ничего, кромѣ вреда, не можетъ принести. Наука— надежный и вѣрный учитель. Но за ученье не всегда принимаются люди науки, и, съ другой

стороны, самой чистой науки нерѣдко можетъ совсѣмъ не понять закорузлое невѣжество.—Вотъ какую прекрасную мысль выразилъ, какъ мнѣ кажется, Крыловъ въ своихъ «Водолазахъ». При такомъ пониманіи этой басни, и заключительный аккордъ ея не выражаетъ ничего, кромѣ глубокой думы мудраго наблюдателя человѣческой жизни, отлично понимающаго и сущность научнаго духа и низкую пошлость всевозможныхъ «прихвостней науки», нерѣдко выдающихъ блестящія гнилушки за истинное просвѣщеніе:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою".

Такъ понимаетъ эту басню Нечаевъ. Можно, пожалуй, не соглашаться съ нѣкоторыми подробностями его толкованія, но во всякомъ случаѣ вѣрно то, что Крыловъ, поднявъ вопросъ о пользѣ наукъ, раздѣлилъ ученыхъ (а не науки) на три категоріи, и одну изъ нихъ призналъ вредною. Но въ такомъ признаніи нѣтъ еще рѣшительно ничего невѣжественнаго: признаніе извѣстныхъ ученій вредными встрѣчается и въ наше время, и притомъ среди людей, отличающихся самымъ широкимъ и глубокимъ образованіемъ. Возьмемъ, напримѣръ, замѣчательное сочиненіе Б. Чичерина: „Наука и религія" [74]). Авторъ касается тутъ, между прочимъ, реализма, отвергающаго религію и философію, и говоритъ, что, благодаря этому реализму, появилась „масса уродливыхъ произведеній, которыми, подъ именемъ положительной науки, наводняются всѣ отрасли знанія, касающіяся человѣка, начиная отъ психологіи и кончая соціологіею и исторіею. Такое направленіе прямо ведетъ къ отрицанію всей высшей стороны человѣческой природы, того, что связываетъ насъ съ безконечнымъ. Человѣкъ приравнивается къ животнымъ, низводится на степень простого физическаго существа, котораго жизнь и дѣятельность опредѣляются механическими отношеніями соединяющихся въ немъ матеріальныхъ элементовъ и окружающихъ его естественныхъ силъ. Понятно, какіе печальные жизненные плоды должно было принести такое настроеніе умовъ. Душа человѣка возвышается, когда онъ устремляетъ свои взоры на общее, всеобъемлющее, вѣчное; напротивъ, кругозоръ его суживается и душевныя силы слабѣютъ, когда онъ вращается исключительно въ области ча-

стностей *). Низводя его съ неба на землю, реализмъ неизбѣжно долженъ былъ повести къ пониженію умственнаго и нравственнаго уровня человѣческихъ обществъ. Это мы и видимъ въ настоящее время. Результатомъ положительнаго знанія, дающаго лишь частныя рѣшенія по частнымъ вопросамъ, является отсутствіе всякихъ общихъ идей, а вслѣдствіе того — хаотическое состояніе умовъ. Современный образованный человѣкъ потерялъ свое равновѣсіе; нигдѣ онъ не находитъ твердой точки опоры. Среди безконечнаго множества частностей, у него исчезъ всякій общій взглядъ. Никогда еще не было такого всеобщаго шатанія, такого умственнаго мрака, какъ именно теперь. Сильная мысль, крѣпкія убѣжденія, высокіе характеры становятся рѣдкостью. Практическіе вопросы еще способны приковывать къ себѣ людей; теоретическіе интересы отошли на задній планъ и возбуждаютъ умы лишь настолько, насколько въ нихъ выражается та или другая практическая тенденція. Явнымъ признакомъ этого низкаго умственнаго состоянія служитъ всеобщій упадокъ изящной литературы. Въ этомъ нельзя видѣть случайное только явленіе; положительное знаніе всего менѣе допускаетъ такого рода всеобщія случайности. Это—знакъ времени. Въ поэзіи выражаются идеальныя стремленія человѣчества. Тамъ, гдѣ изсякъ ея источникъ, можно навѣрное сказать, что оскудѣла идеальная жизнь общества. Человѣкъ, вслѣдствіе господства реализма, превращается въ

*) Реализмъ имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что доступно внѣшнимъ чувствамъ, слѣдовательно только съ частными явленіями. Реализмъ дорожитъ только положительнымъ знаніемъ, пріобрѣтаемымъ опытомъ и наблюденіемъ. Такое знаніе, конечно, очень цѣнно, но одно оно — говоритъ Чичеринъ — не въ состояніи удовлетворить человѣка. „Оно идетъ не далѣе извѣстной, ограниченной области явленій. За этими предѣлами открывается безконечный міръ мыслей, стремленій и чувствъ, которыя остаются неудовлетворенными. Сколько ни отворачивайся отъ извѣстныхъ вопросовъ (реалисты отворачиваются отъ такихъ вопросовъ, какъ напр. вопросъ о Богѣ, о назначеніи человѣка), они черезъ это не исчезаютъ, а тѣмъ настойчивѣе напрашиваются на умъ, чѣмъ выше ихъ значеніе для человѣка, ибо они касаются собственной его судьбы, его отношенія къ источнику всякой жизни, наконецъ тѣхъ правилъ, которымъ онъ обязанъ слѣдовать въ своей дѣятельности. Подрывая довѣріе къ философіи, положительная наука тѣмъ самымъ заставляетъ людей еще съ большими ожиданіями обращаться къ религіи, ибо отказаться отъ рѣшенія этихъ вопросовъ мы не можемъ иначе, какъ отказавшись отъ всей высшей стороны своей природы, отъ самыхъ глубокихъ своихъ стремленій, отъ неискоренимыхъ потребностей мысли, отъ благороднѣйшихъ порывовъ своего сердца“.

исключительно внизъ смотрящее существо. Откуда же взяться поэтическому вдохновенію?“ [75]).

Но не одинъ Чичеринъ видитъ отрицательныя стороны реализма. Укажемъ еще на брошюру профессора Московской духовной академіи С. С. Глаголева: „Идеалы человѣчества на рубежѣ двухъ столѣтій“ (Москва, 1901 г.), гдѣ тоже высказываются мысли, подобныя мыслямъ Чичерина, и между прочимъ упоминается о *„неумѣренно смѣлыхъ* изслѣдователяхъ въ исканіи истины, вышедшихъ изъ предположенія, что міръ — очень грубая машина, въ которой существуютъ лишь матерія и движеніе“ [76]).

Итакъ оба упомянутые писателя, — Чичеринъ и Глаголевъ. оба — люди науки, — осуждаютъ извѣстное ученіе и указываютъ на его вредныя стороны, и никому, конечно, не придетъ въ голову заподозрить ихъ въ невѣжествѣ, въ неуваженіи къ наукѣ. Почему же Крыловъ за подобное же отношеніе къ произведеніямъ „дерзкаго ума“ подвергается упрекамъ? — Разумѣется, только по недоразумѣнію. Сопоставляя басню: „Водолазы“ съ баснями „Безбожники“ и „Сочинитель и разбойникъ“, мы имѣемъ полное право заключить, что подъ „дерзкими умами“ Крыловъ тоже разумѣлъ тѣхъ философовъ, которые пришли къ отрицательному отношенію къ религіи и учили безвѣрію. Вопросы о вѣрѣ и нравственности — именно вопросы пучинные и не могутъ быть рѣшены легко: они, что и доказано Чичеринымъ, требуютъ напряженнаго изслѣдованія, и отрицательное ихъ рѣшеніе, что опять доказывается тѣмъ же Чичеринымъ, дѣйствительно гибельно.

Вообще надо сказать — и мы убѣждены въ этомъ, — что человѣкъ, прочитавшій трудъ Чичерина, никоимъ образомъ не увидитъ въ Крыловѣ невѣжду, не понимавшаго высокихъ стремленій, а наоборотъ: онъ увидитъ въ немъ идеалиста, который умѣлъ цѣнить „блага научнаго знанія“, но не могъ смотрѣть хладнокровно на разрушеніе въ человѣкѣ его идеальнаго міра.

Насколько Крыловъ философовъ-разрушителей считалъ вредными, видно уже изъ его б. *„Сочинитель и разбойникъ“* (1817 г.). Писатель, „величавшій безвѣрье просвѣщеньемъ“ и „облекавшій въ приманчивый, въ прелестный видъ и страсти и порокъ“, достойнѣе, по его мнѣнію, большей кары, чѣмъ разбойникъ. Но отсюда развѣ только намѣренно можно вывести заключеніе, будто Крыловъ „не могъ цѣнить литературы“. Критикамъ, создавшимъ себѣ представленіе о Крыловѣ, какъ о малообразованномъ чело-

вѣкѣ, выгодно помнить разсматриваемую теперь нами басню, но не выгодно помнить другія, напр. хоть такую, какъ „*Орелъ и куры*“ (1808 г.), изъ послѣднихъ строкъ которой:

Когда таланты судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но, чувствуя, что въ нихъ и *сильно* и *прекрасно*,
Умѣй различны ихъ постигнуть *высоты* —

до очевидности ясно, что баснописецъ нашъ не только самъ понималъ силу, красоту и вызвышенность истинной поэзіи, но и осмѣивалъ тѣхъ, кто не умѣлъ ни чувствовать ихъ, ни постигать.

Впрочемъ Нечаевъ вѣрно замѣтилъ, что у насъ часто еще встрѣчается „полное безсиліе предъ пустымъ словомъ: «писатель! сочинитель!»—и этого для насъ уже достаточно, чтобы сейчасъ же отожествить даннаго человѣка со служителемъ просвѣщенія и науки, какъ будто въ самомъ дѣлѣ стоитъ только взяться за перо, чтобы никто не смѣлъ назвать твоей дѣятельности вредной, не подвергнувшись, подобно Крылову, опасности получить названіе обскуранта!..“

Противъ невѣрія направлена и б. „*Безбожники*“ (1814 г.), въ концѣ которой авторъ говоритъ:

Плоды невѣрія ужасны таковы:
И вѣдайте, народы, вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы,
Чѣмъ противъ Божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ,
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

Эта басня, написанная, какъ объясняетъ Кеневичъ, по поводу „бѣдствій революціи и послѣдовавшихъ за нею тягостей наполеоновскихъ войнъ“, вѣроятно, тоже служитъ основаніемъ для признанія ея автора малообразованнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ, говоря въ ней объ историческихъ событіяхъ, высказываетъ мысль о карающемъ Провидѣніи, подобно тому, какъ высказывалъ ее въ своей „Исторіи“ и Карамзинъ, тоже подвергавшійся упрекамъ за эту свою лѣтописную точку зрѣнія. Но дѣло въ томъ, что мысль о Провидѣніи живетъ не въ однихъ только *простыхъ* умахъ людей, *слѣпо* вѣрующихъ: она невольно навязывается и философамъ, объективно разсматривающимъ природу нашего разума. Чичеринъ, приведя умозрительныя доказательства бытія Бога, говоритъ: „Если понятіе о разумѣ, отдѣльномъ отъ міра, логически ведетъ насъ къ представленію сверхъестественнаго,

чисто духовнаго міра, противоположнаго матеріальному, то понятіе о Богѣ, присущемъ міру, необходимо приводитъ насъ къ понятію о Провидѣніи. Мы не можемъ представить себѣ присутствіе въ мірѣ Всемогущаго, Премудраго и Всеблагого Существа, не признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ всѣмъ управляетъ и заботится не только объ общемъ ходѣ вещей, но и о судьбѣ каждаго творенія. Въ особенности разумное существо не можетъ не признать себя предметомъ этого попеченія. Составляя ничтожнѣйшую часть мірозданія, задавленное громадностью окружающихъ его физическихъ силъ, оно находитъ опору только въ своей связи съ безконечнымъ Разумомъ, властвующимъ и надъ природою и надъ человѣкомъ. Оно не можетъ думать, что этотъ Разумъ, отъ котораго оно произошло, бросилъ его въ міръ, какъ игралище слѣпыхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ одарилъ его сознаніемъ и чувствомъ для того только, чтобы оно видѣло все свое ничтожество и всю случайность своего положенія. Разумное существо можетъ покоряться необходимости, когда оно въ этой необходимости усматриваетъ высшее, разумное начало; но безусловно покоряться слѣпой силѣ можетъ только слѣпая сила. Иначе самое существованіе въ человѣкѣ разума и чувства было бы глубочайшимъ противорѣчіемъ. Сознаніе существа, преданнаго на жертву всѣмъ случайностямъ, не должно идти далѣе настоящей минуты. Но какъ только мы простираемъ свой взоръ на прошедшее и на будущее, какъ только мы изъ области темныхъ силъ способны возвыситься въ свѣтлую область разумнаго сознанія, такъ мы становимся гражданами другого, высшаго міра; мы примыкаемъ къ безконечному и въ немъ должны находить свою опору и руководство. Этого требуетъ человѣческое чувство; этого требуетъ и логика [77]". Далѣе философъ говоритъ, что если есть Провидѣніе, то существуютъ и извѣстныя отношенія Бога къ человѣку, стало быть существуетъ нравственный міръ, а слѣдовательно и отвѣтственность [78]).

Но если одинъ изъ серьезнѣйшихъ умовъ нашего времени приходитъ чисто научнымъ путемъ къ идеѣ о Провидѣніи, то не слѣдуетъ ли намъ не торопиться въ своихъ приговорахъ о такихъ воззрѣніяхъ на отношеніе Божества къ людямъ, каково, напримѣръ, воззрѣніе, высказанное Крыловымъ въ б. „Безбожники?“ Не слѣдуетъ ли намъ не торопиться, хотя бы ужъ для того, чтобы не оказаться, въ свою очередь, отсталыми? Ибо, по словамъ Чичерина „если что можетъ служить признакомъ устарѣлыхъ понятій, такъ это — чисто отрицательное отношеніе къ религіи. Подобными воззрѣніями можно было довольствоваться

въ XVIII-мъ столѣтіи. Въ наше время требуется иное: XIX-й вѣкъ понялъ религію какъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ человѣческаго духа. Это признаютъ всѣ мыслители съ сколько-нибудь широкимъ взглядомъ? [79]).

Заключеніе къ этой баснѣ имѣетъ сохранившійся въ черновой рукописи варіантъ, изъ котораго видно всего яснѣе, что Крыловъ, считая невѣріе ученьемъ вреднымъ, завѣщалъ любить ученье, ведущее къ добру. Онъ сказалъ, обращаясь къ правителямъ:

О вы,
Которымъ Богъ вручилъ о царствахъ попеченье!
Любите мудрости ученье:
Оно людей къ добру ведетъ.
Но бойтесь, если въ нихъ невѣріе гнѣздится.
Иль придетъ часъ, оно какъ туча разразится,
Присягу, и родство, и дружбу разорветъ —
И каменнымъ дождемъ на царство упадетъ.

Есть у Крылова еще одна басня, на основаніи которой его упрекаютъ въ недовѣріи къ наукѣ. Басня эта—„*Огородникъ и философъ*“ (1811 г.). Но изъ басни совершенно ясно видно, что Крыловъ осмѣиваетъ въ ней лишь тѣхъ несчастныхъ хозяевъ-теоретиковъ, которые, не умѣя съ толкомъ примѣнить теорію, только портили дѣло, а не усовершенствовали его. Кто является героемъ басни?

Великій краснобай, названый другъ природы,
Недоученый философъ,
Который лишь изъ книгъ *болталъ про огороды.*

Каковъ же былъ способъ дѣйствія этого любителя теоріи, совершенно не знакомаго съ практикой?

Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ:
Въ журналахъ новость онъ найдетъ —
Все перероетъ, пересадитъ
На новый ладъ и образецъ.

Не мудрено, что у опытнаго огородника, хотя онъ и велъ свое хозяйство по старой рутинѣ, „взошло и все поспѣло“, а гонявшійся безъ разума за нововведеніями философъ — безъ огурцовъ.

Итакъ, басня эта отнюдь не даетъ права видѣть въ Крыловѣ

человѣка, враждебно относившагося къ „новшествамъ“ и усовершенствованіямъ.

Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ,—

говоритъ онъ словами огородника; но, какъ человѣкъ съ здравымъ умомъ, онъ не могъ не осмѣивать смѣшныхъ сторонъ перениманія, т.-е. безтолковой погони за новостями безъ умѣнья разумно примѣнить ихъ къ дѣлу. Онъ еще въ 1808 г. въ б. „*Обезьяны*“ сказалъ:

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать—
И Боже сохрани, какъ худо!

Басня: „Огородникъ и философъ“ имѣетъ живое отношеніе къ современности. Въ то время въ журналахъ велись рѣчи объ англійскомъ и нѣмецкомъ хозяйствѣ. Были у насъ люди, умѣвшіе съ пользою примѣнить заграничные пріемы, но были, безъ сомнѣнія, и люди, подобные Крыловскому философу, и есть основаніе думать, что съ образчиками послѣднихъ Крыловъ встрѣчался еще задолго до написанія своей басни, такъ какъ въ комедіи „Модная лавка“ уже набросаны черты неудачнаго подражателя иноземнымъ пріемамъ хозяйства. Сумбурова тамъ такъ описываетъ нареченнаго жениха своей дочери: „Зятюшка-то мой, г. Недосчетовъ, будетъ у меня заглядѣнье: онъ, моя жизнь, былъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и заѣзжалъ въ Европу! Ужъ нечего сказать, ученый человѣкъ, да и экономъ какой!.. знаешь, все на иностранный манеръ, и сѣетъ и жнетъ все *по нѣмецкому календарю;* да полно земля-то у насъ такая дурацкая, что когда ему надобно лѣто, тутъ-то, какъ на смѣхъ, и придетъ осень: разореніе да и все тутъ“. Но и тутъ вѣдь Крыловъ смѣется вовсе не надъ тѣмъ, что Недосчетовъ сѣялъ и жалъ по нѣмецкому *образцу*, а надъ тѣмъ, что онъ дѣлалъ это по нѣмецкому *календарю.*

Обыкновенно Крылова-баснописца называютъ учителемъ „житейской мудрости“. Такое опредѣленіе, конечно, вѣрно, но вѣрно лишь отчасти. Басни Крылова дѣйствительно поучаютъ житейской мудрости: въ нихъ дано много разныхъ практическихъ совѣтовъ и предостереженій, каковы, напримѣръ, слѣдующіе: „Не презирай совѣта ничьего, но прежде разсмотри его“ („*Орелъ и кротъ*“); „Не плюй въ колодезь: пригодится воды напиться“

(„*Левъ и мышь*"); коль дѣло есть—скорѣй его кончай, иль послѣ на себя ропщи, не на случай, когда оно тебя застанетъ невзначай" („*Охотникъ*"); „знай, съ кѣмъ шутишь" („*Мальчикъ и змѣя*"); „чужой бѣдѣ не смѣйся" („*Чижъ и голубь*") и т. п. Вообще надо сказать, что уроки житейской мудрости могутъ быть извлечены изъ очень многихъ басенъ Крылова; наставленіями, предостереженіями снабжены даже историческія его басни, — и при всемъ томъ, кто, подобно Сиповскому, говоритъ, что мораль басенъ Крылова „не превышаетъ скромныхъ требованій житейской мудрости"; что „за красивой наружностью ихъ скрывается бѣдная мысль" [80]), тотъ даетъ слишкомъ одностороннее и даже ложное понятіе о нашемъ баснописцѣ.

Крыловъ прежде всего—сатирикъ; его басни—длинная галлерея художественныхъ изображеній самыхъ разнообразныхъ представителей людскихъ недостатковъ. Въ ней мы увидимъ льстецовъ („*Ворона и лис.*", „*Хмель*", „*Рыбьи пл.*"), людей коварныхъ („*Роща и огонь*"), лукавыхъ („*Волкъ на псарнѣ*") и низкихъ („*Левъ состарѣвш.*", „*Лис. и оселъ*"), лжецовъ („*Лжецъ*"), лицемѣровъ („*Лис. и сурокъ*", „*Миронъ*"), людей самоувѣренныхъ, высоко мнящихъ о себѣ („*Дубъ и трость*", „*Водопадъ и ручей*", „*Собака и лошадь*", „*Муравей*", „*Бумажный змѣй*"), людей кичливыхъ („*Гуси*") и хвастливыхъ („*Синица*", „*Обозъ*"), злыхъ („*Змѣя и овца*") и неблагодарныхъ („*Кр. и работникъ*", „*Волкъ и журавль*", „*Два мальчика*"), клеветниковъ („*Клеветникъ и змѣя*") и предателей („*Мальчикъ и червякъ*"), людей невѣжественныхъ („*Март. и очки*", „*Пѣтухъ и жемч. зерно*", „*Оселъ и соловей*" и др.), скупыхъ и жадныхъ („*Скупой*", „*Скупой и курица*", „*Бѣдный богачъ*", „*Фортуна и нищій*"), вороватыхъ („*Крестьянинъ и лисица*"), людей пустыхъ и безполезныхъ („*Двѣ бочки*", „*Похороны*"), суемудрыхъ („*Ларчикъ*"), назойливыхъ („*Муха и пчела*"), неуживчивыхъ („*Волкъ и кукушка*"), трусовъ („*Мышь и крыса*"), бездѣльниковъ („*Стрекоза и муравей*") и безтолковыхъ тружениковъ („*Обезьяна*"), сильныхъ обидчиковъ („*Волкъ и ягненокъ*") и людей смирныхъ лишь до поры до времени („*Ручей*"), любителей браться не за свое дѣло („*Щука и котъ*"), тянуться выше средствъ („*Ляг. и волъ*"), людей черезчуръ простоватыхъ („*Слонъ на воеводствѣ*"), крайнихъ эгоистовъ („*Ляг. и Юпитеръ*"), гонителей правды съ нечистой совѣстью („*Гребень*") и наконецъ людей, неразумно ропщущихъ на свою судьбу („*Дерево*") и дерзко судящихъ о волѣ Провидѣнья („*Кр. и лошадь*").

Неужели эти изображенія пороковъ и слабостей не имѣютъ

воспитательнаго значенія?—Говорятъ: сатира не исправляетъ. Но еще вовсе не доказано, чтобы сатира, среди разныхъ воспитательныхъ средствъ, не имѣла своей доли вліянія: если она и не исправляетъ мгновенно, не перерождаетъ людей непосредственно, то все же она будитъ въ читателѣ мысль и чувство, освѣжаетъ его хоть на время—и это ужъ важно. Самъ Крыловъ однажды сказалъ:

Люблю, гдѣ случай есть, пороки пощипать:
Все лучше-таки ихъ немножко унимать [81]).

Но Крыловъ не только „щиплетъ" пороки: онъ своими баснями будитъ гуманное чувство читателя, который невольно заражается симпатіями автора. А на чьей сторонѣ его симпатіи?—Возьмите его басни: *„Дубъ и трость"*, *„Волкъ и ягненокъ"*, *„Моръ звѣрей"*, *„Комаръ и пастухъ"*, *„Добрая лисица"*, *„Волкъ и журавль"*, *„Водопадъ и ручей"*, *„Двѣ собаки"* — вездѣ симпатіи автора на сторонѣ слабыхъ, обиженныхъ, угнетенныхъ, обманутыхъ, вездѣ они защищаются имъ противъ гордыхъ, надменныхъ, противъ злыхъ и сильныхъ обидчиковъ; невидныя тростинки, безвинные ягнята, безотвѣтные волы, смиренные ключи и честные Барбосы противопоставляются гордымъ дубамъ и водопадамъ, хищнымъ волкамъ, ходящимъ на заднихъ лапкахъ Жужуткамъ и т. п.

Крыловъ однако не былъ исключительно „проповѣдникомъ любви враждебнымъ словомъ отрицанья": есть у него и положительныя изображенія идеаловъ, какъ напр. въ б. *„Старикъ и трое молодыхъ"*, *„Орелъ и пчела"*, *„Лань и дервишъ"*, *„Василекъ"*.

Надо замѣтить, что нѣкоторые вопросы у Крылова до того всесторонне разсмотрѣны, что, кажется, они имъ исчерпаны вполнѣ. Таковъ, напримѣръ, вопросъ о трудѣ. Указавъ баснею: *„Стрекоза и муравей"* на трудъ, какъ на основу матеріальнаго благосостоянія, и вмѣстѣ съ тѣмъ высказавъ мысль, что человѣкъ, терпящій нужду по своей собственной безпечности и нерадивости, не имѣетъ права разсчитывать на чужую помощь, онъ въ другихъ басняхъ осмѣиваетъ трудъ безтолковый и безполезный (*„Обезьяна"*, *„Бѣлка„* *„Камень и червякъ"*), смѣется надъ тѣмъ, кто берется за дѣло не по способностямъ, не за то, къ чему онъ сроденъ (*„Скворецъ"*, *„Квартетъ"*, *„Щука и котъ"*), указываетъ на терпѣніе, какъ на необходимое условіе труда (*„Трудолюбивый медвѣдь"*), осуждаетъ людей, губящихъ свое дарованіе лѣнью и бездѣятельностью (*„Прудъ и рѣка"*), и наконецъ въ басняхъ: *„Старикъ и трое молодыхъ"* и *„Орелъ и пчела"* указываетъ нравственную сторону труда: высокое значеніе имѣетъ трудъ, предприни-

маемый не съ эгоистическимъ расчетомъ, а въ надеждѣ принести имъ пользу другимъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слова и старика, обращенныя къ молодымъ:

— „Друзья!" смиренно имъ отвѣтствуетъ старикъ:
„Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То, признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится—
И это для меня ужъ плодъ"—

и пчелы, обращенныя къ орлу:

„... А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы,
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть".

Въ баснѣ же: „Орелъ и пчела" Крыловъ нравственно поддерживаетъ тѣхъ безкорыстныхъ тружениковъ, которымъ суждено трудиться не на виду, а „сокрытыми въ низости":

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ;
Но сколь и тотъ почтенъ, кто, въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою ни почестьми не льстится,
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

„Вотъ"—говоритъ профессоръ Владиміровъ—„золотыя слова Крылова, которыя можно примѣнить къ самому баснописцу и къ его басенкамъ. Вотъ, можетъ быть, и оправданіе для его характера, въ которомъ находили лѣнь, скрытность, равнодушіе, даже узкость нѣкоторыхъ взглядовъ" [82]).

Положительный идеалъ добра изображенъ въ б. „Лань и дервишъ", заканчивающейся словами:

Такъ истинная благость
Безъ всякой мзды добро творитъ:
Кто добръ, тому избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

Въ виду того, что нѣкоторые любятъ говорить о несимпатичныхъ чертахъ Крылова, какъ человѣка (основываясь главнымъ

образомъ на запискахъ Вигеля, къ которымъ, какъ извѣстно, слѣдуетъ относиться съ осторожностью), — считаемъ не лишнимъ сказать тутъ кстати, что есть факты, обрисовывающіе Ивана Андреевича большимъ добрякомъ. У него былъ братъ, Левъ Андреевичъ (ум. 1824), бѣдный армейскій офицеръ, служившій на югѣ Россіи. Въ своихъ письмахъ онъ называлъ Ивана Андреевича „любезный батюшка“, „милый тятенька“—и такія названія дѣйствительно были вполнѣ заслуженными. Крыловъ горячо любилъ своего брата, входилъ во всѣ мельчайшія его нужды, интересовался его дѣлами, его образомъ жизни и даже его знакомствами, и безпрестанно дѣлился съ нимъ деньгами, посылая ему значительныя суммы даже и въ то еще время, когда и самъ нуждался въ средствахъ.

Въ 22-мъ номерѣ „Сѣверной Пчелы“ за 1847 г. помѣщенъ былъ слѣдующій небольшой разсказъ одного пріятеля нашего баснописца:

„Я зашелъ однажды къ Ивану Андреевичу, и обошелъ всѣ комнаты; въ нихъ не было ни одной живой души; плачъ ребенка привелъ меня въ кухню. Я полагалъ найти въ ней кого-либо изъ немногочисленныхъ слугъ его; напротивъ, я нашелъ самого хозяина. Онъ сидѣлъ на простой скамейкѣ; въ колыбели передъ нимъ лежалъ ребенокъ, неугомонно кричавшій. Ив. А. съ отеческою заботливостью качалъ его и прибаюкивалъ. На спросъ мой, давно ли занимается этимъ ремесломъ, онъ преспокойно отвѣчалъ: «Что жъ дѣлать? Негодяи, отецъ и мать, бросили на мои руки бѣднаго ребенка, а сами ушли Богъ знаетъ куда». Ив. А. продолжалъ усердно исполнять обязанность няньки до тѣхъ поръ, пока не возвратилась мать“.

Положительный идеалъ добра изображенъ и въ б. „Василекъ“ (1824 г.), въ которой есть замѣчательное обращеніе автора къ тѣмъ, кому „въ удѣлъ судьбою данъ высокій санъ“.

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ!
Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достигнетъ, тамъ оно
Былинкѣ ль, кедру ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ,
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

Въ заключеніе представляемъ на судъ читателя два вывода о Крыловѣ: одинъ сдѣланъ Сиповскимъ съ привлеченіемъ „индивидуальности" баснописца, другой—профессора Владимірова, основанный только на добросовѣстномъ изученіи самыхъ басенъ Крылова.

Мораль басенъ Крылова, — пишетъ Сиповскій, — „не превышаетъ скромныхъ требованій «житейской мудрости». «Будь остороженъ», «знай свой шестокъ», «не хвались раньше времени», «перенимай съ умомъ», «будь доволенъ малымъ», «не вѣрь врагамъ», «не довѣряйся черезчуръ друзьямъ», «не затѣвай новшества», «къ ученью подступай съ опаской», и т. д. — вотъ какія истины провозглашалъ Крыловъ. Мы не сомнѣваемся, что, будь художественный талантъ его меньше, мы теперь и не вспомнили бы о немъ".

„Крыловъ" — говоритъ Владиміровъ — „*вдохновенный поэтъ въ проповѣди правды и добра*... Въ его знаменитыхъ твореньяхъ не было ничего, что нарушало бы основныя представленія о человѣческой нравственности. Крыловъ и останется навсегда такимъ проповѣдникомъ общечеловѣческой нравственности и оригинальнымъ, выдающимся русскимъ поэтомъ".

Но мы позволимъ себѣ напомнить читателю еще одинъ отзывъ о воспитательномъ значеніи басенъ Крылова — авторитетный отзывъ почтеннаго академика Никитенко.

„Онъ (Крыловъ) говорилъ о недостаткахъ, порокахъ человѣческихъ, а болѣе всего о тѣхъ, которые поражаютъ самыя основы человѣческаго быта — о грубыхъ нарушеніяхъ правды и законности, о злоупотребленіяхъ силы и власти, даруемыхъ установленіями общества. Этимъ-то онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ подобныхъ нравственныхъ золъ и направлялъ умъ ихъ къ пониманіямъ истинныхъ условій общественнаго добра. Его даютъ читать и учить наизусть дѣтямъ; дѣйствительно, и для дѣтей онъ всегда будетъ самымъ привлекательнымъ собесѣдникомъ, наставникомъ въ нѣкоторыхъ нравственныхъ истинахъ, въ чистотѣ и красотахъ самороднаго русскаго слова. Но сущность и духъ его уроковъ принадлежатъ не имъ, а ихъ отцамъ и взрослымъ братьямъ. Чаще всего должны ихъ выслушивать высшіе дѣятели общества, вожди его, когда въ тишинѣ они захотятъ бесѣдовать со своею совѣстію. Такъ изъ глубины ироніи, повитой цвѣтами поэзіи, возникаетъ предъ нами, самъ того не подозрѣвая, великій учитель, мудрецъ народа, и его неподражаемо-изящныя басни становятся для насъ лучшею книгой общественной нравственности" [83]).

Внимательное изученіе басенъ Крылова — и притомъ безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей — приводитъ къ совершенно иному представленію объ ихъ авторѣ, чѣмъ то, которое заставило Сиповскаго низвести Крылова на степень писателей, отличающихся бѣдностью мысли. Басни его не бѣдны мыслями: въ нихъ высказаны серьезные идеалы автора, и съ ними во всякомъ случаѣ нельзя не считаться. Идеалами Крылова были прежде всего вѣра и та разумная любовь къ отечеству, которая заставляетъ гражданина трудиться на пользу своихъ согражданъ. Требованіе труда на пользу отечества достаточно ясно заявлено уже въ баснѣ „Пчела и мухи", гдѣ есть мысль о томъ, что праздный гражданинъ достоинъ презрѣнія. Далѣе: Крыловъ стоитъ за просвѣщеніе и вооружается противъ невѣжества, но различаетъ просвѣщеніе истинное и ложное. Это различеніе свидѣтельствуетъ вовсе не о бѣдности мысли, а о глубокомъ анализѣ нашего умнаго баснописца. Онъ, несомнѣнно, другъ науки и литературы, но, какъ человѣкъ вѣры, онъ остерегаетъ людей отъ увлеченія тѣми „ученіями" и тѣми писателями, которые проповѣдуютъ безвѣріе. Не для одного Крылова, но и для многихъ высокообразованныхъ умовъ „мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки смѣлы" не являются плодомъ истинной науки: отрицательное отношеніе къ вѣрѣ есть результатъ лишь односторонней точки зрѣнія, и существуютъ умы, глубоко убѣжденные, что наука рано или поздно придетъ къ полному согласію съ религіей [84]). Затѣмъ множество басенъ Крылова указываютъ, что идеалами его были справедливость и честное исполненіе гражданскаго долга. Воспитанія онъ требовалъ національнаго, и важнѣйшей наукой считалъ „знать свойства своего народа и выгоды земли своей".

Драгановъ справедливо замѣтилъ, что можно говорить о качествѣ мыслей Крылова, но никакъ не упрекать его въ бѣдности мысли.

Въ политическомъ отношеніи Крыловъ, какъ уже извѣстно, держался тѣхъ же воззрѣній, что и Карамзинъ: онъ не раздѣлялъ стремленій либераловъ своего времени и держался положенія: „люди, а не учрежденія", но свободу считалъ гибельной только въ томъ случаѣ, когда „разумная ей мѣра не дана". Крыловъ, какъ говоритъ тотъ же Драгановъ, „былъ одновременно и консерваторомъ и либераломъ, но въ серьезномъ и высшемъ значеніи этихъ словъ" [85]).

Художественность и народность басенъ Крылова. — Международное ихъ значенiе.

Художественность басенъ Крылова — фактъ общепризнанный. Академикъ Никитенко, разсматривая басни Крылова въ художественномъ отношенiи, назвалъ ихъ автора художникомъ первокласснымъ. И дѣйствительно, басни Крылова — живыя картины, живыя, такъ сказать, вдвойнѣ: въ нихъ живо изображенъ и мiръ человѣческiй и тотъ мiръ, животный или растительный, посредствомъ образовъ котораго изображаются различные типы людей. Звѣри Крылова, звѣрки, птицы, цвѣты, деревья — все это искусно разыгрываетъ роль человѣка. Читатель чувствуетъ, что тутъ вездѣ идетъ рѣчь о людяхъ, о человѣческомъ мiрѣ, но въ то же время онъ чувствуетъ и то, что представители животнаго и растительнаго мiра, разыгрывающiе роль человѣка, остаются вѣрны своей природѣ. Волкъ, лиса, медвѣдь — всѣ они изображаютъ собою извѣстные людскiе типы, и въ то же время волкъ остается волкомъ, лиса — лисой, медвѣдь — медвѣдемъ, равно какъ и дубъ — дубомъ, василекъ — василькомъ. Это умѣнье изображать мiръ человѣческiй въ образахъ мiра нечеловѣческаго такъ, чтобы оба онѣ сохраняли свою жизненную правду, и обличаетъ въ Крыловѣ великаго художника. Есть у него нѣсколько нарушенiй этой правды: такъ, напримѣръ, критика указываетъ на неестественное изображенiе щуки, отправившейся вмѣстѣ съ котомъ ловить мышей; но подобные примѣры у Крылова очень рѣдки — и тонутъ въ массѣ примѣровъ противоположнаго.

Сказанное относится къ баснѣ Крылова, какъ къ цѣлому. Но художественный генiй нашего баснописца сказался и въ обработкѣ частей басни, и уже Никитенко обратилъ вниманiе на строгую соразмѣрность въ частяхъ каждой маленькой поэмки Крылова. „Характеръ, дѣйствiя, описанiя — все здѣсь“, говоритъ критикъ, „опредѣляется значенiемъ основной идеи, и каждый изъ этихъ элементовъ участвуетъ въ общемъ развитiи цѣлаго не болѣе, какъ сколько нужно. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, такъ же какъ и ничего съ усилiемъ придуманнаго. Крыловъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ, что можно назвать силою художественнаго самообладанiя — качествомъ чрезвычайно рѣдкимъ, но и весьма важнымъ, особенно въ писателѣ“ [86]).

Благодаря указанному качеству автора, каждая басня его представляетъ собою стройно-художественное зданiе. Но этого мало: каждая подробность въ этомъ зданiи обработана художе-

ственно. У Крылова,—говоритъ Гоголь,—„живописно все, начиная отъ изображенія природы до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства“ [87]). Академикъ Никитенко прибавляетъ: „Удивительная способность собирать себя, сосредоточиваться въ одной мысли или намѣреніи, при необыкновенной раздѣльности и ясности понятій, давала автору возможность группировать и выражать всѣ частности въ самыхъ сжатыхъ и немногихъ чертахъ, а тонкое знаніе языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ, отъ высшей до самой низшей, надѣляло его способами придавать этимъ чертамъ такую точность и пластическую видимость, какъ будто онѣ были вырѣзаны на мѣди. Часто одного краткаго оборота рѣчи было для него достаточно, чтобъ нарисовать картину, одного слова или, такъ сказать, удара его кисти, чтобъ картинѣ этой придать извѣстный оттѣнокъ, колоритъ“.

Приводить примѣры художественной обработки Крыловымъ разнаго рода деталей нѣтъ надобности: читатель можетъ найти ихъ въ любой баснѣ, и мы ограничимся лишь указаніемъ нѣсколькихъ такихъ мѣстъ, которыя подтверждаютъ, что Крыловъ для того, чтобы нарисовать картину, производящую полное и самое живое впечатлѣніе, дѣйствительно не нуждался во многословіи. Вспомните, напримѣръ, какъ мастерски изображенъ Крыловымъ въ немногихъ словахъ тотъ комическій конецъ, къ которому привело хвастовство ретиваго коня въ б. „Обозъ“:

Пустился конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Скачки,
Лѣвѣй, лѣвѣй—и съ возомъ бухъ въ канаву!
Прощай, хозяйскіе горшки!

Черты загрубѣлаго невѣжды, не знающаго умѣренности въ удовлетвореніи своимъ животнымъ потребностямъ, при великомъ убожествѣ потребностей духовныхъ, обрисованы всего лишь пятью стихами, а между тѣмъ картина вышла полная:

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась желудей досыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ;
Потомъ, глаза продравши, встала,
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.

Въ слѣдующихъ трехъ строкахъ изъ б. „Пустынникъ и медвѣдь“—также цѣлая комическая картина:

Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: „Молчи жъ, ужъ я тебя, воструху!“

Для превосходнаго изображенія такого сложнаго явленія, какъ буря на морѣ (въ б. „Пушки и паруса“), Крылову понадобилось всего лишь 32 слова, считая въ томъ числѣ и союзы:

Борей послушался: летитъ, дохнулъ—и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся, какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ, слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ, и рветъ въ лоскутья паруса.

И подобныхъ картинъ у Крылова немало. Замѣчателенъ и самый стихъ его. „Онъ“,—сказалъ Гоголь [88]),—„звучитъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака“. И дѣйствительно стихъ Крылова находится иногда въ удивительно художественномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ. Такъ, напримѣръ, по мѣрѣ возрастанія быстроты дѣйствія, изображаемаго въ концѣ б. „Обозъ“, возрастаетъ и быстрота стиха; напротивъ, медленному и тяжелому движенію рыдвана, описываемому въ началѣ б. „Муха и дорожные“, соотвѣтствуетъ медленный и тяжелый стихъ:

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками въ гору,
Съ поклажей и семьей дворянъ
Четверкою рыдванъ
Тащился.

Переливы соловьинаго пѣнія слышатся и въ самыхъ стихахъ:

Защелкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ,
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался,
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.

Все до сихъ поръ сказанное относится собственно къ самому разсказу басенъ Крылова, не касаясь ихъ морали. Но Крыловъ—большой мастеръ и въ способѣ выражать мораль. Правда, дорожа моралью, онъ любилъ снабжать свои басни нравоученіемъ, или предпосылая его разсказу, или помѣщая его послѣ разсказа; но дѣло въ томъ, что мораль огромнаго большинства его басенъ понятна и безъ нравоученія, котораго у нѣкоторыхъ его басенъ и нѣтъ.

Не можемъ въ заключеніе не привести и отзыва профессора Владимірова о художественной сторонѣ басенъ Крылова. „Въ этихъ миніатюрныхъ драмахъ и повѣстяхъ изъ міра природы и человѣка“—говоритъ профессоръ—„все подобрано, какъ въ мозаичныхъ картинахъ, со вкусомъ. Давно уже замѣтили, что самый стихъ, самый подборъ словъ показываютъ у Крылова движеніе его картинъ... Поэтическіе образы животныхъ, растеній и неодушевленныхъ предметовъ, какъ ларчикъ, кафтанъ, алмазъ, мѣшокъ, голикъ, котелъ и горшокъ, двѣ бочки, отличаются поразительной правдивостью, полной художественнаго очертанія, и въ то же время тѣмъ наивнымъ одухотвореніемъ, которое свойственно младенческимъ представленіямъ древнихъ сказокъ животнаго эпоса и восточныхъ басенъ. Картинность и музыкальность составляютъ достоинства басенъ Крылова“ [89]).

Итакъ художественность басенъ Крылова заключается въ ихъ жизненной правдѣ, въ стройной соразмѣрности ихъ частей, въ ихъ картинности и музыкальности, въ ясномъ выраженіи ихъ идеи, такъ что смыслъ большинства его басенъ очевиденъ и безъ прибавки такъ называемаго нравоученія.

Но откуда бралъ Крыловъ краски для картиннаго изображенія?—На этотъ вопросъ есть уже отвѣтъ въ вышеприведенныхъ словахъ Никитенко, указавшаго на тонкое знаніе Крыловымъ русскаго языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ. Русскій языкъ во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ—опредѣленіе, обнимающее собою, конечно, и тотъ языкъ, который принято называть живымъ и бойкимъ языкомъ народа. Этотъ языкъ, самородный и картинный, языкъ, который былъ такъ знакомъ Крылову, — и служилъ ему богатымъ источникомъ красокъ для его художественнаго изображенія.

„Можно“, — говоритъ академикъ Срезневскій, — „такъ сказать, химически отдѣлить, чѣмъ именно дѣйствовалъ и дѣйствуетъ Крыловъ на своихъ читателей, давая свободу выразительности языка. Можно отдѣлить въ его языкѣ *слова*, какъ вѣрныя изображенія его понятій и образовъ: и прекрасенъ и разнообразенъ и богатъ его подборъ словъ, такъ богатъ, что изъ однѣхъ басенъ Крылова можно выбрать довольно большой словарь русскаго языка, не полный болѣе всего въ предметномъ отношеніи, такъ какъ Крылову не случилось говорить о многихъ предметахъ. Можно отдѣлить въ его языкѣ множество *оборотовъ*, особенныхъ способовъ сочетанія словъ и при этомъ

разныхъ видоизмѣненій словъ: въ этомъ отношеніи языкъ Крылова если не богаче, то и не бѣднѣе чѣмъ словами. Можно отдѣлить въ немъ огромное число *выраженій*, тѣхъ связей словъ, которыя для ума нераздѣлимы такъ же, какъ и слоги одного слова: многія изъ нихъ — старое достояніе народа, вытравленное изъ нѣкоторыхъ его слоевъ чужеязычіемъ и чужеобычаемъ; многія возникли изъ души Крылова, и дороги своею выразительностью не меньше тѣхъ. Можно отдѣлить въ языкѣ Крылова множество *пословицъ* и *поговорокъ*, и взятыхъ имъ у народа и данныхъ имъ народу, ничѣмъ одна отъ другихъ не отличныхъ, если не знать, что та или другая изъ нихъ была въ ходу и до Крылова, а та или другая пошла въ ходъ только послѣ Крылова“ [90]).

Народная струя въ языкѣ басенъ Крылова не только служитъ художественной сторонѣ ихъ, но и придаетъ имъ характеръ народности. Послѣдняя однако заключается далеко не въ одномъ только языкѣ басенъ Крылова: ею проникнуто и самое ихъ содержаніе.

Здѣсь прежде всего надо отмѣтить, что дѣйствующими лицами въ басняхъ Крылова чаще всего выступаютъ чисто русскіе люди, взятые прямо изъ среды народа. Владиміровъ справедливо замѣтилъ: „У Крылова больше всего крестьянъ-мужиковъ. И какіе они естественные типы! Демьянъ, Фока, извозчикъ, разбойники, работники, пастухи, мельники и проч... Мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что Крыловъ и Кольцовъ указали путь, расчистили дорогу для беллетристовъ-народниковъ, выступившихъ въ 50-хъ годахъ“ [91]).

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ обстановка дѣйствія въ басняхъ Крылова—русская. Ничто не заставляетъ воображеніе читателя отрываться отъ родныхъ картинъ, а иногда авторъ какимъ-нибудь однимъ словомъ, однимъ штрихомъ прямо-таки приневоливаетъ читателя представлять себѣ дѣйствіе именно среди родной, русской обстановки. Такъ, напримѣръ, въ баснѣ: „Орелъ и куры“ стихъ:

Царь-птица отдыхать садится *на овинъ*

переноситъ его въ русскую деревню. Русская именно деревня представляется ему, когда онъ читаетъ начало басни: „Бѣлка“:

Въ деревнѣ, въ праздникъ, подъ окномъ
Помѣщичьихъ хоромъ
Народъ толпился;
На бѣлку въ колесѣ зѣвалъ онъ и дивился.

Иныя басни переносятъ насъ въ наши маленькіе провинціальные городки съ ихъ нравами и порядками („Миронъ“, „Прохожій и собаки“).

Вообще надо сказать, что басни Крылова изображаютъ русскую жизнь, и давно уже замѣчено, что у него даже слоны, львы и тигры не мѣшаютъ его баснѣ оставаться національной. Нерусская обстановка является у Крылова лишь въ немногихъ басняхъ, а именно въ слѣдующихъ: 1) „Обезьяны“, 2) „Парнассъ“, 3) „Оракулъ“, 4) „Лягушки, просящія царя“, 5) „Водолазы“, 6) „Лягушка и Юпитеръ“, 7) „Безбожники“, 8) „Лань и дервишъ“, 9) „Рыцарь“, 10) „Напраслина“, 11) „Апеллесъ и осленокъ“, 12) „Похороны“, 13) „Сочинитель и разбойникъ“, 14) „Алкидъ“, 15) „Пловецъ и море“, 16) Богачъ и поэтъ“, 17) „Вельможа“.

Лучшіе русскіе умы давно поняли и оцѣнили Крылова, какъ народнаго писателя. Пушкинъ еще въ 1825 г. признавалъ его „истиннымъ представителемъ духа своего народа, своихъ единоземцевъ“. Гоголь называлъ его „поэтомъ и мудрецомъ, крѣпкой русской головой“. Академикъ Никитенко въ 1868 г. говорилъ о Крыловѣ между прочимъ слѣдующее:

„Въ отечествѣ нашемъ не было другого сильнаго ума, который бы, подобно Крылову, усвоилъ себѣ, или, лучше сказать, воплотилъ въ себя самыя стихіи народной индивидуальности, психологическія особенности народа, его воззрѣнія на вещи, весь складъ его діалектики, пріемы его мысли и слова. Получивъ въ даръ отъ природы необыкновенный умъ, онъ какъ бы вторично принялъ его изъ богатой сокровищницы народныхъ умственныхъ силъ и сталъ народнымъ писателемъ не потому уже, что того хотѣлъ, а потому что не хотѣть этого не могъ... Онъ былъ расположенъ къ ироніи, но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронія, въ которой, сквозь незнаніе, ею высказываемое, и отстраненіе себя отъ вопроса, свѣтятся какъ бы вскользь глубокое и вѣрное пониманіе настоящаго хода вещей и готовность вопросъ разрѣшить по-своему — эта иронія, повсюду разлитая въ басняхъ Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности. Иронія является и у другихъ писателей-баснописцевъ со свойственнымъ имъ сатирическимъ направленіемъ. Но въ томъ-то и состоитъ геніальная черта нашего баснописца, что его иронія вылилась въ форму народнаго духа, получила отъ него особенную физіономію, колоритъ; что ея нельзя ни вполнѣ понять, ни примѣнить нигдѣ и ни къ чему, какъ только посреди

насъ и къ намъ. Не будь приправлена она свойственнымъ нашему національному характеру добродушіемъ, она могла бы принять видъ болѣе серьезный и даже мрачный. У нашего баснописца этого нѣтъ, потому что если серьезность въ извѣстной степени намъ свойственна, то мрачность уже никакъ къ намъ нейдетъ. Заунывность нашихъ пѣсенъ ничего не доказываетъ: она есть выраженіе историческихъ моментовъ и положеній, а не природы нашей. Мы народъ жизни и движенія, и если мы иногда унываемъ, то не надолго и не съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ плаксивое бездѣйствіе, которымъ обыкновенно сопровождается уныніе. Съ нашей грустной думой мы не менѣе того способны и готовы дать смѣлый и рѣшительный отпоръ всякой бѣдѣ, откуда бы она намъ ни угрожала. Враги наши думали иногда иначе — но они ошибались“.

Басни Крылова находятся, какъ мы видѣли, въ живомъ и близкомъ отношеніи къ современной имъ эпохѣ, и отношеніе это представится намъ еще живѣе и ближе, если мы вспомнимъ и тѣ отдѣльные, частные случаи, которые послужили поводами (насколько это намъ извѣстно или по крайней мѣрѣ близко угадано) къ написанію той или другой басни.

Отраженіе современности въ басняхъ Крылова даетъ имъ большое историческое значеніе. Но онѣ имѣютъ и значеніе общечеловѣческое, которое опредѣляется тѣмъ интересомъ, какой онѣ могутъ имѣть для всякаго читателя: русскаго и нерусскаго, взрослаго и малаго, образованнаго и необразованнаго. Крыловъ, какъ первоклассный художникъ, былъ великимъ мастеромъ придавать своимъ баснямъ общій характеръ: у него даже историческія басни, касающіяся единичныхъ и исключительныхъ событій, до такой степени приняли характеръ общности, что можно, вовсе и не зная, на какіе частные случаи онѣ намекаютъ, отнести ихъ къ явленіямъ общимъ и наслаждаться ими. Такъ, напримѣръ, б. „Щука и котъ“, написанная по поводу неудачи адмирала Чичагова, можетъ быть отнесена вообще къ людямъ, берущимся не за свое дѣло, слѣдовательно къ людямъ, которые могутъ встрѣтиться въ каждое время въ каждой странѣ, въ каждомъ обществѣ и въ каждомъ возрастѣ. Крыловская щука такимъ образомъ становится общечеловѣческимъ типомъ. Подобное же можно сказать и о другихъ басняхъ Крылова. Откиньте, напримѣръ, въ б. „Червонецъ“ разсужденіе автора о просвѣщеніи — и вы получите разсказъ на общую тему: хотѣлъ сдѣлать лучше, а вышло

хуже; разсказъ этотъ самъ по себѣ вполнѣ понятенъ даже маленькимъ дѣтямъ. Басня: „Кукушка и пѣтухъ" имѣла въ виду опредѣленныя личности; но развѣ то, чѣмъ занимаются эти двѣ птички, не встрѣчается въ жизни вообще?

Эта общечеловѣческая сторона басенъ Крылова, вмѣстѣ съ великою художественностью, сдѣлала ихъ произведеніями, можно сказать, международными. Драгановъ, написавшій подробную статью о международномъ значеніи Крылова [92]), представилъ въ ней въ хронологическомъ и систематическомъ порядкѣ литературу иностранныхъ переводовъ Крылова и при томъ указалъ на писателей, поэтовъ, ученыхъ и педагоговъ всего міра, „которые своими усердными переводами Крылова на свой *домашній* языкъ и нарѣчіе отъ времени до времени прославляли и до сихъ поръ прославляютъ имя его въ той литературѣ, которую въ обширномъ смыслѣ слова можно назвать *международною*".

По изслѣдованіямъ Драганова, съ Крыловымъ познакомились *постепенно*, путемъ перевода, слѣдующіе народы: *поляки* — въ 1817 году, *французы* — въ 1818 году, *нѣмцы* — въ 1820, *англичане*—въ 1821, *итальянцы*—въ 1827, *датчане*—въ 1835, *евреи* (переводъ на священно-еврейскій яз.)—въ 1849, а переводъ на нѣмецко-евр. жаргонъ въ 1861, *хорваты* (кроаты)—въ 1855, *финляндцы*—въ 1861, *арабы*—въ 1863, *молдаваны*—въ 1865, *болгары*—въ 1865, *армяне* — въ 1866, *чехи* — въ 1868, *малоруссы* — въ 1872, *турки*—въ 1880, *сербы*—въ 1883, *словаки*—въ 1885, *грузины* — въ 1887 и *ново-греки* въ 1893 году...

Указывая далѣе самые переводы, Драгановъ между прочимъ отмѣчаетъ „высоко художественный" переводъ басенъ Крылова на англійскій языкъ М. Гаррисона, вышедшій въ 1884 г. (Kryloffs original Fables), и обращаетъ вниманіе на то, что переводчикъ ставитъ Крылова гораздо выше, чѣмъ Лафонтена. А съ своей стороны авторъ статьи называетъ нашего баснописца „однимъ изъ величайшихъ сыновъ литературной Россіи" [93]).

VII. Графъ Ѳ. В. Растопчинъ (1763—1826).

Основной смыслъ дѣятельности нашихъ націоналистовъ, объясненный на основаніи мыслей Данилевскаго.—Нападки Растопчина на галломанію не были слѣдствіемъ только нашихъ воінъ съ Наполеономъ.—Краткія біографическія свѣдѣнія о Растопчинѣ.—Его „Путешествіе въ Пруссію".—Его письма къ кн. Цыціанову и брошюра: „Плугъ и соха". — „Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ".—Рѣчи Силы Богатырева въ комедіи: „Вѣсти".—Два письма: письмо Устина Вѣникова къ Богатыреву и отвѣтъ Богатырева Вѣникову.—Письмо къ издателю „Русскаго Вѣстника".—Повѣсть: „Охъ, французы!"—Растопчинскія афиши.—Послѣдніе годы жизни Растопчина.—Заключеніе.

Крыловъ, подобно многимъ другимъ нашимъ писателямъ, желалъ

Насъ удержать, какъ крѣпкою вожжой,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой.

Такимъ же желаніемъ проникнутъ былъ и графъ Растопчинъ.

У насъ были люди, которые предлагали намъ полное отреченіе отъ нашихъ народныхъ началъ ради того, чтобы мы окончательно сдѣлались европейцами, такъ какъ европейская цивилизація, по ихъ убѣжденію, есть цивилизація общечеловѣческая. Таковы были идеалы нашихъ западниковъ, въ особенности—Чаадаева. Спрашивается, во имя чего же дѣйствовали тѣ люди, которые возставали противъ нашего европейничанья. Лучшій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ книга Николая Яковлевича Данилевскаго (1822—1885), носящая названіе: „Россія и Европа". Трудъ этого замѣчательнаго русскаго ученаго, не смотря на свое слишкомъ тридцатилѣтнее существованіе, все еще мало извѣстенъ нашей публикѣ; а между тѣмъ названная книга, по вполнѣ авторитетному отзыву покойнаго академика Бестужева-Рюмина, въ научномъ отношеніи отличается „высокими и рѣдкими во всемірной литературѣ качествами". Именно въ виду малаго знакомства нашей публики съ этимъ сочиненіемъ, автора котораго въ Австріи называютъ „славянскимъ апостоломъ", мы позволимъ себѣ привести небольшую выдержку изъ отзыва о немъ упомянутаго академика.

„«Россія и Европа»"—говоритъ Бестужевъ-Рюминъ—„поражаетъ читателя, впервые открывшаго ея страницы, необыкновенной стройностью логической, убѣдительностью своихъ доводовъ, полною объективностью изложенія—результатомъ постоянныхъ занятій естественными науками, которыя, если поставить ихъ въ надлежащіе предѣлы и не требовать отъ нихъ разрѣшенія вопросовъ, не подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, представляютъ превосходную школу для развитія методическаго мышленія... Читая далѣе,

читатели поражаются массою знаній: экономическихъ, политическихъ, историческихъ; видно, что авторъ не даромъ учился въ заведеніи, дающемъ общее юридическое образованіе, поставившемъ его въ возможность понимать эти вопросы и интересоваться ими [94]). Читателя нашего времени должно поразить то, что авторъ не чуждъ богословскихъ вопросовъ... Вся эта подготовка была необходима для того, чтобы разносторонне разсмотрѣть вопросы. Итакъ, не только великая умственная сила Данилевскаго, но и громадное трудолюбіе придаетъ такую увлекательность, можно даже сказать—неотразимость его изслѣдованіямъ, конечно, не для тѣхъ, которые заранѣе рѣшились не принимать его результатовъ" [95]).

Центральное мѣсто въ книгѣ Данилевскаго—это его теорія культурно-историческихъ типовъ. Развитіе человѣчества совершается работой этихъ типовъ. Ихъ нѣсколько, но авторъ особенно подробно останавливается на двухъ изъ нихъ: на германо-романскомъ и на славянскомъ. Главнѣйшая представительница послѣдняго—Россія, которая совсѣмъ иное, нежели Европа: между Россіей и Европой, или точнѣе—между Россіей и народами германо-романскими, есть существенныя различія: различія въ психическомъ строѣ, различіе вѣроисповѣдное, различія въ ходѣ историческаго воспитанія. Каждый культурно-историческій типъ имѣетъ свою задачу и вноситъ свою долю во всечеловѣческую культуру (*все*человѣческую, а не *обще*человѣческую: эти два понятія Данилевскій различаетъ, и существованія общечеловѣческой культуры не признаетъ). Культурная работа типа возможна лишь при сохраненіи имъ своей національности. Отсюда вытекаетъ горячее осужденіе Данилевскимъ нашего *европейничанья*, которое онъ называетъ „болѣзнью русской жизни" и говоритъ, что „болѣзнь эта тѣмъ болѣе ужасна, что (подобно собачьей старости) придаетъ видъ дряхлости молодому облику полнаго жизни русскаго общественнаго тѣла и угрожаетъ ему если не смертью, то худшимъ смерти: безплоднымъ и безсильнымъ существованіемъ" [96]).

Далѣе. Рано или поздно, хотимъ или не хотимъ,—говоритъ Данилевскій,—но борьба Россіи съ Европой неизбѣжна изъ-за Восточнаго вопроса. Горе Россіи, если она въ тотъ моментъ окажется

Большой разслабленный колоссъ,

„разслабленный нравственно, переставшій внимать не только голосу народной чести, но и самымъ громкимъ побужденіямъ инстинкта самосохраненія, готовый отказаться отъ всѣхъ преданій своей исторіи, отречься отъ самаго смысла своего существованія" [97]).

Такимъ образомъ, если западники, предлагая намъ отреченіе отъ всей прошлой нашей жизни, отъ всѣхъ народныхъ началъ, руководятся стремленіемъ къ германо-романской культурѣ, считая ее общечеловѣческой, что другими еще подвергается сомнѣнію,— то въ горячемъ ратованіи нашихъ націоналистовъ противъ европейничанья нужно видѣть тотъ инстинктъ самосохраненія, о которомъ упоминаетъ Данилевскій, и дѣятельность ихъ признать направленною къ сохраненію ихъ родного культурно-историческаго типа. Мы тутъ разумѣемъ не крайности, а общій характеръ теченія.

Такъ понимаемъ мы основной смыслъ дѣятельности нашихъ націоналистовъ. Изъ разсмотрѣнныхъ нами писателей смыслъ этотъ сказался въ дѣятельности Карамзина, Шишкова, Каразина, Нарѣжнаго, Крылова. Онъ же сказался въ слѣдующемъ требованіи устава „Союза Благоденствія": членамъ его вмѣнялось въ обязанность „Быть особеннымъ образомъ привержену ко всему отечественному и доказывать то дѣлами своими". Тотъ же основной смыслъ сказался и въ литературной дѣятельности графа Растопчина.

Въ литературной дѣятельности Растопчина надо отличать двѣ стороны: его нападки на галломанію и его враждебное отношеніе къ самимъ французамъ. Послѣднее было у него явленіемъ временнымъ, вызваннымъ нашимъ военнымъ столкновеніемъ съ Наполеономъ; нападки же его на галломанію и вообще на нашу подражательность не были исключительнымъ слѣдствіемъ того настроенія, которое появилось въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ съ 1807 года: событія этого года лишь заставили Растопчина говорить горячѣе и рѣзче о томъ, о чемъ онъ иногда проговаривался и раньше, давая понять, что онъ вовсе не сторонникъ излишней подражательности и во всякомъ случаѣ не склоненъ видѣть во всемъ русскомъ только одно дурное, а во всемъ иностранномъ только одно хорошее. Кромѣ того, смотрѣть на Растопчина, какъ на человѣка, возстававшаго противъ нашего европейничанья только подъ вліяніемъ временнаго возбужденія, нельзя уже и потому, что нельзя же отрывать его отъ связи съ другими нашими писателями, которые высказывались въ томъ же духѣ и до него, и при немъ, и послѣ него. Осужденіе нашего европейничанья началось у насъ еще задолго до французской революціи и продолжалось въ самую глубь XIX-го вѣка. Рядъ произведеній, осуждающихъ это европейничанье, очень длиненъ: въ него внесли

свою долю Сумароковъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Шишковъ, Крыловъ и др., затѣмъ славянофилы, Данилевскій и даже авторы газетныхъ статей и фельетоновъ самыхъ послѣднихъ годовъ нашего времени. Въ этотъ послѣдовательный рядъ писателей-націоналистовъ, дѣятельность которыхъ представляетъ собою извѣстнаго рода опредѣленное теченіе, долженъ быть включенъ и Растопчинъ.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ, сынъ богатаго барина, родился въ Москвѣ, 12 марта 1763 г. До пятнадцатилѣтняго возраста жилъ при родителяхъ, окруженный иностранными боннами и гувернерами, научившими его въ совершенствѣ языкамъ французскому и нѣмецкому. Но къ ребенку находила доступъ и русская стихія. Впослѣдствіи Растопчинъ говорилъ о себѣ: „имѣлъ съ десятокъ заморскихъ учителей; но, помня примѣры предковъ, поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался русскимъ“. Для того, чтобы Растопчинъ остался русскимъ, имѣло особенное значеніе то, что до пятнадцати лѣтъ онъ большую часть года (по 9 мѣсяцевъ въ году) проводилъ въ селѣ отца своего—Козмодемьянскомъ, гдѣ живалъ подолгу и послѣ. Въ 1775 г. Растопчинъ принятъ былъ пажомъ, а потомъ служилъ въ Преображенскомъ полку. Имѣя даръ подмѣчать смѣшное и искусно выставлять его на показъ, онъ обратилъ на себя вниманіе императрицы, которая однажды отозвалась о немъ такъ: „У этого молодого человѣка большой лобъ, большіе глаза и большой умъ“. По словамъ біографа Растопчина — Булгакова, императрица „удостоивала его чести участвовать въ отборномъ ея обществѣ, въ которомъ блистали, между прочими, Сегюръ, Кобенцель, Гербертъ, Шуваловъ“—и тутъ-то онъ имѣлъ случай изощрять свой даръ и запасаться наблюденіями.

Въ 1784 г. Растопчинъ оставилъ службу и отправился путешествовать по Европѣ, гдѣ провелъ почти четыре года, былъ, какъ онъ самъ говоритъ въ одной изъ своихъ статей, „во всей нѣмецкой землѣ, во всей Швейцаріи, видѣлъ часть Франціи, всю Италію“ [98]). Результатомъ этого путешествія было описаніе прусской жизни, которое графъ не предназначалъ для публики, а потому и не издалъ его: оно было напечатано ужъ гораздо позднѣе, въ „Москвитянинѣ“ 1849 г. подъ заглавіемъ: „Путешествіе въ Пруссіи графа Ѳ. В. Растопчина“.

По духу своему это „Путешествіе“ занимаетъ среднее мѣсто между „Письмами“ Фонвизина и Карамзина: авторъ его съ одной

стороны—человѣкъ, уважающій европейское просвѣщеніе, а съ другой—онъ не прочь и посмѣяться, поострить надъ тѣмъ, что находилъ у иностранцевъ смѣшнымъ. Вообще записки Растопчина производятъ впечатлѣніе безпристрастнаго описанія: у него не было желанія представить все заграничное въ дурномъ свѣтѣ, но не было и предвзятой мысли, что въ Европѣ все хорошо.

Въ самомъ же началѣ своихъ записокъ онъ подсмѣивается надъ медленной прусской почтовой ѣздой, сравнивая ее съ лихой русской, и по этому поводу острить: „Древніе, для изображенія скуки, представляли время съ обрѣзанными крыльями: лучше бы его одѣть прусскимъ почтальономъ“ [99]). Далѣе—не понравилась нашему путешественнику необыкновенная грубость нравовъ пруссаковъ, и онъ однажды сильно ею возмутился. „Кучера не кричатъ, чтобъ береглись, и смѣются страху находящихся въ опасности... Одинъ разъ мой кучеръ раздавилъ было беременную женщину. Я его сталъ бранить. Онъ сталъ смѣяться: я его ударилъ; онъ пошелъ жаловаться, и полицеймейстеръ прислалъ мнѣ сказать, чтобъ я въ удовлетвореніе кучера далъ ему три талера. Заплатя шесть, велѣлъ своему человѣку дать ему оплеуху, и, согнавъ, нанялъ другого, съ договоромъ, чтобъ онъ не колесовалъ встрѣчающихся“.—„Знатные люди“, замѣчаетъ Растопчинъ, „наружно учтивы, но внутренно горды“. О берлинскомъ же обществѣ вообще сдѣланъ такой отзывъ: „Говоря о Берлинѣ, какъ о человѣкѣ, можно въ нашемъ смыслѣ сказать, что онъ добрый мужикъ“. — Описывая Берлинъ, авторъ говоритъ о дворцѣ, и между прочимъ слѣдующее: „На углу дворца та комната, въ коей король Фридрихъ-Вильгельмъ I съ малымъ обществомъ мнимыхъ друзей куривалъ табакъ и, отлагая величество сана своего, позволялъ вольность въ обращеніи. Въ сей горницѣ и по сихъ поръ тотъ же, кажется, самый духъ, что во всѣхъ голландскихъ шинкахъ, турецкихъ кофейныхъ домахъ и европейскихъ караульняхъ. Воображеніе мое сколько ни дѣйствовало, но, кромѣ дыма, ничего не представляло; ничто не понуждало остаться болѣ. Мысли обращались обратно къ двери. Одинъ взглядъ удовольствовалъ любопытство: оно родилось и исчезло въ одно время. Но когда я былъ въ Сардамѣ и взиралъ на смиренное жилище, кое могло помѣстить въ себѣ великаго Петра, тогда воображеніе мое преобращало хижину въ храмъ славы, гдѣ я могъ видѣть всѣ дѣянія его, дивился имъ, и дивился бы еще болѣ, когда бъ не былъ рожденъ въ царствованіе великой Екатерины“.

Возставать противъ европейничанья еще не значитъ не цѣ-

нить Петровскихъ преобразованій. Данилевскій говоритъ: „въ дѣятельности Петра необходимо строго отличать двѣ стороны: его дѣятельность государственную, всѣ его военныя, флотскія, административныя, промышленныя насажденія, и его дѣятельность реформативную въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. тѣ измѣненія въ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и понятіяхъ, которыя онъ старался произвести въ русскомъ народѣ. Первая дѣятельность заслуживаетъ вѣчной признательной, благоговѣйной памяти и благословенія потомства. Какъ ни тяжелы были для современниковъ его рекрутскіе наборы, введенная имъ безжалостная финансовая система, монополія, усиленіе крѣпостнаго права, однимъ словомъ, запряженіе всего народа въ государственное тягло, — всѣмъ этимъ заслужилъ онъ себѣ имя Великаго, имя основателя русскаго государственнаго величія. Но дѣятельностью второго рода онъ не только принесъ величайшій вредъ будущности России (вредъ, который такъ глубоко пустилъ свои корни, что доселѣ еще разъѣдаетъ русское народное тѣло), онъ даже совершенно безполезно затруднилъ свое собственное дѣло: возбудилъ негодованіе своихъ подданныхъ, смутилъ ихъ совѣсть, усложнилъ свою задачу, самъ устроилъ себѣ препятствія, на побореніе которыхъ долженъ былъ употреблять огромную долю той необыкновенной энергіи, которою былъ одаренъ, и которая, конечно, могла бы быть употреблена съ большею пользою“ [100]).

У Растопчина, взиравшаго на смиренное саардамское жилище Петра, съ представленіемъ личности этого царя связывалась, конечно, мысль о его государственной дѣятельности.

Глубокимъ уваженіемъ проникнутъ былъ нашъ путешественникъ и къ личности Фридриха Великаго. Говоря о берлинской академіи, онъ, упомянувъ, что она есть „установленіе великаго Фридриха, истиннаго покровителя наукъ“, продолжаетъ: „Академія Берлинская славилась всегда членами своими и произведеніями ихъ. Трогательно было первое засѣданіе по смерти Фридриха, въ день его рожденія. Графъ Герценбергъ, первый министръ иностранныхъ дѣлъ и членъ академіи, читалъ краткое описаніе внутренняго въ государствѣ управленія... Воспоминаніе героя Пруссіи, творца ея славы и отца народа, извлекло слезы изъ глазъ министра—и заразило... Восторгъ, сокрушеніе и слезы были нелицемѣрны. Достойное возмездіе государей, о благѣ общемъ пекущихся! Любовь народа есть благоденствіе, покой, слава, щитъ и вѣчный памятникъ ихъ“.

Видя на площадяхъ памятники національнымъ героямъ, Рас-

топчинъ съ чувствомъ зависти отмѣтилъ присутствіе въ европейскомъ обществѣ такого признательнаго отношенія къ своимъ замѣчательнымъ людямъ и сдѣлалъ слѣдующее сопоставленіе: „Когда въ Англіи въ одинъ день подпискою сбираютъ знатное количество денегъ вдовамъ, сиротамъ убитыхъ на войнѣ, добродѣтельнымъ людямъ — въ награду за честность; когда Генуя за избавленіе города воздвигнула памятникъ дюку Ришелье: для чего же у насъ въ Москвѣ нѣтъ знаковъ народной признательности къ Пожарскому и Еропкину? Оба спасли столичный градъ, и оба достойны безсмертія". И далѣе Растопчинъ высказываетъ мысли, подобныя тѣмъ, какія позднѣе высказывалъ Карамзинъ въ своемъ „Вѣстникѣ Европы:" [101]) „Сколько дѣлъ, удивленія достойныхъ, сокрытыхъ во тьмѣ и невѣдѣніи! Ихъ-то открывать бы должно и украшать ими лѣтопись Россіи, доставлять ко свѣдѣнію всякаго и возжигать ими въ сердцѣ юноши жаръ любви къ добродѣтели. Счастливъ государь, счастлива та земля, гдѣ мерзятъ порокомъ и боготворятъ добродѣтели".

По возвращеніи изъ-за границы Растопчинъ былъ пожалованъ званіемъ камеръ-юнкера, а при императорѣ Павлѣ былъ его генералъ-адъютантомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1801 г. онъ вышелъ въ отставку и долго жилъ попеременно то въ Москвѣ, то въ своемъ имѣніи Вороновѣ, иногда навѣщая и село Козмодемьянское. Отъ этого времени сохранились его письма къ князю П. Д. Циціанову, которыя важны, какъ характеристика ихъ автора.

Растопчинъ вовсе не принадлежалъ къ числу тѣхъ узкихъ патріотовъ, которые хотѣли видѣть хорошее только у себя, а за границей все дурное. Въ то время, къ которому относится переписка его съ любимымъ другомъ—кн. Циціановымъ, многіе у насъ уже начали вводить въ своихъ имѣніяхъ англійскій способъ сельскаго хозяйства. Растопчинъ тоже выписалъ нѣсколько англичанъ, завелъ фермы, завелъ новыя сельско-хозяйственныя орудія, но относился ко всѣмъ этимъ новизнамъ безъ ослѣпляющаго увлеченія и съ критическимъ разсужденіемъ. Вотъ одно мѣсто изъ письма его къ Циціанову отъ 24 іюня 1803 года: „Англичане мои пріѣхали, и мы спѣшимъ поскорѣе поправлять нехорошую и совсѣмъ испорченную землю;... хотятъ ферму завесть на 300 и болѣе десятинахъ, для чего и дѣйствуютъ машины надъ срубленнымъ лѣсомъ и обращаютъ мѣсто въ богатое поле. Доколѣ у насъ не прибавится втрое жителей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ,

дотолѣ заведенія англійскаго обрабатыванія земель не будутъ нужны; но здѣсь они и выгодны и доходны чрезвычайно сѣяніемъ травъ и овощами... Я очень доволенъ фермеромъ, также и машинистомъ, а что меня больше всего веселитъ — это ихъ восхищеніе отъ ловкости нашихъ мужиковъ, и одинъ изъ сихъ, называемый Пронька, на мой вопросъ, могутъ ли они столько сработать,—отвѣчалъ мнѣ: «Имъ противъ насъ не вынести: у нихъ кишка-то пожиже». Ко мнѣ ужъ привезли всѣ орудія хлѣбопашества, и многія изъ нихъ на здѣшнюю землю не годятся, между прочимъ—двойной плугъ, отъ жидкости грунта и тягости плуга въ разсужденіи большого тренія и длины; но машинисты свои, и мы приготовляемъ новые и удобнѣйшіе инструменты“ [102]).

Критическое отношеніе Растопчина къ разнымъ сторонамъ англійскаго хозяйства особенно видно въ напечатанной въ 1806 г. брошюрѣ: „Плугъ и соха“, которую профессоръ Тихонравовъ приписываетъ именно Растопчину [103]). Признавъ очень полезнымъ для русскаго хозяйства англійскія земледѣльческія машины, какъ молотильни и нѣкоторыя другія, авторъ статьи отвергаетъ возможность повсемѣстнаго у насъ употребленія англійскаго плуга и стоитъ за русскую соху. Онъ говоритъ: „Хотя я русскій и сердцемъ и душою, и предпочитаю отечество всѣмъ землямъ безъ изъятія,—не изъ числа однакожъ тѣхъ, которые, отъ упрямства, предразсудковъ и самолюбія, пренебрегаютъ вообще все иностранное и доказательства отражаютъ словами: *пустое, вздоръ, не годится.* Мое намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ тѣмъ, кои прославляютъ англійское земледѣліе, выставляя лишь выгодную часть онаго, доказать, что сколь англійское обработываніе земли можетъ быть выгодно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, столь безполезно, или, лучше сказать, невозможно всемѣстно для Россіи въ теперешнемъ ея положеніи“. Это писалъ авторъ брошюры потому, что, по его мнѣнію, англійскій плугъ многіе стали употреблять не по нуждѣ, а просто изъ моды. „Теперь“ — говоритъ онъ— „проявилась скоропостижно мода на аглійское земледѣліе, и англійскій фермеръ столько же начинаетъ быть нуженъ многимъ русскимъ дворянамъ, какъ французскій эмигрантъ, итальянскія въ домахъ окна и скаковыя лошади въ запряжку.“ Тихонравовъ, говоря о статьѣ: „Плугъ и соха“, вспоминаетъ и басню Крылова: „Огородникъ и философъ“, въ которой, какъ говоритъ этотъ критикъ, также осмѣивается „излишнее увлеченіе теоріею и пренебреженіе живыми опытами, которые представляетъ самое хозяйство.

Растопчинъ, страстно любя Россію, вовсе не былъ склоненъ идеализировать все русское. Пробывъ однажды два дня у помѣщика Протасова въ большомъ обществѣ его сосѣдей, онъ писалъ Циціанову изъ с. Козмодемьянскаго (въ 1803 г.): „Онъ (Протасовъ) въ большомъ уваженіи по Тульской и Орловской губерніи, и отъ сего самаго никогда не можетъ располагать временемъ, а дѣлитъ его съ сосѣдьми, изъ коихъ мало есть такихъ, коимъ бы и изъ Маѳусаиловой жизни можно отдѣлить секунду... Хорошъ г. А., который 800 душъ прожилъ на изобрѣтеніе perpetuum mobile; на вопросъ, къ чему оный онъ употребить намѣренъ (если бъ изобрѣлъ), отвѣчаетъ: «Богъ знаетъ; да вѣдь, живучи въ деревнѣ, надобно чѣмъ-нибудь заняться». Непротивенъ и г. Х., который, говоря мнѣ «ваше превосходительство», извинялся, что онъ взялъ эту привычку, обращаясь часто съ губернаторомъ. Милъ и игрокъ Х., носящій, когда въ гостяхъ, старый платокъ умершаго въ Тулѣ губернаторомъ Г. и полученный имъ отъ жены его въ знакъ его преданности къ покойнику. Замѣчателенъ и отставной бригадиръ К., умоляющій сосѣдей позволить ему отъ себя и своими людьми сажать до нихъ проспекты“. Но дѣятельный Растопчинъ особенно несочувственно относился къ помѣщичьей праздности. „Представь себѣ“, — пишетъ онъ далѣе своему другу: — „что всѣ эти вышеописанные люди живутъ въ деревнѣ, бѣгаютъ одинъ къ другому отъ скуки и никакъ хлѣбопашествомъ не занимаются, говоря, что чего Богъ не дастъ, того не возьмешь, а между тѣмъ стараются другъ друга обыгрывать въ карты“.

Съ другой стороны, Растопчинъ, какъ мы уже замѣчали, не былъ и огульнымъ порицателемъ всего иностраннаго: въ своемъ „Путешествіи въ Пруссіи“ онъ очень симпатично отзывается о видѣнной имъ французской колоніи, а въ письмахъ къ Циціанову хвалитъ француза-гувернера, находившагося при его сынѣ, и хвалитъ до тѣхъ поръ, пока этотъ citoyen Armand Alouville не подалъ поводовъ къ горькому въ немъ разочарованію. Вообще нужно сказать, что Растопчинъ въ разсмотрѣнныхъ доселѣ произведеніяхъ его пера является авторомъ безпристрастнымъ какъ къ своему, такъ и къ иностранному, и нѣсколько повышаетъ тонъ лишь тогда, когда говоритъ объ излишней подражательности тогдашняго нашего общества. Эта подражательность тѣмъ болѣе не мила ему, что и самъ онъ чувствуетъ гнетъ ея надъ собою: держитъ гувернера-француза — и самъ же по временамъ досадуетъ, что поставленъ въ необходимость сдѣлать эту уступку условіямъ жизни высшаго общества [104]).

Такимъ былъ Растопчинъ до 1807 года. Но прежде чѣмъ перейти къ этому году, укажемъ еще нѣкоторыя черты этой личности. Это былъ человѣкъ далеко не безъ сердца: не даромъ ему такъ не нравилась прусская грубость нравовъ. Но въ томъ же „Путешествіи“ есть одинъ разсказъ его, свидѣтельствующій, что авторъ, совершенно въ духѣ русскаго человѣка, способенъ былъ проникаться глубокимъ состраданіемъ къ самому закоренѣлому злодѣю, осужденному уже закономъ. Дѣло идетъ о нѣкоемъ Карлѣ, грубомъ преступникѣ, осужденномъ на смертную казнь. „Въ Пруссіи“,—говоритъ авторъ, — „съ той минуты, когда объявленъ бываетъ приговоръ смерти преступнику, онъ переводится изъ тюрьмы въ особливые покои, пріуготовляемъ тамъ бываетъ къ кончинѣ пасторомъ и предается на зрѣлище всѣмъ любопытнымъ, чувствительнымъ и бездѣльнымъ людямъ. Я видѣлъ несчастнаго Карла (приговореннаго къ сожженію) за два дни до его смерти. Онъ казался спокойнымъ и вовсе не причастнымъ къ окружающему его. Тѣло его было живо, но чувства казались уже мертвыми... Колико содрогается сердце, имѣя передъ глазами столь страшное зрѣлище пагубнаго дѣйствія страшныхъ страстей! Чѣмъ можетъ имъ противоборствовать человѣкъ безъ воспитанія, правилъ закона и врожденной добродѣтели! Сколь тутъ сильно дѣйствуетъ любовь къ ближнему! Кто можетъ отринуть сожалѣніе, удержать слезу, вопіющую въ пользу несчастнаго, искупающаго преступленіе свое потерею безцѣннаго дара смертныхъ — жизни!..“ Благородствомъ и гуманностью дышитъ письмо Растопчина (отъ 4 февраля 1804 г.) къ Циціанову, только что взявшему Ганжу. „Слава Богу — слава и тебѣ — не за то, что ты безъ артиллеріи взялъ азіатскій Гибралтаръ, не за то, что къ чести побѣдителей Очакова и Измаила присоединилъ взятіе Ганжи, но за то, что просьба твоя и гласъ души благородной и сердца чувствительнаго обнялъ духъ солдатъ и, вмѣсто звѣрства, вселилъ въ нихъ человѣколюбіе“.

Наконецъ приведемъ и слѣдующее мѣсто изъ одного письма Растопчина къ тому же Циціанову (1803 г.): „казначей казенной палаты слѣдующія мнѣ 3.900 р., везя, потерялъ, и, какъ онъ, по словамъ всѣхъ его знающихъ, хорошій человѣкъ и бѣдный, то ты легко догадаться можешь, что я тутъ сдѣлалъ“.

Наступилъ 1807-й годъ—и онъ не могъ не усилить во многихъ русскихъ людяхъ ихъ вражды къ тому, что Данилевскій называетъ нашимъ „европейничаньемъ“. Иначе заговорилъ и Растопчинъ. Онъ выпустилъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: „Мысли

вслухъ на Красномъ Крыльцѣ“. Свою личность авторъ прикрылъ вымышленною личностью Силы Андреевича Богатырева, и „Мыслямъ“ своимъ предпослалъ слѣдующее „Объясненіе“:

„Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненный на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ георгіевскій и владимирскій, отправился изъ села Зажитова, по случаю милиціи, въ Тулу для закупки ружей, и, узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву, для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе государя и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, по выходѣ, въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ Крыльцѣ для отдохновенія и, преисполненъ бывъ великими происшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать вслухъ тако“ [105]):

Прикрывшись такимъ образомъ, авторъ устами Силы Андреевича могъ говорить свободнѣе и рѣзче. И дѣйствительно, Сила Андреевичъ, съ самаго же начала своихъ мыслей вслухъ, принимаетъ форму рѣчи чисто простонародную и говоритъ:

„Господи помилуй! да будетъ ли этому конецъ? долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать французу: згинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ или въ свояси — все равно, только не будь на Руси“.

Читая далѣе, встрѣчаемъ слѣдующія мѣста, касающіяся тогдашней галломаніи:

„Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены, и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь — *Bonjour*, отецъ — *Monsieur*, старуха мать — *Maman*, холопъ — *Mon ami*, Москва — *Ridicule*, Россія — *Fi donc*. Сущіе дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются. Господи помилуй! только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по-французски, и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное — Парижъ... Старухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ замужъ за французовъ и гнушаются русскими. Одѣты, какъ мать наша Ева въ раю... И

кому дѣтей своихъ ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а въ прочемъ—хоть иконы обдери, ей-Богу стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по-французски учатся, но для того, чтобы умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну, не смѣшно ли нашему дворянину покажется, если бы русскій языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ французскій: чтобъ псарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей... А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось, и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей-Богу, до бѣды".

Все это осужденія не новыя, не разъ высказанныя и до Растопчина, и не всѣ указанныя тутъ явленія одинаковой важности: можно говорить, что національный духъ не зависитъ отъ покроя платья, но мысль, что Россія — *Fi donc*, по всей справедливости должна была въ лучшихъ русскихъ людяхъ вызывать негодованіе. Въ этой-то мысли и лежитъ корень той значительной доли нашего европейничанья, которая не только не нужна, но и прямо-таки вредна, отнимая у насъ возможность правильной самооцѣнки. И Растопчинъ, подобно Карамзину, тоже хотѣлъ указать излишне страстнымъ галломанамъ, что Россія не *Fi donc*: „Россія" — говоритъ его Сила Андреевичъ — „извѣстна лѣтъ съ полтораста. А какіе великіе люди въ ней были и есть! Воины: Шуйскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцевъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества: Пожарскій и Мининъ; Москвы: Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ермогенъ, Прокоповичъ и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ—Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединскій, Дмитріевъ и Богдановичъ... Царь небесный! мало этого, вотъ еще вамъ. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелалъ милиціи—и явилась, да какая! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите — шестьсотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена. А кто начальники? кто чиновники?—Русскіе дворяна, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ каменной Москвой, милліоны посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Ледяного моря до Чернаго отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!"

Все до сихъ поръ указанное въ „Мысляхъ вслухъ на Крас-

номъ Крыльцѣ“ имѣло отношеніе къ русскому обществу и было направлено какъ противъ его галломаніи, такъ и къ пробужденію чувства народной гордости въ тѣхъ, для кого Россія была *Fi donc*. Но въ „Мысляхъ“ есть и другой элементъ: рѣзкія рѣчи противъ Наполеона и французовъ вообще — рѣчи, выражавшія враждебное настроеніе автора и слишкомъ преувеличенно-презрительное къ нимъ отношеніе. Это было дѣйствительно результатомъ временнаго настроенія Растопчина, въ чемъ онъ позднѣе и самъ сознавался. Въ статьѣ своей: „Правда о пожарѣ Москвы“, написанной десять лѣтъ спустя послѣ московской катастрофы, Растопчинъ заявилъ, что въ 1807 г. онъ не говорилъ добраго о французахъ по той причинѣ, что „мы были въ войнѣ, а потому и позволительно русскимъ не любить ихъ въ сію эпоху“. „Но“— продолжаетъ авторъ статьи — „война кончилась, и русскій, забывъ злобу, возвращается къ симпатіи, существующей всегда между двумя великодушными народами“.

Вотъ образчики рѣчей Силы Андреевича о французахъ и о Наполеонѣ:

„Господи помилуй! да что за народъ эти французы! копейки не стоитъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху, ни стыда ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись — либо философъ, либо римлянинъ, а все норовитъ въ карманъ; труслнвъ какъ заяцъ, шаловливъ какъ кошка; хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ... Въ французской всякой головѣ вѣтреная мельница, госпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники“. О Наполеонѣ Сила Андреевичъ отзывается между прочимъ, какъ о невзрачномъ „мужичишкѣ“, который и въ рекруты не годится. Впрочемъ мы выпишемъ все это мѣсто „Мыслей“, такъ какъ оно заключаетъ въ себѣ чрезвычайно своеобразно представленную исторію Франціи отъ революціи до Тильзитскаго мира.

„Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили, законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили... Головы рубили, какъ капусту: всѣ повелѣвали, то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать, и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить,

мучить, жарить и ѣсть: опрокинулись къ сосѣдямъ, и начали грабить и душить нѣмцевъ и венгерцевъ, итальянцевъ и гишпанцевъ, голландцевъ и швейцарцевъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете... А тамъ явился Бонапартъ; ушелъ изъ Египта, шикнулъ— и все замолчало. Погналъ сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ — и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать. тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ республика! давай Бонапарта короновать, а ему-то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, т.-е. плакать и кряхтѣть, а онъ, какъ угорѣлая кошка, и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція — пожаръ, французы — головешки, а Бонапартъ — кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, цесарцевъ обдулъ, пруссаковъ донага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь міръ захотѣлъ покорить. Что за Александръ Македонскій? Мужичишка въ рекруты не годится, ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ — и духъ вонъ; а онъ-таки лѣзетъ впередъ на русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу — и стали бубноваго короля катать, подъ Пултускомъ по щекѣ: сталъ покашливать; подъ Эйлау по другой — и свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскіе такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ".

Брошюра Растопчина пришлась многимъ русскимъ людямъ по душѣ, а особенно нравилось юмористическое изображеніе французовъ и Наполеона. Рѣчи Силы Богатырева подошли подъ настроеніе большинства, и брошюра быстро разошлась въ 7.000 экземпляровъ. Авторъ ея попалъ въ славу. „Какъ талантливый писатель, съ убѣжденіемъ возставшій противъ французскаго на насъ вліянія",—говоритъ Тихонравовъ,—„Растопчинъ становится на время какъ бы во главѣ литературной полемики противъ французовъ. Не разъ въ мелкихъ брошюрахъ, направленныхъ противъ нихъ, является Богатыревъ, какъ первый выразитель тѣхъ же стремленій: онъ ихъ родоначальникъ, его мнѣніе для нихъ авторитетъ. Много любопытныхъ чертъ представляетъ эта теперь совершенно забытая литература, сложившаяся изъ летучихъ брошюръ, мелкихъ статей, сатирическихъ стиховъ, торжественныхъ одъ. Удивительно выдержанное единство связываетъ однако раз-

дробленные члены ея въ живое цѣлое. Вглядитесь пристально во всѣ, даже, повидимому, ничтожныя, литературныя явленія того времени съ полемическимъ характеромъ—и вы легко замѣтите въ нихъ нападки на однѣ и тѣ же слабыя стороны русскаго общества, ту же цѣль, тѣ же увлеченія“ [106]).

Начавъ горячую борьбу противъ подражательности своими „Мыслями“, Растопчинъ продолжалъ ее и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Въ томъ же 1807 г. онъ написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи: „Вѣсти, или убитый живой“, гдѣ главнымъ образомъ выставляетъ сплетницу Набатову, но между прочимъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли, что и въ „Мысляхъ“. Тамъ является на сценѣ тотъ же Сила Андреевичъ Богатыревъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „я люблю все русское, и если бы не былъ русскій, то желалъ бы быть русскимъ, ибо я ничего лучше и славнѣе не знаю. Это — бриллiантъ между камнями, левъ между звѣрьми, орелъ между птицами“ [107]). Чтобы оцѣнить значеніе этихъ и подобныхъ имъ рѣчей, надо сопоставить ихъ съ рѣчами тѣхъ людей того времени, для которыхъ Россія была Fi donc, и тогда намъ будетъ понятенъ этотъ горячій патріотизмъ однихъ на ряду съ удивительно рабскимъ самоуничиженіемъ другихъ. „Отъ безразсуднаго пристрастія и ослѣпленія къ иностраннымъ“, — говоритъ Богатыревъ въ другомъ мѣстѣ комедіи,—„мы обращаемся изъ людей въ обезьяны, изъ господъ въ слуги, изъ русскихъ въ ничто“ [108]). И эти послѣднія мысли замѣчательны между прочимъ тѣмъ, что онѣ являются сжатымъ выраженіемъ того, что позднѣе развивали наши славянофилы и въ особенности Данилевскій.

Однако осужденія Растопчина, особенно подобныя слѣдующему: „Дочь съ матерью — точно какъ съ мадамой: обѣ налегкѣ, подъ краской. Дочь мигаетъ, мать моргаетъ; одна танцуетъ, другая валцируетъ; одна ищетъ женишка, другая пастушка; одна съ ума сходитъ, другая въ себя не приходитъ“,—многимъ не понравились, а потому Растопчинъ захотѣлъ объясниться. Съ этою цѣлью были имъ сочинены въ 1808 г. два письма: одно отъ Устина Ульяновича Вѣникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву, а другое — отвѣтъ Богатырева Вѣникову. Въ первомъ изъ нихъ Вѣниковъ пишетъ:

„Спѣшу тебя извѣстить, любезный другъ Сила Андреевичъ, что ты попалъ еще разъ не въ печать, а въ комедію, и выведенъ уже не на Красное Крыльцо, а на театръ... Но ты не сердись: ты и на театрѣ то же говорилъ, что и на Красномъ Крыльцѣ...

Досталось и модамъ, и мадамамъ, и сплетнямъ, и зараженнымъ заморскими проказами. Но объ Россіи ты говорилъ, какъ законный ея сынъ и нѣжный любовникъ, и хотя господа актеры изъ кожи лѣзли, и галлерейные засѣдатели много били въ ладоши, однакожъ, правду сказать, ложная и кресельная публика не совсѣмъ благосклонно тебя приняла, и заключила, что въ тебѣ много соли — и ты пересолилъ. За картину моднаго одѣянія сердятся натуральныя дамы... А какъ будто нарочно послѣ этой комедіи Кузнецкія мадамы выкроили еще больше передки и спинки; русскіе филантропы собирали деньги для иностранца, коего приказано выслать за границу; а одна старая барыня, для очищенія совѣсти, рѣшилась выйти замужъ за нѣмецкаго трубочиста". Въ виду всего этого Вѣниковъ даетъ такой совѣтъ Богатыреву: „перестань проповѣдывать истину: ты ею дразнишь людей — и надорвешься надъ порокомъ. Оставь старину въ Кремлѣ и на Спасскомъ мосту въ картинкахъ".

Отвѣчая на это письмо, Богатыревъ главную мысль свою выразилъ такими словами: „Не совѣтую тебѣ *совѣтовать* мнѣ перемѣниться. Я не червякъ, бабочкой быть не могу; а нынѣ хотя вѣкъ и баснословный, но и самъ чертъ не превратитъ меня изъ русскаго въ иноземца. Ну, что за бѣда? побранятъ да перестанутъ; а я опять за перо" [109]).

Будучи убѣжденнымъ, — хотя и увлекающимся, — противникомъ нашей подражательности, Растопчинъ съ самымъ теплымъ сочувствіемъ привѣтствовалъ намѣреніе С. Н. Глинки издавать „Русскій Вѣстникъ" и обѣщалъ свое сотрудничество. Обѣщаніе свое онъ исполнилъ: въ „Русскомъ Вѣстникѣ" онъ помѣстилъ свою комедію: „Вѣсти", письмо Вѣникова къ Богатыреву и отвѣтъ на него Богатырева. Но еще раньше въ журналѣ этомъ была напечатана статья Растопчина, подъ заглавіемъ: „Письмо къ издателю отъ 22 декабря 1807 года, изъ села Зипунова". Письмо это, „по мѣткости нападокъ на пристрастіе къ иноземному, по блестящему изложенію", Тихонравовъ ставитъ на ряду съ „Мыслями на Красномъ Крыльцѣ". Растопчинъ тутъ горькимъ смѣхомъ смѣется надъ „ослѣпленными", т.-е. надъ той частью общества, которая оставалась глуха къ проповѣди націоналистовъ. Вотъ это письмо:

„Милостивый Государь мой,
Издатель «Русскаго Вѣстника»!"

„Хотя я имѣлъ и самъ человѣкъ съ десятокъ заморскихъ учителей, зѣвалъ на чужой землѣ, говорю на нѣсколькихъ ино-

странныхъ языкахъ, но со всѣмъ тѣмъ Богъ охранилъ меня отъ заразы. И я узналъ свою отчизну; помня примѣръ предковъ, поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался до сихъ поръ совершенно русскимъ. Отдавая должную справедливость перу сочинителя «Сумбеки» и «Натальи, боярской дочери» [110]), увидѣлъ я обнародованіе ваше о «Россійскомъ Вѣстникѣ»: хвалю столько же благое намѣреніе, сколько дивлюся смѣлости духа вашего. Вы имѣете въ виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ нея исцѣленія слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ, но забыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть колоть глаза и приводить въ изступленіе. Конечно, васъ читать будутъ многіе; всѣ благомыслящіе и любящіе законы, отечество и государя (слѣдственно и честь) отдадутъ справедливость подвигу вашему. Но для сихъ прошедшее не нужно, ибо они сами настоящимъ служатъ примѣромъ. А какъ заставить любить по-русски отечество тѣхъ, кои его презираютъ, не знаютъ своего языка и по необходимости русскіе? Какъ привлечь вниманіе вольноопредѣляющихся въ иностранные? Какъ сдѣлаться терпимымъ у раздѣтыхъ по модѣ барынь и барышень? Упрашивайте, убѣждайте, стыдите — ничто не подѣйствуетъ. Для сихъ, отпадшихъ отъ своихъ и впадшихъ въ чужихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ. До сего одни лишь иностранные за наше гостепріимство, терпѣніе и деньги ругали насъ безъ пощады, а нынѣ уже и русскіе къ нимъ пристаютъ. Я не удивлюсь, если со временемъ найдется какой-нибудь безстыдный враль, который станетъ намъ доказывать, что мы не люди, и что Богъ создалъ одно наше тѣло, а души вкладываются иностранными, по ихъ благоразсмотрѣнію: что мы безъ нихъ обратились бы въ четвероногихъ, безъ ихъ языка... и безъ ихъ поваровъ ѣли бы траву и желуди. Мы съ перваго раза вытверживаемъ имя всякаго иностраннаго *искидка*, а они до сихъ поръ не могутъ правильно писать «Суворовъ», а что еще лучше, что симъ великимъ именемъ называютъ въ Лондонѣ бѣлаго медвѣдя; и въ Парижѣ въ 1785 году показывали за деньги француза, одѣтаго въ звѣриную кожу, подъ вывѣской: *здѣсь можно видѣть страшное чудовище, которое говоритъ природнымъ своимъ московскимъ языкомъ*. Принимая живое участіе въ успѣхѣ вашего сочиненія, совѣтую пріучать слегка къ забытой русской были тѣхъ изъ соотчичей нашихъ, кои тѣломъ на Руси, а духомъ за границей; совѣтую называть подлинныя сочиненія наши переводами, разжаловать всѣхъ на-

шихъ именитыхъ людей въ иностранныхъ, украсить каждую книжку французскимъ и англинскимъ эпиграфомъ и картинкой, представляющей невинную въ новомъ вкусѣ насмѣшку. Напримѣръ: представьте парикмахера, стригущаго русскаго, съ надписью: *подстриженный сѣверный Самсонъ;* или обезьяну, которая учитъ медвѣдя танцовать, съ надписью: *сержусь, но поклонюсь;* или бѣса, раздѣвающаго русскаго, съ надписью: *облегчится и просвѣтится*".

„Вотъ совѣты, кои русскій старикъ почитаетъ нужными для васъ, подтверждая, что опытность его и долгое обращеніе съ людьми увѣрили въ неоспоримой истинѣ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ исправлять поврежденныхъ и проповѣдывать добродѣтель тѣмъ, кои ее ищутъ въ словаряхъ для переводу".

„Впрочемъ честь имѣю пребыть и проч.

Устинъ Вѣниковъ" [111]).

Растопчинъ извѣстенъ еще, какъ авторъ повѣсти: „Охъ, французы!", которую онъ назвалъ „наборной повѣстью изъ былей". Это — рядъ картинъ изъ русской жизни; главное мѣсто удѣлено исторіи женитьбы богатаго помѣщика Луки Андреевича Кремнева на молоденькой княжнѣ, сиротѣ, жившей въ Москвѣ, у своей тетки Степаниды Кузьминичны. Тихонравовъ предполагаетъ, что повѣсть эта написана еще до 1812 г. [112]). Очень можетъ быть, но во всякомъ случаѣ она стоитъ ближе къ комедіи: „Вѣсти", нежели къ „Мыслямъ на Красномъ Крыльцѣ": правда, авторъ и тутъ имѣетъ въ виду исцѣлять общество отъ того, что онъ называлъ заморской заразой, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на тѣ темныя и смѣшныя явленія въ немъ, которыя не зависѣли отъ иноземщины и были чисто домашняго, самобытнаго происхожденія. Въ повѣсти изображенію этихъ явленій дано даже большее мѣсто, чѣмъ въ комедіи: „Вѣсти". Эта большая степень объективности, давшая автору возможность остановиться не только на достоинствахъ, но и на недостаткахъ русскаго общества, и при томъ не на тѣхъ только, которые были результатомъ чужеземнаго вліянія, а и на тѣхъ, которыя вырабатывались условіями именно нашей, русской, жизни, наконецъ довольно широкая картина этихъ послѣднихъ, живое изложеніе и мѣстами бойкій и выразительный языкъ, — все это, вѣроятно, и заставило Тихонравова признать повѣсть: „Охъ, французы!" однимъ изъ лучшихъ произведеній Растопчина [113]).

Достоинства русскаго человѣка изображены главнымъ обра-

зомъ въ лицѣ отца героя повѣсти—Андрея Богданыча Кремнева, и въ лицѣ старшаго сына его — Николая, героя, умершаго отъ руки Пугачова. Старикъ Кремневъ того же симпатичнаго типа, что и изображенные Карамзинымъ симбирскіе дворяне въ повѣсти: „Рыцарь нашего времени“, а Николай съ родни молодому Гриневу. Мать Николая, Настасья Матвѣевна,—идеалъ старинной матери, любящей жены и хозяйки. Не мало добрыхъ чертъ досталось въ наслѣдство и младшему сыну Кремнева — Лукѣ: онъ тоже герой и человѣкъ богобоязненный. Много было и есть на Руси хорошихъ людей, говоритъ авторъ, да то бѣда, прибавляетъ онъ, обращаясь къ читателямъ, что „вы ничего не знаете и знать о своей землѣ не хотите“. Вотъ о французѣ Жилетѣ, спасшемъ въ лѣсу дѣвушку отъ двухъ разбойниковъ, всѣ у насъ знаютъ, и даже портретъ его виситъ въ трактирахъ, а о русскомъ мужикѣ, въ холодную осень вытащившемъ изъ воды тонувшую женщину, никто ничего не говоритъ, — сѣтуетъ авторъ повѣсти. И тутъ же разсказываетъ объ этомъ героѣ. Личность его вполнѣ заслуживаетъ, чтобы съ ней познакомиться: это дѣйствительно чисто русскій герой, такой же, какъ и тѣ, что защищали Севастополь, и которыхъ такъ прекрасно изобразилъ графъ Толстой: эти люди дѣлаютъ великое дѣло, жертвуютъ собой—и не вмѣняютъ себѣ этой жертвы въ заслугу.

Ноябрь. Глубокая осень. Петербургская рѣчка Фонтанка уже подернута тонкой ледяной пленкой. Мужикъ, одѣтый въ синемъ, только что вытащилъ изъ воды бросившуюся женщину. Возлѣ него кучка зрителей, а самъ онъ дрожитъ отъ холоду. Растопчинъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ:

— Ты, братъ, вытащилъ дѣвку-то изъ воды?

Синій. Я-съ; мнѣ Богъ помогъ.

Раст. Да отчего это она хотѣла утопиться?

Синій. А Господь ее знаетъ; вѣрно, блажь пришла. Я вотъ шелъ отъ хозяина съ письмомъ,—иду, а она, дурища, прибѣжала на ту сторону, посмотрѣла, знашь, черезъ перила-то, да и бултыхъ; а я перекрестился, да туда же за ней.

Раст. И не раздѣвшись?

Синій. Куда раздѣваться! Ужъ тутъ нечего кафтана жалѣть; какъ-нибудь бы да душу-то спасти.

„И синій“—говоритъ авторъ,—„пошелъ по Фонтанкѣ такъ, какъ бы онъ не дѣлалъ славнаго дѣла, не подвергалъ жизнь свою опасности“.

Недостатки, выросшіе у насъ самобытно, собраны главнымъ

образомъ въ лицѣ Степаниды Кузьминичны. Главный, основной недостатокъ—это ея необразованность, доходящая почти до безграмотности. Отсюда ея грубость въ обращеніи съ крѣпостными (она бьетъ по щекамъ своего дворецкаго), ея суевѣріе (она вѣритъ гадалкѣ-кофейницѣ и даже благоговѣетъ предъ удивительнымъ даромъ этой хитрой обманщицы), ея любовь къ бесѣдамъ съ вѣстовщицами и сплетницами, которыя нерѣдко способны даже на злую клевету. Эти сплетницы-клеветницы особенно были ненавистны автору. Вотъ съ какими словами обращается онъ къ нимъ въ XLIII-й главѣ своей повѣсти:

„Проклятыя злодѣйки, чертовы посланники, адскіе почтальоны, звѣри ехидные! достойно бы вамъ родиться слѣпыми, глухими и нѣмыми. Что предъ вами убійца? Того законы отдаляютъ навсегда отъ общества людей; а вы настоящіе душегубцы. О, какъ жаль, что на васъ не привязываютъ почтовыхъ колокольчиковъ. Тогда бы звукъ ихъ, при первомъ движеніи вашемъ, предохранялъ родъ человѣческій отъ остраго жала вашего такъ, какъ шумящій хвостъ змѣи съ колокольчиками извѣщаетъ людей о приближеніи сей ядовитой пресмыкающейся“.

Авторъ повѣсти вообще уважаетъ обычаи старины, но только если они хороши, не вредны и не смѣшны. Въ LIII-й главѣ онъ говоритъ: „Обычаи почитать должно; однако не запрещено надъ ними и смѣяться; а смѣшная вещь можетъ иногда выйти изъ употребленія“. И онъ смѣется надъ обычаемъ пускать себѣ кровь чуть ли не при всѣхъ болѣзняхъ, смѣется надъ той формой, въ которой обыкновенно продѣлывалась въ старину эта операція; смѣется надъ стариннымъ обычаемъ выставлять на показъ приданое невѣсты, и надъ нѣкоторыми другими.

Что же касается до „заморской заразы“, то въ этомъ отношеніи авторъ разсматриваемой повѣсти останавливается главнымъ образомъ на вопросѣ о воспитаніи. Правда, онъ не разсматриваетъ этого вопроса такъ подробно, какъ разсматривалъ его Крыловъ, но во всякомъ случаѣ не видитъ хорошаго въ обычаѣ приставлять къ русскимъ дѣтямъ иностранныхъ боннъ и предпочитаетъ имъ нашихъ старинныхъ мамъ. Сопоставляя этихъ послѣднихъ съ боннами, онъ говоритъ: „хотя мамы эти, хаживавшія за дѣтьми, и были простыя барскія барыни, безъ просвѣщенія, въ набойчатыхъ или ситцевыхъ кофтахъ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, но онѣ отнюдь у дѣтей ни умовъ, ни сердецъ не портили; хотя и пугали ихъ волками, мертвецами, смертью-курносой, но не говаривали, что отецъ

дуракъ, мать зла, что все послѣ дѣтямъ достанется. И чѣмъ жены англинскаго конюха, швейцарскаго пастуха и нѣмецкаго солдата должны быть лучше, умнѣй и добронравнѣй женъ нашихъ приказчиковъ, дворецкихъ и конюшихъ?" Далѣе авторъ останавливается на тѣхъ дѣтскихъ пѣсняхъ, которыми иностранныя бонны забавляли тогда русскихъ дѣтей, и справедливо находитъ, что пѣсни эти въ нравственномъ отношеніи куда ниже нашихъ народныхъ сказокъ. Каково, напримѣръ, педагогическое достоинство слѣдующей французской дѣтской пѣсенки:

— Compère, dors tu?
— Et si je ne dormais pas que me veux tu?
— Pretes moi ton âne pour aller a Peron.
— Ah, compère, je dors. *).

А вотъ и другая: сосѣдъ проситъ у сосѣда понюшку табаку; тотъ отвѣчаетъ: есть у меня прекрасный табакъ, да не для твоего носа.

Въ повѣсти встрѣчаются изрѣдка и такія мѣста, какъ, напримѣръ, слѣдующее: „Иноземцы сперва намъ обрѣзали бороды, потомъ волосы; тамъ укоротили чувства, раздѣли" (гл. L-ая) [114]). Но, говоря вообще, рѣзкихъ нападокъ на французовъ, рѣзкихъ о нихъ отзывовъ въ этой повѣсти почти не встрѣчается. Въ этомъ отношеніи повѣсть напоминаетъ то болѣе сдержанное настроеніе, которое отличало перо Растопчина до 1807 года.

Въ тяжелую годину для Москвы Растопчинъ былъ ея главнокомандующимъ. Когда непріятель приближался къ древней столицѣ, Растопчину предстояло ободрять и успокоивать ея жителей и удовлетворять ихъ желаніе знать о ходѣ военныхъ дѣйствій. Растопчинъ хорошо понималъ важность своей задачи „Нарушеніе спокойствія въ Москвѣ" — объяснялъ онъ впослѣдствіи [115])—„могло бы произвесть весьма дурныя впечатлѣнія на духъ русскихъ, которые обращали на нее свои взоры и ей подражали и слѣдовали". Своей цѣли онъ достигалъ своими знаменитыми „Дружескими посланіями отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея", которыя получили популярное названіе „Растопчинскихъ афишъ". Но раньше чѣмъ приступить собственно къ афишамъ, Растопчинъ вернулся къ своему преж-

*) Переводъ Растопчина:

— Кумъ, спишь ты?
— А если не сплю, что тебѣ надо?
— Ссуди своимъ осломъ съѣздить въ городъ.
— Ахъ, кумъ, я сплю.

нему пріему дѣйствовать на русскія души: онъ опять заговорилъ отъ лица чисто русскаго человѣка—мѣщанина Карнюшки Чихирина, и опять въ томъ же духѣ, какъ и въ „Мысляхъ на Красномъ Крыльцѣ".—1-го іюля 1812 года появился въ Москвѣ печатный листокъ съ изображеніемъ вверху питейнаго дома, цѣловальника и вышеназваннаго московскаго мѣщанина Карнюшки. Было объяснено, что Чихиринъ, выпивъ лишній крючокъ на Тычкѣ, услышалъ, будто Бонапартъ хочетъ идти на Москву, разсердился, разругалъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышелъ изъ питейнаго дома и, обратившись къ собравшемуся народу, заговорилъ слѣдующее:

„Какъ! къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масляницу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться: молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ згинешь! Сиди-ка дома да играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фиглярить: вишь солдаты-то твои карлики да щегольки; ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучъ не надѣнутъ. Ну, гдѣ имъ русское житье-бытье вынести! Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-то и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Повадился кувшинъ по воду ходить—тамъ ему и голову положить. Карлъ-то шведскій пожилистѣй тебя былъ да и чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-то мало будетъ. Побойчѣй французовъ твоихъ были поляки, татары и шведы, да и тѣхъ наши такъ отпотчевали, что и по сю пору кругомъ Москвы курганы, какъ грибы, а подъ грибами-то ихъ кости. Ну, и твоей силѣ быть въ могилѣ. Да знаешь ли, что такое наша матушка Москва? Вѣдь это не городъ, а царство. У тебя дома-то слѣпой да хромой, старухи да ребятишки остались, а на нѣмцахъ не выѣдешь: они тебя смаху осѣдлаютъ. А на Руси что, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600,000 ратниковъ, да забритыхъ 300,000, да старыхъ рекрутъ 200,000. А все молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные. Да коли понадобится, скажи намъ Батюшка Александръ Павловичъ: «Сила христіанская, выходи!» — и высыплетъ безконечная, и свѣту Божьяго не увидишь. Ну, переднихъ бей пожалуй, тебѣ это по сердцу; зато остальные-то тебя доканаютъ на вѣки вѣковъ. Ну,

какъ же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо что Ивана Великаго, да и Поклонной во снѣ не увидишь. Бѣлорусцевъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну, поминай какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай, и знай изъ роду въ родъ, каковъ русскій народъ".

Въ концѣ прибавлено: „Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро и запѣлъ: *Во полѣ береза стояла*, а народъ, смотря на него, говорилъ: *Откуда берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло!*"

Сила дѣйствія такого листка на народъ понятна.

Затѣмъ стали издаваться афиши въ собственномъ смыслѣ, отъ лица главнокомандующаго. Первая изъ нихъ начинается такъ: „Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется: чтобъ злодѣя побить — и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять"... Афиша отъ 26-го августа гласитъ: „Въ субботу французовъ хорошо парили: видно, отдыхаютъ! У князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено больше 2,000 убитыхъ". Афиша VIII-ая, сообщая извѣстія тревожнаго характера, успокаиваетъ народъ указаніемъ на принятыя главнокомандующимъ мѣры. Въ концѣ обращеніе: „Православные! будьте спокойны; кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества; наша готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣи положитъ кости свои въ землѣ Русской".

Всѣхъ афишъ отъ лица главнокомандующаго—13. Послѣдняя изъ нихъ обнародована уже послѣ занятія Москвы французами. Она обращена къ крестьянамъ Московской губерніи. Въ ней, указавъ на поведеніе непріятеля въ городѣ, Растопчинъ проситъ крестьянъ не довѣрять никакимъ льстивымъ рѣчамъ Наполеона и истреблять врага вездѣ, гдѣ попадется. При этомъ онъ успокоиваетъ народъ завѣреніемъ, что ужъ недолго держаться силѣ вражеской: „Отольются волку лютому слезы горькія. Еще недѣльки двѣ — такъ кричать пардонъ; а вы будто не слышите; ужъ имъ одинъ конецъ: съѣдятъ все, какъ саранча, и станутъ стѣнью, мертвецами непогребенными; куда ни придутъ, тутъ и вали ихъ"...

Въ 1814 г. Растопчинъ окончательно оставилъ службу и вслѣдствіе разстроеннаго здоровья уѣхалъ за границу, гдѣ про-

былъ до 1823 г. Въ этомъ году онъ издалъ въ Парижѣ небольшую книжку: „La verité sur l'incendie de Moscou“, переведенную въ томъ же году на русскій языкъ Волковымъ подъ заглавіемъ: „Правда о пожарѣ Москвы“. „Это сочиненіе“—говоритъ Галаховъ—„изумило всѣхъ не въ одной Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, такъ какъ авторъ его отрекся отъ чести быть виновникомъ московскаго пожара, послѣ десятилѣтняго молчанія объ этомъ событіи. Друзья графа, дорожившіе его славою болѣе, чѣмъ онъ самъ, огорчились появленіемъ книжки, противорѣчившей давно составленному общему мнѣнію, письмамъ Растопчина къ Александру I и кн. Багратіону, разсказамъ историковъ о войнѣ 1812 г. и «Слѣдственному дѣлу», приведенному въ статьѣ: «Историческія извѣстія о пожарѣ московскомъ 1812», которая нап. въ 27 № Московскаго Телеграфа за 1829 г.“ [116]).

Вернувшись въ Россію въ 1823 году, Растопчинъ послѣдніе годы жизни провелъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 18-го января 1826 г.

У насъ иные критики смотрятъ на Растопчина очень односторонне: видятъ въ немъ лишь „нелѣпаго ругателя“ французовъ [117]). Иные, наоборотъ, относятся къ нему съ почтительнымъ чувствомъ. Тихонравовъ, напримѣръ, взялъ эпиграфомъ для своей статьи о Растопчинѣ [118]) извѣстное двухстишіе Пушкина:

> Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
> Священной памятью двѣнадцатаго года —

двухстишіе, которое относится къ Шишкову, но которое съ полнымъ правомъ можно отнести и къ Растопчину. Конечно, въ рѣчахъ Силы Богатырева и Карнюшки Чихирина есть много рѣзкаго, преувеличеннаго, но это объясняется настроеніемъ момента, притомъ настроеніемъ не одного только Растопчина, а многихъ. И подобныя рѣчи имѣли въ свое время значеніе. Афиши Растопчина, говоритъ Тихонравовъ, „брошенныя среди разгара политическихъ событій, должны были имѣть къ массѣ читателей особенно живое отношеніе, затрогивать въ ней самые дорогіе интересы и приводить къ результатамъ чисто практическимъ“. Рѣчи же Богатырева о Наполеонѣ, такъ своеобразно представленная имъ исторія дѣйствій этого „мужичишки“—все это было вызвано политическими событіями того времени и имѣло свою цѣль, которую Растопчинъ впослѣдствіи и указалъ въ своей „Правдѣ о пожарѣ Москвы“: онъ говоритъ, что имѣлъ въ виду „предупредить жителей городовъ противъ французовъ, жившихъ въ Россіи, которые стара-

лись пріучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона". Поэтому-то Богатыревъ и хочетъ представить и французовъ и Наполеона въ презрительномъ видѣ. Понятно, что подъ вліяніемъ такой мысли, Растопчинъ и самъ проникался враждебнымъ чувствомъ къ французамъ—и говорилъ со страстью, горячо. Конечнымъ его желаніемъ было поднять народную бодрость. Вскорѣ по напечатаніи въ Русскомъ Вѣстникѣ „Письма Устина Вѣникова", онъ писалъ Глинкѣ: „Спасибо вамъ за напечатаніе грамотки моей... Мой Устинъ Вѣниковъ — продолженіе моего Богатырева и его «Мыслей вслухъ на Красномъ Крыльцѣ». *Пора духу русскому пріосаниться*". Дѣятельность, направленная къ тому, чтобы духъ народный въ опасную минуту „пріосанился", уже сама по себѣ заслуживаетъ благодарности, и Тихонравовъ, взглянувъ на Растопчина, какъ на человѣка, „блещущаго священной памятью двѣнадцатаго года", понялъ дѣло несравненно глубже, чѣмъ тѣ, которые видятъ въ авторѣ „Мыслей на Красномъ Крыльцѣ" лишь „нелѣпаго ругателя" французовъ.

Литературная дѣятельность Растопчина, сдѣлавшая его героемъ своей эпохи, имѣла, конечно, лишь временное значеніе, значеніе для даннаго момента, что, какъ мы видѣли, признавалъ и самъ авторъ. Но смотрѣть на Растопчина только, какъ на дѣятеля, пріуроченнаго лишь къ эпохѣ отечественной войны, также было бы односторонне. Откинемъ въ Растопчинскихъ произведеніяхъ все то, что было вызвано нашимъ военнымъ столкновеніемъ съ французами,—и мы все-таки получимъ писателя съ извѣстнымъ опредѣленнымъ направленіемъ: его возмущаетъ мысль, что мы, какъ онъ самъ сказалъ, „отъ безразсуднаго пристрастія и ослѣпленія къ иностраннымъ, обращаемся изъ людей въ обезьяны, изъ господъ въ слуги, изъ русскихъ въ ничто". А возмущаясь этой мыслью, онъ ставитъ себя въ длинный рядъ писателей, которые одинаково съ нимъ мыслили и чувствовали, которые, слѣдовательно, образуютъ собою извѣстное теченіе, и значеніе этого теченія мы уже указали. Если даже и допустить возможность спора съ Данилевскимъ, то во всякомъ случаѣ исторія русской литературы не имѣетъ права не останавливаться подробно на такомъ крупномъ явленіи, какъ литературная борьба съ нашимъ европейничаньемъ. Само собой разумѣется, что при этой точкѣ зрѣнія все, что было крайняго какъ въ Растопчинѣ, такъ и въ Фонвизинѣ, Шишковѣ и нѣкоторыхъ другихъ, уже разсматривается иначе: мы, напримѣръ, понимаемъ Растопчина, когда онъ, сгоряча ли, или руководясь временной цѣлью, бранитъ въ извѣстную минуту рѣши-

тельно все французское, но критически относимся къ этой брани и вообще отличаемъ увлеченіе отъ трезвой мысли, когда разсматриваемъ его, какъ писателя, стоящаго за нашу самобытность.

VIII. „Русскій Вѣстникъ" и его издатель С. Н. Глинка (1776—1847).

Цѣль изданія „Русскаго Вѣстника".—Первый его номеръ.—Славянофильскія мысли Глинки въ его отвѣтѣ на письмо къ нему Растопчина.—Статьи, имѣвшія цѣлью обѣлить до-Петровскую Русь.—Лѣтопись русской славы.—„Русская исторія" С. Глинки.—Преобладающій характеръ стихотвореній въ „Вѣстникѣ".—Рѣчи противъ галломаніи, противъ французовъ и Наполеона.—Крайности и увлеченія.—Отношеніе общества къ „Р. Вѣстн." и политическое и историческое значеніе этого журнала.—Біографическія свѣдѣнія о Глинкѣ.

Наши націоналисты, каковы, напримѣръ, Карамзинъ, Шишковъ, Растопчинъ, не только были противъ подражательности русскаго общества, но и хотѣли заставить его смотрѣть на Россію съ извѣстнымъ чувствомъ уваженія. Правда, нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Шишковъ, въ своемъ стремленіи пробудить любовь къ отечественному, доходили до крайностей; но мы не должны слишкомъ строго смотрѣть на эти крайности, какъ смотрятъ на нихъ иные новѣйшіе наши критики, не принимающіе въ расчетъ, что если дѣйствительно были люди, говорившіе, что „Россія—Fi donc", то весьма естественно, что и защитники ея, раздосадованные такими рѣчами, могли тоже увлекаться въ противоположную сторону и излишне идеализировать многія явленія русской жизни. Къ такимъ горячимъ и увлекающимся защитникамъ всего русскаго принадлежалъ Сергѣй Николаевичъ Глинка, начавшій съ 1808 г. издавать въ Москвѣ журналъ: „Русскій Вѣстникъ". Онъ, подобно Шишкову, также впадалъ не рѣдко въ крайность, въ излишнюю идеализацію нашей старины и вообще русской жизни, на что указываетъ уже выбранный имъ изъ Державина эпиграфъ къ своему журналу:

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ [119]).

Но все же самая цѣль его журнала была очень серьезна: издатель хотѣлъ поднять въ русскомъ обществѣ и чувство народной гордости, и интересъ къ родной старинѣ, въ которой, безъ сомнѣнія, есть и много свѣтлаго; хотѣлъ, однимъ словомъ, чтобы въ обществѣ, какъ выразился Растопчинъ, „русскій духъ пріосанился"; особенно Глинка заботился о томъ, чтобы знакомство съ свѣтлыми сторонами русской жизни не отсутствовало при воспитаніи русскаго человѣка. Цѣль изданія своего журнала онъ указалъ во

„Вступленіи“, которымъ и открылъ первый его номеръ. Тутъ издатель говорилъ:

„Издавая «Русскій Вѣстникъ», намѣренъ я предлагать читателямъ все то, что непосредственно относится къ русскимъ. Всѣ наши упражненія, дѣянія, чувства и мысли должны имѣть цѣлью отечество; на семъ единодушномъ стремленіи основано общее благо. Подражая иноземнымъ модамъ и обыкновеніямъ, для чего не перенимать у нихъ полезнаго и похвальнаго?... Истинная добродѣтель не требуетъ похвалъ; но нужно напоминать о ней въ наставленіе другимъ. Издатель и участвующіе въ «Вѣстникѣ» его весьма будутъ признательны за извѣстія о благодѣяніяхъ, полезныхъ заведеніяхъ, словомъ, о всемъ томъ, что можетъ услаждать сердца русскія; увѣдомленія сіи составятъ новую отечественную исторію: исторію о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ и благотворныхъ заведеніяхъ. Отцы и матери, напечатлѣвая въ сердцахъ дѣтей своихъ сохраненныя въ ней преданія, будутъ одушевлять ихъ рвеніемъ къ добродѣтели и къ общему благу. Въ сихъ листахъ найдутъ многія статьи о древнихъ временахъ Россіи. Бесѣда съ праотцами, бесѣда съ героями и друзьями отечества питаетъ душу и, сближая прошедшее съ настоящимъ, умножаетъ бытіе наше; настоящее объясняется прошедшимъ, будущее—настоящимъ. Но быстрота мыслей человѣческихъ рѣдко на одной вещи останавливается; итакъ, отъ древности будемъ возвращаться къ нашимъ временамъ... Замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи, моды и проч., мы будемъ противополагать имъ нравы и добродѣтели праотцевъ нашихъ... Богъ поможетъ русскимъ! Все истинно полезное, пріобрѣтенное ими въ теченіе цѣлаго столѣтія, присовокупятъ они къ полезнымъ и похвальнымъ качествамъ предковъ, и не чужимъ, не заимствованнымъ, но своимъ роднымъ добромъ будутъ богаты... Въ нѣкоторыхъ статьяхъ «Русскаго Вѣстника» добрые и попечительные отцы семействъ найдутъ способы ученія для семейственнаго воспитанія, основанные на опытѣ и утвержденные друзьями блага общаго“.

Въ приведенныхъ строкахъ набросана въ общихъ чертахъ и самая программа журнала. О выполненіи ея можно до извѣстной степени судить уже по первому его номеру. Онъ, если не считать „Вступленія“, начинается статьей, озаглавленной: „Петръ Великій“. Личность этого монарха изображена здѣсь исключительно со стороны его любви къ Россіи, и статья заканчивается словами самого Петра, произнесенными имъ на поляхъ полтавскихъ: „вѣдайте о Петрѣ, что ему жизнь его не дорога,

только бы жила Россія, благочестіе, слава и благоденствіе ея". Далѣе идетъ статья: „Взоръ на Москву", заключающая въ себѣ воспоминанія о московской старинѣ. Цѣль помѣщенія этой статьи видна изъ слѣдующихъ находящихся въ ней словъ ея автора: „Итакъ добрый и нѣжный отецъ, прогуливаясь съ сыномъ своимъ по Москвѣ, можетъ возбуждать въ сердцѣ его чувствія любви къ отечеству и усердія къ царю и Богу... Въ Москвѣ почти безъ книгъ можно учиться россійской исторіи". Характеръ третьей статьи виденъ ужъ изъ самаго ея заглавія: это—„Разговоръ Авраама Палицына съ княземъ Пожарскимъ о любви къ отечеству". Въ первомъ же номерѣ журнала помѣщено и „Письмо къ издателю", написанное гр. Растопчинымъ [120]). Видное мѣсто занимаетъ статья: „Мнѣнія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей о воспитаніи и о иноземцахъ". Она начинается мыслью, что „каждый народъ долженъ имѣть воспитаніе, приличное первообразному его свойству", а далѣе приводятся соотвѣтствующія выписки изъ Сумарокова, изъ рѣчей Фонвизиновскаго Стародума, изъ статей Карамзина, помѣщавшихся въ его „Вѣстникѣ Европы", и наконецъ изъ „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ" Шишкова. Изъ стихотвореній перваго номера останавливаетъ на себѣ вниманіе „Пѣснь славяно-россіянокъ сынамъ отечества", гдѣ въ словахъ, произнесенныхъ отъ лица русскихъ женщинъ, указывается долгъ русской матери-воспитательницы:

Чадъ отечеству рождая,
Будемъ духъ ихъ возращать;
Вамъ, славянки, подражая,
Будемъ имъ добро внушать.
Мать дѣтей не позабудетъ,
Соблюдетъ священный долгъ;
Въ нихъ одно лишь чувство будетъ:
„Царь, отечество и Богъ!" [121])

Для большаго уясненія стремленій издателя „Русскаго Вѣстника", остановимся нѣсколько на отвѣтѣ его на извѣстное уже намъ письмо къ нему Растопчина. Отвѣтъ этотъ помѣщенъ во 2-мъ номерѣ журнала за 1808 г. Тутъ Глинка между прочимъ приводитъ сужденія о Россіи, высказанныя такими популярными иностранными писателями, какъ Монтескье и Вольтеръ.

„Монтескье въ книгѣ своей о величіи и упадкѣ римлянъ, въ главѣ 22-й, говоря о духовенствѣ, которое украшено священными именами Филаретовъ, Гермогеновъ, Діонисіевъ, Палицыныхъ и проч., лжетъ такимъ образомъ: «какой развратъ вѣры влады-

чествовалъ въ Россіи до Петра Перваго, такое же растлѣніе оной было и въ греческой имперіи». Волтеръ въ сочиненіи своемъ, названномъ «Вѣкъ Людовика XIV», забывъ безсмертныхъ нашихъ князей, царей, бояръ и гражданъ знаменитыхъ, клевещетъ на цѣлую Россію: «Взглянувъ на нее»—пишетъ онъ—«до Петра Великаго, скажешь только: Россія была въ совершенномъ вар- варствѣ»".

Глинка не раздѣлялъ подобныхъ сужденій и не хотѣлъ вѣрить, что русскіе сдѣлались людьми только послѣ Петровскихъ преобразованій. „Итакъ", — пишетъ онъ далѣе въ своемъ отвѣтѣ,—„если князья и цари наши; если бояре и граждане наши; словомъ сказать, если всѣ люди русскаго царства были до временъ тѣснаго нашего знакомства съ Европою несмыленнымъ стадомъ варваровъ, злодѣевъ и кровопійцъ,—то кто же вложилъ въ насъ душу?.. Заморскіе учители, отвѣчайте!.."

Возмущаясь приведенными сужденіями иностранцевъ, Глинка еще болѣе возмущался тѣмъ, что соотечественники его охотно усвоивали себѣ эти сужденія, и онъ съ негодованіемъ продолжаетъ:

„И мы, потомки славянъ и тѣхъ скиѳовъ, которые силою слова и крѣпостію мышцъ остановили разрушителя персидской державы, мы поклоняемся въ поясъ передъ бюстами поносителей имени русскихъ, забывая собственныхъ благодѣтелей и просвѣтителей нашего отечества!"

Отсюда возникаетъ страстное стремленіе издателя доказать своимъ соотечественникамъ ложность иностранныхъ сужденій о до-Петровской Россіи и убѣдить ихъ въ томъ, что и до Петра были у насъ и люди, и гуманность и просвѣщеніе. Съ такою цѣлью онъ и помѣщаетъ въ своемъ журналѣ такія статьи, какъ „Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, другъ царя и благодѣтель народа" (№ 2, 1808 г.), „Древнія русскія стихотворенія" (№ 3, 1808 г.), „Краткія выписки изъ Кормчей книги и замѣчанія на оныя„ (№ 8, 1808 г.), „Зотовъ, наставникъ Петра Перваго" (№ 9, 1808 г.), „Наставленіе Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу" (интереснѣе всего окончаніе этой статьи, помѣщенное во 2-мъ номерѣ 1810 г.).

Указавъ въ первой изъ этихъ статей военныя и гражданскія добродѣтели Матвѣева, авторъ говоритъ: „Видя, сколько многоразличныхъ дѣлъ отправляемо было однимъ человѣкомъ, повѣримъ ли Волтеру, будто бы до Петра Великаго Россія была въ совершенномъ невѣжествѣ". Разсматривая „древнія русскія

стихотворенія", т.-е. былины, авторъ указываетъ на нихъ, какъ на доказательство существованія у насъ значительнаго развитія ремеслъ и искусствъ еще въ самыя отдаленныя времена. Статья о Кормчей книгѣ начинается такой замѣткой: „Умствованія XVIII вѣка, введенныя въ отечество наше иноплеменнымъ воспитаніемъ, прежде всего устремились къ осмѣянію Кормчей книги... Кажется, полезнѣе бы было поучаться въ ней обязанностямъ *человѣка, гражданина* и *христіанина*... Въ сей книгѣ заключается все то, на чемъ зиждется истинное благо человѣка особливо и цѣлыхъ обществъ". Затѣмъ авторъ статьи дѣлаетъ выписки изъ этой книги, разъясняетъ ихъ смыслъ, и — что особенно интересно — сопоставляетъ ея мысли съ мыслями западныхъ писателей. Образчикомъ такихъ сопоставленій можетъ служить слѣдующее мѣсто.

„Духовные и мірскіе писатели, словомъ — всѣ друзья человѣчества убѣждены въ томъ, что благотвореніе можетъ услаждать человѣка среди лютѣйшихъ превратностей и злоключеній. Почти всѣ читали, читаютъ и восхищаются новымъ произведеніемъ пера г-жи Жанлисъ: всѣ плѣняются и сострадаютъ о жребіи прелестной и добродѣтельной *Клары*, которая, повинуясь волѣ Провидѣнія, жертвуетъ мірскою славою и всѣмъ, что составляетъ гражданское бытіе человѣка. Всѣ съ такимъ же чувствіемъ оплакиваютъ бѣдственный жребій *Вольмара*, ея любовника, который ангела добродѣтели и невинности почитаетъ убійцею его сына. Чѣмъ же утѣшается сей страдалецъ въ то самое время, когда отъ лобнаго мѣста проводили Клару въ мрачное заключеніе? Вольмаръ воздвигаетъ надгробный памятникъ несчастному сыну, въ цвѣту отроческихъ лѣтъ поверженному въ мракъ смерти, и, упадая на колѣни передъ гробомъ его, восклицаетъ съ рыданіемъ и слезами: «Сынъ мой! услышь меня въ нѣдрахъ хладной могилы: отнынѣ твой отецъ будетъ жить вѣрою и благотвореніемъ!» Не это ли самое заключается въ краткихъ словахъ Божественнаго преданія: «Родителей, друзей, родныхъ своихъ вспоминайте ежегодно, и отъ имущества ихъ раздавайте бѣднымъ»".

Еще раньше этого авторъ статьи обратилъ вниманіе читателя на слѣдующее наставленіе Кормчей: „Заступайте вдовицъ, сиротъ; вспомоществуйте немощнымъ и не давайте въ сильныя и неправедныя руки стяжанія ихъ".

Приведя нѣсколько подобныхъ выписокъ, авторъ съ великимъ увлеченіемъ говоритъ:

„Мы видимъ, что всѣ правила, содержащіяся въ Кормчей книгѣ, согласны съ разсужденіемъ всѣхъ знаменитыхъ просвѣтителей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ".

Издатель „Русскаго Вѣстника" могъ бы съ полнымъ правомъ сказать, что требованія благотворительности и вообще гуманныя чувства, возникшія на чисто христіанской основѣ, вовсе не были чужды древне-русской литературѣ; онъ могъ бы указать, напримѣръ, на завѣщаніе Владиміра Мономаха, что онъ впрочемъ и сдѣлалъ, помѣстивъ въ 1815 г. въ своемъ журналѣ „Разсмотрѣніе духовной" этой свѣтлой личности древней Руси; но уравниваніе Кормчей съ „разсужденіями *всѣхъ* знаменитыхъ просвѣтителей *всѣхъ* странъ и *всѣхъ* вѣковъ" было однимъ изъ увлеченій Глинки. Подобныя увлеченія въ сопоставленіи древне-русскаго съ западноевропейскимъ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ „Вѣстника". Такъ, напримѣръ, разбирая „Наставленія Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу", авторъ этой статьи находитъ въ немъ „такія же изящныя мысли и изреченія, какія видимъ въ Сократѣ, Платонѣ, Цицеронѣ, Боссюэтѣ и Фенелонѣ", и прибавляетъ: „основательность его заключеній не уступаетъ ясности доводовъ Локка и Кондильяка".

Статья о Зотовѣ, названная иначе: „разсмотрѣніемъ способа его ученія и соображеніемъ онаго съ правилами Ж. Ж. Руссо, Кондильяка, Локка и прочихъ писателей о воспитаніи", затрогиваетъ вопросъ о педагогическихъ пріемахъ преподаванія. Указанные писатели, говоритъ авторъ статьи, заявили: „чѣмъ образъ ученія простѣе, тѣмъ онъ ближе къ природѣ, и слѣдственно тѣмъ онъ лучше и полезнѣе". Зотовъ,—хочетъ сказать авторъ,—уже понималъ значеніе этого правила, ибо онъ „обращалъ ученіе въ *забаву*, чтобы не убить принужденіемъ природную *охоту*". Зотовъ былъ, конечно, хорошимъ у насъ педагогомъ для своего времени; но сопоставленіе его съ Руссо и Локкомъ все-таки является очень смѣлымъ.

Итакъ, взявшись за защиту до-Петровской Руси отъ обвиненія ея въ повальномъ варварствѣ, Глинка скорѣе достигъ бы цѣли, если бъ велъ ея съ большимъ спокойствіемъ. Но этому спокойствію мѣшали и обстоятельства времени и увлекающійся характеръ издателя.

Глинка принадлежалъ къ числу тѣхъ горячихъ патріотовъ для которыхъ дорого каждое славное дѣло русскаго человѣка. Въ каждомъ такомъ дѣлѣ онъ видѣлъ славу Россіи—и спѣшилъ

заносить его въ свой журналъ. Мы видѣли, что во „Вступленіи“ къ первому номеру „Русскаго Вѣстника“ издатель просилъ сообщать ему „о всемъ томъ, что можетъ услаждать сердца русскія“. Сообщенія такого рода дѣлались очень часто; издатель, сверхъ того, описывалъ разные подвиги и самъ, и такимъ образомъ въ журналѣ его накопился длинный рядъ статей, который и можно назвать „лѣтописью русской славы“. Эта лѣтопись занимаетъ въ журналѣ Глинки очень большое мѣсто и бросается въ глаза. Къ составу ея нужно отнести слѣдующія статьи. „Поселянинъ—сынъ отечества“ (1808), „Благотворительный псковской помѣщикъ Иванъ Макарьевичъ Вороновъ“ (1808), „Игнатій Ивановичъ Соколовскій, благодѣтель и другъ страждущаго человѣчества“ (1809), „Благотворительное общество русскихъ дворянъ въ пользу отставныхъ нижнихъ чиновъ, образованное 1807 г. изъ помѣщиковъ Тульской губерніи“ (1810), „Терентій Ивановичъ Волосковъ, ржевскій механикъ, богословъ и химикъ“ (самоучка; 1810), „Примѣрная любовь къ родинѣ Максима Алексѣева, крестьянина Вологодской губерніи“ (1810) и т. п. При одной изъ такихъ статей, озаглавленной: „Русскій художникъ Алексѣй Филипповичъ Гладкой“ (1809 г., № 1) и представляющей собою „письмо къ издателю“, есть слѣдующее вступленіе:

„Жаль очень, государь мой, что вы по сіе время ни слова не сказали о русскомъ художникѣ Ал. Ф. Гладкомъ, который изъ Петербурга переселился въ нашъ городъ... Загляните въ иностранныя вѣдомости, и вы увидите, упускаютъ ли тамъ хотя малѣйшее обстоятельство, относящееся къ искусствамъ, художествамъ и ремесламъ. Переѣздъ изъ города въ городъ не только отличныхъ, но часто и весьма посредственныхъ художниковъ возвѣщается у нихъ и въ журналахъ и въ вѣдомостяхъ. Это достойно похвалы и подражанія. *Лучше быть иногда болтливымъ о своихъ единоземцахъ, нежели вовсе о нихъ молчать*“.

Но упрекнуть въ этомъ случаѣ Глинку въ молчаніи отнюдь нельзя: онъ старательно извѣщалъ о подвигахъ своихъ современниковъ и не забывалъ и прежнихъ героевъ. Такъ, въ его „Вѣстникѣ“ помѣщены и такія статьи: „Александръ Невскій—вѣнценосный сынъ отечества“ (1808), „Памятникъ неустрашимости и любви къ отечеству россіянъ 16-го вѣка“ (1809), „Иванъ Рябовъ, русскій герой, и признательность къ нему государя Петра I-го (1810; описывается подвигъ Рябова подъ Архангельскомъ, куда пришла шведская эскадра), „Неустрашимость русскаго полковника Леонтія Яковлевича Неклюдова“ (Екатерининск. времени; 1813) и т. п.

Въ книжкахъ „Вѣстника“, выходившихъ послѣ 1812 года, много мѣста удѣлено подвигамъ героевъ отечественной войны.

Печатая эту „лѣтопись русской славы“, Глинка имѣлъ въ виду не одно прославленіе Россіи, но и цѣль воспитательную. Помѣстивъ въ 5-мъ номерѣ „Вѣстника“ за 1813 г. выбранныя мѣста изъ „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“ Жуковскаго, издатель сдѣлалъ въ выноскѣ такое примѣчаніе: „Желательно, чтобы всѣ русскіе отцы и матери семействъ не французскими пустяками, но обогащали бъ разумъ и память своихъ питомцевъ начертаніями славы и вѣрности русскихъ“.

Съ воспитательною цѣлью Глинка съ 1816 г. началъ печатать въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ свою „Русскую исторію“. Характеръ ея виденъ уже изъ самаго ея заглавія: „Русская исторія въ пользу семейственнаго воспитанія“. Въ „Предувѣдомленіи“ къ ней авторъ пояснялъ: „Главная моя цѣль—изобразить *дѣянія* и *нравственность* предковъ нашихъ. Все, что предлагаю, заимствовано изъ русскихъ лѣтописей. При воспитаніи не столько нужны изслѣдованія, сколько *дѣла* и *примѣры*“.

„Русская исторія“ Глинки въ 1824 г. вышла уже третьимъ изданіемъ, въ 14-ти частяхъ. Ее находили хорошей воспитательной книгой, и въ 1825 году самъ Карамзинъ просилъ министра Шишкова наградить автора, и призналъ его трудъ достойнымъ быть введеннымъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ [122]).

Въ „Вѣстникѣ“ Глинки очень много стихотвореній; преобладающій ихъ характеръ—патріотическій. Многія изъ нихъ служатъ выраженіемъ основныхъ чувствъ и мыслей самого издателя. Вотъ, напримѣръ, „Стихи другу русскихъ“ (1808):

Жить для отечества—вотъ бытіе одно;
Намъ счастье отъ небесъ въ немъ истинно дано.
Мечтатель говоритъ: «Я гражданинъ вселенной»;
А русскій: «Край родной—вселенная моя».
Мила своя страна душѣ благорожденной;
Ей мысли, ей душа посвящена твоя.

Само собой разумѣется, что „Русскій Вѣстникъ“ тоже нападалъ на галломанію и на французовъ. Уже во второмъ его номерѣ за 1808 г. помѣщена статейка, за подписью „Россіянка“ и озаглавленная: „Разговоръ тетушки моей“, гдѣ эта тетушка даже выражаетъ желаніе, чтобы правительство наказывало тѣхъ, кто „фразцуза лучше русскаго чтитъ и, ему подражая, отечество и соотечественниковъ ругаетъ, пренебрегаетъ и о вредѣ его не

помышляетъ и не тужитъ". Въ 12-мъ номерѣ 1810 г. Глинка съ возмущеніемъ приводитъ разныя нелѣпости о Россіи, найденныя имъ во французской печати. „Во французской книгѣ, вышедшей въ 1802 г. подъ пышнымъ заглавіемъ: *Обозрѣніе Европы*, въ статьѣ о Россіи написано, что, держась стародавняго обычая, дворяне московскіе и иногородные за упокой души родныхъ своихъ пьютъ мертвую чашу сорокъ дней сряду". Въ повременныхъ листкахъ 1805 г. напечатано, будто „подъ кожею русскихъ солдатъ скрывается кожа дикихъ звѣрей". Въ другомъ мѣстѣ Глинка нашелъ увѣреніе, что „русскіе храбры отъ трусости". Но, выписывая мнѣніе французскаго автора, что русскіе „суть *дурной сколокъ со всѣхъ другихъ народовъ*", Глинка говоритъ: „къ сожалѣнію, въ послѣдней мысли есть нѣкоторое правдоподобіе въ разсужденіи пристрастныхъ нашихъ любителей чужбины" (стр. 108). Въ 8-мъ номерѣ 1813 г. въ статьѣ: „О нравахъ французовъ", которые выставляются, конечно, въ темной окраскѣ, авторъ между прочимъ замѣчаетъ: есть и у русскихъ свои пороки, но „главный изъ всѣхъ пороковъ есть *страсть ко всему французскому и ненависть ко всему русскому*".

Рѣчи противъ французовъ, что и понятно, появлялись особенно въ тѣхъ номерахъ „Вѣстника", которые выходили вскорѣ послѣ московскаго пожара. Замѣчательно при этомъ, что журналъ Глинки, обвиняя французовъ, любилъ ссылаться на французскія же сочиненія, въ которыхъ высказывались мысли, тождественныя съ мыслями „Русскаго Вѣстника". Такъ, напримѣръ, авторъ статьи „О московскомъ пожарѣ" (1813 г., № 1), обвинивъ французовъ въ проявленіи того, что вовсе не согласуется съ высокой европейской культурностью, тутъ же вспоминаетъ мрачныя стороны революціоннаго движенія и приводитъ сѣтованія одного французскаго сочинителя книги: „Историческое и политическое описаніе революціи", который между прочимъ восклицаетъ: „свѣтлыя воды рѣкъ и источниковъ льются кровавыми струями; въ областяхъ Франціи сгустился воздухъ тлѣтворными парами, и солнце едва пропускаетъ тусклые лучи сквозь кровавые туманы!" Еще раньше (въ 1811 г.) была въ „Вѣстникѣ" напечатана статья: „О лжемудрствованіяхъ вольнодумцевъ осьмагонадесять вѣка". И тутъ дѣлаются выписки изъ французской исторіи, изданной въ 1810 г. Лакретелемъ, профессоромъ Парижскаго университета, который въ этой книгѣ вооружается противъ безвѣрія, безбожія и осуждаетъ „мечту о всесовершенномъ благѣ общенародномъ".

О Наполеонѣ журналъ Глинки также говорилъ преимущественно лишь послѣ московскаго пожара. Главная мысль была

слѣдующая: Наполеонъ „страшенъ не по военнымъ дарованіямъ, но по замашкамъ политическимъ. Онъ точно то же умышляетъ, что нѣкогда затѣвалъ *Чангасханъ*“ (1813 г., № 1). Паденіе Наполеона въ 1815 г. возбудило великую радость „Вѣстника“, что и было имъ выражено въ статьѣ: „Жребій врага Европы и человѣчества“.

Крайности и увлеченія можно, конечно, встрѣтить во многихъ номерахъ „Русскаго Вѣстника“. Такъ, напримѣръ, въ 3-мъ номерѣ 1808 г. помѣщено стихотвореніе, авторъ котораго склоненъ былъ идеализировать рѣшительно все въ древней Руси.

Все было хорошо, что дѣлалось вдавнѣ,—

говоритъ этотъ безусловный любитель русской старины. Въ 12-мъ номерѣ того же года, въ статьѣ: „Царица Наталья Кирилловна“, гдѣ эта личность изображается идеальной матерью-воспитательницей, находимъ огульное порицаніе всѣхъ иноплеменныхъ женщинъ и такое же восхваленіе всѣхъ женщинъ древне-русскихъ. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ 1813 г. напечатано стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Къ чему? и не лучше ли?“, гдѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми резонными жалобами есть и глубоко консервативная тенденція. Вотъ начало этого стихотворенія:

Къ чему намъ заражаться было
Затѣй французскихъ чепухой?
Къ чему то было только мило,
Что шло къ намъ изъ земли чужой?
Къ чему, забывъ житье родное,
Житье пріятное, простое,
Дурачествъ приняли содомъ?
Къ чему мы свой языкъ ломали,
И по-вороньи лепетали,
И жили не своимъ умомъ?
Не лучше ли въ странѣ родимой
Намъ жить по-свойски, безъ затѣй?
Оставя вздоръ нововводимый,
Не лучше ль мыслить попростѣй? и т. д.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ журнала встрѣчается слишкомъ ужъ искаженное пониманіе патріотизма, доводимаго до злобной ненависти къ врагу, и притомъ—къ врагу, уже почти лежачему. Такъ, въ одномъ изъ номеровъ 1813 г. читаемъ: „Великая Екатерина сказала: «кто писать будетъ, тому думать по-русски». Истинно *русскія мысли* должны теперь состоять въ томъ, чтобы гнушаться даже названіемъ французовъ, претворенныхъ въ лютыхъ звѣрей извергомъ Наполеономъ“.

Впрочемъ надо и то имѣть въ виду, что подобныя рѣчи говорились подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, и если намъ понятно психологическое происхожденіе уже упомянутой нами надписи на французскихъ школьныхъ тетрадяхъ даже 1899 года: „Безъ ненависти къ чужестранцу—любовь къ отечеству слаба“ [123]),—то не менѣе понятно и настроеніе автора только что приведенной выписки изъ „Русскаго Вѣстника“ 1813 г. И мы тутъ должны вспомнить, что едва прошло нѣсколько лѣтъ послѣ отечественной войны — и изъ устъ русскихъ людей раздался всепрощающій голосъ примиренія: вспомнимъ слова Растопчина, вспомнимъ повѣсть Нарѣжнаго: „Александръ“ [124]).

Къ увлеченіямъ „Вѣстника“ надо отнести и желаніе его отыскивать въ древней Руси Сократовъ, Платоновъ, Локковъ и Боссюэтовъ.

Общество относилось къ „Русскому Вѣстнику“ различно. Нѣкоторые не сочувствовали самому его направленію, особенно его защитѣ до-Петровской Руси; другихъ оскорбляло сомнѣніе Глинки въ любви русскихъ къ своему отечеству; третьи смѣялись надъ крайностями журнала, какъ напр. Воейковъ, набросавшій въ своей сатирѣ: „Сумасшедшій домъ“ слѣдующую картину:

Нумеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ...
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ;
Книга Кормчая отверста,
И уста отворены;
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены!
„О Расинъ! Откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ:
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гоѳолію укралъ.
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ Андромахѣ — подражанье
Погребенію кота!“

Примѣромъ выраженія недовольства могутъ служить и слова Батюшкова въ его письмѣ 1809 г. къ Гнѣдичу: „Отъ одного слова *русскіе*, не кстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ... Глинка называетъ «Вѣстникъ» свой *русскимъ*, какъ будто пишетъ въ Китаѣ для миссіонеровъ или пекинскаго архимандрита. Другіе,—а ихъ тысячи,—жужжатъ, нашептываютъ: *русское*, *русское*, *русское*... а я потерялъ вовсе терпѣніе!“

Но зато быдо много и сочувствующихъ. Многіе присылали издателю сочувственныя письма, въ которыхъ говорили — одни: „Читатель Русскаго Вѣстника радуется, что есть еще русскіе писатели, любящіе свое отечество“ (1808 г., № 2); другіе: „продолжайте уличать иностранныхъ писателей въ ихъ ложныхъ о насъ мнѣніяхъ“ (№ 9 того же г.); третьи: „Продолжайте напоминать о предкахъ нашихъ“ (1811 г., № 1). Нѣкоторые студенты Московскаго университета, явившись къ Глинкѣ въ 1812 г., обратились къ нему съ такой рѣчью: „Вашъ Русскій Вѣстникъ воспламенилъ нашъ духъ; помогите намъ жертвовать собою отечеству“. М. А. Дмитріевъ, родственникъ извѣстнаго поэта, писалъ впослѣдствіи Глинкѣ:

Вся жизнь твоя была
Любовь къ отечеству и истинѣ служенье. —
Отъ дѣтскихъ лѣтъ моихъ я помню: голосъ твой
Всѣхъ громче мнѣ твердилъ о Руси православной;
Ты жизнь полезную умѣлъ содѣлать славной.

Подобное же заявленіе сдѣлалъ ему и историкъ Погодинъ: „Вашъ Русскій Вѣстникъ 1808 года, съ портретами царя Алексѣя Михайловича, Димитрія Донского и Зотова, возбудилъ во мнѣ первое чувство любви къ отечеству, русское чувство — и я благодаренъ вамъ во вѣки вѣковъ“ [125]).

Въ первые годы журналъ Глинки имѣлъ, по тому времени, очень большое число подписчиковъ: 700; послѣ 1812 года число ихъ нѣсколько понизилось: въ 1814 г. ихъ было 550; затѣмъ цыфра эта стала все больше и больше уменьшаться; въ 1824 г. „Русскій Вѣстникъ“ прекратился. Причину паденія журнала надо искать не въ ослабленіи интереса подписчиковъ къ тому, что напоминало имъ о старинѣ, а главнымъ образомъ въ томъ, что старина эта изображалась нерѣдко въ прикрашенномъ видѣ. Въ періодъ сильнаго патріотическаго возбужденія крайности и увлеченія Глинки многими еще могли быть терпимы, но когда умы и сердца успокоились, слабая сторона журнала начала чувствоваться острѣе. Тотъ же Погодинъ, столь благодарный Глинкѣ за „Русскій Вѣстникъ“ 1808 г., былъ недоволенъ его „Исторіей“, и говорилъ посмѣиваясь, что въ ней даже Святополкъ Окаянный заткнетъ за поясъ любого героя добродѣтели.

Политическое значеніе „Русскаго Вѣстника“ для своего времени давно уже указано въ чрезвычайно тепло написанной въ 1847 г. статьѣ кн. Вяземскаго, посвященной памяти тогда только

что умершаго Глинки. Вяземскій писалъ: „Одно заглавіе его было уже знамя. Въ то время властолюбіе и побѣды Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всѣхъ государствъ. Нужно было поддерживать и воспламенять духъ народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестяхъ предковъ, которые также сражались за честь и цѣлость отечества. Духъ чужеземства могъ быть тогда въ самомъ дѣлѣ опасенъ. Нужно было противодѣйствовать ему всѣми силами и средствами. Въ такихъ обстоятельствахъ даже излишества и крайность убѣжденій были у мѣста. Укорительныя слова: галломанія, французолюбцы, бывшія тогда въ употребленіи, имѣли полное значеніе. Ими стрѣляли не на воздухъ, а въ прямую цѣль. Надлежало драться не только на поляхъ битвы, но воевать и противъ нравовъ, предубѣжденій, малодушныхъ привычекъ. Европа онаполеонилась. Россіи, прижатой къ своимъ степямъ, предлежалъ вопросъ: быть или не быть, т.-е. слѣдовать за общимъ потокомъ и поглотиться въ немъ, или упорствовать до смерти или до побѣды?“ [126])

Наконецъ политическое значеніе журнала Глинки видно ужъ изъ того факта, что Наполеонъ обратилъ на него вниманіе, и черезъ посла своего Коленкура жаловался нашему правительству на непріязненный духъ „Русскаго Вѣстника“.

Что же касается до историческаго значенія этого журнала, то, взятый въ цѣломъ, онъ является отраженіемъ извѣстнаго настроенія времени.

Но если обратить вниманіе на тѣ отдѣлы „Русскаго Вѣстника“ гдѣ обѣлялась до-Петровская Русь, гдѣ говорилось о необходимости національнаго воспитанія, гдѣ раздавались горячія рѣчи противъ галломаніи,—то на журналъ этотъ тоже можно смотрѣть, какъ на одно изъ звеньевъ той длинной цѣпи литературныхъ явленій, которая была вызвана съ одной стороны стремленіемъ извѣстной части общества уходить отъ народности, а съ другой—желаніемъ противомыслящихъ удержать въ той или иной мѣрѣ отъ этого стремленія. О „Русскомъ Вѣстникѣ“ нельзя слѣдовательно умолчать ни въ очеркѣ патріотическаго движенія у насъ въ эпоху войнъ съ Наполеономъ, ни въ исторіи того теченія, которое можно назвать националистическимъ.

Сергѣй Николаевичъ Глинка, уроженецъ Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, гдѣ отецъ его имѣлъ небольшое помѣстье, уже на седьмомъ году поступилъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ, куда записала его сама императрица Екатерина,

посѣтивъ родителей Глинки во время своего путешествія въ Бѣлоруссію въ 1781 г. Глинка еще въ корпусѣ полюбилъ словесность и проявилъ, по замѣчанію его біографа, [127]) „способность къ краснорѣчію". Еще будучи кадетомъ, онъ уже напечаталъ въ 1794 г. въ корпусной типографіи свою „Пѣснь Великой Екатеринѣ", какъ выраженіе благодарности за доставленное ему образованіе.

По окончаніи курса въ 1795 г., Глинка былъ выпущенъ съ чиномъ поручика и поступилъ адъютантомъ къ кн. Юрію Владимировичу Долгорукому, въ Москву. Въ Москвѣ были тогда два частныхъ театра: одинъ—князя Волконскаго, другой—Медокса. Глинка полюбилъ театральныя представленія, и для обоихъ этихъ театровъ переводилъ съ французскаго бывшія тогда въ модѣ *оперы*. Въ 1800 г., по смерти отца, онъ вышелъ по семейнымъ обстоятельствамъ въ отставку съ чиномъ маіора, и вскорѣ послѣ этого, какъ говоритъ его біографъ, „при одрѣ умирающей матери далъ слово обезпечить жребій сестры своей, и въ пользу ея отказался отъ своей части наслѣдства—30 душъ, уступилъ въ приданое сестрѣ все движимое и недвижимое имѣніе, сколько осталось ему отъ отца, а самъ отправился въ Украйну, гдѣ три года пробылъ учителемъ, содержа себя преподаваніемъ наукъ". Потомъ снова поселился въ Москвѣ и „опредѣлился къ театру въ званіи *сочинителя и переводчика*".

Съ этихъ поръ литература сдѣлалась постояннымъ занятіемъ Глинки, и онъ даже успѣлъ прославиться у современниковъ, какъ драматическій писатель. Замѣчательно, что онъ и тутъ любилъ брать сюжеты изъ до-Петровской Руси, напр. „Наталья, боярская дочь" (героическая драма въ 4 д. 1806 г.), „Сумбека, или паденіе Казанскаго царства" (трагедія въ 5 д. 1806 г.), „Михаилъ, князь черниговскій" (трагедія въ 5 д. 1808 г.) и др. Съ 1808 по 1824 г. онъ издавалъ „Русскій Вѣстникъ", давшій ему имя писателя-патріота.

Въ 1812 г. Глинка является виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Прочитавъ 11 іюля воззваніе государя къ первопрестольной столицѣ, онъ въ 5 часовъ утра поспѣшилъ къ московскому главнокомандующему и, заставъ его занятымъ, оставилъ ему слѣдующую записку: „Хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья; хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности, и хотя я не уроженецъ московскій—но гдѣ кого застала опасность отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники московскаго ополченія и на алтарь отечества возлагаю на триста рублей серебра". Глинка такимъ образомъ первый записался въ московскіе ратники. „Графъ Растоп-

чинъ",—разсказываетъ кн. Вяземскій, [128])—„обладая въ высшей степени русскимъ чувствомъ и умѣньемъ дѣйствовать на массы, хорошо понялъ значеніе Глинки въ подобныхъ обстоятельствахъ. Вслѣдствіе представленія его, Глинка былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владимира 4-й степени... Вручая ему награду, гр. Растопчинъ сказалъ ему: «Священнымъ именемъ государя развязываю вашъ языкъ на все полезное для отечества, а руки—на триста тысячъ рублей экстраординарной суммы». Деньги отданы были въ его распоряженіе". Главнокомандующій поручилъ Глинкѣ успокоивать умы московскихъ жителей и внушать имъ бодрость. Глинка сдѣлался, по выраженію Вяземскаго, „народнымъ трибуномъ;" онъ бесѣдовалъ съ народомъ на площадяхъ, на рынкахъ, на улицахъ. Отпущенныхъ ему денегъ не трогалъ, и вернулъ потомъ ихъ въ цѣлости казнѣ, но, заложивъ драгоцѣнныя вещи жены, снарядилъ 20 человѣкъ въ ополченіе и въ томъ числѣ извѣстнаго своими историческими трудами Константина Ѳедоровича Калайдовича.

Въ 1813 г. Глинка вернулся къ мирнымъ занятіямъ и въ своемъ „Вѣстникѣ" прославлялъ героевъ отечественной войны, восхищался храбростью донцовъ, проводившихъ французовъ до Парижа. Въ послѣдніе годы изданія журнала онъ съ грустью сталъ замѣчать его паденіе. Чтобы поднять его, онъ прибавилъ къ нему „Дѣтское чтеніе", но и эта мѣра не увеличила числа подписчиковъ. Закрывъ журналъ, Глинка поступилъ на службу въ Комиссію прошеній, а затѣмъ (въ 1827 г.) получилъ мѣсто цензора въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. Заниматься литературой онъ продолжалъ до конца дней своихъ. Онъ написалъ „Исторію жизни и царствованія Александра I", „Записки о 1812 годѣ перваго ратника московскаго", издалъ „Очерки жизни и избранныя сочиненія А. Сумарокова", а раньше писалъ драматическія произведенія, поэмы, стихотворенія, переводилъ Юнговы „Ночи", словомъ сказать—былъ писателемъ весьма плодовитымъ; но въ исторіи литературы онъ занимаетъ мѣсто главнымъ образомъ лишь какъ издатель своего журнала.

Князь Вяземскій, вспоминая о немъ, говоритъ: „Должно отдать справедливость Глинкѣ. Онъ никогда не отдавалъ себя въ кабалу никакимъ литературнымъ партіямъ. Онъ прошелъ безпристрастно и миролюбиво сквозь нѣсколько поколѣній литературы и литераторовъ нашихъ. Ко всѣмъ питалъ онъ сочувствіе и радушіе. Рожденіемъ своимъ, воспитаніемъ и воспоминаніями лучшей поры въ жизни, молодости, принадлежалъ онъ вѣку отжившему,

но съ любовью и уваженіемъ привѣтствовалъ знаменитости и надежды другихъ поколѣній. Не забывая стиховъ Княжнина и Сумарокова и высказывая ихъ на память цѣлыми тирадами, онъ зналъ наизусть и цѣлыя страницы изъ прозаическихъ сочиненій Карамзина и стихи Жуковскаго, Пушкина и Языкова. Для него свято и дорого было русское слово во всѣхъ его возрастахъ и измѣненіяхъ. Одаренный памятью обширною, изумительною, онъ присвоивалъ ей не только все то, что прочиталъ по-русски, но зналъ также твердо и французскихъ писателей, особенно принадлежавшихъ ко второму пятидесятилѣтію XVIII вѣка. Въ последнее время жизни своей, когда, изнуренный недугами и пораженный слѣпотою, онъ не могъ уже самъ читать и писать, а слушалъ и диктовалъ, — онъ въ минуты отдыха перечитывалъ наизусть краснорѣчивыя страницы любимыхъ своихъ авторовъ. Онъ помнилъ и Руссо, который имѣлъ такое сильное и очаровательное вліяніе на воображеніе своихъ современниковъ, и рѣчи Мирабо, которыя такъ сильно волновали умы, еще довѣрчивые и самонадѣянные".

Живой, подвижный и дѣятельный, крайне аккуратный, какъ издатель журнала, выпускавшій иногда даже задолго до срока его номера, напоминающіе форматомъ и печатью извѣстныя Смирдинскія изданія; человѣкъ идеально честный и сердечный,—Глинка умеръ, ничего не оставивъ своей женѣ и дѣтямъ, такъ что кн. Вяземскій, по смерти его въ 1847 году, даже обращался къ читающей публикѣ съ приглашеніемъ покупать „Русское чтеніе" Глинки и тѣмъ выказать сочувствіе къ участи его семейства.

IX. Мысли и чувства, выраженныя въ другихъ журналахъ Александровской эпохи.

„Журналъ Россійской Словесности" Брусилова (1805 г.).

Общій характеръ этого журнала. — Выраженіе желанія соединить европейское просвѣщеніе съ воспитаніемъ національнымъ. — Сочувствіе взгляду Шишкова на порчу нашего литературнаго языка.— Мысль о воспитаніи народа посредствомъ театра.— Рѣчи противъ униженія человѣческой личности и либеральный взглядъ на отношеніе между сословіями. — Требованіе правосудія.—Жалоба писателя Пнина на цензуру и нѣсколько словъ о самомъ Пнинѣ.—Ода гр. Хвостова и басня: „Зябликъ".—Басня: „Царь и придворный".— Начало веденной Глинкою лѣтописи русской славы.

„Русскій Вѣстникъ" Глинки, при всемъ его важномъ политическомъ и историческомъ значеніи, былъ все-таки журналомъ одностороннимъ: въ немъ мы видимъ отраженіе лишь одного

извѣстнаго теченія мыслей и чувствъ русскихъ людей того времени, теченія, которое находило себѣ отголосокъ и въ другихъ журналахъ Александровской эпохи, но тамъ оно не поглощало собою и теченія иныя. Эти послѣднія въ достаточной степени обозначены уже въ „Журналѣ Россійской Словесности“ Брусилова 1805 г. Брусиловъ въ своемъ обращеніи къ читателямъ, помѣщенномъ въ видѣ вступленія къ первому номеру журнала, не опредѣлялъ, подобно Глинкѣ, направленія своего изданія: онъ сказалъ лишь, что „главнымъ предметомъ онаго есть соединеніе *пріятнаго* съ *полезнымъ*“. И дѣйствительно, „Журналъ Россійской Словесности“ не имѣлъ строго выдержанной программы: въ немъ могли находить кое-что себѣ по вкусу и консерваторы и либералы, и поклонники Петровскихъ реформъ и люди, стоявшіе за національность. Въ немъ могли находить извѣстное удовлетвореніе и тѣ, которые были такими же горячими патріотами, какъ Глинка; но могли раздѣлять съ нимъ чувства и тѣ, которые видѣли и такія темныя стороны русской жизни, которыхъ Глинка не касался.

—

Въ первомъ же номерѣ журнала Брусилова находимъ статью подъ заглавіемъ: „Письмо деревенскаго жителя о воспитаніи“, авторъ котораго высказываетъ по этому предмету такія же мысли, какія высказывались и вообще нашими націоналистами, въ чемъ мы и видимъ ясное доказательство, что Карамзинъ, Крыловъ, Шишковъ, Глинка и имъ подобные не были единичными лицами, стоявшими за національность, а были выразителями мыслей и чувствъ извѣстной части общества своего времени. Но если Глинка слишкомъ ужъ идеализировалъ нашу старину,—то авторъ, упомянутаго письма склоненъ былъ видѣть въ ней главнымъ образомъ темныя стороны, и выражалъ радость по поводу того, что „Россія геніемъ Петра извлечена изъ тьмы невѣжества“. Онъ радовался и быстрымъ успѣхамъ Россіи въ просвѣщеніи: „въ одинъ вѣкъ взошла она на ту степень славы, величія и могущества, на которую многіе народы медленно восходили“. Авторъ, подобно Новосильцеву, сознавалъ что всѣ реформы шли у насъ сверху, и потому сказалъ: „Сей скорый переходъ отъ невѣжества къ просвѣщенію должно приписать единственно попеченію государей нашихъ, которыхъ мы правильно чтимъ *отцами отечества*“.

На эти быстрые успѣхи Россіи авторъ смотритъ, какъ на гордость русскихъ людей. „Нѣтъ!“—говоритъ онъ: — „не одною храбростію, не однимъ мужествомъ могутъ гордиться россіяне:

они могутъ превозноситься и скорыми успѣхами просвѣщенія своего, которое доказываетъ пылкій умъ народа".

Но, довольный успѣхами тогдашней Россіи въ просвѣщеніи вообще, авторъ не доволенъ современнымъ ему воспитаніемъ. Его идеалъ—совмѣстное воспитаніе *ума* и *сердца*. Между тѣмъ онъ видитъ, что при воспитаніи русскихъ людей очень часто пренебрегаютъ серьезнымъ образованіемъ и даютъ имъ лишь поверхностный свѣтскій лоскъ. „Какъ танцуетъ! какъ одѣтъ!"— вотъ таланты, которыми довольствуется общество. Подобно тому, какъ позднѣе сказалъ Пушкинъ: „быть можно дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей", такъ и авторъ разсматриваемаго письма говоритъ: „Умный человѣкъ не запираетъ себя въ бочку и знаетъ, что свѣтское обращеніе ни мало не уменьшаетъ достоинствъ человѣка, и что, танцуя вальсъ и одѣваясь по модѣ, можно быть умнымъ человѣкомъ, хорошимъ писателемъ и даже философомъ".

Съ другой стороны авторъ видитъ, что часто бываетъ въ пренебреженіи и нравственное воспитаніе. Оно, говоритъ онъ, должно лежать всецѣло на обязанности родителей. Мать должна быть сама и кормилицей и воспитательницей своего ребенка и должна вселить въ него чувствительность, т.-е. пріучить его сострадать ближнему, помогать несчастнымъ, угнетеннымъ. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста сынъ долженъ перейти подъ руководство отца, который обязанъ развивать въ немъ насажденныя матерью сѣмена добродѣтели и укоренить въ его душѣ любовь къ славѣ отечества.

Говоря о значеніи нравственнаго воспитанія, авторъ ссылается на Руссо и такимъ образомъ является сторонникомъ европейскихъ идей, и при всемъ томъ все-таки говоритъ: „Нельзя безъ прискорбія видѣть, что воспитаніе нашего юношества совершенно въ рукахъ иностранцевъ". Это прискорбно, во-первыхъ потому, что иностранецъ „не можетъ поселить пламенной любви къ отечеству", а во-вторыхъ, потому, что эти иностранцы—„нерѣдко бродяги, люди распутные, зараженные якобинскими правилами, вредными не только благоустроенному правительству, но и самому человѣчеству".

Наконецъ авторъ письма указываетъ еще на одну вредную сторону воспитанія при помощи иностранцевъ: „Жаль" — говоритъ онъ „видѣть презрѣніе къ отечественному языку", которое является вслѣдствіе того, что „дѣтямъ ставится въ порокъ, когда они говорятъ по-русски".

Авторъ разсмотрѣннаго письма былъ, какъ видимъ, сторонникъ европейскаго просвѣщенія, но безъ „якобинства“, требовалъ его и для Россіи, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы русскіе люди не передѣлывались въ иностранцевъ и космополитовъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „Журнала Россійской Словесности“ выражается сочувствіе взгляду Шишкова на порчу нашего литературнаго языка. Такъ, напримѣръ, авторъ одного изъ писемъ къ издателю (въ 3-емъ ном. журн.) раздѣляетъ взглядъ Шишкова, что такія слова, какъ *гармонія*, *монотонія* и имъ подобныя, портятъ нашъ языкъ. Но еще болѣе онъ возстаетъ противъ того, что Чацкій называлъ „смѣсью французскаго съ нижегородскимъ“, и смѣется надъ такими фразами, какъ напр. слѣдующая: *Я вошелъ въ теплую избу—quel bonheur!*

Одной изъ симпатичныхъ сторонъ журнала Брусилова было его заботливое отношеніе къ простому народу. Во 2-мъ его номерѣ, въ статьѣ о театрѣ, выражалось желаніе, чтобы былъ театръ для народа, въ которомъ „должны представляться пьесы, болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ народа, пьесы, имѣющія цѣлію осмѣяніе пороковъ и предразсудковъ, коимъ простолюдины подвержены“.

Заботливое отношеніе журнала къ порабощенной массѣ объясняется между прочимъ сочувствіемъ его издателя къ такимъ взглядамъ, какіе высказывалъ, напримѣръ, Пнинъ въ своей одѣ: „Человѣкъ“, которая была напечатана во 2-мъ номерѣ съ слѣдующей припиской издателя: „Чувствительно благодаримъ любезнаго поэта за присылку сей оды“.

Можно думать, что ода эта, вызванная существованіемъ рабства, имѣла точкой отправленія извѣстный стихъ Державина:

Я царь—я *рабъ*, я *червь*—я Богъ.

Пнинъ согласенъ опредѣлять человѣка „царемъ земли“ и „Богомъ на землѣ“, но опредѣленія „червь“ и „рабъ“ его возмущали: они связывались у него съ представленіемъ объ униженіи человѣческой личности—и онъ написалъ горячій диѳирамбъ „человѣку“, и въ диѳирамбѣ этомъ есть нѣсколько стиховъ противъ рабства.

Ода указываетъ на человѣка, какъ на существо разумное, мыслящее,—и въ силу такого своего качества онъ не только

„лучшее созданіе природы“, но и творецъ культуры на землѣ, почему поэтъ и называетъ его „зиждителемъ“. Мысль свою Пнинъ развиваетъ такимъ образомъ:

Природы лучшее созданье,
Къ тебѣ мой обращаю стихъ!
Къ тебѣ стремлю мое вниманье;
Ты краше всѣхъ существъ другихъ...
Ты царь земли, ты царь вселенной,
Хотя ничто въ сравненьи съ ней.
Хотя ты прахъ одинъ возженный,
Но мыслію великъ своей.
Предпримешь что—вселенна внемлетъ,
Творишь—все дѣйствіе пріемлетъ,
Ни въ чемъ не видишь ты препонъ.
Природою распоряжаешь,
Всѣмъ властно въ ней повелѣваешь,
И пишешь ей самой законъ...
Гдѣ мрачные лѣса шумѣли,
И солнца лучъ не проникалъ;
Гдѣ змѣи страшныя шипѣли,
И смертный ужасъ обиталъ,
Природа вопли испускала,
Свирѣпость гдѣ звѣрей дышала,—

тамъ,—говоритъ поэтъ,—теперь дружество, любовь, нивы, села, города, государства, пристани, суда... Затѣмъ онъ продолжаетъ:

Прими мое благословенье,
Зиждитель-человѣкъ, прими!
Я прославлялъ въ твоемъ твореньѣ
Не все еще дѣла твои.
О, сколь величественъ бываешь,
Когда ты землю оставляешь
И духомъ въ облака паришь;
Воздушны бездны озирая,
Перуны, громы презирая,
Стихіямъ слушаться велишь.
Велишь—и бури направленье
Берутъ назначенно тобой.
Измѣрилъ ты планетъ теченье,
Висящихъ надъ твоей главой;
Исчислилъ звѣзды, что съ эѳира
Ліютъ свой свѣтъ въ пространство міра,
Въ которомъ все законъ твой чтитъ...

Далѣе поэтъ говоритъ о человѣкѣ, какъ творцѣ искусствъ, и о человѣкѣ, какъ существѣ, носящемъ въ себѣ добродѣтели нравственныя и гражданскія.

Кто показалъ тебѣ искусство
Намъ въ звукахъ страсть изображать?
То наполнять восторгомъ чувство,
То вдругъ насъ плакать заставлять?..
Кто правосудіе заставилъ
Тебя дороже чести чтить?
Кто сострадать тебя наставилъ
И благо повелѣлъ творить?
Кто въ сердцѣ огнь возжегъ священный,
Сей пламень чистый, драгоцѣнный,
Которымъ гражданинъ живетъ,
Любовь къ отечеству питаетъ
И твердость духа подаетъ?

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній поэтъ съ негодованіемъ возстаетъ противъ сравненія человѣка съ червемъ:

Какой умъ слабый, униженный
Тебѣ дать имя *червя* смѣлъ?
То рабъ несчастный, заключенный,
Который чувства не имѣлъ;
Въ оковахъ тяжкихъ пресмыкаясь,
И съ червемъ подлинно равняясь,
Давимый сильною рукой,
Сначала въ горести признался,
Потомъ въ сихъ мысляхъ вѣкъ остался,
Что человѣкъ есть червь земной.
Прочь мысль презрѣнная! ты сродна
Душамъ преподлыхъ лишь рабовъ,
У коихъ вѣкъ мысль благородна
Не озаряла мракъ умовъ...

Наконецъ понятія *рабъ* и *человѣкъ* поэтъ находитъ просто несовмѣстимыми.

Въ какомъ пространствѣ зрю ужасномъ
Раба отъ *человѣка* я:
Одинъ — какъ солнце въ небѣ ясномъ,
Другой такъ мраченъ, какъ земля.
Одинъ есть все, другой—ничтожность.
Когда бъ позналъ свою рабъ должность,
Спросилъ природу, разсмотрѣлъ:
Кто бѣдствій всѣхъ его виною?
Тогда бы тою же рукою
Сорвалъ онъ цѣпи, что надѣлъ.

Послѣднимъ стихомъ оды, обращеннымъ къ человѣку:

Ты на землѣ, что въ небѣ Богъ

поэтъ особенно подчеркивалъ права человѣческой личности.

Раздѣляя мысли и чувства Пнина, Брусиловъ охотно помѣщалъ въ своемъ журналѣ статьи, въ которыхъ защищались человѣческія права простолюдина. Въ этомъ отношеніи замѣчательна статья (въ 7-мъ ном. журн.), гдѣ, по поводу комедіи Шаховского: „Новый Стернъ", авторъ поднимаетъ вопросъ о вступленіи въ бракъ дворянина съ крестьянкою. Шаховской, осмѣивая сентиментальность своего героя, графа Пронскаго, смѣется между прочимъ и надъ его желаніемъ жениться на крестьянской дѣвушкѣ. Послѣднее обстоятельство и заставляетъ автора статьи спросить: „Почему предосудительно дворянину жениться на бѣдной, но доброй крестьянкѣ?" И онъ прибавляетъ: „Кто унижаетъ права человѣчества, долженствующія быть каждому священными, тотъ перваго унижаетъ себя". Далѣе, указавъ на примѣръ Петра I, женившагося на дочери бѣднаго пастора, авторъ съ негодованіемъ критикуетъ Шаховского:

„И когда же предлагаетъ намъ Шаховской сію плачевную картину, исполненную презрѣнія къ сельскимъ жителямъ? Тогда, какъ благодѣтель россіянъ печется выполнить преднамѣренія мудрой своей предшественницы; печется сдѣлать людей свободными, чувствуя, что управлять рабами не лестно; когда повелитель россовъ взываетъ ко всякому сословію: сыны отечества! сложите съ себя оковы невѣжества и стремитесь въ объятія просвѣщенія!—и тогда-то мы видимъ на театрѣ бѣдную сельскую невинность презираемую! Человѣкъ заслуживаетъ презрѣнія по худымъ дѣламъ своимъ, а не по состоянію".

- — -

Журналъ Брусилова не упускалъ изъ виду и вопроса о правосудіи. Требованіе этой высокой добродѣтели выразилось помѣщеніемъ въ журналѣ такихъ произведеній, какъ ода Пнина: „Правосудіе" (№ 10) и отчасти восточная повѣсть: „Зеркало истины" (№ 6).

Въ одѣ Пнина, снабженной эпиграфомъ изъ Гольбаха: „Правосудіе есть основаніе всѣхъ общественныхъ добродѣтелей", говорится слѣдующее:

Блаженство смертныхъ, царствъ подпора,
Злодѣевъ страхъ, невинныхъ щитъ,
Ты, коего трепещетъ взора
Порокъ, хоть онъ вѣнцомъ покрытъ.
Ты, кое лицъ не разбираешь,
Равно щадишь, равно караешь
Рабовъ, вельможей и царей;
Ты, безъ кого бъ и боги сами

Не почитались бы богами
И не имѣли алтарей!
О правосудіе! тобою
Хранится только смертныхъ родъ.
Гдѣ ты, тамъ съ мирною душою
Трудовъ своихъ вкушаютъ плодъ...
Гдѣ ты, тамъ царствуютъ законы,
Тамъ человѣкъ всегда почтенъ;
Тамъ тверды въ основаньяхъ троны,
И къ правдѣ путь не загражденъ...
Гдѣ ты, тамъ равными правами
Граждане пользуются всѣ;
Тамъ надъ породой и чинами
Заслуги верхъ берутъ однѣ...
Гдѣ ты, тамъ вопль не раздается
Несчастныхъ, брошенныхъ сиротъ:
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не раболѣпствуетъ народъ.
Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобы начальствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ...
Гдѣ ты, тамъ геній просвѣщенья
Лучами мудрости своей,
Открывъ зловредны заблужденья,
Ведетъ на путь прямой людей.
Науки храмы тамъ имѣютъ,
Художества, искусства зрѣютъ,
Торговля богатитъ народъ;
Тамъ духъ зиждительной свободы,
Проникнувъ таинства природы,
Сторичный собираетъ плодъ...
Гдѣ нѣтъ тебя — тамъ всѣ несчастны,
Отъ земледѣльца до царя;
Законы дремлютъ и безгласны,
Тамъ всякъ живетъ лишь для себя.
Нѣтъ ни родства, союза, вѣры;
Тамъ видны лишь злодѣйствъ примѣры;
Шипятъ пороки и язвятъ;
Тамъ выгодъ нѣтъ быть добрымъ, честнымъ,
Быть другомъ искреннимъ, нелестнымъ,
Тамъ чашу смерти пьетъ Сократъ...

Сущность повѣсти: „Зеркало истины" такова. Какой-то аравитянинъ привезъ въ Богдадъ зеркало, показывающее истину. Всѣ бросились смотрѣть ее — и даже богдадскій кади, который однако рѣшилъ, что онъ взглянетъ въ зеркало послѣднимъ. Смотрѣлись въ эту аравійскую диковинку и мужчины и женщины, старые и молодые — и никто не остался доволенъ. Зер-

кало ужъ хотѣли разбить, но за него вступился кади. Удивились богдадскіе жители и говорили: „Что это значитъ? Кади защищаетъ истину! Этого прежде никогда не бывало!“ Наконецъ пришла очередь и кади. Подошелъ онъ къ зеркалу—и „увидѣлъ толпу народа, имъ обвиненнаго несправедливо, кучу неправильныхъ рѣшеній и цѣлый лѣсъ прутьевъ, выросшій изъ обломковъ, которые остались послѣ битья по пятамъ неправильно имъ осужденныхъ. Посмотрѣлъ еще—и увидѣлъ, что онъ мучился въ адѣ, плавая по горло въ слезахъ несчастныхъ, имъ притѣсненныхъ“. Тутъ кади въ ярости разбилъ зеркало чубукомъ, и всѣ бросились добивать его.

Въ журналѣ помѣщена (№ 7) и другая восточная повѣсть: „Перстень“, цѣль которой — высказать мысль, что „на свѣтѣ всего нужнѣе *истина*“.

Въ „Журналѣ Рос. Словесности“ помѣщена, между прочимъ, жалоба на цензуру того самаго писателя Пнина, о двухъ одахъ котораго мы говорили выше. Но раньше, чѣмъ перейти къ этой жалобѣ, скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Пнинѣ.

Біографія Ивана Петровича Пнина (1773—1805) извѣстна лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и то благодаря тому, что тотчасъ же по его смерти Брусиловъ въ 10-мъ ном. своего журнала написалъ о немъ коротенькую статейку, начавъ ее такой характеристикой: 17-го сентября 1805 г. умеръ „человѣкъ добрый, поэтъ любезный, другъ искренній, защитникъ угнетенныхъ, утѣшитель несчастныхъ“. Далѣе мы узнаемъ, что Пнинъ получилъ образованіе въ Благородномъ пансіонѣ московскаго университета; во время шведской войны служилъ артиллерійскимъ офицеромъ во флотѣ; въ 1801 г. вступилъ въ канцелярію вновь учрежденнаго Государственнаго Совѣта, а въ 1802 г., когда были основаны министерства, былъ опредѣленъ экспедиторомъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Умеръ отъ чахотки, получивъ ее вслѣдствіе сильной простуды.

По главному направленію своей литературной дѣятельности, Пнинъ принадлежалъ къ числу писателей, старавшихся знакомить русское общество съ произведеніями европейскихъ публицистовъ. Въ 1798 г. онъ издавалъ „Петербургскій журналъ“, гдѣ между прочимъ помѣщалъ отрывки изъ Монтескье, извлеченія изъ книги графа Верри, сотрудника Беккаріи, объ умноженіи и уменьшеніи государственнаго богатства, о главныхъ побужденіяхъ торговли и первоначальныхъ основаніяхъ цѣнъ, о купеческихъ и худож-

ническихъ обществахъ, подробно излагалъ содержаніе „Изслѣдованій началъ политической экономіи“ Жака Стюарта и т. п. По восшествіи на престолъ императора Александра, Пнинъ, подбодряемый духомъ времени, издалъ въ 1804 г. сочиненіе подъ названіемъ: „Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи“, гдѣ между прочимъ коснулся положенія крѣпостныхъ. Онъ говорилъ, что земледѣльческое сословіе, находясь вполнѣ во власти рабовладѣльцевъ, не имѣетъ собственности. А между тѣмъ „собственность“—восклицаетъ авторъ—„священное право, душа общежитія, источникъ законовъ! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, тамъ только спокоенъ и благополученъ гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей, ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи“. Отсюда Пнинъ приходитъ къ заключенію, что важнѣйшею заботою правительства Александра должно быть огражденіе правъ собственности земледѣльческаго сословія.

Книга Пнина быстро разошлась, и въ томъ же 1804 г. понадобилось новое ея изданіе. Но нѣкто Гавріилъ Гераковъ, родомъ грекъ, выдававшій себя за русскаго патріота, донесъ на эту книгу, какъ на крайне опасную. Хотя тогда уже существовалъ новый цензурный уставъ, составленный въ благопріятномъ для литературы духѣ [129]), однако нѣкоторые его пункты не всѣми цензорами толковались одинаково,—и новое изданіе „Опыта“ Пнина было цензурой не дозволено.

Въ цензурномъ уставѣ 1804 г., въ § 19-мъ, цензору разрѣшалось налагать на книгу запрещеніе между прочимъ и въ томъ случаѣ, если онъ найдетъ ее способной нарушать общественное спокойствіе. Цензоръ и оперся на этотъ параграфъ, и главнымъ мотивомъ запрещенія выставилъ слѣдующее: „разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную гибельную тучу“ [130]).

Брусиловъ указываетъ еще на сочиненія Пнина: „Вопль невинности, отвергаемой закономъ“ и „О возбужденіи патріотизма“, говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду издавать „Народный журналъ“, сбирался издать свои стихотворенія подъ названіемъ: „Моя лира“, и въ послѣднее время трудился надъ исторической драмой: „Велизарій“.

Въ 1805 г. Пнинъ, какъ мы видѣли, былъ сотрудникомъ „Журнала Рос. Словесности“, и приготовилъ для него свою жалобу на цензуру, написавъ ее въ видѣ разговора между сочини-

телемъ и цензоромъ. Эта статья отражаетъ въ себѣ пережитый Пнинымъ фактъ, но изъ осторожности онъ назвалъ статью переводомъ съ манчжурскаго. Пнинъ не дожилъ до появленія ея въ журналѣ: Брусиловъ напечаталъ ее въ 12-мъ номерѣ, уже по смерти автора. Вотъ эта статья, направленная противъ слишкомъ большой свободы тогдашнихъ цензоровъ толковать 19-й § цензурнаго устава 1804 г. Она озаглавлена: „Сочинитель и цензоръ".

Сочинитель. Я имѣю, государь мой, сочиненіе, которое желаю напечатать.

Цензоръ. Его должно напередъ разсмотрѣть. А подъ какимъ оно названіемъ?

Сочин. „Истина", государь мой.

Ценз. „Истина?" а! ее должно разсмотрѣть и строго разсмотрѣть.

Сочин. Вы, мнѣ кажется, излишній берете на себя трудъ. Разсматривать истину? что это значитъ? Я вамъ скажу, государь мой, что она не моя, и что она существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Божественный Кунъ *) начерталъ оную въ премудрыхъ своихъ законахъ. Такъ говоритъ онъ: „Смертные! любите другъ друга, не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу, ибо она есть основаніе общежитія, душа порядка и, слѣдовательно, необходима для вашего благополучія". Вотъ содержаніе сего сочиненія.

Ценз. „Не отнимайте ничего другъ у друга, просвѣщайте другъ друга, храните справедливость другъ къ другу!..." Государь мой, сочиненіе ваше непремѣнно разсмотрѣть должно (*Съ живостью*). Покажите мнѣ его скорѣе.

Сочин. Вотъ оно.

Ценз. (*Разсматривая тетрадь и пробѣгая глазами листы*). Да... ну... это еще можно... и это позволить можно... но этого никакъ пропустить нельзя (*указывая на мѣсто въ книгѣ*).

Сочин. Для чего же, смѣю спросить...

Ценз. Для того, что *я не позволяю* — и, слѣдовательно, это непозволительно.

Сочин. Да развѣ вы больше, г. цензоръ, имѣете права не позволить печатать мою „Истину", нежели я предлагать оную?

Ценз. Конечно, потому что я отвѣчаю за нее.

Сочин. Какъ? Вы должны отвѣчать за мою книгу? А я развѣ самъ не могу отвѣчать за мою „Истину"? Вы присвоиваете

*) Конфуцій (Примѣч. автора).

себѣ, государь мой, совсѣмъ не принадлежащее вамъ право. Вы не можете отвѣчать ни за образъ мыслей моихъ, ни за дѣла мои. Я уже не дитя и не имѣю нужды въ дядькѣ.

Ценз. Но вы можете заблуждаться.

Сочин. А вы, г. цензоръ, не можете заблуждаться?

Ценз. Нѣтъ, ибо я знаю, что должно и чего не должно позволить.

Сочин. А намъ развѣ это знать запрещается? Развѣ это какая-нибудь тайна? Я очень хорошо знаю, что я дѣлаю.

Ценз. Если вы согласитесь *(показывая на книгу)* выбросить сіи мѣста, то вы можете книгу вашу издать въ свѣтъ.

Сочин. Вы, отнимая душу у моей „Истины", лишая всѣхъ ея красотъ, хотите, чтобы я согласился въ угожденіе вамъ обезобразить ее, сдѣлать ее нелѣпою? Нѣтъ, г. цензоръ, ваше требованіе безчеловѣчно; виноватъ ли я, что истина моя вамъ не нравится, и вы не понимаете ея?

Ценз. Не всякая истина должна быть напечатана.

Сочин. Почему же? Познаніе истины ведетъ къ благополучію. Лишать человѣка сего познанія значитъ препятствовать ему въ его благополучіи, значитъ лишать его способовъ сдѣлаться счастливымъ. Если можно не позволить одну истину, то должно уже не позволять никакой, ибо истины между собою составляютъ непрерывную цѣпь. Исключить изъ нихъ одну значитъ отнять изъ цѣпи звено и ее разрушить. Притомъ же истинно великій мужъ не опасается слушать истину, не требуетъ, чтобъ ему слѣпо вѣрили, но желаетъ, чтобъ его понимали.

Ценз. Я вамъ говорю, государь мой, что книга ваша безъ моего засвидѣтельствованія есть и будетъ ничто, потому что безъ онаго не можетъ она быть напечатана.

Сочин. Г. цензоръ! позвольте сказать вамъ, что „Истина" моя стоила мнѣ величайшихъ трудовъ; я не щадилъ для нея моего здоровья, просиживалъ для нея дни и ночи: словомъ, книга моя есть моя собственность. А стѣснять собственность, какъ говоритъ премудрый Кунъ, никогда не должно, ибо чрезъ сіе нарушается справедливость и порядокъ. Впрочемъ, вѣрнѣе, засвидѣтельствованіе ваше можно назвать ничего не значащимъ, ибо опытъ показываетъ, что оно нисколько не обезпечиваетъ ни книги, ни сочинителя. Притомъ, г. цензоръ, вы изъясняетесь слишкомъ непозволительно.

Ценз. *(гордо).* Я говорю съ вами, какъ цензоръ съ сочинителемъ.

Сочин. *(съ благороднымъ чувствомъ).* А я говорю съ вами, какъ гражданинъ съ гражданиномъ.

Ценз. Какая дерзость!

Сочин. О Кунъ, благодѣтельный Кунъ! Если бы ты услышалъ разговоръ сей, если бы ты видѣлъ, какъ исполняютъ твои законы; если бы ты видѣлъ, какъ наблюдаютъ справедливость; если бы ты видѣлъ, какъ споспѣшествуютъ въ твоихъ божественныхъ намѣреніяхъ,—тогда бы... тогда бы справедливый гнѣвъ твой... Но прощайте, г. цензоръ! я такъ съ вами заговорился, что потерялъ уже охоту печатать свою книгу. Знайте однакожъ, что „Истина“ моя пребудетъ неизмѣнно въ сердцѣ моемъ, исполненномъ любви къ человѣчеству, и которое не имѣетъ нужды ни въ какихъ свидѣтельствахъ, кромѣ собственной моей совѣсти.

—

Помѣщая въ своемъ журналѣ статьи либеральнаго характера, Брусиловъ иногда удѣлялъ мѣсто и произведеніямъ консервативнаго направленія. Во 2-мъ номерѣ, напримѣръ, онъ напечаталъ оду гр. Хвостова: „Безначаліе“, очень напоминающую Державинскую „Колесницу“. Оба автора видятъ лишь кровавую сторону революціи и смотрятъ на нее съ этической точки зрѣнія. Графъ Хвостовъ, напримѣръ, указавъ на „текущу кровь и свары, опустошенье и пожары“, спрашиваетъ: есть ли все это „плодъ крылатаго ума?“—Оба автора одинаково смотрятъ и на то литературное движеніе, которое предшествовало революціи. Державинъ видитъ въ немъ однѣ „химеры“, а Хвостовъ, обращаясь къ виновникамъ этого движенія, говоритъ:

Несмысленны и духомъ бѣдны
Нелѣпыхъ призраковъ творцы,
О вы, учители злобредны,
Печальны въ мірѣ мудрецы!
Самихъ небесъ вы были чужды,
Въ царяхъ не находили нужды.
Вы свѣтъ — безъ васъ мерцала тьма.

Но авторъ оды на безначаліе полнѣе проводитъ идею о возмездіи. Державинъ сказалъ только, что онъ видитъ на Франціи „тяжку руку разгнѣванныхъ небесъ“; Хвостовъ же подробнѣе даетъ картину возмездія, видя орудіе послѣдняго въ лицѣ Наполеона. Кони свергли своего возницу и уничтожили его. Но что же? возсталъ „изъ праха“ новый возница—

Возница дерзкій и не сытый,
Что честолюбіе зажгло;
За токи всѣ кровей пролиты

Воздастъ вамъ седьмерицей зло;
Востягнетъ грозными браздами,
Обременитъ трудомъ, бѣдами,
Чтобъ духъ исторгнуть мятежей;
Чтобъ вы, презрѣнны цѣлымъ міромъ,
Предъ новымъ гордости кумиромъ
Не смѣли воздымать очей!

Помѣщенная въ 4-мъ номерѣ журнала басня Н. Остолопова: „Зябликъ“ служитъ какъ бы дополненіемъ къ одѣ Хвостова. Зябликъ и чижикъ сидѣли въ клѣткѣ. Зябликъ, подобно конямъ Хвостова и Державина, стремился къ свободѣ—и вылетѣлъ изъ клѣтки. Летая, расхваливалъ „милую вольность“ и уговаривалъ чижика послѣдовать его примѣру. Вдругъ появился коршунъ и „въ мигъ вольнодумца въ когти схватилъ“.

Чижикъ вздохнулъ,
Сѣлъ въ уголокъ,
И потихоньку
Такъ говорилъ:
„Мнѣ здѣсь и въ клѣткѣ
Жить хорошо,
Добрый хозяинъ
Только бы былъ“.

Зато въ 6-мъ номерѣ встрѣчаемъ басню либеральнаго характера. Басня эта—„Царь и придворный“—написана Пниномъ.

Случилось одному царю въ Египтѣ быть
И близъ тѣхъ пирамидъ ходить,
Что чудомъ въ свѣтѣ почитаютъ.
Скажу я правду всю
И ничего не утаю.
Царево зрѣніе пирамиды прельщаютъ;
Придворные жъ такихъ случаевъ не теряютъ,
И превосходно знаютъ,
Когда и какъ царю польстить.
И потому одинъ такъ началъ говорить:
„Великій государь! зри камня блескъ того,
Что сверху прочіе собою прикрываетъ,
И кои сдѣланы лишь только для него.
Не вѣрно ль, государь, сіе изображаетъ
Народъ твой и тебя?
Не тѣ лишь межъ тобой и имъ суть отношенья?“
Такъ царь льстецу на то сказалъ:
„Мой другъ! совсѣмъ съ тобой противнаго я мнѣнья
И мыслить никогда, какъ ты, не буду я.
Я вижу истину сего изображенья,
Которое весьма ты ложно понималъ.
И потому желаю,
Чтобъ случай сей замѣтилъ ты,
Затѣмъ, что важнымъ я его весьма считаю.

Тотъ камень, что свой блескъ бросаетъ съ высоты,
Разбился бъ въ прахъ—частей его бъ не отыскали,
Когда бъ минуту хоть одну
Поддерживать его другіе перестали.

Та сторона народнаго самолюбія, которая проявляется въ желаніи сказать: „и мы не хуже другихъ", была присуща и журналу Брусилова. Въ немъ уже есть начало той лѣтописи русской славы, которую потомъ такъ ревностно велъ Глинка. Въ 6-мъ номерѣ изданія Брусилова читаемъ: „Въ иностранныхъ журналахъ, особенно англинскихъ, прославляютъ иногда, какъ чудо, самую малѣйшую добродѣтель. Безъ всякаго пристрастія можно сказать, что если бы собирать извѣстія о всѣхъ рѣдкихъ примѣрахъ добродѣтели, въ нашемъ отечествѣ случающихся, то можно бы было выдавать особенный журналъ". И авторъ этой замѣтки тутъ же разсказываетъ о великодушныхъ поступкахъ двухъ русскихъ людей. Подобные же разсказы встрѣчаются изрѣдка и въ другихъ номерахъ журнала. Но самымъ главнымъ героемъ Брусиловской лѣтописи является императоръ Александръ, какъ государь, радѣющій о просвѣщеніи своего народа. Въ 4-мъ номерѣ, въ отдѣлѣ извѣстій о русскихъ книгахъ, перечисливъ выходившіе у насъ въ 1805 г. журналы [131]), число которыхъ было несравненно больше числа ихъ въ предшествующее время, авторъ статьи говоритъ съ чувствомъ особеннаго удовольствія:

„Изъ сего множества заключить можно о успѣхахъ просвѣщенія въ любезномъ отечествѣ нашемъ и о благотворномъ вліяніи на умы мудраго правительства. Александръ, повелѣвая обширнѣйшею имперіею въ мірѣ, царствуя надъ непобѣдимыми россами, могъ бы быть завоевателемъ, могъ бы устрашить отдаленнѣйшіе предѣлы и покорить вселенную, — но онъ суетной славѣ предпочелъ счастіе народа, открылъ ему путь къ просвѣщенію, воцарилъ истину на престолѣ и воздвигъ себѣ безсмертный памятникъ въ сердцахъ народныхъ" (стр. 238).

Журналъ Брусилова тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаетъ заслугу молодого государя, что въ Европѣ тогда дѣло литературы обстояло далеко не благополучно. „Въ то время (говорится на 240-й стр.), какъ Александръ покровительствуетъ наукѣ, ободряетъ рождающіеся таланты и печется о просвѣщеніи народовъ, ввѣренныхъ Богомъ его державѣ, — во всей почти Европѣ науки стѣсняются, даже творенія великихъ писателей и философовъ терпятъ гоненіе" [132]).

„Сѣверный Вѣстникъ“ Мартынова (1804—1805).

Рѣчи въ защиту просвѣщенія и разъясненіе понятія о немъ. — Голосъ противъ войны. — Стремленіе журнала занять читателей интересами науки. — Желаніе возможно большей свободы печати. — Либерально-патріотическій „Опытъ о Великобританіи“ и англоманская струя въ немъ. — Несочувствіе литературному консерватизму Шишкова. — Біографическія свѣдѣнія о Мартыновѣ.

Однако радость по поводу успѣховъ просвѣщенія въ Россіи не могла даже и въ первые годы царствованія Александра быть полною. Этому мѣшало уже только что приведенное указаніе Брусиловскаго журнала на современное ему положеніе литературы въ западной Европѣ. Можно было бояться, что реакціонное движеніе занесется оттуда и къ намъ. Опасеніе это было не напрасное. Правда, реакція дала себя сильно чувствовать лишь позднѣе, но почва для нея уже была и раньше, и потому реакціонное движеніе на Западѣ легко могло находить себѣ отголоски и у насъ. А между тѣмъ одинъ изъ западныхъ реакціонныхъ дѣятелей уже прибылъ въ Россію еще въ 1803 г. Это былъ сардинскій посланникъ при русскомъ дворѣ, французскій писатель, графъ Жозефъ де-Местръ, горячій приверженецъ папы и католичества, винившій науку въ возникновеніи западныхъ „неустройствъ“. Его взгляду сочувствовали у насъ многіе. Въ виду всего этого становится понятнымъ, почему, не смотря на либеральное направленіе самого правительства, русской литературѣ того времени все-таки приходилось выступать защитницей просвѣщенія и обличать обскурантовъ.

Однимъ изъ смѣлыхъ защитниковъ его былъ „Сѣверный Вѣстникъ“, издававшійся Мартыновымъ въ 1804—1805 гг.

Мартыновъ и открылъ свой журналъ статьею: „Изображеніе просвѣщенія Россіи“, въ которой высоко цѣнилъ просвѣтительныя стремленія правительства и говорилъ: „Нигдѣ всеобщее просвѣщеніе, сія главнѣйшая народная потребность, не была предметомъ толикаго попеченія, какъ нынѣ въ Россіи. Нѣсколько уже вѣковъ, какъ были въ Европѣ учреждены школы и университеты; но никогда правила, принятыя къ распространенію познаній, не имѣли столь опредѣленнаго стремленія къ предположенной цѣли, никогда не были усилены толь многими пособіями, какъ нынѣ въ отечествѣ нашемъ высочайшимъ манифестомъ 8 сентября 1802 г. и прочими основывающимися на ономъ постановленіями“.

Радость автора при видѣ широко отворяющихся передъ рус-

скимъ народомъ дверей въ храмъ просвѣщенія вытекала изъ высокаго патріотическаго чувства: онъ смотрѣлъ на русскій народъ, какъ на такой, который, въ силу природныхъ своихъ качествъ, имѣетъ блестящее будущее, и потому особенно достоинъ просвѣщенія. „Народъ русскій"—говоритъ авторъ—„стоитъ на одной изъ самыхъ видныхъ степеней между древними и новыми народами. Ему предоставлено, можетъ быть, достигнуть высоты, на которую не восходила еще никакая нація. Не многіе народы имѣютъ отъ природы такія душевныя способности, такую переимчивость, не многіе представляютъ къ образованію столь счастливые нравы и обычаи и столь мало предразсудковъ".

Но чѣмъ больше было желанія видѣть Россію просвѣщенною, тѣмъ больнѣе становилось при мысли, что этому просвѣщенію уже угрожаютъ обскуранты. И вотъ въ 12-мъ номерѣ „Сѣвернаго Вѣстника" за 1805 г. мы видимъ желаніе журнала заступиться за просвѣщеніе и убѣдить читателей, что нареканія на него напрасны. „Привыкли уже мы"—говорится тамъ—„слышать нареканіе, что просвѣщеніе въ наши времена произвело на Западѣ страшныя неустройства. Не оно, а невниманіе къ нему. Сто лѣтъ уже, какъ оно, развиваясь естественно въ народахъ, просило тамъ правителей пожалѣть о человѣчествѣ и примѣняться постепенно къ духу вѣка своего; оно просило — ему не внимали, его презирали, тѣснили, терзали; симъ самымъ оно укрѣпилось, сорвало личину съ предразсудковъ, злоупотребленій и лести, и умоляло; но неправды и своенравіе въ закоренѣлости своей торжествовали надъ народомъ безпечно... Оно издали предвѣщало громовыя тучи, и ни мало уже не виновно въ томъ злѣ, которое учинено буйствомъ ожесточенныхъ".

Но авторъ тутъ же даетъ понять, что онъ разумѣетъ подъ просвѣщеніемъ. Если, говоритъ онъ, есть люди, которые подъ просвѣщеніемъ разумѣютъ „презрѣніе отечественныхъ обычаевъ и общественныхъ постановленій, изнѣженный образъ жизни, наконецъ всѣ обостороннie софизмы ума и сердца", — то такихъ людей должно „почесть весьма удаленными отъ просвѣщенія". Вообще „Сѣверный Вѣстникъ" на многихъ страницахъ своихъ старается указать, какъ понимаетъ онъ просвѣщеніе. „Существо просвѣщенія" — читаемъ тамъ въ одномъ мѣстѣ — „составляютъ вѣра, знанія, нравственность, законы" [133]). Въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ: „Разсужденіе объ основаніяхъ просвѣщенія" (№ 1, 1805 г.), сказано: „Самыя обширнѣйшія, глубочайшія свѣдѣнія въ наукахъ тогда только имѣютъ право на признательность отечества, на

уваженіе согражданъ, когда дѣйствія ихъ основываются на правилахъ чистой, строгой, непремѣняемой нравственности. По мѣрѣ только согласія съ ними могутъ оныя поспѣшествовать какъ частному, такъ и общему благу". Далѣе авторъ замѣчаетъ, что нѣтъ просвѣщенія тамъ, гдѣ нѣтъ гуманности; нѣтъ его и тамъ, гдѣ царитъ фанатизмъ. „Кровь 10 милліоновъ жителей злополучной Америки, проліянная неистовымъ фанатизмомъ на жертвенникъ Бога благодати, заставитъ всегда краснѣть человѣчество".

Другъ гуманности, „Сѣверный Вѣстникъ" не только ничего не говорилъ о современныхъ ему военныхъ событіяхъ, но и вообще былъ противъ войны, какъ явленія, не достойнаго просвѣщенныхъ народовъ. Въ 1803 г. въ Петербургѣ вышла книга „Разсужденіе о мирѣ и войнѣ", составленная по сочиненію Б. Сенъ-Пьера: „Projet de paix perpetuelle". Авторъ „Разсужденія" между прочимъ говоритъ: „Привычка дѣлаетъ насъ ко всему равнодушными. Ослѣплены оною, мы не чувствуемъ всей лютости войны... Время намъ оставить сіе заблужденіе и истребить зло, подкрѣпленное всего болѣе невѣжествомъ". Рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника", отзываясь о книгѣ вообще очень сочувственно, на приведенное сейчасъ изъ нея мѣсто сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Если мы къ чему-нибудь привыкли, то отъ онаго можемъ со временемъ отвыкнуть. Привыкли мы къ войнѣ отъ невѣжества; отвыкнуть отъ нея должны съ истиннымъ просвѣщеніемъ".

И „Сѣверный Вѣстникъ", словно избѣгая разжигать страсти, молчалъ о войнѣ и ея герояхъ, но зато старался занять своихъ читателей интересами науки. Въ каждомъ его номерѣ былъ отдѣлъ, гдѣ помѣщались извѣстія объ ученыхъ обществахъ въ Россіи и за границей, извѣстія объ университетахъ, рецензіи на новыя книги и наконецъ статьи научнаго содержанія, напр. по физикѣ, медицинѣ, философіи. Между прочимъ напечатана была и статья по педагогикѣ: „Сокращеніе новой методы воспитанія—Песталоцци". Помѣщались и обширныя выписки (въ переводѣ) изъ сочиненія Гольбаха: „La politique naturelle".

Журналъ Мартынова, какъ представитель просвѣтительнаго направленія, желалъ возможно большей свободы печати.

Извѣстно, что молодой императоръ съ самаго же начала своего царствованія сталъ заботиться о выработкѣ цензурнаго устава въ духѣ благопріятномъ для просвѣщенія. Надъ новымъ уставомъ, который и былъ утвержденъ 9 іюля 1804 г., думали не мало. Вспомнили манифестъ датскаго короля Христіана VII (царствовавшаго съ 1766 по 1808 г.), которымъ этотъ король, всту-

пивъ на престолъ горячимъ приверженцемъ либеральныхъ идей своего времени, уничтожилъ всякую цензуру. Онъ говорилъ въ манифестѣ: „Находя въ высшей степени вреднымъ для безпристрастнаго изслѣдованія истины и открытія закоренѣлыхъ заблужденій и предразсудковъ запрещеніе гражданамъ, одушевленнымъ любовью къ отечеству и общему благу, свободно высказывать свои убѣжденія и обличать злоупотребленія и предразсудки, мы рѣшились дать неограниченную свободу книгопечатанію и окончательно уничтожить всякаго рода цензуру“ [134]). Но вспомнили также и то, что впослѣдствіи Христіанъ VII нашелъ нужнымъ начать ограничивать свободу печати, и наконецъ въ 1799 г. издалъ такой манифестъ:

„Желая, чтобы каждый изъ нашихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ наслаждался полною свободою, согласною съ благоустройствомъ государства, мы дозволяемъ всѣмъ и каждому пользоваться правомъ вольнаго книгопечатанія, ибо почитаемъ оное средствомъ самымъ дѣйствительнымъ для распространенія общеполезныхъ знаній и просвѣщенія между всѣми слоями гражданъ. Въ намѣреніи поощрить каждаго къ такому спасительному для человѣчества дѣлу, мы вскорѣ по вступленіи нашемъ на престолъ уничтожили цензуру, и тѣмъ самымъ всякому просвѣщенному и благонамѣренному человѣку облегчили способъ сообщать публикѣ свои открытія и безъ малѣйшаго принужденія предавать печати свои чувства и мысли обо всемъ, что можетъ споспѣшествовать общему благу. Но злоупотребленіемъ неограниченной свободы книгопечатаніе сдѣлалось, къ несчастію, орудіемъ страстей самыхъ низкихъ, и произвело слѣдствія самыя пагубныя, какъ для общественнаго спокойствія, такъ и для безопасности частной. Поэтому нужно было, чтобы законъ направлялъ такую свободу къ прямой ея цѣли—общему благу, и чтобы книгопечатаніе, какъ часть народнаго просвѣщенія, ввѣрено было надзору правительства. Мы, какъ государь и законодатель, признаемъ долгомъ нашимъ поставить злоупотребленію такія препоны, чтобы свобода печати не перерождалась въ необузданное своеволіе, и людямъ злонамѣреннымъ не служила орудіемъ безнаказанно подрывать основанія государства и колебать безопасность гражданъ, нераздѣльную съ истинною свободой. Въ разныя времена изыскивали мы средства къ отвращенію подобныхъ злоупотребленій; но къ крайнему неудовольствію видимъ, что повелѣнія наши не исполняются, и что зломыслящія люди съ соблазнительною и достойною кары дерзостью ежедневно нападаютъ на все, что во всякомъ благоустроен-

номъ государствѣ должно быть драгоцѣнно и священно для цѣлаго общества. Они не перестаютъ распространять самыя ложныя понятія о вещахъ и стараются разсѣвать неправильныя мнѣнія о предметахъ самыхъ важныхъ для человѣка и гражданина, чрезъ что малосвѣдущая и не вполнѣ образованная часть народа, особенно же неопытное юношество, можетъ удобно развращаться и впадать въ заблужденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что развратъ сей можно было бы всего надежнѣе предупредить, подвергнувъ разсмотрѣнію правительства всѣ книги, назначаемыя къ печати. Но какъ этому сопутствуетъ принужденіе, непріятное всякому благомыслящему и просвѣщенному человѣку, желающему быть полезнымъ чрезъ сообщеніе другимъ своихъ свѣдѣній, то мы и не желаемъ употреблять подобное средство. Вмѣсто же сего вознамѣрились мы опредѣлить и утвердить положительнымъ закономъ, сколько возможно, предѣлы свободнаго книгопечатанія, назначивъ также и соразмѣрное наказаніе для тѣхъ, которые дерзнутъ преступать наши отеческія и благонамѣренныя повелѣнія"... [135]).

Далѣе излагались цензурныя требованія и наказанія за неисполненіе ихъ—отъ тюремнаго заключенія и даже до смертной казни.

Само собою разумѣется, что нашъ цензурный уставъ 1804 г. отбросилъ суровость датскихъ постановленій и въ общемъ, какъ мы видѣли [136]), былъ сравнительно очень мягкимъ; но не могъ на немъ не отразиться и опытъ короля Христіана VII: свобода, какъ знаемъ, была дана ограниченная, и нѣкоторые пункты устава давали мѣсто цензорскому произволу, примѣромъ чего можетъ служить исторія съ книгой Пнина [137]).

„Сѣверный Вѣстникъ", по видимому, не былъ доволенъ уставомъ 1804 г., и едва былъ утвержденъ послѣдній, въ журналѣ, въ № 8-мъ того же года, появился переводъ „Мнѣнія короля шведскаго Густава III-го" о печати, высказаннаго имъ въ рѣчи, произнесенной въ засѣданіи сената 18 апрѣля 1774 г. Въ этой рѣчи, которую переводчикъ называетъ „достопримѣчательной", Густавъ III между прочимъ говоритъ:

„Чтобы не попасть опять въ прежнія ужасныя времена, должно, чтобъ подкрѣпляемая и покровительствуемая свобода книгопечатанія употреблена была для показанія всему обществу истиннаго его блага и для открытія государю мнѣнія народа. Если бы таковая свобода позволена была въ предыдущихъ вѣкахъ, чтобъ дать познать государю истинныя его пользы, находящіяся въ благосостояніи его подданныхъ, то король Карлъ XI,

вѣроятно, не издалъ бы повелѣній насчетъ всеобщаго благосостоянія. Сіи указы привели въ омерзѣніе королевскую власть и приготовили слѣды къ тому раздору, который похитилъ у королевства области въ царствованіе Карла XII-го,—къ раздору, коего горькими плодами были всѣ недавно прекращенные безпорядки. Если бы свобода книгопечатанія могла научить Карла XII, въ чемъ состояла его истинная слава, то сей великодушный государь предпочелъ бы управлять счастливымъ народомъ и не пожелалъ бы царствовать въ пространномъ, но безлюдномъ государствѣ... При свободномъ только книгопечатаніи государь узнаетъ истину, которую скрываютъ отъ него съ толикимъ тщаніемъ“...

Въ №№ 2 и 3-мъ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1805 г. помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Опытъ о Великобританіи и послѣдственныя разсужденія“, заключающая въ себѣ любопытное соединеніе самаго горячаго патріотизма съ англоманствомъ. Первая часть этой статьи посвящена восхваленію англійскихъ учрежденій и англійскаго патріотизма. „Никакой народъ“ — говоритъ авторъ — „въ наше время не заслуживаетъ большаго вниманія, какъ народъ великобританскій. Въ составъ правленія его введены всѣ благотворныя слѣдствія замѣчаній тысячи вѣковъ: введено положительное знаніе о человѣкѣ“. По мнѣнію автора, своего высокаго состоянія Великобританія достигла, благодаря необыкновенному патріотизму англичанъ. Далѣе авторъ съ англичанами, какъ патріотами, сопоставляетъ „россіянъ“ и начинаетъ свою рѣчь такимъ образомъ:

„Къ вамъ, россіяне, къ вамъ, любезные соотчичи мои, обращаю рѣчь свою теперь... Ничто не воспрещаетъ намъ усиленно заниматься возрожденіемъ въ самихъ себѣ похвальной страсти къ отечеству нашему... Россія есть наиспособнѣйшая имперія по своему землеположенію и по состоянію своихъ сосѣдей... но стонетъ духъ Димитрія, Александра, Пожарскаго, Минина, льютъ слезы тѣни Долгорукихъ, Матвѣевыхъ и Шереметевыхъ, когда взираютъ нынѣ на россіянъ, пролетающихъ быстрѣе полета орлинаго чуждые народы!“ И авторъ объясняетъ, почему стонетъ духъ упомянутыхъ мужей, и почему тѣни ихъ льютъ слезы. Потому, что россіянъ въ чужихъ краяхъ прельщаетъ лишь „роскошь, разсѣянность, легкомысліе, блестящая одежда, зрѣлища и космополитство иностранцевъ“. Вотъ что только видятъ россіяне въ чужихъ земляхъ и усвоиваютъ себѣ, не умѣя усвоить сторонъ хорошихъ. Затѣмъ авторъ продолжаетъ: „Когда бы явились те-

перь между нами тѣни сихъ незабвенныхъ мужей, могли бы ли онѣ равнодушно внимать непрестанному испорченному полу-французскому разговору нынѣшнихъ славяно-россіянъ, которыхъ природный языкъ превосходитъ изобиліе и разнообразіе самой природы? Не удивляетъ, не восхищаетъ, не поражаетъ такъ мгновенно и сладостно ея различіе, пріятность и неожидаемость премѣнъ, какъ изгибистая, роскошная и разноизмѣняющаяся рѣчь славяно-россійская. Но *россіяне чужды народнаго честолюбія и славы:* они, въ низкое угожденіе мимоходящимъ пришельцамъ, слагаютъ обезображенные стихи на полуиностранномъ языкѣ и не брегутъ оградить себя отъ той укоризны, которая начертается на самыхъ могилахъ ихъ негодованіемъ истинныхъ сыновъ Россіи".

Статья оканчивается указаніемъ на то, что̀ надо дѣлать, „чтобы какое-либо государство могло возвести себя на нѣкоторую степень сравненія съ Великобританіей". Тутъ, во-первыхъ, намекается на необходимость уничтожить крѣпостное право, во-вторыхъ—предлагается создать законы, равные для всѣхъ сословій; но самымъ главнымъ требованіемъ является чисто подражательное, противорѣчащее основному духу русской исторіи требованіе въ англоманскомъ вкусѣ — создать у насъ нѣчто въ родѣ англійской аристократіи: создать русскихъ пэровъ. Создать ихъ авторъ предлагаетъ посредствомъ ограниченія числа дворянъ и посредствомъ усиленія богатства этого ограниченнаго ихъ числа. Авторъ объ этомъ говоритъ такъ: самое главное — „дворянское отдѣленіе народа да содѣлается *имущимъ* и чрезъ то значащимъ и могущимъ заслуживать уваженіе всѣхъ прочихъ состояній. Для сего правленіе должно положить *преграды* пагубному *размноженію* дворянства. Постановивъ дворянское достоинство наградою за самую отличную или весьма долговременную службу отечеству, положится нѣкоторая преграда размноженію дворянства; я сказалъ бы, что необходимо нужно и далѣе положить преграды размноженію дворянъ даже въ самыхъ семействахъ ихъ (т.-е. учредить майоратъ), ежели бы не видѣлъ чрезвычайныхъ, для приведенія сего вдругъ въ дѣйство, трудностей. Между симъ постановленіемъ и первымъ требуется нѣкоторое пространство времени. Чрезъ таковое учрежденіе государство увеличитъ свое среднее состояніе людей, усиленно клонящееся къ принятію какого-нибудь постояннаго ремесла... Дѣти всякаго чиновника, не имѣя права напыщаться дворянскимъ сословіемъ, не нашли бы другого средства отличить себя отъ простолюдиновъ, какъ чрезъ

науки, изящныя искусства и художества... Дворянство само, чрезъ бо́льшую исключительность правъ своихъ, начало бы уважать свое состоянiе и пещись рачительнѣе о собственности семействъ своихъ. Слѣдовательно невѣжливая (т.-е. невѣжественная) роскошь уменьшилась бы: благородныя имущества остепенились бы“...

Трудно сказать, кто могъ быть авторомъ этого „Опыта“: сильная англоманская струя въ немъ напоминаетъ такихъ приближенныхъ къ молодому императору англомановъ, какимъ былъ, напримѣръ, Новосильцевъ, отчасти и Сперанскiй, человѣкъ къ Мартынову очень близкiй; съ другой стороны, горячiя патрiотическiя мѣста въ статьѣ очень напоминаютъ подобныя же мысли и чувства въ рѣчи самого Мартынова, произнесенной имъ въ 1807 г. въ Академiи Наукъ (о чемъ см. ниже).

Въ отдѣлѣ критики въ журналѣ Мартынова нельзя не отмѣтить той статьи (въ одномъ изъ самыхъ первыхъ ном. 1804 г.), которая направлена противъ литературнаго консерватизма Шишкова. По поводу его „Разсужденiя о старомъ и новомъ слогѣ“ критикъ между прочимъ говоритъ: „Сочинитель хочетъ, кажется, обратить насъ къ древнему нашему нарѣчiю, не жалѣя о томъ трудѣ, который столько лѣтъ прилагали наши новѣйшiе писатели къ очищенiю своего языка“.

Издатель „Сѣвернаго Вѣстника“, Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей. Первый директоръ только что возникшаго департамента министерства народнаго просвѣщенiя, онъ былъ умнымъ практикомъ и ученымъ теоретикомъ, журналистомъ и краснорѣчивымъ профессоромъ, и онъ же, какъ выразился его бiографъ [138]), былъ „первымъ подвижникомъ русскимъ, отважившимся, не смотря на величайшiя трудности въ принятомъ дѣлѣ, перенести богатство Эллады въ горячо любимую имъ Россiю. Этотъ трудъ онъ совершилъ одинъ, въ свободное отъ службы время, при самомъ холодномъ равнодушiи тогдашней публики“ и—прибавимъ отъ себя—при самыхъ неблагопрiятныхъ обстоятельствахъ, случайныхъ, но тѣмъ не менѣе способныхъ убить энергiю въ людяхъ менѣе стойкихъ и менѣе проникнутыхъ сознанiемъ долга.

Мартыновъ родился въ Полтавской губернiи, въ Переволочнѣ, въ 1771 г. Отецъ его родомъ былъ дворянинъ, а саномъ

священникъ. Даровитый мальчикъ уже на пятомъ году началъ учиться грамотѣ у мѣстнаго писаря, а на десятомъ былъ отданъ въ полтавскую семинарію. Особенно полюбилъ онъ древніе языки, а греческій изучилъ настолько, что, еще будучи семинаристомъ, преподавалъ его, по порученію своего начальства, ученикамъ младшаго возраста.

Когда въ 1788 г. учреждена была при Александро-Невской лаврѣ „Главная семинарія" для приготовленія преподавателей для духовныхъ училищъ, Мартыновъ былъ отправленъ въ нее, куда изъ Владимира прибылъ и Сперанскій. Тутъ сошлись эти оба замѣчательныхъ человѣка, сблизились, и съ этихъ поръ уже всегда питали другъ къ другу уваженіе. Мартыновъ и тутъ скоро выдѣлился, какъ хорошій эллинистъ. Преподаватель греческаго языка, Жуковъ, замѣтя, что Мартыновъ знаетъ этотъ языкъ гораздо лучше его самого, добровольно отказался отъ преподаванія и уступилъ каѳедру молодому студенту. Другимъ знатокомъ греческаго языка былъ тогда въ Петербургѣ архіепископъ Евгеній Булгаръ; Мартыновъ часто посѣщалъ его, и оба эллиниста увлекались бесѣдами о Виргиліи, Гораціи, Софоклѣ и Гомерѣ.

При Академіи Наукъ тогда существовали публичныя лекціи, читанныя академиками. Мартыновъ, не довольствуясь одной семинарской наукой, ходилъ слушать эти лекціи.

Мартынову предстояла карьера учителя въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но ему хотѣлось непремѣнно поступить на свѣтскую службу и заняться литературой. Митрополитъ Гавріилъ отпустилъ его только въ уваженіе ходатайства за него почтеннаго Евгенія Булгара.

Стихотворство уже и тогда было въ модѣ. Любилъ пописывать стишки и юный Мартыновъ. Выбравъ два изъ своихъ стихотвореній, которыя казались ему лучшими (одно изъ нихъ было: „Къ бардамъ"), онъ отправилъ ихъ въ „С.-Петербургскій Меркурій" Крылова и Клушина. Стихи приняли — и съ похвалою. Мартыновъ былъ въ восторгѣ — и познакомился съ издателями. Но какая неописуемая была его радость, когда Крыловъ и Клушинъ, уѣзжая изъ Петербурга еще до окончанія года своему журналу, поручили дальнѣйшее веденіе его Мартынову! Онъ до тѣхъ поръ, какъ самъ признается въ своихъ рукописныхъ запискахъ, даже на наборщиковъ смотрѣлъ съ завистью, какъ на людей „важныхъ и причастныхъ литературѣ". А тутъ вдругъ самъ сдѣлался хозяиномъ журнала, и могъ помѣщать свои собственныя произведенія, ни у кого не спрашивая на то согласія. — Марты-

новъ довелъ журналъ до конца 1793 г., т.-е. выполнилъ обязательство передъ публикой прежнихъ издателей.

Эта самостоятельная литературная дѣятельность и увлекла Мартынова — и онъ сталъ хлопотать объ увольненіи изъ семинаріи, гдѣ былъ уже на службѣ. Его, какъ мы сказали, отпустили. Но мѣсто въ гражданской службѣ найти было не легко, и молодой человѣкъ, не смотря на покровительство всѣми уважаемаго архіепископа Евгенія Булгара, зачисленъ былъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ, съ жалованьемъ 130 рублей въ годъ. А между тѣмъ Мартыновъ былъ уже женатъ. Пришлось заняться уроками, благо и случай подвернулся: дѣдушка знаменитаго впослѣдствіи кн. Паскевича Эриванскаго поручилъ Мартынову заниматься съ своимъ внукомъ.

Въ 1796 г. мы видимъ Мартынова уже издателемъ собственнаго журнала: „Муза", на который обратила вниманіе великая княгиня Александра Павловна и помѣстила въ немъ въ томъ же 1796 г. два свои перевода. Имя Мартынова стало извѣстно при дворѣ, и скоро императрица Марія Ѳеодоровна предложила ему преподаваніе исторіи и географіи въ „Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ". Это было въ 1797 г., а въ слѣдующемъ году ему было поручено преподаваніе тѣхъ же предметовъ и въ „Училищѣ Ордена св. Екатерины".

Когда цесаревичъ, Строгановъ и Новосильцевъ еще въ 1797 г. положили „поручить перевести на русскій языкъ столько полезныхъ книгъ, какъ это только окажется возможнымъ" [139]), — Мартыновъ былъ привлеченъ къ работѣ и трудился надъ переводомъ „Recherches sur l'économie politique" Стюарта, „Bibliothèque de l'homme publique" Кондорсе и „Economie politique" Верри.

Съ учрежденіемъ министерствъ, Мартыновъ былъ назначенъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія и принималъ большое участіе въ составленіи уставовъ для университетовъ дерптскаго, московскаго, казанскаго и харьковскаго и для „Демидовскаго высшихъ наукъ училища". Министръ Завадовскій отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ, отличавшемся „*пространнымъ* и *неусыпнымъ* трудомъ".

Однако Мартыновъ такъ любилъ литературу, что даже и среди напряженныхъ служебныхъ занятій находилъ для нея время. Онъ говаривалъ: „Мнѣ, чиновнику просвѣщенія, литература близка, ибо она также есть проводникъ къ народному воспитанію" [140]). Вотъ почему Мартыновъ въ 1804 — 1805 г. издавалъ „Сѣверный Вѣстникъ", въ которомъ дѣйствительно много статей посвящено было воспитанію и просвѣщенію.

Въ 1807 г. Мартыновъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи. Новоизбранный членъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ объ интересахъ словесности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о воспитаніи. Ораторъ, пожалѣвъ, что иностранцы его времени мало были знакомы съ нашей литературой, находитъ, что его соотечественники и сами въ этомъ виноваты. „Мы сами" — говорилъ Мартыновъ—„худо печемся объ очищеніи словесности и объ усовершенствованіи своего языка". Много вины въ этомъ отношеніи падаетъ и на воспитаніе. „Въ самомъ дѣлѣ", — жалуется ораторъ:—„невозможно взирать безъ прискорбія, до какой степени простирается пристрастіе лучшей отрасли нашего отечества къ языку французскому". Воспитаніе начинается съ того, что заставляютъ изучать именно этотъ языкъ. „Будущій воинъ, судья, гражданинъ, министръ прежде приготовляется хорошо говорить съ французомъ, нежели съ своимъ единоземцемъ". Русскіе дворяне, свидѣтельствуетъ Мартыновъ, не только худо знаютъ свой языкъ, но еще и *гордятся* его незнаніемъ. Далѣе ораторъ высказываетъ такую мысль: „Извѣстно, сколь велико вліяніе языковъ на нравы. Доказательство сего видимъ въ собственномъ отечествѣ нашемъ. Вмѣсто твердости и правоты характера, россіянину свойственнаго, въ воспитанникѣ француза видимъ только изнѣженность, привязанность къ мелочамъ, легкомысліе, лживость, безпечность въ исполненіи должностей, хладнокровіе къ своимъ соотечественникамъ, роднымъ, не получившимъ моднаго воспитанія, ложное понятіе о просвѣщеніи. Всѣ пріемы въ обращеніи, всѣ наклонности, привычки, страсти, словомъ — весь таковой гражданинъ становится *гражданиномъ иностраннымъ*. Истинный сынъ отечества не можетъ безъ содроганія представить себѣ пагубнаго сего похищенія толикихъ согражданъ!"

Всѣ эти мысли тожественны со многими мѣстами „Сѣвернаго Вѣстника".

Царскосельскій лицей также многимъ обязанъ Мартынову, который заботливо работалъ для его устройства.

Наконецъ, надо еще сказать, что Мартыновъ исполнялъ и роль профессора: въ Педагогическомъ институтѣ онъ читалъ эстетику. Основаніемъ ему служилъ, правда, не Лессингъ, а французъ Франсуа Лагарпъ, опиравшійся на псевдо-классическія произведенія. Но Мартыновъ не во всемъ слѣдовалъ Лагарпу и иногда критиковалъ его. Читалъ Мартыновъ, какъ говоритъ его біографъ, краснорѣчиво.

Въ 1817 г. Мартыновъ, уже съ пошатнувшимся здоровьемъ,

оставилъ службу въ департаментѣ и въ Педагогическомъ институтѣ, но до самой смерти оставался членомъ Главнаго Правленія Училищъ и правителемъ Канцеляріи Совѣта о военныхъ училищахъ. По оставленіи службы въ департаментѣ, онъ на часть денегъ, полученныхъ съ пожалованной ему на 12 лѣтъ аренды, купилъ себѣ на Васильевскомъ Острову (въ 11-й линіи) небольшой деревянный домикъ, съ садомъ и оранжереями—и посвятилъ себя садоводству и ботаникѣ. Онъ съ любовью и увлеченіемъ ухаживалъ за своими растеніями, а въ свободное время занимался ботаникой. Результатомъ этихъ занятій явилась книжка на латинскомъ языкѣ: „Species plantarum", составленная, какъ учебникъ, по сочиненію Персона—дѣло, которое совершено Мартыновымъ по порученію министерства нар. просвѣщенія.

Въ 1820 г. онъ издалъ „Техно-ботаническій словарь" а въ 1821-мъ составилъ сокращенное изложеніе трехъ извѣстнѣйшихъ тогда ботаническихъ системъ: Турнефорта, Линнея и Жюсье, подъ названіемъ: „Три ботаника". Интересно объясненіе цѣли этого изданія. „Поле дарованіямъ открыто повсюду", — писалъ Мартыновъ, объявляя публикѣ о выходѣ въ свѣтъ «Трехъ ботаниковъ».—„Быть можетъ, и въ нашемъ отечествѣ таится гдѣ-либо талантъ, которому стоитъ только указать путь и подкрѣпить его вниманіемъ правительства, чтобъ начертаніе приведено было въ исполненіе". Мартыновъ, какъ видимъ, всегда имѣлъ въ виду просвѣтительныя цѣли.

Но самымъ большимъ литературнымъ трудомъ его былъ переводъ греческихъ классиковъ. Въ своихъ запискахъ онъ объяснилъ, что трудъ этотъ предпринялъ, какъ дань благодарности отечеству. „Мнѣ казалось",— пишетъ Мартыновъ,—„что я неблагодаренъ буду противъ отечества, если, пріобрѣвъ въ немъ свѣдѣнія въ эллинскомъ языкѣ и зная свой основательно, не воздамъ за его обо мнѣ попеченія". Мартыновъ началъ работать, объявилъ подписку, но отклика въ обществѣ почти не нашелъ: даже Академія Наукъ подписалась только на 8 экз. Великодушнѣе отнеслось министерство и подписалось на 100 экз.; поддержали нѣсколько и духовныя училища. Моральную поддержку оказалъ митрополитъ Евгеній Болховитиновъ, лично не знавшій Мартынова, но сочувствовавшій его предпріятію. Но, не смотря на холодное отношеніе самой такъ называемой публики, Мартыновъ все-таки порѣшилъ совершить дѣло и трудное и дорого стоящее. Много уже было переведено и напечатано, и экземпляры „Греческихъ классиковъ" лежали въ маленькомъ домикѣ Мартынова,

какъ вдругъ 7-го ноября 1824 г. вода заливаетъ улицу, заливаетъ садъ, оранжереи, наконецъ вливается въ домикъ, подхватываетъ въ немъ все, что могло плыть,—плыветъ Эзопъ, плыветъ Каллимахъ, но больше всего страдаетъ Гомеръ. Все разрушено: Мартыновъ разоренъ совсѣмъ, пропала, уплыла его дорогая библіотека. И въ этомъ-то тяжеломъ положеніи онъ все-таки не перестаетъ думать о выполненіи своей задачи и о своемъ обязательствѣ предъ тѣми подписчиками, которые уже внесли плату за „Греческихъ классиковъ“. На помощь ему пришелъ Сперанскій: благодаря его участію, Мартыновъ получилъ отъ государя 6000 р. Кромѣ того, далъ 5000 р. и в. кн. Константинъ Павловичъ. Мартыновъ снова принялся за работу, и въ 1829 г. трудъ его былъ оконченъ: онъ извѣстенъ подъ названіемъ: „Греческіе классики“ и заключаетъ въ себѣ переводъ слѣдующихъ авторовъ: 1) Эзопа, 2) Каллимаха, 3) Софокла, 4) Гомера, 5) Геродота, 6) Лонгина, 7) Пиндара, 8) Анакреона. На весь этотъ трудъ, не глядя на неблагопріятныя условія, переводчикъ употребилъ только 7 лѣтъ. О достоинствѣ его пусть судятъ спеціалисты, а мы скажемъ только, что современникъ Мартынова и человѣкъ знающій — Евгеній Болховитиновъ — отзывался о немъ съ большими похвалами.

Совершивъ свое дѣло, Мартыновъ не унывалъ, видя, какъ тихо расходились его „классики“: онъ зналъ, что тогда въ обществѣ еще мало было любителей подобныхъ книгъ, но утѣшалъ себя мыслью, что свой долгъ „благодарности противъ отечества“ онъ исполнилъ.

Свидѣтель катастрофы, постигшей Петербургъ 7-го ноября 1824 г., Мартыновъ въ своихъ запискахъ набросалъ нѣсколько живыхъ и довольно полныхъ картинъ пережитаго имъ бѣдствія. Колбасинъ въ своей статьѣ [141]) приводитъ эти любопытныя описанія.

Мартыновъ былъ очень симпатиченъ, какъ человѣкъ. Имѣя ограниченныя средства, онъ охотно дѣлился ими съ бѣдняками, а иногда раздавалъ имъ даже суммы сравнительно очень крупныя: такъ, напримѣръ, однажды онъ роздалъ пулковскимъ погорѣльцамъ кому по 100, а кому и по 200 рублей. Замѣчательно слѣдующее мѣсто въ одномъ изъ стихотвореній этого добряка: онъ жалѣетъ, что у него нѣтъ богатства Креза: онъ роздалъ бы его бѣднымъ.

О, какъ бы я имѣть желалъ
Сокровища несмѣтны Креза!
Благотворить я всѣмъ бы сталъ.
Вотъ *жадности* забавна греза!

Работая надъ своими классиками, онъ велъ жизнь уединенную, и отдыхомъ его были лишь любимыя имъ ботаническія занятія.

> О, нѣтъ, тотъ не живетъ,
> Безчувственъ тотъ, кого природа не прельщаетъ!

сказалъ онъ въ другомъ своемъ стихотвореніи.

Но все же Мартыновъ испытывалъ нѣкоторое чувство горечи, видя, что иные люди сторонились его по побужденіямъ далеко не благороднымъ. Описывая свою уединенную жизнь, онъ между прочимъ говоритъ:

> Иной и преданъ мнѣ за нѣсколько услугъ,
> Но духа времени и партіи боится,
> И навѣщать меня ему ужъ недосугъ:
> Иначе милости иль мѣста онъ лишится.

Къ сожалѣнію, годъ написанія этого стихотворенія не указанъ.

Умеръ Мартыновъ 20 октября 1833 г. и былъ оплаканъ многими бѣдняками Васильевскаго Острова и Петербургской Стороны.

„Періодическое изданіе Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ" (1804 г.).

Краткая исторія „Вольнаго Общества".—Политическія статьи Португалова. — Его лиро-эпическая статья: „Негръ". — Голоса противъ темныхъ сторонъ русскаго европейничанья. — Поклоненіе просвѣщенію.

Говоря объ А. Еф. Измайловѣ [142]), мы уже коснулись слегка характера „Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ". Скажемъ теперь о немъ нѣсколько подробнѣе. Общество это возникло по идеѣ двухъ лицъ — Португалова и Борна, — и открыло свои засѣданія 15 іюля 1801 г. подъ названіемъ „Дружескаго общества любителей изящнаго". Было заявлено, что

„Предметомъ своихъ занятій Общество избрало словесность, науки и художества, и въ семъ отношеніи поставило себѣ двѣ главныя цѣли:

1. Взаимное усовершенствованіе въ сихъ трехъ отрасляхъ человѣческихъ способностей.

2. Споспѣшествованіе къ усовершенствованію, соразмѣрно своимъ способностямъ, сихъ трехъ отраслей".

Далѣе говорилось, что „Связію Общество положило друже-

ство и согласіе, и вслѣдствіе сего избрало своимъ эпиграфомъ: Concordia res parvae crescunt, discordia magnae dilabuntur" [143]).

Общество скоро стало расти, и въ члены его начали поступать люди, въ то время выдававшіеся: тутъ былъ Востоковъ, А. Измайловъ, профессоръ естественной исторіи Севастьяновъ, тутъ же были и Радищевъ и поэтъ Каменевъ, оба впрочемъ скоро умершіе. Общество это, какъ мы уже говорили, было не исключительно литературное, но интересовалось и идеями политическаго характера, хотя работы, затрогивавшія эти послѣднія, доставлялись въ Общество далеко не всѣми его членами. Больше всѣхъ въ этомъ отношеніи работалъ Португаловъ. Онъ читалъ въ засѣданіяхъ такія, напримѣръ, свои статьи: 1) „О феодальномъ правѣ", 2) „О просвѣщеніи управляющихъ", 3) „Общій планъ законоположенія", куда входили статьи: „О равновѣсіи обитателей городовъ и землепашцевъ", „О паденіи землепашества и слѣдствіяхъ сего", „О ремеслахъ и искусствахъ въ отношеніи къ Европѣ" и пр. 4) „О политическомъ просвѣщеніи вообще". Другіе переводили изъ Монтескье и Беккаріи. Прочіе же доставляли статьи менѣе серьезнаго характера, а иные интересовались лишь „Свиткомъ Музъ", который Общество издавало. Это обстоятельство скоро вызвало со стороны Борна упрекъ по адресу нѣкоторыхъ членовъ: произнося рѣчь въ день годовщины Общества, 15 іюля 1802 г., онъ между прочимъ сказалъ слѣдующее: „Друзья мои! вопію къ вамъ: прилежаніе и дѣятельность да будетъ жизнію нашею. Изданія «Свитка Музъ» мало. Кто изъ васъ сообщалъ разсужденія о разныхъ частяхъ наукъ, о философіи, морали? Кто изобрѣталъ или кто собиралъ матеріи касательно лучшихъ способовъ воспитанія дѣтей, сей первой потребности жизни? Кто подавалъ свои мысли объ уврачеваніи неисчетныхъ золъ человѣчества?... Вотъ поле, любезные друзья и сотрудники!"...

Въ ноябрѣ 1802 г. Общество было утверждено официально и получило названіе „Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ". Первымъ президентомъ его былъ Борнъ, а секретаремъ Востоковъ. Впослѣдствіи долгое время (1816—1825 г.) предсѣдательствовалъ въ немъ А. Измайловъ.

Въ 1804 г. Общество издавало „Періодическое изданіе", въ 1809—1810 г. органомъ его былъ „Цвѣтникъ" Измайлова, въ 1812 г. — „С.-Петербургскій Вѣстникъ", подъ главнымъ редакторствомъ Измайлова же. Дальнѣйшая судьба „Вольнаго Общества" нами уже указана въ біографіи его предсѣдателя (вып. IV, стр. 134).

Въ „Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества" прежде всего обращаетъ на себя вниманіе большое разсужденіе Португалова подъ общимъ заглавіемъ: „О политическомъ просвѣщеніи вообще". Это рядъ статей, въ которыхъ идетъ рѣчь о политическомъ воспитаніи гражданъ. Авторъ начинаетъ съ того, что для образованія хорошаго гражданина требуетъ воспитанія не семейнаго, а *общественнаго*. Онъ говоритъ:

„Правда, общественное воспитаніе въ дѣтствѣ сколько внѣдряетъ въ сердце наше изящныхъ добродѣтелей, сколько способствуетъ къ развитію силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, столько часто, — если пренебреженъ будетъ строгій присмотръ за нравами, — даетъ сильно распространяться порокамъ, кои, подобно пламени, находящему богатую пищу между дѣтями юными и пылкими, вдругъ пожираютъ множество поколѣній и распространяютъ оное еще на многія. Сія точка есть одна изъ важнѣйшихъ, гдѣ око законодателя и его исполнителей должно быть наиболѣе предвидящее. Добрые нравы въ гражданахъ необходимѣе самаго просвѣщенія, но безъ просвѣщенія добрые нравы рѣдки... Многіе утверждаютъ, что семейственное воспитаніе сохраняетъ чистоту нравовъ и непорочность юныхъ сердецъ: нѣтъ ничего истиннѣе, но токмо тогда, когда дѣти имѣютъ добродѣтельныхъ, просвѣщенныхъ родителей, а сіе столь рѣдко, что когда дѣло идетъ о цѣлости народа (т.-е. о цѣломъ народѣ), въ основное положеніе не пріемлется".

Но почему же слѣдуетъ предпочитать воспитаніе общественное? Потому, говоритъ авторъ, что если бы даже семья была и хороша, то все-таки „семейственное воспитаніе можетъ научить токмо людей быть добрыми отцами, супругами, родственниками, но никогда совершенными гражданами". Почему? — Потому что „люди, воспитанные въ семействахъ, почитаютъ себя обществу ничѣмъ не одолженными". И далѣе авторъ разъясняетъ, что это значитъ. Онъ толкуетъ такъ: люди, воспитанные въ семьѣ, привыкаютъ смотрѣть на общественныя условія, среди которыхъ они живутъ, какъ на что-то готовое безъ ихъ участія, безъ ихъ труда, „и ни мало не думаютъ, сколько вѣковъ и сколь напряженія геніевъ стоило природѣ, дабы образовать связь благодѣтельную сообщества, и потому — какимъ пожертвованіемъ сіе каждаго обязываетъ къ пользѣ онаго". Общественное же воспитаніе, говоритъ авторъ, напротивъ, „даетъ гражданину чувствовать, съ самаго его младенчества, что государственное общество печется о его благѣ; что оно ему не менѣе благодѣтельствуетъ, но еще

болѣе, какъ самые родители, ибо первые показываютъ ему токмо выгоды семейственныя, кои сами оснуются на выгодахъ общественныхъ,—въ то время, когда такое воспитаніе показываетъ ему все назначеніе, коимъ онъ обязанъ къ согражданамъ за тѣ блага, кои соединеніе ихъ (т.-е. гражданъ) на него изливаетъ".

Но, отдавая преимущество общественному воспитанію, авторъ прежде всего требуетъ, чтобы оно было „*направлено къ моральной цѣли*". Затѣмъ уже онъ требуетъ другого направленія: *политическаго*, которое должно состоять въ разъясненіи воспитаннику его обязанностей къ обществу и въ указаніи того блага, которое соединено съ исполненіемъ этихъ обязанностей.

Далѣе авторъ однако обусловливаетъ свою систему общественнаго воспитанія необходимостію, чтобы государство взяло на себя обязанность воспитывать не одно дворянское сословіе, а весь народъ въ одинаковомъ духѣ требованій общежитія, и потому предлагаетъ правительству „заставить *всѣхъ гражданъ просвѣщаться въ однихъ*, правленіемъ признанныхъ и утвержденныхъ *мѣстахъ*". Во всѣхъ училищахъ, гдѣ просвѣщаются граждане, должны быть введены *исторія* и *законовѣдѣніе*. „Надлежитъ", — говоритъ онъ, — „чтобы курсъ законовъ, къ степени училища и нуждъ обучающихся приноровленный, былъ важнѣйшимъ предметомъ, поелику каждому гражданину необходимо знать свои права въ гражданскомъ кругу". Объ исторіи же авторъ разсуждаетъ такимъ образомъ:

„Исторія, написанная въ философическомъ духѣ и не какъ лѣтописи, кои показываютъ только рядъ происшествій и поколѣній, но предлагающая не токмо чрезвычайные случаи и измѣненія народовъ, но вмѣстѣ причины всѣхъ, примѣчанія заслуживающихъ происшествій и побужденія, заставляющія стремиться необыкновенныхъ мужей къ цѣли ихъ дѣйствій — есть истинно наука, долженствующая въ общественномъ воспитаніи, во всѣхъ онаго отдѣленіяхъ, быть необходимою: не для того, чтобы оная дѣйствительно была необходима *всѣмъ* гражданамъ. Нѣтъ! если брать вообще, то она полезна для гражданъ единою нравственностью, кою всегда лучше, съ нарочно извлеченными правилами, преподавать особенно. Гражданину, который не назначаетъ себя служить въ правленіи отечеству, оная не нужна: обыкновенный человѣкъ всегда входитъ въ кругъ, уже предуготовленный; онъ никогда не думаетъ объ измѣненіи онаго... Но оная (исторія) нужна людямъ чрезвычайнымъ, дабы умѣрить безпокойный порывъ ихъ, за предѣлъ возможнаго дѣйствія стремящійся, который

часто губитъ или ихъ самихъ, или народъ, между которымъ они родились, дабы показать имъ примѣрами самаго дѣла, что одинъ великій умъ всего совершить не можетъ; что весь родъ человѣческій шествуетъ по однимъ законамъ къ извѣстной точкѣ, и что все, что природою отъ него требуется, есть давать общему дѣйствію природы извѣстное, нужное напряженіе. Оная научитъ его терпѣливости съ Фабіемъ, мудрой дѣятельности и вмѣстѣ покоренію необходимости съ Сократомъ и Катономъ, пожертвованію благу общему съ Деціемъ и проч. Вотъ для кого нужна и даже необходима исторія; но поелику ученію посвящаются лѣта дѣтства — то время, когда самые геніи весьма мало отъ обыкновенныхъ людей отличаются, — то требуется необходимо, чтобы сіи пренебрежены не были, содѣлать науку сію общею всѣмъ гражданамъ".

Авторъ разсужденія даже указываетъ, какъ должна быть написана исторія для педагогическихъ цѣлей. „Надобно, непремѣнно", говоритъ онъ, „чтобъ историкъ чувствовалъ совершенно всю цѣну великаго дѣла; надобно, чтобы перо его пылало сердечнымъ жаромъ, когда онъ описываетъ то, что служило къ возвышенію благоденствія народовъ; чтобъ онъ проливалъ слезы, описывая бѣдствія человѣческія".

Разсужденіе Португалова представляетъ явленіе въ историческомъ отношеніи весьма интересное. Прежде всего мы видимъ въ немъ отраженіе духа времени: онъ выразился въ требованіи политическаго образованія для всѣхъ гражданъ, въ требованіи, чтобы каждый гражданинъ зналъ законы своей страны, понималъ зависимость своего личнаго блага отъ блага общаго и приносилъ посильныя жертвы на пользу послѣдняго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ авторѣ разсужденія видимъ человѣка, для котораго чрезвычайно дороги и интересы моральные. По его убѣжденію, „добрые нравы въ гражданахъ необходимѣе самаго просвѣщенія". Эта мысль напоминаетъ намъ тенденцію времени императрицы Екатерины, которую авторъ и упоминаетъ нѣсколько разъ въ своемъ разсужденіи, и однажды съ чувствомъ признательности указываетъ „сколь счастливое вліяніе геній Екатерины имѣлъ на наши нравы мудрыми своими уставами". Говоря о работѣ гражданъ на пользу общаго блага, авторъ стоитъ однако на той умѣренно-консервативной точкѣ зрѣнія, которая заставляетъ его заботиться, чтобы „чрезвычайные" умы не переходили за предѣлъ возможнаго, за тотъ предѣлъ, гдѣ уже начинается насильственная ломка, нарушающая естественный ходъ исторіи.

———

И какъ моралистъ и какъ политикъ, Португаловъ не могъ не возмущаться рабствомъ. Отношеніе его къ этому явленію выразилось помѣщеніемъ въ „Періодическомъ изданіи“ статьи: „Негръ“, названной переводомъ съ испанскаго. На берегу моря, въ виду грузящагося корабля, въ глубокой тоскѣ сидитъ окованный цѣпями негръ Амру. „Бѣлые исторгли его изъ нѣдра семейства, дабы везти въ сахарныя плантаціи въ Америку“. И кто же чинитъ такое беззаконіе? — „Европеецъ, славящійся своимъ просвѣщеніемъ“. И авторъ называетъ такого европейца „свирѣпѣйшимъ тигра“, „ужаснымъ чудовищемъ“. А обращаясь къ торгашамъ-неграмъ, произноситъ слѣдующую рѣчь, очевидно, имѣя въ виду торгашей, болѣе къ нему близкихъ: „Что дѣлаете вы, продавая собратій вашихъ?... Кто позволилъ вамъ?... Воля не есть продажная; цѣна золота всего свѣта не въ силахъ оной заплатить, и никакой тиранъ ею располагать не долженъ“.

———

Противъ темныхъ сторонъ русскаго европейничанья раздавались голоса и въ „Періодическомъ изданіи“. Тамъ помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Достоинство стараго воспитанія въ Россіи“. Авторъ начинаетъ ее указаніемъ на современное ему воспитаніе подъ вліяніемъ нашего сближенія съ Европой. Оно не вездѣ одинаково: иногда оно ведется разумно и серьезно — и даетъ истинно-образованныхъ людей; но есть другой видъ европейскаго воспитанія, который „вмѣсто достойныхъ гражданъ доставляетъ намъ пустыхъ говоруновъ, танцоровъ, театральныхъ героевъ и куколъ“. „Такому воспитанію“ — говоритъ авторъ — „я всегда предпочиталъ наше древнее воспитаніе, кое еще и нынѣ не уничтожилось и поддерживаетъ честь русскаго характера. Оное, подобно спартанскому, доставляло всегда отечеству твердыхъ и надежныхъ сыновъ, — хотя безъ знаній, но съ неиспорченнымъ добрымъ сердцемъ“.

Невѣжественныхъ сторонниковъ осужденнаго въ разсмотрѣнной статьѣ воспитанія и враговъ истиннаго просвѣщенія имѣлъ въ виду и А. Измайловъ въ своемъ „Сонетѣ ирокойца“, напечатанномъ въ томъ же „Періодическомъ изданіи“.

Гдѣ холодно, цвѣты всѣ худо тамъ растутъ.
Лишь выходить они, показываться станутъ,
То солнечные имъ лучи потребны тутъ;
Но вмѣсто солнца дождь, снѣгъ, градъ — они и вянутъ
Канада есть сія холодная страна,
Цвѣты—писатели, а солнце—одобренье;

И наша нація, къ несчастью, есть одна,
Гдѣ авторы въ такомъ находятся презрѣньѣ.
Утѣшьтесь, бѣдные! и прочія науки
Всѣ одобряются не болѣе у насъ.
Возьмите, юноши, не книги — карты въ руки,
Вертитесь, кланяйтесь — чины, мѣста ждутъ васъ.
Бостономъ, танцами составить счастье можно,
А съ просвѣщеніемъ въ лѣса собраться должно.

Этотъ сонетъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и голосъ за просвѣщеніе, и оно имѣло, конечно, не мало самыхъ горячихъ поклонниковъ. Однимъ изъ нихъ былъ нашъ знаменитый славистъ Востоковъ, писавшій между прочимъ и стихи. Вотъ какой хвалебный гимнъ дѣятелямъ на поприщѣ науки и искусства помѣстилъ онъ въ „Періодическомъ изданіи“:

Вы, коихъ дивный умъ, художнически руки
Полезнымъ на землѣ посвящены трудамъ,
Чтобъ оный воздвигать великолѣпный храмъ,
Который начали отцы, достроятъ внуки.
До половины днесь уже воздвигнутъ онъ.
Обширенъ и богатъ, и свѣтлъ со всѣхъ сторонъ.
И вы взираете веселыми очами
На то, что удалось къ концу вамъ привести;
Основа твердая положена подъ вами,
Вершину зданія осталось лишь взнести.
О, сколь счастливы тѣ, которы довершенный
И преукрашенный святить сей будутъ храмъ!
И мы живущи днесь, и мы стократъ блаженны,
Что столько удалось столповъ поставить намъ;
Въ два вѣка столько въ немъ переработать камней,
Всему удобную, простую форму дать! и проч.

Стихотвореніе это названо: „Къ строителямъ храма познаній“.

„С.-Петербургскій Вѣстникъ“ (1812 г.).

Статья о воспитаніи принца.—Вопросъ, гдѣ лучше воспитывать дѣтей: дома или въ училищахъ.—Рѣчи о личномъ достоинствѣ.—Голосъ иностранца за Россію и его мнѣніе о крестьянскомъ вопросѣ.

Нѣкоторыя мысли, высказанныя въ „Періодическомъ изданіи Вольнаго Общества“, проводились и въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1812 г., что и понятно, потому что этотъ журналъ былъ органомъ того же Общества[144]). Но разница та, что „С.-Петербургскій Вѣстникъ“ высказывался, такъ сказать, косвеннымъ образомъ: посредствомъ перевода соотвѣтствующихъ статей иностранныхъ писателей. Такъ, напримѣръ, въ № 4 помѣщенъ отры-

вокъ изъ „Историческихъ уроковъ Кондильяка принцу пармскому“ подъ заглавіемъ: „Исторія должна быть училищемъ нравственности и политики“. Уже самое это заглавіе напоминаетъ о статьѣ Португалова: „О политическомъ просвѣщеніи вообще“, напечатанной въ „Періодическомъ изданіи“. И дѣйствительно, отрывокъ изъ уроковъ Кондильяка является какъ бы дополненіемъ къ статьѣ Португалова: въ этой послѣдней говорилось объ извѣстномъ воспитаніи гражданъ вообще; въ урокахъ Кондильяка идетъ рѣчь о воспитаніи будущаго правителя. Проводится мысль, что будущему государю въ особенности нужно ознакомиться съ тѣми науками, которыя помогутъ ему быть хорошимъ гражданиномъ. Лучшей наукой для этого и тутъ является *исторія*. Кондильякъ, обращаясь къ принцу, говоритъ:

„Если почитать исторіею только собраніе множества происшествій, затверживаемыхъ обыкновенно по порядку времени, то учиться ей значитъ хотѣть только удовлетворить или пустому дѣтскому любопытству, или суетному тщеславію педантства. Что пользы, что знаемъ мы заблужденія отцовъ своихъ, если сами не дѣлаемся отъ того благоразумнѣе ихъ? Старайтесь, ваше высочество, образовать сердце и умъ. Исторія должна быть для васъ во всю жизнь училищемъ вашихъ обязанностей. Представляя живое описаніе уваженія, соединеннаго съ добродѣтелью, и презрѣнія, сопровождающаго порокъ, она должна нѣкогда замѣнить вамъ тѣхъ, которые нынѣ образуютъ природныя ваши дарованія... Но того не довольно, если ваше высочество будете почитать исторію училищемъ одной нравственности. По состоянію, въ которомъ вы рождены, вамъ мало быть добродѣтельнымъ только для себя самого: вы должны быть полезны для насъ, должны имѣть тѣ познанія, которыя нужны государю. Если частный человѣкъ, по долгу гражданина, обязанъ знать, что составляетъ общественное благо или зло, то сколько же долженъ знать сіе тотъ, кому народъ единственно для своего благополучія далъ власть надъ собою.— Есть наука дѣлать государства счастливыми и цвѣтущими: она называется *политикою*“.

Кондильякъ даетъ еще такой совѣтъ своему воспитаннику: „Читайте чаще Плутарховы житія великихъ людей. Плутарховы герои были большею частію простые граждане; но и самые сильные государи только тогда велики предъ судомъ истины и разума, когда они имѣли для себя образцами сихъ гражданъ. Изберите себѣ и вы кого-нибудь изъ нихъ для подражанія“.

Разсматривавшійся въ той же статьѣ Португалова вопросъ

о томъ, гдѣ лучше воспитывать дѣтей: дома или въ училищахъ, разрѣшается косвеннымъ образомъ и въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“, въ № 7-мъ, въ переводномъ отрывкѣ изъ ораторскихъ наставленій Квинтиліана (кн. I, гл. 2), въ которомъ авторъ высказывается за воспитаніе общественное.

Между переводными отрывками изъ французскихъ писателей останавливаетъ на себѣ вниманіе переводъ 2-й гл. изъ „Les Caractères“ Лабрюйера, подъ заглавіемъ: „О личномъ достоинствѣ“ (№ 4), гдѣ много говорится о правахъ личности, независимо отъ ея соціальнаго положенія. Тамъ между прочимъ читаемъ: „Кто отличается въ искусствѣ своемъ и доводитъ оное до возможнаго совершенства, тотъ выходитъ изъ посредственнаго состоянія и равняется съ людьми благороднѣйшими и знаменитыми“.

Есть и еще одна замѣчательная переводная статья (въ № 7): это „Краткія замѣчанія о свойствѣ и составѣ русской арміи“, написанныя англичаниномъ Вильсономъ („Brief remarks on the character and composition of the Russian army“). Этотъ иностранецъ, возмущенный ложью заграничныхъ писателей о Россіи, захотѣлъ заступиться за нее и написалъ нѣсколько замѣтокъ о русской арміи и о русскомъ народѣ. Печатая переводъ его „Замѣчаній“, редакція предпослала ему слѣдующія строки: „Почти всѣ иностранныя сочиненія, въ коихъ описываются нравы и обычаи русскаго народа, столько наполнены неправдами и клеветами, что нельзя ихъ читать безъ душевнаго огорченія. Иностранцы, кажется, сговорились разсѣвать и вкоренять дурное мнѣніе о нашемъ отечествѣ“. И редакція радуется, что нашлось исключеніе въ лицѣ Вильсона. Онъ указываетъ свѣтлыя стороны русскаго народа, русскаго офицера, въ особенности русскаго солдата. Послѣдній, говоритъ авторъ между прочимъ, „хотя родился въ рабствѣ, но духъ его не униженъ, и даже въ присутствіи государя, коему повинуется какъ самодержцу, онъ всегда сохраняетъ достоинство человѣка и воина“. Заступился Вильсонъ и за правительство, говоря, что оно „всѣми мѣрами старается распространить благоразумную свободу“. Но, произнеся слово: „благоразумную“, авторъ заявляетъ, что онъ и самъ не сторонникъ быстраго и рѣшительнаго освобожденія крестьянъ. Онъ говоритъ: „Съ чувствами и правилами, совсѣмъ противными продавцу невольниковъ, я утверждаю, что самое большое несчастіе, могущее постигнуть Россію, было бы *внезапное* и *общее* истребленіе крѣпостного права; никакое предпріятіе не могло бы возродить равныхъ бѣдствій и столь великаго негодованія. Что бы сдѣлалось съ хворыми и престарѣ-

лыми, если бъ они вдругъ лишились прокормленія? Что бы сдѣлалось съ дворовымъ, который, не имѣя никакой собственности, нигдѣ въ скоромъ времени не нашелъ бы мѣста для своего промысла? Защитники революціи не устрашатся всѣхъ сихъ затрудненій; но человѣкъ государственный, добрый гражданинъ, разсматривая оныя, уважитъ послѣдствія прежде, нежели приметъ всѣ сіи умствованія. Отъ многихъ знатныхъ особъ въ Россіи можно удостовѣриться, сколько людей, отпущенныхъ на волю и пришедшихъ въ старость, проситъ убѣжища у ихъ прежнихъ помѣщиковъ".

Приведенное мнѣніе Вильсона ясно говоритъ, что въ высокой степени несправедливо поступаютъ тѣ новѣйшіе критики, которые весь свой гнѣвъ, возбуждаемый въ нихъ заднимъ числомъ, обрушиваютъ на Карамзина, словно онъ только и былъ единственною помѣхою тому великому дѣлу, которое, однако, какъ знаетъ исторія, могло совершиться лишь въ царствованіе императора Александра II.

Не смотря на то, что разсмотрѣнные номера „С.-Петербургскаго Вѣстника" выходили въ 1812 году, отголоски военныхъ событій нашли себѣ тамъ мѣсто лишь въ очень немногихъ стихотвореніяхъ. Таково, напримѣръ, стихотвореніе Милонова: „Къ патріотамъ", въ которомъ авторъ призываетъ „силу русскихъ героевъ" возстать на защиту свободы.

Цари въ плѣну, въ цѣпяхъ народы!
Часъ рабства, гибели приспѣлъ!
Гдѣ вы, гдѣ вы, сыны свободы?
Иль нѣтъ мечей и острыхъ стрѣлъ?...
Возстань героевъ русскихъ сила!
Кого и гдѣ, въ какихъ бояхъ
Твоя десница не разила?
Днесь брань встаетъ въ родныхъ поляхъ... и пр.

Голосъ правительства

въ „С.-Петербургскомъ Журналѣ" (1804—1809) и „Сѣверной Почтѣ" (1809—1820).

Правительство дѣйствительно въ ту пору въ общемъ держалось либеральнаго направленія и давало понять о немъ не только своими дѣйствіями, но и оглашеніемъ этихъ дѣйствій въ періодической печати. Оба органа, указанные въ заголовкѣ этой главы, издавались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и были первымъ проявленіемъ правительственной гласности. Въ „С.-Петер-

бургскомъ Журналѣ“ 1804 г. помѣщена была переведенная изъ Бентама статья: „О пользѣ просвѣщенія“, гдѣ между прочимъ говорилось и о пользѣ печатнаго слова, или „публичныхъ бумагъ“, какъ сказано въ этой статьѣ. „Помощію этихъ бумагъ“— читаемъ тамъ—„всего удобнѣе руководствовать общее мнѣніе; помощію ихъ просвѣщеніе нисходитъ отъ правительства къ народу или восходитъ отъ народа къ правительству. Чѣмъ болѣе въ нихъ свободы, тѣмъ лучше можетъ сіе послѣднее видѣть направленіе общаго мнѣнія, и тѣмъ надежнѣе можетъ оно дѣйствовать“.

Правительство оглашало свои мѣры, клонившіяся къ улучшенію положенія крестьянъ и публично высказывало свое благоволеніе тѣмъ лицамъ, которыя отпускали ихъ на волю (что было разрѣшено еще указомъ 1803 г.). Такъ, напримѣръ, въ 1811 г. полтавскому помѣщику Сахновскому за увольненіе имъ своихъ крестьянъ былъ пожалованъ орденъ Владимира 3-й ст., который велѣно было генералъ-губернатору вручить награжденному при особомъ рескриптѣ въ собраніи дворянъ, и рескриптъ этотъ былъ напечатанъ, для всеобщаго свѣдѣнія, въ 59 номерѣ „Сѣверной Почты“ за тотъ же 1811 г.

Можно сказать, что никто другой, какъ само же правительство вызвало появленіе въ періодической печати сравнительно большого количества статей либеральнаго характера, правда, вообще сдержанныхъ, но иногда говорившихъ и очень смѣло, какъ, напримѣръ, переведенная съ французскаго статья: „Портретъ Юлія Цезаря“ („С.-Петерб. Вѣстникъ“ 1812 г., № 7), гдѣ французскій авторъ, оставивъ совершенно этическую точку зрѣнія, пытается оправдать убійство Цезаря.

Но не однѣ политическія статьи: правительствомъ была вызвана и другого рода литература — литература, имѣвшая своимъ предметомъ вопросы сельско-хозяйственные и технологическіе. Государь старался поощрять сельское хозяйство и промышленность. Однажды, посѣтивъ село Грузино въ 1810 г., онъ даже поблагодарилъ помѣщика (Аракчеева) „за доброе сельское хозяйство“ рескриптомъ, въ которомъ говорилось, что хозяйство это „есть первое основаніе хозяйства государственнаго“. Рескриптъ тоже былъ напечатанъ въ „Сѣверной Почтѣ“ того же 1810 г. Послѣ этого понятно, почему литература наша по вышеуказаннымъ вопросамъ такъ оживилась въ Александровскую эпоху. Въ „Сѣверной Почтѣ“, напримѣръ, почти безпрестанно печатались статьи по сельскому хозяйству и технологіи, въ родѣ слѣдующихъ: „О посѣвѣ красильныхъ растеній и составленіи красокъ“, „О

приготовленіи мыла изъ шерсти", „О разведеніи шелковичныхъ плантацій", „О состояніи мануфактуръ въ Россіи", о винодѣліи, объ овцеводствѣ; въ особенности много писали тогда объ англійскомъ сельскомъ хозяйствѣ. „Сѣверная Почта", описывая англійскія жатвенныя машины, снабжала текстъ хорошо исполненными ихъ рисунками (въ 1816 г.). Большое оживленіе вызвалъ и вопросъ о приготовленіи сахару изъ свекловицы: въ той же „Сѣверной Почтѣ" (1811 г.) была помѣщена статья: „Сравненіе методы гг. Ахарда и Бланкенгагеля въ выдѣлываніи сахару"; на эту статью скоро тамъ появились „Замѣчанія"; на нихъ какой-то майоръ Ермолаевъ написалъ свои „Объясненія". И такіе примѣры живого обмѣна мыслей по вопросамъ хозяйства и техники встрѣчаются въ тогдашней литературѣ не одинъ разъ.

„Духъ Журналовъ" (1815—1820).

Общій характеръ этого журнала.—Отдѣлъ статей о промышленности и хозяйствѣ; высокая альтруистическая мысль Каразина; голоса за земледѣліе.— Статья о жалованьи служащимъ и басня: „Коты на службѣ".—Политическій отдѣлъ „Духа Журналовъ", стремившійся знакомить читателей съ конституціями.—Стихотвореніе: „Патріоты".—Идея о вѣчномъ мирѣ и чаянія отъ Вѣнскаго конгресса. — Статья: „Геній девятнадцатаго вѣка". — „Лѣтопись добродѣтели".

Либеральное направленіе правительства, равно какъ и его заботы о сельскомъ хозяйствѣ, о промышленности, о государственномъ хозяйствѣ особенно отразились на „Духѣ Журналовъ", издававшемся (еженедѣльными книжками) съ 1815 по 1820 годъ. Главнымъ издателемъ его былъ Григорій Максимовичъ Яценковъ, воспитанникъ Московскаго университета, бывшій нѣкоторое время преподавателемъ латинскаго и греческаго языка, а потомъ читавшій лекціи въ Московскомъ же университетѣ по философіи. „Духъ Журналовъ" былъ лучшимъ періодическимъ изданіемъ своего времени, какъ по серьезности помѣщавшихся въ немъ статей, такъ и по обилію того матеріала, которымъ онъ пользовался. Онъ пользовался не только силами русскихъ литературныхъ работниковъ, но и массою заграничныхъ журналовъ, число которыхъ доходило до 21. „Journal des Débats", „Mercure de France", „Journal politique de Leyde", „Bibliothèque Britannique", „Magazin Encyclopèdique", „Annales des Arts et de Manufactures", „Moniteur", „Hamburger Correspondent", „Preussischer Correspondent", „The Times", „The Courier", „Morning Chronicle" и др.— все это выписывалось редакціей, которая отсюда выбирала „луч-

шее и любопытнѣйшее по части исторіи, политики, государственнаго хозяйства, разныхъ искусствъ, сельскаго домоводства и проч." Редакція не просто переводила иностранныя статьи, а—какъ она выражалась —„извлекала изъ нихъ, подобно пчелѣ, ароматные соки", или иначе—самый духъ ихъ, откуда и произошло названіе журнала Яценкова.

Прежде всего скажемъ, что въ „Духѣ Журналовъ" было отведено очень большое мѣсто статьямъ о промышленности и хозяйствѣ,—въ особенности о хозяйствѣ государственномъ,—о торговлѣ, о кредитѣ. Въ этомъ отдѣлѣ журнала Яценкова принималъ участіе и В. Н. Каразинъ, помѣстившій въ 1817 г., какъ членъ Харьковскаго Филотехническаго Общества, прекрасную статью: „О важности лѣсоводства, наипаче для Россіи". Жалуясь на безпощадное истребленіе у насъ лѣсовъ и указывая на гибельныя отсюда послѣдствія, авторъ говоритъ объ обязанности человѣка пользоваться дарами природы не варварски, а съ сознаніемъ долга относительно какъ современныхъ ему, такъ и грядущихъ его собратій. Свою высокую альтруистическую мысль Каразинъ выражаетъ такъ:

„Человѣкъ *на то* сотворенъ, чтобы сохранять равновѣсіе силъ и стихій на земномъ шарѣ; чтобы украшать сіе свое временное жилище; чтобы содержать въ порядкѣ и должномъ другъ другу соотвѣтствіи безчисленные роды растеній и животныхъ. Такъ!.. по истинѣ человѣкъ есть царь окружающей его великолѣпной природы, или *можетъ* быть имъ, когда достигнетъ предназначенной ему степени просвѣщенія, когда, научившись владѣть страстями, будетъ наслаждаться, *не похищая ничего* у своихъ настоящихъ, ниже у будущихъ собратій."

Вопросъ о томъ, что для страны важнѣе: земледѣліе или фабричная промышленность, имѣлъ мѣсто уже и въ то время, и разсматривался относительно Россіи въ журналѣ Яценкова въ 1816 г. Авторъ помѣщенной тамъ статьи [145]) разрѣшалъ его въ пользу земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства. „Хлѣбопашество, скотоводство и овцеводство—вотъ наши промыслы", говоритъ авторъ, и прибавляетъ: „Изобиліе процвѣтаетъ всегда въ такомъ государствѣ, гдѣ земледѣліе въ чести". Въ другой статьѣ („Замѣчанія о фабрикахъ", 1818 г.) приводится и иная причина, заставляющая автора предпочитать земледѣліе: „Земледѣльческій народъ есть самый *набожный*, а оттого и самый *миролюбивый*, *кроткій* и *благонравный*".

Но изъ того, что „Духъ Журналовъ“ давалъ мѣсто подобнымъ статьямъ, вовсе не слѣдуетъ, что онъ не сочувствовалъ развитію фабричной промышленности: напротивъ, онъ много говорилъ о ней, слѣдилъ за ея успѣхами за границей и указывалъ на эти успѣхи своимъ читателямъ.

Подымая вопросъ о матеріальномъ благосостояніи, „Духъ Журналовъ“ коснулся между прочимъ и жалованья служащимъ. Поводомъ послужило сравненіе окладовъ американскихъ чиновниковъ и нашихъ. „Мы не защитники большихъ жалованій“,—говоритъ журналъ:—„однакоже не можемъ оправдывать и той нерасчетливой экономіи, чтобы гражданинъ, коего способностями и знаніями государство пользуется, проживался и бѣднѣлъ на службѣ“ (1817 г.). Въ соотвѣтствіе этой статьѣ о жалованьи, въ журналѣ помѣщена басня Лузанова: „Коты на службѣ“. Барыня, желая избавиться отъ крысъ въ кладовой, завела кота. Котъ служилъ исправно, и, пока крысъ было много, не трогалъ ничего съѣстного, а затѣмъ сталъ воровать:

Сперва съ разборомъ,
Потомъ — съ привычки ставши воромъ.

Кота замѣнили другимъ: то же самое; второго—третьимъ: воровство не прекращалось.—Барыня за совѣтомъ къ пріятелю.

„Дай пищу имъ!“
Отвѣтствуетъ пріятель:
„Котовъ, какъ и людей, такъ сотворилъ Создатель,
Что трудно день одинъ безъ пищи имъ пробыть,—
И потому нельзя котовъ за зло винить,
А должно прежде зла причину истребить“.

Политическій отдѣлъ „Духа Журналовъ“ былъ главнымъ образомъ характера либеральнаго. Редакція и открыла свой журналъ статьей („Эпоха обновленія европейскихъ государствъ“), гдѣ авторъ, радуясь наступившему миру, сочувственно говорилъ о новой французской конституціи. Въ слѣдующемъ (1816 году), въ „Письмѣ изъ Вашингтона“, указывались черты сѣверо-американскихъ учрежденій. „Если я сказалъ,“ — говоритъ авторъ этого письма,—„что правленіе американскихъ соединенныхъ областей основано на благоразуміи, справедливости и откровенности, то не думайте, что это пустыя слова; не скажите, что и въ другихъ государствахъ говорятъ то же, но многіе ли такъ и дѣйствуютъ?

Я это знаю, я это видѣлъ и самъ испыталъ. Но тамъ говорятъ о себѣ правительства и ихъ отголоски, а гласъ народа тамъ не слышенъ. Въ Америкѣ же самая сія представительная система даетъ возможность каждому гражданину всякую неправду, притѣсненіе и злоупотребленіе власти доводить до высшаго правительства и до всенароднаго свѣдѣнія; и я увѣренъ, что ежели бы какая несправедливость, пристрастіе или обида со стороны чиновниковъ не была немедленно наказана, то десять милліоновъ народа возопили бы въ одинъ голосъ. А какъ всѣ чиновники, отъ высшаго до нижняго, знаютъ, что весь народъ внимательно смотритъ на всѣ ихъ поступки, и всякая неправда непремѣнно будетъ обнаружена предъ цѣлымъ свѣтомъ свободою печатанія, то всякъ располагаетъ поступки свои такъ, чтобы не подпасть ни малѣйшему нареканію".

Въ 1817 г. „Духъ Журналовъ" началъ печатать длинную статью объ англійской конституціи. Вступленіемъ къ статьѣ были слѣдующія строки:

„Англія въ послѣднемъ вѣкѣ, со времени утвержденія нынѣшней своей конституціи, явила такую силу, могущество, богатство и благосостояніе, что изумила весь свѣтъ, и вмѣстѣ съ удивленіемъ возбудила зависть и поревнованіе во всѣхъ народахъ. Стали приписывать—справедливо, или нѣтъ — всѣ сіи преимущества превосходной ея конституціи. Отсюда всеобщія усилія къ политическому перерожденію государствъ".

Когда прочтешь эти строки и вспомнишь современную намъ Англію, ея войну съ бурами, — невольно навязывается вопросъ: точно ли *одна* конституція создала ея тогдашнее могущество? Въ томъ же „Духѣ Журналовъ" есть описаніе прежнихъ англичанъ, изъ котораго видно, что въ тѣ времена иной былъ и духъ ихъ и иной образъ жизни.

Въ 1818 г. въ журналѣ Яценкова напечатана была надѣлавшая такъ много шуму рѣчь императора Александра, произнесенная имъ въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма.

Какое вліяніе имѣло ознакомленіе съ конституціями на тогдашніе молодые умы, мы уже знаемъ. Одни изъ нихъ, понимая, что государственныя учрежденія слагаются подъ вліяніемъ историческаго хода развитія жизни народа, стремились къ тому идеалу, который очерченъ въ уставѣ „Союза Благоденствія"; другіе, умы горячіе, хотѣли полнаго „перерожденія" государства, не принимая въ расчетъ историческихъ его условій.

Впрочемъ „Духъ Журналовъ", знакомя читателей съ конституціями, не былъ безусловнымъ сторонникомъ упомянутыхъ горячихъ умовъ и, осуждая противниковъ либеральнаго движенія, онъ въ то же время находилъ, что они „въ иныхъ статьяхъ и правы". Эта послѣдняя мысль высказана въ стихотвореніи неизвѣстнаго автора: „Патріоты" (1817 г.), которое однако въ общемъ написано вовсе не въ защиту консерваторовъ, — и притомъ глубокихъ консерваторовъ, — а противъ нихъ. Тутъ задѣтъ между прочимъ и „Русскій Вѣстникъ" Глинки.

Стихотвореніе изображаетъ „дряхлаго хвата", ворчащаго на новизну и на молодежь.

„Доколь страна сія Россіею была",—
Кричитъ тамъ дряхлый хватъ, въ деревнѣ жизнь ведущій,—
„Все было хорошо: вотъ славный вѣкъ цвѣтущій—
Екатерининъ вѣкъ! вѣкъ русскихъ славныхъ дѣлъ,
Гдѣ каждый говорилъ, и думалъ, и смотрѣлъ,
Какъ *русскій* человѣкъ; а нынѣ хоть и съ славой
Окончена война, но нѣтъ любови правой
Къ родимой сторонѣ. Отъ молодыхъ людей
Лишь слышно множество безпутнѣйшихъ рѣчей:—
Одни въ Парижѣ зрятъ столичный градъ вселенной;
Другіе, восхитясь страной той просвѣщенной,
Гдѣ грязью любитъ чернь царей своихъ честить,
Желаютъ парламентъ въ Россіи учредить...
Днесь всѣ хотятъ у насъ за новенькимъ гоняться,
И даже и шоссе устраивать стремятся,
Твердя, что стыдно намъ отъ вѣка отставать;
Напротивъ, стыдно намъ чужимъ все подражать.
Всѣ *русскіе* должны за *русское* вступиться
И съ храбрымъ Вѣстникомъ на бусурманъ яриться"...
Хотя сей господинъ въ иныхъ статьяхъ и правъ,
Но невозможно намъ нашъ переправить нравъ,
И за столѣтіе назадъ его поставить...

Далѣе авторъ стихотворенія, подобравъ къ выбранному Глинкой эпиграфу:

„Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ"

стихъ:

Землякъ хоть и уродъ, намъ милъ, хорошъ и статенъ,—

говоритъ, что не всякій однако отечественный дымъ пріятенъ:

Не дымъ курной избы, но дымъ на поляхъ бранныхъ
Пріятенъ для сыновъ отечества избранныхъ.

И затѣмъ переходитъ къ вернувшейся изъ заграничнаго похода молодежи, хвалитъ ее за стремленіе къ просвѣщенію и надѣется, что изъ среды ея выйдутъ полезные дѣятели.

Мы зримъ сихъ воиновъ, къ побѣдѣ пріученныхъ,
Сихъ избавителей народовъ притѣсненныхъ,
Которы, съ скромностью отъ боевъ возвратясь,
Пройдя Европу всю, на дѣлѣ просвѣтясь,
Желаютъ быть еще отечеству полезны.
Не думаютъ они, успѣхами надежны,
Что можемъ мы теперь всѣмъ свѣтомъ пренебречь
И, съ гордостью воззря на свой побѣдный мечъ,
Для просвѣщенія не брать нигдѣ примѣровъ.
Намъ надобно имѣть министровъ, инженеровъ,
Строителей, врачей и сладостныхъ пѣвцовъ,
Хозяйственныхъ наукъ ученыхъ мудрецовъ.
А громъ войны довольно ужъ гремѣлъ...

Надо замѣтить, что „Духъ Журналовъ", подобно „Сѣверному Вѣстнику", вообще смотрѣлъ на войну, какъ на явленіе отрицательное и нежелательное. Еще въ 1815 г., еще до окончанія Вѣнскаго конгресса, онъ ласкалъ себя мечтой о „вѣчномъ мирѣ", хотя и полагалъ, что идея такого мира едва ли на землѣ осуществима. Онъ говорилъ: „Мысль о *вѣчномъ мирѣ* въ семъ подлунномъ бытіи нашемъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, въ область мечты; но и мечта такая прелестна, восхитительна". Но,— продолжалъ онъ,—если не возможенъ миръ вѣчный, то по крайней мѣрѣ возможенъ миръ *продолжительный*. И „Духъ Журналовъ" какъ бы проситъ конгрессъ позаботиться о таковомъ мирѣ и установить „союзъ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ которомъ бы всѣ взаимные раздоры и несогласія рѣшались не оружіемъ, но приговоромъ Верховнаго Совѣта, составленнаго изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ государствъ, въономъ союзѣ участвующихъ". Высказавъ эту мысль, напоминающую Гаагскую конференцію нашего времени, журналъ восклицаетъ: „О, если бы мысль сію произвели въ дѣйство высокіе монархи, представители народовъ, собравшіеся нынѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ. *Теперь!* или *никогда*: *теперь* самый удобный случай составить такой всеобщій союзъ государствъ и ввести всеобщее народное право. Тогда бы Вѣнскій конгрессъ былъ счастливѣйшею эпохою въ исторіи человѣчества" (№ 11).

Остановимся еще на статьѣ: „Геній девятнадцатаго вѣка“, помѣщенной въ № 32 „Духа Журналовъ“ за 1819 г. Статья эта представляетъ собою любопытную характеристику вѣка XVIII-го и начала вѣка XIX. Выпишемъ ее почти всю.

„Я (т.-е вѣкъ XIX-й) родился отъ знаменитѣйшей въ свѣтѣ фамиліи... Но ни одинъ изъ моихъ предковъ не прославился столько ни великими подвигами, ни бо̀льшими еще бѣдствіями, какъ отецъ мой (т.-е. вѣкъ XVIII-й). Онъ, пламенѣя ревностью превзойти своихъ предшественниковъ, стяжалъ всѣ вѣнцы славы—на поприщѣ воинскомъ и гражданскомъ, въ храмѣ наукъ и художествъ, въ обществахъ свѣтскости, роскоши, вкуса. Счастливъ былъ бы онъ, если бы съ такими богатыми качествами соединялъ благочестіе и добрые нравы! Но врожденная пылкость характера увлекла его во всемъ за границы умѣренности. Рѣки крови пролились въ удовлетвореніе его честолюбія... Но не войны только были причиною сихъ бѣдствій: гораздо болѣе вреда сдѣлали пагубныя, всеразрушительныя правила. Отецъ мой, любя все блистательное, окружилъ себя людьми отличныхъ дарованій, но незрѣлаго ума и развращенныхъ нравовъ. Скоро удалось имъ совратить отца моего съ пути благочестія, въ правилахъ котораго онъ былъ воспитанъ. Твердя безпрестанно о терпимости вѣръ, они научили его безвѣрію; прославляя свободу мыслей, поселили въ немъ вольнодумство; насмѣхаясь надъ строгостію старинныхъ нравовъ, влили въ него ядъ распутства; разлагая составъ гражданскихъ обществъ на первыя начала, разорвали узы всякаго повиновенія и открыли врата безначалію и необузданности“...

„Я содрогнулся, увидя бездну, разверстую моимъ родителемъ и готовую пожрать меня такъ же, какъ и его,—и съ ужасомъ отступилъ вспять. Желая привести все въ порядокъ, я счелъ за лучшее выбрать совсѣмъ противную дорогу, нежели по которой шелъ отецъ мой. Народы отреклись отъ всякаго повиновенія властямъ: я наложилъ на-нихъ желѣзный скипетръ самовластія—и они смирились. Умы всѣхъ обуяла мечта вольности и равенства: я оковалъ ихъ цѣпьми рабства — и они, какъ подлыя пресмыкающіяся, ползали у подножія моего престола. Просвѣщеніе, въ зло употребленное, воспламенило всеобщій пожаръ: я рѣшился погасить свѣтильникъ ума и погрузить человѣчество во тьму невѣжества, чтобы оно слѣпо и покорно носило свои оковы. Народы исторгли скипетръ у царей; сами хотѣли властвовать; отсюда безначаліе, необузданность, междоусобія и ве-

личайшія бѣдствія въ продолженіе около 30 лѣтъ. Я заключилъ, что народы рождены только повиноваться, и, поправъ всѣ ихъ права, поставилъ тронъ самовластія и повергъ трепетные народы къ стопамъ деспота. Я наслѣдовалъ отъ отца моего страсть къ завоеваніямъ — и рѣшился распространить свое владычество. Планы мои были гигантскіе: вселенная казалась тѣсна моему властолюбію. Уже народы одинъ за другимъ падали къ стопамъ моимъ, престолы ниспровергались и возносились по моему мановенію... какъ Провидѣнію угодно было смирить мое высокомѣріе, народамъ послать избавителя, а мнѣ — ангела хранителя".

„Небесный посланникъ—геній миротворецъ! переломилъ желѣзный скипетръ моего тиранскаго владычества и даровалъ миръ вселенной: *Божеству возстановилъ алтари, царямъ возвратилъ престолы, народамъ—права ихъ*... *) Отъ шума оружій обратилъ народы къ мирнымъ упражненіямъ, отверзъ храмы наукъ, искусствамъ опредѣлилъ награды... ободрилъ промышленность, отворилъ врата торговлѣ и связалъ царей и народы узами *Священнаго союза*".

„Не довольствуясь благотворить настоящія поколѣнія, онъ возжелалъ и отдаленнѣйшихъ потомковъ сдѣлать участниками своихъ благодѣяній. Утвердивъ воспитаніе на основаніи вѣры и нравственности, повелѣлъ сѣять слово Божіе по всей нивѣ Господнѣ отъ конецъ до конецъ земли: да юное потомство возрастаетъ въ благочестіи и добрыхъ нравахъ"...

Кто былъ авторомъ этой статьи, мы не знаемъ; но знаемъ, что, вопреки утвержденію Пятковскаго, будто такія статьи, гдѣ говорилось, что „не въ конституціяхъ благо народа", что имѣетъ значеніе и этическое его воспитаніе, печатались Яценковымъ лишь въ послѣдніе годы существованія его журнала, подъ вліяніемъ столкновеній съ цензурой и изъ желанія загладить дурное на нее впечатлѣніе [146]),—вопреки этому утвержденію подобныя статьи встрѣчаются даже и въ самыхъ первыхъ номерахъ „Духа Журналовъ". Такъ, напримѣръ, въ № 9 за 1815 годъ есть статья: „О религіи въ отношеніи къ гражданскимъ обществамъ", гдѣ основною мыслью служатъ слова Платона: „Легче построить городъ на воздухѣ, нежели основать гражданское общество безъ религіи". Въ этой статьѣ между прочимъ говорится: „Правда, хорошія государственныя постановленія могутъ увеличить число людей добродѣтельныхъ, но для всѣхъ вообще необходимо нужно, чтобы правила вѣры,

---

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

страхъ и надежды, ею внушаемыя, подкрѣпляли законы и усиливали въ сердцѣ нашемъ то внутреннее чувство, которое научаетъ насъ различать добро отъ зла, справедливое отъ несправедливаго".

Вообще, перечитывая литературныя произведенія Александровской эпохи, мы вынесли твердое убѣжденіе, что многіе наши новѣйшіе критики даютъ литературнымъ явленіямъ далеко не всегда вѣрную окраску, выдвигая то, что имъ по вкусу, и умалчивая о томъ, что имъ непріятно.

Въ 1818 г. „Духъ Журналовъ", печатая варшавскую рѣчь государя, почти сейчасъ же за нею помѣстилъ и „Отрывокъ изъ сочиненія г. Сталь подъ заглавіемъ: Considérations sur les principaux évenements de la révolution française. Начало его такое: „Подробное описаніе всѣхъ злодѣйствъ и убійствъ, послѣдовавшихъ въ сіи бѣдственные дни, только возмущаетъ духъ, но не дѣлаетъ пищи уму. Ограничу себя повѣствованіемъ того, чему я была свидѣтельницею". И далѣе описываются ужасы революціи и невѣжество толпы, при чемъ авторъ заявляетъ, что „страшно было смотрѣть на кровяные глаза сихъ лютыхъ извергов".

Вѣрнѣе, слѣдовательно, заключить, что „Духъ Журналовъ", изданіе безспорно либеральное, давалъ у себя мѣсто и тѣмъ статьямъ, гдѣ извѣстное историческое явленіе разсматривалось не съ политической, а съ этической точки зрѣнія. Попытка соединить эти обѣ точки и отразилась въ статьѣ: „Геній девятнадцатаго вѣка".

Въ заключеніе скажемъ, что подобно тому, какъ Глинка велъ лѣтопись русской славы, Яценковъ велъ „лѣтопись добродѣтели", и не въ послѣдніе годы журналы: такой лѣтописи отведено большое мѣсто въ „Духѣ Журналовъ" за 1817 г.

Симбирскій Фотій, обнаруженный „Сѣверною Почтою".

Въ 1820 г. реакція настолько была уже сильна, что „Духъ Журналовъ", какъ изданіе либеральное, былъ запрещенъ.

Въ № 33 „Сѣверной Почты" за 1818 г. есть весьма интересный фактъ, указывающій, что въ реакціи послѣднихъ лѣтъ царствованія императора Александра I участіе принимали не только тѣ лица, которыхъ знаетъ исторія, но и многіе другіе люди, имена которыхъ такъ и остались неизвѣстными. Мы знаемъ, напримѣръ, архимандрита Фотія; но онъ былъ не единственнымъ въ своемъ родѣ: подобный же дѣятель проживалъ тогда въ Симбирскѣ и былъ членомъ Комитета Симбирскаго отдѣленія Библейскаго Общества. Онъ ходилъ по книжнымъ лавкамъ и скупалъ, съ цѣлію

истребить, тѣ книги, которыя находилъ зловредными. Но, собравъ достаточно матеріала для задуманнаго ауто-да-фе, онъ почему-то не рѣшился исполнить его самъ, а передалъ свое собраніе для истребленія Симбирскому комитету. Послѣдній, затрудняясь, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ, отправилъ дѣло въ центральное учрежденіе, т.-е. въ Россійское Библейское Общество въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ письмомъ члена-ревнителя и со спискомъ представленныхъ имъ книгъ и рукописей. Въ письмѣ этомъ Симбирскій Фотій (настоящее имя не указано) жаловался, что даже въ провинціи книжныя лавки и бо̀льшая часть библіотекъ публичныхъ и частныхъ „наводнены безбожными книгами", говорилъ, что „обязанность каждаго истиннаго члена Библейскаго Общества есть, исторгая всѣми способами изъ обращенія сіи ядовитыя стрѣлы діавола, истреблять ихъ".

Въ представленномъ спискѣ значились слѣдующія сочиненія: „Черный Иванъ, или Нелюдимъ", „Принцесса Вавилонская", Разсужденіе о неравенствѣ между людьми", „Повѣсть о двухъ туркахъ", „Кандидъ, или оптимизмъ", „Задигъ, или судьба" (вост. пов.), „Человѣкъ въ сорокъ талеровъ", „Философическія рѣчи о человѣкѣ", „Тактика Вольтера", „Здравое разсужденіе Гельвеція", „Критическія письма", „Исповѣданіе вѣры", „Общественная система", „Система природы"; сверхъ того — рукописи: „Сокращенное ученіе нравственныхъ философовъ", „Бѣлый быкъ", „Естественный законъ" (поэма въ 4 ч.), „Поэма на разрушеніе Лиссабона", „Энни, или мудрецъ и атеистъ", „Посланіе къ слугамъ моимъ" (Фонвизина), „Библіотека здраваго разсудка".

Князь Голицынъ огласилъ въ „Сѣверной Почтѣ" присланное ему письмо и тутъ же отвѣчалъ, что у Библейскаго Общества есть свое дѣло: распространять слово Божіе; а истреблять противухристіанскія книги оно на себя не беретъ; что членъ, купившій такія книги, есть ихъ собственникъ, и ему не возбраняется истребить ихъ. Но вмѣстѣ съ отвѣтомъ своимъ Голицынъ напечаталъ и упомянутый списокъ, чтобы объ указанныхъ въ немъ книгахъ „всѣ благомыслящіе знали—и сами остерегались, и дѣтей остерегали". И къ этому прибавилъ: „Я же съ моей стороны, не только какъ президентъ Россійскаго Библейскаго Общества и министръ Духовныхъ Дѣлъ и министерства народнаго просвѣщенія, но и лично, какъ частный человѣкъ, любящій отечество свое, желаю искренно, дабы сей случай произвелъ впечатлѣніе и привелъ къ размышленію, гдѣ и въ какихъ книгахъ искать истины".

Редакція ко всему этому присоединила и свой голосъ:

„Издатели Сѣверной Почты съ своей стороны полагаютъ, что неизвѣстный членъ Симбирскаго отдѣленія, видно, рѣдко удостоивалъ вниманія своего тѣ статьи журналовъ и газетъ, въ Петербургѣ и Москвѣ издаваемыхъ, кои касаются до Библейскихъ Обществъ и цѣли ихъ учрежденія. Во всѣхъ тѣхъ статьяхъ неоднократно было повторяемо, что дѣло Б. Обществъ состоитъ въ умноженіи числа экземпляровъ Ветхаго и Новаго Завѣта и о доставленіи оныхъ желающимъ по дешевой цѣнѣ, а бѣднымъ и безденежно; что никакихъ Общество не издаетъ поясненій и ни мало ни въ какія истолкованія не входитъ; слѣдовательно, тѣмъ менѣе оно мѣшается въ цензуру или — отъ чего Боже избави — въ приговоръ къ сожженію какихъ-либо книгъ. Впрочемъ, неизвѣстный членъ Симбирскаго отдѣленія напоминаетъ намъ невольно о духѣ того времени, которое давно уже позабыто, и въ которое въ Европѣ не токмо многія книги, яко вредная пища ума, но и составлявшіе и вкушавшіе оную были предаваемы огню. Духъ того времени не имѣлъ однакожъ нигдѣ въ достиженіи цѣли своей успѣха, а напротивъ, истребляя со плевелами и пшеницу, препятствовалъ распространяться свѣту. Костры, тогда пылавшіе, смраднымъ пламенемъ своимъ едва и совершенно не погасили искры народнаго просвѣщенія и, безъ сумнѣнія, много способствовали послѣдовавшему потомъ невѣрію и разврату. Да и могло ли сіе инако быть?“

Теперь читатель, можетъ быть, ожидаетъ общихъ выводовъ. Но дѣлать ихъ только изъ очерка журналовъ не достаточно: надо имѣть въ виду и другихъ разсмотрѣнныхъ дѣятелей Александровской эпохи. А такая работа предстоитъ намъ еще впереди.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) См. выпускъ IV-й, 53.

[2]) Пильпай—древній индійскій браминъ. Подъ именемъ его извѣстны сборники остроумныхъ басенъ: „Панча-дантра“ и „Гитопадеза“. Онѣ писаны на санскритскомъ языкѣ; потомъ переведены на пельвійскій яз. въ VI в. по Р. Х.. наконецъ на арабскій, еврейскій и латинскій. Есть и французскіе переводы Галлана и Дюбуа. На русскій яз. басни Пильпая переведены Борисомъ Волковымъ въ 1762 г.

[3]) „Семейная хроника и воспоминанія“, стр. 582 (изд. 1870 г. Москва).

[4]) Академическое изд. сочиненій Державина, III, 520.

[5]) См. въ августовской книгѣ „Журнала Министерства Нар. Просвѣщенія“ за 1895 г. статью Н. Аммона о Крыловѣ.

[6]) Сочиненія Бѣлинскаго, IV, 92 (изд. 1859 г.).

[7]) Тамъ же, VIII, 133 (изд. 1881 г.).

[8]) Тамъ же, IX, 79 (изд. 1860 г.).

[9]) „Русскій Вѣстникъ“. май 1889 г., статья Л. Майкова: „Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ“, стр. 125.

[10]) „Историческій Вѣстникъ“ 1894 г., № 11, статья Лященко: „Біографія И. А. Крылова“.

[11]) „Одесскія Новости“, № отъ 31 декабря за 1894 г.

[12]) Тамъ же.

[13]) VI-й томъ „Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи рус. яз. и словесности Импер. Акад. Наукъ“, стр. 292 (изд. 1869 г.). Весь этотъ томъ посвященъ Крылову: въ немъ помѣщены 1) статьи о Крыловѣ академиковъ Грота, Никитенко, Срезневскаго, Бычкова, слово преосв. Макарія, 2) приложенія (неизд. соч. Крылова, примѣчанія къ его баснямъ Кеневича, матеріалы для его біографіи и пр.).

[14]) Отрывки изъ нея см. въ I-мъ выпускѣ, стр. 7—8.

[15]) Согласно аттестату объ отставкѣ Крылова въ 1810 г. (см. VI-й т. Сборника II-го Отдѣленія Акад. Наукъ, стр. 296).

[16]) „Русскій Вѣстникъ“, 131 (см. выше примѣч. 9-е).

[17]) Помѣщено въ статьѣ Л. Майкова („Рус. Вѣстн.“ 1889 г. май).

[18]) У Плетнева, въ его статьѣ: „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“. (См. „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева“, т. II. Спб. 1885 г. изд. Я. Грота, по поруч. Акад. Н.). Эта же ст. Плетнева помѣщена и при собр. соч. Крылова, изд. Юнгмейстеромъ. О достаточной степени образованности Кры-

лова говоритъ и П. Драгановъ, въ статьѣ: „Международное значеніе Крылова" (Журн. Мин. Нар. Пр. 1895 г., № 7, стр. 90).

[19]) Воспоминанія Вигеля, I, 144.

[20]) „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева", II, стр. 3.

[21]) Я. К. Гротъ, съ ссылкою на разсказъ тверского старожила, помѣщенный въ „Сѣверной Пчелѣ" 1864 г., № 292 (см. VI-й т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н., стр. 11).

[22]) „Историческій Вѣстникъ" 1894 г., № 11, стр. 504. Лященко предполагаетъ временную отлучку Крылова изъ Петербурга, вѣроятно, на основаніи того, что сказано на 299 стр. (второго счета) въ VI-мъ т. академ. „Сборника".

[23]) Вся опера напечатана въ VI-мъ т. Сборника II-го Отд. Ак. Наукъ. Но напечатана она далеко не вездѣ согласно съ рукописью: профес. Кирпичниковъ, занимавшійся провѣркой, отмѣтилъ много отступленій (см. статью его въ „Починѣ" на 1895 г.) Приведемъ хоть одинъ примѣръ.

Въ академ. „Сборникѣ":	Въ рукописи (хран. въ Имп. Публ. Библ.).
Д. I, явл. 2.	
Приказч. А! здравствуй Петрушка.	Приказч. А, здравствуй, Петруша.
Петръ. *Здравствуй*, Фролъ Сидоровичъ.	Петръ. *Здорово*, Фролъ Сидоровичъ.

[24]) См. статью Л. Майкова, указанную выше, въ примѣч. 9-мъ.

[25]) Подробнѣе см. въ статьѣ Л. Майкова.

[26]) Всѣ эти предположенія и догадки высказаны Л. Майковымъ.

[27]) „Историческій Вѣстникъ" 1894 г., № 11, стр. 498.

[28]) Въ „Вѣстникѣ Европы" 1868 г., въ майской кн., въ статьѣ: „Крыловъ и Радищевъ".

[29]) См. VI-й т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н., стр. 132—133.

[30]) См. „Историческій Вѣстникъ" 1894 г., № 11, стр. 499.

[31]) VI-й т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н., стр. 113.

[32]) Выписки изъ „Почты духовъ" приводимъ по изд. Юнгмейстера, 1859 года.

[33]) См. выпускъ III, 91, и выпускъ II, 111.

[34]) См. въ IV-мъ выпускѣ статью о восточныхъ повѣстяхъ А. Измайлова и Бенитцкаго.

[35]) VI-й т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н., стр. 8—9. Тутъ кстати замѣтить, что языкъ и сатиръ Крылова далеко не былъ такъ гладокъ, какимъ онъ является въ подновленномъ видѣ въ изданіяхъ 1847 и 1859 г.

[36]) См. выпускъ I, стр. 246—247.

[37]) Слова Кеневича изъ его „Предварительной замѣтки" къ комедіи: „Пирогъ", напечатанной въ VI-мъ т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н.

[38]) Статья Плетнева: „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова".

[39]) Тамъ же.

[40])

И вотъ *багряною рукою*
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ. (Гл. V, строфа XXV).

[41]) Гротъ (VI-й т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н., стр. 13).

[42]) „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова". Гдѣ находится эта статья Плетнева—указано выше, въ примѣчаніи 18-мъ. Кромѣ того, въ большемъ или меньшемъ сокращеніи помѣщена она и при многихъ изданіяхъ басенъ Крылова.

[43]) См. выпускъ III, стр. 106.

[44]) Журналъ: „Образованіе" 1896 г., № 2, статья В. В. Сиповскаго: „Загадочный писатель".

[45]) Гдѣ помѣщена статья Драганова — указано уже въ примѣч. 18-мъ; а статья Нечаева находится тамъ же.

[46]) Относительно принадлежности Крылову б. „Конь и всадникъ" едва ли можетъ быть сомнѣніе (см. „Ист. рус. литературы" Пыпина, IV, 287), такъ какъ б. эта есть въ рукописи Крылова, хранящейся въ Импер. Публ. библіотекѣ (см. статью Кирпичникова въ „Почннѣ" на 1895 г.).

[47]) См. „Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова", составленныя Кеневичемъ (изд. 2-ое полнѣе).

[48]) Вотъ эта эпиграмма Лафонтена, въ которой онъ посмѣялся надъ вдовою стихотворца Коллета, сочинявшей стихи при жизни мужа и прекратившей это занятіе съ его смертью:

Les oracles ont cessé:
Colletet est trepassé,
Des qu'il eut la bouche close
Sa femme ne dit plus rien,
Elle enterra vers et prose
Avec le pauvre chrétien.

[49]) Если предположить, что б. Крылова: „Свинья подъ дубомъ" имѣетъ своимъ источникомъ не Эзопа, а б. Лессинга: „Die Eiche und das Schwein", то и въ этомъ случаѣ большая доля творчества должна быть приписана нашему баснописцу. Вотъ эта басня:

Ein gefrässiges Schwein mästete sich unter einer hohen Eiche mit der herabgefallenen Frucht. Indem es die eine Eichel zerbiss, verschluckte es bereits eine andere mit dem Auge.

„Undankbares Vieh!" rief endlich der Eichbaum herab. „Du nährst dich von meinen Früchten, ohne einen einzigen dankbaren Blick auf mich in die Höhe zu richten".

Das Schwein hielt einen Augenblick inne und grunzte zur Antwort: „Meine dankbaren Blicke sollten nicht aussenbleiben, wenn ich nur wüsste, dass du eine Eichel meinetwegen hättest fallen lassen".

[50]) **Подагра и паукъ** *(б. Тредьяковскаго)*.

Нѣкогда отсталъ паукъ отъ трудовъ и дѣла;
А собрався, вдаль пошелъ, мысль куда велѣла.
Съ нимъ сошлась подагра; купно начала жъ идти,
Чуть-чуть успѣвая слѣдовать за нимъ въ пути.
Въ первый день дорогу тѣ такъ-сякъ совершили,
И въ Препутье-городокъ подъ вечеръ вступили.
Пѣшеходцы оба вознамѣрились искать
Тамъ домовъ пристойныхъ, порознь гдѣ бъ имъ ночь проспать.
У немногихъ въ томъ паукъ стукавшись просился;

Вотъ къ богатому жильцу вскорѣ въ домъ вселился.
Всюду началъ сѣтки растягать онъ тамъ свои;
Но тотчасъ явились, кои щетками слои
Многихъ оныхъ паутинъ часто обметали,
И вездѣ тому ткачу мѣста не давали.
Такъ что хоть безмѣрно много полагалъ труда,
Да ему отъ щетокъ скорая была бѣда.
При обиліи тамъ всемъ, былъ одинъ онъ скуденъ,
Тѣмъ что способъ, гдѣ бъ ему утвердиться, труденъ.
Что жъ вотъ до подагры,—къ нищему насилу та
Въ хижинку впросилась, въ коей смрадъ и духота.
Бѣдности претерпѣвать всѣ тутъ надлежало.
Захотѣвшей же поѣсть, черстваго и мало
Подано ей хлѣба, а и пить дано воды,
И, за пѣшеходны черезъ тотъ цѣлый день труды,
Мѣсто ей отводятъ спать на дощонкахъ голыхъ,
Въ сѣнишкахъ со всѣхъ сторонъ почитай ужъ полыхъ.
Не сказать не можно: нѣжнымъ членамъ все ея
Въ той лачужкѣ было сопротивно для спанья.
Но прекрасное когда, око дней, свѣтило
Златозарно круга зракъ токмо что явило,
То паукъ съ подагрой вмѣстѣ вотъ опять сошлись,
И о всѣхъ несчастьяхъ обстоятельно снеслись.
Прежде разсказалъ паукъ той безгоды ночи:
Перемѣны мѣстъ своихъ; какъ лишился мочи,
Бѣгая повсюду; господинъ сколь тѣхъ палатъ
Чистоту въ нихъ любитъ; а что превесьма богатъ,
То слуги всѣ у него скороспѣшно метки,
И какъ матери одной тѣ по платью дѣтки.
Вопреки, подагра сказываетъ о своемъ
Бѣдствіи великомъ, и что крайно голь гольемъ
Тотъ хозяинъ, гдѣ она ночь ту ночевала;
Да и пятна отъ досокъ на тѣлѣ казала.
Впрочемъ должны были далѣе они брести,
А подагрѣ нужно стало крайній въ ходѣ трудъ нести.
Наконецъ вотъ прибрели въ вечеръ въ городъ славный;
Тамъ подагра ужъ вошла въ домъ богатствомъ главный,
Лишь ее увидѣлъ у себя самъ господинъ,—
Небо! какъ встрѣчаетъ прежде всѣхъ тогда одинъ!
Коль и благосклонно ту воспріемлетъ гостью!
Тотчасъ онъ ей подаетъ подпираться тростью!
А приведъ къ постелѣ, посадилъ на пуховикъ!
До услугъ приставилъ цѣлый къ ней рабовъ онъ ликъ!
Повелѣлъ на столъ накрыть скатерть чисту, гладку!
И поставить пищу ей разнымъ вкусомъ сладку!
Вотъ и пить подноситъ вина добрыя не разъ!
И чего та спроситъ, не былъ ничему отказъ!
Словомъ, роскошей какихъ ни нашелъ свѣтъ новыхъ,
Видѣла подагра всѣ тутъ себѣ въ готовыхъ.

А паукъ въ домъ бѣдный вшедши, довольно плелъ и ткалъ,
И повсюду сѣти по стѣнамъ самъ растыкалъ;
Прилежитъ весьма къ труду и объ немъ радѣетъ;
Порвалось ли что,—опять въ силахъ не слабѣетъ,
Тотчасъ то скрѣпляетъ; не докончено ль что гдѣ,—
Все въ успѣхъ приводитъ, и свершаетъ все вездѣ.
Что обместь вдругъ трудно, паутинъ сколь свилъ и какъ;
Не боясь же никакихъ бѣдъ и щетокъ ввѣки,
Всюду тамъ яицъ наклалъ цѣлые сусѣки.
Долго въ томъ пространствѣ веселъ пребывалъ паукъ;
И подагрѣ также не было въ богатствѣ мукъ.
Свидѣлись между собой, какъ прошло дней много,
Вотъ подагра говоритъ, что ей не убого,
Но преизобильно въ домѣ славномъ пожилось;
А паукъ подагрѣ, что и оному нашлось
Мѣстечко его житью тамъ безъ мѣры сродно,
Гдѣ роскошствовалъ онъ самъ, какъ ему угодно.
Выслушавъ другъ друга, положили межъ собой,
Что какъ имъ случится вмѣстѣ въ путь идти другой,
То чтобъ пауку всегда къ подлымъ уклоняться,
А подагрѣ къ богачамъ въ теремы вселяться.

51) **Левъ, телица, коза и овца** *(б. Тредьяковскаго).*

Въ дружбѣ пребывали: левъ, также и телица,
И овца, еще коза—прыгать мастерица.
Четверымъ всѣмъ купно въ пищу искъ *) попалъ когда,
То на равны части раздѣленъ былъ онъ тогда.
Первая, левъ говоритъ, есть моя особно:
Превосходству моему та должна способно.
И вторую также долженъ взять себѣ здѣсь я:
Сила той предъ вашей удостоилась моя.
Третію себѣ за трудъ требую достойно.
Кто жъ себѣ захочетъ получить четверту часть,
Тотъ въ мою немилость можетъ бѣдственно попасть.
Что безсильному скоту дѣлать надлежало?
Какъ сопротивляться льву? Иль его хоть мало
Раздражить въ то время дерзостно кто бъ захотѣлъ.
Такъ одинъ корыстью всею левъ въ нихъ завладѣлъ.

Левъ, корова, овца и коза *(б. Сумарокова).*

Овца, коза, корова, левъ
Вступили нѣкогда въ торговлю,
А именно — пошли на ловлю.
Единый только львовъ у нихъ ловцовый зѣвъ,
А тѣмъ ловцами быть не очень и способно;

*) Т.-е. то, что сыскано, добыча.

Однако то удобно;
Такъ мелю я, не вѣтръ,
А доказательство сей истины мнѣ Федръ.
Къ торговлѣ приступили,
Въ лѣсахъ оленя подцѣпили,
Хотя они лѣсовъ не откупили;
Львы съ роду ничего на откупъ не берутъ,
И кожи со звѣрей безпошлинно дерутъ;
Но дѣло не о томъ, пора дѣлити звѣря:
На равны жеребья измѣря,
Левъ
Разинулъ зѣвъ
И сталъ вѣщати имъ, а я скажу вамъ, како.
Тако:
Вы знаете, что левъ есмь азъ
И лучше васъ;
Вы знаете, что силъ я больше васъ имѣю;
Вы знаете, что я у васъ отняти смѣю,
И сверхъ того еще съ васъ кожи драть умѣю:
Понятно ль это вамъ?
Они сказали всѣ: понятно это намъ—
Имѣешь ты четыре власти,
Такъ долженъ получить четыре ты и части.

Дѣлежъ львиный (*б. Хемницера*).

Оселъ съ овцой, съ коровой и съ козой
Когда-то въ пайщики вступили
И льва съ собою пригласили
На договоръ такой:
Что если звѣрь какой
На чьей-нибудь землѣ въ тенета попадется
И звѣря этого удастся изловить,
То бъ въ случаѣ такомъ добычу раздѣлить
По равной части всѣмъ, кому что доведется.
Случись,
Олень къ козѣ въ тенета попадись.
Тотчасъ другъ другу повѣстили,
И вмѣстѣ всѣ оленя задушили.
Дошло до дѣлежа. Левъ тотчасъ говоритъ:
„Одна тутъ часть моя, и мнѣ принадлежитъ
Затѣмъ, что договоръ такой мы положили".—
„Объ этомъ слова нѣтъ".—„Другая часть моя
Затѣмъ, что я
Львомъ называюсь
И первымъ между васъ считаюсь".—
„Пускай и то!"—„И третья часть моя
По праву: кто кого храбрѣе;
Еще четверту часть беру себѣ же я

По праву: кто кого сильнѣе;
А за послѣднюю лишь только кто примись,
То тутъ же и простись".

[52]). Воронъ и лисица (*б. Тредьяковскаго*).

Нѣгдѣ ворону унесть сыра часть случилось;
На дерево съ тѣмъ взлетѣлъ, кое полюбилось.
Онаго лисицѣ захотѣлось вотъ поѣсть;
Для того, домочься бъ, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвѣтъ почтивши,
И его вѣщбу еще также похваливши,
Прямо, говорила, птицею почту тебя
Зевсовою впредки, буде гласъ твой для себя
И услышу пѣснь добротъ всѣхъ твоихъ достойну.
Воронъ, похвалой надменъ, мня себя пристойну,
Началъ, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтобъ похвалъ послѣдню получить себѣ печать.
Но тѣмъ самымъ изъ его носа растворенна
Выпалъ на землю тотъ сыръ. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говоритъ тому на смѣхъ:
Всѣмъ ты добръ, мой воронъ: только ты—безъ сердца мѣхъ.

Ворона и лиса (*б. Сумарокова*).

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кусъ когда-то унесла
И на дубъ сѣла,
Да только лишь еще ни крошечки не ѣла.
Увидѣла лиса во рту у ней кусокъ,
И захотѣлось ей воронѣ дать урокъ.
Хотя туда не вспрянетъ,
Кусочекъ хитростью достанетъ,
Хотя какъ дубъ и ни высокъ.
„Здорово!" говоритъ лисица.
„Дружокъ! воронушка! названная сестрица!
Прекрасная ты птица:
Какія ноженьки! какой носокъ!
И можно то сказать тебѣ безъ лицемѣрья,
Что несказанно ты, мой свѣтикъ, хороша.
И попугай ничто передъ тобой, душа!
Прелестнѣе сто разъ твои, дружочекъ, перья!
Я правду говорю! тутъ слова лести нѣтъ!
О, если бы еще умѣла ты и пѣть,
То не было бъ тебѣ подобной птицы въ мірѣ!"
Ворона горлышко разинула пошире;
Быть хочетъ соловьемъ,
„А сыру", думаетъ, „и послѣ я поѣмъ!
Теперь же дѣло не о пирѣ".
Разинула уста,

И видитъ чуть конецъ лисицына хвоста.
Хотѣла пѣть — не пѣла,
Хотѣла ѣсть — не ѣла;
Причина та тому, что сыру больше нѣтъ:
Лесть выманила сыръ лисицѣ на обѣдъ.

[53]) Le lion et le moucheron *(б. Лафонтена).*

Va-t'en, chétif insecte, excrément de la terre!
C'est en ces mots que le lion
Parlait un jour au moucheron.
L'autre lui déclara la guerre.
Penses-tu, lui dit-il, que ton titre de roi
Me fasse peur ni me soucie?
Un boeuf est plus puissant que toi;
Je le mène à ma fantaisie.
A peine il achevait ces mots,
Que lui-même il sonna la charge,
Fut le trompette et le héros.
Dans l'abord il se met au large,
Puis prend son temps, fond sur le cou
Du lion, qu'il rend presque fou.
Le quadrupède écume, et son oeil étincelle;
Il rugit. On se cache, on tremble à l'environ:
Et cette alarme universelle
Est l'ouvrage d'un moucheron.
Un avorton de mouche en cent lieux le harcelle;
Tantôt pique l'échine, et tantôt le museau,
Tantôt entre au fand du naseau.
La rage alors se trouve à son faîte montée.
L'invisible ennemi triomphe et rit de voir
Qu'il n'est griffe ni dent en la bête irritée
Qui de la mettre en sang ne fasse son devoir.
Le malheureux lion se déchire lui-même,
Fait résonner sa queue à l'entour de ses flancs,
Bat l'air, qui n'en peut mais; et sa fureur extrême
Le fatigue, l'abat: le voilà sur les dents.
L'insecte du combat se retire avec gloire:
Comme il sonna la charge il sonne la victoire,
Va partout l'annoncer, et rencontre en chemin
L'embuscade d'une araignée:
Il y rencontre aussi sa fin.

Quelle chose par là nous peut être enseignée?
J'en vois deux, dont l'une est qu'entre nos ennemis
Les plus à craindre sont souvent les plus petits;
L'autre, qu'aux grands périls tel a pu se soustraire,
Qui périt pour la moindre affaire.

Левъ и комаръ *(б. Дмитріева).*

„Прочь ты, подлѣйшій гадъ, навоза порожденье!“
Левъ гордый комару сказалъ.
— Потише! отвѣчалъ комаръ ему: я малъ,
Но самъ не меньше гордъ, и не снесу презрѣнье!
Ты — царь звѣрей,
Согласенъ;
Но мнѣ ни мало не ужасенъ.
Я и быкомъ верчу, а онъ тебя сильнѣй. —
Сказалъ и, ставъ трубачъ, жужжитъ повѣстку къ бою;
Потомъ съ размашкою, приличною герою,
Встряхнулся, полетѣлъ, и въ шею льву впился:
У льва глазъ кровью налился;
Изъ пасти пѣна бьетъ; зубами онъ скрежещетъ,
Реветъ, и все вокругъ уходитъ и трепещетъ!
Отъ комара всеобщій страхъ!
Онъ въ тысячи мѣстахъ,
И въ шею, и въ бока, и въ брюхо льва кусаетъ,
И даже въ глубь ноздри влетаетъ!
Тогда несчастный левъ, въ страданьи выше силъ,
Какъ бѣшеный, вкругъ чреслъ хвостомъ своимъ забилъ
И началъ грызть себя; потомъ... лишившись мочи,
Упалъ, и грозныя навѣкъ смыкаетъ очи.
Крылатый богатырь тутъ пуще зажужжалъ,
И всюду разглашать о подвигахъ помчался;
Но скоро самъ попалъ
Въ засаду къ пауку и съ жизнію разстался.
Увы! въ юдоли слезъ невѣренъ каждый шагъ;
Отъ злобы, отъ бѣды когда и гдѣ въ покоѣ?
Опасенъ крупный врагъ,
А мелкій часто вдвое.

[54]) Объ источникахъ этихъ басенъ см. въ „Примѣчаніяхъ“ Кеневича, гдѣ не рѣдко приводятся и самые источники.

[55]) См. „Примѣчанія“ Кеневича къ баснямъ Крылова.

[56]) „Починъ“ на 1895 годъ.

[57]) Въ статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность“.

[58]) Журналъ Мин. Нар. Пр. 1895 г., № 7, стр. 89.

[59]) См. выпускъ II, стр. 124.

[60]) См. выше, стр. 29—30 и 62.

[61]) Журналъ Мин. Нар. Пр. [illegible] г., [illegible] ст. [illegible] „[illegible]ная правда и теоретическія взгляды въ басняхъ Крылова“.

[62]) См. выше, стр. 30 — 33.

[63]) Примѣчаніе Кеневича къ б. „Воспитаніе льва“. Кеневичъ приводитъ слова Вигеля по рукоп. Имп. публ. библ. (ч. II, стр. 11 и 27).

[64]) См. выпускъ II, стр. 1 (Лагарпъ, какъ воспитатель императора Александра).

[65]) Тамъ же, стр. 3.

66) „Починъ" на 1895 годъ.
67) Примѣчанія" Кеневича.
68) „Журналъ Мин. Нар. Пр." [redacted] стр. 277.
69) См. выше, стр. 35—36.
70) В. Острогорскій („Міръ Божій", 1894 г., ноябрь).
71) Галаховъ („Истор. русск. словесности").
72) „Русская Школа" (1894 г., ноябрь).
73) Въ статьѣ: „Объ отношеніи Крылова къ наукѣ. Докладъ, читанный 17 марта въ засѣданіи Нео-Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ" („Журн. Мин. Нар. Пр.", 1895 г., № 7).
74) Пользуемся вторымъ ея изданіемъ (Москва, 1901 г.). Мы съ полнымъ убѣжденіемъ указываемъ на книгу Чичерина, какъ на такую, которую слѣдуетъ прочесть всякому образованному человѣку, интересующемуся вопросами высшаго порядка.
75) „Наука и религія", предисловіе, стр. VIII, IX и VI-я.
76) „Идеалы человѣчества", стр. 35.
77) „Наука и религія", глава: „Идея Бога", стр. 99.
78) Объ отвѣтственности, см. тамъ же, въ главѣ: „Безсмертіе души", стр. 162.
79) Тамъ же, предисловіе, стр. V-я.
80) „Образованіе", 1896 г., № 2.
81) Въ стихотвореніи: „Муза Талія", относящемся къ 1830 г. Стихотвореніе это авторъ, одѣтый въ костюмъ музы Таліи, произнесъ на маскарадѣ у в. кн. Елены Павловны, обратившись къ ихъ императорскимъ величествамъ.
82) „Крыловъ и его басни". Кіевъ, 1895 г. (небольшая брошюрка).
83) Статья акад. Никитенко: „О басняхъ Крылова въ художественномъ отношеніи" (VI-й т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н.).
84) См. „Наука и религія" Б. Чичерина.
85) „Журн. Мин. Нар. Пр.", 1895 г., № 7, стр. 109.
86) См. примѣчаніе 83-е.
87) Въ статьѣ: „Въ чемъ же наконецъ существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность".
88) Тамъ же.
89) См. примѣчаніе 82-е.
90) „Чтеніе о языкѣ Крылова" академика Измаила Ив. Срезневскаго (VI-й т. Сборн. II-го Отд. Ак. Н.).

Вотъ элементы чисто народной струи въ языкѣ басенъ Крылова:

I. Со стороны лексической.

Въ басняхъ Крылова мы встрѣчаемъ богатый подборъ словъ чисто народныхъ. Напримѣръ:

1) Имена существительныя:

Батракъ — крестьянинъ, нанявшійся въ работу къ другому крестьянину.

Старикъ крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой, въ деревню, съ сѣнокосу (*Крестьян. и работн.*).

Разносолъ — различныя приправы къ кушаньямъ; разнообразіе блюдъ.

Въ деревнѣ что за **разносолъ** (*Три мужика*).

Вѣщунья — предвѣстница. Такъ называютъ въ народѣ ворону.

„Мнѣ что до этого за дѣло?"
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: „Я здѣсь останусь смѣло" (*Вор. и кур.*).

Хохлаточка — народное названіе курицы.

„Прощай, **хохлаточка**, счастливый путь!" (*Ворона и кур.*).

Поживки — мелкія выгоды.

Ворона подлинно осталась;
Но вмѣсто всѣхъ **поживокъ** ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась (*Ворона и кур.*).

Свѣтъ — какъ народное ласкательное слово, особенно въ обращеніяхъ.

„Да полно, знаешь ли ты эту, **свѣтъ**, работу?"
Сталъ щукѣ Васька говорить (*Щука и котъ*).

и проч., и проч.

2) Имена прилагательныя притяжательныя, которыми Крыловъ пользуется свободно; напр. *сырный, вѣщуньинъ, лисицынъ, мушиный* и др.

Вдругъ **сырный** духъ лису остановилъ (*Вор. и лис.*).
Вѣщуньина съ похвалъ вскружилась голова (*Тамъ же*).
И на привѣтливы **лисицыны** слова
Ворона каркнула во все воронье горло (*Тамъ же*).
Ну жужжать во всю **мушину** мочь (*Муха и дорожн.*).
Одобрили ослы **ослово**
Красно-хитро сплетенно слово (*Парнассъ*).

3) Глаголы чисто народные особенно часто встрѣчаются у Крылова.

Махнуть — въ значеніи: отправиться, при чемъ указывается на быстроту дѣйствія.

Гляди-тка насъ, какъ мы **махнемъ**! (*Обозъ*).

Перевалиться — въ значеніи: перейти на какое-нибудь мѣсто; зайти за какой-нибудь предѣлъ.

Но только подъ гору она **перевалилась**,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась (*Обозъ*).

Отнести — въ значеніи: отрубить.

Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ (*Крест. и работн.*).

Теребить — дергать.

И что за гребешокъ? Не только не **теребитъ**,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ (*Гребень*).

Рядить — въ значеніи: разсуждать.

Пока они судили да **рядили**,
Да войска разводили,
Онъ ни гугу — и щи и кашу, все пріѣлъ (*Три мужика*).

Продрать (глаза) — въ значеніи: открыть.

Свинья, **глаза продравши**, встала (*Свинья подъ дубомъ*).

Поставить — въ значеніи: привести въ извѣстное состояніе.

Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ, его **поставить** хочетъ (*Червон.*).

и проч., и проч.

4) Очень употребительны у Крылова народныя частицы: *чай, де, -тка, -атъ.*

Я *чай,* подумалъ ты, что гору встрѣтилъ? (*Любопытн.*).
И Ваську **де**, не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ (*Котъ и поваръ*).
Гляди-**тка** насъ, какъ мы махнемъ! (*Обозъ*).
Однакожъ мостъ-**атъ** нашъ каковъ (*Лжецъ*).

II. Со стороны грамматическихъ формъ.

Въ отношеніи нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ, языкъ Крылова также сближается съ нашимъ народнымъ языкомъ, а именно:

1) Имена уменьшительныя и ласкательныя въ языкѣ Крылова встрѣчаются такъ же часто, какъ и въ народномъ языкѣ; напримѣръ:

Тронулася **лошадка** съ возомъ въ путь (*Обозъ*).
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль **косточкой**, иль чѣмъ-нибудь (*Вор. и кур.*).
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена! (*Демьян. уха*).
Охъ, мой **голубчикъ-куманекъ**! (*Лисица и сурокъ*).
А смотришь, помаленьку
То **домикъ** выстроитъ, то купитъ **деревеньку** (*Тамъ же*).
И всякій **скворушку** хвалилъ (*Скворецъ*).

2) Имена унизительныя.

„Какой ты злой **гребнишка**!"
Кричитъ **мальчишка** (*Гребень*).
Не женихи, а **женишонки** (*Разборч. невѣста*).

3) Имена увеличительныя.

Послушай-ка, **дружище**!
Ты, сказываютъ, пѣть великій **мастерище** (*Оселъ и солов.*).
Купчина выстроилъ амбары
И въ нихъ поклалъ съѣстные всѣ товары (*Хоз. и мыши*) и др.

4) Увеличительныя и уменьшительныя им. прилагательныя съ народными окончаніями: *-охонекъ, -ошенекъ, -ехонекъ, -ешенекъ, -оватый, -еватый*, а также производимыя отъ нихъ нарѣчія:

Бываютъ и орлы, какъ видно, **плоховаты** (*Вороненокъ*).
Межъ мховъ и кочекъ онъ **тихохонько** подкрался (*Волкъ и мышон.*).
На ту бѣду лиса **близехонько** бѣжала (*Ворона и лис.*) и др.

5) Усиленіе качества выражается иногда у Крылова прибавкою творительнаго падежа.

А я, какъ сирота, **однимъ-одна** сижу (*Кукуш. и горл.*).
Изъ гостей домой
Пришла **свинья-свиньей** (*Свинья*).
Идолъ сталъ **болванъ-болваномъ** (*Оракулъ*).

6) Неопредѣленное наклоненіе на *-чи*:

Бѣда, коль пироги начнетъ **печи** сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ (*Щука и котъ*).
Вотъ волка стали **стеречи** (*Пастухъ*) и др.

7) Народная форма дѣепричастія на *-чи:*

Левъ, когти разминая
И **озираючи** товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ (*Левъ на ловлѣ*).
И, **сберегаючи** хозяйскій домъ,
Здѣсь подъ заборомъ сплю и мокну подъ дождемъ (*Двѣ соб.*).
То волка тутъ властна овца,
Не **разбираючи** лица,
Схватить за шиворотъ, и въ судъ тотчасъ представить (*Волкъ и овцы*) и др.

8) Причастіе прошедшее страдательное употребляется у Крылова также свободно, какъ и въ народномъ языкѣ *).

Та бочка для вина **брана** откупщикомъ (*Бочка*).
Совѣтовъ тысячу **надавано** полезныхъ (*Крест. въ бѣдѣ*) и др.

III. Со стороны синтаксиса.

Синтаксисъ басенъ Крылова особенно богатъ оборотами, свойственными нашему разговорному, чисто русскому языку. Въ этомъ отношеніи мы у Крылова находимъ:

1) Разнообразіе въ употребленіи глагольнаго сказуемаго, а именно:

а) Неопредѣленное н. съ частицею *ну*, для живости разсказа:

Увидѣвши (моська) слона, **ну** на него **метаться**,
И **лаять**, и **визжать**, и **рваться** (*Слонъ и моська*).
Ну въ нихъ (обезьяны въ сѣтяхъ) **кувыркаться**, **кататься**,
И **кутаться**, и **завиваться** (*Обезьяны*).
И **ну топорщиться**, **пыхтѣть** и **надуваться** (*Ляг. и волъ*).

б) Второе лицо ед. ч. въ безличномъ предложеніи **):

А **смотришь**, помаленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку (*Лисица и сур.*).
А **поглядишь**—у самого
Деревня между глазъ сгорѣла (*Три мужика*) и др.

в) Повелительное н. въ смыслѣ сослагательнаго:

Хоть вѣкъ его **не будь**, ничуть не пожалѣю (*Св. подъ дуб.*).
Щепотки волосковъ лиса **не пожалѣй**,
Остался бъ хвостъ у ней (*Лиса*).

г) Наконецъ глагольное сказуемое часто замѣняется у Крылова отглагольными междометіями:

Лѣвѣй, лѣвѣй, и съ возомъ—**бухъ** въ канаву (*Обозъ*).
Что силы есть—**хвать** друга камнемъ въ лобъ (*Пуст. и медв.*).
Подруга каждая тутъ тихо **толкъ** подругу (*Обезьяны*).

---

*) Ср. въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ: „Неладно у апостоловъ **удумано**"

) Ср. народныя пословицы и поговорки, напр.: „Тише **ѣдешь — дальше **будешь**".

Анъ тутъ тихонько шасть
Къ брамину въ келью надзиратель (*Напраслина*).
Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь, разинувъ пасть (*Соб., чел., кошка и сок.*).

2) Встрѣчается согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ въ народномъ духѣ:

Я затяну, а вы не отставай! (*Парнассъ*).
Прощай, хозяйскіе горшки! (*Обозъ*).

3) Опущеніе легко подразумѣваемыхъ словъ, столь свойственное живому, разговорному языку, встрѣчается у Крылова также очень часто:

Зато ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа (*Ляг., прос. царя*).
Сегодня удалось, а завтра — кто порука? (*Плотичка*).
Вотъ невидаль: мышей!
Мы лавливали и ершей (*Щука и котъ и др*).

Независимо отъ всего вышеуказаннаго, въ басняхъ Крылова встрѣчается множество отдѣльныхъ чисто народныхъ выраженій. пословицъ и поговорокъ. Многія изъ нихъ существовали до Крылова и были взяты имъ у народа: но многія даны были имъ народу и вошли съ тѣхъ поръ во всеобщее употребленіе. Не есть ли это лучшее доказательство самаго тѣснаго родства между Крыловымъ и народомъ!

Этотъ элементъ слога басенъ Крылова не только весьма характеренъ, но и настолько цѣненъ для любителя народности, что мы позволяемъ себѣ сдѣлать выписки въ возможно большемъ объемѣ.

I. Народныя выраженія въ басняхъ Крылова.

1. Невѣста-дѣвушка смышляла жениха (*Разборч. невѣста*).
2. Съ двора съ поклономъ проводила (*Тамъ же*).
3. Изъ избы не вынесено сору (*Пуст. и медв.*).
4. Ходенемъ пошло (*Ляг., прос. царя*).
5. Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово (*Откупщ. и сапожн.*).
6. Хлопотъ мартышкѣ полонъ ротъ (*Обезьяна*).
7. Царевича царемъ на выучку поставить (*Воспит. льва*).
8. У льва какъ гору съ плечъ свалило (*Тамъ же*).
9. Повѣсилъ головы совѣтъ (*Тамъ же*).
10. Наторговали денегъ гору (*Раздѣлъ*).
11. Катился градомъ потъ (*Дем. уха*).
12. Не даваясь, будто кладъ (*Тѣнь и челов.*).
13. Разбойникъ мужика, какъ липку, ободралъ (*Кр. и разб.*).
14. Зло большой руки (*Март. и очки*).
15. Съ плечъ бѣда долой (*Кр. и работн.*).
16. Повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу (*Тамъ же*).
17. Рукъ не покладывая, прясть (*Госп. и двѣ сл.*).
18. Нѣтъ угомона на старуху (*Тамъ же*).
19. А Мишенька и ухомъ не ведетъ (*Медв. у пч.*).

20. Подъ собой земли не слышитъ (*Форт. и нищ.*).
21. Сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыплята (*Кук. и горл.*).
22. Богъ посѣтилъ меня (*Два мужика*).
23. Миронъ пошелъ едва не во святыхъ (*Купецъ*).
24. И вышелъ новый чинъ ему, бѣдняжкѣ, сокомъ (*Оселъ*).
25. Смекнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить (*Три муж.*).
26. И рветъ и мечетъ онъ съ досады (*Кр. и собака*).

II. Пословицы и поговорки, заимствованныя Крыловымъ у народа [1]).

1. **Кто въ лѣсъ, кто по дрова** (*Музыканты*).
2. По мнѣ—ужъ лучше **пей, да дѣло разумѣй** (*Тамъ же*).
3. **Въ семьѣ не безъ урода** (*Слонъ на воевод.*).
4. Хоть **видитъ** око, **да зубъ нейметъ** (*Лис. и виногр.*) [2]).
5. Она (**смерть**) у насъ **не за горами, а за плечами** (*Кр. и смерть*).
6. **Какъ** бываетъ **жить ни тошно, а умирать еще тошнѣй** (*Кр. и см.*).
7. Надѣлала синица славы, а моря не зажгла (*Синица*) [3]).
8. **Вору дай хоть** милліонъ—онъ **воровать не перестанетъ** (*Кр. и лис.*) [4]).
9. **Изъ огня онѣ да въ полымя попали** (*Госп. и двѣ служ.*).
10. Въ нуждѣ лишь узнать прямого можно друга (*Соб., чел., кошка и сок.*) [5]).
11. **Ласточка одна не дѣлаетъ весны** (*Мотъ и ласт.*) [6]).
12. **Отъ воронъ** она **отстала, а къ павамъ не пристала** (*Ворона*) [7]).
13. **Ни пава ни ворона** (*Ворона*).
14. **Что ты посѣялъ, то и жни** (*Волкъ и котъ*).
15. **На волка только слава, а ѣстъ овецъ-то Савва** (*Пастухъ*) [8]).
16. **Не плюй въ колодезь:** пригодится воды напиться (*Левъ и мышь*) [9]).

---

[1]) Жирный шрифтъ обозначаетъ подлинныя слова пословицы или поговорки; остальное принадлежитъ Крылову.

[2]) Пословица: „**Глазъ** видитъ, да зубъ нейметъ“ (*сб. Снегир.*).

[3]) Съ этимъ выраженіемъ Крылова Снегиревъ сопоставляетъ народную поговорку: „Синица за море летѣла и море зажигать хотѣла; синица много нашумѣла, да не было изъ шума дѣла“.

[4]) Пословица: „Дай вору хоть **золотую гору**—воровать не перестанетъ“ (*сб. Даля*).

[5]) Переданъ смыслъ пословицъ: „Другъ познается въ несчастіи“, „Безъ бѣды друга не узнаешь“ (*сб. Даля*).

[6]) Въ пословицѣ лишь иное расположеніе словъ: „Одна ласточка весны не дѣлаетъ“ (*сб. Снегир.*).

[7]) Пословица: „Отъ воронъ отсталъ, а къ павамъ не присталъ“ (*сб. Даля*).

[8]) Пословица: „На волка только (**токмо**) слава, а овецъ **таскаетъ** Савва“ (*сб. Снегир.*).

[9]) Пословица: „Не плюй въ **чужой** колодезь: **случится въ немъ воды испить**“ (*сб. Снегир.*), „Не плюй въ колодезь, **Титъ: случится въ немъ воды испить**“ (*сб. Д. К.*).

III. Выраженія Крылова, перешедшія въ народъ и занесенныя въ сборники пословицъ и поговорокъ [1]).

1. Если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста (*Парнассъ*).
2. Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага (*Пуст. и медв.*).
3. У сильнаго всегда безсильный виноватъ (*Волкъ и ягн.*).
4. Ай моська! знать она сильна,
Что лаетъ на слона! (*Слонъ и моська.*).
5. Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ бьютъ (*Вороненокъ*).
6. Надъ хвастунами хоть смѣются,
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются (*Заяцъ на ловлѣ*).
7. Не призирай совѣта ничьего,
Но прежде разсмотри его (*Орелъ и куры*).
8. Что впереди—Богъ вѣсть, а что мое—мое (*Паст. и море*).

Сюда же надо отнести и тѣ выраженія, которыя хотя и не занесены въ сборники, тѣмъ не менѣе срываются съ языка, какъ нѣчто затверженное еще въ дѣтствѣ, какъ нѣчто всѣмъ знакомое и понятное. Таковы, напримѣръ, выраженія:

1. А ларчикъ просто открывался (*Ларчикъ*).
2. Какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь (*Квартетъ*).
3. А Васька слушаетъ да ѣстъ (*Котъ и поваръ*).
4. Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ (*Щука и котъ*).
5. Слона-то я и не примѣтилъ (*Любопытный*) и др.

Замѣчательно также и то, что въ сборникѣ Даля мы находимъ и такія пословицы и поговорки, которыя составлены самимъ народомъ, но на основаніи басенъ Крылова, что уже громко говоритъ о большой популярности произведеній нашего баснописца. Такъ напр. мы находимъ у Даля слѣдующее:

1. „Дай хоть по шкуркѣ съ брата снять"; „И всего-то придется по шкуркѣ съ брата". Очевидно, что обѣ эти пословицы составились на основаніи стиха:

Всего-то придетъ съ нихъ съ сестры по шкуркѣ снять (*Сл. на воевод.*).

2. „Хорошо сказывать сказку про римскій огурецъ"; составлена на основаніи басни Крылова: „Лжецъ".

3. „Поджалъ хвостъ, что волкъ на псарнѣ"; указываетъ на положеніе волка въ баснѣ: „Волкъ на псарнѣ".

4. „Монахъ говоритъ: сатана соблазнилъ (яйцо на свѣчкѣ испечь); а чертъ говоритъ: и самъ впервые вижу"; составлена на основаніи басни: „Напраслина".

5. „Подсидѣлъ у друга муху"; появилась, благодаря знакомству съ басней „Пустынникъ и медвѣдь".

Говоря о связи басенъ Крылова съ народными пословицами, надо за-

---

[1]) Выраженіе 1-ое занесено Снегиревымъ; 2-ое — Далемъ; 3-е — Снегиревымъ; 4-е—Д. К.; 5-ое—Д. К., Снегиревымъ и Далемъ; 6-ое, 7-ое и 8-ое—Д. К. и Снегиревымъ.

мѣтить, что онъ вообще любилъ выражаться въ формѣ и духѣ этихъ народныхъ изреченій. Сколько у него выраженій, по облику и духу до того близкихъ къ пословицамъ, что останавливаешься передъ ними и задаешься вопросомъ: самъ ли это сказалъ Крыловъ, или же взялъ уже готовое народное изреченіе? Таковы напр. слѣдующія выраженія изъ его басенъ:

1. Погода къ осени дождливѣй,
   А люди къ старости болтливѣй (*Плотичка*).
2. Охотно мы даримъ,
   Что намъ ненадобно самимъ (*Волкъ и лисица*).
3. На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
   Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ (*Кр. и рѣка*).
4. Гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры (*Волкъ и волчон*.) и мн. др

---

[91]) См. примѣчаніе 82-е.

[92]) См. примѣчаніе 18-е.

[93]) См. самый конецъ статьи Драганова.

[94]) Данилевскій окончилъ курсъ въ Царскосельскомъ лицеѣ, а затѣмъ 4 года изучалъ естественныя науки въ Петербургскомъ университетѣ, и скоро сдалъ экзаменъ на магистра ботаники.

[95]) Изъ статьи Бестужева-Рюмина: „Теорія культурно-историческихъ типовъ". Статья эта помѣщена, какъ приложеніе къ книгѣ: „Россія и Европа" (изд. 4-ое, Спб. 1889 г.).

[96]) „Россія и Европа", глава XI, въ самомъ началѣ.

[97]) Тамъ же, гл. XVI, стр. 474—475 (изд. 1889 г.).

[98]) Въ „Замѣчаніи на книгу гр. Стройновскаго: «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами»". (Напечатано во 2-ой кн. „Чтеній въ Императ. Об. истор. и древн. россійскихъ" за 1860 г.).

[99]) Выписки изъ „Путешествія" Растопчина приводимъ по тексту, напечатанному въ „Москвитянинѣ" 1849 г., № 1, 10, 13, 15.

[100]) „Россія и Европа", гл. XI, стр. 286.

[101]) Въ статьѣ: „О случаяхъ и характерахъ въ россійской исторіи, которые могутъ быть предметомъ художествъ" (см. вып. II, стр. 127—129).

[102]) Письма гр. Растопчина къ кн. Циціанову помѣщены въ первой части III-го тома „Сочиненій Н. С. Тихонравова" (Москва, 1898 г.).

[103]) „Сочиненія Н. С. Тихонравова", первая ч. III-го тома, стр. 333.

[104]) См. тамъ же, стр. 366, письмо Растопчина къ Цiц. отъ 11-го октября 1804 г.

[105]) „Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ" цитируемъ по изд. Смирдина 1853 г.

[106]) „Сочиненія Н. С. Тихонравова", первая ч. III-го тома, стр. 351.

[107]) „Сочиненія Растопчина", изд. Смирдина, стр. 42.

[108]) Тамъ же, стр. 128.

[109]) Оба письма помѣщены въ изд. Смирдина.

[110]) „Сумбека, или паденіе Казанскаго царства" — трагедія Глинки 1806 г. „Наталья, боярская дочь"—героическая драма его же (тоже 1806 г.).

[111]) „Русскій Вѣстникъ" 1808 г., № 1.

[112]) „Сочиненія Тихонравова", первая ч. III-го тома, „Примѣчанія", стр. 57 (примѣчаніе 60-е).

[113]) См. тамъ же.

[114]) Повѣсть: „Охъ, французы!" цитируемъ по тексту, напечатанному въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1842 г., № 10.

[115]) Въ своей статьѣ: „Правда о пожарѣ Москвы".

[116]) „Историко-литературная христоматія", т. II, стр. 202.

[117]) См. „Исторію русской литературы" Пыпина, т. IV, стр. 306 (изд. 1899 г.).

[118]) См. „Сочин. Н. С. Тихонравова", т. III, ч. первая. Статья о Растопчинѣ не окончена.

[119]) Эти два стиха взяты изъ стихотворенія Державина: „Арфа", написаннаго въ 1798 г. (См. академич. изд. сочин. Державина, т. II, стр. 192).

[120]) См. выше, стр. 131—133.

[121]) Выписки изъ „Русскаго Вѣстника" Глинки приводимъ по экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

[122]) См. журналъ: „Маякъ" 1844 г., томъ XVI-й, гдѣ помѣщена статья Б. Федорова: „Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности С. Н. Глинки".

[123]) См. выше, стр. 83—84.

[124]) См. выше, стр. 128, и вып. IV, стр. 161—162.

[125]) „Маякъ" 1844 г. (см. выше примѣч. 122-е).

[126]) „Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго", т. II, статья: „Сергѣй Николаевичъ Глинка" (изд. 1879 г., стр. 338).

[127]) Т.-е. Б. Федоровъ, статьею котораго, помѣщенной въ вышеупомянутомъ томѣ „Маяка", мы и пользуемся.

[128]) Въ своемъ воспоминаніи о Глинкѣ, стр. 340—341 (см. прим. 126-е).

[129]) См. выпускъ II, стр. 4—5.

[130]) Подробности о столкновеніи Глинки съ цензурой см. у Сухомлинова („Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію", т. I, 430—431) и у Пятковскаго („Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія", ч. II, стр. 62—67, изд. 2-е, Спб. 1888 г.).

[131]) Вотъ помѣщенное у Брусилова перечисленіе журналовъ, выходившихъ въ 1805 году:

Петербургскіе журналы:

1. Технологическій журналъ.
2. Хозяйственный журналъ.
3. Періодическое изданіе с успѣхѣ народнаго просвѣщенія.
4. Журналъ Россійской Академіи.
5. Сѣверный Вѣстникъ.
6. С.-Петербургскій Журналъ.
7. Сѣверный Меркурій.
8. Журналъ для пользы и удовольствія.
9. Журналъ Россійской словесности.

Московскіе журналы:

1. Ученыя Вѣдомости.
2. Вѣстникъ Европы.
3. Другъ просвѣщенія.
4. Новости русской литературы.
5. Политическій журналъ.

6. Московскій курьеръ.

7. Журналъ новостей (на рус. и франц. яз.).

Кромѣ того, въ *Калугѣ* выходилъ ж. Уранія.

[132]) Выписки изъ журнала Брусилова, равно и изъ другихъ, описанныхъ ниже, приводимъ по экземплярамъ Императорской Публичной Библіотеки.

[133]) Въ той же, уже цитированной нами первой статьѣ перваго номера за 1804 г.

[134]) „Изслѣдованія и статьи" Сухомлинова, т. I, стр. 405.

[135]) Тамъ же, стр. 406 — 408.

[136]) См. выпускъ II, стр. 4 — 5.

[137]) См. выше, стр. 165.

[138]) Колбасинъ, помѣстившій большую статью о Мартыновѣ въ „Современникѣ" 1856 г., №№ 3 и 4.

[139]) См. выпускъ II, стр. 7—8.

[140]) Эту цитату, равно какъ и вообще факты для біографіи Мартынова, беремъ изъ вышеупомянутой статьи въ „Современникѣ".

[141]) См. выше примѣчаніе 140-е.

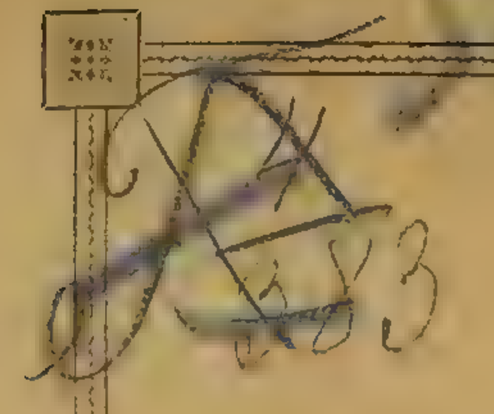
[142]) См. выпускъ IV, стр. 131.

[143]) Изложенныя тутъ дополнительныя свѣдѣнія о „Вольномъ Обществѣ" взяты изъ статьи: „Краткая исторія Общества", открывающей собою „Періодическое изданіе" его на 1804 г.

[144]) „С.-Петербургскій Вѣстникъ" издавался еще въ Екатерининскія времена, когда онъ былъ органомъ полуофиціальнымъ: онъ издавался „съ Высочайшею Ея Императорскаго Величества привилегіею", и въ немъ печатались указы императрицы (см. напр. г. 1778, 1779 и др.). Съ 1804 г. по 1811 этотъ журналъ вовсе не выходилъ. Въ 1812 г. его издавало Вольное Общество 10 мѣсяцевъ, въ ноябрѣ и декабрѣ онъ уже не выходилъ.

[145]) „Сравненіе поселянина о пользѣ фабрикъ и заводовъ съ пользою земледѣлія въ Россіи".

[146]) „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія", ч. II, стр. 201.

П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VI.

X. Князь И. М. Долгорукій и краткій очеркъ журналовъ „служившихъ женщинѣ".— XI. Сатира кн. Горчакова, Милонова, Нахимова, Воейкова.— XII. Трагедіи Озерова и краткій очеркъ другихъ трагедій Александровской эпохи. — XIII. Князь А. А. Шаховской.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина": Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.
1902.

П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VI.

X. Князь И. М. Долгорукій и краткій очеркъ журналовъ, „служившихъ женщинѣ“.— XI. Сатира кн. Горчакова, Милонова, Нахимова, Воейкова.— XII. Трагедіи Озерова и краткій очеркъ другихъ трагедій Александровской эпохи. — XIII. Князь А. А. Шаховской.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“: Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.
1902.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

X. Князь И. М. Долгорукій (1764—1823) и краткій очеркъ журналовъ, „служившихъ женщинѣ“.

Двойной интересъ при изученіи личности князя Долгорукаго. — Краткая біографія князя съ характеристикой его личности, какъ отраженія самыхъ разнообразныхъ теченій его времени.—Его стихотворенія, воспѣвающія любовь и женщинъ, и мода на этотъ видъ поэзіи.—Краткій очеркъ тогдашнихъ журналовъ, „служившихъ женщинѣ“. Свѣтлая сторона поэзіи Долгорукаго.— Его взглядъ на писателя. — Сатирическій элементъ въ его сочиненіяхъ.— Прототипъ Гоголевскаго Кошкарева. — Общій взглядъ на поэзію Долгорукаго. — „Капище моего сердца“. — Слѣды вліянія Руссо.

Въ матеріалѣ для характеристики Александровской эпохи былъ бы значительный пробѣлъ, если бы мы не ознакомили читателя съ интересной личностью своего времени—съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ. Онъ интересенъ, во-первыхъ, какъ такой типъ современной ему эпохи, въ которомъ то скрещивались, то перемежались самыя разнообразныя теченія, часто совершенно противоположныя,—обстоятельство, которое такъ характерно для многихъ лицъ времени, обнимающаго собою конецъ XVIII вѣка и начало XIX-го.

Долгорукій былъ поэтъ. Его біографъ, М. А. Дмитріевъ, говоритъ: „душа поэта—это волны, которыя то кипятъ подъ бурею, то текутъ спокойно; то блещутъ, отражая лучи солнца, то покрываются мракомъ подъ нависшею тучею“ [1]). Положимъ, это

такъ; но въ Долгорукомъ мы замѣчаемъ не только высокую степень впечатлительности и не только то, что называется отзывчивостью поэта, и что Пушкинъ такъ прекрасно охарактеризовалъ въ своемъ стихотвореніи: „Эхо“: мы замѣчаемъ въ немъ и просто ту неустойчивость въ воззрѣніяхъ, которая въ большей или меньшей степени является у многихъ людей, живущихъ въ такое время, когда особенно сильно сталкиваются теченія старыя съ новыми и какъ бы борются одни съ другими. А конецъ XVIII вѣка и начало XIX-го и были такимъ временемъ, когда происходила у насъ сильная борьба между новымъ и старымъ. Иные явились рѣшительными защитниками стараго, иные страстно увлеклись новымъ, а иные были въ какомъ-то колебаніи, становясь то на сторону стараго, то склоняясь къ новому. Изъ людей этой послѣдней категоріи одни были неустойчивы лишь въ молодости, а потомъ выработали себѣ опредѣленный образъ мыслей, какъ, напримѣръ, Карамзинъ; другіе оставались неустойчивыми до конца или почти до конца дней своихъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и князь Долгорукій.

Но такой типъ, какъ Долгорукій, будучи интересенъ для характеристики состава современнаго ему русскаго общества, интересенъ и въ другомъ отношеніи: отражая въ себѣ различныя вѣянія, носившіяся, такъ сказать, въ воздухѣ своего времени, онъ является живою иллюстраціей своей эпохи.

Отсылая читателя за подробностями къ сочиненію Дмитріева [2]), мы изложимъ лишь важнѣйшіе факты изъ жизни этого писателя, и остановимся главнымъ образомъ на характеристикѣ его личности, какъ отраженіи разнообразныхъ теченій того времени.

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій родился въ Москвѣ въ 1764 г. Онъ происходилъ по прямой линіи отъ Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, брата того самаго князя Якова, который „рѣзалъ правду-матку“ Петру въ сенатѣ, и котораго такъ уважалъ великій преобразователь. Родной дѣдъ писателя, князь Иванъ, былъ любимцемъ Петра II, сильно при немъ возвысился, но при Аннѣ Іоанновнѣ былъ сосланъ въ Березовъ, затѣмъ вызванъ оттуда Бирономъ, и казненъ въ Новгородѣ. Его жена, Наталья Борисовна, воспѣтая впослѣдствіи Козловымъ, раздѣляла съ мужемъ ссылку и потомъ постриглась въ монахини въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей. Обо всемъ этомъ упоминаетъ и нашъ поэтъ въ своемъ стихотвореніи, озаглавленномъ: „Я“.

Я—мелкая кроха князей тѣхъ крупныхъ, славныхъ,
Изъ коихъ на Руси одинъ во дняхъ недавныхъ
Великому царю велику правду рекъ.
Не мнѣ чета былъ князь и громкій человѣкъ!
Всю жизнь свою провелъ въ обычаѣ угрюмомъ,
Отечества былъ столпъ, отцу его былъ другомъ.
Внукъ этого—мой дѣдъ—позналъ, какъ говорятъ,
Что вправду близъ царя—близъ смерти всѣ стоятъ.
Монархъ его любилъ, вельможи величали;
Тамъ сосланъ и казненъ—и поминай какъ звали!
Жена его съ нимъ все дѣлила, такъ какъ другъ,
Милѣй самой себя ей былъ ея супругъ;
Лишася въ немъ всего, въ монахиняхъ спасалась,
И, схиму воспріявъ, средь Кіева скончалась.

Семья, въ которой росъ Долгорукій, по всему видимому, была чрезвычайно религіозна—и черта эта стала одной изъ характерныхъ чертъ и самого Долгорукаго, на котораго, помимо семьи, имѣлъ вліяніе и учившій его закону Божію священникъ. Въ той части своихъ записокъ, которая напечатана въ Смирдинскомъ изданіи его сочиненій [3]), Долгорукій говоритъ объ этомъ священникѣ слѣдующее: „Онъ руководствовалъ совѣсть мою и готовилъ меня исподволь къ тѣмъ истинамъ, кои по времени должны были озарить мою душу. Изъ его краткихъ христіанскихъ бесѣдъ учился я съ ребячества распознавать, что грѣхъ и что добро предъ Богомъ“.

Слѣдуя общему обычаю высшаго сословія, отецъ Долгорукаго держалъ въ домѣ и иностранныхъ воспитателей. Объ одномъ изъ нихъ — французѣ Совере—князь всегда вспоминалъ съ чувствомъ благодарности. „По милости его“,—говоритъ Долгорукій въ своемъ сочиненіи: „Капище моего сердца“,—„я выучился по-латыни, что доставило мнѣ способъ чрезвычайно хорошо узнать французскій языкъ, и словомъ—всѣми познаніями, какія я пріобрѣлъ въ юности моей, обязанъ я единственно г-ну Совере, котораго память осталась для меня навсегда почтенна“ [4]).

Знаніе французскаго языка открыло Долгорукому доступъ къ французской литературѣ, и онъ, какъ можно судить по его сочиненіямъ, особенно хорошо ознакомился съ тѣми авторами, которые воспѣвали любовь—и воспѣвали ее нерѣдко, какъ высшее благо жизни. Такъ, напримѣръ, у Колярдо, въ его стихотвореніи: „Элоиза къ Абеляру“, героиня говоритъ:

Любовь не есть порокъ, она лишь добродѣтель;
Виной бываетъ зла, но также благъ содѣтель...
Всю жизнь ей посвятимъ, и ей займемъ все чувство;

Изучимъ мы любви прелестное искусство:
Даръ болѣ нравиться, въ весельяхъ утопать,
И, словомъ, лишь любовь въ любови обрѣтать.
Пускай могущій царь великость повергаетъ,
Съ престола низойдя, мнѣ скипетръ предлагаетъ,
Державой за любовь наградою сулитъ:
Тѣмъ блескомъ онъ меня ни честью не прельститъ и пр.
(*переводъ Озерова*).

Впрочемъ князь и самъ признается, что онъ начитался Дората и именно Colardeau [5]).

Начитанность князя въ этой области, вмѣстѣ съ страстностью его натуры и другими причинами, образовала другую характерную черту его, не имѣющую ничего общаго съ религіозностью: это— его страсть къ ухаживанію за женщинами, при чемъ онъ довольно долгое время держался и очень легкаго взгляда на отношенія къ нимъ, почерпнувъ его, какъ онъ самъ указываетъ въ своемъ „Капищѣ“, „у Мирабо и прочихъ возмутительныхъ писателей того времени во Франціи“ [6]). И странную иногда картину представляла жизнь этого человѣка: по утрамъ онъ читалъ священное писаніе, а по вечерамъ ухаживалъ за женщинами — и далеко не всегда платонически [7]).

Не безъ неустойчивости были и политическія убѣжденія Долгорукаго: въ сочиненіяхъ его мы видимъ то мысли и чувства консерватора, то отголоски либерализма. Послѣдніе впрочемъ проявлялись въ немъ иногда настолько, что даже вызывали недовѣріе къ нему правительства.

Годы съ 1777 по 1780 Долгорукій провелъ, посѣщая лекціи Московскаго университета въ сопровожденіи Совере, который, по возвращеніи домой, вновь истолковывалъ своему питомцу профессорскія лекціи, что, какъ говоритъ князь въ запискахъ, было не лишнимъ, ибо лекціи читались на латинскомъ языкѣ. Симпатичной чертой Долгорукаго было оставшееся въ немъ навсегда благоговѣйное чувство къ воспитавшему его университету. Онъ всегда вспоминалъ съ теплымъ чувствомъ своихъ профессоровъ и основателя университета—Шувалова, на кончину котораго онъ написалъ оду, выразивъ въ ней свое искреннее чувство—и выразивъ его, для тогдашняго времени, довольно просто. Заканчивается эта ода такъ:

Прости, почтенный мужъ! прости, мой благодѣтель!
Прими достойну мзду за вѣру, добродѣтель!
Я въ жертву приношу одну лишь грусть мою,
И сердца въ простотѣ вѣщаю рѣчь сію:
Мой вздохъ и капля слезъ твой гробъ не украшаетъ,

Но въ горнихъ тѣхъ странахъ, гдѣ духъ твой обитаетъ,
Не ставятъ ни во что тѣхъ почестей земныхъ,
Чѣмъ гордость рядитъ прахъ несчастныхъ жертвъ своихъ.
Я, въ бѣдномъ словѣ семъ воздавъ благодаренье,
Всевышнему творю теплѣйшее моленье,
Да твой, въ нетлѣнье вшедъ изъ тлѣнныхъ здѣсь оковъ,
Почіетъ въ Богѣ духъ во вѣки всѣхъ вѣковъ!

По окончаніи курса въ университетѣ Долгорукій поступилъ въ военную службу, которую оставилъ въ 1791 г. съ чиномъ бригадира. Поступивъ на службу, молодой человѣкъ „бросился во всю житейскую суету". Въ „Капищѣ" сказано: „Безпрестанные балы, ежедневные съѣзды лучшихъ людей въ городѣ (въ Москвѣ, въ домѣ Апраксина) такъ меня притерли, что я сдѣлался годнымъ на всякую круговую забаву. Знакомство со многими молодыми барышнями послужило болѣе всего къ развитію моего пылкаго характера" [8]).

Начавъ свою службу въ Москвѣ, Долгорукій скоро переведенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ съ 1783 г. онъ сталъ лично извѣстенъ цесаревичу Павлу Петровичу. Случай, сблизившій его съ цесаревичемъ, разсказанъ въ „Капищѣ" такимъ образомъ.

„Будучи великимъ княземъ, онъ (Павелъ) жилъ довольно скучно въ своихъ загородныхъ дворцахъ, разумѣется лѣтомъ; осень преимущественно проводилъ онъ въ Гатчинѣ. Любезенъ, уменъ, насмѣшливъ, онъ не чуждался общества, охотникъ былъ до театра и всякой забавы. Разсудилось нѣкогда супругѣ его дать ему сюрпризъ, для котораго назначено было сыграть въ Павловскѣ драму французскую: „L'honnête Criminel". Никто изъ придворныхъ душистыхъ кавалеровъ не хотѣлъ играть роли старика отца въ 90 лѣтъ. Всякій изъ нихъ боялся, чтобы съ одѣяніемъ вмѣстѣ не пристала къ нему и старость персонажа. Надобно было прибѣгнуть къ городскимъ артистамъ: въ ихъ сословіи я болѣе всѣхъ тогда отличался театральнымъ искусствомъ, и меня завербовали. Я привезенъ въ Гатчину (это было въ сентябрѣ) и недѣлю прожилъ подъ спудомъ, въ покояхъ тамошняго управителя—Бенкендорфа; въ день представленія меня выпустили. Я сыгралъ удачно свою ролю, пропѣлъ потомъ куплетъ въ оперѣ и протанцовалъ въ балетѣ. Это привлекло мнѣ вниманіе публики и ихъ высочествъ. Послѣ театра я призванъ во дворецъ, и съ того числа сдѣлался обывателемъ онаго. Великій князь пригласилъ меня ѣздить къ нему, когда хочу; по времени эта милость распространилась далѣе и далѣе, и я въ самомъ городѣ удостоенъ былъ чести ѣздить на вечера къ его высочеству въ маленькій его кругъ, а, сверхъ того,

единожды навсегда приглашенъ на всѣ его балы, городскіе и загородные на Каменномъ острову“ [9]).

Въ 1791 г. Долгорукій былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу. Въ этомъ городѣ ухаживанья его, не смотря на то, что онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дѣтей, развернулись особенно широко, такъ что однажды дѣло дошло даже до судебнаго разбирательства. Подробности указаны отчасти самимъ княземъ въ его „Капищѣ“ (стр. 365—367), отчасти въ запискахъ Жихарева [10]). Хуже всего для Долгорукаго было то, что въ перехваченномъ его любовномъ письмѣ выражались, какъ онъ самъ потомъ сказалъ, занятыя у Мирабо свободныя мысли насчетъ брака. Но еще хуже этого было то обстоятельство, что въ гатчинскомъ дворцѣ узнали о другого рода либерализмѣ пензенскаго вице-губернатора. „Во время службы моей въ Пензѣ“, — говоритъ князь, — „революція французская была въ самой пущей своей силѣ; я, какъ энтузіастъ, плѣнялся софизмами гг. философовъ и неравнодушенъ былъ къ ихъ успѣхамъ“ [11]). Павелъ I, вступивъ на престолъ, тотчасъ же исключилъ Долгорукаго изъ службы.

Письмо съ мыслями, заимствованными изъ Мирабо и прочихъ „возмутительныхъ писателей“, Долгорукій писалъ въ 1795 г. и въ томъ же году писалъ онъ стихотвореніе, въ которомъ выражалъ вытекающую изъ религіознаго чувства покорность судьбѣ:

За гробомъ нѣтъ судьбы, нѣтъ случаевъ премѣны;
Тамъ истина, тамъ Богъ, тамъ жупелъ или рай,
Всѣхъ подвиговъ предѣлъ, людскихъ желаній край;
Тамъ вѣсятъ ихъ дѣла на вѣрные безмены.

Но это *тамъ*; а *здѣсь*, въ этомъ мірѣ, судьба посылаетъ человѣку различный жребій, и надо не только умѣть сносить несчастье „съ молчаніемъ“, но и цѣнить его, какъ драгоцѣнный даръ, ведущій людей къ совершенствованію. И поэтъ говоритъ:

Бѣды и тѣсноты суть даръ мой драгоцѣнный;
Я ими чищу нравъ и разумы острю,
Къ благимъ дѣламъ сердца преклонными творю.
Будь счастливъ, человѣкъ, добра нѣтъ во вселенной.
На правду мало словъ. Повиненъ предъ тобою,
Повиненъ, о судьба! въ безуміи моемъ.
Коль сердцемъ тотъ жестокъ, кто счастливъ здѣсь во всемъ.
Останься жъ мнѣ навѣкъ ты *строгою* судьбою.
Безъ благости душа—сосудъ, исполненъ скверны;
Безъ благости нашъ умъ не что, какъ только бредъ;
Безъ благости вся жизнь есть цѣпь горчайшихъ бѣдъ:
А благость намъ съ собой приноситъ мзды безмѣрны!

Стихотвореніе это такъ и озаглавлено: „Судьбѣ“

Въ другомъ стихотвореніи: „Гимнъ на день моего рожденія“, въ которомъ авторъ обращается къ Богу, читаемъ между прочимъ такія строки:

Ты, мнѣ жизни даръ пославши,
Мой животъ наполнилъ благъ;
Къ христіанству мя призвавши,
Утвердилъ въ немъ первый шагъ.
Ты мою наставилъ юность,
Вольнодумцевъ наглу буйность
Отъ разсудка отвратилъ.

А между тѣмъ въ „Капищѣ моего сердца“, написанномъ въ самые послѣдніе годы жизни Долгорукаго, встрѣчаются еще отголоски тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя были навѣяны именно упомянутыми въ вышеприведенныхъ стихахъ „вольнодумцами“. Такъ, напримѣръ, говоря о своихъ отношеніяхъ къ императору Александру, князь заканчиваетъ заявленіемъ, что онъ „со страхомъ и трепетомъ служилъ престолу его, какъ членъ *деспотическаго* государства [12]). И въ томъ же „Капищѣ“, въ статьѣ объ императрицѣ Екатеринѣ, авторъ пишетъ: „оставляя нынѣшняго вѣка людямъ порицать самодержавіе Екатерины, я умру съ той мыслію, что ея самовластительство гораздо сноснѣе для народовъ, чѣмъ всѣ конституціонныя хартіи новыхъ законодателей: ибо гдѣ царь благоутробенъ, тамъ всякій спитъ спокойно и вѣренъ въ своемъ добрѣ, счастіи и свободѣ. Чего же больше?“ [13]).

Въ личности Долгорукаго отразились и такія противоположности, какъ патріотизмъ и космополитизмъ. Авторъ „Капища“ возмущался, что въ Россіи его времени были „рады себѣ всякаго иноземца, особливо француза, на шею повѣсить“ [14]); видѣлъ странное явленіе въ томъ, что многіе русскіе стыдились говорить своимъ природнымъ языкомъ, который, какъ выражается Долгорукій, тогда „былъ подъ анаѳемой“ [15]); и наконецъ, говоря о Нектаріи (подъ этимъ именемъ постриглась Наталья Борисовна Долгорукая), сказалъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ видно его сочувствіе тѣмъ россіянамъ, которые „прилѣплены къ древнему своему отечеству и умѣютъ цѣнить дѣянія предковъ своихъ“ [16]). И рядомъ съ этимъ, въ томъ же „Капищѣ“, находимъ такую тираду: „На что намъ отечество, если мы въ немъ не находимъ тѣхъ услугъ, какія предлагаютъ намъ добрые чужеземцы?“ [17])

Наконецъ, въ самыхъ ухаживаньяхъ своихъ за женщинами, Долгорукій, этотъ Протей своего вѣка, то увлекался „благонравнымъ философомъ“ — Ж. Ж. Руссо, и увѣрялъ себя, что онъ

„имѣетъ понятіе объ изящномъ чувствѣ любви, въ превосходномъ нравственномъ смыслѣ“, [18]) и говорилъ, что „поганъ всякій союзъ, въ которомъ не сердце, а кровь одна участвуетъ!“ [19]) то, поддаваясь вліянію философовъ иного рода, доходилъ до цинизма [20]), а иногда заводилъ интригу просто отъ скуки [21]). Любовныя похожденія князя длились до самыхъ позднихъ лѣтъ его. Разсказывая объ одномъ изъ нихъ, имѣвшемъ мѣсто, когда ему было уже слишкомъ 50 лѣтъ, онъ замѣчаетъ: „Съ тѣхъ поръ полно на себя надѣяться: я увидѣлъ ясно, что ни въ какія лѣта человѣкъ ручаться за сердце свое не можетъ, когда встрѣтитъ предметъ, способный его пошевелить“ [22]). Въ другомъ мѣстѣ авторъ „Капища“ говоритъ: „Пусть меня увѣряютъ, что человѣкъ одинъ разъ въ жизни можетъ любить! Я испыталъ неоднократно противное“ [23]). Замѣтимъ при этомъ, что Долгорукій два раза былъ женатъ, и обѣихъ женъ своихъ очень любилъ.

Будучи пензенскимъ вице-губернаторомъ, Долгорукій, узнавъ, что „тогда во Франціи брошены титлы, наряды, ордена, перенялъ моду не чесаться и не пудриться“ [24]). Однако въ 1801 г. ему захотѣлось получить чинъ тайнаго совѣтника, котораго Павелъ ему не далъ, хотя и принялъ (въ 1797 г.) опять на службу, опредѣливъ его членомъ Главной соляной конторы въ Москвѣ. И что же затѣялъ нашъ князь? Не даромъ онъ говорилъ, что никогда не былъ политикомъ. Онъ написалъ императору Александру прошеніе въ видѣ слѣдующаго четверостишія:

Великій Государь! Ты благъ и правосуденъ!
Я 20 лѣтъ служу; невинно обойденъ!
Тронись и дай мнѣ чинъ! Сей даръ тебѣ не труденъ!
Двѣ строчки напиши — и буду я блаженъ!

Докладывалъ Трощинскій. Государь остался очень недоволенъ формой прошенія, о чемъ и узналъ Долгорукій отъ директора Конторы — Мясоѣдова. Но простосердечному князю не хотѣлось даже и вѣрить, чтобы государю могъ не понравиться его поступокъ, и онъ записалъ въ своихъ запискахъ: „Ошибся я въ своемъ расчетѣ: стихи мои были поднесены; но, если вѣрить директору Конторы, государь изъявилъ Трощинскому, при докладѣ оныхъ, негодованіе—за то, что прошенія подданныхъ посылаются въ стихахъ. Можетъ быть, это и неправда; но, нѣтъ! пріятнѣе всему этому не вѣрить! *Языкъ боговъ* можетъ ли быть противенъ тѣмъ, кои образъ власти Бога носятъ на землѣ!“ [25]).

Однако государь все-таки вскорѣ назначилъ Долгорукаго губернаторомъ во Владимиръ, а въ 1804 г. произвелъ его въ чинъ тайнаго совѣтника. Въ этомъ году была открыта во Владимирѣ гимназія, и князь много заботился о ея благосостояніи: онъ отдалъ подъ нее большой губернаторскій домъ и пожертвовалъ на библіотеку для нея доходы съ изданія своихъ сочиненій, хотя самъ далеко не принадлежалъ къ числу людей богатыхъ. По случаю открытія гимназіи, Долгорукій написалъ оду, въ которой между прочимъ объяснилъ, какъ онъ понимаетъ просвѣщеніе.

Не въ томъ прямое просвѣщенье,
Чтобъ міръ стараться претворить;
О, коль безумно заблужденье
Творца творенію учить!
Но плодъ наукъ и прилежанья,
Смиряя буйственны желанья,
Творитъ изъ насъ честныхъ людей,
Царю, отечеству полезныхъ,
Своимъ согражданамъ любезныхъ,
Надежныхъ твердостью мужей!

А обращаясь къ наставникамъ, авторъ оды говоритъ имъ

О, сколь великъ вашъ долгъ предъ свѣтомъ,
Наставники младенцевъ сихъ!
Онъ вамъ единственнымъ предметомъ
Назначилъ пользу, счастье ихъ.
Старайтесь кротости путями
Владѣть ихъ гибкими умами,
Цѣня родителей залогъ!
Блюдите ихъ отъ чувствъ позорныхъ,
А паче—умствованій вздорныхъ:
За нихъ на васъ самъ взыщетъ Богъ!

Въ личности Долгорукаго было много свѣтлыхъ сторонъ: онъ былъ человѣкомъ необыкновенно искреннимъ, уважалъ просвѣщеніе и заботился объ его интересахъ, умѣлъ понимать горе ближняго и, какъ говоритъ его біографъ, былъ „горячъ на правду". Указъ 1803 г., чтобы не отнимать имущества у семей крестьянъ, осужденныхъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, состоялся по гуманной идеѣ Долгорукаго. Живя во Владимирѣ, онъ часто навѣщалъ ссылочный Спасо-Ефимьевскій монастырь и, движимый филантропическимъ чувствомъ, составилъ о немъ „Историческое повѣствованіе", о чемъ и упоминаетъ въ своихъ запискахъ. „Рукопись эта",—сказано тамъ, — „найдется въ моихъ прозаическихъ сочиненіяхъ. Я прошу тѣхъ, кому она попадется въ руки, обратить вниманіе не на слогъ, а на предметъ и сердечное рас-

положеніе автора, и тогда, можетъ быть, сей трудъ вознаградитъ меня хоть поздно признательностію филантропа“ [26]).

За попеченіе о гимназіи Московскій университетъ избралъ Долгорукаго (въ 1805 г.) своимъ почетнымъ членомъ. Никакимъ отличіемъ не гордился такъ князь, какъ синимъ университетскимъ мундиромъ. „Этотъ кафтанъ“, — сказалъ онъ, надѣвая его впервые,—„будетъ во всю жизнь мою лучшимъ моимъ нарядомъ. Ни клевета, ни зависть его съ меня не снимутъ“. Но губернаторскій мундиръ ему пришлось въ 1812 г. снять: послѣ многихъ служебныхъ непріятностей, „горячій на правду“ князь и не любившій низкопоклонствовать долженъ былъ выйти въ отставку. Послѣдніе годы онъ занимался главнымъ образомъ литературоі и былъ членомъ Шишковской „Бесѣды“, „Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ“ и „Общества соревнователей просвѣщенія и благотворенія“.

Умеръ Долгорукій въ 1823 году.

Долгорукій писалъ и въ стихахъ и въ прозѣ [27]). Между стихотвореніями его очень много такихъ, которыя посвящены прославленію любви и женской красоты и вообще женскихъ прелестей. Вотъ образчики такихъ стихотвореній:

Ко счастью путь лежитъ одинъ:
Любовь!—другого нѣтъ въ природѣ.
И самый знатный господинъ,
И низкій рабъ въ простомъ народѣ
Любовью движутся, живутъ.
Не слава дни даетъ блаженны:
Мгновенья жизни вожделѣнны
Отъ сердца нѣжнаго текутъ.
Для славы тяжко могъ прожить,
Для сердца радъ бы жить два вѣка.
Воспламеняться и любить
Есть рокъ и свойство человѣка.
Дадимъ царямъ земной весь шаръ,
И пусть на немъ все покоряютъ;
Но что потомъ?—Они скучаютъ,
Когда любви въ нихъ стынетъ жаръ.
Любовь есть искра Божества,
Непостижимая причина
Началъ и дѣйствій естества;
Любви конецъ — души кончина.
Вездѣ находимъ суету,
И славы гибнутъ возглашеньи;
Въ одномъ любовномъ восхищеньи
Безсмертныхъ благъ мы зримъ черту и т. д.

(Изъ стихотворенія: „*Стихи любви*“, I, 512—513).

Всегда ровна, всегда пригожа,
Въ какомъ бы духѣ ни была;
Объ ней повсюду слышу то же:
Куда какъ Сонюшка мила!
О вы, правители вселенной,
Цари, подобные богамъ!
Сложите дома видъ надменный,
Падите всѣ къ ея ногамъ!

Несите въ жертву ей вседневно
Вашъ тронъ—алтарь земныхъ суетъ!
Смягчите сердце слишкомъ гнѣвно!
Что вамъ за прибыль отъ побѣдъ?
На что подъ власть свою стараться
Востокъ съ полуднемъ съединить?
Чтобъ вѣчно въ радости смѣяться,
Довольно съ Сонюшкою жить.

(Изъ стихотворенія: *„Сонюшкѣ“*, II, 124).

На этихъ прославленіяхъ любви, на этихъ многочисленныхъ любовныхъ посланіяхъ къ Глафирамъ, Людмиламъ, Парашамъ, на этихъ изліяніяхъ восторговъ, обращенныхъ къ Нинамъ, Александринамъ, Раидамъ, даже Фатьмамъ и Зюлимамъ, а иногда и къ лицамъ, прямо названнымъ ихъ настоящими фамиліями,—на всемъ этомъ мы останавливаемся потому, что оно тоже было характерной чертой своего времени. Поклоненіе прекрасному полу, прославленіе красоты, воспѣваніе восторговъ любви,—все это было въ нравахъ той эпохи и, вмѣстѣ со многимъ другимъ, перешло къ намъ изъ Франціи. Мужчины ухаживали, влюблялись, говорили комплименты; любовные стихи писались въ изобиліи. Долгорукимъ написана между прочимъ опера: „Любовное волшебство“ (1798 г.). Ничѣмъ не замѣчательная сама по себѣ, она все-таки интересна, какъ пьеса, въ которой очень вѣрно схваченъ духъ времени. Амуръ съ своей свитой—съ Играми, Смѣхами и Забавами — спускается на землю и съ великимъ успѣхомъ начинаетъ заражать людей любовью. Дѣйствительно, въ воздухѣ того времени носился Амуръ съ своей заразой. А какіе мастера говорить комплименты были тогдашніе кавалеры! Прочтите, напримѣръ, въ запискахъ Жихарева слѣдующее мѣсто, относящееся къ 1805 году:

„Я, кажется, писалъ къ тебѣ о всемъ и о всѣхъ, а забылъ упомянуть объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ персонажей: эта особа есть секретарь директора, тит. совѣтн. И. К. Киселевъ, ростомъ съ версту, имѣющій притязаніе на любезность, bon ton... Мы часто подслушиваемъ его въ объясненіяхъ съ дамами, но третьяго дня напали на такія выходки, что изъ рукъ вонъ. Напр.: одна довольно полная дама жаловалась на духоту *), и онъ говоритъ ей: «Вамъ жарко,—каково же мнѣ? Вы согрѣваетесь *однимъ* солнцемъ, а я (глубокій вздохъ) *двумя*!» Другая, также плотная, объявляетъ, что больше танцовать не станетъ, потому что очень

*) Описываемая сцена происходила лѣтомъ, на Липецкихъ минеральныхъ водахъ.

устала, и онъ умильно возражаетъ: «Не вѣрю, Сильфиды не устаютъ!» Наконецъ совсѣмъ зарапортовался: подсѣвъ къ премилой княжнѣ Екатеринѣ Гагариной, у которой буквально *прекрасные,* т.-е. рыжіе волосы, хотя впрочемъ длинные, густые и вьющіеся, онъ началъ восхищаться цвѣтомъ ея лица, выхваляя его бѣлизну, нѣжность и проч. Та все молчала и только улыбалась; но когда отпустилъ онъ слѣдующую фразу: «Вы точно лилія, окруженная золотымъ, лучезарнымъ сіяніемъ!» бѣдная не выдержала. «Ахъ, Иванъ Кузьмичъ,—вскричала она:—не можете представить себѣ, какъ вы намъ всѣмъ надоѣли!»—и ушла отъ докучнаго кавалера“ [28]).

Поклоненіе женщинѣ въ малообразованномъ обществѣ приняло пошлый характеръ. Реакція пошлому началась со стороны той серьезной молодежи, кружокъ которой сталъ расти у насъ послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ, и о которой мы уже имѣли случай говорить [29]). Но такъ какъ упомянутый кружокъ былъ сравнительно невеликъ, да и образовался онъ уже во вторую половину Александровской эпохи,—то въ періодъ времени, обнимающій собою конецъ XVIII вѣка и царствованіе Александра I, Амуру удавалось собирать съ общества богатую дань. Ему платили ее и поэты своими любовными стихами, которые были тогда въ большой модѣ. Само собою разумѣется, что изъ нихъ наибольшую дань этого рода платилъ ему тотъ, кто больше другихъ подчинялся его вліянію. А Долгорукій, какъ онъ самъ говоритъ, влюблялся чуть не ежедневно, и отсюда такое необыковенное обиліе написанныхъ имъ любовныхъ стихотвореній, что и даетъ ему право считаться главнымъ представителемъ того направленія въ нашей поэзіи конца XVIII и начала XIX вѣка, которое имѣло своимъ предметомъ воспѣваніе любви и женщинъ. Да кому же иному и можно было занять это почетное мѣсто, какъ не поэту, сказавшему однажды слѣдующее: „О, я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно считать блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ума“ [30]).

Тутъ кстати сказать, что поклоненіе женщинѣ вызвало появленіе у насъ такихъ періодическихъ изданій, которыя задались цѣлію служить прекрасному полу. Однимъ изъ такихъ изданій былъ „Журналъ для милыхъ, издаваемый молодыми людьми“, выходившій въ Москвѣ въ 1804 г. Главнымъ редакторомъ его былъ М. Н. Макаровъ. Но какое это было служеніе, читатель можетъ видѣть уже изъ слѣдующаго маленькаго очерка названнаго изданія.

Каждый номеръ журнала, имѣющій самый миніатюрный, карманный, форматъ, украшенъ шарадой или ребусомъ. Подъ шарадой перваго номера подпись: Jours et nuits je pense à vous (съ орѳографическими ошибками); подъ шарадой второго номера подписано: „Въ разълукѣ сердце стонѣтъ". Въ журналѣ множество сентиментальныхъ повѣстей, большею частію переводныхъ. Первая изъ нихъ („Лиза! гдѣ твои клятвы?") написана на тему: „вчера ты меня называла своимъ, вчера ты меня предпочла другому". Далѣе — повѣсть: „Отчаянная"; первыя строки ея такія: „Итакъ, онъ меня не любитъ! о пагубная любовь! о безразсудная отважность! Чего могу ожидать, чего надѣяться? нѣтъ больше радостей для сердца моего.—Суровый взоръ его послѣдній лучъ надежды погасилъ въ душѣ моей"... Внизу подписано: „Съ Англинскаго". Затѣмъ слѣдуютъ: „Потеря спокойствія", гдѣ является на сцену „тиранъ моего сердца"; за нею—повѣсть: „Любимъ и Катерина", въ которой и онъ и она лишаютъ себя жизни—и все въ этомъ родѣ. Стихотвореній тоже множество—и во всѣхъ ихъ говорится о любви. Вотъ образецъ:

Напрасно страсть стараюсь
Изъ сердца истребить.
Ахъ, тщетно тѣмъ ласкаюсь,
Могу ль престать любить... и проч.

Есть матеріалъ и другого рода; изъ него приведемъ статью подъ заглавіемъ: „Утро 1804 года въ 1 день". Въ ней читаемъ: „Къ вамъ, прекрасный полъ, къ вамъ теперь, милыя соотечественницы, обращаю я восторгъ мой. Васъ бы желалъ воспѣть всѣми способностями души моей, но онѣ слабы; пріимите мое поздравленіе! Се ѳиміамъ искренняго сердца". Это—отъ редакціи.

За нею помѣщена статья: „Жертва милымъ", тоже отъ редакціи. „Любезныя соотечественницы! вотъ жертва наша (т.-е. № 1-й журнала). Она, какъ мы думаемъ, не совершенна: но надѣемся, что ваши нѣжныя чувствованія, ваши прелести ее усовершатъ. Мы счастливы, что и симъ жертвуемъ; наше удовольствіе, наше благо въ томъ состоитъ, что мы посвятили сіи труды вамъ,—и когда удостоимся благоволенія вашего, то ни злоба ни клевета болѣе не посмѣютъ чернымъ ядомъ своимъ угрожать намъ. Шлемомъ будетъ красота, оружіемъ—прелесть, а слово ваше вездѣ побѣдою".

Хороша и статья: „Новый годъ", указывающая идеалы журнала. „Настал годъ новый!... Будетъ маскарадъ... Любезныя дѣвушки будутъ разряжены; подобно купидонамъ будутъ порхать по нашему круглому залу; молодые прыгунчики, смотря на нихъ

въ свои лорнеты, будутъ восхищаться ихъ прелестями; а мы, люди среднихъ лѣтъ, займемся любезнымъ бостономъ".

Нѣкоторыя страницы журнала для милыхъ загрязнены очень нескромными стихами, гдѣ появляются „Лизеты, зефирами раздѣты", и еще болѣе нескромною сельскою повѣстью: „Аннушка".—„Сѣверный Вѣстникъ" справедливо замѣчалъ: „Мы не совѣтуемъ брать этотъ журналъ *милымъ*, ибо онъ оскорбляетъ ихъ стыдливость, первое украшеніе милыхъ".

Наконецъ Макаровъ помѣщалъ и такія поучительныя свѣдѣнія, какія сообщены въ статьѣ: „Что должно проживать въ годъ женщинамъ", взятой изъ иностраннаго журнала. Оказывается, что тогдашней „осьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ, желающей жить по модѣ", надо было, по сдѣланному въ журналѣ расчету, проживать 55743 р.

„Журналъ для милыхъ" имѣлъ 168 подписчицъ и подписчиковъ — число очень большое, если имѣть въ виду, что даже „Рус. Вѣстникъ" въ періодъ наибольшаго разгара патріотизма въ обществѣ имѣлъ лишь 700 подписчиковъ.

Другимъ журналомъ для дамъ былъ выходившій въ 1806 г. „Московскій Зритель" князя Шаликова, извѣстнаго въ свое время представителя крйняго сентиментализма [31]). О немъ въ запискахъ Жихарева находимъ слѣдующія строки:

„Князь Шаликовъ такъ и разстилался передъ княжнами (Долгорукими) въ комплиментахъ, которые напомнили мнѣ липецкаго Ивана Кузьмича. Онъ намѣренъ издавать съ новаго года журналъ подъ заглавіемъ: „Московскій Зритель", о чемъ хочетъ публиковать въ газетахъ, а между тѣмъ напечаталъ особое объявленіе, котораго экземпляры носитъ съ собою для раздачи ихъ знакомымъ и незнакомымъ, встрѣчнымъ и поперечнымъ. Вотъ тебѣ эта чушь:

«Будутъ Словесность русская и иностранная, отрывки, повѣсти, анекдоты, басни и стихи. Хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ и нѣжное чувство женщинъ будутъ однимъ изъ главныхъ предметовъ моего вниманія. Будетъ статья и для критики—не брань, но критика здравая и безпристрастная должна быть въ журналѣ такого рода непремѣнно: она служитъ свѣтильникомъ въ путяхъ искусства, занимаетъ читателя, еще болѣе артиста, и научаетъ самого критика — польза важная и неоспоримая. Иногда журналъ будетъ заключаться смѣсью!»" [32]).

Журналъ Шаликова однако не многимъ былъ лучше „Журнала для милыхъ". Началъ князь хорошо: онъ помѣстилъ статью:

„О женщинахъ-Меценатахъ", гдѣ авторъ, указавъ на нѣсколькихъ французскихъ дамъ-любительницъ просвѣщенія, жалѣлъ, что у русскихъ женщинъ „подражаніе любезнымъ француженкамъ не на все распространяется", и упрекалъ ихъ за то, что онѣ подражаютъ лишь фрацузскимъ модамъ на костюмы, на мебель, на манеры—и дальше этого нейдутъ. Затѣмъ „Московскій Зритель" нѣсколько разъ затронулъ вопросъ о воспитаніи, проводилъ мысль о необходимости еще смолоду воспитывать дѣтей въ добродѣтели и не допускать въ нихъ презрительнаго отношенія „къ русскому языку и русской націи". Но всему этому въ журналѣ Шаликова отведено не много мѣста, и если исключить напечатанныя въ немъ три первыя басни Крылова, нѣсколько басенъ В. Пушкина, немногія статьи критическія, да еще двѣ-три такія статьи, какъ „Выгоды крестовыхъ походовъ" и статья о Лафонтенѣ,—то останется еще множество страницъ, наполненныхъ такимъ же литературнымъ матеріаломъ, какъ и „Журналъ для милыхъ". Тутъ читательницы могли найти и обращеніе „Къ одной любезной дѣвицѣ, опечаленной блѣднымъ цвѣтомъ лица", и очень нескромныя мысли и чувства въ статьѣ: „Диванъ", бросавшей весьма густую тѣнь на современныхъ дамъ, и наконецъ массу стихотвореній къ Дельфирамъ, Эльвирамъ, Каринамъ, къ резедѣ и даже къ ошейнику Эльвириной собачки. Есть и такія, какъ, напримѣръ, слѣдующія:

1) Дѣвицы, юноши, питайте
Любовь всесильную въ крови!
Всѣ ваши пѣсни украшайте
Пріятнымъ именемъ любви! и пр.

2) Подъ заглавіемъ: „Къ женщинамъ".

Предметы сердцу дорогіе!
Вертите вы по волѣ насъ;
И есть ли глупости такія,
Чтобъ мы не сдѣлали для васъ? и пр.

Раньше двухъ описанныхъ журналовъ выходилъ въ Москвѣ же, въ 1803 г., „Московскій Меркурій" П. И. Макарова, извѣстнаго сторонника и защитника Карамзинской реформы [33]). Иные критики нѣсколько преувеличиваютъ значеніе этого изданія среди нашихъ журналовъ, „служившихъ женщинѣ" въ Александровскую эпоху [34]). Правда, въ первомъ же номерѣ „Московскаго Меркурія" помѣщена дѣльная статья, обстоятельно развивающая ту мысль, которой лишь слегка коснулся журналъ Шаликова въ статьѣ: „О женщинахъ-Меценатахъ". П. И. Макаровъ писалъ:

„У насъ молодой человѣкъ весьма рано перестаетъ учиться и по вступленіи въ свѣтъ не имѣетъ уже никакой побудительной

причины обогащать ума своего: общества, которыя онъ посѣщаетъ, не требуютъ отъ него знаній; видъ пользы отдаленной слабо дѣйствуетъ на его сердце... Если бы сдѣлать *знанія необходимой потребностью въ общежитіи*, — то сіе было бы для юношества весьма полезно". И авторъ указываетъ, какимъ образомъ такая потребность могла бы явиться. „Во Франціи"—говоритъ онъ— „женщины упражнялись въ литературѣ, и всѣ первокласные ученые стекались къ нимъ со всѣхъ сторонъ; домы ихъ были лучшими школами вкуса и просвѣщенія; тамъ въ отборныхъ собраніяхъ судили сочиненія и авторовъ; тамъ, безъ гордости, безъ чванства, всякій старался превзойти другого — не нарядомъ, не экипажемъ, не грубою наглостью, но блескомъ ума... Если бы наши дамы вздумали подражать сему примѣру, то, нѣтъ сомнѣнія, онѣ заставили бы всякаго учиться... Мы знаемъ женщинъ: умѣренность не ихъ порокъ; чего онѣ захотятъ, къ тому онѣ стремятся всѣми силами. Овладѣвъ однажды полемъ литературы, онѣ пошли бы самыми скорыми шагами, повлекли бы всѣхъ за собою, и въ короткое время сдѣлались бы нашими учительницами. *Перенеся тронъ философіи въ свои будуары*,... онѣ пріобрѣли бы для себя очень много, а соотечественникамъ оказали бы истинное благодѣяніе. Тогда-то доподлинно воздвигли бы имъ *алтари*, тогда-то слово *обожать* получило бы естественный свой смыслъ, и, можетъ быть, къ счастію человѣчества, возвратились бы на землю тѣ золотые вѣка, когда одинъ взглядъ, одинъ поцѣлуй руки награждалъ десятилѣтніе подвиги героевъ".

Далѣе въ статьѣ этой встрѣчаемъ еще такія мысли: „*Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ*"... „*Женщины—лучшія хранительницы нравовъ*; но чтобы онѣ могли найти ту счастливую средину, на которой добродѣтель и любезность соединяются и взаимно одна другой сообщаютъ прелести свои,— потребно *просвѣщеніе*".

Эта статья Макарова была дѣйствительно истиннымъ „служеніемъ" женщинѣ. Но дальше „Московскій Меркурій" впалъ въ тонъ вовсе нѐ серіозный. Прежде всего редакція словно испугалась за первый номеръ своего журнала и въ концѣ этого номера помѣстила такое „Увѣдомленіе":

„*Вамъ* *), любезныя читательницы, желаемъ предпочтительно угодить; *Ваше* только одобреніе назовемъ *вѣнцомъ* и счастіемъ *своимъ*. Не судите о Меркуріи по первой книжкѣ".

---

*) Курсивъ принадлежитъ подлиннику.

И дальше въ „Увѣдомленіи“ заявлялось: „Когда весна посѣтитъ и нашъ суровый климатъ; когда вся натура начнетъ оживать и обновляться; когда благоухающая *роза* будетъ спорить съ *Вами* о преимуществѣ въ свѣжести и нѣжности, а *лилея*—въ бѣлизнѣ,—тогда, можетъ быть, и мы положимъ нѣсколько цвѣтовъ къ ногамъ *Вашимъ*“.

Редакція выполнила свое обѣщаніе — и самымъ душистымъ цвѣткомъ, поднесеннымъ ею „любезнымъ читательницамъ“, была повѣсть: „Первая ночь брака“, съ блазнящей картиной, которую авторъ однако не рѣшился докончить, но зато пригласилъ читательницъ потрудиться представить себѣ ея конецъ.

Начавъ свой журналъ требованіемъ женскаго просвѣщенія, Макаровъ затѣмъ усердно слѣдилъ за парижскими и лондонскими модами и сообщалъ объ нихъ своимъ читательницамъ весьма подробно, съ приложеніемъ рисунковъ платій и головныхъ уборовъ, сообщалъ о модныхъ прическахъ и о модной мебели, и наконецъ помѣстилъ обстоятельную статью о годовомъ бюджетѣ парижскихъ модницъ, взявъ его, конечно, изъ французскаго журнала. Для любопытныхъ приводимъ изъ нея слѣдующія цифры. Парижанка-модница того времени тратила въ годъ: на 365 чепчиковъ, капотовъ и шляпокъ—10 тысячъ ливровъ; на 100 платій—10 т.; на двѣ шали 1,200 ливровъ; на эссенціи, духи, чтобы казаться моложе и свѣжѣе—1,200 л.; на кровать и постель—20 т.; на кареты—французскую, англійскую и испанскую—25 т.; на танцмейстера—3,000; на ложи въ театрѣ, на концерты, журналы и проч.—30 т. Наконецъ *на богоугодныя дѣла*—100 ливровъ. Всего, по вычисленію журнала, модницѣ нужно было въ годъ 183,800 ливровъ.

Изданія въ духѣ „Журнала для милыхъ“, какъ видно, были во вкусѣ времени: по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что было сильное желаніе издавать ихъ. Такъ, напримѣръ, Жихаревъ упоминаетъ о желаніи Селивановскаго издавать „Дамскій Журналъ“ и приводитъ заготовленное имъ объявленіе. Оно было такое:

„Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ Россійскимъ дамамъ въ слѣдующемъ 1806 году будетъ *издаваться* ежемѣсячное *изданіе* подъ названіемъ *Дамскій Журналъ*. Въ немъ помѣщаться будутъ піесы *разныхъ родовъ* въ стихахъ и прозѣ. Главнымъ предметомъ будетъ: *нѣжная чувствительность*, *сопряженная съ моралью*. Иногда помѣщаемы будутъ статьи о модахъ, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ. *Критика и политика исключаются*. Издатель поставитъ себѣ за особливую честь, если удостоенъ

будетъ отъ *почтенныхъ Россiйскихъ поэтовъ* присылкою ихъ произведенiй".

Жихаревъ шутя замѣтилъ, что онъ непремѣнно пришлетъ издателю нѣкоторыя изъ своихъ произведенiй, и, между прочимъ, куплеты изъ оперы: „Братья-охотники":

Заячьи ножки
Больно востры;
Всѣ ихъ дорожки
Страхъ какъ пестры и пр. [35]).

Въ другомъ мѣстѣ Жихаревъ свидѣтельствуетъ о желанiи княжны Трубецкой издавать въ 1807 г. *модный журналъ для женщинъ*, подъ заглавiемъ: *Амуръ* [36]).

Однако надо сказать, что не всѣ женщины того времени были падки на подобные журналы: многiя изъ нихъ умѣли цѣнить серьезное образованiе. Въ „Журналѣ для сердца и ума", издававшемся въ 1810 г. въ Петербургѣ И. Шелеховымъ, напечатано присланное женщиною „Письмо къ издателю", въ которомъ авторъ говоритъ, что красота—не надежная сила женщины: она съ лѣтами исчезаетъ. Но чтобы женщина могла нравиться постоянно, ей нужно вооружиться иной силой — *образованiемъ*.

Кстати — о журналѣ Шелехова. По нашему мнѣнiю, изъ всѣхъ сентиментальныхъ журналовъ, возникшихъ послѣ журнальной дѣятельности Карамзина, это былъ лучшiй: въ немъ, кромѣ посланiй къ Нинамъ и Лаурамъ и чувствительныхъ повѣстей въ родѣ „Вилiяма и Антонiи" съ самоубiйствомъ героя посредствомъ „пистолетнаго удара", помѣщались и такiя статьи, какъ „О пользѣ естественной исторiи", „О духѣ историковъ-философовъ XVIII столѣтiя (изъ Spectateur François), помѣщались бiографiи Канта, Шиллера, Бюффона, Ж. Ж. Бартелеми, Корнеля, переводы изъ Оссiана и разборы трагедiй Софокла и Эсхила.

Но вернемся къ Долгорукому. Хотя онъ и говорилъ, что „ко счастью путь лежитъ одинъ: любовь!"—тѣмъ не менѣе онъ не былъ лишенъ и другого, гораздо болѣе возвышеннаго взгляда на жизнь, и мы не можемъ согласиться съ мнѣнiемъ, высказаннымъ въ одномъ изъ примѣчанiй къ сочиненiямъ Батюшкова, будто Долгорукiй отличался „полнымъ отсутствiемъ идеальныхъ стремленiй" [37]). Правда, влюбчивый князь не былъ устойчивъ и нерѣдко на практикѣ отступалъ отъ своего нравственнаго кодекса, о чемъ онъ и самъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Бѣги отъ женщинъ прочь, скитайся по горамъ:
Попалась лишь одна — и вся мораль къ чертямъ,— [38])

и при всемъ томъ въ произведенiяхъ его есть много такого, что обрисовываетъ и свѣтлую сторону его личности. Одною изъ симпатичныхъ чертъ Долгорукаго была его отзывчивость людскому горю, и черта эта отразилась въ его поэзiи. Въ стихотворенiи: „Гимнъ на день моего рожденiя“ есть, между прочимъ, такой куплетъ:

Не мечтая быть несчастнымъ
По сравненiю съ царемъ,
Чту предъ тѣмъ свой рокъ прекраснымъ,
Кто меня бѣднѣй во всемъ.
Боже! дай, чтобы въ смиреньи
Я мечталъ себя въ сравненьи
Не съ носящими виссонъ,
Но туда стремилъ бы очи,
Гдѣ съ полденъ и до полночи,
Голодъ, скорбь, недугъ и стонъ!

Въ другомъ мѣстѣ (въ стих. „Пѣснь послѣдняя моимъ современникамъ“) авторъ обнаруживаетъ свое доброе сердце, указывая, съ какой болью отзывается въ его душѣ людское страданiе.

Страдать готовъ одинъ до гроба;
Придетъ мой часъ—земли утроба
И мнѣ очиститъ уголокъ:
Но слезъ друзей всѣ капли числить,
Смущенья ихъ всю тайну смыслить—
И жить!!! Нѣтъ, нѣтъ! сей долгъ жестокъ!

Относясь отзывчиво къ горю ближняго, Долгорукiй съ чувствомъ горечи замѣчаетъ, что люди счастливые рѣдко понимаютъ положенiе несчастныхъ.

Меня въ мой вѣкъ судьбы качали,
Какъ яликъ на морѣ волна,
То выше бѣдъ приподымали,
То мрачна вдругъ касался дна;
Упалъ и пресмыкаюсь низко.
Но былъ и я отъ солнца близко;
Вездѣ встрѣчалъ я все одно:
Коль солнце чуть кого пригрѣетъ,
Тотъ рѣдко, рѣдко разумѣетъ,
Что многимъ очень студено.

И далѣе поэтъ обрисовываетъ гордыню и черствое сердце тѣхъ, кого „отличила фортуна“, и рядомъ съ этимъ указываетъ на „съежившуюся бѣдность“.

Кого фортуна отличаетъ
Отъ прочихъ смертныхъ на вершокъ,
Тотъ тѣмъ ходули обновляетъ,
Что всѣхъ валитъ, какъ куколъ, съ ногъ.

Чужихъ напастей онъ не смыслитъ;
Кипящи слезы наши числитъ
Какъ будто бисеръ иль жемчугъ,
Которымъ онъ блеснуть стремится,
Когда въ чертоги появится,
Гдѣ полкъ предъ нимъ трепещетъ слугъ.
  Напрасно дѣды говорили,
Что городъ-де, то норовъ свой.
Не въ наше время, видно, жили,
И нравъ ихъ былъ совсѣмъ иной.
Въ нестройствѣ нашихъ общихъ вздоровъ
Одинъ теперь повсюду норовъ;
Ему никто не измѣнитъ:
Большой бояринъ всѣхъ толкаетъ,
Богачъ безъ умолку болтаетъ,
А бѣдный съежившись молчитъ.
Изъ стих. „Сосѣду", I, 246—247.

Будучи въ жизни „горячъ на правду", Долгорукій съ элегическимъ чувствомъ изображалъ неправду міра сего.

  Примѣровъ множество бывало,
Къ несчастью, есть и будетъ впредь,
Какъ часто правда попадала
Въ умышленну коварства сѣть.
Еще былъ новъ сей свѣтъ природный,
И юнъ сынъ персти первородный,
Какъ змій весь рай зашевелилъ;
Бѣжалъ Адамъ, бѣжала Ева,
И плодъ ея несчастна чрева—
Сынъ Каинъ — Авеля убилъ.
  Давно невинность обличалась
Предъ человѣческимъ судомъ,
Мечу безстрашно подвергалась,
Иль покрывалася стыдомъ....
. . . .
  Во имя правды лгали маги,
И прорицали бредъ волхвы;
Не чистъ былъ судъ въ Ареопагѣ;
Овецъ вездѣ терзали львы.
Посмотримъ, что во Іудеи
Творили съ Павломъ саддукеи!
Прискорбенъ правды путь всегда.
И Римъ, который ублажаемъ,
Донынѣ громко прославляемъ,
Судилъ пристрастно иногда.
  Настало время просвѣщенья,
Навыкли всѣ соображать;
Явились новы разсужденья,
И всякій права сталъ искать.

Казалось, міръ добрѣе будетъ,
Дѣла неправедны забудетъ
И сущность истины пойметъ;
Не то изъ опытовъ открылось:
Вселенна всячески кружилась,
А правда все на крестъ идетъ!
(Изъ стих. „Невинность“, I, 89—90).

Если Долгорукій высказывалъ иногда такія космополитическія мысли, которыя происходили у него изъ эгоистическаго источника, такъ какъ онѣ возбуждались сравненіемъ количества „услугъ“, доставляемыхъ ему съ одной стороны соотечественниками, а съ другой—„добрыми чужеземцами“[39]),—то надо сказать, что ему доступенъ былъ и тотъ высокій, чисто христіанскій космополитизмъ, который заставляетъ насъ въ каждомъ человѣкѣ видѣть „ближняго“, будетъ ли то свой или чужой, знатный или простой, бѣдный или богатый. Въ посланіи къ М. Н. Макарову онъ сказалъ:

Подобнаго себѣ люблю равно съ собою,
Въ какой бы онъ климатъ ни брошенъ былъ судьбою;
Всѣхъ вѣръ и языковъ, своихъ, чужихъ ли странъ,
Глазетовый на немъ, сермяжный ли кафтанъ,—
Равно мнѣ ближній милъ, равно о немъ жалѣю....

Человѣку, уступившему свой большой и удобный губернаторскій домъ подъ гимназію, едва ли можно приписать стремленіе къ роскоши, стремленіе, которое такъ отличало современныхъ ему вельможъ и крупныхъ чиновниковъ. Долгорукій высказывалъ слѣдующее:

Пускай въ златую колесницу
Другой садится, а не я;
Пускай крестьянинъ въ поясницу
Не гнется, встрѣтивши меня.
Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезовъ свѣтскихъ зрю;
Стяжать мнѣ не дано искусства,
За то Творца благодарю!
А если бъ далъ богатства много,
Когда бъ возвысилъ Онъ мой рогъ,—
Сошедъ убожества съ порога,
Я бъ, можетъ быть, забылъ, гдѣ Богъ.
(Изъ стих. „Въ послѣднемъ вкусѣ человѣкъ“, I, 461).

Въ тѣ минуты своей жизни, которыя бывали очищены отъ всякихъ любовныхъ поползновеній; когда, какъ онъ выражался, „мораль не летѣла къ чертямъ“,—Долгорукій оставался при томъ взглядѣ на жизнь, который, конечно, и былъ его основнымъ взгля-

домъ. И если самая жизнь Долгорукаго въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ, что онъ часто держался ученія, будто любовные восторги — единственный путь къ счастію, — то съ другой стороны факты его же біографіи удостовѣряютъ, что это былъ человѣкъ чрезвычайно дѣятельный, сочувствовавшій интересамъ просвѣщенія, не падкій на такія блага міра сего, какъ роскошь и богатство, человѣкъ, которому вовсе не были недоступны возвышенныя чувства, въ особенности чувства альтруистическія. Свой основной взглядъ на жизнь князь высказалъ въ посланіи къ Сердечкину:

Повѣрь же мнѣ и ты, что радостный покой
Намъ лѣнь одна не дастъ: то плодъ есть упражненья.
А если безъ труда нѣтъ въ свѣтѣ ничего,
Не лучше ли, мой другъ, въ занятіяхъ полезныхъ
Основывать столпы блаженства своего,
Чѣмъ туне тратить жизнь въ тенетахъ у любезныхъ?
Страстей быстра стезя, объ ней ты не тужи;
Натуры путь вѣрнѣй, съ него лишь не сшибайся,
Ума по пустякамъ въ химерахъ не кружи,
Земное все люби, *а небомъ восхищайся.*
Восторгъ есть твари дань единому Творцу;
Ему принадлежитъ всѣхъ смертныхъ изумленье;
Какъ чада, мы сему небесному Отцу
Единому должны воздать благоговѣнье.
Затѣмъ весь міръ для насъ, для разума и чувствъ.
Плѣняйся красотой, чти строго добродѣтель,
Наукъ полезныхъ другъ, любитель будь искусствъ,
Сосѣду доброхотъ, а дворни благодѣтель.

Всего этого, кажется, достаточно, чтобы не причислять Долгорукаго къ числу людей, отличающихся „полнымъ отсутствіемъ идеальныхъ стремленій“. Мы, напротивъ, думаемъ даже такъ: если, пересматривая нашу литературу XIX-го вѣка, можно, подобно профессору Халанскому, придти къ мысли, что руководящей идеей ея является „призывъ къ сердцу, къ состраданію“ [40]),—то въ числѣ данныхъ для такого вывода, несомнѣнно, имѣютъ мѣсто и произведенія Долгорукаго.

Наконецъ надо сказать, что у Долгорукаго былъ очень высокій взглядъ на писателя, хотя онъ, подъ вліяніемъ такъ часто появлявшихся у него любовыхъ заболѣваній, на практикѣ многажды отступалъ отъ своего идеала. Взглядъ свой онъ высказалъ въ стихотвореніи: „Черты свободнаго писателя“ (1813 г.). Осуждая корыстныхъ стихотворцевъ, дѣлавшихъ изъ писанія стиховъ

„торговый промыселъ“ *), Долгорукій говоритъ съ благороднымъ негодованіемъ:

. . . Скаредомъ того послѣднимъ почитаю,
Кто, будучи рожденъ съ способностью писать,
Высокихъ истинъ смыслъ народу изъяснять,...
Сквернитъ свое перо, топя его во лжи,
И плевелы садитъ на нивахъ чистой ржи;
Влечетъ прямую честь на жертву мнимой чести,
Во всякій стихъ кладетъ приправу подлой лести.

А затѣмъ высказываетъ свои требованія отъ писателя:

Нѣтъ, нѣтъ! не такъ писать піиту принадлéжитъ.
Хочу, чтобъ онъ былъ твердъ — пусть правду чисту рѣжетъ.
Чѣмъ можетъ Небесамъ признательность явить
За то, что дали даръ ему стихи творить,
Инымъ, какъ не судомъ строжайшимъ человѣка
Въ дѣяньяхъ своего и времени и вѣка?...
По мнѣнью моему, чѣмъ больше кто учился,
Словесности плодомъ съ успѣхомъ насладился,
Тѣмъ долженъ тотъ сильнѣй порокъ уничижать,
Во славу Божества даръ Божій расточать,
Хвалить одно добро, съ нечестіемъ сражаться,
Невѣжество учить, фанатику смѣяться,
И, правду предпочтя всѣмъ счастія играмъ,
Безъ трепета ее вѣщать самимъ царямъ.
Чего смотрѣть ему, что цензоръ не похвалитъ;
Тѣмъ истинный талантъ отнюдь онъ не умалитъ,
Когда, приноровясь къ обычаямъ мірскимъ,
Печатать не велитъ наборщикамъ своимъ
Того, что вѣра, честь рекла, а совѣсть пропустила,
И что съ согласья ихъ душа въ огнѣ чертила.
Восторговъ дань піитъ вездѣ пріобрѣтетъ;
А въ родинѣ своей когда жъ пророкъ живетъ!
Ученый мужъ писать обязанъ для вселенной
Изъ пользы лишь одной, для цѣли той священной,
Чтобъ разумъ и сердца людскія убѣдить
Въ согласьи межъ собой съ благопріязнью жить;
Очистивъ отъ скорлупъ разврата дики нравы,
Поставить міру храмъ въ пустыняхъ хищной славы.
Вотъ истинный предметъ любителя наукъ,
Которому соха милѣй, чѣмъ шлемовъ звукъ!
Онъ долженъ позабыть во бдѣніи работы
Любостяжанія широкіе расчеты,
И, сидя за перомъ, не для того потѣть,
Дабы за сладкій стихъ въ петлицу крестикъ вздѣть;

---

*) Стихи писать теперь есть промыселъ торговый,
И къ праздничному дню бояре всѣ съ обновой
(т.-е. съ полными лести поздравительными стихами).

Изъ виду у него чтобъ вѣчность не терялась,
Безсмертіемъ идей душа бы воздымалась.
Умремъ — и все свое возьметъ себѣ земля;
Но духъ вовѣки живъ — его не тронетъ тля:
Въ изящныхъ письменахъ залогъ его хранится;
Грядущи племена придутъ въ рудѣ сей рыться,
Чтобъ черпать изъ нея свѣтлѣе злата лучъ,
И солнце озаритъ перстъ мудраго изъ тучъ.

Далѣе слѣдуютъ нѣсколько строкъ, изъ которыхъ видно, что авторъ понимаетъ ничтожность и любовныхъ стихотвореній, но смотритъ на нихъ, какъ на слабость, которую можно извинить; но непростительнымъ въ его глазахъ являются льстивыя произведенія, подносимыя сильнымъ міра изъ-за корыстныхъ цѣлей.

Для общества людей, къ поверхности прилежныхъ,
Запасъ огромный мы стиховъ имѣемъ нѣжныхъ.
Простительно пѣвцу минутныя тоски,
Когда его любовь потянетъ за виски,
Венерою назвать ледащую калмычку
За то, что сдѣлалъ онъ вздыхать о ней привычку,—
Но клятвы на судѣ потомства ждутъ того,
Кто силы истощилъ искусства своего
На то, чтобъ выхвалять, добра надѣвъ личину,
Моральныхъ тяжкихъ золъ ужасную пружину.

Въ приведенныхъ строкахъ взглядъ Долгорукаго на любовныя стихотворенія почти отрицательный. Но есть у него и такія мѣста, гдѣ нашъ поэтъ уже вполнѣ отрицательно относится и къ самой страсти, дѣлающей человѣка влюбчивымъ, и тутъ онъ является передъ нами личностью, которой знакомы и самые высокіе порывы человѣческаго духа. Такъ, въ стихотвореніи: „Счастливый человѣкъ“ Долгорукій говоритъ, что блаженъ тотъ, кто

Игрушки міра и наряды,
Изъ коихъ бьется цѣлый свѣтъ,
Суетъ мечтательны награды
За самый низкій чтитъ уметъ.
Все здѣсь и тлѣнно и не вѣчно,
И смѣхъ и горе скоротечно;
Постигнетъ смерти лютый часъ:
А тамъ какъ не съ чѣмъ появиться!
Сюда нельзя ужъ возвратиться,
Чтобъ добрыхъ дѣлъ собрать запасъ.

Любви, сей пагубнѣйшей страсти,
Посредствомъ коей человѣкъ
Слезамъ нерѣдко и напасти
Приноситъ въ жертву краткій вѣкъ
Ему не страшны вспламенѣнья;

Взирая на ея волненья,
Какъ водъ на возмущенный токъ,
Болитъ о слѣдствіяхъ несчастныхъ,
И свой отъ нихъ спасаетъ рокъ.
Онъ, душу, сердце, умъ и свойства
На пользу ближнихъ посвятя,
Хранитъ тѣмъ связь благоустройства;
Но, Богомъ смертнаго не чтя,
Не ставитъ въ женщинахъ кумира,
И выше всѣхъ предѣловъ міра
Возноситъ духъ свой къ небесамъ:
Какъ огнь, прорвавшись изъ строенья,
Шлетъ паръ въ воздушныя селенья,
Такъ онъ стремится въ горній храмъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ отрывковъ изъ стихотвореній Долгорукаго встрѣчается сатирическій элементъ. Элементъ этотъ разсѣянъ по многимъ мѣстамъ произведеній князя, но иногда онъ собранъ въ стихотвореніи настолько, что придаетъ ему видъ нестоящей сатиры. Такимъ характеромъ отличается, напримѣръ, очень длинное стихотвореніе: „Торжество совѣсти". Въ немъ между прочимъ авторъ изображаетъ съ одной стороны совѣсть тѣхъ богачей, для которыхъ, по выраженію поэта, божествомъ является алмазная гора, а съ другой указываетъ, какое обаяніе можетъ производить богатство на людей, лишенныхъ высокихъ идеаловъ: оно становится ихъ кумиромъ, ему покланяются, у него заискиваютъ, ему льстятъ и кривятъ предъ нимъ душою.

Богатый можетъ все, чего бъ ни захотѣлъ;
Изъятія здѣсь нѣтъ — весь міръ его удѣлъ...
Какая бы игра въ театрѣ ни была,
Всѣ лучшія мѣста дирекція дала;
Карету прежде всѣхъ его къ крыльцу подвозятъ,
Всѣ мелкіе чины вокругъ его елозятъ,
А крупные себѣ вмѣняютъ въ знатну честь
Съ нимъ молвить слова два, хоть рядышкомъ присѣсть...
А что всего милѣй — и истина полна:
Богатый вѣчно правъ, безгрѣшенъ, безъ пятна.
На что ему стяжать моральныя доброты?
Онѣ не векселя: не выложишь на счеты;
А съ деньгами какихъ нельзя пороковъ сбыть,
Достоинствъ наклепать, талантовъ прикупить!
Дуракъ ли кто — премудръ; безграмотенъ — все знаетъ;
Безчестенъ — день и ночь о чести помышляетъ;
Безбожникъ, изувѣръ — всѣ въ городѣ твердятъ,
Что нѣтъ святыхъ мужей, коль первый онъ не святъ...

Короче, въ немъ все даръ, изящность, превосходство!
Сомнительно ль его хоть мало благородство,
Отыщется тотчасъ наемный хронологъ,
И выведетъ, что онъ породой чуть не богъ.

Затѣмъ сатирикъ переходитъ къ раскрытію происхожденія богатства нѣкоторыхъ людей. Это онъ дѣлаетъ, призывая богатыхъ къ отвѣтственности передъ совѣстію.

Богатые! и васъ средь злата тяжкихъ грудъ
Не пощадитъ ея (совѣсти) немздопріимный судъ!
Міръ, праздники любя, за нихъ хвалить васъ будетъ;
Но совѣсти упрекъ и въ крѣпкомъ снѣ разбудитъ,
Истяжетъ,—кто изъ васъ какъ благо наживалъ.
Отвѣтствуйте!—ея допросовъ часъ насталъ.
Вѣщай, кичливый сынъ великаго героя!
На ближняго бѣдахъ свое блаженство строя,
Не тѣмъ ли въ наши дни царямъ подобенъ сталъ,
Что правомъ тяжкихъ силъ въ родствѣ все похищалъ?
Въ крутыя времена жестокаго гоненья,
Когда твою сестру, не знавшу преступленія,
Сослали безъ вины изъ красныхъ теремовъ
Въ далекихъ жить снѣгахъ, въ тюрьмѣ между штыковъ,—
Ты духъ имѣлъ лишить ее въ такой напасти
Въ имѣніи отца ей слѣдующей части...
Сюда, Махіавель! По модѣ человѣкъ,
Отечеству служа мздоимно весь свой вѣкъ,
Чѣмъ нажилъ, говори, огромное имѣнье?
Сокровище твое—чужое разоренье!—
Прекрасный держишь домъ, и нектаръ сладкій пьешь,
Весь городъ всякій разъ на праздники зовешь;
Но взглянь вокругъ себя, на кровы тѣхъ несчастныхъ,
Которыхъ ты всего имущества лишилъ,
Иное съ молотка за полцѣны купилъ;
Хозяйственно другихъ опекою своею
Заставилъ навязать суму себѣ на шею;
Тамъ, мѣру положивъ неправеднѣйшей мздѣ,
Ты почеркомъ пера все отнялъ на судѣ;
Тутъ нагло торговалъ прекрасною женою,
Здѣсь строилъ, созидалъ все деньгою чужою.
Блѣднѣй и трепещи!—Я вѣчно при тебѣ;
Приду—и обличу, въ какой ни будь судьбѣ!—

Далѣе сатирикъ, отъ лица совѣсти же, съ негодованіемъ обращается къ картежному игроку:

Страшись меня и ты, врагъ юношества скрытный,
Чужихъ фортунъ насосъ и зѣвъ ихъ ненасытный,
Безжалостный игрокъ!—Чего у тебя нѣтъ!
Откуда?—Мечешь банкъ вотъ ровно сорокъ лѣтъ,

И нагло всѣмъ твердишь:—«Я все трудами нажилъ».
Но меньше ль согрѣшилъ, когда ты не уважилъ
Долгъ ближняго прямой и, лежа на тузѣ,
Неопытныхъ смѣясь отчаянной слезѣ,
Въ одинъ несчастный мигъ рѣшительнаго бѣдства
Лишилъ навѣкъ дѣтей отцовскаго наслѣдства.

Долгорукій вообще былъ врагомъ карточной игры, и даже привѣтствовалъ одой указъ Императора Александра I, строго запрещавшій неумѣренную игру. Въ этой одѣ есть, между прочимъ, такой куплетъ:

И мы хотимъ, чтобъ противъ насъ
Суровыхъ мѣръ не принимали!
Дай волѣ мигъ—и мы тотчасъ
Какъ дики козы забрыкали.
Для безразсудныхъ воли нѣтъ.
Благоразумная свобода
Изъ дѣлъ познать себя даетъ
У просвѣщеннаго народа.

Сатира Долгорукаго нерѣдко принимала шутливый тонъ. Въ такомъ тонѣ написано, напримѣръ, начало стихотворенія: „Пареену".

Пареенъ! напрасно ты вздыхаешь
О томъ, что долженъ жить въ степи,
Гдѣ съ горя, съ скуки изныраешь.
Ты бѣденъ — слѣдственно терпи.
Блаженство даромъ достается
Такимъ, какъ ты, на небеси;
А здѣсь съ поклону все дается.
Ты бѣденъ—слѣдственно проси.
Коль баринъ на смѣхъ поднимаетъ,
Вмѣняй то въ честь и не ропщи;
Тобой онъ тѣшиться желаетъ.
Ты бѣденъ — слѣдственно молчи.
Не смѣй отнюдь тѣмъ обижаться,
Что некогда ему тобой
Въ своей уборной заниматься.
Ты бѣденъ — такъ въ сѣняхъ постой.

Но далѣе поэтъ переходитъ въ грустный тонъ и говоритъ:

О бѣдность! горько жить съ тобою!
Нельзя и чувствамъ воли дать.
Я, разсуждая самъ съ собою,
Не могъ вовѣкъ того понять,
Какъ могутъ люди быть такіе,
У коихъ множество всего,
И въ томъ же свѣтѣ есть другіе,
У коихъ вовсе ничего

Иной въ прекраснѣйшей палатѣ
Даетъ вседневный пиръ друзьямъ;
А рядомъ съ нимъ въ подземной хатѣ
Другой не ѣстъ по цѣлымъ днямъ.
Богачъ теряетъ десятину,
И всѣ кричатъ: какой уронъ!
А бѣдный выроннтъ полтину —
И никому не жалокъ онъ.
Обиженъ сильный — шумъ, тревога;
Обиженъ сирый — быть должно!
Иль въ области всесильна Бога
Пареенъ и Крезъ не все равно?

Въ разсмотрѣнныхъ стихотвореніяхъ сатира Долгорукаго серьезна: она касается пороковъ, зломъ чреватыхъ. Иной характеръ имѣетъ его сатира, облеченная въ форму комедіи, подъ названіемъ: „Дурыломъ, или выборъ въ старшины“ (1816 г.), гдѣ изображенъ мелкій провинціальный честолюбецъ. Впрочемъ, типъ этого честолюбца взятъ изъ жизни: онъ списанъ съ нѣкоего жившаго во Владимирѣ помѣщика Дурова. О немъ упоминаетъ Долгорукій въ своихъ запискахъ и говоритъ, что у этого человѣка была страсть воображать, что онъ вездѣ необходимъ, что безъ него не могутъ обойтись ни похороны ни свадьба. Высшимъ счастьемъ своимъ онъ считалъ быть старшиною въ мѣстномъ дворянскомъ собраніи, или, какъ тогда называли это учрежденіе, въ редутѣ [41]).

Но въ историческомъ отношеніи представляла бы гораздо болѣе интереса та комедія Долгорукаго, которая, къ сожалѣнію, не сохранилась и о которой мы знаемъ только по разсказу С. Т. Аксакова въ его „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ“. Въ ней былъ выведенъ прототипъ Гоголевскаго Кошкарева. Озаглавлена она была: „У семи нянекъ дитя безъ глазу“. Аксаковъ видѣлъ ее въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ на домашнемъ театрѣ князя, отзывается о ней, какъ о пьесѣ живой и забавной, и такъ передаетъ ея содержаніе. „Одинъ русскій помѣщикъ-агрономъ, для лучшаго устройства своего хозяйства на иностранный манеръ, раздѣляетъ сельское управленіе на нѣсколько частей и каждую ввѣряетъ особому наемному управителю, или директору, въ числѣ которыхъ находится ученый нѣмецъ и еще, кажется, одинъ семинаристъ; всѣ директоры должны сноситься между собою письменно или словесно въ конторѣ, не выходя изъ назначенной имъ колеи, не переступая предѣловъ ихъ власти. Разумѣется, изъ этого выходитъ страшная кутерьма,

такъ что и деревня совсѣмъ было сгорѣла, оттого что завѣдывавшій пожарною частью не получилъ во-время надлежащаго увѣдомленія. По счастью, близкій сосѣдъ,—не нововводитель, не агрономъ, а умный русскій помѣщикъ, — увидя пожаръ, прискакиваетъ съ своими людьми и пожарными инструментами и спасаетъ отъ конечной гибели село и домъ своего сосѣда. Онъ дѣлаетъ еще болѣе: онъ образумливаетъ помѣщика-агронома, который былъ не что иное, какъ своего рода и времени Кошкаревъ, выведенный Гоголемъ во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ». Я помню, что было очень много презабавныхъ сценъ, что зрители очень много смѣялись".

Характеръ поэзіи Долгорукаго очень мѣтко опредѣленъ имъ самимъ:

Я чувствами богатъ, но бѣденъ въ изъясненьи—

сказалъ онъ однажды [42]), указавъ этимъ стихомъ и на содержаніе и на форму своихъ произведеній.

Остановимся сперва на формѣ. Говоря вообще, стихи Долгорукаго неизящны, а часто и прямо-таки тяжелы, и та легкость, какую мы чувствуемъ въ посланіи къ Парѳену, встрѣчается у него сравнительно рѣдко. Встрѣчаются даже неправильности въ самомъ стихосложеніи. Вообще Долгорукій не былъ художникомъ. Онъ, какъ поэтъ, дѣйствительно бѣденъ въ изъясненьи; но зато и въ самомъ дѣлѣ богатъ чувствами. Сколько у него однихъ любовныхъ восторговъ, а подчасъ и любовной тоски! сколько отдано дани женской красотѣ и любезностямъ! Однако, это только одна сторона содержанія поэзіи Долгорукаго, сторона тоже не лишенная своего интереса, какъ черта даннаго времени. Но, кромѣ этой стороны, есть и другая: поэтъ, оглядываясь на окружающую его жизнь, видитъ чрезмѣрное служеніе мамонѣ.

Не честь владыка нашъ, но злато и сребро [43]).
Корысть и зависть міръ плѣнили,
Путь состраданью заложили, [44])

говоритъ онъ и призываетъ своихъ собратій къ сердечности, къ христіанской любви, къ правдѣ, напоминаетъ имъ о совѣсти и объ отвѣтственности за предѣлами здѣшней жизни.

О люди! въ тлѣнной сей юдоли
Прострите къ вѣчности вашъ взглядъ,
Доколѣ въ вашей еще волѣ
Стяжать въ ней рай — избѣгнуть адъ [45]).

И нѣтъ ни малѣйшей причины заподозрить Долгорукаго въ неискренности. Онъ, побуждаемый своей пылкой натурой, влюблялся; писалъ любовные стихи, поощряемый модой на нихъ; въ минуты просвѣтлѣнія искренно каялся въ своихъ грѣхахъ, и совершенно искренно же высказывалъ свои гуманныя и благородныя чувства. Желающіе убѣдиться въ его полной откровенности, доходящей иногда даже до самобичеванія, могутъ прочесть его „Капище моего сердца", интересное и въ историческомъ отношеніи. Это — рядъ замѣтокъ Долгорукаго о его сношеніяхъ съ разными лицами, замѣтокъ, изложенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ именъ, напр. Аввакумъ, Ададуровъ, Аксакова, Александръ Первый, Алферова, Алябьевъ и т. д. „Капище" Долгорукаго — тоже въ своемъ родѣ записки современника, и въ нихъ читатель найдетъ и характеристику многихъ лицъ и различныя черты эпохи. Сочиненіе это довольно объемистое: 403 страницы формата „Русскаго Архива".

Тутъ нельзя кстати не отмѣтить и того факта, что Долгорукій, давая въ своемъ „Капищѣ" мѣсто князьямъ, графамъ и царямъ, давалъ его и своимъ крѣпостнымъ. Такъ онъ съ теплымъ чувствомъ описываетъ своего дядьку Степана Куликова и съ юморомъ разсказываетъ о Колобовѣ, горькомъ пьяницѣ, но вѣрно и исправно служившемъ князю почтальономъ въ его любовной перепискѣ.

—

Этика свѣтлой стороны поэзіи Долгорукаго имѣетъ чисто христіанскій источникъ — Евангеліе. Говоря о людскомъ служеніи страстямъ, поэтъ въ то же время старается напомнить о бренности нашей земной жизни и о необходимости „въ тлѣнной сей юдоли простирать взглядъ къ вѣчности". Отсюда у него такія частыя сопоставленія земного съ небеснымъ, посюстороннихъ идеаловъ съ идеалами потусторонними. Наиболѣе полное осуществленіе послѣднихъ онъ находилъ „въ невинности древнихъ христіанъ" [46]). Но на Долгорукаго имѣлъ вліяніе и Руссо, любимый его писатель, котораго онъ называлъ „философомъ благонравнымъ" [47]). Подъ вліяніемъ Руссо, онъ любилъ дѣлать другого рода сопоставленіе: сопоставленіе суетной и порочной жизни городской съ жизнью, близкою къ природѣ. Такое сопоставленіе встрѣчается у него во многихъ мѣстахъ, напр. въ стих. „Хижина на Рпѣни" (рѣкѣ), въ стих. „Счастливый человѣкъ", гдѣ поэтъ говоритъ, что чистаго совѣстью человѣка онъ рѣшится искать не въ городѣ, а „въ степи у добрыхъ поселянъ" [48]). Наконецъ въ стих.

„Торжество совѣсти“, указавъ на карточнаго игрока, авторъ продолжаетъ:

Фортуна! гдѣ бы ты ни ставила престолъ,
Какихъ ни чаялъ благъ, ни избѣгалъ я золъ,
Но ежели стяжать мнѣ жребій несравненный
Цѣною совѣсти предложатъ возмущенной,—
Дарами ты меня своими не прельстишь:
Хвала чужая — грязь, коль самъ себя не чтишь.
Умѣренный удѣлъ и скромное жилище
На родинѣ святой, отцовомъ пепелищѣ,
Гдѣ опытъ научалъ издѣтства мудрымъ быть —
Надежды всѣ свои на Бога положить,...
Гдѣ чистая душа, свободна отъ страстей,
Даетъ всему красу невинностью своей:
Тамъ, тамъ, — оставя всѣ теоріи невѣрны, —
Ищите счастія, умы высокомѣрны!
Тамъ страшенъ только грѣхъ, великъ небесный Царь.
Тамъ твердъ Его законъ и святъ Его алтарь!

XI. Сатира князя Горчакова (1758—1824), Милонова (1792—1821), Нахимова (1782—1814). Воейкова (1778—1839).

Біографическія свѣдѣнія о кн. Д. П. Горчаковѣ.—Жалобы на увеличеніе взяточничества.—„Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукому“.—Сатира Милонова: „Къ Рубеллію“ (Аракчееву). — Слишкомъ общій характеръ его сатиръ вообще.— Нѣсколько словъ о самомъ Милоновѣ, о его элегической лирикѣ и патріотическихъ стихотвореніяхъ.—Біографическія свѣдѣнія о Нахимовѣ, его преподаваніе грамматики чиновникамъ и его сатиры на „крапивное сѣмя“. — Его „Словесныя обезьяны“, „Пурсоніада“ и „Мерзилкинъ“.—Еще нѣкоторыя личности изъ звѣринца халдея.—Басни: „Моська и собака на привязи“ и „Жалкій левъ“.—Комедія: „Влюбленные педанты“. — Отрицательные критики Нахимова и заступничество за него Чирикова.—Наша сатира Александровской эпохи, возстававшая противъ французскаго воспитанія и противъ судейской неправды и лихоимства, была ли только традиціей прежняго времени? — Воейковъ, его сатиры и неудачная журнальная дѣятельность.

Ко времени Долгорукаго относятся и другіе наши сатирики: князь Горчаковъ, Милоновъ, Нахимовъ, Воейковъ.

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ, сынъ небогатаго дворянина Костромской губерніи, князя Петра Ивановича Горчакова, родился 1-го января 1758 г. [49]). Онъ происходилъ по прямой линіи отъ четвертаго сына князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго, замученнаго татарами въ Ордѣ въ 1246 г. Одинъ изъ потомковъ Михаила, князь Иванъ Ѳеодоровичъ Перемышльскій,

носилъ прозваніе: *Горчакъ*, и отсюда произошла фамилія Горчаковыхъ. Такое объясненіе даетъ внучка писателя—княжна Елена Горчакова.

Дмитрій Петровичъ получилъ домашнее образованіе, зналъ хорошо языки французскій и нѣмецкій, и въ молодыхъ лѣтахъ вступилъ въ военную службу. На Кубани онъ обратилъ на себя вниманіе Суворова. Въ 1780 г. онъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ въ своемъ тульскомъ имѣніи, но во время турецкой войны снова явился къ Суворову, участвовалъ въ штурмѣ Измаила и былъ тяжело раненъ. Въ царствованіе Александра I князь занималъ должность таврическаго губернскаго прокурора, затѣмъ правителя дѣлъ въ молдавской арміи, въ 1813 г. былъ назначенъ костромскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1816 г. вышелъ окончательно въ отставку и жилъ частнымъ человѣкомъ. Въ біографіи, написанной его внучкой, сказано, что князь „имѣлъ умъ свѣтлый и острый, восхищался Вольтеромъ, какъ первымъ въ свѣтѣ трагикомъ, и въ молодости даже слылъ ярымъ вольтеріанцемъ, хотя въ душѣ не переставалъ быть христіаниномъ и вѣрнымъ сыномъ Россіи, что и доказалъ впослѣдствіи своимъ сближеніемъ съ литераторами совершенно другого направленія“. И дѣйствительно, Горчаковъ извѣстенъ, какъ сторонникъ Шишкова и Державина и какъ участникъ въ учрежденіи и трудахъ „Бесѣды любителей русскаго слова“. Онъ писалъ стихи для чтенія въ ея собраніяхъ, и стихи эти—главнымъ образомъ сатиры—были въ большомъ почетѣ у членовъ „Бесѣды“.

По отзыву внучки, князь Горчаковъ былъ человѣкъ увлекающійся: онъ увлекался то военной службой, то сельскимъ хозяйствомъ, то литературой. Отсюда понятно, что и литературой онъ занимался, какъ говоритъ его біографъ, „урывками“, сочиняя то оперы, то сатиры. Писатель онъ былъ, какъ видно, довольно плодовитый, но большая часть его сочиненій до насъ не дошла: она сгорѣла въ рукописяхъ во время деревенскаго пожара. Въ собраніи его сочиненій, изданномъ его внучкою, главное мѣсто занимаютъ комическія оперы. Ихъ тамъ три: „Калифъ на часъ“ (въ 4 дѣйств.), „Счастливая тоня“ (въ 4 дѣйств.) и „Баба-Яга“ (въ 3 д. съ балетомъ). Затѣмъ помѣщена небольшая повѣсть: „Пламиръ и Раида“, изображающая несчастную любовь и оканчивающаяся смертью и героя и героини, и наконецъ очень немного сатирическихъ стихотвореній. Въ одномъ изъ нихъ—въ „Письмѣ къ пріятелю“, относящемуся еще къ 1794 г., есть мѣсто, напоминающее жалобу Гоголевскаго просителя:

А къ пущей намъ бѣдѣ,
Умножился у насъ судейскій родъ толико,
Какъ рыбъ въ водѣ:—
Ну, можетъ ли когда имѣнье быть велико?
Бывало одного барана принесешь—
И правъ пойдешь;
Не хочешь, чтобъ твое имѣніе пропало:
А нынѣ ихъ и сотни мало.

Стало быть, жалобы на увеличеніе взяточничества стали раздаваться въ нашей литературѣ гораздо раньше Гоголя. Но это зло продолжало расти. М. Дмитріевъ, говоря о своемъ времени, съ отчаяніемъ замѣчаетъ: „никакая сила поэтическаго дарованія, думаю, ни сила самого Ювенала, не сравнится съ этою адскою силою, называемою взяточничествомъ. Надобно пожить въ провинціи, чтобы узнать, какъ она обхватила и держитъ въ своихъ когтяхъ нашу православную Русь“ [50]).

Лучшимъ изъ всѣхъ сохранившихся произведеній Горчакова справедливо признается его „Посланіе къ князю С. Н. Долгорукому“ *). Галаховъ даже говоритъ, что, „по рѣзкости обличенія, по силѣ негодующаго, часто одушевленнаго тона“, это посланіе Горчакова принадлежитъ вообще къ лучшимъ произведеніямъ нашей сатирической поэзіи [51]).

Авторъ начинаетъ свою сатиру такимъ обращеніемъ къ Ювеналу:

Воскресни, Ювеналъ, воскресни, правды другъ,
Вручи свою мнѣ кисть, впери въ меня свой духъ,
Чтобъ смѣлою рукой, презря эхидно жало,
Съ злодѣйства, съ глупости я сорвалъ покрывало;
Чтобъ въ сихъ моихъ стихахъ твой ѣдкій, рѣзкій слогъ
Постыдныя дѣла карать достойно могъ!

И сейчасъ же за этимъ говоритъ: быть можетъ, мнѣ скажутъ, что не къ чему писать сатиры: „людскія каверзы у всѣхъ на перечетъ“, и сатирику нельзя ничего указать новаго. Авторъ на это предполагаемое замѣчаніе отвѣчаетъ:

. . . . если бъ я сказалъ, что племя лживо
Издавна завистью на истину кипитъ;
Что блескомъ золота дуракъ толпу слѣпитъ;
Что по приданому лишь цѣнится невѣста;

*) Сергѣй Николаевичъ Долгорукій былъ посланникомъ въ Гагѣ и послѣ въ Неаполѣ.

Что ходитъ человѣкъ съ способностью безъ мѣста,
А съ покровительствомъ у должности глупецъ;
Что деньгами досталъ ассесорство купецъ...,—
Признаться, о такихъ писать мірскихъ грѣхахъ
И въ прозѣ не по что, не только что въ стихахъ.
Уже изъ давнихъ лѣтъ все это между нами
Обыкновенными считается дѣлами;
Но, къ вящшему всегда стремяся человѣкъ,
Намъ новыя явилъ неистовства въ нашъ вѣкъ.

И сатирикъ переходитъ къ указанію того, что онъ считалъ „новыми неистовствами". Прежде всего идетъ рѣчь объ азартной карточной игрѣ, вызвавшей, какъ уже знаемъ, даже строгій указъ императора Александра I [52]). Но о пускающихъ по міру банкометахъ, объ этихъ „насосахъ чужихъ фортунъ", писалъ и Долгорукій съ неменьшимъ негодованіемъ.

Далѣе авторъ останавливается на казнокрадствѣ и всякаго рода грабительствѣ.

А это, напримѣръ, ужли не чтить за диво,
Когда, губернію Подлягинъ разоря,
И ужъ обруганный указомъ отъ царя,
Другой родъ службы взялъ и, ко стыду законовъ,
Въ распоряженіе вступая милліоновъ,
Мнитъ такъ: граждане мѣшаютъ грабить мнѣ,—
Убытокъ вымещу я этотъ на казнѣ;
И, шествуя стезей воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою избавлюсь отъ веревки.
Иль, жаркой мы когда бывъ заняты войной,
Заграбинъ и Хапковъ, въ подрядъ вступя съ казной,
Одинъ невыставкой припасовъ и доспѣховъ
Ко славѣ препиналъ путь войскамъ средь успѣховъ.
Другой—на раненыхъ свершилъ въ госпиталяхъ
Смерть, недоконченну на Марсовыхъ поляхъ:
Корыстолюбія всѣмъ жертвуя кумиру,
Готовы подписать за грошъ погибель міру.
Хоть сдѣлались они, рождая бѣдствій тьмы,
Солдатамъ пагубнѣй картечей и чумы,—
Но, покровительство доставъ себѣ изъ платы,
Великолѣпныя воздвигнули палаты,
Даютъ и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы воспѣваютъ имъ хвалы.
Искусствомъ повара загладя преступленьи,
Средь пиршествъ жизнь ведутъ въ пріятномъ усыпленьи
А воинъ между тѣмъ, пришедшій на клюкѣ,
И черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подъ окнами изстрѣленну десницу,
За счастье чтитъ достать отъ нихъ стола крупицу.

За казнокрадами выступаетъ откупщикъ.

Посмотримъ на сего теперь откупщика!
Въ карманъ къ нему течетъ серебряна рѣка;
Презрѣвши скромные отца въ лаптяхъ примѣры,
Въ дворяне вышелъ онъ, и даже въ кавалеры,
И столько сдѣлался своей казною дюжъ,
Что тысячъ нѣсколько теперь имѣетъ душъ.
А началъ онъ съ чего? Какъ былъ еще купчишка,
Онъ кое-какъ тогда досталъ себѣ чинишко.
Но, встрѣтя къ откупамъ преграду чрезъ него,
Безстыдно отперся отъ имя своего;
Вдругъ сталъ опять купцомъ,—и вновь вступилъ въ дворяне,
Какъ туго у него ужъ сдѣлалось въ карманѣ.
Какихъ не принималъ къ обогащенью мѣръ
Сей изъ подносчиковъ возникшій кавалеръ!
Не удовольствуясь, что пьянствомъ портилъ нравы,
Онъ пакостилъ вино, клалъ вредныя приправы
И часто, превратя народну радость въ плачъ,
На откупъ имъ взятыхъ губерній былъ палачъ.

Наконецъ сатирикъ переходитъ къ воспитанію.

Но кинемъ сихъ злодѣйствъ мерзительный соборъ!
На глупость, на порокъ прострemъ усталый взоръ:
Посмотримъ, меньше ль мы у нихъ въ порабощеньи,
И сильны ли у насъ успѣхи въ просвѣщеньи.
Первѣйшимъ долгомъ всѣ считаютъ у людей
О воспитаніи пещись своихъ дѣтей,
Къ ихъ свѣдѣнью довесть науки и искусства,
Любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать ихъ духъ,
Чтобъ сынъ отечества былъ вмѣстѣ людямъ другъ.
Вотъ сладкіе плоды трудовъ отцамъ пріятныхъ!
Разсмотримъ же теперь своихъ *невѣроятныхъ* *):
Имѣютъ ли сіи отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знанія, чѣмъ ихъ умы набиты,
Намъ могутъ ли служить для пользы иль защиты?
И, съ полнымъ свѣдѣньемъ о всѣхъ земляхъ чужихъ,
Хоть сокращенное о нашей есть ли въ нихъ?
Какой къ отечеству ихъ жаръ, къ служенью рвенье,
И къ праху праотцевъ въ душѣ благоговѣнье?...
Я тщетно русскаго найти межъ ними льщусь:
Всякъ англичанинъ въ нихъ, иль нѣмецъ, иль французъ:
Презрѣнье къ своему, къ чужому почитанье
Имъ иностранное внушило воспитанье.
Тамъ *Вральманъ*, тутъ *Годдемъ*, а здѣсь училъ *Аббе*,—
И всякъ образовалъ питомца по себѣ!

---

*) Incroyables.

И затѣмъ Горчаковъ говоритъ:

Дивиться должно ли, что сихъ людей уроки
Къ природнымъ привили и ихъ земель пороки?
Коль собственный развратъ умножили чужимъ,
Когда отечествомъ своимъ не дорожимъ,—
Такъ дивно ль, что, имѣвъ забавы тщетны цѣлью,
Тамъ посвящаютъ дни виновному бездѣлью?
Что, съ помочей сойдя, мальчишка въ двадцать лѣтъ
Уже съ прелестницей открыто жизнь ведетъ?
Что тотъ, кто рожею сѣсть къ ставцу не умѣетъ,
Судить религію, судить правленье смѣетъ
И, на губахъ не давъ обсохнуть молоку,
Предѣловъ не кладетъ болтливу языку?
По модѣ — врагъ дворянъ, по модѣ — другъ народа,
Свободою плѣненъ, не зная, что свобода,
И въ клубѣ англійскомъ прехрабрый молодецъ!
Но въ полѣ чести, тамъ, гдѣ палъ его отецъ,
Безстрашно защищавъ отечество любезно,
Онъ ни ногой туда — и было бъ безполезно:
Наукамъ, кои знать дворянства есть удѣлъ,
Учиться онъ въ свой вѣкъ не могъ и не хотѣлъ,
И, къ моднымъ знаніямъ стремя дары натуры,
Онъ мастеръ рисовать однѣ карикатуры.
Что жъ въ войскахъ сдѣлалъ бы присутствіемъ своимъ?
Помѣху бы иль вредъ нанесъ невѣжда имъ.

Горчаковъ осмѣиваетъ тутъ не серьезный либерализмъ, а болтливое либеральничанье пустыхъ модниковъ, столь же образованныхъ, какъ и Грибоѣдовскій Репетиловъ.

Отъ общества сатирикъ обращается къ литературѣ и театру. Но здѣсь негодующій тонъ уступаетъ насмѣшливому. Какъ сторонникъ „Бесѣды", Горчаковъ обращаетъ свои насмѣшки на „французско-русскій ликъ" плохихъ подражателей Карамзина, изъ которыхъ одинъ

слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой — съ собачкою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлеръ
Гордится, выпустя сентиментальный вздоръ.

Какъ приверженецъ ложнаго классицизма, Горчаковъ жалуется, что, вмѣсто знаменитыхъ трагедій французскихъ классиковъ, на сценѣ царитъ „*коцебятина*", т.-е. пьесы нѣмца Коцебу. Мимоходомъ сатирикъ задѣлъ и тѣхъ авторовъ, которые любили изображать нескромныя картины, примѣры чего мы уже указывали въ статьѣ о Долгорукомъ.

Умеръ Горчаковъ 29 ноября 1824 г.; похороненъ въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ.

Мы указывали, что Горчаковъ увлекался между прочимъ сельскимъ хозяйствомъ. Какъ бы для оправданія этого увлеченія онъ помѣстилъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Совѣтъ Пустону“) слѣдующія строки:

Не меньше прочаго Россіи нуженъ плугъ;
Герой ее хранитъ, философъ просвѣщаетъ,
А добрый селянинъ трудомъ обогащаетъ.

Сильнымъ негодующимъ тономъ отличается и сатира Милонова: „Къ Рубеллію“, появившаяся въ „Цвѣтникѣ“ 1810 г. и мѣтившая, какъ думаютъ, въ Аракчеева. Сдѣланное авторомъ указаніе, будто эта сатира есть переводъ римскаго поэта Персія, было, конечно, только прикрытіемъ. Вотъ эта сатира.

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!
Почту ль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я.
Что твой минутный блескъ? что санъ твой горделивый?
Стыдъ смертнымъ — и укоръ судьбѣ несправедливой!

И далѣе сатирикъ говоритъ, что и блескъ и санъ имѣютъ значеніе лишь тогда, когда они достаются по заслугамъ; въ противномъ случаѣ

Безславный тѣмъ подлѣй, чѣмъ больше ищетъ славы.

И, снова обращаясь къ Рубеллію, авторъ восклицаетъ:

Что въ томъ, что ты въ честяхъ, въ кругу льстецовъ лукавыхъ
Вельможи на себя пріемлешь гордый видъ,
Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшитъ?
Рубеллій! титла лишь съ достоинствомъ почтенны,
Не блескомъ собственнымъ; сіяя имъ однимъ,
Заставятъ ли меня дѣла твои презрѣнны
Неправо освящать хваленіемъ моимъ?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой!
Минутою одной пріятенъ лести гласъ;
Но нужны доблести для жизни намъ счастливой:
Онѣ насъ усладятъ, онѣ возвысятъ насъ!
Гордися, окруженъ ласкателей соборомъ;
Но знай, что предо мной, предъ мудрыхъ строгимъ взоромъ,
Равно презрѣнъ и лесть внимающій и льстецъ!
Наемная хвала — безславія вѣнецъ!
Кто чтитъ достоинства и чувства въ насъ не знаетъ,

Въ неистовствѣ своемъ тѣснитъ и гонитъ ихъ, —
Повѣрь мнѣ, лишь себя жестоко осрамляетъ:
Унизимъ ли мы то, что выше насъ самихъ?
Когда презрѣніе питать къ тебѣ я смѣю,—
Я силенъ — и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гублю,
Но честію твоихъ сокровищъ не куплю!...
Мнѣ ль ползать предъ тобой въ толпѣ твоихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзелай — но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла твои отъ міра
Въ мракъ гроба? но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ, —
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!

Это произведеніе Милонова написано сильно и страстно, но едва ли оно достигло цѣли, т.-е. едва ли карало того, въ кого мѣтило, ибо Рубеллій представленъ въ немъ въ слишкомъ общихъ чертахъ: онъ временщикъ вообще, и нѣтъ въ сатирѣ ни одного штриха, который бы заставилъ видѣть въ Рубелліи именно Аракчеева.

Другія сатиры Милонова—„Къ Луказію" (1812 г.), „Къ моему разсудку" (1817), „На модныхъ болтуновъ" и пр.—суть подражанія иностраннымъ сатирамъ—Буало, Ювеналу, Вирже. Онѣ тоже слишкомъ плотно окутаны классической мантіей, на сцену являются Клиты, Бавіи, Балдусы, Лукуллы. Правда, есть и такія лица, въ которыхъ сейчасъ же можно узнать современныхъ автору русскихъ людей. Таковъ, напримѣръ, *Радковскій*, въ которомъ нельзя не видѣть автора весьма слабой поэмы: „Петръ Великій" (1803 г.) — Романа Сладковскаго; въ *Вралевѣ* и *Безсмысловѣ*, „которые живутъ взаимными хвалами", изображены Гречъ и Булгаринъ, отмѣченные и Крыловымъ въ баснѣ: „Кукушка и пѣтухъ", написанной по поводу ихъ взаимнаго восхваленія другъ друга въ то время, когда они были издателями „Сѣверной Пчелы". Есть наконецъ и прямыя указанія на Озерова, на книгопродавца Глазунова. Но подобныя болѣе или менѣе ясныя указанія на русскую именно почву—у Милонова очень рѣдки, и потому сатира его вообще отличается слишкомъ общимъ характеромъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ осмѣиваетъ бездарнаго стихокропателя-льстеца въ сатирѣ: „Къ Луказію". Обращаясь къ Луказію, въ лицѣ котораго сатирикъ собираетъ всѣ темныя стороны тогдашнихъ искателей земныхъ благъ при помощи своего стихотворства, Милоновъ говоритъ: если ты, Луказій, бездарный поэтъ, спрашиваешь меня, какъ тебѣ достичь славы и имени пѣвца, то вотъ тебѣ мой совѣтъ:

Стихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ,
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ—и слава твой удѣлъ!
Рубеллію тверди, что онъ рожденъ вельможей;
Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожѣй....
Съ огромною своей поэмою спѣши
Въ домъ *Клита*, и ему усердно пропиши:
Онъ знатный господинъ, талантовъ покровитель
И просвѣщенія въ отечествѣ ревнитель.
Страницей лести лишь пожертвуй—и твой трудъ
На счетъ его казны тисненью предадутъ!...
Комедіи своей желаешь ли успѣха:
Зови друзей въ театръ для хлопанья и смѣха—
И слава о тебѣ промчится въ *шумный рай!*
Въ обширныхъ замыслахъ своихъ не унывай:
Быть можетъ, за игру актрисы превосходной,
Похвалятъ и стихи въ трагедіи негодной.
Тогда тебя введутъ къ *Лукуллу* въ пышный домъ,
Гдѣ онъ, обсаженный невѣждами кругомъ,
За каждую строку твоей подлѣйшей лести
Сторицею воздастъ хвалы тебѣ и чести!...

Если бы не слѣдующія четыре стиха:

И *Глазуновъ*, сей мужъ толико благодарный,
Распишетъ о тебѣ хвалой высокопарной,
И книжнаго ума брадатый продавецъ
Всѣхъ будетъ увѣрять, что первый ты пѣвецъ,—

то изображенный стихотворецъ оставался бы ничѣмъ не пріуроченнымъ къ русской почвѣ.

Но зато сатира: „На женитьбу въ большомъ свѣтѣ" (1818) уже вполнѣ лишена всякихъ признаковъ русской именно жизни и носитъ совершенно общій характеръ. Въ ней идетъ рѣчь о слабостяхъ женщинъ высшаго круга, но безъ малѣйшаго намека на русскихъ собственно женщинъ. Напротивъ, эти жены Дамоновъ, окруженныя Жокондами, скорѣе заставляютъ насъ представлять себѣ француженокъ.

Отличаясь черезчуръ общимъ характеромъ, будучи почти лишенной русской одежды, сатира Милонова должна быть поставлена ниже не только „Чужого толка" Дмитріева и сатиръ Горчакова, но и сатирическихъ пьесъ Долгорукаго, который умѣлъ обнаружить матушку Русь, гдѣ указаніемъ на ссылку „въ далекіе снѣга", гдѣ обрисовывая барина-крѣпостника, издѣвающагося надъ бѣднымъ Парѳеномъ,—или по крайней мѣрѣ, оставаясь на общей почвѣ, не вводилъ въ свои сатиры Клитовъ, Бавіевъ, Дамоновъ, „Роландовъ яростныхъ, Ренальдовъ сихъ прелестныхъ".

Скажемъ нѣсколько словъ о самомъ авторѣ. Михаилъ Васильевичъ Милоновъ писалъ въ различныхъ видахъ лирики, но особенно былъ извѣстенъ своими сатирами. Онъ былъ уроженецъ Воронежской губерніи (Задонскаго уѣзда), образованіе получилъ въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, и потомъ служилъ въ гражданской службѣ въ Петербургѣ и Москвѣ, и между прочимъ нѣкоторое время—подъ начальствомъ Ив. Ив. Дмитріева. Жизнь его сложилась какъ-то особенно несогласно съ его идеаломъ. Своимъ высшимъ благомъ онъ считалъ независимость и свободу, а между тѣмъ нужда, этотъ „ужасный бичъ", какъ онъ ее называлъ, заставляла его служить—и онъ смотрѣлъ на свою службу съ отвращеніемъ, завидуя тѣмъ, кто могъ жить въ полной независимости въ своей деревнѣ. Къ этому присоединились еще разныя непріятности по службѣ и какое-то „бремя утратъ", о которомъ упоминаетъ поэтъ,—и все это вмѣстѣ вызывало грустное и недовольное настроеніе духа, что и отразилось въ лирикѣ Милонова. Въ его произведеніяхъ нерѣдко встрѣчаются такіе стихи, кахъ напр. слѣдующіе: „Люблю въ душѣ моей уныніе питать", „Жизни путь — есть путь страданья", а иногда и прямо высказывается желаніе скорѣе переселиться туда, гдѣ „воздыханья, плача нѣтъ". Но нѣкоторыя элегіи Милонова заслуживаютъ вниманія своей искренностью, теплотой чувства и простотой его выраженія. Вотъ, напримѣръ, его стихотвореніе: „Къ сестрѣ моей" (1812 г.):

Когда, мой другъ, опять съ тобою,
Дорожный бросивъ посохъ свой,
Я нѣжной обнимусь рукою
И водворюсь въ странѣ родной?
Ужъ много лѣтъ прошло разлуки,
Давно твой другъ осиротѣлъ;
Неуслажденны сердца муки
Ничей не облегчалъ раздѣлъ!
Когда опять съ восторгомъ встрѣтишь
Ты мой нечаянный приходъ,
И на лицѣ моемъ примѣтишь
Слѣды печалей и заботъ?
Лѣта ужъ много измѣнили
И много взяли въ дань себѣ,
Одно лишь сердце пощадили
И дружбу нѣжную къ тебѣ.
Мечты сокрылися отрадны,
Ихъ грозный опытъ отогналъ,
Повѣялъ вѣтръ осенній, хладный,
И цвѣтъ весны моей увялъ!...

Когда наступитъ часъ желанный,
И я въ отеческомъ дому,
Въ пріютѣ дружбы, гость нежданный,
Прижмуся къ сердцу твоему?
Протекшихъ дней воспоминанье
Мы оживимъ въ душѣ своей,
И я начну повѣствованье
Моихъ въ разлукѣ текшихъ дней,
Какъ я съ бѣдами и судьбою
Боролся, силъ лишенъ своихъ—
И, усладенъ твоей слезою,
Навѣкъ изглажу память ихъ!
О другъ мой! счастливъ я заранѣ
Сей усладительной мечтой;
Уже въ пріятномъ чувствъ обманѣ
Тебя я вижу предъ собой.
То мнится мнѣ, обвороженный,
Съ тобой по рощамъ я брожу,
Вѣщаю — и, въ душѣ блаженный,
Восторга словъ не нахожу;
То, въ блѣдномъ вечера мерцаньи,
Ведомый дружбой и тобой,
Иду, въ задумчивомъ молчаньи,
На брегъ высокій и крутой,
Гдѣ Донъ, вспоившій насъ, свѣтлѣетъ,
Разстлавъ далеко зыби водъ,
Гдѣ жатвой нива богатѣетъ,
Родныхъ полей обильный плодъ!...
Но гаснетъ ужъ заря на югѣ,
Въ туманѣ кроются лѣса,
И, поселянъ поющихъ въ кругѣ,
Вдали слабѣютъ голоса.
Мы тихою идемъ стопою,
Простясь до утреннихъ часовъ,
И, провождаемы луною,
Въ свой мирный достигаемъ кровъ;
Съ ея отрадными лучами
Нисходятъ благотворны сны...
Уже, разставшись съ суетами,
Я сплю на ложѣ тишины.
Часъ утра! о восторгъ всегдашній!
О немъ, крылами бья, гласитъ
Встревожась петелъ мнѣ домашній,
И сонъ отъ глазъ моихъ летитъ!
Подъ перлами росы блестящій
Открытъ предъ мной зеленый лугъ,
И рогъ звучитъ, стада будящій,
И волъ взревѣлъ, впряженный въ плугъ.
Любовь твоя своимъ привѣтомъ

Идетъ меня предупредить...
Я съ бурнымъ распростился свѣтомъ!
Даю зарокъ для дружбы жить!
Но что! — твой призракъ удалился,
За нимъ мечтаній рѣзвыхъ рой:
Къ землѣ печальный взоръ склонился —
И я опять одинъ съ тоской!
Томлюсь, Фортуны рабъ слѣпыя,
Безъ наслажденья трачу дни,
И блага промѣнялъ прямыя
На ложны призраки одни!
Мой другъ! счастливаго возврата
Когда на родину дождусь,
И предъ домашняго пената
Съ смиренной жертвою явлюсь?

Въ этомъ стихотвореніи даже чувствуется уже значительная легкость стиха, въ чемъ, быть можетъ, надо видѣть вліяніе Жуковскаго, который былъ „любимымъ поэтомъ" Милонова, какъ это видно изъ посланія его къ Василію Андреевичу, гдѣ послѣдній названъ поэтомъ *нѣжныхъ чувствъ, любви и природы.*

У Милонова есть и нѣсколько патріотическихъ стихотвореній, вызванныхъ событіями отечественной войны. Объ одномъ изъ нихъ—„Къ патріотамъ",—написанномъ по поводу занятія французами Смоленска, мы уже упоминали, когда говорили о „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ" 1812 г. (см. вып. V, 193). Изъ остальныхъ можно упомянуть объ элегіи: „Мысли при гробѣ князя Кутузова-Смоленскаго" (1813 г.). Тутъ „плачетъ гражданинъ" и задаетъ себѣ вопросъ:

Кто нынѣ поведетъ полки осиротѣлы?
Кто мужествомъ враговъ заставитъ трепетать?
Кто будетъ защищать отечества предѣлы?

Умеръ Милоновъ рано: на 29-мъ году жизни. Говорятъ, что крѣпкая натура его была потрясена и внутренними досадами и страстями, а главное „излишнимъ служеніемъ Вакху" [53]).

Въ противоположность неопредѣленному характеру сатиры Милонова, полною опредѣленностью отличаются лучшія сатирическія произведенія Нахимова.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ происходилъ изъ дворянъ Харьковской губерніи. Эта харьковская вѣтвь Нахимовыхъ была въ родствѣ съ другой вѣтвью—Смоленской, къ которой принадлежалъ знаменитый защитникъ Севастополя—Павелъ Степановичъ Нахимовъ, убитый на Малаховомъ курганѣ въ іюнѣ 1855 г.

Акимъ Николаевичъ родился въ 1782 г. въ 60-ти верстахъ отъ Харькова, въ имѣніи своего отца, небогатаго помѣщика. Образованіе онъ получилъ сперва въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, а затѣмъ, когда открытъ былъ университетъ въ Харьковѣ, онъ поступилъ туда студентомъ и въ 1808 г. окончилъ курсъ кандидатомъ. Промежутокъ времени между выходомъ изъ пансіона и поступленіемъ въ университетъ Нахимовъ провелъ на службѣ, сперва военной, а вскорѣ перемѣнилъ ее на гражданскую въ Петербургѣ. Здѣсь онъ, какъ говоритъ его біографъ, [54]) „съ перваго шага окунулся въ водоворотъ столичной жизни съ ея шумными развлеченіями, за которыя невоздержанныя натуры расплачиваются потомъ въ теченіе всей своей послѣдующей жизни". Воспоминаніе объ этомъ времени сохранилось въ его баснѣ: „Молодой орелъ", которая заканчивается такимъ нравоученіемъ:

О быстрый юноша! не торопися въ свѣтъ!
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

По окончаніи университетскаго курса Нахимовъ поселился въ родномъ уголкѣ своемъ — въ имѣніи отца. Когда въ 1809 г. вышелъ знаменитый указъ, въ силу котораго неполучившие университетскаго образованія чиновники могли быть произведены въ чинъ коллежскаго ассесора не иначе, какъ сдавъ установленный экзаменъ, Нахимовъ написалъ на этихъ мелкихъ „служивцевъ", по большей части съ крайне скуднымъ образованіемъ, чрезвычайно ѣдкую сатиру, придавъ ей форму элегіи и пародируя въ ней высоко-лирическій тонъ. Эта „Элегія" Нахимова разнеслась по всей грамотной Россіи, ее знали наизусть даже и приказные, ее заучивали и школьники, забавляясь ея содержаніемъ и формой.

Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ
И акциденцій *) всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падетъ подъячихъ родъ;
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ, если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И, съ челобитною явясь предъ царскій зракъ:

---

*) Взятокъ.

„Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои — воскликнулъ — внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ
Расплавился или переломился крюкъ *).
О солнце, не лишай ты филиновъ затменья:
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!"
Но что! гдѣ дьякъ, и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю.
О чинъ ассесорскій, толико вожделѣнный,
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ!
Быть можетъ — навсегда прости, любезный чинъ!
Сколь тяжко для меня, семейна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!
Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ — должно ли ворамъ дремать?

Выраженіе сатирика: „Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы" имѣетъ свое основаніе. Бездипломные чиновники должны были, для полученія упомянутаго чина, сдать экзаменъ изъ правовѣдѣнія и наукъ словесныхъ, историческихъ и физико-математическихъ. По русскому языку отъ нихъ требовалось знаніе грамматики и умѣнье правильно излагать на немъ. Чтобы состоящимъ на службѣ лицамъ облегчить способъ пріобрѣсти требуемыя свѣдѣнія, въ университетскихъ городахъ ежегодно открывались курсы вышеозначенныхъ наукъ въ лѣтніе мѣсяцы, съ мая по октябрь. Открылись такіе курсы и въ Харьковѣ — и Нахимову было предложено преподавать грамматику. Онъ согласился и пріѣзжалъ въ городъ одинъ разъ въ недѣлю. Преподаваніе онъ началъ съ того, что заставилъ чиновниковъ выслушать слѣдующее свое „Предисловіе къ россійской грамматикѣ":

Блаженъ, кто въ жизни сей, съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* прилежно углублялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ.
Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ отличенъ,
Кто рисовать азы способенъ и привыченъ:
Почтенъ отъ всѣхъ такой премудрый человѣкъ,
И передъ нимъ ничто купецъ и дровосѣкъ.—

*) *Крюкъ, крючокъ* — названіе, которое давали приказнымъ.

Въ Россіи изстари ведутся грамотеи,
Преборзые писцы, прехитры крючкодѣи,
Которыхъ дивная, пернатая рука,
Какъ лошадь почтова поспѣшна и прытка.
Реченныя руки подъ гибкими перстами
Плодятся литеры съ различными хвостами.
Писать — велика вещь, достойная трудовъ;
Но льзя ль безъ горести взирать на тѣхъ писцовъ,
Которы пишутъ такъ проворно, крючковато,
Да только безъ пути, не ясно, длинновато?
Тарабарщина — плодъ ихъ жалкаго пера!...
Россійской грамотѣ полезно то и нужно,
Чтобъ жить съ грамматикой всегда въ связи и дружно.
Являютъ опыты, что безъ науки сей
Калѣка иль слѣпецъ несчастный грамотей!
Искусно съ глазъ бѣльмо она снимаетъ;
О чудо! грамотникъ внезапно прозрѣваетъ;
Какъ солнце азбука тогда предъ нимъ блеститъ.
Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зритъ
Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
Премѣны дивныя и чудное устройство!
Прозрѣвшій грамотей не ощупью идетъ,
Въ писаніяхъ его тарабарщины нѣтъ;
И слава громкая повсюду возвѣщаетъ:
«Такого-то писца ужъ всякій понимаетъ!»

Ознакомивъ своихъ слушателей съ этимъ „Предисловіемъ“, Нахимовъ началъ самое преподаваніе—и велъ его оригинально и не безъ издѣвательства. Онъ заставлялъ учениковъ своихъ писать на доскѣ его же сатиры на нихъ, какъ напр. слѣдующую „Похвалу гусиному перу“:

Природа перьями довольствуетъ гусей,
А гуси оными снабжаютъ писарей;
Гусиное крыло безъ перьевъ ослабѣетъ,
И писарска рука безъ оныхъ оскудѣетъ!
За данно вамъ добро
Природу, гуси, восхвалите;
За драгоцѣнное перо,
Подьячіе, главу предъ гусемъ преклоните!

или слѣдующую басню: „Дьякъ и нищій“:

Придрался къ нищему старинный, пьяный дьякъ:
„Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ,
И буде на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,
По Уложенью ты проститься долженъ съ носомъ.
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку,—
Отдай котомку мнѣ, лохмотья и клюку“.

Въ то время, какъ одни исправляли орѳографическія ошибки своихъ товарищей, другихъ онъ заставлялъ склонять слова *сучокъ* и *крючокъ* или спрягать глаголы *брать* и *драть*. Говорятъ, что сатирическіе намеки преподавателя иногда заходили и того дальше, и что Нахимовъ вообще не чинился съ своими слушателями [55]). Впрочемъ они не обижались и находили, что уроки Акима Николаевича имъ „полезны и удобны для легкаго уразумѣнія".

По поводу обращенія Нахимова съ своими учениками Галаховъ замѣчаетъ, что „со стороны молодого учителя, недавно сошедшаго съ студенческой скамьи, было неделикатно издѣваться въ лицо надъ своими земляками, между которыми находились, безъ сомнѣнія, люди почтенныхъ лѣтъ и уважаемыхъ качествъ. Надо было помнить, что указъ 1809 г. прекращалъ имъ всякое движеніе по службѣ, такъ какъ въ извѣстные годы тяжело учиться и трудно удовлетворять обширной программѣ испытанія. Съ этой стороны Карамзинъ не одобрялъ исключительности указа и, главное, его обратнаго дѣйствія. Но Галаховъ тутъ же указываетъ и на обстоятельство, нѣсколько извиняющее Нахимова: кривосудіе и взяточничество были ужъ слишкомъ темнымъ явленіемъ, которое не могло не возбуждать злобы противъ судейскихъ дѣятелей. И вотъ Нахимовъ, не хуже Сумарокова, пользуется каждымъ случаемъ задѣть всѣмъ насолившее «крапивное сѣмя»" [56]).

Однако въ 1811 г. Нахимовъ отъ занятій этихъ отказался, главнымъ образомъ вслѣдствіе затруднительности совершать для каждаго урока поѣздку въ городъ изъ деревни, отстоявшей отъ него на 60 верстъ. Послѣ этого онъ уже рѣдко оставлялъ свой уголокъ, и вскорѣ умеръ въ немъ (18-го іюня 1814 г.), какъ говоритъ біографъ, вслѣдствіе сильнаго потрясенія отъ быстро послѣдовавшихъ другъ за другомъ семейныхъ огорченій—смерти отца, любимой сестры и сына.

Вышеприведенными сатирами Нахимова не исчерпываются его насмѣшки надъ „крапивнымъ сѣменемъ". Ему достается и въ въ сатирѣ: „Звѣринецъ". Начинается она такъ:

Ученый Усъуръумъ недавно отыскалъ
Предревній манускриптъ на языкѣ еврейскомъ,
  И въ ономъ начиталъ,
  Что при царѣ халдейскомъ,—
  Не знаетъ точно при какомъ,—
Жилъ-былъ халдей Салваназарадомъ.
Не столь о языкѣ французскомъ мы радѣемъ,

Какъ къ скотскому онъ прилежалъ,
И такъ въ немъ успѣвалъ,
Что говорилъ съ осломъ, какъ будто бы съ халдеемъ.
Кто гдѣ, а нашъ мудрецъ все со звѣрьми:
Съ скотами для него жить лучше, чѣмъ съ людьми.
Лишь только разсвѣтетъ, ужъ онъ спѣшитъ въ звѣринецъ
И звѣрю каждому несетъ съ собой гостинецъ.

А звѣри тамъ не простые: это все бывшіе люди—и ставшіе звѣрями лишь по смерти. Однажды халдей рѣшился разспросить ихъ, „въ какомъ кто званіи при жизни состоялъ".

Я былъ судья,—медвѣдь сказалъ,—
И кожу не одну съ невинности содралъ.
Я назывался Ворворворомъ.—
И ты былъ не судьей, а сущимъ живодеромъ!—
Рычалъ великодушный левъ,
Сверкая взорами, разинувъ страшный зѣвъ.
— А ты, волкъ, чѣмъ служилъ?—
Халдей у бирюка спросилъ.
— Я тожъ, какъ и медвѣдь, присяжный кожъ сдиратель—
Въ палатѣ предсѣдатель.
— А ты, барсукъ?
Я тоже былъ приказный крюкъ;
Но не лупилъ людей, какъ будто бы скотину,
А скромно продавалъ законы по алтыну.

Остальные звѣри, бывши людьми, занимались иными профессіями, и потому объ ихъ отвѣтахъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Секретарямъ досталось въ маленькомъ стихотвореніи: „Чертъ и смерть".

„Куда, курносая?"—Иду я за душою.—
„Къ кому?"—Къ секретарю: такъ велѣно судьбою!—
„Ахъ, какъ проста судьба! живетъ она въ глуши:
Какой въ секретарѣ, какой искать души!
Но если бъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купить успѣютъ черти".

Судя по тому, что у Нахимова довольно-таки много такихъ произведеній, гдѣ онъ задѣваетъ подьячихъ, надо полагать, что враждебное чувство къ нимъ было у него очень сильно. Да и могло ли быть иначе? Если хотите представить себѣ стариннаго подьячаго, прочтите слѣдующія два стихотвореньица Нахимова. Одно изъ нихъ—„Къ потрету подьячаго". Глядя на изображеніе этого судейскаго дѣятеля, Нахимовъ такъ опредѣлилъ типическія его черты:

Какая жажда въ сихъ устахъ!
Какая хищность въ сихъ когтяхъ!
Не мнится ль, что портретъ,
Какъ подлинникъ, и выпьетъ и сдеретъ?

Въ другомъ — „Къ изображенію блохи„ — читаемъ:

Подьячій! присмотрись къ сей черненькой фигурѣ!
Не твой ли то портретъ въ миніатюрѣ?

Мѣтко и зло написана и сатира, подъ заглавіемъ: „Повѣстка":

Понеже завтра именины
Могучей госпожи алтынницы Макрины, —
То всѣ въ указный часъ должны явиться къ ней
Съ почтеніемъ, при формѣ всей
И не съ порожними руками,
Но съ полными кульками.
Къ ней входъ не возбраненъ съ кулькомъ и мужику,
И всякій даръ — ея пріятенъ сундуку.
Но кто ей поднесетъ куль съ паюсной икрою,
Иль съ семгою, иль съ ветчиною,
Утробѣ тотъ ея и мужней удружитъ,
И рада по дѣламъ она тому служить.
А буде къ оной кто не придетъ съ челобитьемъ,
При формѣ и съ кулькомъ, притомъ въ указный часъ,
Тотъ съ дѣломъ никогда не смѣй входить въ приказъ:
Понеже мужъ ея владѣетъ тамъ повытьемъ.

Сатиру на судейскихъ людей писалъ Нахимовъ и въ прозѣ: таково его„ Сказаніе о Ѳемидѣ и объ иноплеменныхъ приказныхъ". Если въ немъ и меньше сатирической соли, чѣмъ въ лучшихъ журнальныхъ статьяхъ Крылова, то во всякомъ случаѣ оно отразило въ себѣ чувство глубокаго отвращенія автора къ тѣмъ „алтынникамъ", которыхъ онъ изобразилъ въ этой сатирѣ. Суть ея состоитъ въ слѣдующемъ.

Дѣло происходило не у насъ, а на Юпитерѣ. Тамъ однажды ночью, на площади большого города, подлѣ судейскаго зданія, появилась богиня Ѳемида съ цѣлію ознакомиться съ тамошнимъ правосудіемъ. Чтобы не быть узнанной, она приняла смиренный видъ челобитчика.

„Какое-то горестное предчувствіе стѣсняло сердце Ѳемиды. Появившаяся Луна указала ей на крыльцѣ высокихъ палатъ: чернильницы сокрушенныя, бумагу растерзанную, перья изгрызенныя.— Здравствуй, Правосудіе - челобитчикъ! — вѣщала съ усмѣшкою Луна.—Странно мнѣ, Ѳемида, что ты при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ, повѣсила уже носъ. О, сколь будешь ты утѣшена, когда лучезарный братъ мой покажетъ тебѣ служителей

твоихъ! Клянусь Стиксомъ, что на Юпитерѣ подьячіе — самыя неугомонныя твари. Теперь, во время всемірной тишины, иные изъ нихъ за карточными столами гремятъ алтынами; другіе, при неистовыхъ восклицаніяхъ, бьютъ въ дребезги опорожненныя фляги и красоули; иные же, въ ябедническомъ изступленіи, заставляютъ кричать несчастныя перья; даже и тѣ, которыхъ Морфей держитъ на привязи, нарушаютъ страшнымъ хрипѣніемъ спокойствіе природы. Прости, жалкое подьяческое божество! скоро увидишься ты съ Авророю“.

„Багряная сія богиня не замедлила показаться... Примѣтя въ Ѳемидѣ удивленіе, Заря сказала ей: «Такъ ли ты удивишься, когда увидишь дѣвственную красоту подьячихъ здѣшней планеты. Райскія розы цвѣтутъ на ихъ пухлыхъ ланитахъ, и небесная лазурь (бываетъ нерѣдко) у нихъ подъ глазами». Внезапно отворились двери храма— и вышло нѣкое приказное чудо для нѣкоего нетерпящаго проволочки дѣла. Ужасный писарь возвратился въ свое логовище, зѣвая и потягиваясь. Не только бѣднаго челобитчика, но и Аврору взглядомъ онъ не удостоилъ. — «Вотъ, — сказала Аврора Ѳемидѣ, — одинъ изъ твоихъ причетниковъ. При наступленіи ночи Морфей засталъ его въ храмѣ твоемъ еле движущагося и повергъ безчувственнаго съ презрѣніемъ подъ лавку. Ахъ, если бы Морфей не подъ лавку, а въ преисподнюю забросилъ сіе скаредное порожденіе ябеды, находившееся при послѣднемъ издыханіи отъ чрезмѣрнаго пріема пьяной акциденціи. Ты видѣла, какъ грубо обошелся со мною крючкотворецъ. Но можетъ ли Заря обижаться нечувствительностью сего животнаго. Само Солнце никогда не зрѣло на Юпитерѣ такого дива, чтобы великолѣпіемъ его восхищался подьячій. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждаютъ, кажется, солнечные лучи нѣкоторое чувство благодарности, а въ подьячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнію куфахъ *), производятъ они только броженіе».—Правда!.. воскликнулъ Фебъ. И Заря, засвидѣтельствовавъ ему и Ѳемидѣ усердное почитаніе, ускакала. Вслѣдъ за нею отправилась и Тишина. Разнозвучные голоса колоссальныхъ жителей Юпитера потрясли воздухъ. Сиповатый и принужденный подьяческій голосъ отличался отъ другихъ и былъ несносенъ для ушей Правосудія. Вскорѣ покрылась Ѳемидина площадь нижайшими формами: онѣ имѣли скрюченное туловище, проворныя ходули, острые когти, желѣзный лобъ, мутные глаза; ноздри, табаку алчущія, уста, водки жаждущія, уши

---

*) *Куфа* — большая бочка.

длинныя, пернатыя и карманы широкіе, укладистые. Хищное сонмище раздѣлилось на двѣ части: меньшая, кашляя и кряхтя, вступила во храмъ Правосудія, а бо́льшая направила стопы къ Бахусову капищу. Богиня-челобитчикъ дрожащею ногою коснулася прага судилища.—Остановись! грозно сказала ей нѣкая плѣшивая особа:—я здѣшняго храма понамарь! Должность моя состоитъ въ томъ, чтобы наполнять жертвенные сосуды чернилами и собирать пошлину со входящихъ въ Ѳемидино святилище молельщиковъ. Подай алтынъ! — Тщетно Правосудіе увѣряло своего понамаря, что оно, по неимѣнію широкихъ кармановъ, не могло запастись алтынами: грубый алтынникъ хотѣлъ уже оттолкнуть отъ дверей бѣдную свою богиню, но Фебъ такъ сильно бросилъ лучъ въ его плѣшивую голову, что пошлина вылетѣла оттуда вмѣстѣ съ памятью".

„Освобожденная отъ приказнаго Цербера, Ѳемида вошла во внутренность храма. Какая чрезвычайная картина поразила взоры Правосудія! Тамъ страшная бумажная гора возносила до потолка гордое свое чело, увѣнчанное паутиною; а здѣсь простиралось длинное деревянное поле, усѣянное чернильницами и табакерками испещренное; по краямъ его возвышались бумажные холмы, на которыхъ съ крикомъ бѣгало многочисленное стадо гусиныхъ перьевъ. Принуждали ихъ къ тому бездушные дьячки храма. Къ одному изъ сихъ дьячковъ, сирѣчь подьячихъ, подошла богиня-челобитчикъ и сказала ему, что ей нужна помощь Правосудія. Подьячій, не говоря ни слова, протянулъ къ ней руку. Ѳемида подходила къ каждому изъ нихъ по очереди, но всѣ они молчали и протягивали руки. Богиня погрузилась въ мрачную задумчивость. — Вижу, шепнулъ ей наконецъ подьяческій голосъ, что ты челобитчикъ непросвѣщенный. Пойдемъ въ капище премудраго Бахуса, принесемъ ему на твой счетъ утреннюю жертву, и тогда открою тебѣ важныя таинства нашего храма. — «Открой мнѣ напередъ, сказала Ѳемида, гдѣ ваши жрецы, гдѣ вашъ дьякъ, и гдѣ вѣсы правосудія?» — Все сіе принадлежитъ къ таинствамъ; отвѣчалъ подьячій. — Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Ѳемида вышла изъ храма. Она возвела къ Солнцу печальные взоры. Чувствительный Фебъ и самъ прослезился. Онъ подалъ ей знакъ, чтобы слѣдовала за нимъ, и привелъ ее на одинъ пространный дворъ. Здѣсь толпа народа, обремененнаго различными приношеніями, тѣснилась вокругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ отчаяніемъ увидѣла Ѳемида надпись: *вѣсы правосудія* и стоявшаго подлѣ нихъ жирнаго дьяка.—Посмотримъ, — говорилъ дьякъ одному отвѣтчику: — что

ты въ свое оправданіе положишь на сіи безпристрастные вѣсы.— «Я кладу — сказалъ несчастный — мою совѣсть, мою обиду, мои слезы». — И только! возгласилъ дьякъ; а ты, господинъ истецъ, что положишь въ доказательство справедливости твоего иска? — Не токмо положу, но и поставлю, отвѣчалъ сутяга. Кладу сію сафьянную архиву *), наполненную синими, красными и бѣлыми документами; въ дополненіе же ставлю я на безпристрастные вѣсы фуру питательныхъ документовъ и сороковую бочку самаго крѣпкаго доказательства справедливости моего иска.—Отвѣтчикъ проигралъ, воскликнулъ дьякъ: вѣсы правосудія упали на твою, истецъ, сторону. Иди съ миромъ и поклонися жрецамъ.—«Чувствуешь ли ты,— съ гнѣвомъ у дьяка спросила Ѳемида,— что такое правосудіе?»—Очень чувствую, отвѣчалъ дьякъ, погладивъ себя по толстому чреву. Правосудіе, очищенное отъ акциденціи, составило бы нѣкую воздушную снѣдь, довольно, можетъ быть, сытную для постныхъ людей, именуемыхъ добрыми, но весьма неудовлетворительную для приказной лакомой утробы. Утверждаютъ въ школахъ, что правосудіе—добродѣтель, а преданіе гласитъ, что оное правосудіе — божество; но можетъ ли сія добродѣтель, сіе божество сравниться съ свѣжепросольною осетриною и съ копченымъ окорокомъ?"

Далѣе изъ „Сказанія" узнаемъ, что дьякъ этотъ былъ наказанъ: Ѳемида велѣла позвать „искуснаго анатомика"; тотъ распоролъ дьяку карманъ—и оттуда вылетѣла дьячья душа въ видѣ нетопыря. Въ головѣ найдено множество крючковъ; подъ ябедническими ногтями примѣчено ядовитое чернило, а въ груди (къ лѣвой сторонѣ) отысканъ большой камень. „Ѳемида повелѣла на семъ камнѣ вырѣзать надпись: *чувствительное сердце юпитерскаго дьяка*—и сію натуральную рѣдкость отослала въ кунсткамеру".

Заканчивается сатира обращеніемъ автора къ земнымъ дьякамъ и подьячимъ.

„Преблагородные дьяки и подьячіе здѣшняго міра! вы, безъ сомнѣнія, гнушаетесь пороками и злодѣйствами вашихъ собратій на Юпитерѣ. Сколь вы почтенны и счастливы, если вы добродѣтельны. Въ противномъ случаѣ страшитесь Правосудія и ножа анатомическаго".

Другимъ ненавистнымъ предметомъ Нахимову были французы вообще, французскіе гувернеры въ частности и воспитавшіеся у нихъ русскіе. Тутъ сатира Нахимова доходитъ ужъ до

*) *Архива* — то же, что *архивъ*.

крайней рѣзкости, что объясняется не только сильнымъ несочувствіемъ автора современной ему галломаніи, но и тѣмъ враждебнымъ чувствомъ къ французамъ, которое вспыхнуло въ обществѣ во время войнъ съ Наполеономъ, и которое, конечно, охватило и Нахимова.

Французовъ вообще назвалъ нашъ сатирикъ не людьми, а словесными обезьянами, и ту статью, въ которой они изображены у него, такъ и озаглавилъ: „Словесныя обезьяны“. Началъ Нахимовъ эту сатиру свою такимъ образомъ:

„Обезьяны составляютъ нѣчто среднее между человѣкомъ и прочими животными. Такая немаловажная честь особенно принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которыя населяютъ знатную часть западной Европы. Видомъ и смѣшными ухватками онѣ почти тѣ же орангутанги; но отъ сихъ косматыхъ собратій своихъ отличаются, сверхъ гладкости тѣла, способностію болтать и напѣвать аріи... Словесные орангутанги, не смотря на сродное имъ непостоянство, жили всегда обществомъ. Они имѣли правительство и даже обряды богослуженія — не потому, чтобы знали пользу и важность священныхъ сихъ установленій, но изъ одного только слѣпого подражанія сосѣдственнымъ народамъ“.

Но что же собственно вызывало ненависть Нахимова къ французамъ?—Главнымъ образомъ ихъ матеріалистическая философія. Прежде, говоритъ нашъ сатирикъ, словесныя обезьяны были лишь смѣшны; когда же онѣ „захотѣли умствовать“, когда у нихъ явились орангутанги-философы, онѣ стали опасны. „Въ чемъ состоитъ великая ихъ премудрость?“ спрашиваетъ авторъ— и отвѣчаетъ: „Орангутангскій философъ презираетъ всѣ обязанности, осмѣиваетъ все то, что человѣческимъ благоразуміемъ и опытностью признано за нужное, полезное и священное; единственнымъ своимъ законодателемъ почитаетъ онъ природу, а нелѣпыя бредни свои, склонности, прихоти и страсти называетъ ея законами. Сообразно съ сими законами, онъ можетъ смѣло посадить на вертѣлъ подобнаго себѣ философа и, сжаривши его, съѣсть, какъ барана; ему непристойно любить своихъ родителей и сокрушаться о смерти ихъ, по той важной причинѣ, что никогда волъ не заботится о бѣдномъ состояніи престарѣлаго батюшки своего— быка, и никогда оселъ не оплакиваетъ покойной матушки своей— ослицы. Словомъ: вообразимъ всѣ гнусныя, смѣшныя, жалкія и ужасныя свойства, какія только въ самыхъ низкихъ скотахъ когда-либо замѣчены были, и мы увидимъ тѣ совершенства, къ которымъ ведетъ орангутангская философія“.

Нѣсколько далѣе сатирикъ говоритъ, что указанная философія быстро овладѣла словесными обезьянами — и онѣ „вѣру и всѣ истинно человѣческія добродѣтели почитали заблужденіемъ, предразсудкомъ, невѣжествомъ, варварствомъ“.

Мы, слѣдовательно, встрѣчаемъ въ Нахимовѣ такого же человѣка вѣры, какимъ былъ и Крыловъ. У него есть даже одно стихотвореніе — „Пѣснь вѣрѣ“, — гдѣ онъ высказываетъ мысль о важномъ значеніи вѣры, противополагаетъ вѣрующій Сѣверъ впавшему въ безвѣріе Западу и желаетъ, чтобы Россія всегда была крѣпка въ вѣрѣ.

У трона, славой окруженна,
Гдѣ Громовержецъ возсѣдитъ,
Се на колѣняхъ, толь смиренна,
Дщерь Бога, Вѣра предстоитъ.
Умильный зракъ ея блистаетъ
Сердечной теплою слезой.
Такъ май лилею украшаетъ
Алмазной по зарямъ росой.

Съ простертыми она руками:
„О грозный Богъ! о мой Отецъ!“
Речетъ любезными устами:
„Призри на вѣрныхъ мнѣ, Творецъ!
Всей злобой ополчась, бунтуетъ
Противъ меня адъ на землѣ:
Да Сѣверъ, другъ мой, торжествуетъ
И возвратитъ полсвѣта мнѣ“.

„Мои разрушилъ Западъ храмы,
Лжемудрость божествомъ нарекъ;
Тамъ тартаръ овладѣлъ душами
Въ исполненный разврата вѣкъ!
Единый Сѣверъ защищаетъ
И добродѣтель и меня.
Всемощный! онъ къ Тебѣ взываетъ:
Прославь его! прославь Себя!“

Такъ, Вѣра россамъ побораетъ!
Таковъ ихъ къ ней усердья плодъ!
Доколѣ Вѣру почитаетъ,
Цвѣтущъ пребудетъ сей народъ...
Вовѣки царствуй ты надъ нами,
О Вѣра! ты блаженства мать;
Мы любимъ, чтимъ тебя сердцами,
Стремимся скипетръ твой лобзать...

—

Французамъ-губернерамъ Нахимовъ посвятилъ цѣлую сатирическую поэму: „Пурсоніаду“ [57]), названную такъ по имени

героя ея — Пурсоньяка, представителя тѣхъ подонковъ парижскаго общества, изъ которыхъ однако многіе приходили къ намъ „pour être outchitel“. Вотъ начало этой поэмы.

Помилуй ты меня, о Фебъ, парнасскій богъ!
Кого велишь ты пѣть, внушая мнѣ восторгъ?
Ахъ! сжалься надо мной, чувствительная муза!
Могу ли я хвалить толь дивнаго француза,
Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ:
Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ табакъ,
Герой былъ въ кабакахъ и первый жрецъ въ харчевняхъ;
Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
И часто странствовалъ для черстваго куска,
Гдѣ бѣдная его голодная рука,
Тряся котомкою, прохожихъ умоляла,
И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала!
Изъ нищихъ вдругъ потомъ попался Пурсоньякъ
Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
Потомъ онъ заклейменъ и сосланъ на галеру;
Но, земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ—
И ссылочный французъ какъ солнце возблисталъ.

Возблисталъ онъ потому, что въ Россіи царитъ французская богиня—Мода. Вотъ какъ описываетъ авторъ проявленіе ея власти и каприза:

Простерла Мода перстъ—и вдругъ дѣвицы, дамы,
Какъ вѣдьмы стали всѣ съ предлинными хвостами;
Рекла—и волосы нависли на глаза;
Велитъ—и лысина, гдѣ были волоса;
Восхощетъ—и всѣ вдругъ дѣвицы обнажатся —
И будутъ голыя, какъ дикія, таскаться;
Прикажетъ имъ—и вдругъ одѣнутся въ мѣшки,
И вмѣсто чепчиковъ носить начнутъ горшки;
Мигнетъ—и тѣ, что нынь лепечутъ по-французски,
Заквакаютъ въ домахъ, какъ жабы иль лягушки.

Эта богиня Мода заставила русскихъ людей обзаводиться и французскими гувернерами. Поэтому, когда въ Россію явился Пурсоньякъ,—

Ужасну межъ собой людъ модный сдѣлалъ драку:
Всякъ хочетъ, щедростью другого превзойти,
Француза хочетъ всякъ къ себѣ въ домъ отвезти.
Тотъ говоритъ: жалѣть не буду милліона,
Такого чтобъ достать себѣ компаніона!
Иной кричитъ: дѣтей моихъ наставникъ будь!
Въ годъ тысяча рублей и хлѣба триста пудъ.
А третій такъ брюжжитъ: онъ будетъ править мною

И всѣмъ распоряжать—и домомъ и женою.
Не зналъ, что отвѣчать въ восторгѣ Пурсоньякъ.
Доселѣ мнилъ французъ, что первый онъ дуракъ;
Но нынѣ, окруженъ такими чудаками,
Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами,
И наконецъ сказалъ, что, мудрость полюбя,
Намѣренъ посвятить въ учители себя...
И мыслилъ такъ въ душѣ, отъ смѣха помирая:
Россія, подлинно, земля предорогая;
Я чувствую, что здѣсь озолотятъ меня:
Въ Россіи полубогъ — парижская свинья.

Тутъ нечего останавливаться на художественныхъ недочетахъ, нечего задавать автору вопросъ, почему его Пурсоньякъ, имѣя другія выгодныя предложенія, выбралъ именно учительство; нечего и сравнивать въ художественномъ отношеніи эту сатиру Нахимова съ соотвѣтствующей статьей Крылова въ „Почтѣ духовъ“, гдѣ подобный же выборъ является очень естественнымъ, такъ какъ выгоднѣйшаго и не было [58]): тутъ важно главнымъ образомъ отношеніе автора къ современнымъ ему явленіямъ, и надо сказать, что въ ряду нашихъ тогдашнихъ французо-ненавистниковъ и враговъ галломаніи Нахимовъ былъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ, и сатира его на французовъ приняла форму самую рѣзкую.

Изъ русскихъ людей, воспитавшихся у французовъ, ненависть Нахимова возбуждали тѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ слѣпую влюбленность во все французское, презрѣніе ко всему русскому и при этомъ необыкновенную духовную скудость, „душишку мелкую“, и нравственную исковерканность. Такихъ онъ называлъ „французскими мартышками“, „офранцуженными гадинами“, „скотиной à la mode“, и свою ненависть къ нимъ онъ излилъ главнымъ образомъ въ стихотвореніи: „Мерзилкинъ, или русскій выродокъ, превратившійся въ офранцуженную гадину“. Эту сатиру нельзя не выписать цѣликомъ.

Правдивинъ! хочешь ты, чтобъ красками живыми
Я смѣлой кистію тотъ гадъ изобразилъ,
Который красотой и прелестьми своими
И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ помрачилъ.
Въ болотѣ ни въ одномъ ни въ лужахъ, безъ сомнѣнья,
Нѣтъ твари столько же достойныя презрѣнья,
И въ адѣ молодца такого поискать,
Кто бъ гнусностью его могъ перещеголять.
Преславна издревле была всегда Россія;
Но какъ же развились въ ней гадины такія?
Великой матерью могли ль быть рождены

Толь безобразные, уродливы сыны?
Не русская душа, не храбрость въ нихъ геройска:
Душишка мелкая и подлость въ нихъ заморска;
Французчина, какъ моль, поѣла весь ихъ мозгъ,
Забытъ къ отечеству привязанности долгъ!
Не честь ихъ движетъ, нѣтъ! ихъ мучитъ то сердчишки,
Чтобъ свѣтъ зналъ, что они французскія мартышки.
На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій примѣръ?
Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?
А какъ прибѣгнуть то жъ къ французскимъ и мамзелямъ,
Которы свѣтъ прошли, таскаясь по . . . . . .
И всяку всячину видали надъ собой:
То нужно ли искать науки ужъ другой?
Тогда жеманься, ври, повѣсничай, кривляйся
И надъ невѣжествомъ россіянъ насмѣхайся,
Которы добрый нравъ и здравый смыслъ хранятъ,
И, что всего глупѣй, по-русски говорятъ!
— Fi donc! какъ варварскій языкъ сей грубъ, нескладенъ,
Французскій, au contraire, божественъ, деликатенъ!
Когда бы намъ монархъ издалъ такой законъ,
Чтобъ по-французски вралъ всякъ русскій du bon ton;
Чтобъ иначе болтать не смѣли бы дворяне!
А если бъ свой языкъ забыли и мѣщане,
И самый наконецъ преподлый нашъ мужикъ
Фрацузскій полюбилъ пренѣжный толь языкъ:
Какія бъ времена блаженныя настали!
Мы, офранцузившись, гугнявить всѣ бы стали,
И въ просвѣщеніи явили бъ тѣмъ успѣхъ,
Что въ высшей степени была бъ у насъ у всѣхъ
Французская и жизнь, и нравы, и химеры,
То-есть ни вѣрности къ царямъ, ни къ Богу вѣры,
Ни глупой совѣсти, ни робкаго стыда
У новыхъ россіянъ не стало бы тогда!
Не то ли самое, жеманясь по-французски,
Насвистываешь ты, *Мерзилкинъ*, про себя?
Не часто ль ропщешь ты, что твой отецъ былъ русскій,
И что не *санкюлотъ* пустилъ на свѣтъ тебя?
Послушай-ка, мусье, не господинъ, Мерзилка,
Не лай на русскихъ ты, французить позабудь,
Ты вспомни наконецъ, что есть въ Россіи кнутъ;
Что не минетъ тебя въ Парижъ камчатскій ссылка.
На лыжахъ щеголять какъ станешь по снѣгу,
Скажи тогда себѣ: *коман-ву-порте-ву*?

„Скотиной à la mode“ является обезьяна въ „Звѣринцѣ“ Нахимова, которая говоритъ о себѣ между прочимъ:

Пристойность, правда, стыдъ всегда мнѣ были чужды,
Въ религіи совсѣмъ я не имѣла нужды.

Профессіей ея было пріятно и весело жить на чужой счетъ.

Подьячіе, словесныя обезьяны, Пурсоньяки, Мерзилкины были главнымъ предметомъ сатиры Нахимова, но не исключительнымъ: онъ останавливался и на другихъ явленіяхъ современной ему жизни. Приведемъ прежде всего отвѣты сурка, барана и хомяка, бывшихъ въ звѣринцѣ халдея.

— А ваша честь, кто вы, сурокъ?
— Разбойничекъ, то-есть картежный я игрокъ!
Тузомъ и двойкою я нажилъ капиталецъ!...
— А ты что скажешь намъ, баранъ?
— О! я, сударь, изъ столбовыхъ дворянъ.
На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,
А я мухъ колотилъ въ деревнѣ для забавы;
Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
Чтобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поѣлъ...
— Ну, ты, хомякъ, скажи, ты что̀ былъ за дѣтина?
— Ахъ, государь, я былъ торговый мужичина.
Товаромъ мелочнымъ сперва я началъ торгъ.
Стыдъ, правда, совѣсть, Богъ—
На чисты денежки все это продавалось:
Иной день разъ пятьсотъ божиться мнѣ случалось.
Когда же нажилъ я изрядный капиталъ,
То такъ богобоязливъ сталъ,
Что лишь по старой я привычкѣ плутовалъ...

Между немногочисленными баснями Нахимова обращаютъ на себя вниманіе еще двѣ *): „Моська и собака на привязи“ и „Жалкій левъ“. Вотъ первая изъ нихъ:

„Ахъ! сжалься надо мной, сіятельная моська!“
Любимцу барскому песъ старый говорилъ:
„Весь вѣкъ усердно я на привязи служилъ;
Смотри: изранена дубиной грудь геройска;
Я ужасъ былъ всегда для здѣшнихъ всѣхъ воровъ,
И былъ прямой слуга, не изъ числа льстецовъ.
Воззри, премудрый мопсъ, на многія заслуги,
На дряхлость лѣтъ моихъ, на слабость и недуги;
Достань въ награду мнѣ, почтенный мой патронъ,
Хоть каплю молока“.—Да гдѣ такой законъ?
Съ презрѣньемъ временщикъ рѣчь псову прерываетъ:
Нѣтъ, баринъ милостей своихъ не расточаетъ;
Послушай! молоко дается только намъ,
Придворнымъ господамъ;
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тѣмъ, что вамъ даютъ помои.

Басня: „Жалкій левъ“ указываетъ, что хотя Нахимовъ и очень не любилъ французовъ и крайне враждебно относился къ

*) Выше приведена уже б. „Дьякъ и нищій“.

ихъ матеріалистической философіи, однако онъ не смотрѣлъ на французскую революцію, какъ на простой „бунтъ“ своевольныхъ людей, и видѣлъ болѣе глубокія ея причины. Написана эта басня, какъ и многое у Нахимова, очень рѣзко.

Былъ левъ, мужъ возрастомъ, но по уму ребенокъ;
Не левъ онъ былъ—теленокъ:
А вить и у звѣрей, когда царь слабъ умомъ,—
Все станетъ кверху дномъ!
Дай волю царь льстецамъ, такъ будешь самъ въ неволѣ.
То сбудется со львомъ, о коемъ рѣчь идетъ.
Звѣрей монархомъ онъ слыветъ
На прародительскомъ престолѣ.
Заглянь къ сему монарху во дворецъ:
Кто подлѣ льва? дуракъ, разбойникъ и хитрецъ:
Оселъ, волкъ и лисица,
Да миловидная куница.
Они-то царствомъ управляютъ,
Отъ нихъ зависитъ миръ, война,
Они и подать налагаютъ,
Въ ихъ лапахъ царская казна!
Такъ могъ ли быть порядокъ?
Повсюду недостатокъ
И въ хлѣбѣ и въ умѣ,
Удачи мало на войнѣ,
И мало проку въ мірѣ.
А левъ храпитъ съ куницею въ порфирѣ!
Хоть слышитъ иногда звѣрей несчастныхъ стонъ,
Но слышитъ то сквозь сонъ.
Левъ судитъ по себѣ, что подданные сыты,
И каждый изъ его монаршей пышной свиты,
Махая передъ нимъ хвостомъ,
Клянется въ томъ,
Что звѣри всѣ его зовутъ отцомъ!
Но звѣри льва тираномъ называютъ,
И наконецъ они терпѣніе теряютъ.
Бунтуется народъ,
Кричитъ: пускай погибнетъ львиный родъ!
Не хочемъ надъ собой имѣть мы властелина:
Вить левъ такая же скотина!
Покуда съ бѣдныхъ насъ онъ будетъ кожи драть
И нашу кровь сосать?
Проснулся левъ, но поздно!
Настало время грозно:
Куница, волкъ, лиса — какъ не были ни въ чемъ!
А левъ съ осломъ
Страдаетъ подъ судомъ.
Могущій левъ судимъ не львами,
Но подлыми звѣрями.

Такъ стоитъ льву махнуть хвостомъ—
Дрожать всю сволочь онъ заставитъ.
Нѣтъ! кротостію левъ теперь себя прославитъ.
Великодушія неслыханный примѣръ!
Смиренно когти онъ простеръ,
Которые совѣтъ звѣрей вдругъ отгрызаетъ;
Но левъ еще зубами устрашаетъ.
Такъ что жъ? онъ въ мигъ
Позволитъ вырвать ихъ.
Потомъ льву лапу перебили
И хвостъ укоротили;
Потомъ,
Ругаясь слабымъ львомъ,
Ему и зайцы плюютъ въ рожу,
И звѣри наконецъ со льва сдираютъ кожу!
Какъ жалокъ тотъ король, который смысломъ слабъ!
Погибнуть долженъ сей льстецовъ презрѣнный рабъ.

Остается еще упомянуть о недоконченной комедіи Нахимова: „Влюбленные педанты". Это произведеніе принадлежитъ къ тому же роду, что и Сумароковскій „Трессотиніусъ". Авторъ имѣлъ въ виду написать три дѣйствія, но успѣлъ окончить только два, изъ которыхъ Чириковъ, имѣвшій въ рукахъ рукопись, напечаталъ въ „Русской Старинѣ" только одно первое, съ присоединеніемъ слѣдующаго отзыва: „Оба дѣйствія комедіи, особенно первое, состоятъ какъ бы изъ ряда эпиграммъ и сатирическихъ замѣтокъ, которыми переговариваются между собою дѣйствующія лица, или бранятъ другъ друга. Но эти сцены полны игривости, веселости и отличаются обычной оригинальной манерой Нахимова—простодушно-грубоватымъ юморомъ" [59]).

Главнымъ предметомъ перваго дѣйствія служитъ соперничество нѣсколькихъ педантовъ (философа *Трансценденталуса*, магистра алгебры *Бомбеліуса*, бакалавра химіи *Бомбастуса*, астронома *Спекуландуса* и кандидата медицины *Клистирандуса)*, влюбленныхъ въ Шарлоту, дочь зажиточнаго дворянина *Бутерброда*, и желающихъ на ней жениться.

Читателя, желающаго прочесть все первое дѣйствіе, отсылаемъ къ „Русской Старинѣ", а здѣсь мы приведемъ лишь слѣдующую сцену.

Бутербродъ.

Не ссорьтеся, прошу, любезные друзья,
И ежели для всѣхъ мила моя Шарлота,—
Женитесь всѣ на ней, коль есть у васъ охота.
Обязанъ буду вамъ за ту высоку честь,

Что стану я чрезъ васъ всѣхъ факультетовъ тесть,
Что газомъ дочь моя и зетомъ насладится,
Что метафизика въ Шарлоту углубится,
Что медицина въ ней рецептъ начнетъ писать,
И астрономія планеты наблюдать!
Я мыслю — на сіе вы будете согласны;
Откройтесь, милые, и будьте безпристрастны!

Трансценденталусъ.

Est valde странная haec propositio:
Противна для меня сія conditio!

Клистирандусъ.

Oportet намъ теперь consilium составить.

Бомбастусъ.

Шарлотѣ то рѣшить намъ должно предоставить.
(Въ сторону).
Я чувствую къ себѣ афинитетъ ея:
Конечно, всѣмъ она, всѣмъ предпочтетъ меня,—
Захочетъ быть со мной въ химическомъ смѣшеньи!

Бомбеліусъ.

Какъ вижу я, идетъ тутъ дѣло о дѣленьи!
Кому изъ насъ женой должна Шарлота быть,
Проблему мнѣ сію позвольте разрѣшить.
Шарлота будетъ иксъ,—положимъ такъ примѣромъ;—
Бе будетъ бакалавръ, Трансценденталусъ—эромъ,
Астрономъ игрекомъ, и эномъ кандидатъ,
А я — пусть буду я... я буду зетъ квадратъ.
Напишемъ иксъ, потомъ бе съ эромъ уничтожимъ,
Энъ вычтемъ съ игрекомъ, и къ иксу зетъ приложимъ,—
Выходитъ съ иксомъ зетъ, квадратъ еще и съ плюсомъ.
Не спорьте жъ болѣе теперь съ Бомбеліусомъ:
По праву алгебры Шарлота мнѣ пришла,
И алгебра меня всѣмъ прочимъ предпочла.

Трансценденталусъ.

Всю злобу твоего презрѣвъ идіотизма,
Шарлоту я возьму по силѣ силлогизма.

Спекуландусъ.

Планеты всѣ кричатъ: Сатурнъ, Меркурій, Марсъ,
Чтобъ на Шарлотѣ я женился сей же часъ.

Клистирандусъ.

Смотрите, Эскулапъ является съ брадою
И молвитъ, чтобъ она была моей женою,
А ежели другой Шарлоту кто возьметъ,
То furor uteri терзать его начнетъ.

Бомбастусъ.

Оставимъ мы на судъ любви своей предмету,
Къ кому въ ней болѣе изъ насъ афинитету.

Бутербродъ.

Безъ слезъ не можно мнѣ на васъ теперь смотрѣть:
Желаетъ всякъ одинъ Шарлотою владѣть;
Нельзя несчастному мнѣ будетъ похвалиться,
Что въ дочери моей ученость вся гнѣздится;
Что мною отъ нея желанный столько внукъ
Прекрасный будетъ плодъ отборнѣйшихъ наукъ!
Когда же всѣмъ нельзя моими быть зятьями,
По крайней мѣрѣ мнѣ пребудьте всѣ друзьями.
Намъ должно мнѣніе Бомбастуса принять,
И выборъ жениха на волю ей отдать!
Согласны ли, друзья?

Всѣ, кромѣ Бомбеліуса.

Consenti omnes sumus;
Resistere тому non, domine, possumus.

Бомбеліусъ.

Мнѣ поруганіе сносить нѣтъ, право, силъ:
Задачу развѣ я неправильно рѣшилъ?
Прокляты минусы! во мнѣ признайте плюса:
Шарлотѣ должно быть женой Бомбеліуса!

Говоря вообще, сатира Нахимова современникамъ нравилась; но иные укоряли автора за грубый его тонъ. Особенно напалъ на Нахимова позднѣйшій критикъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1841 г. (т. IV-й). Онъ не призналъ въ немъ „никакого поэтическаго дарованія“, упрекнулъ за то, что онъ „писалъ еще по фактурѣ Сумароковской“, и наконецъ сказалъ: „Нахимовъ бранится попросту; самые предметы брани его не высоки: громъ его сатиры не бьетъ въ темя горделивыхъ горъ, не разитъ перунами громадныхъ скалъ — куда намъ! еще перетолкуютъ, да наживешь себѣ

хлопоты... Сатира Нахимова хлещетъ подьячихъ, франтовъ, французолюбцевъ, школьныхъ педантовъ: бей ихъ—кто за нихъ заступится! И надобно признаться, что Нахимовъ обходится съ ними безъ чиновъ. Подьячихъ уподобляетъ онъ блохамъ, педантовъ называетъ ослами. Вотъ что говоритъ онъ какому-то галломану Мерзилкину"... (указываются тѣ строки, гдѣ авторъ напоминаетъ Мерзилкину о кнутѣ и камчатскомъ Парижѣ).

Чириковъ вполнѣ основательно заступился за Нахимова. „Такое и подобныя ему отношенія критики къ литературной дѣятельности Нахимова,—говоритъ онъ,—совершенно ошибочно, такъ какъ, являясь только выраженіемъ личнаго вкуса пишущихъ объ этой дѣятельности, не имѣютъ никакого историческаго основанія для своихъ сужденій. Критикъ 1841 г. забылъ о томъ важномъ литературномъ періодѣ, отдѣляющемъ его отъ времени Нахимова, періодѣ Пушкинскомъ, такъ сильно двинувшемъ впередъ русскую литературу, и смотритъ на Нахимова какъ бы на своего современника. Нахимовъ жилъ въ то время, когда русскій языкъ и поэзія не достигли еще высокой степени развитія, какую дало имъ перо Пушкина и его школы". Что же касается поэтическаго дарованія, то,—говоритъ Чириковъ,—у Нахимова оно несомнѣнно было, и была оригинальность. „Хотя онъ и слѣдовалъ стариннымъ преданіямъ Сумароковской фактуры писанія стиховъ, въ складѣ выраженій своихъ сатиръ и эпиграммъ, но вездѣ у него проглядываетъ и своя манера, своеобразность, которая выражалась вовсе не въ грубости пріемовъ его, плоскости и бранчивости сатиры, какъ говорятъ хулящіе его критики, а въ живомъ и искреннемъ выраженіи чувства... Грубовато-простодушный пріемъ Нахимова принадлежитъ времени и той средѣ, въ обществѣ которой и для которой онъ писалъ. Между стихотворными пьесами журналовъ 1810-хъ и 1820-хъ гг. настоящаго столѣтія (XIX-го), какъ столичныхъ, такъ и Харьковскихъ: «Харьковскаго Демокрита», «Украинскаго Вѣстника», въ которыхъ помѣщались произведенія Нахимова и его друзей, можно встрѣтить нерѣдко такія простодушно-открытыя шутки добраго стараго времени, какія никакъ не подойдутъ подъ условія приличія современнаго намъ юмора и сарказма".

Защищаетъ Чириковъ Нахимова и отъ упрека въ томъ, что онъ „хлесталъ" сатирой лишь мелочь, не трогая верховъ. „Да, конечно,—говоритъ Чириковъ,—та среда, противъ которой направлялъ Нахимовъ свои сатирическія стрѣлы, была—не горделивыя горы, не громадныя скалы; противъ нихъ Нахимовъ не шелъ (?).

Его среда, въ которой онъ всюду являлся, была низменная: подьячіе-взяточники, продажные секретари, подлые и фальшивые люди въ разныхъ сферахъ жизни, людишки, размѣнявшіе себя на мелочь. Но вся эта мелочь, по мнѣнію критиковъ не стоившая сатиры,—стоила ея, такъ какъ въ совокупности составляла великую тупую и злую силу, тормазившую развитіе русской общественной жизни. Дѣло шло о подьячествѣ, о томъ всеобщемъ взяточничествѣ, которое лежало такимъ гнетомъ въ старой нашей жизни, о тѣхъ Скотининыхъ и Мерзилкиныхъ, грубыхъ полнѣйшихъ невѣждахъ, или принявшихъ только пустую внѣшность изъ французской культуры. Это та среда, съ которой боролся еще до Нахимова съ большой энергіей извѣстный сатирикъ Фонвизинъ... Сильнымъ національнымъ негодованіемъ, имѣвшимъ свою причину въ безсмысленной галломаніи высшаго общества того времени, объясняется и неловкая, конечно, выходка Харьковскаго сатирика противъ Мерзилкина (о кнутѣ и проч.). Нахимовъ поражалъ подьячихъ и Скотининыхъ разнаго рода своими эпиграммами очень мѣтко, и въ этомъ его заслуга въ русской литературѣ. На своей же родинѣ, въ Харьковѣ, этотъ писатель имѣлъ въ свое время весьма обширное распространеніе, отвѣчая вполнѣ потребностямъ и желаніямъ лучшей части тогдашняго общества, долгіе годы еще послѣ его смерти вспоминавшаго о немъ".

Въ концѣ своей статьи Чириковъ приводитъ эпитафію Нахимову, написанную его другомъ В. Масловичемъ и напечатанную въ „Харьковскомъ Демокритѣ" въ январѣ 1816 г.

Жалѣетъ Фебъ и плачутъ музы!
Нахимовъ умеръ—ихъ пѣвецъ.
Въ восторгѣ врачъ, педантъ, французы,
Ослы, кокетки, франтъ и льстецъ;
Крючки жъ — отъ радости въ трактирѣ,
Что нѣтъ Нахимова въ семъ мірѣ.

Но Чириковъ, самъ же напечатавшій много не бывшихъ до тѣхъ поръ въ печати сочиненій Нахимова, могъ бы и не соглашаться съ утвержденіемъ, что сатира его касалась лишь „мелочи": онъ могъ бы вспомнить басни Нахимова о придворныхъ и вообще о знатныхъ *), а затѣмъ и его большую сатиру: „Письмо пріятеля моего", гдѣ между прочимъ есть такое мѣсто:

*) Вотъ очень рѣзкая басня о знатныхъ: „Парикъ и болванъ, на которомъ его расчесываютъ.

Съ плѣшивой знатности когда парикъ снимали,
То самый сей парикъ болванъ носилъ.—

Вотъ, напримѣръ, идетъ надувшися павлинъ:
При здѣшнемъ онъ дворѣ имѣетъ знатный чинъ;
Такую заслужа высоку царску милость,
Чрезъ толь обманчиву наружности красивость,
Гордиться могъ бы онъ сіятельнымъ хвостомъ,—
Но нѣтъ! онъ хвастаетъ прескареднымъ умомъ.
А вотъ шестеркою промчалася ворона,
Имѣя гордый видъ нѣмецкаго барона;
И подлинно, ее знатнѣе въ мірѣ нѣтъ:
Придворнымъ конюхомъ ея былъ славный дѣдъ.

Слѣдовательно сатира Нахимова, какъ и сатира А. Измайлова, не ограничивалась исключительно кругомъ людей низшихъ сословій: она задѣвала и верхніе слои общества.

—

У Пыпина находимъ слѣдующій отзывъ о Нахимовѣ: „Творенія Нахимова не весьма изящны, часто безцеремонно грубы, и этой прямотой, гдѣ была и *талантливость*, очень нравились въ извѣстномъ слоѣ читателей" [60]. Но тутъ же новѣйшій критикъ говоритъ: „Сатирическія темы Нахимова были не новы: это—ненавистное ему «крапивное сѣмя» и люди французскаго воспитанія".

Тутъ однако мы должны отмѣтить, что Пыпинъ вообще сѣтуетъ, что въ Александровскую эпоху мы „*все еще* читаемъ нападки на иностранное воспитаніе юношества, на несправедливость судей, на лихоимство, какъ было во времена Сумарокова", и приравниваетъ сатирическія произведенія того времени къ простымъ школьнымъ упражненіямъ [61].

Положимъ, что форма сатиры и у Горчакова и у Нахимова старая; не новы и темы. Но важенъ вопросъ, почему же эти старыя темы такъ долго существовали. Неужели же только въ силу привычки или моды на нихъ? Едва ли. Мы думаемъ, что старыя темы держались потому, что сама русская жизнь *все еще* представляла для нихъ обильную пищу. Читатель, желающій убѣдиться въ этомъ, пусть заглянетъ хоть въ трудъ академика Н. Ѳ. Дубровина: „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка". [62]. Тамъ между прочимъ есть статья о тогдашнемъ воспитаніи, написанная на основаніи современныхъ свидѣтельствъ [63]. Статья эта обнимаетъ вовсе не первые только годы XIX столѣтія, а всю его первую

„Ужъ то-то, чаю, вы сегодня разсуждали?"—
Болванъ у парика спросилъ:
„Вѣдь много, думаю, у знатности разсудка?"
— Какъ у тебя, дубоваго отрубка.

четверть и основана на жалобахъ тогдашнихъ людей, заявленныхъ ими не только при началѣ царствованія императора Александра I, но и гораздо позднѣе, и даже на запискахъ, поданныхъ императору Николаю въ 1826 г. Въ виду указаннаго сѣтованія Пыпина, мы позволимъ себѣ привести изъ этой статьи Дубровина довольно длинную выписку, вмѣстѣ съ ссылками автора на источники.

„Къ сожалѣнію, революція", —пишетъ Дубровинъ, —„выгнала изъ Франціи подонки общества, тысячи невѣждъ, которые разнесли по всей Европѣ гордость, пустое тщеславіе и обветшалыя понятія о значеніи породы и родовитости. Le beau, le pur sang de la noblesse — было лозунгомъ виконтовъ, графовъ, дюковъ и принцевъ. «Какъ пчелы налетаютъ на дерево и облѣпляютъ всѣ его вѣтви, такъ эмигранты набѣжали на Россію, нанесли и водворили у насъ тысячи дотолѣ незнаемыхъ нами предразсудковъ, разврата, бездѣльничества,—словомъ, всего, что было сквернаго, гнуснаго и преступнаго во Франціи»" [а]).

„Бѣглецовъ, вмѣсто презрѣнія, приняли съ распростертыми руками, и они скоро завладѣли умами русскими, служили для насъ примѣромъ внѣшняго лоска, образованія и казались учеными, сами ничего не зная. Отъ нихъ мы приняли всѣ пороки, заблужденія, чванились сходствомъ съ ними и отвергли вѣру въ Бога" [б]).

„Въ тысячахъ французовъ, наводнившихъ Россію, конечно, были люди со свѣдѣніями, честные и съ чистымъ нравомъ, но ихъ было немного; а между тѣмъ всѣ остальные подонки заняли мѣста въ дворянскихъ семьяхъ и явились образователями ума и сердца не только дѣтей, но и самихъ ихъ пріютившихъ. Они усилили жертвоприношенія богинѣ любви и устроили тайныя развратныя общества: въ Москвѣ—клубъ адамистовъ, а въ Петербургѣ—общество свиней. Русскіе дворяне стали подражать во всемъ пришельцамъ: затвердили наизусть лучшихъ французскихъ авторовъ, пѣли французскіе романсы, знали множество анекдотовъ и каламбуровъ. Вѣсть о томъ, что подобнымъ выходцамъ живется хорошо въ Россіи, усилила наплывъ французовъ. Люди низкаго состоянія, не имѣвшіе достатка и имущества въ своемъ отечествѣ, не привыкшіе трудомъ и знаніемъ снискивать себѣ пропитаніе, потянулись въ Россію pour se faire ouchitel des enfants. Корабли, нагруженные гувернерами и гувернантками, мусьями и мадамами,

---

а) Записки А. М. Тургенева (рукоп.).

б) Письмо А. М. Волковой къ В. И. Ланской, 17-го сентября 1812 г.

безпошлинно выгружались въ Кронштадтѣ, и вся эта толпа развозилась по государству. Они принимались въ дворянскіе дома безъ всякой оцѣнки ихъ знаній и нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для тѣхъ обязанностей, которыя принимали на себя. Появившись въ семействѣ, люди эти основывали прочность своего положенія на совершенно особыхъ началахъ: *мусью* старался «сдѣлаться подмогою мужа въ сладостныхъ любовныхъ утѣхахъ хозяйки, а *мадамы*—подмастерьями женъ хозяйскихъ въ томъ же искусствѣ»“ [в]).

„При такихъ условіяхъ прежняя патріархальность семьи совершенно разстроилась. Гувернеры и гувернантки скоро дѣлались повелителями въ семействѣ и тиранами дѣтей, которыя не смѣли жаловаться на дурное съ ними обращеніе, ни проговориться о порокахъ и дурномъ поведеніи своихъ наставниковъ и наставницъ. Съ другой стороны, воспитатели прикрывали пороки своихъ воспитанниковъ, а очарованные родители только и твердили дѣтямъ, что они во всемъ должны брать примѣръ съ французскаго экземпляра, и что все, чему онъ ихъ научитъ, хорошо и сущая истина. Такимъ образомъ, сложивъ съ себя добровольно родительскую власть и отрекшись отъ воспитанія своихъ дѣтей, отцы и матери отдали ихъ на произволъ пришельцевъ, которые не стыдясь печатали въ газетахъ объявленія, что будутъ учить насъ любви къ отечеству, приверженности къ вѣрѣ и государю. Вмѣсто того они поселяли въ семьѣ полнѣйшій разладъ: внушали дѣтямъ неуваженіе къ родителямъ и если не презрѣніе, то полное равнодушіе ко всему русскому и сочувствіе ко всему иностранному. Восхваляя Тюреня, Кондэ, Наполеона и другихъ, они унижали Румянцева, Суворова; твердили, «что во Франціи все превосходно, забавы безъ числа, всѣ блаженствуютъ»; въ Россіи же все мрачно, скучно, что люди не живутъ, а только дышатъ. «О вѣрѣ же, если не положительными, то мимоходными выраженіями поселяютъ сомнѣніе» [г]). Съ самыхъ раннихъ лѣтъ юноши узнавали отъ своихъ воспитателей, что дѣлалось въ Лондонѣ, Парижѣ, но о России не слыхали ни слова“.

„Родители предавались сами шумной и веселой жизни... Гувернеры и гувернантки также хотѣли жить въ свое удовольствіе,

---

[в]) Всепод. записка тайн. совѣтн. Александра Ивановича Арсеньева 2-го апрѣля 1826 г.

[г]) Всепод. записка А. И. Арсеньева 2 апрѣля 1826 г. Записка Павла Сумарокова: „О новомъ устройствѣ всѣхъ частей въ губерніяхъ“. Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 84.

сами отправлялись въ гости или принимали ихъ, а дѣти, оставленныя на попеченіи нянекъ и лакеевъ, бывали часто свидѣтелями самыхъ развратныхъ сценъ. Не даромъ А. С. Пушкинъ называлъ тогдашнее воспитаніе *самымъ безнравственнымъ*".

И подобныя жалобы тогдашнихъ людей вовсе не относятся только къ далекому прошлому: П. Сумароковъ въ своей запискѣ 1826 г. прямо указываетъ именно на тотъ періодъ, въ который писалась эта записка. Сопоставляя прежнее время съ современнымъ запискѣ, онъ говоритъ: „Въ бесѣдахъ нашихъ временъ молодые люди получали образованіе (напр. въ бесѣдахъ такихъ людей, какъ Карамзинскіе Громиловъ, Буриловъ и Прямодушинъ [64]): въ нынѣшнихъ развращаются" [65]).

Что же касается несправедливости судей и лихоимства въ Александровскую эпоху, то объ этомъ „полны суть исторіи", и насколько и это зло было сильно, читатель можетъ узнать изъ того же труда Дубровина, а именно изъ VI-й его главы, посвященной описанію судебной неправды того времени, о которомъ ведетъ свою рѣчь авторъ [66]). Описаніе касается опять-таки не только начала XIX-го столѣтія, но и 20-хъ его годовъ. Приводится между прочимъ письмо Рылѣева отъ 8-го авг. 1821 г. съ жалобами на грабительство судей, засѣдателей, секретарей и даже копіистовъ; приводятся факты вопіющей неправды, почерпнутые изъ письма П. Коховскаго къ генералу Левашову отъ 24 февраля 1826 г. Особеннымъ зломъ выставляются подьячіе. „Это были люди сильные, съ которыми приходилось считаться каждому, имѣющему до нихъ дѣло".

Если жалобы на французское воспитаніе, на несправедливость судей и на лихоимство раздавались и въ 20-хъ годахъ, то что же удивительнаго, что въ сатирахъ Александровской эпохи мы *все еще* читаемъ нападки на эти предметы.

Итакъ, при наличности фактовъ, приводимыхъ Дубровинымъ, едва ли можно смотрѣть на нашу сатиру даже *второго* десятилѣтія прошлаго вѣка только какъ на традицію вѣка XVIII-го, какъ на произведенія, оставшіяся еще въ модѣ отъ прежняго времени и писавшіяся „отъ скуки", какъ сказалъ однажды Плетневъ о Крыловѣ [67]). Сопоставленіе сатиръ эпохи Александра I съ тѣмъ, что было въ современной имъ жизни,—даже независимо отъ того, писалъ ли авторъ оригинально или подражалъ,—заставляетъ насъ смотрѣть на нихъ, какъ на выраженіе протеста тѣхъ лицъ, которыя возмущались видимымъ ими зломъ. Протестъ этотъ имѣлъ еще старую форму, но все же онъ былъ протестомъ.

Впрочемъ мы тутъ должны прибавить и еще одинъ фактъ. Противъ лихоимства, противъ судейской неправды въ Александровскую эпоху вооружались и пастыри церкви. Въ 1815 году (17 января) преосвященный Амвросій произнесъ „Слово на случай присяги избранныхъ по Тульской губ. судей“. Въ этомъ „Словѣ“ почтенный проповѣдникъ, скорбя о томъ, что „неправда творится на судѣ, и притѣсняется невинность, а алчная корысть собираетъ корысти неправедныя“, говоритъ между прочимъ слѣдующее.

„Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію: тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе; мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели. Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ содѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобъ быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться! — А добродѣтель? — О! вооруженному мечомъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? — Когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта, быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опускать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе. А дѣла служенія общественнаго?—Ихъ можно утверждать именемъ власти и не читавши. А творить судъ и милость?—Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни и уваженія свѣта. Но обиженные вопіютъ о правосудіи?—Пусть вопіютъ они; вопли ихъ можно заглушить силою власти. Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія — слезы, отъ которыхъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? — Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бы намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство объиметъ, наконецъ, неправды твои и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея?—Пусть требуетъ оно; можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ краскахъ, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣ-

тами правды. Но совѣсть, яко стражъ недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою?—О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ!..“ [68]).

Развѣ все это въ сущности не то же самое, о чемъ говорятъ и сатиры Александровской эпохи? Можно ли послѣ этого низводить ихъ на степень лишь „школьныхъ упражненій“, хотя бы онѣ и представляли собою приноровленныя къ русскимъ нравамъ подражанія, напоминающія и стихомъ и темами Сумароковскую сатиру? Ихъ можно упрекать въ недостаткѣ художественности и самостоятельности, можно иногда укорять ихъ за слишкомъ большую общность изображенія (напр. сатиры Милонова),—но едва ли можно отнимать у нихъ значеніе протеста.

Пыпинъ свое отрицательное отношеніе къ тогдашней сатирѣ мотивируетъ, между прочимъ, тѣмъ, что она была „безплодна“, т.-е. не исправляла пороковъ. Но развѣ сатирическое произведеніе только и слѣдуетъ оцѣнивать степенью его вліянія на общество? А развѣ тотъ самый фактъ, что оно есть выраженіе мыслей и чувствъ извѣстнаго лица данной эпохи, — развѣ этотъ фактъ самъ по себѣ не имѣетъ значенія? Развѣ сатирическая литература вообще, — конечно, литература серьезная, — не есть указаніе на своего рода борьбу общества съ тѣмъ, что въ немъ есть темнаго или, по крайней мѣрѣ, признаваемаго темнымъ? А такая борьба уже есть характерная черта, которая не можетъ быть не принимаема къ свѣдѣнію въ исторіи литературы.

Можетъ быть вопросъ, почему такой сатирикъ, какъ напр. Нахимовъ, не касался—тоже одного изъ великихъ золъ его времени — дурного и жестокаго обращенія многихъ помѣщиковъ съ своими крестьянами. Но нѣкоторымъ оправданіемъ тутъ можетъ явиться тотъ фактъ, что тогдашняя цензура не любила пропускать статьи и книги, гдѣ затрогивались темныя стороны положенія крѣпостныхъ, доказательствомъ чему служитъ исторія съ книгой Пнина [69]).

Перейдемъ теперь къ Воейкову. Сынъ богатыхъ родителей, въ молодости либералъ и поклонникъ Вольтера и Дидро, любившій разгульную жизнь, а въ старости приходившій въ ужасъ отъ однихъ только словъ „масонство“, „иллюминатство“, „карбонарство“, Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ родился въ 1782 году. Воспитаніе онъ получилъ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, въ Московскомъ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ считался

однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, былъ человѣкомъ не безъ дарованій, блисталъ остроуміемъ, но образованіе его все-таки было энциклопедическимъ, поверхностнымъ.

Первая литературная извѣстность досталась Воейкову за его „Посланіе къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ (1806 г.), которое въ сущности было сатирой на то же явленіе, какое вызвало и басню Крылова: „Гуси". Отдавая честь Сперанскому, человѣку не знатнаго происхожденія, за то, что онъ возвысилъ свой родъ своими заслугами, авторъ противополагаетъ ему тѣхъ кичливыхъ дворянъ, которые, ничего не сдѣлавъ сами, гордятся своими заслуженными предками,—и высказываетъ свое къ нимъ отношеніе.

. . . . . . не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцевъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и грамоты въ глазахъ честныхъ людей —
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ поревнованья;
Когда безъ славныхъ дѣлъ, тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ.
А между тѣмъ сей князь, бояринъ этотъ гордый,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
Какъ будто съ Минихомъ дѣлилъ труды и славу,
Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву.

И далѣе, обращаясь къ кичливому дворянину-гусю, авторъ говоритъ:

Но знай, что кто въ дѣдахъ считаетъ Геркулеса,
Тотъ долженъ быть ни трусъ ни глупая повѣса.
Но ты не внемлешь мнѣ!—ты вѣчное пятно,
Безчестье праотцевъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благородный,
Отъ корня добраго гнилой сучокъ негодный...

Затѣмъ прошло много лѣтъ — и Воейковъ ничего не прибавилъ къ своей литературной славѣ, какъ писателя оригинальнаго: онъ, переведя въ 1809 г. Вольтерову „Исторію царствованія Людовика XIV", занимался изданіемъ „Образцовыхъ сочиненій въ

прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей" да переводилъ Делилеву поэму: „Сады" — трудъ, за который получилъ отъ Батюшкова названіе „терзателя Делиля" [70]). Только въ 1814 г. осѣнило его вдохновеніе — и онъ написалъ первую редакцію своей пресловутой сатиры: „Домъ сумасшедшихъ", пресловутой потому, что она разнеслась по всей грамотной Россіи. „Отъ Зимняго дворца до темной квартиры бѣднаго чиновника" — говоритъ біографъ Воейкова [71]) — „она ходила въ рукописныхъ (по большей части искаженныхъ) спискахъ".

Сатиру свою Воейковъ потомъ нѣсколько разъ передѣлывалъ и вносилъ въ нее людей ужъ другой эпохи, напримѣръ, Бѣлинскаго, Сенковскаго, — но въ общемъ серьезное значеніе имѣла лишь малая часть ея: та часть, гдѣ авторъ открыто напалъ, уже въ позднѣйшей редакціи, на направленіе просвѣщенія при кн. Голицынѣ. Онъ выставилъ тутъ извѣстнаго Рунича и Дмитрія Александровича Кавелина, который, бывши директоромъ Благороднаго пансіона при Педагогическомъ институтѣ, преслѣдовалъ профессоровъ и торжественно жегъ вольнодумныя, по его убѣжденію, сочиненія и печатныя книги [72]).

Приведемъ начало сатиры Воейкова и мѣста о Кавелинѣ и Руничѣ.

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ.
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ...
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ желтый домъ.

Тутъ авторъ видитъ, между прочимъ, Кавелина и Рунича. Первый говоритъ:

Какъ! меня лишать свободы
И сажать въ безумный домъ?
Я подлецъ ужъ отъ природы,
Сорокъ лѣтъ хожу глупцомъ.

Руничъ жалуется, что

Локкъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
Галлеръ сердце обольстилъ,
Кантомъ бредятъ даже дѣти,
Деннеръ нравы развратилъ.

Затѣмъ можно отмѣтить ѣдкую сатиру на П. И. Соколова, секретаря Россійской Академіи, не любившаго поэзіи и называвшаго ее „суетностью“ [73]).

Вотъ онъ съ харей фарисейской,
    Петръ Иванычъ Осударь *),
Академіи Россійской
    Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
    Ничего не издаетъ,
Три оклада получаетъ
    И столовыя беретъ.

Но этимъ и исчерпывается серьезная часть сатиры Воейкова: остальное касается уже не административныхъ лицъ, а міра писателей — и представляетъ собою лишь блестящія карикатуры. Одну изъ нихъ — на С. Глинку—мы уже приводили (вып. V, 151); приведемъ еще карикатуры на кн. Шаликова, на Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, А. Измайлова.

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
    Спичка Шаликовъ въ слезахъ,
Разрумяненный, въ вѣночкѣ,
    Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ.
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
    Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ
И, мяуча сладострастно,
    Размазню безъ масла ѣстъ **).
Здѣсь старикъ съ лицомъ печальнымъ,—
    Буквъ славянскихъ красоту,—
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
    Пресловутую *ѳиту*.
И на утвари повсюду
    Коронованныя *кси*,
Старовѣрскихъ книжицъ груду
    И въ окладѣ *юсъ* и *пси*.
Томъ, въ сафьянъ переплетенный,
    Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумленный —
    И узналъ, что то Шишковъ.
Вотъ Жуковскій! въ саванъ длинный
    Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
    Черта дразнитъ языкомъ;

*) У Соколова была любимая поговорка: „осударь мой“.

**) Послѣдній стихъ—намекъ на бѣдное состояніе кн. Шаликова. (Примѣч. Галахова).

Видѣть вѣдьму воображаетъ,
То глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ и реветъ.

Въ стихотвореніи Батюшкова: „Счастливецъ“ (1810 г.) есть между прочимъ, такая строфа (12-я):

Сердце наше — кладезь мрачный:
Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись ко дну... Ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!

Эти-то стихи и дали поводъ Воейкову написать слѣдующую насмѣшку:

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ виситъ
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ;
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ онъ сладкогласно:
„Тихъ, покоенъ сверху видъ,
А спустись на дно — ужасный
Крокодилъ на немъ лежитъ!“

Измайловъ характеризованъ также карикатурно и односторонне.

Вотъ Измайловъ — авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: „Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ;
Мой предметъ — носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!“

Задѣтыя Воейковымъ лица административнаго міра обидѣлись; писатели же въ большинствѣ случаевъ лишь посмѣялись. Впрочемъ, имъ и нельзя было обижаться, потому что Воейковъ въ своемъ „Домѣ сумасшедшихъ“ помѣстилъ и самого себя.

Отъ досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ
Горькую прервать потѣху;
Но смотритель доложилъ:
„Ради вы или не ради,
Но указъ ужъ полученъ,
Вамъ отсель нельзя ни пяди!“
И указъ тотчасъ прочтенъ:
„Тотъ Воейковъ, что Делиля
Столь безбожно исказилъ,

Истерзать хотѣлъ „Эмиля"
И Виргилію грозилъ *),—
Долженъ быть, какъ сумасшедшій,
Вовсе запертъ въ желтый домъ:
Темя все обрить поспѣшнѣй
И тереть почаще льдомъ!"

Административныя же лица обидѣлись настолько, что Воейкову грозила даже ссылка; но вмѣшался Карамзинъ, и въ офиціальной докладной запискѣ къ Сперанскому оправдывалъ сочинителя сатиры, называя его человѣкомъ отличныхъ дарованій [74]).

Однако дарованія Воейкова главнымъ образомъ только и проявлялись въ остромъ словцѣ насчетъ современныхъ ему писателей. Около 1816 г. онъ еще разъ осмѣялъ ихъ въ своемъ „Парнасскомъ адресъ-календарѣ". Князю Шаликову, напримѣръ, дана тамъ слѣдующая характеристика: „Князь П. И. Шаликовъ, присяжный оберъ-волокита, князь вралей; находится при составленіи изъ канареичныхъ яицъ для Феба яичницы и при собраніи для него же жемчужной росы и любовныхъ вздоховъ". Петръ Матвѣевичъ Карабановъ (1765 — 1829), членъ Россійской Академіи и „Бесѣды любителей русскаго слова", авторъ многихъ торжественныхъ и напыщенныхъ одъ, названъ Воейковымъ „именинымъ стихотворцемъ, долженствующимъ всегда имѣть въ запасѣ нѣсколько пьесъ на рожденіе, крещеніе, бракосочетаніе и кончину знатныхъ особъ обоего пола" [75]).

Но слава Воейкова у современниковъ все-таки основана была главнѣйшимъ образомъ на его „Домѣ сумасшедшихъ". Успѣхъ этой сатиры зависѣлъ между прочимъ и отъ самой ея формы, легкой и игривой. Короткій стихъ ея пріятнѣе того длиннаго, тягучаго стиха, который такъ часто встрѣчается у Горчакова, Нахимова, Милонова и Долгорукаго. Впечатлѣніе отъ стиховъ Горчакова очень хорошо характеризовано еще въ 1807 г. Жихаревымъ: „Стихи идутъ попарно вереницею, бьютъ въ тактъ, какъ два молота объ наковальню" [76]).

Въ 1815 году Воейковъ женился на Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, племянницѣ Жуковскаго, и уѣхалъ въ Дерптъ на каѳедру русской словесности, гдѣ и пробылъ до 1820 г., а затѣмъ переселился въ Петербургъ и сдѣлался журналистомъ: сперва онъ раздѣлялъ труды съ Гречемъ по изданію „Сына Отечества", а послѣ сталъ редакторомъ „Русскаго Инвалида" (1822 — 1828) и

---

*) Воейковъ думалъ переводить „Эмиля" Руссо и Виргиліевы георгики.

издавалъ прибавленія къ нему: „Новости русской литературы“ (1822—1825), „Славянинъ“ (1827—1830) и „Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду“ (1831 — 1836). Но дарованіе Воейкова все суживалось, читатели все больше и больше охладѣвали къ его изданіямъ, „Инвалидъ“ былъ отнятъ отъ него и переданъ другому лицу (генералу Пезаровіусу), прибавленія давали дохода мало, Воейковъ впалъ въ долги— и послѣдніе годы жизни проводилъ въ постоянномъ недовольствѣ и раздраженіи. Онъ умеръ въ 1839 г.

Колбасинъ такъ характеризуетъ Воейкова, какъ редактора „Инвалида“: „Онъ мгновенно усвоилъ обычные пріемы: прятать подальше истину и всякую мелочь считать величайшимъ оскорбленіемъ для чести русскаго имени. Онъ во всемъ видѣлъ теперь посягательство на оскорбленіе народной нашей гордости“. Если, напримѣръ, англійскій скакунъ опредилъ донского, Воейковъ находилъ, что это оскорбляетъ народную гордость, унижаетъ Россію, и жаловался объ этомъ „почтеннѣйшей публикѣ“ Инвалида. Но тутъ же утѣшалъ ее, что „донцы восторжествуютъ блистательно“, какъ Москва восторжествовала надъ Парижемъ.

Воейковъ, когда-то блиставшій въ московскихъ гостиныхъ, когда-то прослывшій человѣкомъ даровитымъ и подававшій многимъ надежду на славное литературное будущее, въ позднѣйшіе годы сталъ вызывать къ себѣ у многихъ отрицательное отношеніе. Еще въ августѣ 1815 г. Батюшковъ въ письмѣ къ Жуковскому, смѣясь шуткѣ сатирика по поводу извѣстной строфы въ „Счастливцѣ“, говорилъ: „Скажи ему, что я... на Парнассѣ съ нимъ разсчитаюсь, но люблю его попрежнему“. Но въ 1821 г. въ письмѣ къ Гнѣдичу Батюшковъ относится къ Воейкову уже отрицательно. „Воейковъ“—писалъ онъ—„знаетъ одну чернильницу, но музы отвратили отъ него лицо. Въ злѣ нѣтъ остроумія. Наносить вредъ и писать пріятно — дѣло невозможное. Я уважалъ его талантъ, но...“ Кюхельбекеръ же въ своемъ дневникѣ, подъ 18-мъ ноября 1832 г., прямо сказалъ: „Уважать Воейкова, какъ человѣка, мнѣ невозможно, да врядъ ли возможно и лучшимъ его друзьямъ“ [77]).—Главною причиною потери уваженія было отсутствіе у Воейкова твердыхъ убѣжденій.

Къ трудамъ Воейкова надо прибавить еще слѣдующее: въ періодъ времени съ 1815 г. по 1826-й онъ издалъ три „Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и

прозѣ“: первое, вмѣстѣ съ А. Тургеневымъ и Жуковскимъ, въ 12 ч. (1815 — 1817); второе — одинъ, подъ заглавіемъ: „Новое собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 годъ“ (4 ч.); третье — также одинъ: „Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1825 годъ“ (тоже 4 ч.).

XII. Трагедіи Озерова (1770 — 1816) и краткій очеркъ другихъ трагедій Александровской эпохи.

Озеровъ способствуетъ оживленію современнаго ему театра.—Біографическія свѣдѣнія объ Озеровѣ. — Первый поставленный на сцену опытъ его, какъ драматурга.—Трагедія: *„Эдипъ въ Аѳинахъ“*.—Ея греческій первообразъ и французская передѣлка его.—Чѣмъ Дюси увлекъ своихъ современниковъ.—Сопоставленіе трагедіи Озерова съ трагедіей Дюси. — Неточность Галаховскаго отзыва.—Стихъ Озерова.—Значеніе „Эдипа въ Аѳинахъ“ въ исторіи нашего театра, какъ всѣхъ увлекшей новинки.—Эдипъ-Шушеринъ и Эдипъ-Плавильщиковъ.—Царь Тезей напоминалъ зрителямъ императора Александра.—Трагедія: *„Фингалъ“*.—Ея источникъ и своеобразная обработка Озеровымъ заимствованнаго сюжета вмѣстѣ съ измѣненіемъ характеровъ оссіановскихъ героевъ.—Критика кн. Вяземскаго и Мерзлякова. — „Фингалъ“ на сценѣ, по словамъ Арапова и Жихарева.—Трагедія: *„Димитрій Донской“*.—Вліяніе Расина.—Первый актъ и его погрѣшности. — Дальнѣйшее развитіе трагедіи совершается главнѣйшимъ образомъ на романической основѣ. — Крупные недостатки въ очеркѣ личности Димитрія. Личность Ксеніи и драматизмъ ея положенія. — Причины успѣха трагедіи. — Разсказъ Жихарева и историческое значеніе его, какъ иллюстраціи настроенія общества. — Отзывъ актера Дмитревскаго.—Мнѣніе Арапова о стихахъ Озерова.— Трагедія: *„Поликсена“*.—Различіе между Поликсеной Эврипида и Озерова.—Слѣды вліянія Сенеки.—Значеніе двухъ заключительныхъ стиховъ трагедіи.—Общій взглядъ на трагедіи Озерова.

Между сатирою начала XIX-го вѣка и вѣка XVIII-го есть, конечно, извѣстная связь. Есть эта связь и между многими другими литературными явленіями указанныхъ періодовъ времени, не исключая и произведеній драматическихъ. Но все же надо сказать, что театръ нашъ почти съ самаго же начала Александровской эпохи сталъ значительно оживляться. Этому оживленію способствовалъ между прочимъ и Озеровъ, трагедіи котораго производили сильное впечатлѣніе на современниковъ. Кн. Вяземскій, говоря въ 1817 г. о до-Озеровскомъ времени, замѣтилъ: „Кажется, рѣшительно можно сказать, что у насъ не было трагедій, и величество Мельпомены не царствовало на трагической сценѣ. Актеры подъ пышными именами выходили передъ зрителями, говорили стихи, иногда хорошіе, чаще дурные; зрители ру-

коплескали, чаще зѣвали; но и рукоплесканія ихъ были данію звучности стиховъ, блестящему выраженію, сильнымъ изреченіямъ, сохраненію нѣкоторыхъ условій искусства,—но тайна трагедіи не была еще постигнута. Явился Озеровъ — и Мельпомена приняла владычество свое надъ душами. Мы услышали голосъ ея, повелѣвающій сердцу, играющій чувствами" [78]).

Что трагедіи Озерова дѣйствительно трогали зрителей—объ этомъ свидѣтельствуютъ и другіе современники, въ особенности Жихаревъ, во многихъ мѣстахъ своихъ записокъ указывающій тѣ впечатлѣнія, которыя уносилъ онъ изъ театра, когда тамъ давались трагедіи Озерова. Правда, успѣху Озерова содѣйствовали такіе превосходные артисты того времени, какъ Шушеринъ, Плавильщиковъ, Яковлевъ и Семенова, — но съ другой стороны вѣрно и то, что и самые лучшіе артисты не могутъ ничего сдѣлать, если пьеса не даетъ имъ возможности проявить своихъ дарованій. Батюшковъ въ своихъ „Стихахъ Семеновой" (1809 г.), восхищаясь игрой этой артистки въ трагедіяхъ Озерова, ясно даетъ понять, что превосходная игра ея была въ свою очередь слѣдствіемъ вліянія на нее чувствительной души драматурга, такъ трогательно очертившаго образы Антигоны, Моины и Ксеніи.

Я видѣлъ красоту, достойную вѣнца,
Дочь добродѣтельну, печальну Антигону,
Опору слабую несчастнаго слѣпца;
Я видѣлъ, я внималъ ея сердечну стону—
И въ рубищѣ простомъ почтенной нищеты
Узналъ богиню красоты.
Я видѣлъ, я позналъ ее въ Моинѣ страстной,
Средь сонма древнихъ бардъ, средь копій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моей,
Ея взоръ пламенный, всегда съ душой согласный,
Я видѣлъ — и позналъ небесныя черты
Богини красоты.
О дарованія, одно другимъ вѣнчанно! *)
Я видѣлъ Ксенію, стенящу предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной;
Боренье всѣхъ страстей, въ ней къ ужасу слiянно,
Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотой—
И счастливъ сей мечтой!... [79])

—

Біографія Владислава Александровича Озерова извѣстна лишь въ общихъ чертахъ [80]). Онъ родился 30 сентября 1770 г. въ селѣ Казанскомъ, Тверской губерніи, Зубцовскаго уѣзда, и, какъ ка-

*) Т.-е. дарованіе поэта и артистки.

жется, рано лишился матери. Ему не было еще полныхъ десяти лѣтъ, когда отецъ отдалъ его въ Сухопутный кадетскій корпусъ, гдѣ получилъ свое образованіе и Сумароковъ. Озеровъ хорошо изучилъ тамъ французскій языкъ и французскую литературу — предметы, на которые въ корпусѣ обращено было преимущественное вниманіе. Особенно полюбилъ онъ литературу драматическую: по словамъ Глинки, „въ памяти Озерова вмѣщался весь театръ Корнеля, Расина, Вольтера". Съ русской литературой — съ Державинымъ, Карамзинымъ, Дмитріевымъ—познакомился онъ позднѣе, и первые стихи свои писалъ по-французски.

Выпущенный изъ корпуса (въ 1787 г.) съ первою золотою медалью и съ чиномъ поручика, Озеровъ прослужилъ нѣкоторое время въ дѣйствующей арміи, участвовалъ въ занятіи Бендеръ (1789), а затѣмъ состоялъ адъютантомъ при главномъ директорѣ Сухопутнаго корпуса — графѣ Ангальтѣ. На смерть этого воспитателя своего (1794) Озеровъ, какъ благодарный его питомецъ, написалъ французскіе стихи: „Vers sur la mort du comte Anhalt dédiés à M. M. les Cadets". Вотъ начало этихъ стиховъ, написанныхъ тепло, но безъ всякой приторной сентиментальности:

Qu'entends-je? Anhalt n'est plus! Quoi, la parque ennemie
Vient de trancher le cours d'une si belle vie?
O destin rigoureux, impitoyable sort!
Ses vertus et nos pleurs n'ont pû flechir la mort;
La mort aux yeux de sang, au corps sec et livide.
N'a donc pû retenir son acier homicide?..

Послѣ службы при Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ Озеровъ, уже въ чинѣ генералъ-майора, перешелъ въ Лѣсной департаментъ — и здѣсь скоро начались его непріятности, виновникомъ которыхъ считаютъ управлявшаго тогда министерствомъ финансовъ — Ѳ. А. Голубцова. О характерѣ этихъ непріятностей можно судить по письму Озерова къ А. Н. Оленину, съ которымъ нашъ драматургъ былъ въ большой дружбѣ. Письмо написано вскорѣ послѣ выхода Озерова въ отставку въ 1808 г. и заключаетъ въ себѣ между прочимъ слѣдующія строки: „Мою обязанность передъ отечествомъ исполнилъ... Если не могу быть ему полезенъ столько, сколько желалъ, тому не я причиною, а судьба, стѣснявшая всегда кругъ моихъ обязанностей. По Лѣсному же департаменту я имѣлъ случай доставить казнѣ въ продолженіе семи лѣтъ болѣе 1.300,000 рублей дохода новою и мною найденною и обработанною статьею сборовъ, которая ежегодно приноситъ отъ 50 до 70 тысячъ рублей. Но вмѣсто поощреній и награжденій я

чувствовалъ одни огорченія, испыталъ несправедливости и подвергнулся со всѣми лѣсными чиновниками подозрѣнію правительства. Послѣднее довершило мое негодованіе на службу, когда я увидѣлъ, что ни моя скромная жизнь, ни отказываніе себѣ во многомъ не могли меня исключить изъ-подъ ложнаго мнѣнія, по которому, можетъ быть, считаютъ, что сынъ не царскій и не боярскій, а просто дворянскій, не можетъ быть честнымъ человѣкомъ по воспитанію, по собственному понятію своему и совѣсти". Письмо это послано изъ села Казанскаго, откуда Озеровъ вскорѣ (въ ноябрѣ 1808 г.) отправился въ Красный-Яръ, единственное свое имѣніе, находившееся въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

Служебныя непріятности вмѣстѣ съ отказомъ въ прибавкѣ пенсіи, что лишило Озерова возможности жить въ столицѣ, уже было достаточной причиной огорченія... но у поэта были еще и другіе источники его душевныхъ мукъ. Объ одномъ изъ нихъ разсказываетъ кн. Вяземскій. Одаренный нѣжной душой и пылкимъ темпераментомъ, Озеровъ страстно влюбился въ одну замужнюю женщину, и эта платоническая привязанность, длившаяся до самой смерти любимой особы и долго не остывавшая и послѣ, играла большую роль въ жизни поэта: съ одной стороны она воодушевляла его и помогала ему при очеркѣ женскихъ образовъ, а съ другой—она была источникомъ его страданій и развивала въ немъ раздражительность.

Третій источникъ страданій Озерова былъ связанъ съ его литературной дѣятельностью. Она началась французскими стихами, и первымъ русскимъ опытомъ Озерова былъ его вольный переводъ героиды Колярдо: „Элоиза къ Абеляру", напечатанный въ 1794 г., съ посвященіемъ „прелестному полу". Затѣмъ слѣдовала ода: „На смерть Екатерины II", гдѣ авторъ между прочимъ хорошо характеризовалъ четырьмя стихами царствованіе императрицы:

Одной рукой колебля троны
Зломъ дышащихъ на насъ враговъ,
Другою создала законы
Для счастія своихъ сыновъ.

Позднѣе Озеровъ написалъ еще нѣсколько мелкихъ стихотвореній, но ихъ немного, и они ничѣмъ не замѣчательны: вся слава Озерова основана на его трагедіяхъ, хотя и не на всѣхъ. Первою изъ нихъ, поставленною на сцену, была „Ярополкъ и Олегъ", появившаяся на театрѣ въ 1798 г. Но успѣха она не имѣла. За нею слѣдовали „Эдипъ въ Аѳинахъ", „Фингалъ" и „Димитрій

Донской"—трагедіи, доставившія поэту громкую славу у современниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ породившія и недоброжелателей и завистниковъ, что особенно обнаружилось при появленіи слѣдующей трагедіи Озерова—„Поликсены". Она была представлена въ первый разъ въ 1809 г. и хотя не имѣла такого блестящаго успѣха, какъ три предшествовавшія ей трагедіи, но все же публикою была принята хорошо. Между тѣмъ дирекція, благодаря чьимъ-то интригамъ, послѣ второго представленія сняла ее съ репертуара и не заплатила автору условленной суммы. Кто былъ главнымъ виновникомъ интриги —сказать трудно: иные, напримѣръ князь Вяземскій, указываютъ князя Шаховского, бывшаго тогда членомъ по репертуарной части; другіе, напримѣръ Жихаревъ, [81]) оправдываютъ его отъ взводимаго обвиненія. Но какъ бы ни было, интрига противъ Озерова существовала несомнѣнно, и неудача, постигшая „Поликсену", которую авторъ считалъ лучшимъ своимъ произведеніемъ, глубоко поразила поэта. Онъ впалъ въ уныніе, отказался навсегда отъ литературныхъ занятій и, уже подготовленный другими непріятностями и огорченіями, заболѣлъ, скоро лишился разсудка—и умеръ 5-го сентября 1816 г.

Страданія Озерова вызвали въ литературѣ сочувствіе къ жертвѣ зависти. Жуковскій еще въ 1814 г. писалъ въ посланіи „Къ кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину":

Увы! Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства.
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями?
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила—
Въ нихъ зависть тернія вплела;
И торжествуетъ: растерзали
Ихъ иглы славное чело—
Простымъ сердцамъ смертельно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.
Ахъ! если бъ могъ достигнуть гласъ
Участія и удивленья
Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
И усладить ее на часъ!
Чувствительность его сразила;
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была.

Кн. Вяземскій въ 1817 г. писалъ: „Смерть положила предѣлъ днямъ Озерова на 47 году отъ рожденія; но бѣдствія и зависть,

пробужденная рукоплесканіями, уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ поставили преграду успѣхамъ его, похитивъ у отечества надежды, за исполненіе которыхъ достаточными поруками были прежніе труды Озерова, начавшаго новую эпоху въ исторіи трагическаго нашего театра. Странная и горестная истина! Участь великихъ мужей, коихъ слава бываетъ собственностію народа, зависитъ часто отъ малаго числа людей, а иногда отъ одного только лица. Не оттого ли, что благодарность скудна въ способахъ изъясняться, особенно же медленна; а зависть, напротивъ, богата въ средствахъ, догадлива и никогда не дремлетъ? И часто первая прерываетъ свое преступное молчаніе тогда только, когда поздній голосъ ея тщетно уже раздаться можетъ надъ прахомъ сердца нѣжнаго, потухшаго въ уныніи и ожидавшаго благотворнаго ея взыванія, какъ новой жизнеподательницы новыхъ силъ и надеждъ! Напротивъ же, первая побѣда есть для послѣдней рѣшительный знакъ къ дѣйствію: неутомимо преслѣдуетъ она отъ успѣха къ успѣху довѣрчиваго любимца славы, какъ жадный заимодавецъ, заставляя его расплачиваться при каждомъ новомъ правѣ, пріобрѣтенномъ на уваженіе отечества, и такимъ образомъ, гоняясь до конца за жертвою своею, падаетъ безсильная при надгробномъ камнѣ, сей священной преградѣ, безсмертіемъ поставленной ея ненасытной враждѣ. Счастливъ обреченный славою на гоненіе, воинъ ли онъ, гражданинъ ли, или питомецъ музъ, когда душа его, облеченная спасительною твердостію и крѣпкая собственными своими силами, служитъ только тщетно цѣлію стрѣлъ для непріязни, скользящихъ по ней и слѣдовъ не оставляющихъ! Но горе тому, кто съ дарованіемъ получилъ отъ природы и душу чувствительную, ввѣрившую свои наслажденія и горести самовластію чуждаго произвола! Горькими слезами заплатитъ онъ за рукоплесканія, мгновенно похищенныя у вѣтреной толпы, сегодня ослѣпленной, а завтра смотрящей съ убійственнымъ равнодушіемъ на бореніе любимца своего съ злобою враговъ“.

Первымъ поставленнымъ на сцену опытомъ Озерова, какъ драматурга, была трагедія: „Ярополкъ и Олегъ“, данная впервые на петербургскомъ придворномъ театрѣ 16 мая 1798 г. Написана она еще въ Сумароковскомъ стилѣ. Сюжетъ взятъ изъ лѣтописнаго сказанія о Ярополкѣ, Олегѣ, Свѣнельдѣ и сынѣ его — Лютѣ, но обработанъ авторомъ по-своему и именно слѣдующимъ образомъ. Великій князь кіевскій Ярополкъ и братъ его Олегъ древлянскій

долго враждовали, но наконецъ примирились. Этотъ миръ не по сердцу первому вельможѣ Ярополка—Свѣнальду: онъ ненавидитъ Олега за то, что тотъ казнилъ его сына, перешедшаго къ нему на службу и совершившаго потомъ какое-то важное преступленіе. Олегъ былъ правъ, но гордый вельможа думаетъ, что ради заслугъ отца князь могъ бы и обойти законъ и пощадить сына Свѣнальдова. Свѣнальдъ жаждетъ мести: онъ хочетъ свой стыдъ омыть въ крови Олеговой, и для этой цѣли раздуваетъ вражду между князьями-братьями. Ему это легко удается, потому что оба брата пылаютъ любовью къ Предславѣ, плѣнной болгарской княжнѣ, живущей въ чертогахъ Ярополка. Предслава, правда, давно уже считается невѣстой Олега и любитъ его, но Свѣнальдъ старается внушить Ярополку мысль, что незачѣмъ ему уступать княжну брату, потому что братъ этотъ затѣваетъ крамолу: хочетъ отнять у Ярополка престолъ. Это была клевета, но Ярополкъ ей повѣрилъ, и даетъ Свѣнальду разрѣшеніе убить Олега. Но лишь согласіе на убійство было дано, Ярополкъ начинаетъ угрызаться совѣстью, начинаетъ вдумываться—и вдругъ догадывается, что онъ лишь орудіе Свѣнальдовой мести. Онъ тотчасъ же посылаетъ приказаніе остановить убійцу, но Олегъ успѣваетъ во-время открыть злодѣя, и Свѣнальдъ, мучимый злобой вслѣдствіе неудавшейся мести, самъ себя закалываетъ кинжаломъ. Трагедія заканчивается слѣдующими словами Ярополка:

На сердцѣ сохраню, что ложный другъ и льстецъ
Есть язва злѣйшая носящему вѣнецъ.

О „пристрастливыхъ" вельможахъ говоритъ и Олегъ (во 2-мъ явл. II-го Д.).

Увы, всѣхъ смертныхъ болѣ
Въ винахъ простительны сѣдящи на престолѣ:
Ихъ окружаетъ тронъ ласкательство и ложь;
Корыстная рука пристрастливыхъ вельможъ
Отъ трона истину отринуть часто тщится,
Къ которой пылкая душа царей стремится.

Этотъ первый дошедшій до насъ опытъ Озерова *) напоминаетъ собою отчасти „Хорева" Сумарокова, отчасти его „Димитрія Самозванца". Ярополкъ, поддающійся навѣтамъ Свѣнальда, напоминаетъ Кія, поддающагося навѣтамъ Сталверха. Самъ Свѣнальдъ похожъ на Сталверха, но превосходитъ его въ злобѣ, и въ этомъ отношеніи онъ приближается къ типу тѣхъ чистокров-

*) Есть указаніе, что Озеровъ еще раньше „Ярополка и Олега" написалъ трагедію: „Ольга"; но она не сохранилась.

ныхъ трагическихъ злодѣевъ, представителемъ которыхъ является у Сумарокова Димитрій Самозванецъ. Свѣнальдъ, напримѣръ, желая упиться страданіемъ Олега, говоритъ (Д. III, явл. 5):

Вселися, Чернобогъ, ты въ душу мнѣ сурову,
Чтобы возмогъ ему придумать казнь я нову,
Текущу кровь его по каплѣ изсчитать
И въ сердцѣ трепетномъ боль смерти прочитать.

Въ общемъ трагедія слаба и, какъ уже сказано, успѣха не имѣла; но и въ этомъ произведеніи Озерова уже видны значительные проблески умѣнья изображать нѣжныя движенія души, въ особенности души женской (Предславы), т.-е. есть уже начало той черты, которая впослѣдствіи такъ отличила трагедіи Озерова отъ трагедій его предшественниковъ, и которую наша критика обыкновенно опредѣляетъ такими словами: Озеровъ внесъ въ трагедію чувствительность, или, какъ говоритъ Пыпинъ, „оживилъ старую трагедію элементомъ чувствительности".

Это оживленіе почувствовалось, когда на сценѣ появился „Эдипъ въ Аѳинахъ", представленный въ первый разъ 23 ноября 1804 г. Весь городъ заговорилъ о новой трагедіи. 15-го декабря пьесу играли въ Эрмитажномъ театрѣ—и авторъ и актеры получили отъ государя подарки [83]).

„Эдипъ въ Аѳинахъ"—пьеса, конечно, не оригинальная. Первообразомъ всѣхъ пьесъ съ подобнымъ сюжетомъ служитъ извѣстная трагедія Софокла: „Эдипъ въ Колонѣ", которая вмѣстѣ съ его трагедіями: „Эдипъ царь" и „Антигона" исчерпываетъ знаменитую древне-греческую легенду о ѳиванскомъ царѣ Лаѣ и сынѣ его Эдипѣ. Содержаніе Софокловой трагедіи: „Эдипъ въ Колонѣ" слѣдующее.

На сценѣ появляется слѣпецъ Эдипъ въ нищенскомъ рубищѣ, въ сопровожденіи своей дочери Антигоны. Своими страданіями *) онъ уже искупилъ невольную вину свою, и теперь ему, долго скитавшемуся изъ одного мѣста въ другое, сама судьба посылаетъ пріютъ въ священной рощѣ Эвменидъ, близъ Аѳинъ, въ окрестности небольшого селенія Колона. Отъ подошедшаго къ нему жителя этого селенія онъ узнаетъ, гдѣ онъ, узнаетъ, что онъ въ предѣлахъ владѣній аѳинскаго царя Тезея, и проситъ поселянина сходить къ царю и предложить ему придти къ страдальцу. Между тѣмъ подходятъ колонскіе старцы, съ ужасомъ

*) Самый острый, начальный фазисъ страданій Эдипа Софоклъ изобразилъ въ трагедіи: „Эдипъ царь".

видятъ присутствіе пришельца въ рощѣ гнѣвныхъ богинь и просятъ Эдипа выйти за предѣлы священнаго мѣста. Эдипъ исполняетъ просьбу; но когда старцы узнаютъ, кто этотъ слѣпецъ, когда они узнаютъ, что это гонимый судьбою отцеубійца, они предлагаютъ Эдипу совсѣмъ уйти поскорѣе изъ ихъ страны. Антигона проситъ старцевъ пощадить несчастнаго слѣпца, но тѣ отвѣчаютъ: повѣрь, дитя Эдипа, ваше положеніе внушаетъ намъ состраданіе, но мы, боясь гнѣва боговъ, ничего не можемъ предложить вамъ иного, какъ удалиться. Въ это время появляется вторая дочь Эдипа — Исмена, и сообщаетъ отцу, что между братьями ея, Полиникомъ и Этеокломъ, возникла вражда изъ-за власти, что послѣдній овладѣлъ престоломъ и прогналъ Полиника, а этотъ, желая отнять власть у брата, собираетъ войско противъ Ѳивъ; затѣмъ она заявляетъ, что Креонъ, ихъ дядя, скоро явится къ Эдипу съ намѣреніемъ увести его и держать ближе къ Ѳивамъ для того, чтобъ, по смерти страдальца, ѳиванцы могли быть владѣльцами его могилы, такъ какъ принесено извѣстіе отъ дельфійскаго оракула, что могила Эдипа будетъ залогомъ счастья и побѣды для той страны, гдѣ она будетъ находиться. Однако Эдипъ не хочетъ вернуться въ ту землю, откуда его выгнали, а собственные сыновья не заступились, не защитили, и теперь хотятъ имѣть его, какъ плѣнника, ради связаннаго съ его могилой расчета на счастье. Но вотъ наконецъ приходитъ и Тезей, до котораго молва давно уже донесла исторію убійцы Лая; въ слѣпомъ старцѣ онъ тотчасъ отгадываетъ Эдипа, относится къ нему съ состраданіемъ и обѣщаетъ защиту. Эдипъ даритъ ему свой трупъ, замѣчая не безъ юмора, что на видъ подарокъ этотъ не привлекателенъ, но—прибавляетъ онъ—пользы въ немъ гораздо больше, чѣмъ красоты въ его формѣ *). Тезей заявляетъ, что онъ готовъ сдѣлать все, что пріятно Эдипу. Этимъ заканчивается второй актъ, начавшійся появленіемъ Исмены **).— Въ третьемъ актѣ, послѣ пѣсни хора, прославляющей красоту и благодатный климатъ Аѳинской страны и щедрые дары ея природы,—пѣсни, которая есть дань любви Софокла-аѳинянина къ своей родинѣ, — на сценѣ появляется Креонъ. Сперва онъ льстивыми рѣчами убѣждаетъ Эдипа вернуться на родину, говоритъ, что онъ посланъ за нимъ всѣмъ ѳиванскимъ народомъ, который, проник-

---

*) Въ подлинникѣ: τα δὲ κέρδη παρ' αὐτοῦ κρείσσον' ἢ μορφὴ καλή.

**) Дѣленіе Софокловыхъ трагедій на акты принадлежитъ позднѣйшимъ переводчикамъ. Въ оригиналѣ этого дѣленія нѣтъ.

шись состраданіемъ къ Эдипу, желаетъ его возвращенія, а болѣе всѣхъ желаетъ этого онъ, Креонъ, потому что, какъ родственникъ, болѣе другихъ принимаетъ къ сердцу бѣдствія несчастнаго старца. Но Эдипъ знаетъ цѣну словъ Креона, называетъ его наглымъ лжецомъ, предаетъ проклятію его и весь его родъ—и отказывается идти съ нимъ. Тогда Креонъ перемѣняетъ тонъ рѣчи и объявляетъ Эдипу, что одну дочь его, Исмену, онъ уже велѣлъ отправить въ Ѳивы, и затѣмъ приказываетъ сопровождавшимъ его ѳиванцамъ схватить и Антигону и отвести туда же, и грозитъ, что онъ силою уведетъ и самого Эдипа. Между Креономъ и хоромъ завязывается споръ. На шумъ приходитъ Тезей. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ, оскорбленный несправедливостью, учиненной на землѣ, которая, по его словамъ, служитъ только правдѣ — (тутъ опять мы видимъ въ Софоклѣ патріота-аѳинянина) — приказываетъ Креону присоединиться къ его свитѣ и указать, гдѣ находятся уведенныя дѣвушки, если онѣ спрятаны гдѣ-либо близко; а если онѣ уже далеко, то — говоритъ Тезей — погоня за разбойниками уже готова. Креонъ между тѣмъ пробуетъ оправдать свой поступокъ, ссылаясь на то, что онъ заявлялъ свои права на *свое* же, т.-е. на своихъ родственниковъ, при чемъ былъ увѣренъ, что аѳиняне никогда не примутъ къ себѣ такого оскверненнаго человѣка, какъ отцеубійца, вступившій въ брачный союзъ со своею матерью. Этотъ злой укоръ вызываетъ у Эдипа желаніе защититься, и онъ указываетъ, что преступленіе его невольное и безсознательное, и Креонъ не имѣетъ права обвинять его своими нечестивыми устами. Эта рѣчь Эдипа отличается необыкновенной силой и логикой самозащиты, а вмѣстѣ и убѣжденностью, что теперь должны быть за него и сами богини Эвмениды. Хоръ и Тезей еще разъ выражаютъ сочувствіе Эдипу.—Таково содержаніе III-го акта. Въ IV-мъ, послѣ пѣсни хора, прославляющей военныя доблести Тезея и аѳинянъ, при чемъ хоръ выражаетъ увѣренность, что уведенныя дѣвушки будутъ спасены, появляется Тезей съ Антигоной и Исменой. И дочери и въ особенности отецъ исполнены радости и чувства благодарности къ Тезею. Тезей между тѣмъ извѣщаетъ Эдипа, что онъ у Посейдонова жертвенника видѣлъ какого-то человѣка, который желаетъ поговорить съ нимъ, съ Эдипомъ. Старецъ догадывается, что это не иной кто, какъ сынъ его Полиникъ, бѣжавшій въ Аргосъ, собравшій тамъ войско противъ Ѳивъ и желающій умолить отца о содѣйствіи. Эдипъ сперва не хочетъ видѣть сына, но потомъ уступаетъ просьбамъ Антигоны и соглашается выслушать его. Полиникъ, въ длин-

ной рѣчи, говоритъ, будто ему жаль видѣть отца въ такомъ бѣдственномъ положеніи, будто онъ раскаивается въ своей винѣ передъ нимъ, а затѣмъ обращается къ отцу съ просьбой помочь ему, бѣдному изгнаннику, вернуть ѳиванскій тронъ, отнятый у него младшимъ братомъ. Войско у него уже готово; недостаетъ только одного: сочувствія Эдипа, ибо оракулъ предсказалъ, что та сторона побѣдитъ, на которой будетъ этотъ многострадальный старецъ. Эдипъ съ негодованіемъ отвергаетъ просьбу сына, упрекаетъ его еще сильнѣе, чѣмъ раньше (въ III Д.) упрекалъ Креона, въ безжалостномъ къ нему отношеніи—и наконецъ проклинаетъ и Полиника и Этеокла и предсказываетъ, что оба они падутъ, взаимно пораженные другъ другомъ. Антигона проситъ брата оставить свое намѣреніе идти противъ Ѳивъ, не стремиться къ предсказанной отцомъ гибели, но Полиникъ отвѣчаетъ, что онъ, оскорбленный братомъ и уже собравшій войско, отступить отъ намѣренія, не подвергнувъ себя стыду, не можетъ. Этимъ заканчивается IV-й актъ, а въ V-мъ слѣдуетъ уже смерть Эдипа. Раздаются удары грома, и Эдипъ видитъ въ нихъ указаніе приближающейся его кончины. Онъ призываетъ Тезея, еще разъ напоминаетъ ему о благодатной силѣ, соединенной съ его могилой, и самъ, уже не опираясь ни на чью ведущую руку, идетъ, въ сопровожденіи дочерей, Тезея и его свиты, на то именно мѣсто, гдѣ умереть назначила ему судьба. По уходѣ Эдипа, на сцену является вѣстникъ и разсказываетъ хору, какъ умеръ этотъ чудесный старецъ. Онъ подошелъ близко къ идущей въ земную глубь разсѣлинѣ *), снялъ съ себя свое нищенское рубище и велѣлъ дочерямъ, чтобы онѣ омыли его свѣжею водою и облекли въ одежду, приличную умирающему. Когда это было исполнено, раздался сильный раскатъ грома. Эдипъ горячо обнялъ обѣихъ дочерей, трогательно простился съ ними, просилъ Тезея быть ихъ покровителемъ и защитникомъ, а потомъ приказалъ дѣвушкамъ и свитѣ удалиться, такъ какъ никто, кромѣ Тезея, не долженъ былъ видѣть его кончину и знать мѣсто его могилы. Самъ Тезей обязанъ былъ хранить тайну, которая, по завѣту Эдипа, должна была передаваться царемъ лишь старшему своему сыну, какъ наслѣднику престола. Что было дальше — вѣстникъ не знаетъ: онъ видѣлъ только, оглянувшись уже издали, что Эдипа нѣтъ, а царь стоитъ, заслоняя руками глаза, словно отъ ослѣ-

*) Въ подлинникѣ: κοίλου πέλας κρατῆρος; въ лат. переводѣ: prope cavum specum.

пляющаго ихъ свѣта. Оглянувшись потомъ еще разъ, онъ видѣлъ царя стоящимъ на колѣняхъ и молящимся.

Выслушавъ разсказъ, хоръ спрашиваетъ: „А гдѣ же дѣвушки?“ — „Онѣ идутъ сюда“, отвѣчаетъ вѣстникъ. Являются Антигона и Исмена и оплакиваютъ отца и свое сиротство. Затѣмъ Антигона проситъ у подошедшаго Тезея, чтобы онъ отослалъ ее вмѣстѣ съ сестрою въ Ѳивы: тамъ онѣ, можетъ быть, успѣютъ еще спасти братьевъ отъ грозящей имъ гибели. Тезей отвѣчаетъ: „Все исполню, что вамъ на благо“. Трагедія заканчивается словами хора: „Неизбѣжно то, что предсказано богами“.

Главное въ этой трагедіи — конечно — смерть Эдипа, наводящая на мысль объ искупляющей силѣ страданія. Отбросьте эту сверхъестественную смерть, такъ чудесно обставленную Софокломъ, это таинственное преображеніе великаго грѣшника въ святого мужа,—и трагедія: „Эдипъ въ Колонѣ“ потеряетъ свое величавое значеніе. Указываемъ на это въ виду того, что у Озерова пьеса оканчивается совсѣмъ иначе.

Этимъ произведеніемъ Софокла воспользовался французскій писатель Дюси (Ducis, ум. 1816 г.) и передѣлалъ его въ трехъ-актную трагедію, названную имъ также: „Oedipe à Colone“ [84]). Измѣненію подвергся не только ходъ дѣйствія въ пьесѣ, но и самый составъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ характеръ. Составъ лицъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: Креона у Дюси вовсе нѣтъ; изъ дочерей Эдипа выведена только одна Антигона; зато введены новыя лица: первосвященникъ храма Эвменидъ (grand-prêtre) и еще три лица: Arcas, Phénix и Euribate, officiers de Thésée. Хора, какъ говорящаго лица, у Дюси также нѣтъ, а есть лишь „personnages muets“: habitants du bourg de Colone, suite du grand-prêtre и gardes de Thésée. Разницу въ ходѣ дѣйствія мы видимъ съ самаго же начала пьесы. Она начинается разговоромъ Тезея съ Аркасомъ, имѣющимъ цѣлью ознакомить зрителей съ судьбою Эдипа; затѣмъ является Полиникъ, просящій помощи у Тезея противъ Этеокла. Это — первый актъ; второй начинается монологомъ Полиника въ рощѣ Эвменидъ, гдѣ въ отдаленіи отъ него находится и Эдипъ съ Антигоной. Полиникъ заканчиваетъ свой монологъ словами: „C'est mon père, c'est lui... J'ai reconnu ma soeur. O trop chères victimes! Fuyons... en les voyant, je crois voir tous mes crimes“. Онъ уходитъ, и тогда только на сценѣ появляются Эдипъ и Антигона, которыхъ, стало быть, зрители трагедіи Дюси и не видятъ раньше 2-го явленія II-го дѣйствія. Далѣе французскій авторъ то приближается къ Софоклу, то отступаетъ отъ него, и иногда

самымъ существеннымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, Полиникъ у него послѣ разговора съ отцомъ, не уходитъ со сцены, какъ у Софокла, а остается, и Эдипъ, внявъ мольбѣ Антигоны, примиряется съ сыномъ. Онъ говоритъ Полинику: „Viens dans mes bras, ingrat; retrouve enfin ton père. Дюси въ этомъ случаѣ уступилъ христіанскому чувству, требующему всепрощенія. Но самымъ крупнымъ отступленіемъ является уничтоженіе величественной картины сверхъестественной смерти Эдипа: у Дюси онъ умираетъ въ виду всѣхъ—отъ громового удара. Во французской трагедіи измѣнены и характеры дѣйствующихъ лицъ, въ особенности Эдипа и Антигоны. Оба эти лица надѣлены большой чувствительностью, они слишкомъ много волнуются, что особенно нейдетъ Эдипу, давно уже пережившему острый періодъ своихъ страданій и теперь ожидающему лишь спокойной кончины. Антигона у Дюси гораздо болѣе говорлива, чѣмъ у Софокла: скромная и смиренная греческая Антигона—во французской трагедіи подчеркиваетъ свое значеніе, какъ единственной опоры слѣпого отца, а мѣстами впадаетъ въ резонерство, что впрочемъ случается и съ французскимъ Эдипомъ.

Въ общемъ пьесу Дюси вѣрнѣе всего можно назвать искаженіемъ Софокловой трагедіи. Но ее нужно оцѣнивать не столько сравнительно съ произведеніемъ великаго греческаго драматурга, сколько съ предшествовавшими ей французскими же трагедіями ложноклассическаго характера, которыя, имѣя много достоинствъ, имѣли и недостатки, и въ числѣ ихъ одинъ, отмѣченный еще Карамзинымъ, сказавшимъ въ извѣстномъ своемъ письмѣ изъ Парижа о французской Мельпоменѣ, что онъ удивляется ей, но — *„съ холоднымъ сердцемъ“*. Дюси не можетъ, конечно, равняться по таланту съ знаменитыми французскими классиками — Корнелемъ, Расиномъ, Вольтеромъ, — онъ не могъ достичь ихъ достоинствъ, но онъ оживилъ трагедію элементомъ чувствительности, и это нововведеніе доставило ему у современниковъ значительную популярность: трагедіи его привлекали зрителей, печатались и выходили многими изданіями; есть изданіе даже 1830 г. Кромѣ того, Дюси, знакомый съ драмой Шекспира, трагедіи котораго онъ также передѣлывалъ [85]), допустилъ еще одно нововведеніе: онъ разстался наконецъ съ правиломъ о единствѣ мѣста — и передвигалъ сцену.

Нельзя, разумѣется, утверждать, что Дюси былъ исключительнымъ источникомъ, изъ котораго Озеровъ почерпнулъ своего

„Эдипа въ Аѳинахъ“: у Озерова, напримѣръ, есть Креонъ, котораго нѣтъ у Дюси; есть „хоръ народа“, хотя и не тотъ, что у Софокла, но у Дюси его вовсе нѣтъ. Но при всемъ томъ нельзя не видѣть, что трагедія Дюси служила главнѣйшимъ источникомъ Озерову, и послѣдній, работая надъ своимъ „Эдипомъ“, несомнѣнно больше всего имѣлъ передъ собой этотъ французскій образецъ; иногда нашъ драматургъ обращался съ нимъ свободно, а иногда держался его очень близко. Ему, одаренному въ высшей степени чувствительностью, не трудно было сохранить и ту черту французскаго оригинала, которая дѣлала трагедію Дюси столь привлекательной для современниковъ.

Но обратимся къ самой трагедіи Озерова.

Дѣйствующія лица:

Тезей, царь аѳинскій.
Эдипъ, бывшій царь ѳивскій.
Антигона, дочь его.
Полиникъ, сынъ его.
Креонъ, посланникъ Этеокла, царя ѳивскаго.
Нарцесъ, наперсникъ Креоновъ.
Первосвященникъ храма Эвменидъ.
Вѣстникъ.
Жрецы.
Народъ аѳинскій.
Стража Тезеева.
Воины Креоновы.

Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Аѳинской.

Въ первомъ дѣйствіи театръ представляетъ поле; впереди разбитъ царскій шатеръ; вдали съ одной стороны виденъ городъ Аѳины, съ другой храмъ Эвменидъ, окруженный кипарисами.

Пьеса начинается слѣдующей пѣсней хора:

Какъ ясно солнце на восходѣ
Весной природу всю живитъ,
Такъ добрый царь въ своемъ народѣ
Сердца приходомъ веселитъ.
Тезей, аѳинянъ избавитель,
Надменность критскую попралъ;
Онъ счастья нашего зиждитель:
Законы мудрые намъ далъ.
Храните, боги, дни Тезея!
Продлите дни счастливы намъ!
Подобной властью вамъ владѣя,
Онъ въ благости подобенъ вамъ.

Но Тезей проситъ народъ „прекратить благодарственные гласы“ и идти вмѣстѣ съ нимъ въ храмъ Эвменидъ, чтобы умилостивить богинь жертвоприношеніемъ: онѣ,— говоритъ Тезей,— очевидно, разгнѣваны, ибо всю минувшую ночь гремѣлъ подземный громъ, а въ самомъ храмѣ потухъ священный огонь. Въ это

время является Креонъ и отъ имени Этеокла предлагаетъ Тезею вступить въ союзъ съ ѳивскимъ царемъ противъ брата его Полиника, уже собирающаго войско для осады Ѳивъ. При этомъ Креонъ разсказываетъ Тезею о невольномъ преступленіи Эдипа и о поступкѣ съ нимъ Полиника. Тезей благодаритъ за честь, но отъ союза отказывается, такъ какъ не хочетъ проливать кровь своихъ подданныхъ ради защиты чужихъ царствъ, и опять предлагаетъ народу идти въ храмъ. Креонъ затаиваетъ злобу и въ умѣ своемъ рѣшаетъ отомстить Тезею.—Таково содержаніе перваго дѣйствія, которое въ очень многихъ частностяхъ отличается отъ перваго акта у Дюси, но однородно съ нимъ по замыслу, такъ какъ оба автора имѣютъ тутъ цѣлью ознакомить зрителей съ тѣмъ, что происходило до того, съ чего началъ свою трагедію Софоклъ. Греческому автору, разумѣется, не было надобности въ подобномъ изложеніи событій, предшествовавшихъ появленію на сценѣ Эдипа и Антигоны, ибо исторія сына Лая была извѣстна всѣмъ грекамъ. Дюси же, а затѣмъ и Озеровъ сочли нужнымъ изложить ее и для того къ трагедіи Софокла пришили тѣ сцены, которыя и составили содержаніе перваго акта ихъ передѣлокъ. Эту пришивку осуждалъ еще Мерзляковъ въ своемъ разборѣ „Эдипа въ Аѳинахъ" и находилъ, что первый актъ у Озерова „совершенно отрѣзанъ отъ всей пьесы" [86]).

Второй актъ у Дюси начинается монологомъ Полиника, а Эдипъ и Антигона приходятъ на сцену лишь во второмъ явленіи. У Озерова второй актъ открывается прямо разговоромъ между Эдипомъ и Антигоной, въ кипарисовой рощѣ, недалеко отъ храма Эвменидъ. Эту первую сцену II-го акта Галаховъ считаетъ лучшимъ мѣстомъ трагедіи Озерова и называетъ ее „близкимъ и хорошимъ переложеніемъ подлинника" [87]). Чтобы дать понятіе, какъ писалъ Озеровъ, мы вслѣдъ за русскимъ текстомъ этой сцены приводимъ и текстъ Дюси [88]).

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ, сѣвши на камень.

Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

Антигона.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ.

Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя!

Антигона.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылый!

Эдипъ.

Ахъ, я Эдипъ!

Антигона.

Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!

Эдипъ.

Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, осталися мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей—оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая отвсюду я гонимъ!

Антигона.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ.

Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона.

Почто возобновлять прошедшія печали?

Эдипъ.

Я ихъ любилъ...

Антигона.

Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ!

Эдипъ.

Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ...
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ!

Антигона.

Ужели предъ тобой и я виновна?

Эдипъ.

Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы!
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.
Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей что бъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду—ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сидящихъ на престолѣ.

Эдипъ.

Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ...
О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
Объ имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды.

Но, ахъ, печальна мысль!.. приблизился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!

Антигона.

Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.

Эдипъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь!
Гдѣ мы?

Антигона.

Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ виденъ Эвмениды.

Эдипъ.

Храмъ Эвменидъ! Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

Антигона.

Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!

Эдипъ.

Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ,
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель!
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывалаль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?

Антигона, упадая на колѣни.

Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!

Эдипъ.

О, сколько, фуріи, терзать меня вы строги!
Не выль на семъ пути мой обнажили мечъ,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали!
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали:
Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.

Вы лютости свои, о фуріи, смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите!
(Упадаетъ на камень).

Антигона.

Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!

Эдипъ (не вставая и отталкивая ее).

Оставь, о Полиникъ! Меня отрекся ты:
Бѣги и не смущай моей минуты слезной!

Антигона.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

Эдипъ (пришедъ въ себя).

Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представилась мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды,
И все сцѣпленіе несчастныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнутъ сихъ:
Пойдемъ (встаетъ), поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари прибѣжище несчастнымъ.
(Съ приближеніемъ Эдипа ко храму двери онаго растворяются, и народъ стремительно изъ храма выходитъ).

Oedipe, tenant le bras d'Antigone.

Ma fille, arrêtons-nous: la fatigue et les ans
Ont dérobé la force à mes pas languissants.
(S'asseyant sur un débris de rocher).
Suis-je bien affermi? puis-je être ici tranquille?

Antigone.

Des rochers, des cyprès peuplent seuls cet asyle.
Mais votre coeur encore se rouve à vos ennuis.

Oedipe.

Je ne sortirai pas de la place ou je suis.

Antigone.

O ciel! que dites-vous?

Oedipe.

O ma chère Antigone!
Je suis las de traîner l'horreur qui m'environne.
Je vais cesser de vivre.

Antigone.

Et tels sont les discours
Donc vos cruels chagrins m'entretiennent toujours!

Oedipe.

A-tu vu quelquefois le débris des naufrages
Rejeté par les flots, chassé par les rivages?

Antigone.

Eh bien!

Oedipe.

Voilà mon sort.

Antigone.

Ainsi donc votre esprit
S'abreuve avec plaisir du poison qui l'aigrit.

Oedipe.

Je suis Oedipe!

Antigone.

Hélas! faut-il qu'instruit par l'âge,
Votre Antigone en vain vous exhorte au courage!

Oedipe.

Avec quel rigueur les ingrats m'ont chassé!

Antigone.

Je suis auprès de vous, oubliez le passé.

Oedipe.

Je les aimais!

Antigone.

Songez...

Oedipe.

Je prevois leurs misères·
L'orgueil aura bientôt divisé les deux frères.
Je l'ai prédit!

Antigone.

Perdez ce fatal souvenir.

Oedipe.

Le ciel ne peut manquer un jour de les punir.

Antigone.

Peut-être.

Oedipe.

Oui, tu verras le fougueux Polynice
De mon sort quelque jour envier le supplice.

Antigone.

Thésée ici bientôt va vous tendre les bras.

Oedipe.

Crois-tu qu'à mon aspect il ne frémira pas!

Antigone.

Tant que nous respirons, le ciel à nos alarmes
D'un bonheur, quel qu'il soit, laisse entrevoir les charmes.
Ne me dérobez pas l'espoir que j'en conçois.

Oedipe.

Je ne te blâme point, j'ai pensé comme toi.
D'être heureux, en naissant, l'homme apporte l'envie;
Mais il n'est point, crois-moi, de bonheur dans la vie.
Il lui faut, d'âge en âge, en changeant de malheur,
Payer le long tribut qu'il doit à la douleur.
Ses premiers jours peut-être ont pour lui quelques charmes;
Mais qu'il connaît bientôt l'infortune et les larmes!
Il meurt dès qu'il respire, il se plaint au berceau:
Tout gémit sur la terre, et tout marche au tombeau.

Antigone.

De vous plus que jamais la tristesse s'empare.

Oedipe.

Epoux, pères, enfants, il faut qu'on se sépare:
C'est un arrêt du sort; nul ne peut l'eviter.

Antigone.

Helas!

Oedipe.

Ne pleure point.

Antigone.

Ah! vous m'allez quitter!

Oedipe.

Va, crois-moi, prends pitié de ton malheureux père.
Ma fille, assez longtemps j'ai gémi sur la terre.
Vois ces tremblantes mains, vois ce corps épuisé.

Antigone.

Sous le fardeau des ans il n'est point affaissé.

Oedipe.

Ah! je n'en sens pas moins leur nombre et ma faiblesse.

Antigone.

Les dieux vous donneront la plus longue vieillesse.

Oedipe.

Ma vie est un supplice; et pour me secourir
Il ne me reste plus que l'espoir de mourir.

Antigone.

Vous plaignez-vous des soins et du coeur d'Antigone?
Vous ai-je abandonné?

Oedipe.

Ma fille, hélas! pardonne.
Je t'outrageais sans doute. Eh! qui jusqu'à ce jour
M'a montré plus que toi de constance et d'amour?
Ton sort me fait frémir.

Antigone.

Mon sort! je le préfère
A l'hymen le plus doux, au trône de mon frère.
Hélas! c'est à mon bras que le vôtre eut recours.
Si mon sexe trop faible a borné mes secours,
Par ma tendresse au moins j'ai calmé vos alarmes,
J'ai soutenu vos pas, j'ai recueilli vos larmes.
Hélas! pour vous nourrir, j'ai souvent mendié
Les refus insultants d'une avare pitié.
Il semblait que le ciel adoucissant l'outrage,
Aux malheurs de mon père égalât mon courage.
Seule au fond des déserts j'ai marché sans effroi,
Croyant avoir toujours vos vertus près de moi.
Vos ennuis sont les miens, ma douleur est la vôtre.
Nous seuls nous nous restons, consolés l'un par l'autre.
L'univers nous oublie: ah! recevons du moins,
Moi, vos tristes soupirs, et vous, mes tendres soins.
Que Thèbe à vos deux fils offre un trône en partage;
Vous suivre et vous aimer, voilà mon héritage.

Oedipe.

Dieux, vous avez payé mes tourments, mes travaux.
Ma joie en ce moment a passé tous mes maux.
Mais dis, où sommes-nous?

Antigone.

Sous des cyprès arides
Je vois le temple affreux des tristes Euménides.
D'horreur à cet aspect mon esprit est frappé...
Mon père, ah! d'où vous vient cet air préoccupé?
Quelque nouvel effroi semble encore vous surprendre.

Oedipe.

Les Euménides! ciel! ah! je crois les entendre;
Je crois les voir ici s'attacher sur mes pas.
Ma fille, approche-toi; ne m'abandonne pas.

Antigone (à part).

Dans ses égarements le voilà qui retombe.
Hélas! sous tant de maux je crains qu'il ne succombe.
(Haut). Rassurez-vous, mon père.

Oedipe.

O supplice! o tourments!

Antigone.

Modérez dans mes bras ces affreux mouvements.
Hélas! dans ces déserts quels secours puis-je attendre?

Oedipe.

O filles des enfers! vous qui devez m'entendre,
Vous de qui j'ai reçu ma naissance et mon nom,
Vous qui m'avez jeté sur le mont Cythéron,
Divinités d'Oedipe, exaucez ma prière!

Antigone.

Suspendez, justes dieux! les transports de mon père.

Oedipe.

Indomptable pouvoir du sort qui me poursuit,
Dans quel horrible état mes forfaits m'ont réduit!

Antigone.

Le ciel vous y forçait.

Oedipe.

A mon esprit timide
N'offrez plus, dieux vengeurs, les champs de la Phocide;
Cachez-moi par pitié ce sentier douloureux
Où j'ai percé les flancs d'un père malheureux;
Cachez-moi cet autel où des serments impies
Ont joint deux chastes coeurs aux flambeaux des Furies,
Cet autel exécrable où leurs serpents hideux
Déja de leurs replis nous enchaînaient tous deux,
Où Mégère debout, avec un ris funestre,
Sous les traits de l'Hymen consacra notre inceste.

Antigone.

Mon père!

Oedipe.

O ma patrie! et vous, dieux outragés,
J'ai fait ce que j'ai pu, je vous ai tous vengés!
N'a-t-on pas vu ces mains, servant votre colère,
Creuser ces yeux sanglants, en chasser la lumière?

Antigone.

Dieux!

Oedipe.

J'ai rempli le monde et d'horreur et d'effroi.
Les peuples à mon nom s'arment tous contre moi.

Antigone.

Hé! seigneur!

Oedipe.

O Jocaste! ô mère malheureuse!
Que tu prévoyais bien ma destinée affreuse!
Et toi, berceau sanglant où j'aurais dû périr,
Rocher du Cythéron, j'y reviens pour mourir.

Antigone.

Hélas!

Oedipe.

Es-tu content? J'ai massacré mon père,
J'ai profané l'hymen par l'hymen de ma mère.
Du fond de tes déserts je sortis vertueux:
J'y retourne assassin, proscrit, incestueux,
Traînant partout mes maux, mes forfaits, mes ténèbres.
Entends mes derniers voeux, entends mes cris funèbres!

Antigone.

O ciel!

O e d i p e.

De mon tombeau je me vais emparer;
Voilà, voilà la pierre où je dois expirer.

A n t i g o n e.

Quelle horreur!

O e d i p e.

Je ne veux, lorsque ma mort s'apprête,
Que l'abri d'un rocher pour y cacher ma tête.

A n t i g o n e.

Mon père!

O e d i p e.

Tout s'ébranle à mon funeste nom.

A n t i g o n e.

Mon père, écoutez-moi!

O e d i p e.

Cythéron! Cythéron!

A n t i g o n e.

Dissipez vos terreurs, sortez de ce supplice.
Souffrez...

O e d i p e.

Retire-toi, malheureux Polynice!
Viens-tu dans ces déserts, par un forfait nouveau,
Pour m'en fermer l'accès, t'asseoir sur mon tombeau?
Viens-tu me disputer un repos que j'implore,
Et forcer ma vengeance à te maudire encore?

A n t i g o n e.

C'est Antigone, hélas! qui vous embrasse ici.

O e d i p e.

Les cruels.. On m'entraîne... Et toi, ma fille aussi,
Tu braves mes sanglots, tu braves mes prières;
Tu te joins contre Oedipe à tes barbares frères!
Après tant de bienfaits, après tant de secours,
Tu t'es lassée enfin de consoler mes jours!
Vois mon triste abandon, mes pleurs, ma solitude:
Le plus grand de mes maux est ton ingratitude.

Antigone.

Connaissez mieux mon coeur, ma tendresse, ma foi.
Je vous tiens dans mes bras; détrompez-vous.

Oedipe.

C'est toi!
Laisse-moi m'assurer, en t'y pressant moi-même,
Que je n'ai pas perdu l'unique objet que j'aime.

Antigone.

C'est moi qui vous chéris; c'est moi qui vis pour vous.

Oedipe.

Ah! je me sens calmer par des accents si doux.
O consolante voix! nature! o tendres charmes!
Que je puisse à loisir t'arroser de mes larmes!

Antigone.

Et moi, mon père, et moi, pour calmer vos douleurs,
Que je puisse à mon tour vous baigner de mes pleurs!

Oedipe.

Qui tu seras un jour, chez la race nouvelle,
De l'amour filial le plus parfait modèle.
Tant qu'il existera des pères malheureux,
Ton nom consolateur sera sacré pour eux;
Il peindra la vertu, la pitié douce et tendre;
Jamais sans tressaillir ils ne pourront l'entendre.

Antigone.

Comment le ciel si juste a-t-il pu vous livrer
Aux douleurs dont l'excès vient de vous déchirer?

Oedipe.

N'accusons point de dieux la justice suprême.
Quel que soient nos destins, elle est toujours la même.
Leurs secrètes faveurs, tes généreux bienfaits,
Ont souvent surpassé tous les maux qu'ils mont faits.
Mais vous n'entendez pas la voix qui me console.
Qui sait, lorsque le sort nous frappe de ses coups,
Si ce plus grand malheur n'est pas un bien pour nous?
Hélas! de l'avenir vains juges que nous sommes,
Ignorer et souffrir, voilà les sorts des hommes.
Nous errons avec crainte et dans l'obscurité
Sous l'astre impérieux de la fatalité.
Tout trahit nos projets, tout sert à les confondre.

De nos voeux seulement nous pouvons-nous répondre?
Grands dieux! oui, je commence à lire en vos desseins;
Tout entier devant moi vous offrez mes destins:
Vous m'avez entouré de douleurs et de crimes
Pour mieux voir votre Oedipe au fond de tout d'abîmes,
Pour mieux le contempler luttant, privé d'appui,;
A qui l'emporterait de son sort ou de lui.

Antigone.

J'entends du bruit! Mon père, ah! je vois qu'on s'avance!

Oedipe.

Songe bien sur mon sort à garder le silence.

Antigone.

Vous, retenez surtout vos esprits éperdus.

Oedipe.

Si l'on me reconnaît, ah! nous sommes perdus!

Озеровъ однако, какъ видимъ, передалъ французскій образецъ въ значительно сокращенномъ видѣ.

Далѣе у Озерова дѣйствіе движется слѣдующимъ образомъ. Народъ, узнавъ, что подошедшій къ храму странникъ — Эдипъ, приходитъ въ ужасъ, и хоръ поетъ:

Эдипъ?... Увы, какой бѣдою
Грозитесь, небеса, на здѣшнюю страну!
Сей беззаконникъ за собою
Влачитъ иль гладъ, иль моръ, иль алчную войну.

Эдипа хотятъ прогнать, но является Тезей съ Креономъ — и аѳинскій царь беретъ несчастныхъ скитальцевъ подъ свою защиту. Это сострадательное отношеніе Тезея къ Эдипу и его дочери очерчено въ 3-мъ явл. II-го акта, которое начинается обращеніемъ Антигоны къ Тезею.

Антигона.

Яви, о государь, скорбящему покровъ!
Родитель мой, къ кому былъ рокъ всегда суровъ,
Котораго вездѣ людская гонитъ злоба,
Пришелъ сюда просить убѣжища и гроба;
Страдальца привела въ Аѳины я съ собой;
Но въ гнѣвѣ твой народъ, соединясь съ судьбой,
Оставить намъ велитъ владѣнія Тезея.
Онъ слѣпъ, а я слаба; защиты не имѣя,
Куда приклонимся? Насъ гонитъ цѣлый свѣтъ.

Тезей.

О дѣва юная, среди цвѣтущихъ лѣтъ
Ужель ты можешь быть преслѣдована рокомъ?
Но гдѣ родитель твой?

Антигона.

Въ отчаяньи жестокомъ
Безмолвнаго въ сей часъ ты видишь здѣсь его.

Первый аѳинянинъ (къ Тезею, который подходитъ къ Эдипу).

Не преклоняй, о царь, къ нимъ слуха своего:
Сей странникъ есть Эдипъ!

Креонъ.

Эдипъ?

Тезей.

Что слышу, боги!
Ему, конечно, къ намъ отверзли вы дороги,
Чтобы, по бѣдствіяхъ, Тезеевой рукой
Изгнанному царю дарованъ былъ покой,
Чтобъ призрѣлъ жертву здѣсь въ немъ вашего я гнѣва.
Приди, почтенный мужъ, приди, младая дѣва!
О славная чета, придите въ мой чертогъ
Вкушать спокойствіе отъ многихъ столь тревогъ!
Какъ храмъ священнѣйшій, тотъ царскій домъ прославленъ,
Который страждущимъ къ убѣжищу поставленъ.

Эдипъ.

Такъ для преступнаго и скорбнаго слѣпца
Еще не всѣхъ людей закрылися сердца?
Изъ края долго въ край влачивъ мое изгнанье,
Ужели наконецъ нашелъ я состраданье?
Но, ахъ, Тезей! всегда злосчастіемъ ведомъ,
Себѣ убѣжищемъ твой не приму я домъ.
Вездѣ сопутствуютъ мнѣ мстительные боги:
Введу ли всѣ бѣды съ собой въ твои чертоги?
Пещера мрачная одна прилична мнѣ;
Ее одну пришелъ искать въ твоей странѣ;
Ее одну въ горахъ искалъ я многи годы,
Но тщетно: отъ всѣхъ странъ возставшіе народы,
Звѣрей и хищныхъ птицъ не трогая покой,
Эдипа гнали съ горъ насильственной рукой.
Близъ града твоего дозволь въ уединеньи
Сокрыть мою печаль, бѣды и преступленья
До дня, когда земля, намъ щедрая всѣмъ мать,
Благоволитъ меня въ истлѣніе принять!

Тезей.

За преступленіе ужасно, но невольно,
Мученія, Эдипъ, ты претерпѣлъ довольно;
Ты добродѣтели, несчастный, намъ примѣръ.
Не сокрывай ея во мрачности пещеръ,
Укрась ты ею градъ, укрась мои чертоги!
Повѣрь, безсмертные ко мнѣ не будутъ строги
За то пристанище, которое Тезей
Доставитъ нищетѣ и дряхлости твоей!

Эдипъ.

Иль, государь, тобой забвенны стали Ѳивы?

Тезей.

Иль боги могутъ быть когда несправедливы?
Нѣтъ, нѣтъ, умалиться ихъ правда не могла:
Взираютъ съ благостью на добрыя дѣла.

Эдипъ.

Ахъ, вспомни, что Эдипъ безсмертными оставленъ.

Тезей.

Я знаю, что Эдипъ страдальчествомъ прославленъ,
Преступникъ, но почтенъ, въ убожествѣ великъ,
И что принять его велитъ мнѣ долгъ владыкъ.
Склонися, древній мужъ, къ Тезееву прошенью,
Остатокъ дней своихъ предай успокоенью,
Хотя изъ жалости ко дочери твоей!
Въ пещерѣ ль воздыхать съ тобою должно ей?
Или ты можешь быть толико къ ней суровымъ,
Чтобы опасностямъ ее подвергнуть новымъ?

Антигона.

Я не страшусь терпѣть презрѣнну нищету:
Съ отцомъ пещеры мракъ чертогу предпочту;
Всѣмъ бѣдствамъ за него охотно подвергаюсь.

Эдипъ.

О нѣжна дочь! твоей любовью убѣждаюсь.
Нѣтъ, нѣтъ, ты не должна за стыдъ мой и позоръ
Увянуть въ младости, въ пустынѣ, среди горъ:
Чтобъ свѣту быть красой, ты послана на землю.
(Къ Тезею)
Великодушный царь! я твой покровъ пріемлю,
Убѣжищемъ для насъ пріемлю твой дворецъ.
Пусть тамъ, когда придетъ тоски моей конецъ,
Когда мнѣ къ вѣчности отверсты будутъ двери, —

Зрѣть пристань буду я спокойную для дщери;
Моя же пристань—гробъ: тамъ волею небесъ
Назначено престать моимъ потокамъ слезъ.

Тезей.

Смягчитъ небесный гнѣвъ Эдипа добродѣтель.
(Къ Креону)
А ты, сей встрѣчи здѣсь нечаянный свидѣтель,
Какъ возвратишься ты въ отечество твое,
Скажи, чѣмъ крѣпко здѣсь владычество мое!
Изгнаніемъ царей несчастны стали Ѳивы;
Но царства тверды тѣ, которы справедливы.
Вотъ мой отвѣтъ, Креонъ!

Эдипъ.

Креонъ въ твоей странѣ?
Онъ здѣсь? Увы, скажи, вѣщай о дѣтяхъ мнѣ:
Въ отечествѣ ль они, на царскомъ ли престолѣ?
Ахъ, нѣтъ, не говори: не дѣти суть мнѣ болѣ,
Не дѣти—изверги, и яростью боговъ
Въ нихъ породилъ себѣ свирѣпѣйшихъ враговъ!
О боги сильные, властители природы,
Которыми падутъ и возстаютъ народы!
Предъ вами вѣки—мигъ, вселенная—черта,
И смертный на землѣ—какъ слабая мечта.
Избравшіе меня терпѣнія къ примѣру!
Какъ гнѣва вашего исполните вы мѣру,
Какъ часъ придетъ меня съ лица земного стерть—
Не дайте сыновьямъ мою увидѣть смерть,
Не дайте извергамъ моимъ ругаться прахомъ!
Чтобъ въ Ѳивахъ, извѣстясь съ смущеніемъ и страхомъ
О смерти ихъ отца, не знали, гдѣ сыскать
То мѣсто на землѣ, гдѣ буду я лежать.
Благоволите ли во областяхъ Тезея
Назначить мрачный гробъ невиннаго злодѣя?
Отвѣтствуйте!
(Громъ подземный раздается).

Народъ.

О страхъ!

Эдипъ.

Отвѣтствуйте!
(Громъ сильнѣе ударяетъ).

Первый аѳинянинъ.

Внемля
Его воззванію, колеблется земля.

Второй аѳинянинъ.

Перуны раздались, и молнія блеснула.
Иль рѣчь его къ богамъ природу ужаснула?
Жрецъ храма Эвменидъ идетъ поспѣшно къ намъ.

Пришедшій первосвященникъ (явл. 4-е) заявляетъ, что присутствующія въ храмѣ Эвмениды готовы прорицать. Тезей приглашаетъ туда и Эдипа, но старецъ говоритъ, что не смѣетъ войти въ храмъ, боясь раздражить этимъ гнѣвныхъ богинь. Тезей предлагаетъ Эдипу отдохнуть въ царскомъ шатрѣ, а самъ съ народомъ уходитъ въ храмъ. Креонъ съ радостью объявляетъ Нарцесу, что теперь ему представляется удобный случай отомстить „гордому“ Тезею.

Далѣе слѣдуетъ III-е дѣйствіе—единственное, для котораго Дюси ничего не могъ дать, такъ какъ главное лицо въ немъ — почти не сходящій со сцены Креонъ, а у Дюси Креона вовсе нѣтъ.

Третье дѣйствіе происходитъ опять въ полѣ; съ одной стороны роща, съ другой виденъ шатеръ Тезея; въ отдаленіи — городъ Аѳины. Креонъ разсказываетъ своему наперснику Нарцесу, что въ храмѣ Эвменидъ, куда собрался народъ слушать прорицанія, раздался грозный голосъ богинь, возвѣстившихъ, что боги требуютъ себѣ жертвы за преступленія Эдипа, и что „отъ крови царскія та жертва быть должна: тогда только

Эдипа рокъ преслѣдовать престанетъ,
И гробъ его тогда побѣдъ залогомъ станетъ
Для той страны, гдѣ жизнь скончаетъ сей слѣпецъ.

Нарцесъ, зная о ненависти Креона къ Эдипу за то, что тотъ, явившись въ Ѳивы и женившись на женѣ Лая, сдѣлался царемъ, а Креонъ такимъ образомъ устраненъ, говоритъ:

Но если гнѣвъ богинь велитъ, о государь,
Здѣсь кровью царскою ихъ обагрить алтарь,
Коль жертвы требуютъ онѣ порфирородной, —
Предай ты Кадмовъ родъ сей ярости народной.
Оставь Эдипа здѣсь, и вскорѣ ножъ жреца
Сразитъ у алтаря и дочерь и отца.
Во храмѣ мертвъ падетъ Эдипъ съ своей опорой.

Креонъ, представленный въ трагедіи Софокла лукавымъ себялюбцемъ, но вовсе не злодѣемъ, у Озерова является совершеннымъ извергомъ—и такъ отвѣчаетъ Нарцесу:

Кто? Я? Чтобы врага я предалъ смерти скорой?
Чтобы у алтаря жреца священный мечъ
Страданія его могъ съ жизнію пресѣчь?

Нѣтъ, нѣтъ, Нарцесъ, не такъ привыкъ я ненавидѣть!
Мученья долгія врага желаю видѣть,
Печаль его моихъ весельемъ чтить очесъ,
Упиться токами его горчайшихъ слезъ,
Дѣтей его сгубя, его свести ко гробу
И смертью медленной мою насытить злобу.

Правда, онъ, какъ и у Софокла, хочетъ увести слѣпого старца въ Өивы, чтобы тамъ „утвердить Эдиповой могилой побѣду навсегда, по словесамъ боговъ", — но въ то же время возможность обладать Эдипомъ представляется ему еще болѣе заманчивой потому именно, что онъ можетъ тогда заставить этого старца страдать еще сильнѣе и тѣмъ можетъ доставить себѣ наслажденіе въ чувствѣ удовлетворенной мести. Креонъ говоритъ:

Я буду всякій день внимать его стенанья,
Вздыханія ловить и исчислять рыданья,
И съ восхищеніемъ морщины тѣ считать,
Что на чело ему грусть будетъ налагать...

Креонъ у Озерова — настоящій ложноклассическій злодѣй. Но еще Мерзляковъ замѣтилъ, что для этой ужасной ненависти Креона къ совершенно безвредному для него старцу нѣтъ никакихъ основаній.

Далѣе на сценѣ появляется Эдипъ съ Антигоной. Креонъ предлагаетъ ему вернуться въ Өивы, а дочь оставить аөинянамъ. Эдипъ рѣшительно отказывается, говоритъ, что прахъ свой онъ даетъ въ даръ не Өивамъ, а Аөинамъ и Тезею. Тогда Креонъ призываетъ воиновъ, и они силою уводятъ Эдипа. Оставшаяся одна Антигона тоскуетъ и умоляетъ Тезея вернуть ей отца. Тезей негодуетъ на дерзость Креона, не хочетъ оставить ее безъ отмщенія—и успокоиваетъ взволнованную дѣвушку.

За похитителемъ не медля устремимся
И наглость наказать Креонову потщимся!
О Антигона, вѣрь, что за тебя отмщу;
Любви твоей отца, конечно, возвращу.
Спокойся, въ градъ иди, вступи въ мои чертоги
И ожидай конца, какой даруютъ боги!
Старѣйшины, ей путь въ домъ покажите мой!
А вы, о воины, послѣдуйте за мной!

Этими словами Тезея оканчивается третье дѣйствіе, написанное не по Дюси, но сильно отступающее и отъ трагедіи Софокла какъ въ изображеніи личности Креона, такъ и въ фактической сторонѣ: у Софокла Креонъ уводитъ не Эдипа, а лишь дочерей его.

Дюси III-е дѣйствіе начинаетъ сценой между Антигоной и явившимся Полиникомъ, предпославъ этой сценѣ лишь слѣдующій коротенькій монологъ Антигоны:

Quand nous espérions tous nous rendre dans Athènes,
D'où vient qu'un étranger qui dérobe ses peines
Parait dans ces déserts; et par quel intérêt
Me fait-il demander un entretien secret?

Озерову, очевидно, нужно было изобразить душевное состояніе разлученной съ отцомъ дочери, и потому у него начинающій собою четвертое дѣйствіе монологъ Антигоны — иного характера. Дѣйствіе въ IV-мъ актѣ происходитъ уже въ „чертогахъ аѳинскаго царя“. Антигона одна. Она говоритъ:

Сраженная тоской, съ родителемъ въ разлукѣ...
Какъ медленно часы къ моей проходятъ мукѣ!
День радости есть мигъ, печали день есть вѣкъ,
И умирающій несчастный человѣкъ
Сей оставляетъ міръ, какъ пу̀тникъ утомленный.
Подобно смерти ждетъ мой нынѣ духъ смущенный.
Народная молва здѣсь ею мнѣ грозитъ;
Здѣсь жертвы требуетъ гласъ страшныхъ Эвменидъ,
И, къ смертнымъ въ ярости въ сей болѣ день жестоки,
Онѣ велятъ пролить не козлищъ кровны токи
(Такая жертва имъ обычная мала),
Но чтобъ рука жреца кровь царску пролила,
Меня на жертву имъ народъ опредѣляетъ,
И надъ главой моей смерть страшная зіяетъ.
О нѣжный мой отецъ, единый ты предметъ,
О коемъ плачу я, сей оставляя свѣтъ!
Какъ возвратитъ тебя Тезей великодушный,
Ты здѣсь найдешь мой прахъ холодный и бездушный.
Скорбь новая твой духъ, какъ туча, омрачитъ,
И горести твоей никто не облегчитъ.
Свирѣпой смертію удержанна въ неволѣ,
Печаль твою дѣлить не возмогу я болѣ.
Уже твой стонъ ко мнѣ до сердца не дойдетъ;
Не стертая слеза на землю упадетъ.
Ужасна ты, о смерть, коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность премѣняешь,
И дружбу и любовь коль истребляешь въ насъ!
Я слышу страшный шумъ: насталъ мой лютый часъ,
Увы!

Шумъ этотъ объясняется волненіемъ народа, который,—какъ разсказывалъ Креонъ Нарцесу еще въ началѣ III-го дѣйствія,—выслушавъ прорицаніе Эвменидъ о томъ, что боги, за преступленія Эдипа, хотятъ жертвы „отъ крови царскія“, требуетъ, чтобы

такой жертвой была Антигона. Но шумъ этотъ происходитъ только за сценой, а на сцену между тѣмъ является Полиникъ (явл. 2-е) и сообщаетъ сестрѣ о своей распрѣ съ Этеокломъ, а также и о томъ, что онъ пришелъ къ отцу, чтобы вымолить у него прощеніе. Но приближеніе отбитаго у Креона Эдипа приводитъ Полиника въ смущеніе, и онъ скрывается. На сценѣ появляется Эдипъ въ сопровожденіи воиновъ Тезея.

Антигона (бросаясь въ объятія къ Эдипу).

Родитель, зрю тебя... благословенный часъ!

Эдипъ.

О утѣшительный, животворящій гласъ!
Дочь милая, опять я съединенъ съ тобою!
Такъ не совсѣмъ еще оставленъ я судьбою!
Такъ не совсѣмъ еще забытъ я отъ небесъ:
Минуты мнѣ даютъ для радостнѣйшихъ слезъ,
И сердце, горестью столь долго изнуренно,
Отдохнетъ наконецъ весельемъ оживленно.
О боги щедрые, благословляю васъ!
На землю временно вы посылая насъ,
На жизненномъ пути разсѣяли печали,
Чтобы мы радости живѣе ощущали,
И чтобы грустію томимый человѣкъ
Въ одинъ веселья часъ забылъ страданій вѣкъ.

Антигона.

О добродѣтели власть сильна и священна!
Гонима ль ты: въ самой себѣ ты утѣшенна,
И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ
Чрезъ бездну горестей спокойно насъ ведетъ.
Но здѣсь я видѣла несносну грусть порока:
Она мучительна, терзательна, жестока.
Предъ тѣмъ, какъ ты меня въ объятія пріялъ,
Несчастный юноша въ глазахъ моихъ стеналъ.

Эдипъ.

Несчастный, говоришь? Кто онъ? Ахъ, всѣ несчастны
Моимъ вздыханіямъ, моимъ слезамъ причастны!
Страдающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
Сей юноша, скажи, ужели безъ отца?
Ужель не носитъ онъ названія супруга?
Ужели въ мірѣ семъ себѣ не знаетъ друга,
Ни брата, ни сестры и словомъ—никого,
Кто бъ слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣлилъ его?

Пускай приходитъ онъ: однимъ благополучнымъ
Видъ огорченнаго бываетъ только скучнымъ;
Но я съ несчастными охотно слезы лью.
Пусть онъ придетъ печаль повѣрить мнѣ свою!
(Антигона подаетъ знакъ Полинику, который вошедъ останавливается).

Антигона.

Не смѣетъ онъ придти: ужасно преступленье...

Эдипъ.

Не смѣетъ? Ты молчишь... Какое подозрѣнье
Вселяешь въ сердцѣ мнѣ? Ты духъ смущаешь мой.
Не смѣетъ? Кто же онъ? Не братъ ли злобный твой?
Не онъ ли грусть влачитъ себѣ въ достойной долѣ?
Пускай груститъ: къ нему не сострадаю болѣ;
Чтобъ онъ не приходилъ, чтобы бѣжалъ, и съ нимъ
Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

Послѣ этихъ словъ Эдипа, въ рѣчь вступаетъ и Полиникъ (явл. 4-е).

Полиникъ.

Итакъ я осужденъ на вѣчныя мученья?
Итакъ не должно мнѣ надѣяться прощенья?
Нѣтъ, недостоинъ я, чтобъ ты когда простилъ:
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть —
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстительно перемѣнить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миритъ,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротитъ?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ!
(Бросается къ ногамъ Эдипа).
Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ:
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, которы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ.
(По нѣкоторомъ молчаніи).
Но ты молчишь... но ты чело свое скрываешь...
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона (упадая къ ногамъ Эдипа).

Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.

Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бъ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдипъ (поднимая Антигону).

Ты просишь за кого, любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зритъ,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся небесами,
Что безъ тебя его не тронулся бъ слезами.
Хотя бъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа не изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ хладная могила.
(Къ Полинику).
Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

Полиникъ.

Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ, родитель мой, меня не ненавидѣлъ;
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.
Увы, днесь страждуще, растерзано оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно!
Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучъ божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ престанетъ слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
Родитель, убѣдись мольбою ты моей!
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство!
Ты согласись идти въ отеческу страну:
Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы вооружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Ѳивъ стѣны гордыя должны предъ нами пасть,
И не изгнанника въ тебѣ увидятъ болѣ,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,

И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:
Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоить въ ночь
И такъ любить тебя, какъ любитъ Антигона.
Повѣрь, иного мы не будемъ чтить закона,
Какъ волю лишь твою и, твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукой,
Въ забвенье у тебя привесть мое злодѣйство.

Эдипъ.

Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,
Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать ее на горесть и напасти?
Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцомъ, супругомъ нѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшій союзъ ты ниспровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело:
Тщеславіе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностію трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
Войну, подъятую противъ страны своей,
Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенье.

Полиникъ.

Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ ѳивскій пріобрѣсть.

Эдипъ.

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ?
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!

Зри ноги ты мои, скитавшись, пзъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить:
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.

Далѣе Эдипъ произноситъ нѣсколько стиховъ, которые признаются однимъ изъ лучшихъ мѣстъ трагедіи Дюси, а у Озерова они считаются хорошимъ „переложеніемъ" французскаго подлинника [89]).

У Дюси:

Je rends grâce à ces mains, qui dans mon désespoir,
M'ont d'avance affranchi de l'horreur de te voir.
Vers Thèbes, sur tes pas, ton camp se précipite:
J'attache à tes drapeaux l'épouvante et la fuite,
Puissent tous ces sept chefs, qui tout juré leur foi,
Par un nouveau serment s'armer tous contre toi,
Que la nature entière, à tes regards perfides,
S'éclaire, en palissant, du feu des Euménides!
Que ce sceptre sanglant, que ta main croit saisir,
Au moment de l'atteindre, échappe à ton désir!
Ton Etéocle et toi, privés de funérailles,
Puissiez-vous tous les deux vous ouvrir les entrailles!
Des tous les champs thebains, puisses-tu n'acquérir
Que l'espace, en tombant, que ton corps doit couvrir!
Et, pour comble d'horreur, couché sur la poussière,
Mourir, mais en sujet, et bravé par ton frère.

У Озерова:

Иди, жестокій сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата;
Но тамъ, у ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; земля тебя не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И домы подданныхъ твоихъ стрегущихъ псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь моя—семья и утѣшенье.

Читатель, конечно, согласится съ нами, что если эти стихи Озерова и можно назвать „переложеніемъ“, то не иначе, какъ весьма и весьма вольнымъ, ибо они сколько похожи, столько же, если не болѣе, и не похожи на стихи французскаго оригинала.

Далѣе Озеровъ въ ходѣ дѣйствія уже существенно отступаетъ отъ своего французскаго образца: у Дюси умираетъ Эдипъ, у Озерова—Креонъ; но раньше, чѣмъ заставить умереть Креона, Озеровъ изображаетъ еще великодушіе Полиника: народъ требуетъ выдачи Антигоны; Эдипъ говоритъ:

Не дочь мою одну, двѣ жертвы приметъ жрецъ
И совершитъ моимъ страданіямъ конецъ.

Полиникъ же предлагаетъ себя, какъ искупительную жертву и желаетъ, чтобы отецъ и сестра остались живы. Народъ все-таки уводитъ Эдипа и Антигону. Такъ оканчивается четвертое дѣйствіе.

Дѣйствіе пятое происходитъ въ храмѣ Эвменидъ. Тутъ у Озерова появляется уже настоящій споръ о смерти: Антигона, Эдипъ, Полиникъ—всѣ трое спорятъ о томъ, кому изъ нихъ слѣдуетъ умереть. Антигона указываетъ на себя, какъ на жертву избранную и притомъ невинную, слѣдовательно—достойную. Эдипъ говоритъ, что нужно умереть не невинной жертвѣ, а ему, преступнику, осужденному на насильственную смерть уже при самомъ своемъ рожденіи. Полиникъ заявляетъ, что право на смерть ему даютъ его ужасныя муки совѣсти. Тутъ нашъ авторъ на время опять возвращается къ французскому образцу и, подобно Дюси, заставляетъ Эдипа простить сына и примириться съ нимъ, при чемъ примиреніе это происходитъ тоже по просьбѣ Антигоны.

Антигона.

Родитель, вспомни ты, что Полиникъ мнѣ братъ;
Внимай, какъ въ истинномъ раскаяньи стенаетъ!

Эдипъ.

Возстань, несчастный сынъ: отецъ тебя прощаетъ;
Приди въ объятія и, примирясь со мной,
Ты примириться тщись съ богами и съ собой!
О боги, коихъ я, во гнѣвѣ огорченный,
Къ отмщенью призывалъ, на сына раздраженный!
Раскаянье теперь когда въ немъ зрите вы,
Проклятіе мое сложите съ сей главы!
Вамъ добродѣтельный не столько мужъ пріятенъ,
Какъ тотъ, кто кается, бывъ злобенъ и развратенъ.

Затѣмъ Эдипъ снова настаиваетъ на желанiи умереть — и уже ждетъ смерти отъ меча первосвященника, но появляется Тезей съ воинами, ведущими обезоруженнаго Креона, и трагедiя заканчивается слѣдующей сценой.

Тезей.

Остановись, народъ! Какое преступленье
Ты хочешь совершить предъ правдою боговъ.

Антигона.

Конечно, намъ она даруетъ твой покровъ!

Полиникъ.

Спаси родителя, Тезей великодушный!

Эдипъ.

Ахъ, дай мнѣ смерть принять: будь мужъ, богамъ послушный!
Кровь царскую пролить здѣсь повелѣлъ ихъ гласъ:
Мой родъ полезенъ мнѣ хотя въ сей первый разъ.
Такъ, смертiю моей жизнь дщери сохраняю
И тишину тебѣ и граду возвращаю.

Антигона.

Я радостно умру къ спасенiю отца.

Полиникъ.

Пускай меня разитъ священный мечъ жреца!

Тезей.

Нѣтъ, не умрете вы: ни ты, о мужъ почтенный,
Ни нѣжна дочь твоя, ни сынъ, тобой прощенный!
Не съ тѣмъ судьбы, не съ тѣмъ васъ привели сюды,
Чтобы надъ вами днесь усугубить бѣды.
Онѣ готовили вамъ тишину, отраду:
За вашъ покой даютъ побѣду намъ въ награду.
Къ спасенью сей страны самъ прежде кровь пролью,
Чѣмъ вамъ обиду здѣсь какую потерплю.
Но нѣтъ, безсмертнымъ кровь невинна, благородна
Для жертвы никогда не можетъ быть угодна!
Креонъ одинъ возмогъ небесъ возставить гнѣвъ.
(Громъ сильный раздается).

Первосвященникъ (къ Тезею).

Громъ подтверждаетъ рѣчь. Сей родственникъ царевъ
Противъ отечества крылъ замыслы лукавы;
Посломъ здѣсь испровергъ общенародны правы;

Онъ врагъ самихъ боговъ и къ смерти осужденъ;
Твоей рукой на казнь онъ ими приведенъ.
(Къ Креону).
Умри, врагъ общества и врагъ безсмертныхъ дерзкій,
И отъ лица земли сокрой свой образъ звѣрскій!

Креонъ.

Въ странѣ сей призрѣнныхъ я зрю моихъ враговъ,
Терзаюсь и принять смерть лютую готовъ.
(Жрецы уводятъ Креона).

Эдипъ.

Какой судьбой на казнь преступники ведомы!
(Громъ упадаетъ и поражаетъ Креона, вошедшаго во внутренность храма).

Первосвященникъ.

Внемлите, что въ сей часъ мнѣ возвѣщаютъ громы:
Неистовый Креонъ сей видѣть свѣтъ престалъ,
Небесный громъ сразилъ, и адъ его пожралъ;
Богини вслѣдъ ему изъ храма удалились.
Эдипъ, твои бѣды отнынѣ прекратились.
Но вы, цари, народъ, въ день научитесь сей,
Что боги въ благости и въ правдѣ намъ своей
Невинность милуютъ, раскаянью прощаютъ
И къ трепету земли безбожниковъ караютъ.

Говорятъ, что первоначально и у Озерова трагедія оканчивалась смертью Эдипа; но нашъ авторъ, изобразившій Креона злодѣемъ, внялъ совѣту тѣхъ литераторовъ, которые держались того воззрѣнія, что въ трагедіи добродѣтель должна быть награждена, а порокъ наказанъ, измѣнилъ конецъ своей пьесы—и заставилъ умереть Креона.

Сопоставленіе трагедіи Озерова съ трагедіей Дюси приводитъ къ вопросу: что же такое „Эдипъ въ Аѳинахъ" по отношенію къ „Oedipe à Colone?"—Галаховъ называетъ русскую трагедію „переложеніемъ" французской, а въ одномъ мѣстѣ—даже „переводомъ" ея [90]). Но ни то ни другое названіе не можетъ быть признано точнымъ. Вѣрнѣе назвать трагедію Озерова подражаніемъ, отчасти очень близкимъ, а отчасти и значительно отступающимъ отъ образца, отступающимъ не только тамъ, гдѣ нашъ авторъ вноситъ то, чего нѣтъ у Дюси, но и тамъ, гдѣ онъ совершенно иначе обработываетъ соотвѣтствующія части своей трагедіи. Впрочемъ заключительный отзывъ Галахова мы все-таки приведемъ. Спросивъ: „Что же собственно принадлежитъ Озерову?

въ чемъ его заслуга?“ и отвѣтивъ: „Въ хорошемъ *переводѣ* трагедіи Дюси“, Галаховъ продолжаетъ: „Это значитъ и немного и много: немного, если разумѣть подъ стихотворнымъ переводомъ устройство стиха; много, если смотрѣть на него, какъ на вѣрное выраженіе мыслей и чувствъ образца. Въ первомъ случаѣ нужно быть только хорошимъ версификаторомъ; во второмъ надобно стать на ряду съ оригинальнымъ авторомъ, воспроизвесть его, принявъ въ себя стихіи его таланта. Озеровъ исполнилъ оба дѣла“ [91]).

Хотя тутъ слову „переводъ“ и придается широкое значеніе, все же оно едва ли можетъ быть приложимо къ разсмотрѣнной трагедіи Озерова: по нашему мнѣнію, трудно подвести ее даже подъ самое широкое понятіе о переводѣ. Чувствуя это, иные критики (напр. Саитовъ) выражаются объ „Эдипѣ въ Аѳинахъ“ такъ: это—трагедія съ *заимствованнымъ сюжетомъ* [92]). Но и такое опредѣленіе не точно, ибо Озеровъ, подражая Дюси, заимствовалъ у него не только сюжетъ, но и много подробностей въ его развитіи.

Что касается стиха Озерова, то съ Галаховымъ, назвавшимъ его „сильнымъ и звучнымъ“, можно вполнѣ согласиться и признать въ этомъ отношеніи важную заслугу за Озеровымъ. И въ самомъ дѣлѣ, сравнивая стихи его со стихами Сумарокова, можно сказать вмѣстѣ съ Галаховымъ: „И *теперь* читая ихъ чувствуешь, какъ они были *тогда* прекрасны“ [93]).

Въ общемъ „Эдипъ въ Аѳинахъ“, конечно, также есть искаженіе трагедіи Софокла, но тѣмъ не менѣе въ исторіи нашего театра онъ имѣетъ важное значеніе: онъ оживилъ сцену и приводилъ въ восторгъ зрителей. Искаженіе греческой трагедіи могло бросаться въ глаза лишь немногимъ знатокамъ классицизма, большинству же именно и нравилась больше всего сентиментальная сторона пьесы. Вотъ что говорилъ 28 сентября 1805 г. страстный любитель театра — Жихаревъ, видѣвшій первое представленіе „Эдипа“ въ Москвѣ:

„Такой трагедіи, какова «Эдипъ въ Аѳинахъ», конечно, у насъ никогда не бывало. Стихи безподобные, дѣйствующія лица говорятъ всѣ свойственнымъ имъ языкомъ, безъ чего впрочемъ стихи не были бы хороши; мысли прекрасныя, чувства бездна; есть сцены до того увлекательныя, что невольно исторгаютъ слезы. Никакой напыщенности; все такъ просто, естественно,—словомъ, Эдипъ такое произведеніе, отъ котораго нельзя не быть въ восхищеніи. Театръ былъ полонъ, ни одного пустого мѣста; а восторгъ публики былъ единодушный... Я плакалъ, какъ другіе, и

это случилось со мною въ первый разъ въ жизни, потому что русская трагедія доселѣ къ слезамъ не пріучала“ [94]).

Слѣдовательно трагедія Озерова производила сильное впечатлѣніе между прочимъ и потому, что для зрителей она была своего рода новостью: она сильно затрогивала сердце. Но разумѣется, имѣло значеніе и исполненіе ролей тогдашними высокоталантливыми артистами, игравшими эту пьесу Озерова и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Роль Эдипа исполняли Шушеринъ и Плавильщиковъ. Оба они нравились, хотя не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ, потому что играли не одинаково. Плавильщиковъ нѣсколько умѣрялъ чувствительность Озеровскаго Эдипа, стараясь приблизиться къ духу классическихъ преданій; Шушеринъ — напротивъ: онъ, вообще будучи представителемъ сентиментальнаго направленія въ сценическомъ искусствѣ, не сдерживалъ, а еще усиливалъ черты чувствительности слѣпого старца—и большинству нравился больше своего товарища. Таковъ былъ вкусъ времени, воспитанный на сентиментальныхъ произведеніяхъ. Вотъ что читаемъ объ игрѣ Шушерина въ статьѣ Сиротинина:

„Никакія картины знаменитыхъ художниковъ, изображающія слѣпцовъ древности—Эдипа, Велизарія и др.,—не могли равняться, говорятъ современники, съ тою, которую представляла сцена трагедіи, когда Шушеринъ, едва передвигая истомленныя, слабыя ноги и опираясь трепещущей рукой на руку молодой и цвѣтущей красотою Семеновой, вышелъ на сцену. Какъ и подобаетъ главѣ сентиментальной школы, онъ изображалъ Эдипа безпомощнымъ и изможденнымъ старцемъ, сокрушающимся о роковыхъ своихъ бѣдствіяхъ и постоянно проливающимъ обильныя слезы надъ своимъ убожествомъ, вынуждающимъ состраданіе; но хотя подобное представленіе отступало отъ истины, мастерская и строго выдержанная игра Шушерина была такъ трогательна, что даже немногіе знатоки классицизма, забывъ несовмѣстность слезливости и меланхоліи съ характеромъ древняго грека, невольно поддались общему чувству, когда Шушеринъ, погруженный въ грустную думу, говорилъ:

Видала ль ты, о дочь, когда извергнутъ волны
Обломки корабля?.. Вотъ жизнь теперь моя!“ [95])

Восхищались, конечно, и игрой Плавильщикова, однако Жихаревъ говоритъ о ней такъ: Плавильщиковъ въ нѣкоторыхъ сценахъ былъ превосходенъ, а вообще былъ хорошъ, но не всегда, а лишь „большею частію“.

Въ роли Антигоны увлекала всѣхъ Семенова, дѣлившая лавры съ Шушеринымъ. Эта артистка необыкновенно трогательно представляла образъ нѣжной, любящей и печальной дочери Эдипа.

Наконецъ надо замѣтить, что нѣкоторыя мѣста рѣчей Тезея напоминали зрителямъ объ императорѣ Александрѣ. Жихаревъ разсказываетъ, что на первомъ представленіи „Эдипа", при слѣдующихъ стихахъ, которые произнесъ Тезей-Зловъ (роль Тезея исполнялъ также и Яковлевъ):

> . . . . . . Мой мечъ союзникъ мнѣ
> И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ.
> Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
> Сразить то общество не можетъ и вселенна (Д. I, явл. 4)

— „театръ поколебался отъ рукоплесканій и криковъ браво", и авторъ дневника прибавляетъ: „Спасибо нашей публикѣ, которая, какова ни есть, не пропускаетъ однако же ничего, что только можетъ относиться къ добродѣтелямъ обожаемаго нашего государя" [96]).

Еще въ 1792 г. появилась у насъ первая часть пѣсенъ Оссіана, переведенныхъ Костровымъ. Суровый, но величественный характеръ этихъ пѣсенъ и грустный колоритъ ихъ многихъ увлекалъ въ свое время, а въ томъ числѣ и Озерова. Особенно нравились пѣсни о Фингалѣ, этомъ, какъ называли его, „Ахиллѣ сѣверныхъ странъ". Изъ третьей пѣсни объ этомъ героѣ Озеровъ и заимствовалъ сюжетъ для своей трагедіи: „Фингалъ", впервые появившейся на сценѣ 8-го декабря 1805 г. на петербургскомъ придворномъ театрѣ. Обработка этой трагедіи представляетъ гораздо больше самостоятельности, такъ какъ сравнительно очень небольшое мѣсто изъ пѣсни о Фингалѣ, служившее Озерову источникомъ, могло дать ему лишь самую основу для трагическаго дѣйствія. Вотъ это мѣсто:

Фингалъ, вождь морвенскій, стремительный, какъ воды Лоры, воюя съ Старномъ, вождемъ лохлинскимъ, опустошилъ его землю, а самого его взялъ въ плѣнъ, но послѣ далъ ему свободу. Озлобленный Старнъ задумалъ месть. Онъ призываетъ старца Снивана и говоритъ ему: „Скажи Фингалу, скажи владыкѣ пустыней, прекраснѣйшему изъ всѣхъ ратоборцевъ, что я вручаю ему дщерь мою, мою дщерь любезнѣйшую изъ всѣхъ дѣвъ... Да грядетъ онъ, провождаемъ знаменитыми своими ратниками, да грядетъ онъ сочетаться съ моею дщерію, воспитанною въ сокровенности моихъ чертоговъ".

„Сниванъ притекаетъ къ горамъ Альбіона, Фингалъ стремится въ путь; его сердце, воспламененное любовью, упреждаетъ стремленіе кораблей его на волнахъ сѣверныхъ".

„Да будетъ твое пришествіе благословенно! рекъ мрачный Старнъ. Гряди, о владыка морвенскихъ камней, и вы такожде, герои, текущіе вослѣдъ ему на поляхъ сраженій! три дни равно будете вы торжествовать въ моихъ чертогахъ; три дни ловитва щетиноватыхъ вепрей утѣшать васъ будетъ въ лѣсахъ моихъ, чтобы ваша слава могла проникнуть въ сокровенныя жилища, гдѣ обитаетъ юная Агандека".

„Владыка снѣговъ, дружелюбно ихъ угощая, помышлялъ о ихъ пагубѣ". Однако Фингалъ, „остерегаясь сѣтей коварнаго супостата, является тамъ покрытымъ гремящимъ оружіемъ". Его видитъ Старнова дочь Агандека — „она видитъ, и она любитъ уже юнаго героя. Къ нему стремились всѣ тайныя сердца ея воздыханія. Ея голубыя очи искали его; они его нашли и прилѣпились къ нему съ нѣжностію; она въ душѣ своей желала счастія и радостныхъ успѣховъ вождю морвенскому".

Между тѣмъ „уже третій день возсіялъ надъ лѣсами вепрей. Чернобровый Старнъ и съ нимъ Фингалъ шествуютъ на ловитву. Уже половина дня протекла, и копіе Фингалово обагрилось кровію жителей лѣсовъ... Тогда дщерь Старнова съ наполненными слезъ очами приходитъ къ Фингалу, и гласомъ, изъявляющимъ нѣжную любовь, восклицаетъ ему: Фингалъ, герой преславнаго племени! блюдись, не ввѣряй себя гордому Старнову сердцу: въ семъ лѣсу для погибели твоей сокрыты его ратники: берегись, Фингалъ, сего лѣса, гдѣ ожидаетъ тебя смерть пагубная; но воспомяни, младый пришлецъ, воспомяни злосчастную Агандеку. Побѣдоносный царь Морвена! исхити меня отъ ярости моего родителя"...

„Свирѣпый Старнъ поражаетъ ее мечомъ своимъ... Она пала, какъ снѣжная глыба отторгается отъ камней Ронана".

„Фингалъ воззрѣлъ на своихъ ратоборцевъ, и они пріяли уже свое оружіе. Ужасное возгорается сраженіе: лохлинскія чада погибаютъ, или спасаются бѣгствомъ... Фингалъ подъемлетъ и несетъ на корабль свой бездыханное тѣло прекрасной Агандеки. Ея гробъ возвышается на высотѣ Арвена, и окрестъ его шумятъ морскія волны" [97]).

Заимствованный сюжетъ Озеровъ развилъ по-своему и создалъ изъ него трехъ-актную трагедію, отступивъ во многомъ отъ оригинала. Введя хоры, и между прочимъ хоръ бардовъ, онъ ввелъ

еще верховнаго жреца при храмѣ Одена, къ Старну приставилъ наперсника (Коллу), а къ его дочери, которую назвалъ Моиной,—наперсницу (Морну). Три акта, хоры и передвиженіе сцены (I-й актъ—въ палатѣ Старна, II-й—въ храмѣ Одена, III-й—у могилы Старнова сына)—это хорошія уклоненія отъ обычнаго построенія ложноклассической трагедіи; но введеніе наперсниковъ—все еще было данью старой теоріи. Но это лишь внѣшняя сторона: къ существеннымъ же отступленіямъ отъ оригинала относится слѣдующее.

Озеровъ измѣнилъ причину мести Старна. Въ поэмѣ Оссіана Старнъ мститъ Фингалу за разореніе своей страны, за свой плѣнъ; у Озерова же онъ мститъ за смерть сына. Фингалъ у него является лицомъ, убившимъ въ бою Старнова сына—Тоскара, и отецъ, страстно любившій этого юношу, далъ обѣтъ успокоить тѣнь убитаго—смертію убійцы. Это измѣненіе сдѣлано, конечно, для того, чтобы имѣть возможность обрисовать Старна не только какъ гордаго и оскорбленнаго человѣка, помышляющаго лишь о мести, но и какъ любящаго отца, тоскующаго по сынѣ,—и тѣмъ смягчить суровый характеръ оссіановскаго героя, котораго сама пѣсня называетъ „свирѣпымъ“.

Состояніе души Старна сперва очерчено словами Моины (Д. I, явл. 1):

Ахъ, если бъ мой отецъ о смерти сей плачевной
Забыть, утѣшиться отъ времени возмогъ,
Была бы я тогда, была бы безъ тревогъ!...
Но нѣтъ, ничто отца не развлекаетъ муки:
Ни бардовъ пѣніе, ни арфъ согласныхъ звуки,
Ни шумъ, восторгъ пиршествъ и чаши круговой;
И мрачный духъ его, питаяся тоской,
Ни въ чемъ утѣхъ не зритъ, ловитву забываетъ,
И гуловъ ловчихъ гласъ въ лѣсахъ не возбуждаетъ.
Ему въ молчаніи засѣли, какъ во мглѣ,
Уныніе въ душѣ, и дума на челѣ...

Затѣмъ говоритъ самъ Старнъ, отвѣчая на просьбу Коллы забыть печаль (Д. I, явл. 3):

Печаль забыть, сей даръ,
Одинъ оставленный сердцамъ въ несчастной долѣ?
Безъ грусти я бы жить не могъ на свѣтѣ болѣ.
О Колла, безъ нея, съ того плачевна дня,
Какъ сынъ въ бою погибъ, вкругъ Старна, вкругъ меня,
Безмолвнымъ, мертвымъ все казалось бы въ природѣ.
Съ ней прелесть нахожу я въ буряхъ, въ непогодѣ;
Со мною говорятъ и вѣтровъ страшный ревъ,

И моря грозный шумъ, и томный скрипъ деревъ:
Во всемъ мнѣ слышатся сыновнія стенанья,
Я чувствую тогда тѣхъ камней содроганья,
Подъ коими лежитъ Тоскара хладный прахъ;
И онъ мнѣ зрится самъ со блѣдностью въ чертахъ,
На персяхъ тяжкую указываетъ рану:
Отмщенія, гласитъ, и казнь и смерть тирану,
Котораго рукой намъ бѣдствія неслись!

Въ изображеніи этой тоски есть много истинно поэтическаго, и въ рѣчи Старна слышится тоска самого автора.

Далѣе — въ 1-мъ явленіи II-го дѣйствія — изображенъ уже моментъ, когда злое чувство мести беретъ въ душѣ Старна значительный перевѣсъ надъ тоскою. И это понятно: ненавистный убійца сына уже здѣсь, въ домѣ Старна, уже передъ его глазами, счастливый и радостный, и Моина, сестра Тоскара, любитъ его, любитъ убійцу своего брата. Старнъ, стоя передъ кумиромъ Одена, произноситъ монологъ, который нѣсколько болѣе приближаетъ его къ оссіановскому Старну, хотя разница между ними все-таки еще очень велика:

О древне божество обширныхъ странъ полнощныхъ,
Надежда страждущихъ и сила, крѣпость мощныхъ,
Оденъ, котораго невидимой рукой
Природа держится и кругъ вращаетъ свой!
Ты, воля коего быстрѣе вѣтровъ горныхъ,
И месть мрачнѣе бурь, висящихъ въ тучахъ черныхъ,
На коихъ возлегла Тоскара грустна тѣнь!
Яви свой ярый гнѣвъ въ торжественный сей день!
Помощникомъ мнѣ будь къ погибели Фингала,
Котораго рука кумиръ твой потрясала,
Котораго мечомъ мой сынъ погибъ въ бою,
Чей хитрый взглядъ прельстилъ дочь слабую мою,
И чрезъ кого я сталъ безъ чадъ моихъ, безъ чести,
Съ одною грустію, съ однимъ желаньемъ мести,
На старости моей въ печальномъ сиротствѣ!
Мой врагъ передъ тебя явится въ торжествѣ;
Нашли на духъ боязнь, на мысль недоумѣнье,
Предзнаменующи могущаго паденье!
Чтобъ онъ, какъ лютый звѣрь, страшилище лѣсовъ,
Гонимый ловчими, преслѣдованъ отъ псовъ,
Въ разставленную сѣть стремился торопливый,
И веселился бъ Старнъ добычею счастливый!
Внесу тогда, Оденъ, я въ капище твое
Его булатный мечъ, огромное копье,
И щитъ, и шлемъ, крыломъ орлинымъ осѣненный,
И весь доспѣхъ его, чтобы вѣщалъ вселенной,

Изъ рода въ поздній родъ, отъ вѣка въ дальній вѣкъ,
Сколь слабъ передъ тобой сильнѣйшій человѣкъ!
Мечтавъ не знать себѣ въ величествѣ примѣра,
Онъ палъ—и три шага... его жилищу мѣра.

Однако чѣмъ дальше развивается дѣйствіе, тѣмъ напряженнѣе становится у Старна желаніе скорѣе удовлетворить своей жаждѣ мести, и когда Колла спрашиваетъ его, ужели онъ нарушитъ священный обычай гостепріимства и не посвятитъ гостю трехъ дней на угощеніе, Старнъ ему отвѣчаетъ (Д. II, явл. 2):

Что, Колла, говоришь? Чтобы три дня я ждалъ?
Чтобъ зрѣніемъ врага еще три дня страдалъ?
Чтобъ, съединившись съ нимъ, несчастная Моина
Въ домъ Старновъ привела врага на мѣсто сына?
И жажду мщенія могу ль таить? Едва
Не измѣняютъ мнѣ мои къ нему слова.
Не отвѣчаю я, чтобъ могъ скрываться долѣ.
Чрезъ три дни смерть его въ моей не будетъ волѣ.
Пускай винятъ меня народъ и цѣлый свѣтъ!
Какъ мертвъ, безъ сына бывъ, мнѣ нужды въ ономъ нѣтъ.
Надежда отомстить и муки зрѣть Фингала
Одна жизнь Старнову донынѣ подкрѣпляла.
Надеждой сей дышалъ, для мести только жилъ—
И хочешь, чтобъ я смерть Фингала отложилъ.
Чтобъ случай потерялъ для сохраненья славы!
Померкни блескъ вѣнца и честь моей державы,
Погибни вся страна, пускай погибну самъ,
Лишь бы мой врагъ погибъ, палъ мертвъ къ моимъ ногамъ,
Лишь на челѣ бъ его я зрѣлъ погасшу смѣлость,
Глубокихъ язвъ болѣзнь и смерти цѣпенѣлость,
И къ радости моей чтобъ я услышать могъ
Изъ устъ трепещущихъ тотъ тяжкій, томный вздохъ,
За коимъ для него придетъ молчанье вѣчно.
Но раздается шумъ... Фингалъ идетъ, конечно.
Еще притворствовать, еще вражду таить,
Лишь взоромъ избирать то мѣсто, гдѣ разить,
Чтобъ ни одинъ ударъ не проносился мимо!
Для ярости моей притворство нестерпимо...

Это нетерпѣніе, эта страстность опять отличаютъ Старна трагедіи отъ героя Оссіана: тотъ исполнилъ долгъ гостепріимства и терпѣливо дождался, пока „третій день возсіялъ надъ лѣсами вепрей". Въ трагедіи же Старнъ уже въ день пріѣзда Фингала ведетъ его въ храмъ Одена, гдѣ верховный жрецъ, заранѣе посвященный въ замыселъ хитраго старика, отказывается сочетать убійцу Тоскара съ Моиной, пока тотъ не согласится отправить тризну надъ могилой убитаго. Фингалъ сперва не хочетъ и слы-

шать о такомъ условіи, но потомъ, уступая лишь просьбѣ Моины „пожертвовать ей самолюбіемъ“, идетъ на могильный холмъ и притомъ безъ сопровождавшихъ его морвенскихъ воиновъ, которыхъ Старнъ сумѣлъ лукаво устранить. Тамъ, опять-таки при помощи хитрости, Старнъ заставляетъ Фингала добровольно отдать свой мечъ—и тогда уже велитъ своимъ воинамъ напасть на безоружнаго врага. Фингала спасаетъ Моина, какъ спасла его въ поэмѣ Агандека: она, узнавъ о грозящей жениху опасности, спѣшитъ на холмъ съ воинами Фингала. Месть не удается — и Старнъ, въ озлобленіи, закалываетъ дочь, но и самъ закалывается. Этотъ трагическій моментъ, вовсе не очерченный, а лишь указанный въ поэмѣ, у Озерова изображенъ такимъ образомъ: Старнъ, обращаясь къ Фингалу, говоритъ ему (послѣднее явл. III-го д.):

. . . .
Мнѣ бракъ предлогомъ былъ, но смерть твоя—желаньемъ;
Дарить тебя хотѣлъ не дочерью—страданьемъ.
Не храмъ—готовилъ гробъ, не брачныхъ свѣтъ огней,
Но блескъ, но грозный блескъ убійственныхъ мечей.
Хотѣлъ, чтобы погибъ ты смертію безчестной,
И не моей рукой—рукою неизвѣстной;
Чтобы къ страданію по смерти ты возлегъ
На тучи хладныя, носящи градъ и снѣгъ;
Хотѣлъ, чтобъ ты вкусилъ въ тѣ смертныя минуты
Всѣ долговременны мои мученья люты.
Оденъ, судьба и дочь—мнѣ измѣнило все:
Не измѣнитъ теперь отчаянье мое,

(Вынимаетъ изъ пояса кинжалъ и стремится на Фингала. Моина примѣтившая движеніе его руки, бросается спасти Фингала).

Моина.

Что дѣлаешь отецъ?

Старнъ.

Еще ль остановляешь?

(Поражаетъ ее кинжаломъ).

Несчастная! умри, коль долгу измѣняешь:
Но пусть со мною здѣсь погибнетъ весь мой родъ“

(Закалывается).

Но Старнъ у Озерова все-таки лицо, гораздо менѣе удалившееся отъ своего оригинала, нежели Фингалъ и Моина. Озеровскій Фингалъ захватилъ въ себя слишкомъ много чертъ позднѣйшаго рыцарства и слишкомъ нѣженъ для воинственнаго героя временъ Оссіана, а Моина не только нѣжна и чувствительна, но и мечтательна. Самое объясненіе ихъ въ любви напоминаетъ не

героевъ третьяго вѣка, а скорѣе современниковъ Озерова. Вотъ, напримѣръ, что говоритъ Фингалъ Моинѣ (Д. I, явл. 6):

Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!..
Дотолѣ, мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы
И, огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Унынiе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.
Не утолялся огнь въ прохладности ночей,
И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.
Сей голосъ, коимъ ты со мною говорила,
Твой тихій, свѣтлый взглядъ, твоя улыбка мила,
Твое дыханіе и легкій шумъ шаговъ,
Какъ вешній вѣтерокъ, журчащій межъ листовъ,
И все, что ты, плѣняя мое воображенье,
Въ разлукѣ множило любовное мученье,
Какъ нынѣ все, что ты, Фингала веселитъ.
Пусть счастіе мое Моина подтвердитъ!

Моина отвѣчаетъ:

. . . .

Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала,
Терзаясь мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ или съ высокихъ горъ
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,
Но, тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску;
Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ,
Ты прибылъ наконецъ, Фингалъ передъ Моиной:
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Но зрителямъ именно и нравилась эта нѣжность чувствъ. Къ тому же и Фингалъ и Моина, въ противоположность коварному Старну, надѣлены у Озерова высокимъ благородствомъ характера. Фингалъ поэмы остороженъ и не отличается излишней довѣрчивостью; Фингалъ Озерова не допускаетъ даже и мысли о возможности вражды со стороны человѣка, пригласившаго его для брака съ своею дочерью: онъ по первому же предложенію Старна согла-

шается идти на могильный холмъ безъ своихъ воиновъ, довѣрчиво отдаетъ свой мечъ, и когда злое намѣреніе старика было обнаружено, онъ находясь уже въ безопасности, благодаря тому, что Моина привела его воиновъ, не только прощаетъ, но и готовъ великодушно забыть поступокъ Старна и говоритъ ему (послѣдн. явл. III-го д.):

Моими войсками отвсюду окруженъ,
По слову одному ты можешь быть сраженъ:
И ты и ратники, служители лукавства,
Всѣ могутъ казнь пріять достойную коварства.
По справедливости измѣну наказавъ,
Предъ всей твоей страной, предъ свѣтомъ буду правъ.
Но безоружнаго разитъ одинъ безчестный:
Съ моими мыслями поступокъ несовмѣстный.
Сколь сердцу Старнову всегда пріятна месть,
Мнѣ столько же всегда священна будетъ честь.
Обиды отъ враговъ свирѣпый отомщаетъ,
Духъ кроткій ихъ проститъ, великій—забываетъ!
Ты мстилъ—забуду я: вотъ разность между насъ.
Ты плѣнникомъ моимъ уже одинъ былъ разъ,—
Теперь въ моихъ рукахъ; но будь опять свободенъ!

Такимъ же благороднымъ довѣріемъ къ отцу отличается и Моина. Она, даже когда Уллинъ, бардъ Фингала, увѣдомляетъ ее о коварномъ замыслѣ, не хочетъ ему вѣрить.

Не вѣрь, Уллинъ, не вѣрь: сего не можетъ быть.
Измѣною ль цари обиды будутъ мстить?—

говоритъ она, и только уже послѣ яснаго доказательства убѣждается въ справедливости словъ барда—и рѣшается или спасти Фингала, или умереть (Д. II, явл. 5).

Она умираетъ, и тѣло ея, какъ и въ поэмѣ тѣло Агандеки, Фингалъ увозитъ съ собою.

Еще прежніе критики (кн. Вяземскій и Мерзляковъ, оба въ 1817 г.) разсматривали эту пьесу Озерова — и разсматривали ее двояко: какъ трагедію и просто какъ поэтическое произведеніе. Какъ трагедія, пьеса признавалась ими слабой, и кн. Вяземскій даже назвалъ ее не трагедіей, а поэмой [98]), такъ какъ главный герой—Фингалъ—лицо вовсе не трагическое; въ трагическомъ положеніи находится только одинъ Старнъ. Но, разсматривая пьесу Озерова просто какъ поэтическое произведеніе, оба критика находили въ ней достоинства. Мерзляковъ сказалъ:

„Волшебная сила стиховъ, прелестныя чувства Моины и Фингала, милая унылость, соединенная съ простосердечіемъ первыхъ

дщерей природы, откровенность быстрая и безпритворная; съ другой стороны—величіе души, нѣжность благородная, честность строгая, которая не позволяетъ себѣ думать, чтобы кто-нибудь могъ сдѣлать ей дурное, или помышлять о дурномъ; наконецъ—храбрость, мужество, могущество: всѣ сіи свойства имѣютъ на сценѣ всегда постоянную и прочную силу.—Стихи въ этой пьесѣ, по моему мнѣнію, лучше, нежели во всѣхъ другихъ твореніяхъ Озерова.— Самая новость сцены, дикость характеровъ и мѣстъ, старинные храмы, игры и тризна, скалы и вертепы—все, вмѣстѣ съ арфою и стихами Озерова, облеченное сѣверными туманами, придаетъ пьесѣ этой какую-то меланхолическую занимательность" [99]).

Приведемъ еще нѣсколько строкъ о „Фингалѣ" изъ „Лѣтописи русскаго театра" Арапова.

„8 декабря было новымъ торжествомъ Озерова: представляли трагедію «Фингалъ»; она имѣла тоже громадный успѣхъ. Ал. Ник. Оленинъ, вызвавшій Озерова написать эту трагедію въ оссіановскомъ родѣ, какъ любитель и знатокъ въ живописи, самъ занимался составленіемъ рисунковъ всѣхъ костюмовъ и аксесуарныхъ вещей для «Фингала», которые исторически были вѣрны *); постановка была великолѣпная. Раздача ролей была слѣдующая: Старнъ — Шушеринъ, Моина — Семенова, Фингалъ — Яковлевъ... 19 декабря «Фингалъ» былъ представленъ въ Эрмитажѣ. Государь пожаловалъ подарки автору, Семеновой, Шушерину и Яковлеву; эти артисты въ своихъ роляхъ были превосходны" [100]).

Жихаревъ же, видѣвшій эту пьесу Озерова въ апрѣлѣ 1807 г., говоритъ о ней слѣдующее: „«Фингалъ», по мнѣнію Мерзлякова, трагедія плохая... Но я собственно интересовался не самою трагедіею, а игравшими въ ней Шушеринымъ, Яковлевымъ и Семеновою. Они всѣ трое играли хорошо; но изъ нихъ Шушеринъ лучше всѣхъ, потому что въ занимаемой имъ роли есть страсть, жажда мщенія, которою онъ могъ воспользоваться, чтобъ дать роли своей надлежащую физіономію; между тѣмъ какъ изъ ролей Фингала и Моины, персонажей страдательныхъ, едва ли что можно было сдѣлать другое, кромѣ того, что сдѣлали Яковлевъ и Семенова, т.-е. прекрасно читали прекрасные идиллическіе стихи" [101]).

---

*) „Траг. «Фингалъ» переведена на французскій яз. актеромъ Далмасомъ, напечатана съ переводомъ, съ полною музыкою и рисунками всѣхъ принадлежностей, въ театр. типограф. въ 1808 г. Это роскошное изданіе нынѣ очень рѣдкое.—На нѣмецкій яз. переведена Р. М. Зотовымъ". (Примѣч. Арапова).

За „Фингаломъ“ слѣдовала трагедія: „Димитрій Донской“, въ первый разъ представленная 14 января 1807 г. Въ этой трагедіи Озеровъ особенно обнаружилъ желаніе слѣдовать ложно-классическимъ образцамъ—и подчинился Расину, который боялся выводить невлюбленнаго героя, опасаясь осужденія публики. Вотъ почему и нашъ драматуръ не рѣшился оставить Димитрія невлюбленнымъ: нужно было непремѣнно ввести любовь, а для этого пришлось пожертвовать исторической истиной, которой впрочемъ Озеровъ жертвовалъ и для другихъ цѣлей.

Погрѣшности начинаются съ перваго же акта. Пьеса открывается совѣщаніемъ князей. Выводя на сцену героя Куликовской битвы, Озеровъ, конечно, хотѣлъ прежде всего изобразить его, какъ горячаго патріота, какъ ненавистника татарскаго ига; но чтобы дать больше простора для изліянія патріотическихъ чувствъ Димитрія, авторъ измѣнилъ предметъ совѣщанія князей: на самомъ дѣлѣ они совѣщались о томъ, переходить ли Донъ, или нѣтъ; у Озерова же они совѣщаются, принять ли имъ татарскаго посла, который идетъ съ предложеніемъ мира, но однако на условіи лишь немедленной уплаты дани,—или же прямо вступить въ бой съ непріятелемъ. Димитрій произноситъ слѣдующую рѣчь:

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!
О ты, который намъ, священною рукой
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны
Они воспламенятъ россійскія сердца
Искать свободы здѣсь иль райскаго вѣнца!
Такъ, лучше жить престать, иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.

Но вся эта сцена совѣщанія князей написана не безъ подражанія: она напоминаетъ то мѣсто трагедіи Вольтера: „Брутъ“, гдѣ изображено подобное же совѣщаніе консуловъ Брута и Валерія съ сенаторами относительно того, принять ли посольство отъ Порсены. Не смотря на возраженія Валерія, посла рѣшено принять. Точно такъ же рѣшено принять посла Мамая и въ совѣтѣ русскихъ князей. Посолъ Порсены, Аронсъ, обращаетъ грубую и дерзкую рѣчь къ римскому народу. Параллельно ей можно поставить и надменную рѣчь посла Мамаева — рѣчь, на которую Димитрій съ достоинствомъ отвѣчаетъ:

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!
Обширность видѣлъ ты россійскихъ воевъ стана —
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости татаръ!
Но жить еще кому — иль намъ, или Мамаю —
Оружіе рѣшитъ; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ!

До сихъ поръ Димитрій является передъ нами дѣйствительно героемъ-патріотомъ, и въ трагедіи мы видимъ завязку историческаго характера: завязывается борьба съ ханомъ. Но далѣе мы встрѣчаемъ и другую завязку: романическую. Димитрій, котораго въ періодъ его борьбы съ Мамаемъ исторія знаетъ уже женатымъ, у Озерова оказывается влюбленнымъ въ нижегородскую княжну Ксенію, невѣсту тверского князя. Галаховъ вѣрно объясняетъ это желаніемъ Озерова слѣдовать Расину, но критикъ нашъ становится непослѣдовательнымъ, когда, говоря о „Димитріи Донскомъ“, пытается оправдать отступленія поэта отъ исторической истины правомъ поэтической вольности, и требуетъ лишь, чтобы всѣ отступленія въ своей совокупности представляли нѣчто цѣльное и не противорѣчили другъ другу, — а между тѣмъ, говоря о Поликсенѣ, онъ осуждаетъ Озерова за искаженіе ея

характера и замѣчаетъ: „Какое мнѣ дѣло, если авторъ правъ передъ судомъ собственнаго воззрѣнія... Пониманіе предметовъ, какъ они есть или были, такъ хорошо, что меня возмущаетъ преданность призраку, обаяніе лжи. Особенно жаль искажать изящнѣйшіе предметы древности". [102]) Но намъ кажется, что не менѣе жаль искажать и характеры такихъ лицъ нашей исторіи, какъ Димитрій Донской.

Влюбленный Димитрій у Озерова, по удаленіи посла отдавъ приказанія относительно устройства рати, тотчасъ же впадаетъ въ грустное любовное настроеніе — и говоритъ:

Счастливѣе стократъ, кто въ неизвѣстной долѣ
Рожденіемъ сокрытъ, въ своей свободенъ волѣ
И можетъ чувствами души располагать! *)

и въ этихъ словахъ какъ бы жалуется на то, что у него, кромѣ занятія своей любовью, есть еще важныя обязанности. О нихъ ему и напоминаетъ его наперсникъ — оруженосецъ его — Бренскій, и когда этотъ послѣдній заявляетъ, что будетъ стараться истребить „несчастну страсть" князя. Димитрій отвѣчаетъ:

Ты не успѣешь въ томъ: нѣтъ власти столько сильной,
И огнь погаснетъ мой лишь въ хладности могильной.
Мой другъ, видъ Ксеніи, прелестнѣйшій сей видъ
Всѣ помышленія, весь духъ во мнѣ живитъ;
Имъ сердце страстное въ Димитріи біется,
И смертію одной любовь въ душѣ прервется.

И затѣмъ онъ прибавляетъ слова, которыя мгновенно превращаютъ его изъ русскаго князя-патріота въ страстнаго рыцаря, вдохновляемаго на подвиги любовью къ дамѣ своего сердца:

Не осуждай ея: она счастливый даръ;
Она произвела сей доблественный жаръ,
Съ которымъ я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народъ прославить.

Бренскій совершенно основательно замѣчаетъ князю:

Итакъ, геройскій жаръ, который произвесть
Должны бы званія, верховный долгъ и честь,
Въ тебѣ случайный жаръ, отъ взора порожденный!
Итакъ, не зрѣвъ княжны, Димитрій униженный
Подъ игомъ у татаръ спокойно бъ дни провелъ
И память съ жизнію во тлѣнный гробъ низвелъ!

---

*) Стихи эти чрезвычайно близки къ тѣмъ, которые произноситъ Агамемнонъ въ трагедіи Расина: „Iphigénie":

Heureux qui, satisfait de son humble fortune,
Libre du joug superbe où je suis attaché,
Vit dans l'état obscur où les dieux l'ont caché! (Acte I, sc. 1).

Нѣтъ, нѣтъ, твои слова любови лишь искусство,
И болѣе тебя твое я знаю чувство,
И сколь къ отечеству твой преданъ вѣрный духъ!
Не взора страстнаго могъ ожидать мой другъ,
Чтобы отважиться на подвигъ благородный:
Довольно для него и горести народной...

Но Бренскій указываетъ еще, что страсть Димитрія и крайне опасна: она можетъ повести къ враждѣ между обоими влюбленными, такъ какъ тверской князь не уступитъ Ксеніи, на бракъ съ которой онъ уже получилъ согласіе ея отца, и теперь уже считается ея женихомъ, хотя Ксенія любитъ не его, а Димитрія. Московскій князь однако и слышать не хочетъ о правахъ тверского князя: онъ совершенно не въ духѣ русской старины толкуетъ о свободѣ чувства и съ горячностью восклицаетъ:

О Бренскій, я одинъ всѣхъ болѣ правъ имѣю:
Всѣхъ болѣе люблю, всѣхъ болѣе любимъ!

И дѣйствительно, столкновенія между обоими князьями мы начинаемъ уже ожидать, судя по концу перваго акта. Ксенія, что также вовсе не согласно съ древне-русскими нравами, — прибыла въ военный станъ, куда отправилъ ее отецъ для совершенія брачнаго торжества. Узнавъ объ этомъ, Димитрій говоритъ:

Чтобъ брачно празднество
Сопернику свершить дозволилъ я спокойно!
Чтобъ ярости моей не предался достойно!
Невѣрной Ксеніи измѣну бы терпѣлъ!...
По клятвамъ, кои я въ любви ея имѣлъ,
Хочу въ послѣдній разъ предстать передъ невѣрной,
Чтобъ укорять ее любовью лицемѣрной;
Чтобъ при соперникѣ въ измѣнѣ обличить
И ревностью его веселье помрачить;
Чтобы Тверской, моимъ примѣромъ наученный,
Не вѣрилъ также ей, сомнѣніемъ смущенный!..

Указанныя отступленія отъ исторической истины и двойственность завязки и составляютъ погрѣшности перваго акта.

Дальнѣйшее развитіе трагедіи совершается главнѣйшимъ образомъ не на исторической, а на романической основѣ. Ксенія пріѣхала въ станъ съ твердымъ рѣшеніемъ заявить тверскому князю, что она не можетъ быть его женой, потому что не любитъ его, — и это рѣшеніе свое она приводитъ въ исполненіе, прибавляя, что ей остается одно: уйти въ монастырь. Тверской грозитъ обвѣнчаться съ ней насильно. Димитрій же объявляетъ ему, что насилія онъ не допуститъ. Тверской грозитъ и ему, говоря,

что уведетъ свои войска, если онъ, Димитрій, не уговоритъ Ксенію исполнить волю ея родителя. Димитрій беретъ на себя роль защитника Ксеніи, спасающаго ее отъ насилія, и говоритъ:

Я помощи твоей безчестьемъ не куплю.

Тогда (Д. III) Тверской является къ собравшимся князьямъ-военачальникамъ и жалуется имъ на самовластіе московскаго князя. Тѣ возмущаются, уговариваютъ Димитрія не соперничать съ Тверскимъ, но онъ остается непреклоненъ. Князья тоже грозятъ ему уйти съ своими полками. Димитрій говоритъ, что онъ не боится ихъ угрозы: у него есть своя московская рать, а

Полковъ московскихъ духъ чрезъ опыты измѣренъ,
Противъ татарскихъ ордъ не первый ихъ походъ.

Онъ (Д. IV) рѣшается вступить въ бой съ Мамаемъ, но мысль его занята Ксеніей, и душа его какъ-то двоится между любовью къ отечеству и любовью къ нижегородской княжнѣ. Ксенія оказывается трезвѣе Димитрія: она понимаетъ, что нельзя вступать въ бой съ огромной силой Мамая, имѣя лишь одну сравнительно малую московскую рать, и, сознавая себя „виной раздора“ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая спасти и отечество и Димитрія отъ вѣрной гибели, отдаетъ руку Тверскому, изъявляетъ согласіе вступить съ нимъ въ бракъ. Тверской удовлетворенъ, и, въ виду предстоящей битвы, онъ откладываетъ вѣнчаніе до благопріятнаго времени и говоритъ, обращаясь къ князьямъ:

О битвѣ помышлять намъ слѣдуетъ, друзья!
Нашъ храбрый духъ предъ симъ обидою былъ связанъ;
Она отомщена. Димитрій самъ наказанъ.

При этомъ стихѣ Димитрій приходитъ въ ярость и бросается съ мечомъ на Тверского.

Бѣлозерскій (останавливая Димитрія).

Постой! Соперникъ безоруженъ.

Димитрій.

Пусть мечъ велитъ подать!

Ксенія (становится между Димитріемъ и Тверскимъ).

Нѣтъ, мечъ ему не нуженъ;
Ему противъ тебя моя защитой грудь.
Рази и въ ярости законы всѣ забудь!
Счастлива, коль спасу дни будуща супруга.

Тверской.

Димитрій, пощадимъ взаимно другъ мы друга!
Обычай боевъ сихъ, въ странахъ иныхъ законъ,
Въ простые нравы къ намъ донынѣ не введенъ;
Намъ мечъ противъ враговъ отечество вручаетъ:
И врагъ его Мамай насъ въ битву вызываетъ.
Тамъ храбрыхъ воиновъ сіянье ждетъ вѣнцовъ;
Но плачъ и стонъ семействъ преслѣдуютъ бойцовъ.
Пойдемъ—и въ подвигахъ явимъ на ратномъ полѣ,
Кто будетъ Ксеніи изъ насъ достоинъ болѣ.

Тверской уводитъ Ксенію, а за ними уходятъ и всѣ князья. Остается одинъ Димитрій съ своимъ оруженосцемъ. За сценой раздаются призывающія къ бою трубы. Димитрій до того растерянъ, что чувствуетъ себя не въ силахъ руководить своими полками и, боясь „погубить ихъ своимъ отчаяніемъ", приказываетъ Бренскому принять надъ ними начальство и надѣть на себя княжескіе доспѣхи, а самъ хочетъ нарядиться простымъ воиномъ и въ бою — искать смерти. Эта романическая сцена заканчивается слѣдующею сентиментальною рѣчью того князя, котораго исторія знаетъ мужественнымъ героемъ Куликовской битвы:

Вотъ (говоритъ Дим. Бренскому) цѣпь, которая груди моей касалась:
Отдай ее княжнѣ! Когда она являлась
Или очамъ моимъ, иль мысли лишь моей,
Грудь билась пламенна подъ скромной цѣпью сей;
Залогомъ ей отдай, когда меня не станетъ,
Какъ сердце ужъ мое и биться перестанетъ;
Но коль любовника оплачетъ хоть слезой,
Ту радость принеси на гробъ печальный мой! *)

Начало V-го акта предполагаетъ битву уже совершившимся фактомъ. На полѣ сраженія появляется Ксенія. Какой-то бояринъ разсказываетъ ей о пораженіи татаръ, съ восхищеніемъ упоминая о подвигахъ одного простого воина. Этимъ воиномъ, какъ послѣ оказывается, былъ не кто иной, какъ самъ великій князь, который, раненый, тутъ же невдалекѣ лежитъ въ обморокѣ. Онъ, наконецъ, приходитъ въ себя, и первое, что занимаетъ его мысли — это Ксенія. Князья узнаютъ его, къ нему подходитъ Тверской съ Ксеніей и говоритъ:

---

*) Приведенные стихи напоминаютъ стихи рыцаря Танкреда въ трагедіи Вольтера: „Conservez ma devise: elle est chère à mon coeur и пр. (Указано кн. Вяземскимъ.)

Супругу днесь прими ты отъ руки моей!
Чего бъ не сдѣлалъ я предъ властiю твоей,
То здѣсь я дѣлаю, Россiи гласъ внимая,
Предъ побѣдителемъ свирѣпаго Мамая.

Димитрiй чрезвычайно тронутъ великодушiемъ соперника и, обращаясь къ нему, восклицаетъ: „Ты превзошелъ меня!“ Этимъ романическая сторона сюжета исчерпывается. Въ послѣднемъ явленiи Димитрiя отъ лица всего воинскаго стана нарекаютъ „Донскимъ“, и онъ произноситъ горячую молитву за Россiю.

Главная ошибка Озерова въ томъ и состоитъ, что онъ, увлекшись примѣромъ Расина, захотѣлъ внести въ трагедiю любовь. Исполненiе этого желанiя повело къ тому, что авторъ, какъ прекрасно сказалъ кн. Вяземскiй, „занесъ преступную руку на самый историческiй характеръ Димитрiя и *унизилъ героя, чтобы возвысить любовника*“. Димитрiй Озерова — говоритъ далѣе Вяземскiй—„и въ самыхъ благородныхъ движенiяхъ своей души и въ самомъ подвигѣ славы напоминаетъ не великаго князя московскаго, но болѣе полуденнаго рыцаря среднихъ вѣковъ. Позволю себѣ и болѣе обвинить Озерова: невѣрный блюститель истины въ изображенiи историческаго Димитрiя, онъ не избѣгаетъ справедливой укоризны и за Димитрiя, созданнаго его воображенiемъ. Предупреждая, такъ сказать, обвиненiе критики, трагикъ влагаетъ въ уста Бренскаго, Бѣлозерскаго, Смоленскаго и самой Ксенiи рѣшительный приговоръ осужденiя поступкамъ Димитрiя, законнымъ во всякое другое время, но преступнымъ въ день боя, когда отечество, требуя жертвы его страсти и обиженнаго самолюбiя, ожидаетъ отъ него своего освобожденiя. Не унижается ли достоинство Димитрiя, когда Ксенiя, не менѣе его страстная, находитъ довольно мужества въ душѣ, чтобы заглушить голосъ любви, и произвольною жертвою не укоряетъ ли она его въ постыдномъ малодушiи?.. Самый соперникъ Димитрiя не исторгаетъ ли невольную дань уваженiя, отказываясь отъ руки Ксенiи, и не долженъ ли признаться каждый зритель вмѣстѣ съ Димитрiемъ, что онъ превзошелъ его?“ [103]).

Но современникамъ Озерова трагедiя все-таки очень понравилась. Понравилась, во-первыхъ, личность Ксенiи. Правда, типъ ея, какъ древне-русской дѣвушки, не выдержанъ: она употребляетъ модныя при Озеровѣ слова: „чувствительность“ и „чувствительный“; въ ея протестѣ противъ семейнаго деспотизма много смѣлости: она не только жалуется на свое женское безправiе, но и хочетъ самовольно уйти въ монастырь. Да и въ

самой жалобѣ ея есть уже мысль о женскихъ *правахъ*, мысль о нарушеніи этихъ правъ. Ея протестъ, стало быть, основанъ не на одномъ непосредственномъ чувствѣ, какъ протестъ женщины въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, но и на разсудочности, на понятіи о справедливости. Она, изливая душу въ бесѣдѣ съ своей наперсницей, Избраной, говоритъ:

Подъ игомъ у татаръ мы заняли ихъ нравы,
И пола нашего межъ насъ ничтожны правы;
Родимся, чтобы несть въ терпѣніи яремъ
Въ дому родительскомъ, въ супружествѣ своемъ,
Которое всегда отцовъ рѣшится властью
И рѣдко счастливо четы взаимной страстью.

Въ этомъ отношеніи Ксенія является скорѣе женщиной Озеровскаго времени, а не типомъ XIV в. Но зрителей не могла не тронуть ея нѣжная, чувствительная душа, и Ксенія должна была вызывать состраданіе, какъ жертва женскаго безправія, и должна была увлекать, какъ лицо въ высокой степени драматическое, поставленное между любовью и долгомъ, что и отмѣчено въ стихахъ Батюшкова:

Я видѣлъ Ксенію, стенящу предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной;
Боренье всѣхъ страстей, въ ней къ ужасу сліянно...

Особенно сильное впечатлѣніе должно было производить то мѣсто, гдѣ Ксенія, отдавая себя Тверскому, восклицаетъ (Д. IV, явл. 4):

Въ бѣдахъ отечества что значитъ жизнь моя!

Наконецъ симпатичны въ ней ея глубокое религіозное чувство и высокое понятіе о бракѣ. Бесѣдуя съ той же Избраной, она, имѣя въ виду, что брачный обрядъ соединенъ съ обѣтомъ любви,—а къ Тверскому она ея не чувствуетъ,—говоритъ (Д. II, явл. 1):

Нѣтъ, клятвою такой у брачныхъ алтарей
Языкъ бы мой солгалъ предъ небомъ и землей,
И произнесть ее во мнѣ не будетъ силы.

Далѣе, объясняясь съ Тверскимъ, она развиваетъ передъ нимъ мысль о необходимости любви при брачномъ союзѣ (Д. II, явл. 3):

Взаимная любовь въ немъ счастье утверждаетъ
И узы брачныя весельемъ облегчаетъ.
Но безъ нея, увы! для связанныхъ сердецъ
Союзъ—какъ тяжка цѣпь, и бракъ—терновъ вѣнецъ,

Вѣнецъ вздыханія и долгой муки лютой,
Котора кончится лишь смертною минутой!
И я бъ коварною передъ тобой была,
Когда бъ за страсть твою во храмъ тебѣ несла
И руку трепетну и сердце чувствомъ хладно,
И въ домъ бы твой ввела прискорбье безотрадно.

Этому, конечно, не противорѣчитъ то, что Ксенія впослѣдствіи отдаетъ свою руку Тверскому: это она дѣлаетъ, принося себя въ жертву отечеству и желая спасти Димитрія, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣясь заглушить въ себѣ любовь къ нему, хотя, какъ оказалось, надежда эта обманула ее. Но въ то время, когда она отдавала руку Тверскому, она рѣшилась бороться съ своимъ чувствомъ. „Мой долгъ, природы стонъ велитъ, чтобъ гласъ любви умолкъ“, говорила она тогда, надѣясь на твердость своей воли. И авторъ трагедіи трогательно изображаетъ дальнѣйшее драматическое положеніе Ксеніи, когда она, слушая на полѣ битвы вѣсти о Димитріи, убѣждается, что вовсе не перестала любить его. Она мучится этимъ открытіемъ и, предполагая Димитрія погибшимъ, говоритъ Тверскому (Д. V, явл. 5):

Ахъ, слезъ моихъ не сокрываю!
Тебя, о государь, я ими оскорбляю;
Карай виновницу во гнѣвѣ ты своемъ!
Но и подъ гнѣвомъ симъ и подъ твоимъ мечомъ
Скажу, что, слово давъ, тебѣ я измѣняла;
Что я Димитрія любить не преставала;
Обманывала всѣхъ: его, князей, тебя,
И небо, и людей, и самое себя.
Пускай преступницу рука твоя сражаетъ,
Когда отчаянье меня не убиваетъ!

Но на успѣхъ трагедіи еще больше вліяли патріотическія въ ней тирады. Она появилась на сценѣ въ 1807 г. — и борьба Димитрія съ Мамаемъ невольно напоминала русскому обществу борьбу Александра съ Наполеономъ. Такія мѣста, какъ рѣчь Димитрія въ совѣтѣ князей:

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный... и т. д.,

какъ отвѣтъ его ханскому послу:

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана... и т. д.

или какъ та рѣчь, которую Димитрій произноситъ, рѣшившись вступить въ бой съ Мамаемъ, — все это возбуждало сильнѣйшій восторгъ зрителей. Вотъ эта послѣдняя рѣчь:

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не преживемъ, друзья, надежды лестной той,
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ.
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и, въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались,
И праху мыслію потомки поклонялись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ!
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ знаменитый!
И коль свободы днесь мы слабою защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,—
Хотимъ себя въ его паденьи погребсти...

И не одни эти мѣста, а все, что могло дѣйствовать на патріотическое чувство, вызывало громъ рукоплесканій. Но послушаемъ разсказъ очевидца—Жихарева. Вернувшись 13 января съ генеральной репетиціи, онъ записалъ въ свой дневникъ:

„Я въ восторгѣ! У насъ не слыхано и не видано такой театральной пьесы, какою завтра Озеровъ будетъ потчевать публику. Роль Димитрія превосходна отъ перваго до послѣдняго стиха. Какое чувство и какія выраженія! Въ роляхъ Ксеніи, князя Бѣлозерскаго и Тверского есть мѣста восхитительныя, а поэтическій разсказъ боярина о битвѣ съ татарами и единоборствѣ Пересвѣта съ Темиромъ и Димитрія съ Челубеемъ превосходитъ все, что только есть замѣчательнаго въ этомъ родѣ. Оттого ли, что стихи въ трагедіи мастерски приноровлены къ настоящимъ политическимъ обстоятельствамъ, или мы всѣ вообще теперь еще глубже проникнуты чувствомъ любви къ государю и отечеству, только дѣйствіе, производимое трагедіею на душу, невообразимо... Я плакалъ, какъ ребенокъ; да и не я одинъ: мнѣ показалось, что и самъ Яковлевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей роли какъ будто захлебывался и глоталъ слезы“.

На другой день послѣ перваго представленія (15-го янв.) Жихаревъ писалъ:

„Вчера, по возвращеніи изъ спектакля, я такъ былъ взволнованъ, что не въ силахъ былъ приняться за перо, да признаться и теперь еще опомниться не могу отъ тѣхъ ощущеній, которыя вынесъ съ собою изъ театра. Боже мой, Боже мой! Что это за трагедія „Димитрій Донской“, и что за Димитрій — Яковлевъ! Какое дѣйствіе производилъ этотъ человѣкъ на публику — это непостижимо и невѣроятно! Я сидѣлъ въ креслѣ, и не могу отдать

отчета въ томъ, что со мною происходило. Я чувствовалъ стѣсненіе въ груди; меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то въ ознобъ, то въ жаръ; то я плакалъ навзрыдъ, то апплодировалъ изъ всей мочи, то барабанилъ ногами по полу — словомъ, безумствовалъ, какъ безумствовала впрочемъ и вся публика"...

Подробно описывая представленіе, Жихаревъ говоритъ и о самомъ его началѣ.

„Яковлевъ открылъ сцену. Съ перваго произнесеннаго имъ стиха: «Россійскіе князья, бояре» и проч. мы всѣ обратились въ слухъ, и общее вниманіе напряглось до такой степени, что никто не смѣлъ пошевелиться, чтобъ не пропустить слова; но при стихѣ:

> Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время!

вдругъ раздались такія рукоплесканія, крики *браво* и проч., что Яковлевъ принужденъ былъ остановиться. Этотъ шумъ продолжался минутъ пять и утихъ не надолго. Едва Димитрій, въ отвѣтъ князю Бѣлозерскому, склонявшему его на миръ съ Мамаемъ, произнесъ:

> Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестный!

шумъ возобновился съ большею силою. Но надобно было слышать, какъ Яковлевъ произнесъ этотъ стихъ! Этимъ однимъ стихомъ онъ умѣлъ выразить весь характеръ представляемаго имъ героя, всю его душу и, можетъ быть, свою собственную... Я не могу запомнить всѣхъ прекрасныхъ стиховъ въ сценѣ Димитрія съ посломъ Мамаевымъ; однакожъ, благодаря таланту Яковлева, нѣкоторые какъ бы насильно врѣзались въ память, какъ напр.

> Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
> Что Богу русскій князь покоренъ одному;

или:

> Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
> Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой!"

Продолжая свой разсказъ, авторъ дневника свидѣтельствуетъ, что всѣ подобные стихи „производили въ публикѣ восторгъ неописанный". „Но",— говоритъ онъ,— „въ послѣдней сценѣ трагедіи, когда, послѣ побѣды надъ татарами, Димитрій, израненный и поддерживаемый собравшимися вокругъ его князьями, становится на колѣни и произноситъ молитву:

> Но первый сердца долгъ къ Тебѣ, Царю царей!
> Всѣ царства держатся десницею твоей:
> Прославь, и утверди и возвеличь Россію!
> Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливу вью,
> Чтобъ съ трепетомъ сказать иноплеменникъ могъ:
> Языки, вѣдайте—великъ россійскій Богъ!

Яковлевъ превзошелъ самъ себя. Какое чувство и какая истина въ выраженіи! Конечно, ситуація сама по себѣ возбуждаетъ интересъ, стихи безподобные; но играй роль Димитрія не Яковлевъ, а другой актеръ, я увѣренъ, эти стихи не могли бы никогда такъ сильно подѣйствовать на публику. Зато и она сочувствовала великому актеру и поняла его: я думалъ, что театръ обрушится отъ ужасной суматохи, произведенной этими послѣдними стихами".

Затѣмъ, сказавъ нѣсколько горячихъ словъ о Семеновой въ роли Ксеніи, Жихаревъ говоритъ о всеобщемъ восторгѣ, съ какимъ былъ выслушанъ разсказъ боярина о битвѣ—разсказъ, начинающійся такими стихами:

Рука Всевышняго отечество спасла!..
Кто сильный устоитъ противу сей десницы!
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душой среди самихъ побѣдъ,
И гордый, какъ скала кремнистая, падетъ!...

Этому началу соотвѣтствуетъ и конецъ разсказа—послѣдніе два стиха его, изображающіе бѣгство татаръ и побѣду надъ ними, два стиха, которые, по свидѣтельству Жихарева, произвели особенное впечатлѣніе:

Имъ степь широкая — какъ узкая дорога,
И русскій въ полѣ сталъ, хваля и славя Бога! [104])

Весь этотъ разсказъ Жихарева имѣетъ для насъ важное историческое значеніе: это — прекрасная иллюстрація настроенія общества того времени. Къ ней можно присоединить еще и отзывъ знаменитаго въ свое время актера Ив. Аѳ. Дмитревскаго. У Державина, 18-го января, за обѣдомъ, разговорились о „Димитріи Донскомъ", о которомъ въ тѣ дни говорилъ и весь городъ. „На вопросъ Гаврила Романовича Дмитревскому", — разсказываетъ тотъ же Жихаревъ,—„какъ онъ находитъ эту трагедію въ отношеніи къ содержанію и вѣрности исторической, Иванъ Аѳанасьевичъ отвѣчалъ, что, конечно, вѣрности исторической нѣтъ, но что она написана прекрасно и произвела удивительный эффектъ. «Не о томъ спрашиваю», сказалъ Державинъ: «мнѣ хочется знать, на чемъ основался Озеровъ, выведя Димитрія влюбленнымъ въ небывалую княжну, которая одна одинехонька прибыла въ станъ и, вопреки всѣхъ обычаевъ тогдашняго времени, шатается по шатрамъ княжескимъ и разсказываетъ о любви своей къ Димитрію».— «Ну, конечно», отвѣчалъ Дмитревскій, «иное и не вѣрно, да какъ быть! Театральная вольность, а къ тому же и стихи прекрасные: очень эффектны». Державинъ замолчалъ, а Дмитревскій, какъ бы

опомнившись, что не прямо отвѣчалъ на вопросъ, продолжалъ: «Вотъ изволите видѣть, ваше высокопревосходительство, можно бы сказать и много кой-чего насчетъ содержанія трагедіи и характеровъ дѣйствующихъ лицъ, да *обстоятельства не тѣ, чтобъ критиковать такую патріотическую пьесу*, которая явилась такъ кстати и имѣла неслыханный успѣхъ»" [105]).

Изъ отзывовъ современниковъ мы видимъ, что они чрезвычайно хвалили стихи Озерова. Это совершенно понятно; но замѣчательно, что стихъ Озерова не утратилъ своего достоинства и для нѣкоторыхъ гораздо позднѣйшихъ критиковъ. Араповъ, авторъ „Лѣтописи русскаго театра", говорилъ въ 1861 г.: „Стихъ Озерова самый гармоническій, подходящій къ впечатлительнымъ стихамъ Расина; нынѣ уже никто не пишетъ александрійскими стихами; у новаго поколѣнія драматическихъ писателей эти стихи замѣнилъ пятистопный ямбъ; этотъ родъ стихотворства, конечно, легче, но зато много слабѣе" [106]).

Послѣдняя трагедія Озерова: „Поликсена", представленная въ первый разъ 14 мая 1809 г., хотя и имѣла успѣхъ, но меньшій въ сравненіи съ тремя предшествовавшими трагедіями.

Сюжетъ ея взятъ изъ трагедіи Эврипида: „Гекуба", изображающей страданія этой жены Пріама, отъ которой требуютъ, чтобы она выдала дочь свою Поликсену для принесенія ея въ жертву Ахиллу на могильномъ его холмѣ. Поликсена Эврипида—дѣйствительно изящное созданіе: это—нѣжная и въ высокой степени стыдливая дѣвушка, но вмѣстѣ и гордая дочь царя, сознающая свое царское достоинство: она идетъ на смерть охотно, потому что смерть избавляетъ ее отъ рабства и униженія, несовмѣстныхъ, по ея понятію, съ ея царскимъ происхожденіемъ и оскорбляющихъ ея гордость. Но ей приходится бороться съ чувствомъ любви къ матери, съ чувствомъ той тоски и даже ужаса, которое овладѣваетъ ею, когда она представляетъ себѣ участь Гекубы, лишившейся своей Поликсены.

У Озерова Поликсена иная: чувство любви къ матери борется въ ней не съ страхомъ рабства и униженія, а съ любовью къ своему мертвому жениху—Ахиллу, о которомъ она тоскуетъ, и идетъ охотно на смерть потому, что видитъ въ ней средство скорѣе соединиться съ нимъ въ царствѣ тѣней. Къ тому же у Озерова она дѣвушка мечтательная, и, желая облегчить страданія матери, она пробуетъ утѣшить ее именно своими мечтами о женихѣ (Д. II, явл. 5):

Утѣшься мыслію, что дочь твоя въ сей день
Супруга своего увидитъ милу тѣнь!
Вообрази себѣ, когда я смерть пріемлю,
Что въ дальнюю меня ты отпустила землю,
Гдѣ избранный женихъ, гдѣ вѣрный мнѣ Ахиллъ
Всю прежнюю любовь къ невѣстѣ сохранилъ;
Что мечъ губительный свершитъ союзъ нашъ брачный,
Что ложемъ радостей мнѣ гробъ предстанетъ мрачный,
Что я отъ бурь мірскихъ укрылася туды,
Гдѣ настаетъ покой, гдѣ кончатся труды!—

говоритъ она, на что Гекуба ей отвѣчаетъ:

Ты, дочь жестокая, мнѣ сердце раздираешь:
Такъ, вижу я теперь, что смерти ты желаешь;
Что, тлѣя внутренно отъ страстнаго огня,
Покинуть на землѣ желаешь ты меня...

Внеся въ трагедію романическую любовь, Озеровъ внесъ въ нее и такія несвойственныя древнегреческой жизни черты, какъ, напримѣръ, обычай любовниковъ становиться на колѣни передъ своими возлюбленными. Поликсена у него, вспоминая объ Ахиллѣ, говоритъ (Д. I, явл. 1), что и она была счастлива, когда видѣла у своихъ *ногъ* непобѣдимаго вождя, столь грознаго для всѣхъ и столь нѣжнаго къ ней. Да и дальше она употребляетъ выраженіе, напоминающее позднѣйшіе чувствительные романы. Я — говоритъ она — казалась тогда „въ сіяніи лучей, Ахилломъ приданныхъ любовницѣ своей".

Измѣнены Озеровымъ и другіе характеры. Его Гекуба, видя смерть Поликсены, приходитъ въ полное отчаяніе, тогда какъ въ душѣ Еврипидовой Гекубы въ этотъ моментъ, кромѣ печали, нашлось мѣсто и высокому восторгу, возбужденному видомъ мужественной смерти дочери. Она говоритъ ей: „О дочь моя! я навсегда сохраню въ памяти и буду оплакивать твой печальный жребій; но твое благородное мужество смягчило нѣсколько мое несчастіе и горе". Пирръ, сынъ Ахилла, требующій Поликсену, какъ жертву для успокоенія тѣни своего отца, у Озерова изображенъ ложноклассическимъ злодѣемъ, преисполненнымъ враждебныхъ чувствъ къ Поликсенѣ.

Эврипидъ былъ не единственнымъ источникомъ для „Поликсены" Озерова: на нее имѣли вліянія „Iphigénie" Расина и еще болѣе—трагедія Сенеки: „Troades", гдѣ Поликсена является именно въ той окраскѣ, въ которой изобразилъ ее Озеровъ: она тоскуетъ по мертвомъ женихѣ и томится жизнью. У Сенеки же

введенъ и споръ Агамемнона съ Пирромъ, не существующій у Эврипида, но занимающій видное мѣсто у Озерова.

Хотя эта трагедія Озерова и написана холоднѣе трехъ ей предшествовавшихъ, но все же и въ ней есть достаточно элемента чувствительности, который такъ нравился зрителямъ.

Трагедія заканчивается стихами, вложенными авторомъ въ уста старца Нестора:

Счастливъ, кто въ гробъ скорѣй отъ жизни удалится,
Счастливѣе стократъ, кто къ жизни не родится!

Въ этихъ стихахъ—говоритъ кн. Вяземскій — „мы слышимъ отголосокъ души поэта. Обманувшійся во многихъ надеждахъ, растерзанный въ живѣйшихъ чувствахъ сердца, онъ взоромъ разочарованнымъ глядѣлъ на жизнь и съ удовольствіемъ думалъ о смерти, спокойномъ убѣжищѣ утомленныхъ странниковъ земли. Сіи стихи, послѣдніе изъ извѣстныхъ, оставшихся по немъ, какъ пѣснь лебедя, предсказывающая его кончину, скрываютъ тайное предчувствіе ужасной судьбы, омрачившей западъ жизни чувствительнаго поэта“. [107]).

———

Всѣ трагедіи Озерова принадлежатъ къ разряду ложноклассическихъ: наперсники, наперсницы, разсказы вѣстниковъ, трагическіе злодѣи, дѣленіе на пять актовъ (кромѣ „Фингала“), длинныя рѣчи дѣйствующихъ лицъ, высказываемыя ими сентенціи, нравоучительный элементъ, наконецъ, изображеніе предметовъ не въ надлежащей истинѣ—все это обычныя черты ложноклассической трагедіи. Къ тому же Озеровъ не только писалъ по французскому шаблону, но и дѣлалъ частыя заимствованія изъ французскихъ трагедій (Дюси, Расина, Вольтера). И при всемъ томъ Галаховъ вѣрно замѣтилъ, что до появленія „Бориса Годунова“ Озеровъ былъ у насъ лучшимъ авторомъ трагедій [108]). Онъ внесъ въ нашъ театръ воодушевленіе, какого до него тамъ не было; въ его пьесахъ много трогательныхъ сценъ, возбуждавшихъ въ душѣ зрителей жалость и умиленіе, въ особенности тамъ, гдѣ появляется нѣжная, чувствительная и любящая женская личность; многія мѣста его трагедій проникнуты истинной поэзіей, до которой не возвышались ни Сумароковъ ни Княжнинъ, которыхъ Озеровъ превзошелъ и какъ стихотворецъ. Пыпинъ говоритъ, что стихъ его „искусственъ и часто тяжелъ“ [109]). Но эта оцѣнка— не съ исторической точки зрѣнія: если сравнивать стихъ Сумарокова и Озерова, то послѣдній покажется вовсе не тяжелымъ,

а въ большинствѣ случаевъ даже пріятнымъ. Вообще надо сказать, что современники не даромъ же цѣнили Озерова, и даже Пушкинъ, который, по свидѣтельству кн. Вяземскаго, не любилъ произведеній этого драматурга, и тотъ, сказавши въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, что Озеровъ дѣлилъ съ Семеновой „*невольны* дани народныхъ слезъ, рукоплесканій“, этимъ словомъ: *невольны* призналъ за нимъ нѣкоторыя достоинства. Самая чувствительность у Озерова не расплывчатая, не крайняя: она достаточно сдержанная, а между тѣмъ какое оказывала она дѣйствіе на зрителей! Капнистъ, увидя „Эдипа“, писалъ къ автору:

Эдипа видѣлъ я... и чувство состраданья
Поднесь въ растроганной душѣ моей хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ.
Еще мнѣ слышатся несчастнаго стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ.
Еще въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль, и раздаются стоны...
Благодарю тебя, чувствительный пѣвецъ!
Въ душѣ твоей, сыскавъ волшебный ключъ сердецъ,
И жалость возбудя къ четѣ, гонимой рокомъ,
Ты далъ почувствовать отраднымъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зрителей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человѣкъ.

Правда, нѣкоторые новѣйшіе критики не хотятъ признавать за сентиментализмомъ смягчающаго значенія. Они говорятъ: „вѣдь слезы, пролитыя надъ Лизинымъ прудомъ, нисколько не мѣшали сентиментальнымъ помѣщикамъ и помѣщицамъ отсылать крестьянъ на конюшню для производства надъ ними экзекуціи“ [110]). Но гдѣ та статистика, на основаніи которой мы можемъ опредѣлить, кто именно „дралъ“, и сколько было лицъ, которыя оба дѣла дѣлали: и надъ бѣдной Лизой слезы проливали и крестьянъ своихъ „драли“?

Галаховъ, какъ извѣстно, находитъ въ трагедіяхъ Озерова нѣкоторую долю романтизма. „Мечтательность и грусть Моины, ея отношеніе къ Фингалу, равно какъ сцены Димитрія съ Ксеніей, воспоминанія Поликсены объ Ахиллѣ—всѣ эти скорбныя жалобы на невѣрность земного счастія, идеальныя ожиданія будущаго блага, въ замѣну блага утраченнаго, не что иное, — говоритъ онъ,—какъ элементы романтической поэзіи“ [111]).

Мѣстами въ трагедіяхъ Озерова разсыпаны либеральныя мысли современной ему эпохи. Такъ, мы встрѣчаемъ у него

протестъ противъ семейнаго деспотизма, какъ встрѣчаемъ его и въ „Бурсакѣ" Нарѣжнаго [112]). Одно мѣсто съ такимъ протестомъ, находящееся въ „Д. Донскомъ", мы уже приводили [113]); а вотъ тамъ же и другое: Димитрій говоритъ (Д. III, явл. 2):

Обидными чту нравы,
Которы дѣлаютъ тирановъ изъ отцовъ
И вводятъ ихъ дѣтей въ роптаніе рабовъ.

Вотъ еще мысли о справедливости и законности:

Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество не можетъ и вселенна.
(Эд. Д. I, явл. 4).
Но царства тверды тѣ, которы справедливы.
(Эд. Д. II, явл. 3).
На правосудіи лежитъ верховна власть.
(Яр. и Ол. Д. I, явл. 1).

Трагедія Плавильщикова: „Ермакъ" и высказанныя въ ней мысли автора. — Трагедія Крюковскаго: „Пожарскій", какъ высокая степень проявлешя патріотическаго настроенія лица, ее написавшаго. — Обѣ названныя трагедіи— тоже характеристика эпохи. — „Михаилъ, князь Черниговскій" С. Глинки и другія трагедіи патріотическаго направленія. — Трагедіи съ сюжетами изъ міра классическаго.— Трагедіи съ сюжетами библейскими. — Характеристика русскаго народа въ трагедіи Державина: „Евпраксія".

Мы уже говорили, что до „Бориса Годунова" трагедіи Озерова были у насъ лучшими какъ въ сценическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Однако интересно заглянуть и въ трагедіи другихъ авторовъ Александровской эпохи: что же именно представляютъ онѣ собою?

Еще въ 1803 г. (13 февр.) появилась на сценѣ трагедія Плавильщикова: „Ермакъ, покоритель Сибири", въ 5 дѣйствіяхъ. Вопреки обычаю, написана она не александрійскими стихами, а прозой. Главныя лица — Ермакъ (котораго игралъ самъ Плавильщиковъ), сибирскій царь Кучумъ, дочь его—Ирта, и сынъ казацкаго гетмана—Сагдай. Исторической вѣрности искать тутъ нечего: трагедія преслѣдуетъ свои цѣли: патріотическую и нравственную. Содержаніе ея состоитъ въ слѣдующемъ. Ермакъ взялъ въ плѣнъ Ирту—и влюбился въ нее, а она влюбилась въ Ермака. Кучумъ упрекаетъ дочь въ забвеніи долга относительно своей родины, въ силу котораго Ирта должна не любовью пылать къ Ермаку, а убить его. Ермакъ, изображенный у Плавильщикова благороднымъ и великодушнымъ рыцаремъ, отпускаетъ Ирту къ отцу. Кучумъ,

также представленный человѣкомъ, исполненнымъ благородства, оцѣниваетъ великодушный поступокъ Ермака, но, какъ патріотъ, не можетъ съ нимъ не сражаться. Онъ говоритъ Ермаку (Д. II, явл. 6): „въ рукахъ моихъ будетъ мечъ противъ тебя, а въ душѣ моей почтеніе къ тебѣ“. Между тѣмъ Сагдай измѣняетъ Ермаку и переходитъ на сторону Кучума. Благородный Кучумъ, презирая измѣнничество, заковываетъ перебѣжчика въ цѣпи и отправляетъ къ Ермаку. Происходитъ сраженіе. Ирта, подчиняя себя чувству долга, переодѣвается воиномъ, принимаетъ участіе въ битвѣ и нападаетъ на Ермака. Ермакъ уже занесъ мечъ надъ нею, но, какъ бы угадывая въ юномъ воинѣ Ирту, останавливаетъ ударъ свой. Кучумъ, еще разъ видя великодушіе русскаго героя, отдается во власть его. Ермакъ послѣ этого говоритъ ему: „Здѣсь нѣтъ враговъ: здѣсь одинъ народъ, подвластный единому царю россійскому... Кучумъ! прославь вмѣстѣ съ нами великое имя его. Подъ скиптромъ его покой оградитъ твое царство, и ты со всѣмъ народомъ твоимъ вкусишь всю сладость благотворящія власти его“. Кучумъ проситъ Ермака научить его познать Бога, и отдаетъ ему Ирту въ супружество.

Трагедія эта есть проповѣдь великодушія, благородства и гуманности. Изъ устъ Ермака часто исходятъ рѣчи о необходимости уважать человѣческое достоинство. Бесѣдуя съ Сагдаемъ, онъ говоритъ ему: „Молодой человѣкъ! научись отъ меня, какъ должно почитать достоинство и человѣка“ (Д. I, явл. 3). Видя Сагдая въ цѣпяхъ, Ермакъ съ чувствомъ отвращенія къ этой эмблемѣ рабства восклицаетъ: „Цѣпи, этотъ позоръ человѣчества, не могутъ отягчать никого въ глазахъ моихъ... Снимите съ него оковы!“ (Д. IV, явл. 5).

Высказываетъ Ермакъ мысли и такого рода: думая бить челомъ царю царствомъ сибирскимъ, онъ говоритъ своему приближенному: „Государь за услугу мою выслушаетъ меня. Я открою ему обманъ, которымъ вельможи, обольстя его, подтачиваютъ, какъ жадные черви, его царство. Если царь, услыша голосъ правды, истребитъ льстецовъ и притупитъ жало злоупотребительнаго начальства... пусть тогда казнитъ меня. Эта казнь принесетъ мнѣ болѣе торжества и славы, нежели всѣ побѣды“.

Нельзя не отмѣтить и слѣдующихъ словъ Ермака, въ которыхъ также слышится голосъ самого Плавильщикова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ его современниковъ. Я разбойникъ, — говоритъ Ермакъ,—но никогда никого не умерщвлялъ, „кромѣ сихъ

пьявицъ иностранныхъ, которыя, подобно саранчѣ, бѣгутъ поядать цвѣтущее отечество наше" (Д. I, явл. 1) [114]).

Патріотическое настроеніе, охватившее русское общество во время столкновенія съ Наполеономъ, отразилось во многихъ произведеніяхъ тогдашней нашей литературы, не исключая и трагедіи. Такимъ настроеніемъ проникнута пьеса Озерова: „Димитрій Донской", но не меньше,—если не еще болѣе,—проникнута имъ и трагедія Крюковского: „Пожарскій", появившаяся на сценѣ почти вслѣдъ за упомянутымъ произведеніемъ Озерова: въ первый разъ она была дана 22 мая 1807 г. Авторъ ея, молодой человѣкъ (1781—1811), воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса, уступалъ Озерову въ силѣ литературнаго таланта, но не въ силѣ патріотическаго чувства.

Дѣйствующія лица въ трагедіи Крюковского—князь Пожарскій, супруга его—Ольга, малолѣтній сынъ—Георгій, гражданинъ Мининъ, гетманъ Заруцкій и другія второстепенныя лица. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ во время междуцарствія и продолжается „нѣсколько часовъ".

Трагедія эта, состоящая изъ трехъ дѣйствій, написанныхъ александрійскими стихами, полна патріотическихъ сценъ и изліяній. Въ первомъ же дѣйствіи (во 2-мъ явл.) появляется Пожарскій и, грустно взглянувъ на Москву, произноситъ свой монологъ:

Любви къ отечеству сильна надъ сердцемъ власть!
Россійскихъ воиновъ она едина страсть.
То чувство пылкое, творящее героя,
Покажемъ скоро мы среди кровава боя.
Похищенно добро намъ время возвратить!...

Жихаревъ, бывшій на представленіи 22-го мая, разсказываетъ, что при первомъ стихѣ (Пожарскаго игралъ Яковлевъ) „театръ затрещалъ отъ рукоплесканій"; но при слѣдующихъ „начались топанья и стучанья палками и раздались крики: «браво! браво!» до такой степени оглушительные, что Яковлевъ принужденъ былъ оставаться минуты съ двѣ неподвижнымъ и безгласнымъ. Съ такимъ восторгомъ приняты были почти всѣ стихи въ его роли, которая состоитъ изъ афоризмовъ и декламацій о любви къ отечеству" [115]).

Далѣе Пожарскій говоритъ:

Служа отечеству, со славой умирать
Не жертва тщетная, а праведная плата.
Не крови дорога россіянамъ утрата,
Но чести! Что намъ жизнь, когда ей спутникъ стыдъ;

Когда въ ней слабости являть все будетъ видъ?
Погибни лучше все,—и градъ, порабощенный
Въ отеческой странѣ рукой иноплеменной,
Готовъ разрушить я, въ прахъ зданія попрать,
Во храмы бросить огнь и пламенемъ объять
Ихъ гордыя главы, что въ золотѣ сіяютъ
И блескъ прошедшаго величія являютъ:
Да пеплъ родимыхъ стѣнъ потомству возвѣститъ,
Что славу россъ свою всѣхъ выше благъ цѣнитъ!

Обращаясь къ Заруцкому, который тянетъ на сторону Владислава, Пожарскій рисуетъ ему картину бѣдствій Русской земли, виновниками которыхъ были поляки.

Ты обрати свой взоръ на храмы опаленны,
Селенья выжженны, поля опустошенны;
На добытый трудомъ расхищенный запасъ,
Что долженъ былъ питать въ сурову зиму насъ;
На разоренныя убѣжища невинны,
И бѣдный гдѣ хранилъ права гостепріимны:
Не ихъ ли то дѣла? не ихъ ли даръ суровъ?
Убогой хижины они развѣя кровъ
И удаливъ жену отъ вѣрнаго супруга,
Отторгли буйственно оратая отъ плуга;
Луга притоптаны увяли-въ красотѣ;
Оставленъ пеплъ одинъ въ наслѣдство сиротѣ!

И сейчасъ же послѣ этого Пожарскій, а вѣрнѣе сказать—самъ Крюковской, говоритъ въ духѣ Растопчинскаго Силы Андреевича Богатырева:

Они и въ сердце намъ разврата ядъ вливаютъ,
И нравы нѣгою постыдной разслабляютъ.
Обычай суетный почто перенимать
И рабски чуждому примѣру подражать?
Не пользу отъ сего, какъ мыслятъ, обрѣтаемъ,
Но русскій духъ въ мѣнѣ той низкой мы теряемъ.

Тотъ же протестъ противъ чужеземщины вложенъ авторомъ и въ уста начальника дружины Пожарскаго.

Не любо, государь, что въ русскую страну
Стараются вводить опасну новизну!—

говоритъ онъ князю (Д. II, явл. 4).

И бѣдствія Русской земли и порча нравовъ подъ иностраннымъ вліяніемъ заставляютъ Пожарскаго произнести слѣдующее обращеніе къ Россіи:

О Русская земля! отечество драгое!
Узримъ ли время мы опять твое златое?

Заставимъ ли врага, какъ прежде, трепетать?
Коварны замыслы успѣемъ ли попрать?
И водворимъ ли вновь въ сердцахъ доброты рѣдки,
Что завѣщали намъ въ залогъ почтенны предки?

Въ 4-мъ явленіи появляется Мининъ и тоже говоритъ патріотическія рѣчи, напримѣръ:

И птица разорять гнѣздо свое претитъ,
А мы, которыхъ грудь къ отечеству горитъ
Любовью пламенной, Россіи вѣрны дѣти,
Ужель дадимъ ее злымъ хищникамъ подъ сѣти?
Усердье, что хранимъ въ ретивыхъ мы сердцахъ,
Старалися явить во скудныхъ сихъ дарахъ,—

говоритъ онъ и указываетъ на собранныя имъ пожертвованія.

Далѣе начинается приготовленіе къ приступу, и Пожарскій проситъ клясться, что будутъ всѣ

Врагомъ считать того, кто, дѣйствуя по страсти,
Коварствомъ достигать дерзнетъ верховной власти.

Затѣмъ въ своемъ довольно эфектномъ обращеніи къ войску онъ говоритъ между прочимъ: если я паду въ бою, —

Тѣнь грозная моя возстанетъ межъ рядовъ,
И воспалитъ вашъ гнѣвъ и ярость на враговъ.

Во второмъ дѣйствіи является Ольга съ Георгіемъ и проситъ Пожарскаго, чтобы онъ, отправляясь въ бой, благословилъ сына. Отецъ благословляетъ и требуетъ отъ Георгія клятвеннаго обѣщанія

Отвергнуть чуждаго владычества яремъ

и предпочесть этому ярму — смерть. Сынъ клянется исполнить завѣтъ отца. Послѣ этой сцены, которая должна была производить на зрителей сильное впечатлѣніе, Пожарскій обращается къ войску, напоминаетъ ему прежнія побѣды Ярослава Великаго, Донского, Іоанна, и объясняетъ, что теперь дѣло идетъ не о славѣ, а о свободѣ:

Не славы алчемъ мы: отечества свободы;
Жить можно безъ побѣдъ, но льзя ль дышать рабомъ?

Бой начался. Вдругъ Пожарскаго извѣщаютъ, что Заруцкій измѣнилъ: „отступаетъ—и вылазку врагамъ изъ града очищаетъ“, и тутъ же ему приносятъ извѣстіе, что семья его, его родные въ опасности, что надо спѣшить къ нимъ на помощь. Пожарскій, слыша обѣ эти вѣсти, говоритъ:

Родные! Но... Москва не мать ли мнѣ?

и бросается къ Москвѣ. Жихаревъ замѣчаетъ: „Говорятъ, что такого энтузіазма публики, какое произвелъ этотъ стихъ, никто не запомнитъ; и это должно быть справедливо, потому что восторги зрителей при первомъ представленіи «Димитрія Донского», въ сравненіи съ нынѣшними, могутъ назваться умѣренными“ [116]).

Въ третьемъ дѣйствіи Заруцкій, успѣвшій уже взять въ плѣнъ Ольгу съ ея сыномъ, грозитъ обоимъ имъ смертію, если Ольга не упроситъ Пожарскаго снять осаду. Ольга изображена героиней-патріоткой: она и сама хочетъ умереть за свободу отечества и сыну говоритъ:

Мой сынъ, ты, вѣрно, смерть стыду предпочитаешь,
И лучше умереть, чѣмъ измѣнить желаешь?

Георгій отвѣчаетъ:

Готовъ я умереть съ тобой:
Смерть презирать училъ меня родитель мой.

Но Заруцкому не удается выполнить свою угрозу: Пожарскій одерживаетъ рѣшительную побѣду и предлагаетъ на царство — Михаила. Народъ кричитъ: „Ура! ура!“ Трагедія заканчивается рѣчью Пожарскаго, обращенною къ воинамъ:

Въ сей день Богъ силъ
Рукою вашею кичливыхъ сокрушилъ.
Онъ попускаетъ злыхъ мгновенно возвышенье,
Чтобы ужаснѣе содѣлать ихъ паденье:
Какъ дымъ, съ лица земли исчезнетъ ихъ совѣтъ,
И трона хищникъ въ прахъ передъ царемъ падетъ [117]).

И „Ермакъ“ Плавильщикова и „Пожарскій“ Крюковского — трагедіи ложноклассическія и давно уже забытыя; но для историка и онѣ имѣютъ свое значеніе: онѣ — тоже характеристика эпохи. Гуманныя мысли и чувства Плавильщикова, патріотическое настроеніе автора „Пожарскаго“, отношеніе публики къ этой трагедіи, протестъ противъ иноземнаго вліянія — все это черты своего времени. Правда, „Ермакъ“ и „Пожарскій“ не единственные памятники, въ которыхъ отразились указанныя черты,— но чѣмъ чаще видимъ мы ту или другую черту отраженною въ литературѣ данной эпохи, тѣмъ болѣе имѣемъ права считать ее признакомъ этой эпохи, и тѣмъ болѣе придаемъ ей значенія.

Патріотическое настроеніе отразилось и въ нѣсколькихъ другихъ трагедіяхъ Александровской эпохи. Такова, напримѣръ, трагедія С. Глинки: „Михаилъ, князь черниговскій“.

Еще въ 1806 г. Глинка написалъ трагедію: „Сумбека, или паденіе Казанскаго царства“, которая и дана была на сценѣ 7-го мая 1807 г. Печатая это произведеніе, Глинка предпослалъ ему „Посвященіе творцу Россіяды“, гдѣ между прочимъ говоритъ, обращаясь къ Хераскову:

Къ безсмертію себѣ, Казани покоренье
Увѣковѣчилъ ты въ эпическихъ стихахъ:
Какъ въ Римѣ Тассово, твое такъ пѣснопѣнье
Гремитъ у россіянъ въ сердцахъ.
Восхитясь имъ, и я дерзнулъ идти къ Парнассу;
Внимая Мельпомены гласу,
Низверженну во прахъ Казань изобразилъ;
Изобразилъ страстей содѣйствія мятежны
И бѣдствія отъ нихъ державамъ неизбѣжны.

Однако въ этой трагедіи авторъ занятъ главнѣйшимъ образомъ не славой и могуществомъ Россіи, а изображеніемъ любовной страсти казанской царицы Сумбеки къ таврическому князю Осману. Патріотическія мѣста, касающіяся прославленія Іоанна, въ родѣ слѣдующихъ стиховъ, вложенныхъ въ уста Сеита, первосвященника Сумбеки:

Сей царь, котораго у стѣнъ Казани зримъ,
Не принимать — рожденъ предписывать законы,—

встрѣчаются рѣдко. Зато Глинка множество сценъ своей трагедіи наполняетъ изображеніемъ необыкновенно страстной любви Сумбеки—любви, которая, по предсказанію тѣни умершаго мужа царицы — Сафгирея, должна служить причиной гибели Казани. Но Сумбека рѣшительно не хочетъ подчинить себя долгу царицы:

Для ней одинъ законъ: порывъ ея страстей.

Страсти ея разгораются тѣмъ болѣе, что Османъ, представленный у Глинки благороднымъ рыцаремъ, горячо и самоотверженно любитъ Эмиру, воспитанницу Сумбеки, и вовсе не прельщается честью быть мужемъ казанской царицы и правителемъ ея народа. Онъ предлагаетъ Эмирѣ бѣжать съ нимъ и говоритъ ей:

Во мрачныхъ скроемся пустыняхъ и лѣсахъ:
Свѣтъ, жизнь и счастіе—все, все у насъ въ сердцахъ!

Но Осману не удается уйти отъ ревнивой бдительности такой женщины, которая твердитъ ему:

Но вѣчность мнѣ ничто предъ мигомъ тѣмъ однимъ,
Въ который зрѣніемъ питаюся твоимъ.

Сумбека страсти своей не побѣдила — и предсказаніе исполнилось: Казань взята Іоанномъ, а Сумбека закололась [118]).

О правдоподобіи характеровъ говорить не будемъ, такъ какъ читатель и самъ знаетъ, насколько представителямъ татарскихъ ордъ свойственны такіе сентиментальные порывы, каковы у Османа, и такая романичность, какою отличается Сумбека.

Въ 1808 г., Глинка, сдѣлавшись издателемъ „Русскаго Вѣстника“, который долженъ былъ служить къ развитію въ читателяхъ любви къ отечеству и къ добродѣтели, высказываетъ мысль, что такую же цѣль должна имѣть и трагедія. „Любовь къ отечеству и любовь къ добродѣтели должны быть единственно цѣлью драматическаго искусства“,— говоритъ онъ въ своей „Предварительной рѣчи“, помѣщенной въ видѣ предисловія къ трагедіи: „Михаилъ, князь черниговскій“, написанной и изданной въ Москвѣ въ 1808 г. Въ этой же „Предварительной рѣчи“ Глинка ссылается на Руссо и приводитъ изъ его „Эмиля“ слѣдующія слова: „Пусть каждый воспитанникъ читаетъ все то, что напоминаетъ ему объ отечествѣ: въ 10 лѣтъ онъ долженъ знать всѣ происшествія земли своей; въ 12 — всѣ области, всѣ дороги, всѣ города оной; въ 15—всю исторію; въ 16—всѣ законы; пусть въ памяти и душѣ его напечатлѣются всѣ знаменитыя и великія дѣянія его соотечественниковъ; пусть они его поучаютъ, пусть живетъ онъ ихъ бытіемъ“. Понятно послѣ этого, что новая трагедія Глинки должна была принять иное направленіе, чѣмъ „Сумбека“: главнымъ въ ней явилось изображеніе патріотизма и добродѣтелей черниговскаго князя Михаила, его супруги, которую авторъ назвалъ Вельмирой, и его друга—боярина Ѳеодора. Михаилъ во многихъ сценахъ трагедіи произноситъ патріотическія рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ:

Смерть за отечество есть бытіе небесно;
Отечества герой почтется повсемѣстно...
Нужна ли жизнь моя, чтобы спасти Россію, —
Съ веселіемъ ее я принесу Батыю.

Батый требуетъ, чтобы Михаилъ поклонился истукану. Князь рѣшительно отказывается. Батый пробуетъ тогда предлагать Вельмирѣ, чтобы она уговорила супруга исполнить требованіе повелителя Кипчакской орды, иначе — ее должна постигнуть казнь. Вельмира, предпочитая смерть измѣнѣ долгу, отвѣчаетъ:

Быть россіянкою есть мой единый долгъ:
Въ семъ имени мое включилъ все счастье Богъ...
Быть россіянкою — вотъ слава вся моя:
Отъ имени сего не отрекуся я.

Исходя изъ мысли, что „трагическій писатель не историкъ; слѣдственно отъ него нельзя требовать исторической точности“,—

Глинка заканчиваетъ свою трагедію не мученической смертью Михаила, а напротивъ: черниговскій князь, освобожденный изъ темницы своей супругой, убиваетъ Батыя, и пьеса завершается такими словами Михаила:

За мигъ страданія какое счастье вдругъ,
Творецъ людей, своимъ Ты чадамъ посылаешь!
Въ душахъ ихъ, въ совѣсти всечасно Ты вѣщаешь,
Что *россамъ счастіе въ томъ должно полагать,*
Чтобъ русскій край любить и Вѣру сохранять.

Еще два слова о Вельмирѣ. Глинка, какъ извѣстно, находилъ много свѣтлыхъ чертъ въ древнерусской женщинѣ. Идеаломъ ея является у него Вельмира. Характеръ ея сотканъ изъ „небесныхъ свойствъ чувствительности“, изъ любви къ супругу, къ дѣтямъ, къ родинѣ, къ Богу. Въ своей „Предварительной рѣчи“ онъ обращается къ современнымъ ему русскимъ женщинамъ съ такимъ призывомъ: „Послѣдовательницы женъ славянскихъ! вы однѣ можете оживотворить добродѣтели общественныя!“ — Если Глинка, идеализируя древнерусскую женщину, и увлекался; если образъ его Вельмиры и не совсѣмъ соотвѣтствуетъ исторической правдѣ,—то во всякомъ случаѣ это увлеченіе несравненно благороднѣе, чѣмъ то исчисленіе, сколько должна тратить въ годъ великосвѣтская щеголиха, которымъ занимались нѣкоторые „служившіе женщинѣ“ журналы [119]).

Сильное чувство патріотизма отразилось и въ трагедіяхъ: „Ксенія и Темиръ“—Висковатаго и „Покоренная Казань“—Грузинцева.

Суть первой изъ нихъ, появившейся на театрѣ 11-го октября 1809 г., состоитъ въ борьбѣ любви княжны Ксеніи къ татарину Темиру съ ея чувствомъ долга передъ отечествомъ. Ксенія — дочь галицкаго князя Мстислава; родители ея погублены татарами; сама она, вмѣстѣ съ многими русскими, находится въ плѣну у татарскаго князя Темира, брата Батыева. Ксенія и Темиръ влюбляются другъ въ друга. Темиръ изображенъ не татарскимъ героемъ, а вотъ какимъ: онъ, нѣжно и страстно полюбивъ Ксенію говоритъ:

Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу въ ея плачевной долѣ
Моею властію несчастну отягчать!
Стараться буду я любовь ея снискать
Благотворенія великодушнымъ чувствомъ,
И добродѣтели да будутъ мнѣ искусствомъ,
Чтобъ сердце побѣдить прелестныя княжны.
Въ угодность Ксеніи всѣ россы быть должны
Свободны...

И дѣйствительно, Ксенія воспылала страстью къ великодушному герою. Но братъ ея, Всеволодъ, считая Темира своимъ злѣйшимъ врагомъ, упрекаетъ сестру въ любви къ виновнику бѣдствій отечества, и Ксенія начинаетъ мучиться угрызеніями совѣсти, ей кажется, что тѣни убитыхъ родителей „на дочь взоръ гнѣвный мещутъ“, — и она рѣшается принести свою любовь въ жертву патріотическому чувству.

Отечеству себя на жертву приношу,

говоритъ она. Всеволодъ между тѣмъ собираетъ воиновъ; происходитъ битва, и Темиръ смертельно раненъ Всеволодомъ. Ксенія признается умирающему Темиру, что она и не переставала его любить, а только подчиняла свою любовь долгу.

Вѣщай, что я любимъ... пусть сладостный твой гласъ,
Твоя любовь меня въ могилу провождаетъ...

говоритъ Темиръ — и испускаетъ послѣднее дыханіе. Ксенія хочетъ заколоться, но ее останавливаетъ дядя ея — Михаилъ, князь переяславскій.

Но патріотическія мѣста въ трагедіи встрѣчаются главнымъ образомъ въ сценахъ, гдѣ является Михаилъ. Въ первомъ же явленіи перваго дѣйствія онъ говоритъ:

О жизни ли жалѣть, вздыхая безполезно,
Когда вступилъ злой врагъ въ отечество любезно.

Далѣе авторъ влагаетъ въ уста его молитву, напоминающую ту, которую произноситъ Димитрій у Озерова:

О ветхій деньми! Ты, сидящъ въ селеньяхъ горныхъ,
Надежда вѣрная сердецъ Тебѣ покорныхъ!
Тобой одушевясь, отрады вижу лучъ;
Я жду, что на враговъ Твой громъ виситъ изъ тучъ;
Онъ грянетъ, поразитъ ордынцевъ горду выю;
Изъ бѣдства изведешь, прославишь Ты Россію.
Погибнетъ злой Батый.

Напомнивъ воинамъ о томъ, что русскіе вездѣ бились съ татарами до послѣднихъ силъ, предпочитая смерть позору плѣна, Михаилъ восклицаетъ:

О россы! о народъ, ко славѣ въ свѣтъ рожденный!
Прилично ль вамъ терпѣть яремъ иноплеменный?
Вы славой дышите, боготворите честь...
Должны вы громъ метать, а не оковы несть.

Останавливая Ксенію, когда она хочетъ заколоться, Михаилъ произноситъ два стиха, которыми и заканчивается трагедія:

Терпи, несчастная! Ты знаешь россовъ свойство:
Терпѣніе въ бѣдахъ, въ опасностяхъ — геройство [12г].

Трагедія Грузинцева, полное заглавіе которой такое: „Покоренная Казань, или милосердіе царя Іоанна Васильевича IV, проименованнаго Грознымъ“, издана въ Спб. въ 1810 г. Главное лицо въ ней та же Сумбека, но характеръ ея иной: это — „гордый духъ, боязни непричастный“ и исполненный желанія мстить Іоанну за смерть казанскихъ героевъ. Она говоритъ:

Увидитъ Іоаннъ не слезы — мечъ въ десницѣ,
И смертію своей онъ мзду воздастъ царицѣ.

Стремленіе гордой, не выносящей рабства Сумбеки отомстить Іоанну и составляетъ сущность этой трагедіи Грузинцева. Другая ея сторона — это взаимная любовь Сумбеки и друга московскаго царя — ордынскаго князя Алея. Замышляя месть Іоанну, Сумбека требуетъ, чтобы Алей его убилъ. Но Сумбека Грузинцева, въ противоположность Сумбекѣ Глинки, не ставитъ любовь единственной цѣлью своей жизни:

Свидѣтель небо мнѣ, что я вѣрна Алею;
Но если честь велитъ — любовь преодолѣю, —

заявляетъ она ордынскому князю. Алей долгое время находится въ борьбѣ между чувствомъ любви и долгомъ дружбы, но наконецъ уступаетъ требованію владычицы его сердца—и поднимаетъ возстаніе на покорителя Казани. Мятежъ однако укрощенъ, и Сумбека и Алей стоятъ предъ судомъ Іоанна. Первая держитъ себя гордо, второй же страдаетъ отъ угрызеній совѣсти, какъ вѣроломный другъ. Іоаннъ великодушно прощаетъ виновныхъ и говоритъ:

Приближьтесь, воины!.. хочу примѣръ вамъ дать,
Какъ должно за вины преступниковъ карать.
Сумбека, я твое злодѣйство забываю;
Достойна казни ты... и я тебя прощаю!
Алей, будь другомъ мнѣ; ужъ Іоаннъ отмщенъ
Раскаяньемъ твоимъ; мой другъ мнѣ возвращенъ.

Патріотическая сторона трагедіи заключается въ прославленіи могущества Россіи. Вотъ, напримѣръ, начало монолога Іоанна, произносимаго имъ въ первомъ явленіи второго дѣйствія:

Ордынскій рушенъ тронъ, Сумбека покоренна,
Обида двухъ вѣковъ и кровь славянъ отмщенна!
Затмился рдяный зракъ луны восточныхъ странъ.
Россія, торжествуй! твой врагъ лежитъ попранъ!
Возрадуйтесь, отцы полночныя державы,
Своихъ увидя чадъ въ лучахъ гремящей славы!..

Алей, колеблясь еще, измѣнить ли ему Іоанну, или остаться вѣрнымъ, такъ представляетъ себѣ будущее могущество Россіи:

Россія скиптръ простретъ надъ сушей и морями,
На западъ и на югъ положитъ къ славѣ слѣдъ,
Вселенна не вмѣститъ числа ея побѣдъ.

„Сумбека“ и „Михаилъ“ Глинки, „Ксенія и Темиръ“ Висковатаго, „Покоренная Казань“ Грузинцева“—все это трагедіи, написанныя по ложноклассическому шаблону, — съ пятью актами, съ наперсниками, наперсницами и вѣстниками, съ историческими погрѣшностями, — и въ художественномъ отношеніи уступающія не только трагедіямъ Озерова, но даже и пьесѣ Крюковского: „Пожарскій“, которой критика, по ея поэтическому достоинству, отводитъ въ ряду нашихъ ложноклассическихъ трагедій Александровской эпохи первое мѣсто послѣ „Димитрія Донского“ [121]). Но и эти пьесы имѣютъ свою долю интереса для историка, такъ какъ и въ нихъ онъ видитъ отраженіе извѣстнаго настроенія — и притомъ того же самаго настроенія, которое отразилось и во многихъ другихъ литературныхъ памятникахъ того времени, къ которому эти трагедіи относятся.

Гораздо меньшее значеніе имѣютъ тѣ трагедіи, въ которыхъ авторы не отражали своего настроенія. Таковы трагедіи съ сюжетами изъ міра классическаго и съ сюжетами библейскими. Онѣ, лишенныя художественнаго интереса, какъ пьесы слабыя, лишены и интереса историческаго, какъ памятники, не отразившіе ни мыслей ни чувствъ своей эпохи. Къ такимъ произведеніямъ слѣдуетъ отнести, напримѣръ, трагедіи того же Висковатаго: „Иперместра“ и „Ираклиды“. Первая изъ нихъ (изд. въ Спб. въ 1812 г., а на театрѣ давалась уже въ 1811) есть подражаніе французскому писателю Лемьеру, а вторая (изд. въ Спб. въ 1815 г., а на театрѣ давалась уже въ 1814) представляетъ собою плохое подражаніе Эврипиду. Сюда же надо отнести и трагедію Грузинцева: „Эдипъ царь“ (изд. въ Спб. въ 1812 г., а на театрѣ давалась уже въ 1811). Трагедія эта, какъ говоритъ самъ авторъ, „почерпнута изъ чужихъ источниковъ“. Чтобы показать, насколько она удаляется отъ греческаго первообраза, обратимъ вниманіе хоть на слѣдующее мѣсто. У Софокла Эдипъ такъ разсказываетъ Іокастѣ объ убіеніи имъ Лая:

„Какъ возница, такъ и самый старикъ, стали гнать меня насильно съ дороги. И я въ гнѣвѣ ударилъ гнавшаго меня возницу; а старикъ, какъ только увидѣлъ это, выждавъ моментъ, когда я шелъ мимо колесницы, ударилъ меня двухвосткой по серединѣ головы. Но, разумѣется, не тѣмъ же за это онъ поплатился, а, сильно по-

раженный палкою изъ этой руки, онъ тотчасъ скатился навзничь изъ колесницы. Затѣмъ я убиваю всѣхъ вмѣстѣ".

Софоклъ не прибавляетъ ничего относительно чувствъ, которыя испытывалъ Эдипъ-убійца. У Грузинцева разсказъ иного характера:

Когда вонзилъ я мечъ рукою раздраженной,
Гласъ нѣкій вопіялъ въ моей душѣ смущенной:
Злодѣй, остановись!.. но грозный ада богъ
Свирѣпствомъ вящшимъ духъ бунтующій зажегъ;
Въ неистовствѣ моемъ, какъ левъ во гнѣвѣ ярый,
Я довершилъ надъ нимъ убійственны удары.
Завѣса мрачная съ моихъ ниспала глазъ,
Я весь оцѣпенѣлъ... и ужасъ въ первый разъ
Поколебалъ мой духъ. Въ мученьяхъ безполезныхъ
Едва надъ трупомъ я не пролилъ токовъ слезныхъ,
И бѣдственну мою побѣду проклиналъ.
Но поздно было то: герой дышать престалъ.

А вотъ примѣръ еще большаго несходства. У Софокла Эдипъ, уже страдающій слѣпецъ, говоритъ:

„Пусть погибнетъ, кто бы онъ ни былъ, тотъ, кто, высвободивъ меня изъ страшныхъ путъ, стягивавшихъ мои ноги на пастбищѣ, взялъ меня съ собою, освободилъ отъ смерти и спасъ, дѣлая это вовсе не къ моему благу".

У Грузинцева рѣчь Эдипа обращена прямо къ спасшимъ его людямъ, и рѣчь эта такова:

Сокройтесь отъ меня, чудовища свирѣпы,
Доколь я васъ не свергъ во адовы заклепы;
Вы были дѣйствій всѣхъ Эдиповыхъ виной.
Спасая жизнь мою, что сдѣлали со мной?
Для мщенья моего зрю въ васъ достойны жертвы.
Бѣгите, иль сейчасъ предъ мной падете мертвы!

Не большее значеніе имѣютъ и трагедіи съ библейскими сюжетами, каковы „Иродъ и Маріамна" Державина (1807 г., а на театрѣ дана въ 1809), „Девора", сочиненная кн. Шаховскимъ вмѣстѣ съ Неваховичемъ (изд. въ 1811 г., а на театрѣ давалась уже въ 1810), и „Маккавеи" Корсакова (изд. въ 1815 г., а на театрѣ давалась уже въ 1813). Послѣднюю можно признать лучшею въ своемъ родѣ. Авторъ подражалъ французской пятиактной трагедіи Ламотта: „Macchabées", но сократилъ ее въ три акта, руководясь замѣчаніемъ Лагарпа, что „чѣмъ менѣе драма растянута, тѣмъ болѣе она занимательна". Уже это хорошо, ибо наши творцы трагедій, за весьма немногими исключеніями, упорно держались пятиактной структуры. Во-вторыхъ, Корсаковъ, слѣдуя

примѣру Вольтера (въ траг. „Танкредъ") и Ломоносова (въ траг. „Темира и Селимъ"), обычное риѳмованіе двухъ смежныхъ стиховъ замѣнилъ риѳмованіемъ черезъ стихъ, т.-е. употребилъ, какъ тогда говорили, *„черезстишія"*, напр.

О Ты, евреевъ Богъ, невинныхъ защититель,
На комъ почіетъ вся надежда днесь моя!
Злосчастной матери будь нынѣ утѣшитель!
Творецъ! да скорбь Тебя не прогнѣвитъ ея!
Какіе смертные быть могутъ безпорочны?
Кто въ мірѣ безъ страстей и безъ страданья жилъ?
Хоть бодры духомъ мы, но перстію немочны;
О Боже! воля въ насъ, но мы — лишены силъ и т. д.

Это говоритъ страдающая Соломія, потерявъ сыновей своихъ, замученныхъ Антіохомъ. Наконецъ „Дебора" и „Иродъ и Маріамна" утомительно скучны, тогда какъ „Маккавеи" могутъ еще читаться съ нѣкоторымъ интересомъ.

Замѣтимъ, что многіе наши авторы-ложноклассики усвоили себѣ взглядъ на трагедію, какъ на такое произведеніе, главнѣйшая цѣль котораго—карать злодѣйство. На этомъ основаніи Озеровъ караетъ своего Креона, а Корсаковъ — своего Антіоха. У Ламотта Антіохъ остается почти безъ наказанія; у Корсакова же этотъ мучитель и убійца наказывается страшными муками совѣсти.

Мы упомянули между прочимъ о Державинѣ. Онъ писалъ въ Александровскую эпоху и трагедіи съ патріотическими сюжетами, но и онѣ тоже очень слабы. Мерзляковъ остроумно называетъ всѣ трагедіи пѣвца Фелицы „развалинами Державина". Однако въ его „Евпраксіи" (1808 г.) есть одно мѣсто, которое нельзя не выписать:—это замѣчательная характеристика русскаго народа, вложенная въ уста Батыя. Батый говоритъ своему наперснику Бурундаю:

О русской храбрости твоя хвала мнѣ тщетна.
Ихъ каменная грудь народамъ всѣмъ примѣтна;
Россіянъ побѣдить оружіемъ не можно,
А хитростью,—и я берусь за то не ложно:
Примѣры многіе я разсказать бы могъ.
И самый Святославъ погибъ въ стану врасплохъ.
Пройдетъ лишь грозна брань — веселіе ихъ свойство,
Безпечность стихія, пиры и хлѣбосольство.
Средь мира брань ковать у нихъ заботы нѣтъ.
Сколь кратъ незапно имъ нанесъ союзникъ вредъ! [122]).

Не тѣ ли же черты видимъ и въ Гоголевскихъ казакахъ, изображенныхъ въ повѣсти: „Тарасъ Бульба?"

XIII. Князь А. А. Шаховской (1777—1846).

Замѣтка Е. Гаршина о несправедливомъ отношеніи потомства къ кн. Шаховскому.—Біографическія свѣдѣнія о Шаховскомъ съ очеркомъ его практической дѣятельности на пользу театра.—Мѣсто изъ письма Шаховского къ кн. Э. П. Мещерскому, заключающее въ себѣ взглядъ автора на ходъ просвѣщенія въ Россіи.—Представленіе Гаршина о личности Шаховского.

Еще болѣе, чѣмъ Озеровъ, оживилъ нашу сцену первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка князь Шаховской, страстный и самоотверженный любитель театра, необыкновенно плодовитый авторъ театральныхъ пьесъ разнообразнаго характера и ревностный дѣятель на поприщѣ образованія хорошихъ сценическихъ исполнителей. Тѣмъ не менѣе Шаховской впослѣдствіи попалъ въ число „забытыхъ", и Е. Гаршинъ основательно видитъ въ этомъ обстоятельствѣ несправедливость къ человѣку, который „два первые десятка лѣтъ девятнадцатаго столѣтія былъ властелиномъ русской сцены, формируя для нея и репертуаръ и актеровъ", а „два последующіе десятка лѣтъ не оставлялъ своего служенія театру, и только въ самые послѣдніе годы жизни ослабѣлъ въ своей авторской дѣятельности",—къ человѣку, написавшему до ста драматическихъ произведеній, изъ которыхъ, какъ говоритъ Гаршинъ, „многія заслуживаютъ не только полнаго вниманія историка литературы, но могутъ представить достаточно интереса для современнаго читателя и даже зрителя".

Замѣткой этой начинаетъ Гаршинъ свою написанную въ 1883 г. статью, посвященную Шаховскому и озаглавленную: „Одинъ изъ забытыхъ писателей" [123]). Главный фактъ забвенія состоитъ въ томъ, что мы, имѣя изданія сочиненій даже Милонова и Шатрова, не имѣемъ и до сихъ поръ собранія сочиненій Шаховского. [124]) А между тѣмъ даже Пыпинъ, весьма нещедрый на похвалу нашимъ стариннымъ писателямъ, и тотъ признаетъ, что кн. Шаховской „сдѣлалъ не мало для развитія въ обществѣ вкуса къ театру, для образованія сценическихъ исполнителей, для сближенія драмы съ дѣйствительною жизнью" [125]).

Князь Александръ Александровичъ Шаховской, сынъ человѣка небогатаго, но кровнаго русскаго аристократа, родился 24 апрѣля 1777 г. въ Смоленской губерніи, въ селѣ Беззаботахъ. Получивъ образованіе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, онъ поступилъ потомъ въ военную службу—въ Преобра-

женскій полкъ, и, какъ разсказываетъ его біографъ [126]), будучи домосѣдомъ, любилъ читать—и читалъ много. Особенно пристрастился онъ къ французской драматической поэзіи. Авторская дѣятельность его началась рано: уже въ 1795 г. въ театрѣ Эрмитажа, въ присутствіи императрицы Екатерины II, дана была его комедія въ стихахъ: „Женская шутка", а скоро затѣмъ имя Шаховского стало извѣстно и какъ автора нѣсколькихъ одъ. Самъ государь Павелъ Петровичъ,—говоритъ Гаршинъ,—не только зналъ начинающаго писателя, но даже оказывалъ ему особое, небывалое расположеніе, прощая многія ошибки Шаховскому противъ военной дисциплины и относя ихъ къ его забавной разсѣянности. На молодого человѣка обратилъ вниманіе и тогдашній директоръ театровъ—А. Л. Нарышкинъ, приблизилъ его къ себѣ, и Шаховской, оставивъ военное поприще, въ 1801 г. перешелъ на службу въ Театральную дирекцію членомъ по репертуарной части.

Въ то время наша сцена была еще очень бѣдна русскими пьесами, и высшее общество посѣщало главнѣйшимъ образомъ французскіе спектакли. Объ этихъ послѣднихъ заботилось и правительство,—и вотъ въ томъ же 1801 г. Шаховской былъ командированъ въ Парижъ для приглашенія лучшихъ тамошнихъ артистовъ на французскую сцену въ Петербургѣ. Шаховской не только успѣшно исполнилъ порученіе, но и вывезъ изъ Парижа,—и это главное,—мысль о преобразованіи русской сцены.

Въ Парижѣ тогда поражалъ всѣхъ естественностью и художественностью своей игры одинъ изъ величайшихъ актеровъ—Тальма. Подъ обаяніемъ его игры и декламаціи, Шаховской, вернувшись въ Петербургъ въ 1803 г., задумалъ пересоздать и русскую сцену, и для этой цѣли прежде всего позаботился объ устройствѣ хорошей театральной школы для драматическихъ артистовъ. Театральная школа существовала и раньше, но главнымъ образомъ для балета и оперы; драматическая же часть была въ упадкѣ, по недостатку учителей. На нее-то Шаховской и обратилъ вниманіе, и необыкновенное рвеніе князя и его любовь къ дѣлу преодолѣли многія препятствія. „Къ числу полезныхъ идей его театральнаго управленія",—говоритъ Галаховъ,—„принадлежитъ формированіе русской «молодой труппы». Онъ понималъ, что молодые артисты, постоянно играя съ старыми, будутъ медленно совершенствоваться, такъ какъ нельзя лицамъ, только что выступающимъ на сцену, давать первыя роли, когда для этихъ ролей есть первоклассные сюжеты. Вслѣдствіе этого молодому

артисту приходилось лучшее время своей жизни оставаться при второстепенныхъ роляхъ, безъ возможности занять когда-либо первыя. Чтобы устранить такое неудобство, кн. Шаховской придумалъ образовать изъ юныхъ артистовъ особую молодую труппу, которая бы сама по себѣ, независимо отъ главной труппы, давала представленія на другомъ театрѣ. Въ этихъ представленіяхъ развились многіе сценическіе таланты" [127]). Какъ на талантливыхъ учениковъ и ученицъ Шаховского, С. Аксаковъ указываетъ между прочимъ на Брянскаго, Сосницкаго, Рамазанова и на г-жъ Вальберхову, Дюръ, Сосницкую [128]).

Князь до того любилъ театральное искусство и до того былъ неутомимъ, что даже лѣтомъ, проживая за Екатерингофомъ, на дачѣ барона Раля, онъ постоянно занимался съ воспитанниками и воспитанницами Театральнаго училища, которые жили на той же дачѣ [129]). А какъ хлопоталъ, суетился и горячился онъ во время репетицій! „Чтобы имѣть о князѣ Шаховскомъ полное понятіе",—говоритъ Аксаковъ въ своихъ «Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ»,—„надобно было видѣть, какъ онъ ставилъ на сцену пьесу, свою или чужую—это все равно. Я безпрестанно это видѣлъ—и всегда съ любопытствомъ и удовольствіемъ".—„Конечно",—продолжаетъ Аксаковъ свою характеристику Шаховского,—„если бы перенесть человѣка, чуждаго театральному дѣлу и равнодушнаго къ театральному искусству, на сцену или въ одну изъ боковыхъ залъ, гдѣ идетъ репетиція пьесъ при кн. Шаховскомъ, то онъ бы расхохотался и счелъ его за сумасшедшаго; даже я, тогда еще страстно любившій театръ, иногда не могъ удержаться отъ смѣха; но зато часто я восхищался Шаховскимъ. Весь проникнутый любовью къ искусству, не чувствуя ни жара ни холода, не видя окружающихъ его людей, ничего не помня, кромѣ репетируемой пьесы, никого не зная, кромѣ представляемаго лица,—Шаховской часто былъ великолѣпенъ, не смотря на свою смѣшную, толстую фигуру, свой длинный птичій носъ, визгливый голосъ и картавое произношеніе. По вспыльчивости своей онъ часто выходилъ изъ себя; но бѣшенство его не всегда и не вдругъ обнаруживалось неистовыми криками, воплями или бормотаньемъ никѣмъ непонимаемыхъ словъ; нѣтъ, нерѣдко сначала оно скрывалось подъ напряженнымъ спокойствіемъ, равнодушіемъ, шутками, и потомъ уже слѣдовалъ взрывъ и полное самозабвеніе; въ этихъ-то принужденныхъ шуткахъ подавленнаго бѣшенства — Шаховской былъ неподражаемо забавенъ".

И затѣмъ Аксаковъ, сказавъ, что онъ можетъ разсказать множество истинныхъ происшествій въ доказательство справедливости своихъ словъ, выбираетъ одно изъ нихъ, случившееся въ Москвѣ въ 1827 г. „Въ Москву",—разсказываетъ Аксаковъ,—„пріѣхала изъ Петербурга г-жа Ежова *), чтобы сыграть нѣсколько разъ въ пользу московской дирекціи и потомъ получить бенефисъ... Въ репертуарѣ Ежовой, между прочимъ, назначена была небольшая опера: «Любовная почта», уже нѣсколько лѣтъ сочиненная кн. Шаховскимъ и давно неигранная на московской сценѣ. Сочинитель ея думалъ, что Ежова—совершенство въ этой пьесѣ, и непремѣнно требовалъ, чтобъ ее сыграли. Актеры получили свои роли, назначили репетицію, и мы съ Писаревымъ **) отправились въ театръ вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ. Онъ съ самаго начала былъ уже недоволенъ плохимъ знаніемъ ролей и вялымъ ходомъ репетиціи; она шла на сценѣ Большого театра. Сначала кн. Шаховской нѣсколько разъ вскакивалъ съ своихъ креселъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому актеру или актрисѣ, стараясь ласкою, шуткою и собственнымъ одушевленіемъ—оживить, поднять тонъ дѣйствующихъ лицъ; такъ одному говорилъ онъ: «Василій Петловичъ ***), ты, кажется, усталъ; вѣлно, позавтлакалъ и хочешь уснуть. Вѣдь ты не слыхалъ, что тебѣ сказалъ Ѳедоръ Антонычъ. Вѣдь онъ тебя обидѣлъ, а ты не сердишься»... Тутъ Шаховской начиналъ повторять прерванную рѣчь изъ роли Василія Петровича, немилосердно коверкая и совершенно перевирая слова собственной своей пьесы. — Трудно было удержаться отъ смѣха.—Молодая актриса, игравшая роль любовницы, говорила съ спокойнымъ видомъ, какъ показалось кн. Шаховскому, о своемъ весьма затруднительномъ положеніи. Шаховской вспыхнулъ. «Дусенька,—закричалъ онъ:—ну какъ же тебѣ не стыдно, какъ же тебѣ не глѣшно! Вѣдь тебѣ совсѣмъ не жаль человѣка, который тебя такъ любитъ. Ты, вѣлно, забыла о немъ; вѣдь ты подумала, что сказываешь урокъ своей мадамѣ ****). А ты вообрази, что это N. N». И князь назвалъ по имени человѣка, къ которому, какъ думали, была неравнодушна молодая

---

*) Выпущена изъ Театральнаго училища въ 1807 г. Сблизившись съ нею, Шаховской уже не разставался съ своей любимицей до конца жизни.

**) Извѣстный водевилистъ своего времени.

***) Шаховской „иногда не выговаривалъ буквы *р*, иногда *с*, иногда *ш*, а въ иныхъ случаяхъ эти же самыя буквы произносилъ хорошо, а коверкалъ совсѣмъ другія" (Прим. С. Аксакова).

****) Актриса была изъ Театральной школы. (Прим. С. Аксакова).

актриса... Тутъ уже никто не могъ удержаться отъ смѣха.—Вялое пѣнье хора, тогда какъ онъ долженъ былъ выражать живое и горячее волненіе, окончательно взбѣсило Шаховского. Онъ бросился въ толпу хористовъ, передразнивая то того, то другого, называя ихъ блинниками, сапожниками и показывая собственнымъ примѣромъ, какъ надобно пѣть и выражать живое сочувствіе къ тому, что поешь. Это было уже до того смѣшно, что мы съ Писаревымъ уходили хохотать за кулисы. Наконецъ, видя безуспѣшность своихъ стараній, Шаховской присмирѣлъ, впалъ въ нѣмое отчаяніе и уже не говорилъ ни одного слова. Репетиція тянулась попрежнему вяло. Игрою Ежовой кн. Шаховской также былъ недоволенъ и тихо бормоталъ, что не узнаетъ ее. Вдругъ пришла сцена, въ которой Ежова должна была пѣть какую-то длинную арію. Актриса нѣсколько разъ ошибалась. Шаховской, сидя въ креслахъ, только кланялся ей при всякой ошибкѣ; онъ молчалъ, но лицо его выражало такую комическую скорбь, что по истинѣ было и жалко и смѣшно смотрѣть на него. Хотя Ежова коротко знала автора, привыкла къ его безумнымъ вспышкамъ и, будучи неуступчиваго нрава, никогда ему не покорялась, а напротивъ, заставляла его плясать по своей дудкѣ,—но въ Петербургѣ она была дома, какъ будто въ своей семьѣ; здѣсь же совсѣмъ другое дѣло: она сама пріѣхала въ гости въ Москву, и сцена Большого Петровскаго театра, полная разнаго народа, казалась ей чужой гостиной. Ежова видимо сконфузилась наружнымъ спокойствіемъ Шаховского, зная, что эта тишина передъ бурей, забыла роль, и когда опять пришлось ей пѣть — запѣла стихи изъ другой оперы... Князь Шаховской незамѣтно сползъ съ своихъ креселъ, сталъ на колѣни и повалился ей въ ноги. Репетиція остановилась. Шаховской долго не перемѣнялъ своего положенія, бормоча самымъ жалостливымъ, пискливымъ голосомъ: «Господи, за что Ты меня наказуешь? Помилуй меня грѣшнаго! Покорнѣйше благодарю, матушка Катерина Ивановна!» И вдругъ, вскочивъ съ бѣшенствомъ разъяреннаго тигра, завопилъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ: «Такъ это свои-то? свои-то?.. Сначаля! Дозавтра сначаля!..» Это наконецъ становилось уже не смѣшно. На сценѣ было холодно, всѣ были въ шубахъ, въ шляпахъ или шапкахъ; Шаховской въ одномъ фракѣ и съ открытой головой, лицо его горѣло, слезы и потъ катились по щекамъ, и паръ стоялъ надъ его лысиной. Тогда мы всѣ бросились къ нему, стараясь его успокоить—и какъ легко это было! Въ одну минуту прошло его бѣшенство, онъ просилъ прощенья у всѣхъ и самъ

первый смѣялся надъ своими выходками. Никто не сердился, охотно простили авторскую горячность, возобновили репетицію сначала — и она сошла гораздо лучше" [130]).

Но комическій элементъ, который Шаховской вносилъ въ свои наставленія актерамъ, нисколько не умалялъ ихъ пользы. И какъ князь радовался, когда ученикъ его достигалъ успѣха! Въ іюлѣ 1806 г. одинъ изъ его учениковъ, Щениковъ, удачно дебютировалъ ролью Полиника въ трагедіи: „Эдипъ въ Аѳинахъ". Шаховской сказалъ о дебютантѣ въ одномъ журналѣ: „Онъ такъ пріятно говоритъ, что воздухъ, который онъ, говоря, пускаетъ, должно глотать". Андрей Вас. Каратыгинъ въ своемъ дневникѣ замѣтилъ, что въ Щеникова „этотъ воздухъ князь самъ впустилъ" [131]).

Общій порывъ патріотизма въ 1812 г. увлекъ и Шаховского: онъ поступилъ въ тверское ополченіе; но въ 1813 г. уже снова былъ въ Петербургѣ. Гаршинъ очень подробно говоритъ объ этомъ періодѣ военной службы Шаховского (стр. 143—149), хотя онъ ничѣмъ особеннымъ не замѣчателенъ и имѣлъ значеніе только для самого князя, такъ какъ видъ опустошенной Москвы произвелъ на него глубокое впечатлѣніе, которое никогда уже не изглаживалось и не разъ заставляло этого записного театрала задумываться надъ ходомъ исторической жизни Россіи.

Вернувшись въ Петербургъ, Шаховской опять вступилъ въ прежнюю свою должность члена по репертуарной части и опять весь отдался театру. Такъ продолжалось до 1818 г., когда директоромъ театровъ былъ назначенъ князь Тюфякинъ, и Шаховской, вслѣдствіе столкновенія съ нимъ, вышелъ въ отставку. Но когда въ 1821 г. Тюфякина смѣнилъ Майковъ, Шаховской снова поступилъ на театральную службу членомъ вновь образованнаго, по преставленію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора гр. Милорадовича, Комитета главной дирекціи. Шаховскому было поручено заняться преобразованіемъ административной и хозяйственной стороны театральнаго дѣла. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу Араповъ:

„Майковъ, заступившій временно мѣсто директора (Тюфякинъ 5 іюля 1821 г. уѣхалъ въ отпускъ за границу), сошелся близко съ кн. Шаховскимъ, которому онъ прежде былъ сослуживцемъ и пріятелемъ, и, понимая очень хорошо, что кн. Шаховской, по знанію театральныхъ дѣлъ и по вліянію, которое

онъ имѣетъ на русскій театръ, можетъ быть ему чрезвычайно полезенъ, онъ предоставилъ ему распоряжаться всѣмъ по-своему. Шаховской продолжалъ учить школу и заниматься постановкою своихъ пьесъ... У Шаховского собиралась каждый вечеръ большая компанія, и успѣлъ онъ въ это время пріобрѣсти знакомство графа Михаила Андреевича Милорадовича, который былъ тогда военнымъ генералъ-губернаторомъ и лицомъ полномочнымъ въ Петербургѣ. Графъ любилъ театръ и посѣщалъ его постоянно. Бывая часто у кн. Шаховского, онъ ознакомился и съ внутреннимъ хозяйствомъ Петербургскаго театра, которое было тогда, по справедливости сказать, не въ удовлетворительномъ состояніи, и въ особенности—Театральная школа; въ ней были большіе недостатки и запущенія; одежда воспитанниковъ была плоха, содержаніе и того хуже; однимъ словомъ, неустройства во многихъ частяхъ доказывали недостаточную заботливость о законномъ порядкѣ. Графъ Милорадовичъ, какъ ревнитель строгой справедливости, вскипѣлъ негодованіемъ, когда до него дошла горькая истина о худомъ содержаніи школы, что подтвердили ему самыя воспитанницы, которыхъ онъ видалъ у кн. Шаховского... Онъ доложилъ обо всемъ государю, вслѣдствіе чего высочайше возложено на него, графа Милорадовича, и на князя Петра Михайловича Волконскаго привести въ извѣстность всѣ безпорядки. Они подтвердились на самомъ дѣлѣ, и обо всемъ было сдѣлано самое подробное донесеніе государю. Князь Тюфякинъ былъ уволенъ, и Майковъ назначенъ на должность директора театровъ. Онъ сдѣлалъ представленіе о томъ, что суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе театровъ въ Петербургѣ, недостаточно, и что въ самомъ театральномъ управленіи слѣдуетъ сдѣлать многія измѣненія. По докладѣ о семъ императору, повелѣно было назначить комитетъ для составленія новаго проекта правилъ объ управленіи театрами. Съ этой эпохи начинается сильный переворотъ въ театральной дирекціи. Комитетъ былъ учрежденъ подъ предсѣдательсрвомъ гр. Милорадовича, и членами онаго были: шталмейстеръ кн. Вас. Вас. Долгоруковъ, гофмейстеръ гр. Пав. Ив. Кутайсовъ и д. ст. сов. кн. Шаховской. На кн. Шаховского, какъ на самаго опытнаго члена по части театра, была возложена обязанность составить новый проектъ театральнаго управленія и штаты. Онъ занялся этимъ дѣломъ со всѣмъ усердіемъ“ [132]).

Описавъ въ своей „Лѣтописи русскаго театра“ 1822-ой годъ, Араповъ заявляетъ, что дѣятельность Шаховского въ этомъ году была особенно напряженная: „онъ сочинялъ и ставилъ пьесы

свои безпрестанно, училъ декламаціи въ школѣ, проходилъ дома многія роли съ многими артистами — и въ то же время занимался составленіемъ проекта театральнаго управленія" [133]. Впрочемъ надо сказать, что въ „Лѣтописи" Арапова имя Шаховского, какъ дѣятеля на пользу сценическаго искусства, встрѣчается безпрестанно. Оказывается, что и Семенова, такъ восхищавшая публику въ роли Антигоны, многимъ была обязана Шаховскому: онъ, какъ говоритъ Араповъ, „пристально" занялся приготовленіемъ этой талантливой, но тогда еще юной артистки для роли Озеровской героини [134].

Новый театральнмй уставъ и новые штаты были утверждены 3-го мая 1825 г. Однако новый уставъ многимъ не понравился: его находили стѣснительнымъ для писателей. Катенинъ *), напримѣръ, приравнивалъ его къ новому цензурному уставу Шишкова [135].

Въ 1825 г. гр. Милорадовичъ умеръ. Старшимъ лицомъ въ Комитетѣ главной дирекціи былъ назначенъ кн. Долгоруковъ. Шаховской не поладилъ съ нимъ, былъ уволенъ въ 1826 г. въ отставку и, оставивъ Петербургъ, переѣхалъ въ Москву. Съ этихъ поръ онъ уже болѣе не возвращался на коронную службу, но служенія театру не прекращалъ: онъ и въ Москвѣ принималъ участіе въ постановкѣ пьесъ на сцену, давалъ полезные совѣты артистамъ, и даже такимъ первокласснымъ, какъ Мочаловъ, Щепкинъ, Рязанцевъ. Директоры московскаго театра (къ тому времени московскій театръ уже имѣлъ своего директора, независящаго отъ петербургской дирекціи), сперва Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, а затѣмъ М. Н. Загоскинъ, дорожили опытностью Шаховского и уважали безкорыстную любовь его къ драматическому искусству. Они признавали въ немъ, какъ говоритъ Аксаковъ, „перваго знатока въ сценическомъ дѣлѣ", „перваго сценическаго мастера" [136].

Въ 1830 г. Шаховской снова пріѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ, касавшимся какого-то спорнаго имѣнья, и прожилъ тамъ всѣ тридцатые года. Въ 1840 г. онъ опять вернулся въ Москву, гдѣ и умеръ 22-го января 1846 г. Въ послѣдніе годы своей жизни князь, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не проявлялъ ужъ прежней кипучей дѣятельности чисто практическаго характера, но

*) П. А. Катенинъ, переводчикъ Корнеля и Расина.

заниматься литературой, имѣвшей предметомъ все тотъ же театръ, онъ не переставалъ почти до самаго конца дней своихъ.

Излагая біографическія свѣдѣнія о кн. Шаховскомъ, мы съ умысломъ не касались его литературной дѣятельности, имѣя въ виду говорить о ней отдѣльно. Но есть одно произведеніе, написанное Шаховскимъ въ 1833 г., произведеніе, о которомъ слѣдуетъ сказать теперь же: это—его письмо къ князю Элиму Петровичу Мещерскому, обнимающее собою 17 листовъ почтовой бумаги большого формата. Письмо это, доставшееся по наслѣдству Панову, было въ рукахъ у Гаршина, и этотъ послѣдній помѣстилъ много выписокъ изъ него въ свой біографіи кн. Шаховского [137]). Въ письмѣ этомъ князь высказываетъ свои взгляды на разные вопросы и предметы — взгляды, между которыми особенно интересенъ одинъ: это— взглядъ Шаховского на ходъ нашей образованности.

Прежде всего Шаховской отвергаетъ то „ложное о нашемъ отечествѣ мнѣніе", будто бы Петръ I „создалъ Россію изъ ничего". Первыя сѣмена просвѣщенія—говоритъ князь—были уже брошены въ „счастливыя времена Владимира"; затѣмъ о посѣвѣ заботились Ярославъ Великій и Мономахъ. Правда, ихъ „благопріобрѣтенія" пострадали отъ нашествія татаръ, но Іоаннъ III уже вернулъ Россію на путь цивилизаціи. За нимъ Шаховской останавливается на Борисѣ Годуновѣ, постигнувшемъ совершенно, что не силою рукъ, а силою ума тверды государства, и почувствовавшемъ все преимущество и необходимость просвѣщенія. „Годуновъ", — продолжаетъ авторъ письма, — „только еще замышляя прибрать въ свои руки русскую державу, вызывалъ иностранныхъ учителей къ своему сыну, соглашалъ бояръ послѣдовать его примѣру, началъ сближать понятія нашихъ предковъ съ иноземными благоучрежденіями и очень искусно направилъ русское любознаніе на проложенный имъ путь". Затѣмъ князь указываетъ на преобразованія Алексѣя Михайловича и выражаетъ сожалѣніе, что Ѳедоръ Алексѣевичъ умеръ преждевременно. Продлись его жизнь, онъ могъ бы настолько подготовить дѣло Петра, что послѣднему не пришлось бы прибѣгать къ тѣмъ крутымъ мѣрамъ, на которыя онъ былъ вынужденъ „упорнымъ противодѣйствіемъ крамолы". Ранняя смерть Ѳедора Алексѣевича, говоритъ Шаховской, помѣшала правильному, т.-е. постепенному, развитію русскаго просвѣщенія: крамола Софьи и стрѣлецкіе мятежи заставили Петра поставить яйцо на столъ такъ, какъ поставилъ его Колумбъ:

„онъ долженъ былъ раздавить скорлупу, которую не могъ ни сгладить ни смягчить“.—„Вотъ какъ я понимаю исторію нашего образованія и разгадываю причины неимовѣрныхъ дѣйствій Петра Великаго“, прибавляетъ Шаховской.

Такимъ образомъ Шаховской въ ту пору, когда писалъ указанное письмо къ кн. Мещерскому, признавалъ, что Россія должна была идти за Европой и дѣйствительно шла за ней; признавалъ необходимость реформъ Петра, а крутыя его мѣры объяснялъ случайностью и о случайности этой сожалѣлъ. Но было время, — конечно, предшествующееe написанію письма къ Мещерскому, — было время, когда кн. Шаховской чуть не плакалъ объ исчезновеніи бархатныхъ однорядокъ и шубъохобней [138].

Гаршинъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи о Шаховскомъ говоритъ: „Въ нашемъ біографическомъ очеркѣ мы желали отмѣтить черты симпатичной гуманности *) кн. Шаховского, благородной ревности его къ дѣлу, въ которое онъ влагалъ всю свою душу, рѣдкое безкорыстіе, словомъ — черты, предъ которыми блѣднѣютъ нѣкоторые его недостатки, какъ вспыльчивость, нервность, порывистость—недостатки, къ несчастію, столь присущіе почти каждой истинно-талантливой натурѣ“ [139]. Такимъ образомъ Гаршинъ ни слова не говоритъ о тѣхъ интригахъ, въ которыхъ укоряютъ Шаховского во многихъ статьяхъ о немъ, считая его даже однимъ изъ главныхъ виновниковъ сумасшествія Озерова. Но дѣйствительно ли Шаховской былъ великимъ завистникомъ и интриганомъ — это еще вопросъ не разрѣшенный. Правда, у Арапова встрѣчаются замѣтки не въ пользу Шаховского, — однако онъ, когда, описывая 1807 годъ, упоминаетъ о несправедливомъ отношеніи князя къ Семеновой, но тутъ же винитъ въ этомъ главнымъ образомъ Ежову; а страницей раньше, говоря объ Озеровѣ, авторъ „Лѣтописи“ пишетъ: „Жихаревъ, какъ человѣкъ, кажется, безпристрастный и справедливый, отражаетъ клевету, будто бы напрасно возсылаемую на Шаховского въ преслѣдованіи Озерова. Какъ же усомниться послѣ такихъ завѣреній, что Озеровъ не былъ преслѣдуемъ княземъ Шаховскимъ?“ [140]. Затѣмъ Аксаковъ, который, по собственнымъ словамъ

---

*) У Гаршина между прочимъ сказано: „Онъ (Шаховской) первый показалъ примѣръ человѣческаго обращенія съ этими тружениками мысли (т.-е. съ актерами), первый сталъ вводить ихъ въ то общество, изображать которое имъ предстояло на сценѣ“ (стр. 137).

его, „съ самыхъ молодыхъ лѣтъ привыкъ считать кн. Шаховского притѣснителемъ Шушерина, интриганомъ, гонителемъ великаго таланта Семеновой, ласкателемъ, угодникомъ людей знатныхъ и сильныхъ, и наконецъ заклятымъ врагомъ Озерова, котораго онъ будто бы преслѣдовалъ изъ зависти, и даже, какъ утверждали многіе, былъ причиною его смерти", — этотъ самый Аксаковъ, не желавшій прежде и знаться съ Шаховскимъ, убѣдился наконецъ въ своей несправедливости къ нему, заявилъ объ этомъ въ своихъ запискахъ и между прочимъ сказалъ тамъ: „Съ каждымъ днемъ, узнавая короче этого добродушнаго, горячаго до смѣшного самозабвенія и замѣчательно талантливаго человѣка, я убѣдился впослѣдствіи, что одну половину обвиненій онъ наговорилъ и наклепалъ самъ на себя, а другая произошла отъ недоразумѣній, зависти и клеветы петербургскаго театральнаго міра, оскорбленнаго, раздраженнаго нововведеніями князя Шаховского: ибо при его управленіи много людей, пользовавшихся незаслуженными успѣхами на сценѣ или значительностью своего положенія при театрѣ, теряли и то и другое, вслѣдствіе новой системы какъ театральной игры, такъ и хода дѣлъ по репертуарной части". И вообще Аксаковъ, разсказывая о своемъ примиреніи съ Шаховскимъ, указываетъ на такіе факты, что читатель уясняетъ себѣ, откуда пошла о князѣ дурная слава, и начинаетъ сильно подозрѣвать ея основательность, тѣмъ болѣе, что Аксаковъ приводитъ и тѣ рѣчи за Шаховского, которыя онъ слышалъ отъ людей, хорошо знавшихъ князя [141]).

Послѣ этого слѣдуетъ, пожалуй, признать, что Гаршинъ, ничего не упоминая объ интригахъ Шаховского, поступилъ гораздо осторожнѣе тѣхъ критиковъ и біографовъ, которые такъ много удѣляютъ мѣста толкамъ о завистливомъ интриганствѣ этого человѣка [142]).

Литературная дѣятельность кн. Шаховского.

Необыкновенная плодовитость кн. Шаховского, какъ драматическаго писателя, и большое разнообразіе его пьесъ.—Степень его оригинальности и источники, которыми онъ пользовался.—Два стиха Пушкина о Шаховскомъ.—Комедія: „*Полубарскія затѣи*" и отразившаяся въ ней современность.—Положительная и отрицательная сторона тогдашнихъ помѣщичьихъ домашнихъ театровъ.—Комедія: „*Пустодомы*".—Типъ князя Радугина.—Связь комедіи съ другими литературными произведеніями Александровской эпохи.—Нѣкоторое увлеченіе Шаховского.—Комедія: „*Новый Стернъ*", какъ сатира на сентиментализмъ.—Ѣдкость этой сатиры.—Былъ ли однако сентиментализмъ явленіемъ, для нашихъ нравовъ совершенно безполезнымъ?—Причины, по которымъ многіе отнеслись къ „Новому Стерну" враждебно.—Комедія: „*Липецкія воды*" и выходка Шаховского противъ Жуковскаго.—Слѣдствіе этой выходки.—Типъ графа Ольгина и его сходство съ Онѣгинымъ.—Указаніе на то разумное патріотическое движеніе въ русскомъ обществѣ, которое отразилось и въ уставѣ „Союза Благоденствія". —Дальнѣйшій очеркъ типа Ольгина въ комедіи: „*Какаду*" и дальнѣйшее сходство его съ Онѣгинымъ. — Комедія: „*Своя семья*".

Выше уже было упомянуто, что Шаховской написалъ до ста драматическихъ произведеній. Такое необыкновенно большое число ихъ объясняется отчасти тѣмъ, что Шаховской, уступая просьбамъ актеровъ, писалъ пьесы для ихъ бенефисовъ, и нерѣдко писалъ ихъ такъ быстро, что не проходило еще и мѣсяца послѣ постановки его пьесы въ бенефисъ того или другого актера или актрисы, какъ уже назначался другой бенефисъ — и опять появлялась новая пьеса князя [143]). Пьесы Шаховского были самаго разнообразнаго характера: трагедіи, комедіи, драмы, которыя князь называлъ „романтическими комедіями", водевили, оперы. Но разнообразіе пьесъ Шаховского зависѣло не только отъ того, что онъ писалъ въ различныхъ родахъ драмы, но и отъ того, что выбиралъ самые разнообразные сюжеты: то у него появлялась пьеса бытовая, то историческая, то волшебная; нерѣдко авторъ вносилъ въ нихъ танцы и пѣніе; писалъ ихъ то стихами, то прозою, то чередовалъ въ нихъ стихи и прозу, вносилъ народныя пѣсни. Для наглядности представленія о разнообразіи пьесъ Шаховского, выпишемъ нѣкоторое число ихъ изъ „Лѣтописи русскаго театра" Арапова.

„Новый Стернъ"—комедія. „Любовная почта"—опера. „Бѣглецъ отъ своей невѣсты"—комическая опера, съ хорами и балетомъ. „Полубарскія затѣи, или домашній театръ"—большая бытовая комедія, съ хорами и балетами. „Дебора"—трагедія въ сти-

хахъ, съ хорами. „Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ“ — опера-водевиль. „Карачунъ“—волшебно-комическое представленіе, съ хорами, балетами и сраженіями. „Игнашка дуракъ, или нечаянное сумасшествіе“— водевиль. „Таинственный карло, или долина чернаго камня“— романтическая комедія. „Алеппскій горбунъ“— волшебный водевиль. „Керимъ-Гирей“ — романтическая трилогія, съ пѣніемъ, хорами и танцами. „Батюшкина дочка, или нашла коса на камень“— комическій балетъ. „Соколъ князя Ярослава Тверского, или суженый на бѣломъ конѣ“— историческая быль, съ пѣснями, плясками, хорами и борьбою рыцарей, и т. д.

Само собой разумѣется, что Шаховской, писавшій такъ много и иногда очень торопливо, не могъ быть всегда оригинальнымъ. Множество изъ его пьесъ представляетъ собою или заимствованіе чужого сюжета, или передѣлку, а иногда и просто переводъ чужого произведенія. Очень много бралъ онъ изъ французскихъ писателей, но позднѣе бралъ и изъ англійскихъ: изъ Вальтеръ Скотта (напр. романтическія комедіи въ 5 д.: „Иваной, или возвращеніе Ричарда Львинаго сердца“, „Таинственный карло, или долина чернаго камня“, „Судьба Ниджеля, или все бѣда для несчастнаго“), изъ Шекспира („Буря“ — волшебно-романтическое зрѣлище). Были заимствованія и изъ восточнаго міра (напр. „Алеппскій горбунъ, или размѣнъ ума и красоты“— изъ арабскихъ сказокъ). Однако Шаховской обращался и къ русской литературѣ и русской исторіи: изъ нихъ онъ взялъ сюжеты для многихъ пьесъ своихъ, каковы напримѣръ, „Финнъ“—комедія изъ „Руслана и Людмилы“ Пушкина, и изъ его же „Бахчисарайскаго фонтана“— романтическая трилогія: „Керимъ-Гирей“; далѣе: „Юрій Милославскій“ и „Рославлевъ“—изъ романовъ Загоскина; „Соколъ князя Ярослава Тверского, или суженый на бѣломъ конѣ“—изъ преданія Тверского Отрочь-монастыря; „Смольняне“— изображающая защиту Смоленска Шеиномъ отъ поляковъ; „Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ“—изображающая тотъ эпизодъ изъ жизни Ломоносова, когда онъ попался въ руки прусскихъ вербовщиковъ; „Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ“—изъ жизни основателя русскаго театра въ Ярославлѣ, и др. Въ 1825 г. была написана, или вѣрнѣе сказать—докончена пьеса, взятая изъ міра классическаго: это „Аристофанъ, или представленіе комедіи: «Всадники»“— историческая комедія въ древнемъ родѣ, въ разномѣрныхъ стихахъ греческаго стопосложенія, съ прологомъ и интермедіями, пѣніемъ, хорами и танцами.

Теперь намъ предстоитъ разобраться въ массѣ произведеній Шаховского — и прежде всего отдѣлить болѣе важное отъ менѣе важнаго. Въ этомъ случаѣ мы смѣло можемъ положиться на оцѣнку Пушкина, который, вспоминая въ первой главѣ „Евгенія Онѣгина“ о выдающихся литературныхъ дѣятеляхъ на пользу русскаго театра, упомянулъ и о Шаховскомъ, но лишь какъ объ авторѣ комедій:

Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой.

Изъ массы произведеній Шаховского Пушкинъ этими двумя стихами выдвинулъ его комедіи и какъ бы сказалъ: вотъ что самое важное у этого писателя.

Къ сожалѣнію, не всѣ комедіи Шаховского можно найти въ печати. Такъ, напримѣръ, въ Императорской Публичной библіотекѣ нѣтъ его комедіи: „Полубарскія затѣи“, поставленной на сцену еще въ 1808 г., и потому мы можемъ только привести отзывъ о ней Арапова изъ его „Лѣтописи русскаго театра“ (стр. 184). „Князь Шаховской“— говоритъ Араповъ—„вполнѣ обнаружилъ свой комическій талантъ въ одной изъ лучшихъ своихъ комедій: «Полубарскія затѣи, или домашній театръ», въ 5 дѣйств., съ хорами и балетами. У многихъ зажиточныхъ помѣщиковъ завелись свои театры въ то время; Шаховской вывелъ одного изъ такихъ учредителей домашнихъ сценъ — Транжирина, который приготовляется угостить доморощенною труппою ожидаемаго въ деревню графа. Съ помощію отставного актера Рѣшима, Транжиринъ готовитъ сюрпризъ и тріумфальныя ворота для встрѣчи почетнаго гостя; но, къ большой досадѣ, сюрпризъ не удается... Въ этой комедіи много забавныхъ сценъ... Забавны разсказы Транжирина, какъ онъ сортируетъ слугъ для приспособленія ихъ къ музыкальнымъ инструментамъ: который повыше, того къ контрбасу; кто покоренастѣе, тотъ играй на валторнѣ... Эта пьеса имѣла замѣчательный успѣхъ“.

Прибавимъ, что она имѣетъ значеніе и для историка, такъ какъ въ ней отразилась современность. Кажется, никогда у насъ не была такъ распространена любовь къ театру, какъ въ концѣ XVIII столѣтія и въ особенности въ Александровскую эпоху. Чтобы убѣдиться относительно послѣдней, достаточно прочесть записки Жихарева и „Литературныя и театральныя воспоминанія“ Аксакова. Общество не только усердно посѣщало спектакли, но и горячо интересовалось всѣмъ, что касалось театра: въ гости-

ныхъ шли разговоры и споры о театральныхъ пьесахъ, объ ихъ исполненіи, объ ихъ авторахъ. Въ тѣ времена существовали особенно страстные любители театра, какъ, напримѣръ, Жихаревъ, С. Аксаковъ, Араповъ—люди, которымъ мы обязаны очень многими и интересными свѣдѣніями относительно того, что касалось современной имъ русской сцены и ея дѣятелей. Пушкинъ въ молодости тоже страстно любилъ театръ, въ „Евгеніи Онѣгинѣ" назвалъ его волшебнымъ краемъ" и сказалъ:

Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись!

Любовь къ театру выражалась тогда и въ устройствѣ домашнихъ спектаклей. Академикъ Дубровинъ, тщательно собравшій свѣдѣнія о домашнихъ театрахъ конца XVIII-го и начала XIX-го в., говоритъ, что въ то время они „сильно размножились, и перечислять ихъ нѣтъ возможности. Достаточно сказать, что въ одной Москвѣ было до 20 барскихъ театровъ, съ оркестрами музыки и пѣвчими" [144]). То же говоритъ и Пыляевъ въ своей статьѣ о домашнихъ театрахъ стараго времени, написанной въ 1886 г.

„Въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго столѣтія"—сказано тамъ, — „въ нашемъ дворянскомъ быту театръ и музыка получили широкое развитіе; наши баре тогда сосредоточили особенное вниманіе на сценическихъ представленіяхъ; и не было ни одного богатаго помѣщичьяго дома, гдѣ бы не гремѣли оркестры, не пѣли хоры, и гдѣ бы не возвышались театральные подмостки, на которыхъ и приносили посильныя жертвы богинямъ искусства доморощенные артисты" [145]). Часто эти домашніе спектакли бывали очень хороши, какъ напр. въ Москвѣ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, у кн. И. М. Долгорукаго, у Столыпина, Апраксина и др. Были хорошіе театры и въ провинціи, но зато нерѣдко отличались они и своею комическою стороною, ибо хозяева ихъ не всегда руководились любовью къ искусству, а иногда просто лишь модою и тщеславіемъ. Такъ, напримѣръ, въ Пензѣ помѣщикъ Гладковъ построилъ каменный театръ, на сцену котораго выгонялъ „всю дворню свою, отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки" [146]). Хозяинъ домашняго театра въ Орлѣ, гр. М. С. Каменскій, тщеславился тѣмъ, что его крѣпостные актеры играли безъ суфлера; онъ требовалъ отъ нихъ знанія роли слово въ слово, но не обращалъ никакого вниманія на самую игру, и театръ его „походилъ на какую-то полоумную за-

тѣю“ [147]). Въ Нижнемъ Новгородѣ тратилъ большія деньги на свои театральныя затѣи кн. Н. Гр. Шаховской. Его театръ, на которомъ играли его холопи, описанъ въ 1813 г. у кн. И. М. Долгорукаго такимъ образомъ: „почти нельзя безъ отвращенія смотрѣть на нихъ (актеровъ) тѣлодвиженія: они не играютъ, а, такъ сказать площаднымъ словомъ, кривляются“. Далѣе Долгорукій, описывая представленіе оперы на театрѣ Шаховского, замѣчаетъ: „Музыкальные инструменты не поспѣвали переливать музыкальныя трели, актеры волновались поминутно. Музыканты упирались всей бородой въ скрипку, тряся смычкомъ какъ плетью, насилу догоняли капельмейстера, который какъ въ набатъ ударялъ своимъ компасомъ на налойчикъ для такты. Суфлеръ въ поту ежеминутно кричалъ: „мѣняй декорацію!“ а машинистъ въ мылѣ, какъ почтовая лошадь, не зналъ, куда бѣжать напередъ, чтобы или лѣсъ спрятать, или опять его выставить“ [148]).

Пыляевъ говоритъ, что въ комедіи: „Полубарскія затѣи“ и выведенъ этотъ нижегородскій Шаховской вмѣстѣ со своимъ братомъ [149]).

Домашніе помѣщичьи театры имѣли свою хорошую сторону, которая и указана Пыляевымъ. „Эти затѣи баръ“,—говоритъ онъ,—„какъ ни были онѣ иногда смѣшны и неудачны, но все-таки развивали въ крѣпостныхъ людяхъ, обреченныхъ коснѣть въ невѣжествѣ, грамотность и понятія о изящномъ. Многіе изъ крѣпостныхъ актеровъ впослѣдствіи сдѣлались украшеніемъ отечественной сцены“ [150]). Но у этихъ барскихъ затѣй была и отрицательная сторона—и очень печальная: отъ этихъ затѣй солоно приходилось многимъ крѣпостнымъ актерамъ. Тотъ же Пыляевъ приводитъ нѣсколько фактовъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ одного современника о театрѣ князя Грузинскаго въ Алатырскомъ уѣздѣ. „Когда занавѣсъ поднимается, выйдетъ съ боку красавица Дуняша—ткача дочь, волосы наверхъ подобраны, напудрены, цвѣтами изукрашены, на щекахъ мушки налѣплены, сама въ помпадурѣ на фижмахъ, въ рукѣ посохъ пастушечій съ алыми и голубыми лентами. Станетъ князя виршами поздравлять, и когда Дуня отчитаетъ, Параша подойдетъ, писаря дочь. Эта пастушкомъ наряжена, въ пудрѣ, въ штанахъ и въ камзолѣ. И станутъ Параша съ Дунькой виршами про любовь да про овечекъ разговаривать, сядутъ рядкомъ и обнимутся. Недѣли по четыре дѣвокъ бывало тѣмъ виршамъ съ голосу Семенъ Титычъ, сочинитель, училъ: были неграмотны. Долго бывало маются, сердечныя, да

какъ разъ пятокъ ихъ для понятія выдерутъ, выучать твердо“ [151]). Въ другомъ мѣстѣ Пыляевъ передаетъ разсказъ Писарскаго (изъ его „Половодья“) о пензенскомъ театрѣ Гладкова. „На этомъ театрѣ въ одно время давалось два представленія: одно шло на сценѣ, другое—неизбѣжное—передъ сценой, гдѣ главнымъ и единственнымъ артистомъ являлся самъ хозяинъ театра—Гладковъ. Публика хорошо знала привычки его и слѣдила за нимъ съ вниманіемъ едва ли не большимъ, чѣмъ то, какое отдавалось представленію на сценѣ. Возгласы сценическіе смѣшивались съ возгласами Гладкова. Въ то время, когда какой-нибудь царь или герой, въ лицѣ Бурдаева или крѣпостного Гришки, ревѣлъ на когонибудь изъ своихъ подданныхъ, Гладковъ, нисколько не стѣсняясь, изрыгалъ громы на этого царя или героя и называлъ его дуракомъ или скотиной, смотря по тому, чего онъ заслуживалъ, вслѣдствіе эстетической оцѣнки хозяина театра. Этого мало. Часто по окончаніи какого-нибудь явленія, Гладковъ на виду всѣхъ бурно срывался съ своего мѣста и грозно летѣлъ на сцену. Всѣ знали, что этотъ неистовый полетъ имѣлъ цѣлію немедленную расправу съ артистомъ или артисткой посредствомъ пощечинъ и зуботычинъ. Послѣ подобной расправы дѣйствующее лицо появлялось на сцену съ раскраснѣвшимися щеками и заплаканными глазами“ [152]). Нижегородскій Шаховской,—пишетъ Дубровинъ,—„обращался съ своими актерами жестоко и за провинности надѣвалъ имъ рогатки на шею, приковывалъ къ стулу, наказывалъ палками и розгами“ [153]).

Но рядомъ съ жестокостью, помѣщики нерѣдко и развращали своихъ актрисъ. Такъ напр. въ Казани П. В. Есиповъ, старый холостякъ, угощалъ своихъ друзей помимо театральныхъ представленій еще и вакханаліями. То же дѣлалъ и князь Н. Б. Юсуповъ въ Москвѣ и мн. др. [154]).

Перейдемъ теперь къ другой бытовой комедіи Шаховского—„Пустодомы“, представленной въ первый разъ 10 октября 1819 г. на Большомъ театрѣ въ Петербургѣ [155]). Комедія эта въ 5 дѣйствіяхъ и написана стихами. Вотъ списокъ дѣйствующихъ въ ней лицъ:

Князь Радугинъ.

Княгиня — жена его.

Княжна Наталья — сестра его.

Радимовъ — генералъ, ихъ дядя.

Графиня Вельская — родственница княжны, воспитавшая ее.

Графъ Вельскій — сынъ ея, женихъ княжны Натальи.
Цаплинъ — стряпчій и управитель дома князя Радугина.
Инквартусъ — ученый библіотекарь князя.
Маша — горничная княгинина, взятая изъ модной лавки.
Ѳома — бывшій приказчикъ княжихъ деревень.
Ванюша — племянникъ его, камердинеръ князя.
Слуга, нѣсколько слугъ, мальчикъ.

Пустодомами въ комедіи являются князь Радугинъ и его супруга. Оба они окончательно разорили свое богатое имѣнье: одинъ — путемъ безтолковаго хозяйства, а другая — путемъ мотовства.

Князь Радугинъ, человѣкъ еще молодой, побывалъ за моремъ, увлекся европейскими системами сельскаго хозяйства и, вернувшись въ столицу, задался мыслью сдѣлать свое имѣнье образцовымъ въ хозяйственномъ отношеніи. Но онъ былъ лишь теоретикъ, не имѣвшій ни опыта ни практическихъ знаній, и, какъ чистый теоретикъ, смотрѣлъ всегда вдаль, не видя, какъ говорится, того, что дѣлается у него подъ носомъ. Ванюша въ первомъ же дѣйствіи такъ его характеризуетъ:

..... Нашъ князь все въ мірѣ знаетъ,
Всѣ въ небѣ звѣздочки по имю называетъ,
Кто до потопа жилъ — извѣстно все ему;
А то, что дѣлаютъ теперь въ его дому,
Не вѣдаетъ, и знать ему какъ будто стыдно.

Полагая, что вся суть хозяйства заключается въ знаніи теоріи, Радугинъ, чтобы имѣть свободное время для своихъ теоретическихъ занятій, дѣла свои и домъ предоставилъ плуту управителю—Цаплину, а въ имѣнье послалъ выписанныхъ экономовъ-иностранцевъ; самъ же остался въ столицѣ съ Инквартусомъ— заниматься теоріями и издавать, при его помощи, политико-хозяйственный журналъ. Этотъ Инквартусъ, по отзыву здраваго ума, былъ „всѣхъ ученѣй и глупѣй". Къ нему-то князь, запасшійся всевозможными иностранными книгами, и обращается съ такою рѣчью:

Ты только извлекай, а я, занявшись слогомъ,
Извѣстнымъ мнѣніямъ дамъ новый оборотъ,
И помѣщу свои статьи для домоводства.
Мои плантаціи, заводы, скотоводства,
Домы крестьянскіе, трехверстный водоводъ,
Отопка турфами, овины, молотильни,
Свекольный сахаръ — все... и самыя коптильни
Невѣжей просвѣтятъ. — Я выставлять хочу

Всего полезнаго село мое въ образчикъ,
И только что рапортъ оттуда получу,
То и вмѣщу въ журналъ.

Князь въ восторгѣ, что въ его имѣніи

„На европейскую поставлено все ногу“.

Между тѣмъ въ домѣ князя появляется Ѳома, котораго смѣнили иностранные управители, дѣйствующіе по требованіямъ хозяина. Князь начинаетъ разспрашивать его, какъ идетъ хозяйство въ имѣньи.— Ну, какъ свекольный сахаръ?— Ѳома говоритъ, что распахали подъ свеклу десятинъ до ста, да сахару-то вышло всего 3 пуда. Князь морщится и замѣчаетъ, что это невыгодно. Ѳома объясняетъ, что было сахару и больше, да нѣмецъ-управитель послалъ коробочку „газетчику въ Нѣмецію“, чтобы о немъ прописали въ газетахъ.— Вотъ это умно!— говоритъ князь.— Ну, а мериносы, которыхъ я прислалъ?— спрашиваетъ хозяинъ.— Ихъ негдѣ пасти,— отвѣчаетъ Ѳома:— выгоны всѣ изрѣзаны на турфы, и мериносы подохли.— Князь видитъ во всемъ невѣжество и непросвѣщенность русскихъ мужиковъ. Въ разговорѣ принимаетъ участіе и Инквартусъ.

Инквартусъ.

Но этотъ дефицитъ
Винокуреніе съ избыткомъ возвратитъ;
Отъ турфовъ выгоды окупятъ мериносовъ.

Ѳома.

Охъ, врядъ ли!

Князь.

Что еще?

Ѳома (Инквартусу).

Да, господинъ филосовъ,
Будь сказано не въ гнѣвъ, а турфы такъ горятъ,
Что ими не вино—одну раку сидятъ.

Князь.

Невѣжды!

Инквартусъ.

Почему?

Ѳома.

Отъ Ваньки, кочегара,
Я слышалъ, что изъ нихъ нельзя добиться жара;
Что сидка турфами—лишь хлѣба переводъ;
И мастеръ самъ сказалъ, когда муки нестало;
Притомъ безводье...

Князь.

Какъ! но гдѣ жъ мой водоводъ?

Ѳома.

На диво всѣмъ стоитъ, воды въ немъ только мало:
Да и послѣдняя вся вымерзла зимой.

Князь.

Невѣжды!

Инквартусъ.

Кажется, климатъ тому виной.

Князь.

Климатъ! у насъ климатъ? не стыдно ль звать климатомъ
Морозы, вьюгу, дождь и вѣчную зиму,
Гдѣ гибнетъ все, нельзя родиться ничему;
И въ царствѣ, клюквою, брусникою богатомъ,
Что можно завести?— Я знаю напередъ,
Что и ревень пропалъ.

Ѳома.

Нѣтъ, славно онъ родится.

Князь.

Хоть это удалось!

Ѳома.

Да худо съ рукъ идетъ.

Инквартусъ.

Какъ худо?

Ѳома.

Видишь, онъ въ лѣкарство негодится.

Князь.

Невѣжды!

Инквартусъ.

Отчего?

Ѳома.

То знаютъ лѣкаря.

Мы жъ люди темные.

Инквартусъ.

А! понимаю я:
На сѣверѣ продуктъ свое теряетъ свойство;
Объ этомъ много я читалъ.

Князь (въ бѣшенствѣ).

Читай, учись
И просвѣщай невѣждъ, и заводи устройство
На то, чтобъ лѣкаря, зима, морозъ нашлись,
Которые... (Ѳомѣ) Хотя на мѣстѣ ли строенье?

Не провалилось ли сквозь землю все имѣнье?
И родился ли хлѣбъ?

Ѳома.

Сосѣди говорятъ,
Что въ прошлый годъ у нихъ пришелъ самъ-пятъ,
Съ копны — осьмина ржи, пшеница — самъ-девята.

Князь.

А что жъ у насъ?

Ѳома.

Когда бъ у насъ не извели
На свеклу и ревень и невѣсть что земли,
Когда бы не была отъ молотиленъ трата,
Когда бы жали рожь, когда бы...

Князь.

Ну, завралъ!
Не разсуждай, молчи!

Ѳома.

Дозволь промолвить слово:
Хоть нашъ холопскій умъ предъ вашимъ барскимъ малъ,
А, кажется, не все то хорошо, что ново.

Выслушавъ Ѳому, князь окончательно рѣшилъ, что во всемъ виноваты невѣжественные мужики, и говоритъ Инквартусу, что онъ заведетъ школы, гдѣ будутъ учить крестьянъ „всему... всему... всему!“

Есть въ комедіи и другія указанія на непрактичность князя. Такъ напр. Радимовъ въ одномъ мѣстѣ упрекаетъ его въ томъ, что у него въ имѣньи кладутся печи по журналу людьми, не знающими печного дѣла, и однажды печникъ-теоретикъ вывелъ трубу такъ, что загорѣлся домъ.

Радугинъ такимъ образомъ несетъ по имѣнью большіе убытки, а жена его между тѣмъ тратитъ огромныя деньги на предметы роскоши. Въ 3-мъ явл. II-го д. графиня Вельская говоритъ княгинѣ:

Вашъ благодатный домъ съ крыльца до чердака
Напичканъ бронзами, шалямъ твоимъ нѣтъ счета,
Фарфору нѣтъ числа, цвѣтами прудъ пруди,
А все: еще давай! И какъ тебѣ охота
Обогащать плутовъ?

Подъ плутами тутъ разумѣются торговцы въ модныхъ лавкахъ, которые при посредствѣ горничной, Маши, навязываютъ падкой на роскошь княгинѣ совсѣмъ ненужныя ей вещи.

Да, свѣтъ мой, погоди!
Ужъ ваши всѣ дѣла идутъ что день—то хуже,
И должники уймутъ отъ мотовства тебя!

грозитъ Радугиной графиня.

И угроза скоро сбывается: имѣнье князя назначено къ продажѣ за долги. Но тутъ, какъ и во многихъ французскихъ пьесахъ, является на выручку добрый дядюшка: Радимовъ выкупаетъ имѣнье, но ставитъ условіемъ, чтобы Радугины ѣхали жить въ деревню, а наблюдать за хозяйствомъ будетъ онъ — Радимовъ.

Въ историческомъ отношеніи самое важное лицо въ комедіи— конечно, князь Радугинъ. Мы уже говорили, что въ Александровскую эпоху у насъ обращено было вниманіе на европейскія системы хозяйства, и въ журналахъ того времени печатались статьи по различнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства и промышленности. Въ этихъ статьяхъ шла рѣчь и о свекловичномъ сахарѣ, и о мериносахъ, о турфахъ, объ англійскихъ земледѣльческихъ орудіяхъ — словомъ, именно о томъ, чѣмъ занятъ былъ и кн. Радугинъ [156]). Говорили мы также и о томъ, что на ряду съ людьми, умѣвшими съ пользою примѣнить заграничные пріемы хозяйства, были у насъ и такіе, которые только увлекались теоріей и совершенно не были знакомы съ практической стороной дѣла; отсюда и являлись печальныя послѣдствія ихъ распоряженій и вообще ихъ хозяйственной дѣятельности. Такихъ людей осмѣивалъ Крыловъ (въ комедіи: „Модная лавка“ и въ баснѣ: „Огородникъ и философъ“), осмѣивалъ гр. Растопчинъ (въ статьѣ „Плугъ и соха“); надъ ними посмѣялся и Шаховской, но въ лицѣ князя Радугина обрисовалъ этотъ типъ хозяина-теоретика гораздо полнѣе своихъ предшественниковъ.

Однако при этомъ надо сказать, что Шаховской и самъ нѣсколько увлексуя. Нельзя не соглашаться съ нимъ, когда онъ говоритъ о хозяйствѣ устами графини:

Ученье безъ умѣнья — не польза, а бѣда;

или устами Радимова:

1) ... безъ ума, отъ книгъ не будете умнѣй,
2) ...домъ бариномъ ведется;
Чтобъ онъ въ порядкѣ шелъ, хозяйскій нуженъ глазъ.

Но въ то же время нельзя не замѣтить, что авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей комедіи излишне консервативенъ. Свои консервативныя мысли онъ влагаетъ и въ уста Ѳомы и еще болѣе въ уста генерала Радимова. Послѣдній выставленъ у него, какъ

хозяинъ опытный, толковый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и недовѣрчиво относящійся къ сельско-хозяйственнымъ новшествамъ вообще. Радимовъ не хочетъ завести у себя не только фабрикъ (на что и имѣетъ резонную причину: „я не очень въ нихъ смышленъ", говоритъ онъ), но боится даже и такихъ заграничныхъ орудій, какъ англійскія молотилки, сѣялки, жнеи. Тутъ ужъ сатира Шаховского какъ бы мѣтитъ не только на смѣшныхъ хозяевъ-теоретиковъ, но и вообще на нововводителей въ хозяйствѣ. Это увлеченіе князя является отрицательной стороной его комедіи.

Обращая вниманіе въ своихъ комедіяхъ на бытовую сторону, кн. Шаховской затрогивалъ въ нихъ и явленія въ области литературы. Извѣстно, что въ самые же первые годы XIX-го столѣтія появились сентиментальныя „Путешествія" В. Измайлова и кн. Шаликова, гдѣ сентиментализмъ, особенно у послѣдняго, доведенъ былъ до приторности [157]). Шаховской написалъ на этихъ сентиментальныхъ путешественниковъ сатиру, придавъ ей форму комедіи и назвавъ ее: „Новый Стернъ". Она написана прозой и состоитъ изъ одного лишь дѣйствія; на сцену она была поставлена въ первый разъ 31 мая 1805 г. Приторно-чувствительные путешественники осмѣяны въ ней въ лицѣ молодого графа Пронскаго, который въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи такъ и названъ авторомъ: „сентиментальный путешественникъ". Мѣстомъ дѣйствія является „пріятное мѣстоположеніе" среди деревенской природы.

Черты графа Пронскаго достаточно обнаружены уже въ первомъ явленіи, гдѣ представленъ разговоръ между слугою графа, Ипатомъ, и Судьбинымъ, другомъ отца Пронскаго. Вотъ это явленіе.

Ипатъ. Какъ, сударь, это вы?—Я не вѣрю глазамъ моимъ. Вы за 500 верстъ отъ Москвы; вы разлучились со старымъ нашимъ генераломъ?

Судьбинъ. Сумасбродство твоего господина разлучило меня съ отцомъ его.

Ипатъ. Какъ, сударь! такъ вы гоняетесь за его сіятельствомъ?

Судьбинъ. Да вотъ ужъ скоро мѣсяцъ, какъ я ѣзжу по слѣдамъ вашимъ: привязанность моя къ старому графу сдѣлала меня путешественникомъ по неволѣ; отецъ твоего графа хотѣлъ женить его на доброй, любезной дѣвушкѣ, дочери стариннаго нашего друга, писалъ къ нему въ Петербургъ, чтобъ онъ просился въ отпускъ; но въ отвѣтъ получилъ полдести посланія, изъ ко-

тораго мы не безъ труда поняли, что молодой человѣкъ слишкомъ нѣжно чувствуетъ для военной службы; что сердце его слишкомъ сентиментально для женитьбы безъ страсти, и что онъ слишкомъ восхищенъ новыми произведеніями ума; и для того, выйдя въ отставку, не хотя жениться и желая сдѣлать журналъ онъ поѣхалъ путешествовать въ Россію.—Мой старый генералъ ударилъ тревогу, хотѣлъ писать въ Петербургъ, просить всѣхъ о возвращеніи его сына; но я, напомня ему наши молодыя лѣта, уговорилъ его не дѣлать огласки, которая могла быть пагубна для его сына; велѣлъ заложить коляску и отправился васъ искать. Я надѣюсь, что мнѣ удастся вывести изъ заблужденія твоего барина.

Ипатъ. Врядъ ли, сударь! баринъ мой всякій день дѣлается сентиментальнѣе, трогательнѣе, интереснѣе...

Судьбинъ. Изъ какой полукнижки ты взялъ эти слова?

Ипатъ. О сударь! это ли я еще знаю! Лазурно-розовое небо, предметъ умозрѣнія, цвѣты вѣчности, вліяніе бальзамическое...

Судьбинъ. Довольно, довольно. — Итакъ скажи мнѣ: что вы дѣлаете?

Ипатъ. Мы, сударь?.. смотря по погодѣ: вздыхаемъ, плачемъ, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Ясное солнце согрѣваетъ наши чувства; ужасный морозъ напрягаетъ нашу жизненность; быстрый ручей мелодіею своею питаетъ нашу меланхолію; тихое озеро служитъ зеркаломъ нашей сентиментальности; наконецъ ведро, вѣтеръ, дождь, горы, лѣса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары... все имѣетъ вліяніе на нашу душу; словомъ, мы сентиментальные вояжеры. Но, увы! судьбѣ угодно было, чтобъ изъ трехъ насъ геній смерти похитилъ одного... О Лэди! тебя ужъ нѣтъ... Ахъ!.. вѣчность!

Судьбинъ. Какъ! что это значитъ? одинъ изъ васъ умеръ?— Кто этотъ Лэди?

Ипатъ. Чувствительный, признательный, сентиментальный другъ человѣчества, печать вѣрности, наконецъ — англійская собачка, которую третьяго дня на этой горѣ переѣхали колесомъ, и которой графъ воздвигаетъ монументъ вѣчности.

Судьбинъ. Такъ это-то и удержало его здѣсь?

Ипатъ. Это, но не совсѣмъ. Смерть привязанной Лэди оставила пустоту въ нашихъ сердцахъ, которую мой баринъ хочетъ наполнить интересною дочерью здѣшней мельничихи.

Судьбинъ. Кузьминичны, у которой я живу въ домѣ?

Ипатъ. Ею, сударь, ею. Вчера, какъ мы оплакивали нашего друга, Маланья, трогательная пастушка, гнала добренькихъ ко-

ровъ, романическихъ овечекъ, сытенькихъ свинокъ гибкою хворостинкою въ скромный скотный дворъ. Она пѣла: „По горамъ, по горамъ". Голосъ ея раздавался въ душахъ нашихъ. Я сегодня до свѣта полетѣлъ, по приказанію его сіятельства, развѣдать объ этой обворожительницѣ, какъ мнѣ сказали, что какой-то баринъ меня спрашиваетъ; я пустился бѣжать, прибѣжалъ, взглянулъ и увидѣлъ заслуженнаго, почтеннаго друга нашего стараго графа: сердце мое забилось страхомъ и надеждою.

Судьбинъ. Ежели ты мнѣ поможешь завербовать въ порядочные люди твоего графа, то тебѣ нечего бояться.

Ипатъ. Вы можете на меня надѣяться, какъ на каменную стѣну, тѣмъ больше, что мнѣ хочется выйти въ отставку изъ сентиментальныхъ вояжеровъ.

Судьбинъ. Мнѣ пришла странная мысль,—я хочу сдѣлать фальшивую атаку:- въ войнѣ, въ любви и въ добромъ дѣлѣ всѣ хитрости годятся.—Ну, ежели я назовусь отцомъ этой побѣдительницы! ха, ха, ха, авось либо этой проказоі удастся мнѣ проучить твоего проказника [158]).

Вскорѣ затѣмъ появляется и Пронскій (явл. 3-е) „О натура о Стернъ!... я молчу — и молчаніе мое одно достойно тебя"... восторженно говоритъ онъ, стоя на пригоркѣ и любуясь природой. Затѣмъ онъ произноситъ слѣдующій монологъ (явл. 4-е):

„Утро ясно, ясна душа моя! А тамъ—тамъ, за дымчатыми горами, за грустнымъ лѣсомъ, — милліоны людей!... Чудна, пестра природа!... Здѣсь потерялъ я друга, истиннаго, тонкаго, бережливаго! О Лэди, Лэди! тебя ужъ нѣтъ!... слеза дружбѣ!... Здѣсь встрѣтилъ я невинное существо, ангела въ образѣ интересной пастушки; ахъ!... вздохъ любви.... Ея взглядъ, здѣсь!... Пламенная стрѣла Амура эскизировала ея силуетъ въ сердцѣ моемъ... всю ночь мрачный Морфей не очернилъ зрѣнія моего, она была въ мысленныхъ очахъ моихъ!... Напрасно я перелистывалъ «Новую Элоизу»: я вездѣ читалъ имя незнакомой дѣвушки... наконецъ скромный геній мой инспирировалъ томной музѣ сладостный романсъ. Заставилъ любовницу Нарцисову повторить его! Гитара, другъ моей чувствительности, устрой томный голосъ мой!..."

Графъ поетъ романсъ:

Вѣнцы, мечи, щиты, порфиры!
Не васъ я, бѣдные, ищу;
Герои, побѣждайте міры!
Предъ вами я не трепещу.
Натура мнѣ сама сказала,
Что долженъ жить я межъ цвѣтовъ,

Она любить мнѣ приказала,
Она — малиновка — любовь!
Змѣитесь, рѣчки! вѣтры, дуйте!
Шепчи любовь, младой Зефиръ!
Вы, нѣжны голубки, воркуйте!
Ты, соловей, плѣняй весь міръ!
Натура! я тебѣ подобенъ;
Я вольно чувствовать хочу.
Какъ скромный кроликъ, я незлобенъ,
И вслѣдъ любви вездѣ лечу.

И графъ воображаетъ, что онъ влюбленъ въ дочь мельника— Маланью, которую онъ называетъ „Мелани“, и высказываетъ такія мечты (явл. 12-е):

„Такъ, такъ, жребій мой брошенъ: сдѣлаюсь земледѣльцемъ, возьму себѣ въ подруги дочь этого почтеннаго старца, и вмѣстѣ съ нею поселюсь въ низкой хижинѣ. Тамъ въ часъ солнечнаго восхода буду пробуждать любезную, на рукѣ друга покоющуюся; тамъ буду съ нею обработывать уголокъ земли или стеречь барашковъ и овечекъ“.

Крестьяне рѣшили, что баринъ „свихнулъ съ ума“, а Ипатъ странности графа объясняетъ вліяніемъ на него чтенія тѣхъ „маленькихъ книжонокъ“, которыя онъ носилъ ему изъ университетской лавки. Онѣ-то, по его справедливому мнѣнію, и „подцѣли бѣднаго графа“.

„Растолкуйте мнѣ, сударь: откудова выѣхала къ намъ эта сентиментальная чертовщина? — обращается въ одномъ мѣстѣ комедіи Ипатъ къ Судьбину (явл. 9-е). Послѣдній отвѣчаетъ: „Она сформировалась въ Англіи, попортилась во Франціи, раздулась въ Германіи, а къ намъ ее вывезли въ такомъ жалкомъ состояніи, что“...—„Что и курамъ на смѣхъ!“ — подхватываетъ Ипатъ — и замѣчаетъ: „Бѣда тѣмъ, къ кому она отъ насъ попадетъ“.

Въ послѣднемъ явленіи (13-мъ) Судьбину удается образумить графа, надъ которымъ смѣются даже деревенскіе ребятишки и сама „Мелани“.—„Вы должны почувствовать“,—говоритъ ему Судьбинъ, — „сколь воображеніе молодого чувствительнаго человѣка, воспламененное взбалмошными писателями, можетъ быть для него пагубно; рожденный съ чувствами пламенными, сердцемъ нѣжнымъ, душою пылкою, молодой человѣкъ, начитавшійся писателей, которые, не смотря на ихъ ложныя мысли, одарены нѣкоторымъ краснорѣчіемъ, можетъ на минуту заблудиться; но при первомъ свѣтѣ разсудка онъ долженъ войти на истинный путь“. Графъ обѣщаетъ „убѣгать навсегда всѣхъ чувствительныхъ странностей“.

Нами было уже нѣсколько разъ замѣчено, что сентиментализмъ имѣлъ въ свое время полезную сторону. Ее,— на что мы тоже указывали,—признаетъ и критикъ, такъ недолюбливающій Карамзина,—Пыпинъ, когда говоритъ, что „чувствительность, которая и въ самой европейской литературѣ являлась желаннымъ противовѣсомъ сухой разсудочности, у насъ тѣмъ болѣе могла имѣть благотворное значеніе, какъ болѣе человѣчная струя, введенная въ обычные грубые нравы“ [159]). Но въ мѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ, что сентиментализмъ былъ у насъ доведенъ подражателями Карамзина до крайностей — и эти крайности, конечно, заслуживали осмѣянія. На нихъ много было сатиръ, но сатира кн. Шаховского была самая ѣдкая. Ѣдкость ея заключается между прочимъ и въ томъ, что авторъ, изображая графа Пронскаго увлекающимся разными сентиментальными нѣжностями, выставляетъ его и какъ помѣщика, вовсе не забывшаго грубыхъ привычекъ, выработанныхъ крѣпостнымъ правомъ. Такъ, напримѣръ, когда Ипатъ, вопреки желанію барина, называетъ дочь мельника не „Мелани“, а просто „Маланья“, графъ грозитъ ему: „Послушай, ежели ты еще осмѣлишься огрубить слухъ мой, то я для чести литературы и сентиментальности дамъ тебѣ почувствовать силу руки моей“ (явл. 5-е).

Подобные факты, а также и то обстоятельство, что и самъ Карамзинъ не былъ чувствителенъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ [160]), приводятъ нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ къ заключенію, что сентиментализмъ былъ явленіемъ, для нашихъ нравовъ совершенно безплоднымъ [161]). Но выводъ, основанный на сравнительно немногихъ фактахъ еще не можетъ быть достовѣрнымъ, какъ мы уже разъ имѣли случай говорить объ этомъ. Можно утверждать, что крѣпостничество глубоко въѣлось въ наши нравы, но все же сентиментализмъ не могъ не смягчать ихъ: вѣдь и Пыпинъ признаетъ, что это литературное теченіе очеловѣчивало въ извѣстной мѣрѣ наше общество; да и Бестужевъ-Рюминъ держался того мнѣнія, что „поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ, уже не могло повторить Куралесова или Салтычиху; по крайней мѣрѣ оно значительно смягчило эти типы“ [162]).

Араповъ говоритъ, что „Стернъ многимъ не понравился“ [163]). Эти „многіе“ были, во-первыхъ, поклонники Карамзина вообще и литераторы-карамзинисты въ частности. Шаховской имѣлъ въ виду крайнихъ подражателей Карамзина и главнымъ образомъ кн. Шаликова, но косвенно былъ имъ задѣтъ и самъ Карамзинъ,

какъ положившій основаніе у насъ сентиментальнымъ путешествіямъ. Да къ тому же многія изъ тѣхъ словъ и выраженій, которыя осмѣиваются въ комедіи, встрѣчаются въ „Письмахъ русскаго путешественника“, какъ напр. *трогательный*, *интересный*, *меланхолія*, *служитъ зеркаломъ* (*сентиментальности*, а у Карамзина — *натуры*) и др. Дѣло кончилось тѣмъ, что комедія: „Новый Стернъ“ поссорила Шаховского съ карамзинистами, такъ какъ они увидѣли въ немъ „гонителя Карамзина“.

Во-вторыхъ, недовольны были комедіей Шаховского и тѣ, которые не раздѣляли насмѣшки автора надъ желаніемъ графа Пронскаго жениться на крестьянкѣ. Одинъ изъ этихъ недовольныхъ даже помѣстилъ противъ Шаховского статью въ журналѣ Брусилова, о которой мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, и приводили изъ нея выдержки [164]).

Князь Шаховской затронулъ и Жуковскаго. Въ 1815 г. (23 сент.) появилась на сценѣ его комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ: „Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды“, перенесенная на русскую почву изъ французской пьесы: „La coquette“. Главное лицо въ ней — графиня Лелева, молодая вдова, пріѣхавшая въ Липецкъ не лѣчиться, а блистать своею красотою и кокетничать. Она завлекаетъ и молодыхъ и старыхъ: ею увлечены и „купидонъ“ Угаровъ, и поэтъ Фіалкинъ, и старый, разбитый подагрой баронъ Вольмаръ; но главный предметъ ея кокетства— полковникъ Пронскій, герой отечественной войны. — Онъ человѣкъ богатый, а дѣла графини разстроены, и она хочетъ женить его на себѣ, для чего употребляетъ различныя хитрости, чтобы отвлечь вниманіе Пронскаго отъ княжны Холмской (Оленьки), къ которой онъ чувствуетъ привязанность. Въ то же время Лелева кокетничаетъ и съ двоюроднымъ братомъ Пронскаго — графомъ Ольгинымъ, прежнимъ своимъ поклонникомъ, случайно заѣхавшимъ на Липецкія воды, и даже назначаетъ ему свиданіе. При помощи горничной Оленьки — Саши, продѣлки и лукавые замыслы кокетки открываются—и она, смущенная и разгнѣванная, уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Приведемъ изъ этой комедіи то мѣсто (Д. I, явл. 2-е), гдѣ собрана характеристика многихъ лицъ и въ томъ числѣ—графини Лелевой.

Разговоръ идетъ между Сашей и только что пріѣхавшимъ братомъ Оленьки—княземъ Холмскимъ, другомъ и сослуживцемъ

Пронскаго. Нѣкоторое участіе въ разговорѣ принимаетъ и Семенъ, смотритель за ваннами, женихъ Саши.

Саша. Вы здѣсь?—два года ровно
Мы не видали васъ... (подбѣгаетъ къ князю и вдругъ останавливается).
Князь. Должна со мной ты быть,
Какъ съ другомъ, безъ чиновъ.
Саша. Могу ль мой долгъ забыть...
Князь. Не забывай, что ты взросла съ моей сестрою,
Что добрый твой отецъ былъ другомъ, не слугою
До смерти моего покойнаго отца;
Что долженъ быть ему я вѣчно благодаренъ
За все усердіе... (Обнимаетъ ее).
Семенъ (въ сторону). Вотъ прямо русскій баринъ!
Ну диво ли, что къ нимъ лежатъ у насъ сердца?
Саша. Вы милостивы такъ...
Князь. Мою оставимъ милость,
А станемъ говорить о дѣлѣ: что сестра?
Саша. Попрежнему; всегда умна, мила, добра;
Да въ душу къ ней зашла какая-то унылость.
Князь. А это отчего?
Саша (Семену). Ты развѣ не сказалъ?
Семенъ. Я остротѣ твоей оставилъ честь разсказа.
Князь. Будь искренна со мной. Графиня, говорятъ...
Саша. Съ тѣхъ поръ, какъ эта къ намъ вселилася зараза,
Все здѣсь пошло вверхъ дномъ; и воды намъ вредятъ,
И воздухъ нездоровъ, и балы очень скучны:
Всѣхъ тетушка бранитъ, и ахъ! бостона нѣтъ.—
Графиня липецкій заворожила свѣтъ,
И бостонисты всѣ лишь съ нею неразлучны.
Намъ вѣсти некому московской разсказать,
И даже гранъ-пасьянсъ ни разу не выходитъ—
А вашу тетушку все это въ гнѣвъ приводитъ.
Князь. Но другъ мой Пронскій?
Саша. Онъ изволитъ воздыхать.
Князь. Мой другъ разборчивымъ и твердымъ мнѣ казался;
Неужели и онъ къ графинѣ въ сѣть попался?
Саша. Почти, но не совсѣмъ: межъ вашихъ двухъ сестрицъ *)
Колеблется еще; однако же съ родною
Согласенъ болѣе и сердцемъ, и душою;
Но отъ двоюродной, которой всѣхъ столицъ
Для низложенія нашлося недовольно,
Кружится голова.
Князь. Да какъ съ его умомъ
Кокеткѣ поддался?
Саша. Вотъ это мнѣ и больно.
Но пусть бы прочихъ всѣхъ она въ безумный домъ
Погнала какъ гусей,—туда имъ и дорога.

*) Лелева приходится двоюродной сестрою князю Холмскому.

Князь. А прочихъ много ли?
Саша. Ихъ прежде было много,
Да порастратились: одни въ постель слегли,
Иные примерли, другимъ мы абшидъ дали;
А многихъ по домамъ родные развезли...
Графинины глаза здѣсь только засіяли,
Сестрицы, женушки,—всѣ мигомъ по норамъ,
А съ ними и мужья, и братцы потащились.
Одни заохали, другіе взбѣленились;
Изъ лучшихъ трое здѣсь остались въ жертву намъ.
Баронъ Вольмаръ...
Князь. Вольмаръ! онъ сынъ иль внукъ, конечно,
Того, который сжегъ въ два года милліонъ
На разныхъ фейрверкахъ?
Саша. Не внукъ, а самый онъ.
Князь. Ты ошибаешься, иль жить онъ вздумалъ вѣчно?
Семенъ. Въ народѣ говорятъ, что камеръ-пажемъ былъ
Онъ сдѣланъ въ торжество за взятіе Кистрина.
Князь. И слушаютъ его?
Саша. На это есть причина:
Онъ важенъ въ Липецкѣ и при дворѣ служилъ,
Отборно говоритъ и даже былъ въ Парижѣ.
Князь. Но кто жъ ей нравится?
Саша. Никто: ей всѣ равны.
Чтобъ мучить бѣдный свѣтъ, ей прелести даны;
А любитъ лишь себя.
Семенъ (въ сторону). Рубашка къ тѣлу ближе.
Князь. Да кто жъ другой влюбленъ?
Саша. Прелестникъ нашъ другой
И молодъ, и вертлявъ,—поручикъ отставной,
Сынокъ откупщика, охотникъ лошадиный,
Угаровъ; онъ своей самъ бодрости не радъ;
Со всѣми безъ чиновъ, со всѣми равный братъ;
Въ Москвѣ домъ розовый имѣетъ на Неглинной,
И бѣгуновъ лихихъ, и ухарскихъ псарей;
Цыганокъ таборъ съ нимъ: онъ прежде былъ гусаромъ,
А какъ война пришла, въ отставку поскорѣй;
Но чтобы доказать, что онъ служилъ недаромъ,
Въ полу-воинственный одѣтъ всегда нарядъ,
И въ шпорахъ, и въ усахъ, ну, словомъ, сущій хватъ.
Для вальсовъ мы къ нему имѣемъ снисхожденье.
Князь. А третій?
Саша. Третій; ахъ! пресладкое творенье,
Чувствительный поэтъ, и держимъ мы его
Для сумерекъ одниxъ.
Князь. А это для чего?
Саша. Чтобъ нѣжнымъ голосомъ, подъ тихій строй гитары,
Онъ наши прелести слезливо воспѣвалъ.
Но этихъ прелестей всесильные удары

Стремятся въ Пронскаго, и онъ бы въ сѣть попалъ,
Когда бъ безъ умысла, безъ всякаго искусства,
Сестрицá ваша въ немъ не породила чувства
Почтенья нѣжнаго, и больше можетъ быть.

Князь. Когда бъ любилъ сестру, не сталъ бы онъ любить графиню.

Саша. Ахъ сударь! кто сердце разгадаетъ:
Княжна ему мила, графиня обольщаетъ.
Вашъ другъ... быть искренной вы приказали мнѣ:
Не свѣдущъ въ обществахъ, хоть славенъ на войнѣ;
А женщинъ узнавать труднѣе, чѣмъ сражаться.
Такъ и страшитъ его застѣнчивость княжны.
Ей чувства нѣжныя хоть имъ и внушены,
Да онъ никакъ о томъ не можетъ догадаться.
Графиня же вздыхать изволитъ на заказъ:
Увидитъ Пронскаго, смутится, оробѣетъ;
Ахъ, какъ она свое искусство разумѣетъ!
Въ ней все наметано,—языкъ, и умъ, и глазъ.
Она ко всякому приноровится нраву;
Жива съ Угаровымъ, съ Фіалкинымъ томна,
Съ барономъ любитъ дворъ, а съ Пронскимъ — русскихъ славу;
И я, сударь, сама, признаться вамъ должна,
Что разумомъ ея прельщаюся невольно;
Какъ станетъ всѣхъ цѣнить, шутить, пересмѣхать,
Расцѣловала бы; мнѣ только очень больно,
Что хочетъ Пронскаго у насъ перетягать;
Но не бывать тому, и вамъ Семенъ порука,
Что мастерство ея поставлю я втупикъ.

Князь. Ты вздоръ затѣяла.

Саша. Хоть умъ ея великъ,
Да скоро, можетъ быть, сыграется ей штука,
Которой разыграть въ умъ этотъ не придетъ.

Князь. Не горячись, мой другъ. Такъ, мнѣ бъ пріятно было,
Чтобъ сердце Пронскаго съ сестрой соединило
Безъ всякихъ хитростей.

Саша. Я знаю напередъ,
Что это не по васъ: такъ, стало, вамъ милѣе,
Чтобъ онъ въ разставленну попался западню?
Сестрицѣ вашей, вамъ, ему я измѣню,
Коль допущу... Вотъ онъ, и я бѣгу скорѣе
Обрадовать княжонъ, пріѣздъ вашъ объявить. (Уходитъ въ домъ).

Семенъ. Прощайте; я лечу все въ баняхъ учредить. (Уходитъ).

По свидѣтельству современниковъ, въ этой комедіи особенно удачно изображенъ баронъ Вольмаръ. Араповъ разсказываетъ, что въ лицѣ этого ухаживателя узнали себя многіе тогдашніе старики-волокиты — и, конечно, разсердились на автора [105]).

Другой причиной враждебнаго отношенія къ Шаховскому былъ Фіалкинъ, появляющійся во II-мъ и V-мъ д., какъ смѣш-

ной поэтъ-балладникъ. „Внушена мнѣ геніемъ баллада, и посвятить хочу графинѣ сердца плодъ.“ — говоритъ онъ въ 6-мъ явл. II-го д. и нѣсколько далѣе прибавляетъ: „Творенье небольшое, но есть въ немъ *кое-что:* я выбралъ *модный* родъ балладъ“. Затѣмъ Фіалкинъ объявляетъ графинѣ, что значитъ быть поэтомъ.

Не думаете ль вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенія, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, этого все мало.

— И даже прочаго? Что жъ нужно для него? — язвительно спрашиваетъ графиня.

Въ немъ сердце быть должно, которо-бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ, какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей,
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ...

Въ лицѣ Фіалкина Шаховской осмѣивалъ баллады Жуковскаго, и особенно прозрачны его намеки на балладу: „Людмила“ въ слѣдующей сценѣ (Д. V, явл. 2-е):

Семенъ и Фіалкинъ (въ темномъ плащѣ, съ гитарою, робко крадется).
Семенъ (идетъ къ Фіалкину). Кто крадется сюда?
Фіалкинъ (встрѣтясь съ Семеномъ, вскрикиваетъ). О страхъ!
Семенъ (испугавшись, отскакиваетъ). Что сдѣлалось? — Чего вы испугались?
Фіалкинъ. Насилу я дышу: ахъ! вы мнѣ показались
Тѣмъ мертвецомъ, что въ гробъ невѣсту...
Семенъ. Вся бѣда
Отъ старыхъ мамушекъ.
Фіалкинъ. Я мамушекъ не знаю.
Семенъ. Такъ мертвецами гдѣ жъ напуганы?
Фіалкинъ. Въ стихахъ,
Въ балладахъ; ими я свой нѣжный вкусъ питаю.
И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу!.. Все страшно въ нихъ; но милымъ все пріятно,
Все восхитительно! хотя невѣроятно.
Семенъ. И въ сказкахъ та же гиль.—Бывало цѣлый день
Я слушать былъ готовъ: о шестиглавомъ змѣѣ,
О вѣдьмахъ кіевскихъ, Палканѣ и Кащеѣ;
Зато всю ночь дрожу.
Фіалкинъ. Я вздрагиваю самъ
Въ просонкахъ иногда [166].

Сторонники Жуковскаго не въ шутку разсердились на Шаховского, и на него посыпались насмѣшки.

Шаховской былъ членомъ Шишковско-Державинской „Бесѣды“, къ которой, какъ извѣстно, карамзинисты относились враждебно. У одного изъ нихъ — у кн. Вяземскаго — еще въ 1813 г. возникла мысль соединить молодыя литературныя силы для противодѣйствія бесѣдникамъ. Мысль эта нашла себѣ осуществленіе именно послѣ выходки Шаховского противъ Жуковскаго, и въ 1815 г. было основано литературное общество подъ названіемъ „Арзамасъ“. Члены этого общества и напали на автора „Липецкихъ водъ“, да кстати припомнили и его „Новаго Стерна“. Одинъ изъ нихъ — Д. В. Дашковъ — сочинилъ даже цѣлую кантату, которая пѣлась хоромъ всѣми арзамасцами.

Вчера, въ торжественномъ вѣнчаньѣ
        Творца *затѣй*,
Мы зрѣли полное собранье
        „Бесѣды“ всей;
И всѣ въ одинъ кричали строй:
        Хвала тебѣ о Шутовской!
        Тебѣ, герой! тебѣ, герой!
Онъ злой Карамзина гонитель,
        Гроза балладъ,
Въ „Бесѣдѣ“ добрый усыпитель,
        Хвостову братъ,
И врагъ талантовъ записной.
        Хвала тебѣ, о Шутовской! и пр.

Но Гаршинъ все-таки справедливо называетъ „Липецкія воды“ комедіей удачной и серьезной. Она далеко не лишена историческаго интереса, и въ ней, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія типъ графа Ольгина, этого воспитанника французовъ. Въ одномъ мѣстѣ комедіи (Д. I, явл. 3-е) кн. Холмскій характеризуетъ его такъ. Сказавъ, что Ольгинъ вывезъ изъ Парижа „свободу все ругать“ и способность никѣмъ не дорожить, Холмскій продолжаетъ:

Онъ остръ и иногда неглупо разсуждаетъ;
Быть могъ бы чѣмъ-нибудь, а сдѣлался ничѣмъ,
И служитъ образцомъ пустого воспитанья,
Которое даютъ нерѣдко сыновьямъ
Бояре знатные. Пора уняться намъ—
На многихъ языкахъ за вздорное болтанье,
За знаніе во всемъ поверхности одной
И за презрѣніе къ странѣ своей родной

Платить землямъ чужимъ постыдные оброки.
Графъ Ольгинъ, напримѣръ, бралъ разные уроки
У разныхъ мастеровъ и выученъ всему,
Что могъ бы и не знать; заговори жъ ему
О нашей древности и о законахъ русскихъ,
О пользахъ той земли, въ которой онъ рожденъ,
Гдѣ родомъ онъ своимъ на службу присужденъ,—
Тотчасъ начнетъ зѣвать, и авторовъ французскихъ
Куплеты дерзкіе и вольнодумный вздоръ—
Его единственный ученый разговоръ.

Читая эту характеристику, гдѣ отмѣчены природныя дарованія графа Ольгина, имѣя которыя, онъ „быть могъ бы чѣмъ-нибудь“, но, благодаря своему поверхностному воспитанію, „сдѣлался ничѣмъ“, невольно вспоминаешь Онѣгина, и — почемъ знать?— можетъ быть, Пушкинъ особенно задумывался надъ этими строками въ комедіи Шаховского!

Интересны и дальнѣйшія строки, въ которыхъ авторомъ отъ лица кн. Холмскаго сдѣлано указаніе на то разумное патріотическое движеніе въ русскомъ обществѣ, — главнымъ образомъ среди вернувшейся изъ похода молодежи, — движеніе, которое отразилось и въ уставѣ „Союза Благоденствія“. Холмскій говоритъ:

.... возвратясь съ войны, я, къ радости моей,
Увидѣлъ въ обществахъ большое превращенье:
Къ всему чужому страсть и къ своему презрѣнье
Нашелъ въ посмѣшищѣ у знатныхъ тѣхъ людей,
Гдѣ прежде говорить по-русски въ стыдъ вмѣняли.
.... Наша храбрая, любезна молодежь,
По всѣмъ дѣламъ слича свою страну съ чужою,
Надежду подаетъ, что воскреситъ собою
Духъ русской гордости, приличной намъ во всемъ.
И наши женщины, того жъ наполнясь духа,
Намъ будутъ говорить родимымъ языкомъ.

Въ 1820 г. (16 янв.) появилась на сценѣ, а затѣмъ и въ печати, комедія: „Какаду, или слѣдствіе урока кокеткамъ“, въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ [167]). Она находится въ тѣсной связи съ комедіей „Липецкія воды“, и въ ней мы встрѣчаемъ ту же графиню Лелеву и того же графа Ольгина.

Лелева, уѣхавъ изъ Липецка въ Петербургъ, рѣшилась вести самый скромный образъ жизни.

Для свѣта я жила — жить время для себя,

говоритъ она въ началѣ комедіи. А горничная ея заявляетъ, что графиня,

Хоть иностранный будь — не приметъ ни за что.

И эти слова: „хоть иностранный будь“ весьма характерны, если вспомнимъ извѣстное мѣсто въ „Горѣ отъ ума“, гдѣ говорится объ отпертыхъ дверяхъ для иностранныхъ *).

Однако графу Ольгину все-таки удалось нанести графинѣ визитъ, но не совсѣмъ удачно: въ это же время Лелеву посѣтила ея тетушка, княжна Холмская; Ольгинъ былъ спрятанъ въ кабинетъ, гдѣ напугалъ вошедшую туда по дѣлу графинину горничную, которая, догадавшись послѣ о продѣлкѣ госпожи своей, объяснила княжнѣ Холмской свой крикъ испуга тѣмъ, что ее напугалъ какаду. Отсюда и названіе пьесы, которая имѣла бы водевильный характеръ, если бы авторъ не сумѣлъ придать ей серьезность, введя довольно длинный разговоръ между Лелевой и Ольгинымъ, имѣющій цѣлью указать черты того времени.

Изъ разговора этого уясняется, что начавшееся среди извѣстной части общества умственное движеніе отразилось и въ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Оно задѣло даже и такихъ людей, какъ графъ Ольгинъ: онъ тоже взялся за книги, хотя и скучаетъ надъ ними. Вотъ часть разговора его съ графиней въ 5-мъ явленіи.

Ольгинъ.

Такъ! общество совсѣмъ разстроилось у насъ,
И самъ я ни къ чему ужъ больше не гожуся.

Графиня.

Напротивъ, графъ, когда вы занялись...

Ольгинъ.

Все такъ!
Я многимъ занялся, ударился въ науки,
Читаю, думаю—и умираю съ скуки.

Графиня.

Отъ непривычки.

Ольгинъ.

Кто хоть мало не дуракъ,
Тотъ видитъ, что теперь всѣ заняты, всѣ въ службѣ;
Въ числѣ любезниковъ въ нашъ вѣкъ не лестно быть,
Такъ дѣлать нечего: пришло съ волками выть.

---

*) „Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ“ (говоритъ Фамусовъ).

Развѣ этотъ скучающій графъ Ольгинъ не напоминаетъ Онѣгина?—

Въ комедіи: „Какаду" есть еще одно мѣсто, напоминающее романъ Пушкина: это то мѣсто, гдѣ графиня Лелева описываетъ свою прежнюю жизнь, свой „день", какъ у Пушкина описанъ подобный же день Онѣгина.

... Боже мой! какъ я тогда могла
Не умереть, и жить еще почти здоровой.
Ахъ! съ бала въ пять часовъ пріѣдешь чуть жива,
Проснешься—и скачи къ Роленшѣ за обновой.
Тамъ встрѣтишь кой-кого, узнаешь кое-что,
И утро пролетитъ; спѣшишь домой па то,
Чтобъ слишкомъ два часа за туалетомъ биться;
Поѣдешь на обѣдъ, и надо торопиться
Въ театръ французскій: въ немъ всегда ужасный съѣздъ;
Лишь только явишься—лорнеты ужъ встрѣчаютъ,
И въ ложу къ намъ почти всѣ кресла побываютъ,
Займутъ, развеселятъ. Ахъ, даже и разъѣздъ
Свои пріятности имѣлъ: садясь въ карету,
Съ однимъ поклонишься, съ другимъ поговоришь;
Опять скорѣй домой—и снова къ туалету,
На балъ иль на вечеръ безъ памяти спѣшишь,—
И вотъ въ какомъ чаду кружилися мы вѣчно.

Но если и не имѣть въ виду этого описанія, то комедія: „Какаду" все-таки остается весьма любопытнымъ произведеніемъ ужъ благодаря тому только, что авторъ вывелъ тутъ пустившагося въ чтеніе героя — и скучающаго надъ нимъ. Этою чертою кн. Шаховской настолько дорисовалъ Ольгина „Липецкихъ водъ", что онъ является типомъ, уже значительно близкимъ къ герою Пушкинскаго романа.

— —

Упомянемъ еще о комедіи: „Своя семья, или замужняя невѣста". Эта комедія, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, появившаяся на сценѣ въ первый разъ 24 января 1818 г., не вся написана Шаховскимъ, о чемъ и заявлено авторомъ въ предисловіи, гдѣ сказано: „Желая сочинить новую комедію для г-жи Валберховой (украсившей прелестнымъ даромъ своимъ «Липецкія воды»), я выбралъ такое содержаніе пьесы, въ которомъ бы могла она показать разнообразность игры своей, и старался, сколько можно, связать простою интригою эпизодическія явленія. Времени до назначеннаго дня, дня бенефиса, оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обѣщанія, я просилъ А. С. Грибоѣдова и Н. И. Хмѣльницкаго помочь мнѣ: они, по пріязни своей ко мнѣ, согла-

сились, и первый написалъ все начало второго дѣйствія до ухода Ѳеклы Савишны *), а второй въ третьемъ дѣйствіи сцену, въ которой Бирюлькинъ экзаменуетъ Наташу **). Благодарность и справедливость требуютъ, чтобъ я сдѣлалъ сіе извѣстнымъ и не присвоилъ себѣ чужого".

Содержаніе комедіи слѣдующее. Любимъ, молодой человѣкъ, опекаемый своими родственниками, проживающими въ Чухломѣ, не имѣетъ права жениться безъ ихъ согласія. А вкусы у родственниковъ очень различны: одинъ изъ нихъ—отставной секундъ-майоръ Карпъ Савичъ Искринъ — терпѣть не можетъ умныхъ; тетушка Ѳекла Савишна Брызгалова (вдова) желаетъ, чтобы у Любима была жена бережливая и не щеголиха; идеалъ другой тетки—Раисы Савишны, старой сентиментальной дѣвы—женщина чувствительная, и т. д. Между тѣмъ Любимъ въ бытность свою въ Петербургѣ влюбился и обвѣнчался; но бракъ его пока остается для родственниковъ тайной—и онъ везетъ къ нимъ свою Наташу подъ чужимъ именемъ; всѣ думаютъ, что онъ только сговоренъ съ ней. Задача теперь въ томъ, чтобы Наташа понравилась мужниной роднѣ. И она дѣйствительно достигаетъ цѣли: съ майоромъ она прикидывается дурочкой, съ Ѳеклой Савишной — бережливой до скупости, съ Раисой Савишной — сентиментальной барышней. Всѣ довольны — и Любимъ не лишается наслѣдства.

Въ цѣломъ—характеръ пьесы анекдотическій, но нѣкоторые типы въ ней очерчены хорошо. Остановимся только на тѣхъ которые обрисованы самимъ Шаховскимъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе майоръ Искринъ: онъ врагъ ученья и, какъ уже сказано, не любитъ умныхъ. Въ одномъ мѣстѣ перваго д. онъ говоритъ своимъ родственникамъ:

На что невѣстѣ умъ? И кто изъ васъ не знаетъ
Покойницы моей Фетиньи? Какъ женился,
То съ ней до старости трехъ разъ не побранился;
А вѣдь умомъ ее грѣхъ было поклепать.
Не только умъ женѣ—и мужу врядъ ли нуженъ.
Не зачастую ль тотъ, кто кланяться досуженъ,
У лучшихъ умниковъ дорогу перебьетъ.

Взгляды этого майора напоминаютъ Фамусова съ его проповѣдью низкопоклонства и съ его предложеніемъ забрать всѣ книги да сжечь ихъ.

Другое лицо—это Раиса Савишна, въ образѣ которой Ша-

*) Всего пять сценъ.

**) Роль Наташи и играла Валберхова.

ховской еще разъ ѣдко осмѣялъ крайнее увлеченіе сентиментализмомъ. Разговаривая съ ней, Наташа притворяется „охотницей природой восхищаться“. Раиса Савишна въ восторгѣ отъ своей собесѣдницы и говоритъ ей (Д. II):

Ахъ, если бъ я могла... Ахъ, какъ бы я желала,
Чтобъ вы достались мнѣ, а не моей сестрѣ!
Мы вмѣстѣ бъ плакали — и вмѣстѣ бъ на зарѣ
Ходили на курганъ разсвѣтомъ наслаждаться!

Далѣе (Д. III, явл. 1) помѣщенъ слѣдующій ироническій разсказъ Наташи о своей прогулкѣ съ Раисой:

Легко ль, Богъ знаетъ сколько верстъ
Обѣгать въ два часа?—Отсюда на погостъ
Съ Раисой Савишной мы прямо побѣжали;—
Тамъ надъ могилами немного повздыхали;
Потомъ, по бережку изсохшаго ручья,
Дошли до рощицы, гдѣ тетушка и я
Стадами пестрыми вздыхая любовались.
Потомъ на горкѣ мы природой восхищались.
Подъ горкой, встрѣтившись съ старушкою одной,
Дарили бѣдную горячею слезой.

Въ распространеніи этихъ смѣшныхъ крайностей сентиментализма князь винилъ авторовъ чувствительныхъ путешествій, и заставилъ Наташу сказать въ концѣ своего монолога:

...Но тутъ отъ бѣготни ни вздоховъ ни дыханья
Не стало у меня... Не даромъ никогда
Сентиментальныхъ я вояжей не любила.

Комедія: „Своя семья“ показываетъ, что Шаховской выводилъ на сцену не только высшіе слои столичнаго общества, но заглядывалъ и въ темные уголки отдаленныхъ провинцій, гдѣ, какъ удостовѣряютъ собранные Сухомлиновымъ документальные факты, было еще очень много невѣжества, и Карпъ Савичъ Искринъ авторомъ не выдуманъ [168]).

„Драматическій Вѣстникъ“, какъ выразитель литературныхъ взглядовъ кн. Шаховского.—Высказанные въ немъ взгляды на драму вообще и на драму въ тѣсномъ смыслѣ.—Сатира на нѣмецкія драмы.—Отношеніе къ драмамъ Коцебу.—Отношеніе къ Шекспиру. — Два слова о направленіи „Драматическаго Вѣстника“.—Кн. Шаховской самъ принимается за драмы.—Романтическая драма его: „*Двумужница*“.—Слова Шаховского въ письмѣ его къ кн. Одоевскому.— Опера-водевиль: „*Крестьяне, или встрѣча незваныхъ*“. — Комедія: „*Аристофанъ*“. — Поэма: „Расхищенныя шубы“. — Общій взглядъ на дѣятельность кн. Шаховского.

Еще въ маѣ 1807 г. Жихаревъ записалъ въ своемъ дневникѣ о намѣреніи кн. Шаховского издавать журналъ подъ на-

званіемъ: „Драматическій Вѣстникъ", въ которомъ помѣщались бы „рецензіи на пьесы, представляемыя на театрѣ, на игру актеровъ, разные театральные анекдоты, жизнеописанія извѣстнѣйшихъ драматурговъ и актеровъ русскихъ и иностранныхъ—словомъ, все, что относится до исторіи театра и правилъ сценическаго искусства" [169]). Въ этомъ намѣреніи поддерживалъ Шаховского между прочимъ и Крыловъ. Въ 1808 г. „Драматическій Вѣстникъ" дѣйствительно появился и выходилъ небольшими номерами, по два номера въ недѣлю. Такъ какъ самъ Шаховской имѣлъ очень мало свободнаго времени, то редакція журнала поручена была Д. Языкову, что однако нисколько не мѣшало „Драматическому Вѣстнику" служить выразителемъ тѣхъ именно взглядовъ, которыхъ тогда держался Шаховской.

Въ самомъ началѣ перваго номера журнала была помѣщена отъ редакціи статья, гдѣ указывалась цѣль изданія: *„способствовать къ отвращенію дурного вкуса*, который, царствуя въ новыхъ иностранныхъ твореніяхъ, развращающихъ и умъ и сердце, угрожаетъ заразить и нашу словесность".

Дѣло тутъ въ слѣдующемъ. Начиная съ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія на русской сценѣ стали появляться мѣщанскія драмы нѣмецкаго автора—Коцебу, каковы, напримѣръ, „Ненависть къ людямъ и раскаяніе" (1792), „Сынъ любви" (1795), „Попугай" (1796), „Гусситы подъ Наумбургомъ" (1807). Драмы эти, выводя на сцену не классическихъ героевъ, а обыкновенныхъ людей, стояли къ жизни несравненно ближе, чѣмъ классическія трагедіи, и потому имѣли большой успѣхъ, давались очень часто, и нѣкоторыя изъ нихъ держались въ репертуарѣ очень долго. Успѣхъ Коцебу вызвалъ у насъ подражателей. Такъ, Н. Ильинъ написалъ „Лизу, или торжество благодарности" (1803) и „Великодушіе, или рекрутскій наборъ" (1804); В. Ѳедоровъ—„Лизу, или слѣдствіе гордости и сбольщенія (1804); Ѳ. Ивановъ—„Семейство Старичковыхъ, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ" (1808). Нѣкоторыя изъ этихъ драмъ тоже имѣли успѣхъ и производили сильное впечатлѣніе. Но мѣщанская драма не всѣмъ нравилась: ревнивые поклонники французскаго классицизма видѣли въ ней паденіе драматической поэзіи, т.-е. смотрѣли на мѣщанскую драму глазами Вольтера. Врагами этой драмы были главнымъ образомъ тѣ литераторы, которые группировались около Шишкова и Державина и потомъ были членами „Бесѣды". Одинъ изъ нихъ — кн. Горчаковъ — окрестилъ драмы Коцебу именемъ „коцебятины", и негодованіе свое противъ нихъ выразилъ въ

слѣдующихъ стихахъ въ своей сатирѣ: „Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукому“:

Одинъ лишь *Сынъ любви* здѣсь трогаетъ сердца!
Гусситы, *Попугай* предпочтены *Соренѣ* *),
И *коцебятина* одна теперь *на сценѣ*.

Но самымъ горячимъ противникомъ драмъ былъ Шаховской. Затѣявъ „Драматическій Вѣстникъ“, онъ подобралъ себѣ и редактора и сотрудниковъ одного съ нимъ образа мыслей,—и началъ войну съ „коцебятиной“. Въ № 7-мъ журнала помѣщена была статья: „О комедіи“, взятая „изъ сочиненій Вольтера“. Цѣль статьи заключалась въ томъ, чтобы, опираясь на авторитетъ Вольтера, доказать, что драма, не представляющая собою ни чистой комедіи ни чистой трагедіи, а являющаяся смѣсью элементовъ той и другой, есть съ эстетической точки зрѣнія — уродство. Мысль въ высокой степени ложная; тѣмъ не менѣе Шаховской и единомышленники его, слѣдуя французской теоріи, хотѣли утвердить въ ней любителей театра, и это они называли „споспѣшествовать къ отвращенію дурного вкуса“.

Статьи, гдѣ развивается указанная ложная мысль, встрѣчаются въ „Драматическомъ Вѣстникѣ“ довольно часто. Такъ, въ 31-мъ его №, въ статьѣ: „О слезной комедіи“, читаемъ: „Отмѣнно странно, что названіе *слезной комедіи*, данное сначала въ насмѣшку уродамъ половину веселымъ, половину печальнымъ, мало-помалу сдѣлалось такъ обыкновенно, что для самыхъ умныхъ людей оно не кажется такъ же смѣшнымъ, какъ названіе *веселой трагедіи*. Но не все ли равно какъ то, такъ и другое? Не менѣе странно и то, что *слезная комедія* считается за *родъ*, и что сей родъ утвердился“. Правда, — говорится дальше въ статьѣ, — въ самой природѣ веселое и печальное живутъ о бокъ другъ съ другомъ, и „поэтъ трагическій, поэтъ комическій должны изображать природу; но искусство перваго состоитъ въ томъ, чтобы ловить ее въ тѣ минуты, въ коихъ она показываетъ великія движенія страстей; а искусство послѣдняго въ томъ, чтобы весело представлять заблужденія, смѣшныя дѣла, но всегда съ благопристойностію“. Средины же между комедіей и трагедіей авторъ статьи не признаетъ и ссылается на Буало, сказавшаго:

Le comique, ennemi des souspirs et des pleurs,
N'admet point dans ses vers de tragiques douleurs.

---

*) „Сорена“ — ложноклассическая трагедія Николева, не допущенная на театръ за нѣкоторыя вольности.

Итакъ, по ложноклассическимъ понятіямъ „Драматическаго Вѣстника“, драматическое произведеніе должно быть или трагедіей, или комедіей; средній же между ними видъ—драму—признавалъ журналъ „уродомъ“.

Не довольствуясь разсужденіями, направленными противъ драмъ, „Драматическій Вѣстникъ“ прибѣгалъ и къ насмѣшкамъ. Въ сатирѣ: „Разговоръ цензора съ другомъ“, помѣщенной въ 65-мъ №, цензоръ жалуется, что ему приходится читать переводы нѣмецкихъ драмъ. Онъ говоритъ другу своему:

А здѣсь въ углу—о страхъ!—копна нѣмецкихъ драмъ!
Отъ нихъ-то худо мнѣ на свѣтѣ жить приходитъ!
Всякъ школьникъ, чуть начнетъ читать не по складамъ,
Тотчасъ за лексиконъ — и драмы переводитъ!
А мнѣ ихъ разбирать!...

Кстати сказать, что въ этой же сатирѣ, совершенно въ духѣ Шаховского, осмѣивается и сентиментализмъ. Цензоръ, заявивъ, что онъ принужденъ прочитывать цѣлые ворохи „дряни“:—„посланія къ лужкамъ, къ овечкамъ, къ фіалкамъ, къ голубкамъ, къ лунѣ, къ цвѣтамъ и къ рѣчкамъ“,—продолжаетъ:

На нашихъ авторовъ нашли кручинны дни,
Разнѣжились—и ну крушить себя тоскою!
Имъ жалокъ цѣлый свѣтъ: лишь только надо мною
Да надъ читателемъ не сжалятся они...
Вотъ наши странствія! Въ нихъ ясно видѣть можно,
Гдѣ путешественникъ пилъ кофе, ѣлъ и спалъ,
Что видѣлъ онъ во снѣ, кому онъ вздохъ послалъ,—
И больше ничего! А мнѣ читать ихъ должно!

Нападая на драмы, „Драматическій Вѣстникъ“ не могъ не задѣть и самаго популярнаго автора ихъ — Коцебу. Въ помѣщенной въ 71-мъ № статьѣ о пьесѣ: „Ненависть къ людямъ и раскаяніе“ читаемъ:

„Уродъ, называемый драмою, есть жесточайшій врагъ Таліи и Мельпомены. Это незаконнорожденное дѣтище, презираемое на Парнассѣ“ (т.-е. призираемое тѣми, кто идеалъ драматическихъ произведеній видѣлъ въ твореніяхъ французскихъ классиковъ), „легко поставило жертвенникъ свой на поклоненіе смертнымъ; всѣ невѣжды суть его почитатели, а посредственные авторы—первосвященники. Посредственность его поддерживаетъ, глупость кадитъ ѳиміамомъ, хорошій вкусъ изгоняетъ, а время погружаетъ въ забвеніе“.

„Германскій народъ болѣе всѣхъ приноситъ ему жертву, и Коцебу есть одинъ изъ славнѣйшихъ его оракуловъ".

Любопытно видѣть, какъ „Драматическій Вѣстникъ" относился къ Шекспиру. Въ 75-мъ № есть статья объ этомъ писателѣ. „Шекспиръ"—сказано тамъ—„получилъ отъ природы безчисленные дары, и, подобно тѣмъ богачамъ, которые дурно употребляютъ свое богатство, онъ также дурно употребилъ всѣ свои сокровища. Согласимся съ англичанами, что у него былъ величайшій геній, и что его трагедіи суть прекраснѣйшія изъ англійскихъ" (замѣтьте: изъ англійскихъ только!); „но скажемъ съ такою же справедливостію и то, что сіи же самыя трагедіи, хотя исполненныя удивительнѣйшихъ явленій, суть не что иное, какъ ужасные уроды".

Уродами онѣ названы, разумѣется, потому, что написаны не по образцамъ французскихъ классиковъ.

Театръ былъ главнымъ предметомъ „Драматическаго Вѣстника", но не единственнымъ: въ немъ былъ и литературный отдѣлъ, въ которомъ сотрудниками были между прочимъ Крыловъ и Жихаревъ; первый помѣщалъ въ этомъ журналѣ свои басни, а второй свои стихотворенія. Въ литературномъ своемъ отдѣлѣ „Др. Вѣстникъ" держался патріотическаго направленія, нападалъ на галломанію и, подобно Шишкову, порицалъ обычай поручать дѣтей иностраннымъ воспитателямъ (см. напр. № 64). Вспомнимъ, что то стихотвореніе, которое было написано неизвѣстнымъ авторомъ по поводу комедіи: „Урокъ дочкамъ", и гдѣ Крыловъ приглашался продолжать смѣяться надъ галломаніей, помѣщено было въ „Др. Вѣстникѣ" (въ 8-мъ №) [170].

„Драматическій Вѣстникъ" издавался въ 1808 г. Шаховской и послѣ еще долго не покидалъ своего взгляда на драму, но наконецъ призналъ законнымъ и этотъ родъ драматическихъ произведеній. Эта перемѣна въ князѣ произошла около 1820 г. — и онъ самъ сталъ писать романтическія драмы, каковы, напримѣръ, его пьесы, заимствованныя у Вальтеръ Скотта и у того же Шекспира, котораго Шаховской теперь уже не называлъ творцомъ „уродовъ", а относился къ нему,—какъ свидѣтельствуетъ С. Аксаковъ въ своихъ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ,—съ большимъ уваженіемъ и даже не выносилъ, если ктонибудь при немъ порицалъ Шекспира.

За сюжетами для своихъ драмъ Шаховской обращался и къ русской жизни. Такъ, напримѣръ, въ 1823 г. имъ написана драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ: „Соколъ князя Ярослава тверского, или суженый на бѣломъ конѣ"; въ 1832 г. появилась написанная въ прозѣ: „Двумужница, или зачѣмъ пойдешь, то и найдешь"—„романтическая драма въ 2 частяхъ, въ пяти суткахъ, съ принадлежащими къ ней протяжными, плясовыми, хороводными, подблюдными и разбойничьими пѣснями, плясками, хороводными и святочными играми" [171]).— Остановимся нѣсколько на этой пьесѣ.

Драма раздѣлена такимъ образомъ:

Часть I. Сваха въ бѣдахъ.

Сутки 1) Васильевъ вечеръ (дѣйств. въ гор. Кинешмѣ).
Сутки 2) Встрѣча на Унжѣ.

Часть II. Волжскій разбойникъ.

Сутки 3) Новоселье (въ Кинешмѣ).
Сутки 4) Ивановъ день (на прибрежьи Волги).
Сутки 5) Разбойничій притонъ (на прибрежьи Волги).

Сутки 1. Груня, дочь богатаго купца въ Кинешмѣ—Гаврилы Нилыча Усова, справляетъ вмѣстѣ съ дѣвушками и молодцами Васильевъ вечеръ; тутъ же находится и сваха Кузминична, взявшаяся выдать Груню за молодого купеческаго сына — Романа Петровича Бобра, котораго очень любитъ старикъ Усовъ, но не Груня: ей по сердцу пришелся Егоръ Башлыкъ, приказчикъ на баркахъ, горячая, разудалая голова, мастеръ пѣсни пѣть и плясать. Вечеръ кончается тѣмъ, что Башлыкъ, переполошивъ всѣхъ крикомъ о мнимомъ пожарѣ, увозитъ Груню.—*Сутки 2.* Башлыкъ обвѣнчался съ Груней, но скоро бросилъ ее и ушелъ къ волжскимъ разбойникамъ — атаманомъ. Груня бѣдствуетъ; она у Макарья на Унжѣ водитъ слѣпого нищаго. Здѣсь встрѣчаетъ ее отецъ. Происходитъ примиреніе.—*Сутки 3.* Груня уже жена Романа Бобра, искренно и горячо ее любящаго. Она вышла за него потому, что разнеслась вѣсть, что Башлыкъ убитъ. У нихъ уже пятилѣтній сынъ—Макарушка, общій любимецъ и отца, и матери, и дѣда. Боберъ выстроилъ себѣ новый домъ и справляетъ новоселье. Когда всѣ разошлись, является Башлыкъ съ разбойниками и насильно уводитъ Груню. — *Сутки 4.* Романъ въ ужасномъ горѣ; не знаетъ, чему и приписать исчезновеніе жены. Подъ конецъ онъ убѣждается, что ее увезъ Башлыкъ. *Сутки 5.* Боберъ съ солдатами открываетъ притонъ разбойниковъ. Башлыкъ за-

хваченъ, Груня отъ него отнята. Башлыкъ проситъ, чтобы ему оказали милость: чтобы убили его, такъ какъ ему невыносимо видѣть торжество Бобра. Одинъ изъ разбойниковъ — Дятелъ — застрѣливаетъ его.

Вотъ сюжетъ драмы. Развивая его, авторъ внесъ въ это свое произведенiе въ особенности много чертъ и типовъ изъ русской жизни. Такъ въ „Васильевъ вечеръ“, кромѣ народныхъ святочныхъ пѣсенъ и игръ, внесенъ разсказъ о кулачномъ боѣ, упоминается о народныхъ сказкахъ, о суевѣрiяхъ, являются наряженые, и наконецъ выставлена типичная сваха — Кузминична. Богата русскими красками и „Встрѣча на Унжѣ“. Тутъ мы видимъ нашихъ нищихъ и между ними типичнаго старца — слѣпца Савватiя, распѣвающаго народныя духовныя пѣсни, того самаго слѣпца, съ которымъ нищенствуетъ Груня; видимъ помѣщицу, раздающую милостыню и говорящую своему слугѣ: „Раздай имъ, да смотри же, не больше, какъ по полушкѣ на брата“; далѣе встрѣчаемъ хорошо очерченнаго подьячаго. Кузминична, ограбленная разбойниками, тоже попала въ число нищихъ, но отличается отъ другихъ своей одеждой, уцѣлѣвшей на ней отъ разграбленiя. Подьячiй, отвѣтившiй на просьбы нищихъ: „Богъ подастъ, отвяжитесь!“ передъ Кузминичной остановился, и на ея просьбу помочь ей, отвѣчаетъ: „Изволь, тетка; радъ помогать добрымъ людямъ. Мы свахляемъ твое дѣльце. Подмажь только его малу толику—пойдетъ, какъ по маслу; а я напишу, пожалуй, и явочную въ Воеводскую канцелярiю“. — Кузминична говоритъ: „Избави меня Господи отъ вашихъ канцелярiй! Нѣтъ, мой отецъ, не сули мнѣ журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки, сотвори милостыню на насущный хлѣбъ“. Подьячiй замѣчаетъ ей, что она „и толста и по одежѣ не похожа на нищую“.

Кузминична. Охъ, на брюхѣ-то шелкъ, да въ брюхѣ-то щелкъ!

Подьячiй. А въ карманѣ-то что?

Кузминична. Чему быть послѣ того, какъ разбойники обшарили?

Подьячiй. Да наши братья дошарятся до того, что другiе не вышарили, и гдѣ слѣдуетъ — сдерутъ свою аксиденцiю.

Кузминична. Ахъ ты, крючокъ окаянный! Да полно, захочу ли я сама смотрѣть на твои свиныя буркалы? Хоть я долго на свѣтѣ жила, а ума не нажила: вздумала у подьячаго милосердiя просить; отъ крапивнаго сѣмя не жди добраго племя.

Народныя пословицы и поговорки въ этой пьесѣ встрѣчаются очень часто.

Во второй части драмы изображена безобразная жизнь волжскихъ разбойниковъ и выведено нѣсколько ихъ типовъ. Особенно бросается въ глаза грубый и жестокій Дятелъ; Башлыкъ же представляетъ собою типъ болѣе мягкій, не лишенный поэтической удали.

Въ 1823 году, т.-е. въ томъ году, къ которому относится драма: „Соколъ князя Ярослава", Шаховской въ письмѣ своемъ къ князю В. Ѳ. Одоевскому между прочимъ сказалъ: „Успѣвши нѣсколько въ старомъ, или обыкновенномъ, я ищу для нашего театра если не совсѣмъ новаго, то по крайней мѣрѣ не столь условнаго, какъ драматическія подражанія, принесенныя къ намъ съ пудрою, шитыми кафтанами и красными каблуками изъ Парижа. Я хочу моими опытами открыть дорогу людямъ, имѣющимъ больше моего дарованія, для обогащенія нашей драматической литературы и даже къ созданію своего собственнаго театра на обширномъ и прочномъ фундаментѣ" [172]).

Слова эти свидѣтельствуютъ о томъ, что къ 1823 г. Шаховской, уже раньше примирившійся съ драмой, не только пересталъ быть фанатическимъ поклонникомъ французской драматической теоріи, но и нашелъ ее слишкомъ условной. Ему захотѣлось болѣе самостоятельнаго творчества—и желаніе это осуществилось въ такой драмѣ, какъ „Соколъ князя Ярослава", заимствованной изъ преданія о построеніи тверского Отрочь-монастыря, а затѣмъ въ „Двумужницѣ", съ широкой картиной изъ русской жизни, гдѣ выведены не столичные графы и князья, а провинціальные купцы, приказчики, сваха, подьячій, нищіе, волжскіе разбойники, и внесены различныя народныя пѣсни, игры, пословицы и пр.

Но ошибочно было бы думать, что Шаховской не обращался иногда къ народу и раньше. Занимаясь передѣлками французскихъ пьесъ и подражаніемъ имъ, онъ для своихъ операводевилей выбиралъ иногда сюжеты изъ народной жизни. Такъ въ 1812 г. онъ написалъ одноактную оперу-водевиль: „Казакъ стихотворецъ", съ малороссійскими пѣснями; въ 1814 г. явилась его опера-водевиль: „Крестьяне, или встрѣча незваныхъ", въ двухъ дѣйствіяхъ. Послѣдняя въ нѣкоторомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія: въ ней вѣрно отмѣчены симпатичныя черты характера русскаго народа — его сердечность и великодушіе — черты, не разъ засвидѣтельствованныя разсказами очевидцевъ, описывавшихъ наши военные походы.

Въ пьесѣ, сюжетомъ для которой послужили видѣнныя авторомъ партизанскія схватки, изображается, какъ крестьяне одной деревни встрѣчаютъ въ 1812 г. бродячую шайку французовъ. Увидавъ приближеніе ея къ деревнѣ, они рѣшаются „ни себя ни домовъ не жалѣть“. Вооружаются, чѣмъ кто могъ, не только мужики, но и бабы. Старостиха Василиса говоритъ бабамъ: „Да развѣ мы затѣмъ вышли замужъ, чтобъ мужей въ бѣдѣ покидать? Схватимъ вилы, ухваты, косы, рогатины, что ни попало; да коли надо, то и на выручку нашимъ полетимъ!“— Французы вошли въ деревню и начали грабить дома. Дома крестьяне зажгли. Между тѣмъ подоспѣли и казаки вмѣстѣ съ помѣщикомъ этой-же деревни—и французы, уцѣлѣвшіе послѣ схватки, взяты были въ плѣнъ. Тогда та же Василиса обращается къ помѣщику съ такой рѣчью: „Позволь, батюшка, на нашей радости и плѣнныхъ покормить чѣмъ Богъ послалъ, да и пріодѣть немного; видишь, время холодное, а они оборвались. Богъ съ ними; пока дрались, такъ, кажись, зубомъ бы съѣла; а какъ покорились,—такъ будто и жалко стало!“ — Староста, Панфилъ Терентьевичъ, на слова жены замѣчаетъ: „Правда, у насъ на Руси лежачаго не бьютъ“ [173]).

Около того же времени, когда Шаховской пересталъ признавать совершенство французской драматической теоріи, онъ обратился къ классическому міру — и въ 1825 г. появилась на сценѣ его пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ: „Аристофанъ, или представленіе комедіи: «Всадники»“— пьеса, которую самъ авторъ называлъ „драматической поэмой“. Печатая эту пьесу въ 1828 г., Шаховской въ предисловіи къ ней далъ такое объясненіе:

„Аѳины, Ленейское празднество и Аристофанъ сдѣлались мѣстомъ, временемъ и предметомъ моей драматической поэмы. Аристофанъ, любя страстно свое отечество и славу Греціи, сочинилъ комедію, обличающую грабительство, развратъ и бездѣльство кожевника Клеона, который крикливымъ голосомъ, сильною грудью, лестью народу и клеветою на знаменитыхъ гражданъ согналъ съ аѳинской площади благоразуміе и справедливость, и, бывъ выбранъ крамолою черни въ воинскіе казнодары, раздувалъ выгодную для него и пагубную для всей Греціи пелопонезскую войну. Сія комедія, названная «Всадниками», была одобрена и принята на театръ; но ни одинъ актеръ не смѣлъ взять на себя ужаснаго всѣмъ лица Клеона; ни одинъ художникъ не дерзалъ снять съ него маски: все трепетало могущества казнодара и неистовства его приверженцевъ. Тогда самъ поэтъ, дорожа только

одною правдою и высокимъ искусствомъ своимъ, смѣло вышелъ на сцену въ роли Клеона. Благородная смѣлость, правда и высокое искусство восторжествовали: поэтъ и комедія были увѣнчаны на Ленейскомъ празднествѣ въ 4-й годъ 88-й Олимпіады. Происшествіе сіе показалось мнѣ достойнымъ вниманія и соучастія просвѣщенной публики. Меня пугали молодостью нашей въ словесности; но я полагалъ надежду на врожденную смѣтливость и быстрое понятіе русскихъ — и не обманулся".

Пьеса дѣйствительно имѣла большой успѣхъ. Арановъ признаетъ ее лучшимъ произведеніемъ кн. Шаховского [174]) — и съ этимъ слѣдуетъ согласиться: написанная хорошими стихами, она замѣчательна выдержанностью и мастерской обрисовкой характеровъ, особенно самого Аристофана съ его благородной рѣшимостью выступить противъ сильнаго временщика. Во второмъ явленіи II-го дѣйствія Аристофанъ говоритъ:

Нѣтъ, мало мнѣ Ленейскаго вѣнца:
Хочу безсмертія, его душою жажду,
        О немъ боговъ прошу;
Пусть отъ философовъ и отъ Клеоновъ стражду,
Пусть нищаго суму въ чужой землѣ ношу,
Пусть голодомъ умру, — но живъ останусь славой —
И комики другихъ народовъ и вѣковъ
        Почерпнутъ изъ моихъ стиховъ
Искусство мудрое полезнымъ быть забавой.

Когда, послѣ того, какъ ни одинъ актеръ не рѣшился взять на себя роль Клеона, Аристофана уговариваютъ отказаться отъ постановки на сцену „Всадниковъ", — онъ произноситъ слѣдующій монологъ (Д. II, явл. 4):

Пусть играна моя комедія не будетъ;
Но это послужить не можетъ ни къ чему:
Что я ее писалъ — Клеонъ не позабудетъ,
        И только робостью ему
        Двойное торжество доставлю:
        Отъ обличенія его избавлю,
Отъ мщенія жъ себя нимало не спасу.
        Еще же можетъ онъ вездѣ разславить,
Что ни актеры—я не смѣлъ его представить.
Но я ему ударъ нежданный нанесу,
        Когда явлюся самъ на сценѣ,
        Актеровъ обличу въ измѣнѣ,
И цѣлой Греціи на дѣлѣ докажу,
Что онъ передо мной — не я предъ нимъ дрожу.

И далѣе авторъ заставляетъ Аристофана говорить словами изъ комедіи: „Всадники":

О боги наглости, коварства, плутовства,
Доносовъ, подкуповъ и лести,
Вы всѣ Клеоновы и черни божества!
Я съ вами въ бой готовъ.

Вообще въ „Аристофанѣ“ Шаховского есть много мѣстъ и отдѣльныхъ выраженій, взятыхъ изъ „Всадниковъ“, въ особенности насмѣшки надъ Клеономъ. Приведемъ одну сцену (Д. II, явл. 6), гдѣ разговариваютъ другъ съ другомъ Клеонъ и Аристофанъ:

Кл. Скажи мнѣ: буду ли на сценѣ я похожъ?
Ар. Надѣюся.
Кл. Надѣйся,
Но только объ закладъ не бейся.
Ар. А это отчего?
Кл. Да оттого жъ,
Что роль моя тяжеловата.
Ар. Нѣтъ, только лишь душна *).
Кл. Да, можетъ удушить и придушить она.
Ар. Тебя.
Кл. Иль автора. А, вѣрно, Калистрата **)
Въ меня ты произвелъ?
Ар. Для роли наглеца
Онъ созданъ, и тебя сыграетъ презабавно.
Кл. ...А Миконъ, я чаю, славно
Снялъ маску съ моего лица?
Ар. Да, онъ прославился фигурами животныхъ.
Кл. Животныхъ?
Ар. Да.
Кл. Шпыняй, я не сержусь никакъ
И радъ, что ты нашелъ артистовъ доброхотныхъ
И смѣлыхъ.
Ар. Радуйся.
Кл. И почему жъ не такъ?
Ты шутъ и весельчакъ,
Такъ можно намъ порадоваться дружно.
Ар. (смѣясь). Увидитъ весельчакъ, забавно ль я шучу.
Кл. (смѣясь). И видѣть мнѣ не нужно;
Все знаю и всему заранѣ хохочу.
Ар. (хохоча). Я также...[175]).

Кончается пьеса торжествомъ Аристофана: „Всадники“ сыграны, поэтъ увѣнчанъ; Клеонъ же, этотъ, — какъ назвалъ его Аристофанъ—„раздутый грабежомъ торгашъ“, присутствовать на представленіи не рѣшился.

*) Клеонъ былъ чрезвычайно тученъ (Прим. автора).
**) Имя актера.

Желая живѣе изобразить аѳинскую жизнь—и притомъ главнымъ образомъ темныя ея стороны,—Шаховской вывелъ на сцену много аѳинскихъ типовъ и въ числѣ ихъ—Ксантиппу, жену Сократа. Въ интермедіяхъ онъ ввелъ вакхическія пѣсни и игры, вывелъ жрецовъ, жрицъ, вакханокъ, фавновъ. Но, какъ заявилъ самъ въ предисловіи, ввелъ и *любовь*, уступая привычкамъ публики: у него Аристофанъ является влюбленнымъ въ Алкиною, молодую аѳинянку, и пользуется взаимностью. Типъ Алкинои Шаховской срисовывалъ съ знаменитой Аспазіи.

По словамъ Арапова, кн. Шаховской долго и много работалъ надъ своимъ „Аристофаномъ".

—

Говоря о сочиненіяхъ кн. Шаховского, надо упомянуть и о его шуточной поэмѣ: „Расхищенныя шубы", которой потомъ воспользовались арзамасцы для своихъ насмѣшекъ надъ авторомъ „Липецкихъ водъ". Относительно этой поэмы въ дневникѣ Жихарева (май 1807 г.) встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку: „Содержаніе основано на происшествіи, случившемся прошедшею зимою въ нѣмецкомъ, такъ называемомъ Шустеръ-клубѣ: пьяный швейцаръ, во время бала, перепуталъ шубы и салопы пріѣзжихъ гостей, отъ чего при разъѣздѣ произошелъ безпорядокъ — вотъ и все тутъ! Но какъ Шаховской умѣлъ опоэтизировать анекдотъ! Въ его стихотворной шуткѣ много мѣстъ, достойныхъ Буало, поэмѣ котораго (Lutrin) онъ, по словамъ его, подражать хотѣлъ... Совѣтъ старшинъ клуба описанъ мастерски, а нѣкоторые изъ нихъ дышатъ жизнью" [176]).

Не будемъ приводить содержанія этой поэмы, ни останавливаться на герояхъ ея, такъ какъ всякій можетъ самъ прочесть ее въ дешевомъ изданіи Суворина, а скажемъ только, что Шаховской и въ этомъ своемъ произведеніи, относящемся еще къ ран-нему періоду его литературной дѣятельности, но потомъ, вѣроятно, подвергавшемуся нѣкоторымъ поправкамъ, посмѣялся надъ сентиментальными путешествіями, *балладами* и драмами, да кстати и надъ подражательными романами. Главный герой его — переплетчикъ Гашпаръ. Описывая его, авторъ между прочимъ замѣчаетъ, что

Извѣстенъ Гашпаръ сталъ прилежностью своей:
Честь дѣлаютъ его искусству и работѣ
Явившіеся въ свѣтъ въ сафьянномъ переплетѣ
Преслезныхъ странствій семь, журналовъ пятьдесятъ,
Романовъ множество, сто *жалостныхъ балладъ* —

На нашемъ языкѣ не наши всѣ писанья
И подражателямъ безсчетны подражанья.

Въ другомъ мѣстѣ разсерженный Гашпаромъ докторъ Каратай

Содрогся и вскричалъ: „Иди, переплетай
Зѣвототворныя, слезогонящи драмы

Но болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто поэмы, гдѣ Шаховской горячо возсталъ противъ Вольтера и другихъ „развращающихъ свѣтъ" писателей. Сказавъ, что Гашпаръ переплелъ семь преслезныхъ странствій, журналовъ пятьдесятъ и проч., авторъ продолжаетъ:

Онъ ихъ украсилъ всѣхъ (въ томъ зла большого нѣтъ:
Они, лежа въ пыли, не развращаютъ свѣтъ);
Но онъ же переплелъ, и тѣмъ еще гордился,
Все то, чѣмъ прошлый вѣкъ какъ язвой заразился:
Безбожны письмена Фернейска мудреца,
. . . .
Природы мудрствія, системы ложны свѣта
Ласера, Мирабо, Гельвецья, Кондорсета,
Спинозы, Дидеро и множество другихъ
Для свѣта пагубныхъ, угодныхъ аду книгъ.

Эти стихи, по выраженнымъ въ нихъ мыслямъ автора, совершенно однородны съ басней Крылова: „Сочинитель и разбойникъ": и тутъ и тамъ заявленъ протестъ противъ матеріализма, и желающій уяснить себѣ всю основательность этого протеста пусть вспомнитъ прекрасную статью А. И. Незеленова: „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху", и именно первую часть ея, посвященную очерку направленія „скептическо-матерьялистическаго", гдѣ много мѣста удѣлено и разсмотрѣнію положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ сочиненій Вольтера [177]).

Бросая общій взглядъ на дѣятельность кн. Шаховского, мы прежде всего видимъ въ немъ человѣка, дѣйствительно много послужившаго нашему театру—и практически, заботясь объ усовершенствованіи у насъ сценическаго искусства, и перомъ своимъ, обогащая современный ему репертуаръ нашъ и чрезвычайно разнообразя его. Какъ драматическій писатель, онъ сближалъ сцену съ жизнью, и весьма многія пьесы его взяты именно изъ русской жизни. И въ этихъ послѣднихъ многое можетъ служить хорошей характеристикой нравовъ и типовъ его времеми. Держась прежде французской драматической теоріи, онъ наконецъ призналъ ея условность, и сталъ писать самостоятельно. Въ этотъ періодъ

своей дѣятельности онъ со сцены знакомилъ общество со многими бытовыми сторонами нашего народа—и это, конечно, большая его заслуга.

Шаховской, долгое время чуть не плакавшій объ утратѣ нами нашей старинной одежды, впослѣдствіи призналъ необходимость Петровской реформы, но жалѣлъ, что преобразователь былъ вынужденъ повести дѣло круто. Шаховской былъ сторонникомъ естественнаго хода развитія просвѣщенія и начало этого хода уже видѣлъ въ нашей до-Петровской Руси. Но излишнее наше увлеченіе всѣмъ иностраннымъ было ему не по сердцу. Онъ признавалъ великое значеніе европейской образованности, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ и крайности западнаго скептицизма и относился къ нимъ враждебно. Онъ, подобно Крылову, осмѣивалъ невѣжество, но не могъ мириться и съ той частью европейской философіи и литературы, которая проповѣдывала матеріализмъ и безвѣріе. Вообще Шаховской во многомъ сходился съ Крыловымъ.

Но если заводить рѣчь о преемственности въ литературѣ или по крайней мѣрѣ о совпаденіи литературныхъ явленій у двухъ разныхъ писателей, — то нельзя не отмѣтить, что Шаховской еще раньше Пушкина набросалъ тотъ типъ, который потомъ сталъ такъ всѣмъ извѣстенъ въ образѣ Онѣгина.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) „Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій и его сочиненія". Москва, 1863 г., изд. 2-е, стр. 222.—Въ этой книгѣ, написанной М. А. Дмитріевымъ (племянникомъ извѣстнаго поэта Ив. Ив. Дмитріева), помѣщена между прочимъ подробная біографія Долгорукаго, основанная главнымъ образомъ на его рукописныхъ запискахъ, которыя наслѣдниками князя были предоставлены Дмитріеву для временнаго пользованія. Эта неизданная рукопись, по словамъ біографа, состоитъ изъ 1000 страницъ и содержитъ въ себѣ много любопытнаго.

[2]) См. примѣчаніе 1-е.

[3]) Въ Смирдинскомъ изд. сочиненій Долгорукаго (1849 г.) помѣщена часть записокъ князя: начало ихъ, отъ 1764 г. по 1780-й включительно.

[4]) „Капище моего сердца" въ Смирдинское изданіе не вошло: оно напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1890 г.

[5]) „Капище моего сердца", стр. 365.

[6]) Тамъ же, 366.

[7]) О ежедневномъ чтеніи св. писанія свидѣтельствуетъ М. Дмитріевъ (стр. 140), а объ ухаживаньяхъ съ полною откровенностью разсказываетъ самъ князь въ своемъ „Капищѣ".

[8]) „Капище моего сердца", 16—17.

[9]) Тамъ же, 253—254.

[10]) „Русскій Архивъ" 1890 г., „Дневникъ студента", стр. 15—16. Чрезвычайно интересная, живо изложенная и ярко рисующая свою эпоху часть записокъ Жихарева, обнимающая время 1805—1807 г., состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: „Дневника студента" (Р. Арх. 1890 и 1891 гг.) и „Дневника чиновника" (Р. Арх. 1891 г.).

[11]) „Капище моего сердца", 165.

[12]) Тамъ же, 10.

[13]) Тамъ же, 111.

[14]) Тамъ же, 74.

[15]) Тамъ же, 37 и 189.

[16]) Тамъ же, 229.

[17]) Тамъ же, 89.

[18]) Тамъ же, 55.

[19]) Тамъ же, 267.

[20]) Тамъ же, 289—290.

[21]) Тамъ же, 125.

[22]) Тамъ же, 400.

[23]) Тамъ же, 15.

[24]) Тамъ же, 165.

[25]) М. Дмитріевъ, 45 — 46.

[26]) Обо всемъ этомъ разсказываетъ М. Дмитріевъ.

[27]) Сочиненія И. М. Долгорукаго изданы Смирдинымъ, въ двухъ томикахъ, въ 1849 г. Но изданіе это далеко не полное. Въ немъ, напримѣръ, нѣтъ „Капища моего сердца" (см. примѣч. 4-е); а нѣкоторыя сочиненія Долгорукаго остаются и до сихъ поръ не изданными.

[28]) „Русскій Архивъ" 1890 г., „Дневникъ студента", стр. 64.

[29]) См. выпускъ III, 47—48.

[30]) Въ „Извлеченіи изъ рукописей, подъ названіемъ: Славны бубны загорами" 1810 года. (См. въ изд. Смирдина, II, 463).

[31]) См. о немъ въ IV-мъ выпускѣ, стр. 6—8.

[32]) „Дневникъ студента", 96—97.

[33]) См. выпускъ III, стр. 101—103.

[34]) См. Пятковскаго: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія", II, стр. 100 и д.

[35]) „Дневникъ студента", 99—100.

[36]) Тамъ же, 157.

[37]) Сочиненія Батюшкова, II, 510.

[38]) Въ посланіи: „Людмилѣ", I, 213.

[39]) См. выше стр. 7.

[40]) См. выпускъ IV, 80.

[41]) См. у М. Дмитріева.

[42]) Въ стихотвореніи, озаглавленномъ: „1790 годъ". См. I, 395.

[43]) Въ стихотвореніи: „Осень", I, 408.

[44]) Въ стихотвореніи: „Пѣснь послѣдняя моимъ современникамъ", I, 100.

[45]) Въ стихотвореніи: „Чистый Понедѣльникъ", I, 496.

[46]) См. въ стихотвореніи: „Счастливый человѣкъ", I, 137.

[47]) См. стих. „Прогулка въ Савинскомъ" (имѣніи И. В. Лопухина), I, 144.

[48]) I, 137.

[49]) Этотъ годъ указанъ внучкою писателя, княжной Еленой Горчаковой, издавшей въ Москвѣ, въ 1890 г., собраніе сочиненій своего дѣда, съ краткой его біографіей.

[50]) М. Дмитріевъ: „Князь И. М. Долгорукій и его сочиненія", стр. 216.

[51]) „Историко-литературная христоматія", II, 271.

[52]) См. выше, стр. 27.

[53]) Сочиненія Милонова изданы Смирдинымъ въ 1849 г. (въ одномъ томикѣ съ сочин. Нахимова и Судовщикова). Краткая его біографія есть у Галахова, во II-мъ т. „Историко-литературной христоматіи". Болѣе новыхъ трудовъ о немъ пока нѣтъ.

[54]) Чириковъ, помѣстившій въ „Русской Старинѣ" 1880 г. (ноябрь и декабрь) статью: „Акимъ Николаевичъ Нахимовъ".

[55]) См. у Чирикова (Рус. Стар. 1880 г., XI, 720). Впрочемъ почти тѣми же словами говорится о томъ же и въ „Историко-лит. христ." Галахова.

[56]) „Исторія русской словесности", II, 363—364.

[57]) Извѣстны только отрывки изъ нея.

[58]) См. выпускъ V, стр. 31—32.

[59]) Сочиненія Нахимова изданы Смирдинымъ въ 1849 г. (см. прим. 53-е). Въ 1865 г. Н. П. Абаза принесъ въ даръ библіотекѣ Харьковскаго унив. нѣсколько рукописей Нахимова. Чириковъ разсмотрѣлъ ихъ, нашелъ много произведеній, не вошедшихъ въ изданіе Смирдина, и напечаталъ ихъ въ „Русской Старинѣ" 1880 г. (ноябрь, декабрь), вмѣстѣ съ небольшой статьей о самомъ Нахимовѣ.

[60]) „Исторія русской литературы", IV, 290.

[61]) Тамъ же, стр. 267.

[62]) Напечатанъ въ „Руской Старинѣ". Начало его помѣщено въ декабрьской кн. 1898 г., а продолженіе во многихъ слѣдующихъ книжкахъ этого журнала.

[63]) „Русская Старина", мартъ 1899 г.

[64]) См. выпускъ II, стр. 149 и выпускъ I, стр. 11.

[65]) „Русская Старина", мартъ 1899 г., стр. 545.

[66]) „Русская Старина", апрѣль 1899 г.

[67]) См. выпускъ V, стр. 75.

[68]) „Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія", изд. 1856 г. См. также въ 2-мъ т. „Историко-литерат. христоматіи" Галахова.

[69]) См. выпускъ V, стр. 165 и д.

[70]) См. „Сочиненія Батюшкова", III, 303.

[71]) Е. Колбасинъ въ своей книжкѣ: „Литературные дѣятели прежняго времени", Спб. 1859 г. Въ этой книжкѣ есть цѣлая статья, посвященная Воейкову.

[72]) См. у Колбасина, въ статьѣ о Воейковѣ.

[73]) См. „Дневникъ чиновника", 355.

[74]) См. у Колбасина.

[75]) „Парнасскій адресъ-календарь" напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1866 г. „Домъ сумасшедшихъ", въ разныхъ редакціяхъ, помѣщенъ въ „Русской Старинѣ" 1874 г. (№ 9) и 1875 г. (№ 12).

[76]) „Дневникъ чиновника", 292.

[77]) „Дневникъ Кюхельбекера" (1832—1845 г.). Помѣщенъ въ „Русской Старинѣ" 1875 г. т. XIII и XIV.

[78]) „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Озерова" (Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго, т. I).

[79]) Сочиненія Батюшкова, т. I, 69.

[80]) Она есть у Вяземскаго (см. выше прим. 78-е), еще короче—у Карабанова („Исторія основанія русскаго театра", 1849 г.), затѣмъ у Саитова (во II т. „Сочин. Батюшкова", въ примѣчаніяхъ, стр. 468 и д.)

[81]) Въ „Воспоминаніяхъ стараго театрала".

[82]) „Исторія русской литературы", IV, 287.

[83]) „Журналъ А. В. Каратыгина" (помѣщенъ въ окт. кн. „Русской Старины" 1880 г., въ статьѣ: „Русскій театръ въ царствованіе Александра I").

[84]) „Oedipe à Colone" появился не съ разу: сперва Дюси написалъ пятиактную трагедію: Oedipe chez Admète," которая была представлена въ первый разъ въ 1778 г.; впослѣдствіи Дюси передѣлалъ ее, сократилъ и вмѣсто Адмета ввелъ Тезея; но многое осталось и безъ перемѣны, въ томъ числѣ и 2-е явл. II-го акта, приведенное нами вслѣдъ за текстомъ Озерова („Ma fille, arrêtons-nous..." и пр.). Такова исторія трагедіи „Oedipe à Colone", представленной въ первый разъ въ 1797 г.

[85]) Дюси передѣлалъ „Лира“, „Гамлета“, „Макбета“, „Отелло“ и „Ромео и Джульетту“.

[86]) „Вѣстникъ Европы“ 1817 г., № 8.

[87]) „Исторія русской словесности“, II, 207.

[88]) По парижскому изданію 1830 г. (экз. Имп. Публ. Библ.).

[89]) См. статью объ Озеровѣ Галахова—въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1847 г. т. LII.

[90]) См. тамъ же, въ заключительныхъ строкахъ разбора „Эдипа въ Аѳинахъ“.

[91]) Тамъ же.

[92]) См. „Сочиненія Батюшкова“, т. II, 470.

[93]) „Отечественныя Записки“ 1847 г. т. LII.

[94]) „Дневникъ студента“, стр. 80—81 (Рус. Арх. 1890 г., № 11).

[95]) Статья А. Н. Сиротинина: „Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ“—въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 г. № 5.

[96]) „Дневникъ студента“, 82.

[97]) Пѣсню о Фингалѣ приводимъ по тексту перевода Кастрова: „Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка, гальскія стихотворенія (иначе: эрскія, или ирландскія), переведены съ французскаго“.

[98]) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, I, 42.

[99]) „Вѣстникъ Европы“ 1817 г., № 9, стр. 46—47.

[100]) „Лѣтопись русскаго театра“ Арапова. Спб. 1861 г., стр. 172.

[101]) „Дневникъ чиновника“, 398.

[102]) „Отечественныя Записки“ 1847 г. т. LII.

[103]) „Полное собр. сочин. кн. Вяземскаго“, т. I, 44—45.

[104]) „Дневникъ чиновника“, 265—266, 268—271.

[105]) Тамъ же, 275.

[106]) „Лѣтопись русскаго театра“, 178.

[107]) „Полное собр. сочин. кн. Вяземскаго“, I, 48.

[108]) „Отечественныя Записки“ 1847 г., т. LII.

[109]) „Исторія рус. литературы“, IV, 287.

[110]) А. К. Бороздинъ: „А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности“, брошюрка, Спб., 1899 г., стр. 4.

[111]) „Исторія рус. словесности“, т. II, стр. 213.

[112]) См. выпускъ IV, 190.

[113]) См. выше, стр. 134—135.

[114]) Выписки изъ „Ермака“ приводимъ по изд. 1806 г. Москва (экз. Имп. Публ. Библ.).

[115]) „Дневникъ чиновника“, 439.

[116]) Тамъ же, 440.

[117]) Выписки изъ „Пожарскаго“ приводимъ по изд. 1820 г. Спб. (экз. Имп. Публ. Библ.).

[118]) „Сумбека“ издана въ Москвѣ въ 1817 г.

[119]) См. выше, стр. 14 и 17.

[120]) Выписки изъ трагедіи: „Ксенія и Темиръ“ приводимъ по изд. 1810 г. Спб. (экз. Импер. Публ. Библ.).

[121]) См. напр. „Лѣтопись русскаго театра“ Арапова, стр. 180—181.

[122]) „Евпраксія“, Д. I, явл. 7-е.

[123]) Статья Е. Гаршина о Шаховскомъ (собственно одна лишь біографія этого писателя) помѣщена въ іюльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1883 г.

[124]) Нельзя же считать *собраніемъ* сочиненій книжечку „Дешевой библіотеки“ Суворина, гдѣ напечатаны всего лишь четыре пьесы Шаховского: 1) „Казакъ-стихотворецъ“, 2) „Новый Стернъ“, 3) „Липецкія воды“ и 4) „Расхищенныя шубы“. Впрочемъ сочиненія Шаховского очень мало изданы и отдѣльными пьесами: въ Императорской Публичной Библіотекѣ намъ показали лишь около 20 книжечекъ, заключающихъ въ себѣ по одной пьесѣ.

[125]) „Исторія русской литературы“, IV, 333.

[126]) Е. Гаршинъ.

[127]) „Историко-литературная христоматія“, II, 388.

[128]) Въ статьѣ: „О заслугахъ князя Шаховского въ драматической словесности“ (Собр. сочин. С. Т. Аксакова, т. IV, изд. Карцева, 1896 г. Москва).

[129]) Е. Гаршинъ, 155—156.

[130]) Собр. соч. С. Т. Аксакова, IV, 72—74 („Литературныя и театральныя воспоминанія“).

[131]) „Русскій театръ въ царствованіе Александра I“—статья, заключающая въ себѣ между прочимъ и часть „Журнала“ Каратыгина. („Русская Старина“ 1880 г., октябрь).

[132]) „Лѣтопись русскаго театра“, 311—313.

[133]) Тамъ же, 334.

[134]) Тамъ же, 167.

[135]) Е. Гаршинъ, 155.

[136]) „Литературныя и театральныя воспоминанія“, стр. 65.

[137]) „Историческій Вѣстникъ“ 1883 г., іюль, стр. 163—172.

[138]) Тамъ же, стр. 169.

[139]) Тамъ же, стр. 164.

[140]) „Лѣтопись русскаго театра“, стр. 180 и 179.

[141]) „Литературныя и театральныя воспоминанія“ („1826-й годъ“), стр. 62—64.

[142]) Много толкуетъ о нихъ, напримѣръ, И. Н. Буличъ, у котораго, въ 31-й его лекціи, есть даже отдѣльная рубрика: „Интриги Шаховского противъ Озерова“. (См. „Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка“, т. I, Спб. 1902 г.

[143]) О быстротѣ, съ какою Шаховской писалъ нѣкоторыя свои пьесы, можно судить по хронологическимъ датамъ, указаннымъ въ „Лѣтописи русскаго театра“ Арапова.

[144]) „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“. („Рус. Старина“ 1899 г., январь).

[145]) „Историч. Вѣстникъ“ 1886 г., № 9. Статья озаглавлена: „Полубарскія затѣи“.

[146]) Дубровинъ, 17.

[147]) Тамъ же, 16.

[148]) Пыляевъ, 538—539.

[149]) Тамъ же, 540.

[150]) Тамъ же, 532.

[151]) Тамъ же, 540.

[152]) Тамъ же, 550.

[153]) Дубровинъ, 17.

[154]) Тамъ же, 17 и д.

[155]) Комедія: „Пустодомы“ издана въ 1820 г. Экземпляръ этого изданія есть въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

156) См. вып. V, стр. 101, 123, 194, 195, 196.

157) См. о нихъ въ IV-мъ выпускѣ.

158) Мѣста изъ „Новаго Стерна“ приводимъ по изд. Суворина.

159) „Вѣстникъ Европы“ 1895 г., августъ, статья: „Начало девятнадцатаго вѣка“, стр. 763.

160) См. выпускъ II-й, 89—90.

161) Такого взгляда держится, напримѣръ, А. К. Бороздинъ. (См. примѣчаніе 110-е).

162) „Карамзинъ, какъ историкъ“ (Отдѣльный оттискъ, 1866 г., стр. 13)

163) „Лѣтопись русскаго театра“, 170.

164) См. выпускъ V-й, стр. 162.

165) „Лѣтопись русскаго театра“, 239.

166) Мѣста изъ „Липецкихъ водъ“ приводимъ по изд. Суворина.

167) Издана въ 1820 г. По этому изданію экземпляръ котораго есть въ Имп. Публ. Библ.) мы и приводимъ мѣста изъ комедіи: „Какаду“.

168) См. Сухомлинова: „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, т. I, стр. 132, 133 и 118. Или см. нашъ V-й выпускъ, стр. 22—23.—Выписки изъ комедіи: „Своя семья“ приводимъ по изданію 1818 г. (экз. Импер. Публ. Библ.).

169) „Дневникъ чиновника“, 429.

170) См. выпускъ V, стр. 56—57.

171) Выписки приводимъ по изданію 1835 г. (экз. Имп. Публ. Библ.).

172) Письмо кн. Шаховского къ кн. Одоевскому напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г., но мы приведенную выписку изъ него беремъ у Галахова („Ист. рус. слов.“, т. II, 201).

173) Выписки приводимъ по изданію 1815 г. (экз. Импер. Публ. Библ.).

174) „Лѣтопись русскаго театра“, 382—383.

175) Выписки изъ „Аристофана“ приводимъ по изданію 1828 г. (экз Импер. Публ. Библ.).

176) „Дневникъ чиновника“, 415.

177) См. „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г., май.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XIII. Князь А. А. Шаховской.

Литературная дѣятельность кн. Шаховского.

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	Читай:
Стр. 54, строка 2 снизу	какъ вѣдьмы	какъ вѣдьмы,
„ 93, „ 11 „	скрывалаль	скрывала ль
„ — „ 6 „	выль	вы ль
„ 95, „ 9 сверх.	A—tu	As—tu

⁘

народа. съ рис. Вып. I, съ древн временъ до Петра Великаго, ц. 30 к. Вып. II, отъ Петра В. до нашихъ дней, съ портр. рус. писателей, ц. 50 к. Нал. плат. оба вып. выс. за 95 к.

Ладыженскій и Орелкинъ. Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народной школѣ., ц. 75 к.

Ливановъ Н. Учебный курсъ теоріи словесности для средн. учебн. завед., 2-е изд., ц. 1 р.

Матвѣевъ, М. Курсъ пѣнія въ начальн. сельск. и городск. учил., а также въ церк.-прих. школ. и низш. класс. средн. учеб. зав. Руководство для учен. въ двухъ тетр. Тетр. I.—15 к., тетр II—25 к., а съ пер. нал. пл. обѣ тетр. 60 к.

Михайловскій. Самоучитель итальянскаго языка по методѣ Берлица, Ц. 1 р.

Его же. Латинская грамматика для духовн. учил., 5-е изд. 1900 г. Ц. 80 к.

Его же. Латинская хрестоматія для духовныхъ училищъ, 4 изд. 1900 г. ц. 80 к.

Его же. Начальное руководство къ изученію латинскаго языка. Этимологія и синтаксисъ, 5-е изд. ц. 1 р.

Варнеке и Михайловскій. Избранныя Метаморфозы Овидія, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ собственныхъ именъ. 1901 г., ц. 1 р.

Ихъ же. Постатейный словарь къ Метаморфозамъ Овидія, ц. 60 к.

Мордвиновъ И. Какъ устраивать въ семьѣ и школѣ елки, праздники и юбилеи? Сборникъ практ. указаній и статей для ролевого исполненія, ц. 1 р., а съ пер. нал. пл. 1 р. 10 к.

Некрасовъ Н. Послѣ азбуки *первая* книга для класснаго чтенія. ц. 15 к.

Его же. Послѣ азбуки *вторая* книга для класснаго чтенія, ц. 35 к.

Его же. Послѣ азбуки *третья* книга для класснаго чтенія, ц. 45 к.

Орелкинъ П. Ѳ. Изъ жизни пчелъ. Чтеніе для юношества и народа, со мн. рис. 2-е изд., ц. 15 к.

Оржешко Эл. Приключеніе Яся. Разсказъ для дѣтей, ц. 15 к.

Павловичъ М. Г. Учебникъ теоріи словесности. Теор. положенія, историческія свѣдѣнія и разборы образцовъ. ц. 85 к.

Его же. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Полный курсъ ср. уч. завед. ц. 85 к.

Раевскій В. А. Записки по исторіи философіи, 2-е изд. ц. 80 к.

Русскій
- во Франціи 30 к.
- въ Германіи 30 к.
- въ Италіи 30 к.
- въ Англіи 30 к.
- въ Испаніи 30 к.
- въ Греціи 30 к.

Новѣйшія и легчайшія руководства къ изученію безъ посторонней помощи иностр. языковъ съ точнымъ произнош. каждаго слова русскими буквами. Нал. пл. каждый вып. выс. за 45 к., три любыхъ вып. за 1 р., а всѣ 6 вып. за 1 р. 80 к.

Рудаковъ В. Е. Гай Юлій Цезарь.— Записки о Галльской войнѣ. Переводы—близкій къ подлиннику и литературный съ примѣчаніями. Кн. I. ц. 30 к. Кн. II—IV. ц. 40 к. Кн. V—VI, ц. 40 к. Всѣ книги нал. пл. высылаются за 1 р. 25 к.

Смирновскій П. В. Исторія русской литературы XIX вѣка: вып. I. Карамзинъ въ до-Александровскую эпоху. ц. 1 р. 25 к.; вып. II. Карамзинъ въ Александровскую эпоху. ц. 1 р. 25 к.; вып. III. Либералы и консерваторы Александровской эпохи. ц. 1 р. 25 к. Выпускъ IV. Дальнѣйшій обзоръ литературы Александровской эпохи. ц. 1 р. Вып. V. Крыловъ, гр. Растопчинъ и др., ц. 1 р. Вып. VI. Князь И. Долгорукій. Сатира кн. Горчакова, Милонова и др., ц. 1 р.

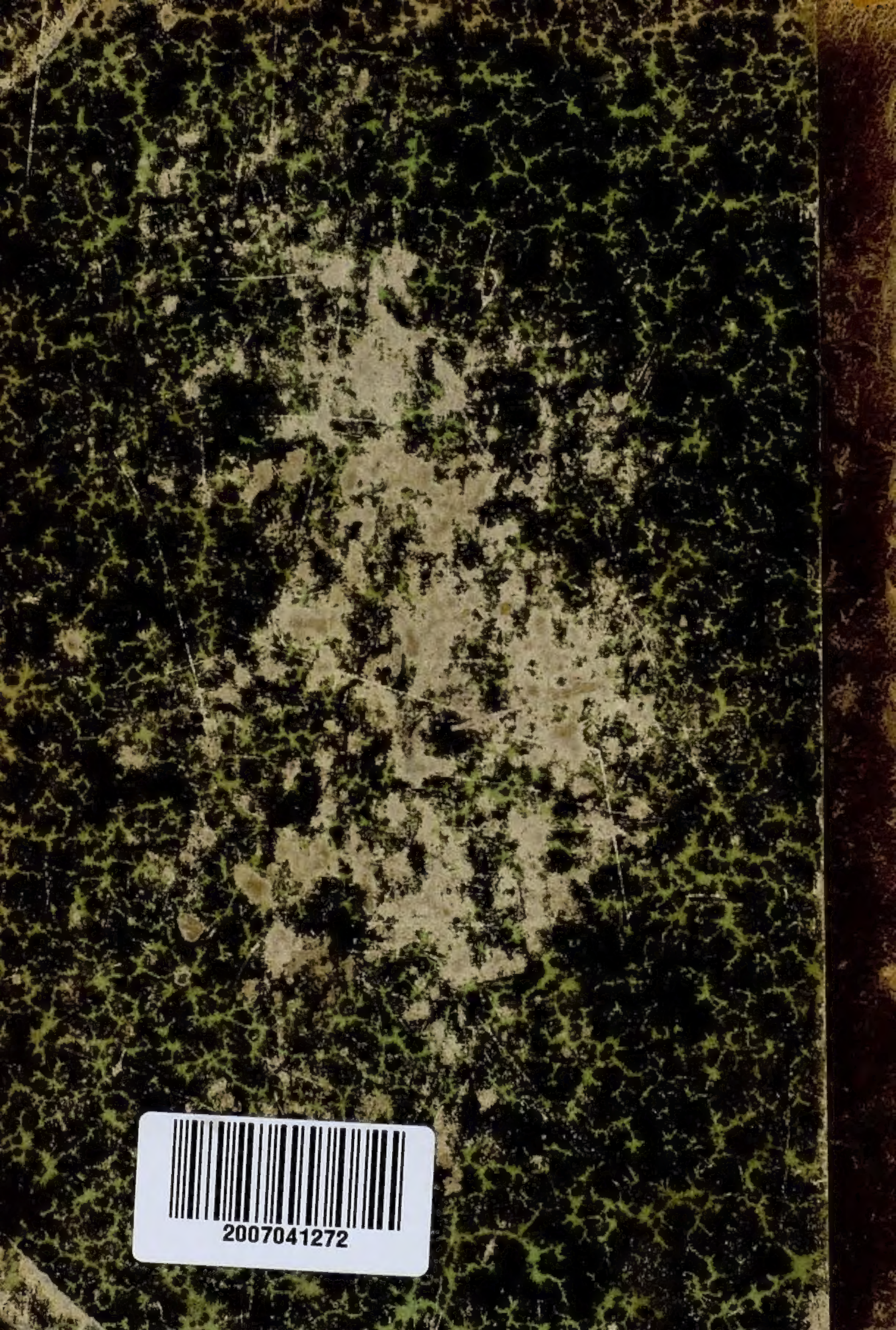
Свѣтловъ П. И. Учебникъ зоологіи, 2-е изд., 1901 г., съ 100 рис. въ текстѣ, ц. 60 к.

Его же. Учебникъ ботаники, 2-е изд. 1901 г., съ 70 рисунками въ текстѣ, ц. 50 к.

Суровцевъ А. Г. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Его масонская и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ, 1901 г. ц. 80 к., а съ перес. нал. пл. 95 к.

Чельцовъ Г. св. Законъ Божій. Молитвы, запов. и симв. вѣры, ц. 20 к.

О ВЫСЫЛКѢ КНИГЪ. Заказы на книги можно дѣлать открытыми или закрытыми письмами, а также переводами и денежными пакетами. Вмѣсто денегъ можно высылать **почтовыя марки**. При высылкѣ денегъ или марокъ слѣдуетъ руководствоваться такимъ разсчетомъ: если стоимость всѣхъ выписанныхъ книгъ менѣе 50 к., то на пересылку ихъ слѣдуетъ прибавлять по 2 коп. на каждый пятачекъ; если стоимость потребованныхъ книгъ менѣе 1 р., то на пересылку ихъ прибавлять по 1 коп. на каждый пятачекъ; при требованіяхъ на одинъ и болѣе рублей прибавлять пересылочныхъ по 12 к. за каждый рубль.

2007041272